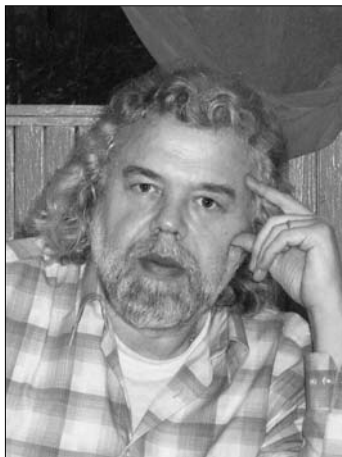

ИГОРЬ ТЮЛЕНЕВ

РУССКИЙ МАРШ

* * *

Огонь дарует нам свободу.
Он обрывает хруст листа.
Он даже поджигает воду,
И крест, и снятого с креста.

Он плавит и свинец, и золото,
Речную гальку и алмаз.
Горит и там, где место свято,
Пугая адской вспышкой нас.

Поэзия — души стихия!
Сестра высокого огня!
По грудь в огне стоит Россия,
Но просит у небес огня.

УРАЛЬСКАЯ КОМЕТА

Христовы камни падают с небес
И скатываются по хребту Урала,
Так капли крови покидают крест,
Или матросы судно в час аврала.

ТЮЛЕНЕВ Игорь Николаевич — член Союза писателей России, автор многих поэтических книг. Постоянно печатается в нашем журнале. Живёт в Перми.

Вселенная, как видите, не спит, —
У вечности огромная работа.
Поэты ж ловят муз и мнут харит,
Пытаясь жить на плахе эшафота.

Что с вас возьмёшь, безумцы русских строк!..
Глашатаи словесного парада!
Тут падает с небес юго-восток
Во всю длину, как в море эстакада.

Взгляну на Чебаркуль — увижу рать,
Потянет по хребтине Чернобылью —
То вышли люди камни собирать,
Космической пропитанные пылью.

Схлестнулись в небе тот и этот свет,
Кометами друг в друга запуская.
Был батюшка Урал крылом задет —
Нет не крылом, а пёрышком из ада.

ПСКОВ

Псков — мужик, а не девица.
Воин! Меч в груди врага!
Для прибалтов — заграница,
Для псов-рыцарей — шуга.

Псков скорей купец, чем барин, —
До пупища борода.
Не один смолой прожарен
В те батыевы года.

Не ходи на Русь, татарин,
Вострый ножик не точи.
Не был здесь товарищ Сталин —
Был здесь Пушкин, чёрт возьми!

И не был, а есть и будет!
Вновь с господского крыльца
Либералы Сороть мутят.
Жалко мне на них словца...

Жалко? Так почто не плюнуть
Прямо в выпученный глаз!
Шнобелями в землю клонут —
Вот и будет не до нас.

МОРОЗ

Как якорь держит Русь мороз,
Лежит на самом дне...
Где жемчуг из девичьих слёз,
Как бусинки в окне.

Смотри, какая глухомань
Там, где поэт рождён!
Уральская тьмутаракань
И зимогоров схрон.

Уральская тьмутаракань
И зимогоров склон
Звенели мне: — Поэтом стань!
Я слышал этот звон.

РУССКИЙ МАРШ

Споры пропускаю мимо.
Словно кит — девятый вал.
Кулаком бы врезать в рыло!
Да супруге обещал...

Ведь на улице за драку
Забирают в автозак.
Превращайся хоть в собаку.
Собирайся хоть в ГУЛаг.

Потому что наших ваших
Побеждали всякий раз...
Так я думал в “Русском марше”
Маршируя напоказ.

БОЛОТНАЯ ПЛОЩАДЬ

С Болотной соскребли опилки,
Чтоб либеральный хряк не рыл.
“Американские подстилки”, —
Поэт Лимонов говорил.

Ать-два вокруг кремлёвской хаты,
Туда-сюда “народ” валит.
Их нынче в царские палаты
Пускать сам Путин не велит!

Нас не споили, не растлили,
Хотя пытались столько лет,
Хотя штрейкбрехеров взрастили
Среди свершений и побед.

И вот они идут отрядом
Из ЦРУшных “храбрецов”,
Я не хочу быть с ними рядом —
Там слишком много подлецов.

* * *

Уж давно не смотрит Русь на Запад.
Щурит очи, глядя на Восток.
Только до Ла-Манша можно драть
Западу, пустившись наутёк.

А Восток? Земля его обширна.
За три моря Индия лежит.
Знает, что России всё посильно,
Ну, а путь наш далее бежит...

Пробегает мимо Индостана
По тропе Траяна, по слезам,
Где быстрее зарастают раны
И молитвы ближе к небесам.

Шамбалу рифмуя с Беловодьем,
Ничего не бойся и не трусь.
Это Бога русского угодя,
Там, где в небо вытекает Русь.

---

*Поздравляем талантливого ученика Юрия Поликарповича
Кузнецова и надёжного автора журнала “Наш современник”
с 60-летием! “Исполать тебе, детинушка”, как говорится
в наших древних былинах о русских богатырях.*

АЛЕКСАНДР ПРОХАНОВ

ВРЕМЯ ЗОЛОТОЕ

РОМАН*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Иван Градобоев набирал полную грудь студёного воздуха. Накалял вздох своей огненной яростью. Жарко выдыхал в микрофон. Железный звук летел над Болотной площадью, рассекая, вспарывая, вырывая из толпы вопли страдания и ненависти. Градобоев жадно глотал эту ответную ярость,пил пьянящий настой. Делал вздох, поднимая высокие плечи, сливая свою огненную силу с гулом и рёвом толпы. Направлял грохочущие слова в чёрное колыханье площади.

— Чегоданов вор! Царь воров! Он украл нашу нефть и газ! Наш лес и алмазы! Превратил Россию в пиратское королевство, которым управляют бандиты и хриstopродавцы! Он украл нашу свободу, подсовывая на выборах фальшивые бюллетени, где вписано его ненавистное имя! В пятый, десятый, двадцатый раз он будет назначать себя президентом, пока от России, как от мёртвой рыбы, не останется обглоданный Уральский хребет! Пусть Чегоданов покажет свои счета в американских и швейцарских банках, в банках Гонконга и Сингапура, в офшорных банках Кипра и Каймановых островов! Пусть скажет, какая доля принадлежит ему в газовых и нефтяных компа-

---

* Журнальный вариант.

ПРОХАНОВ Александр Андреевич родился в 1938 году в Тбилиси. Окончил Московский авиационный институт. Автор многих книг прозы и публицистики, романов “Чеченский блюз”, “Красно-коричневый”, “Идущие в ночи”, “Господин Гексоген”, “Крейсера соната”, “Человек звезды”. Живет в Москве.

ниях, какие отчисления идут ему от торговли оружием, сколько платят ему губернаторы, получая ярлыки на кормление! Пусть расскажет, кто взорвал дома в Москве, кто убил и продолжает убивать неподкупных журналистов! Люди, хотим ли мы жить в обезьяннике, в который превращают Россию?

Градобоев метал в толпу тяжкие, как булыжники, слова, и они оставляли вмятины. Толпа стонала от боли, содрогалась от страшных слов. Глухо ревели в ответ:

— Нет Чегоданову! Вор не пройдёт! Градобоев — наш президент!

Градобоев чувствовал могучую слепую силу толпы, которая колыхалась, как чёрный вар в накалённом котле. Его слова, как языки пламени, лизали стены котла, и толпа вскипала липкими пузырями, чавкала, чмокала, одевалась туманом, в котором мутно белели лица, струились флаги, качались транспаранты. Кинотеатр “Ударник” в вечернем воздухе начинал ртутно светиться. Вода в канале крутила золотые отражения фонарей. Мостик через канал был облеплен людьми.

Градобоев любил толпу. Страшился её. Чувствовал её непредсказуемый нрав. Её вероломство, её ненасытность. Повелевал ею, навязывал свою волю и был в её власти. Как сказочный царевич, питал её своей плотью, кидал ей в пасть сочные, вырезанные из тела ломти, боясь, что зверь с окровавленными ноздрями кинется на него и сожрёт. И в этом было упоение, несравненная сладость, неутолимое сладострастие.

— Чегоданов думает, что мы насекомые, лишённые смысла и воли! Мыши, поедающие крохи с его барского стола! Но мы не мыши, мы птицы! Несём весть о Русской Весне! Мы вольные граждане великой страны, которая сбросит с себя иго жуликов и воров! Иго временщиков и захватчиков! Нет Чегоданову!

Он водел по толпе огромным плугом, прокладывая борозды, выворачивал пласты. Чернозём шевелился, дышал. Градобоев вспарывал его отточенной сталью, сеял семена своей ненависти и любви.

— Градобоев! Градобоев! — рывкала и лязгала толпа.

Он отступил от микрофона в глубину эстрады, оставляя после себя пустоту, в которую площадь тянула тысячи рук, требовала его обратно, жадно шарила в сумерках. Градобоев, задыхаясь, слушал восторженных референтов, отвечал на торопливые вопросы журналистов, поворачивался навстречу спящим вспыхкам. Искал и находил влюблённые сияющие глаза женщины, которая кивала ему, восхищалась, гордилась его отвагой и бесстрашием.

— Ну, как, Елена? Они меня слышат?

— Мы все тебя слышим, Иван! — она сжимала его руку, которая трепетала от страсти.

Косматый певец с гитарой прыгал и вертелся в серебряном луче. Кидал в толпу огненные шары звуков, и они лопались, как шрапнель, косили толпу, и она валилась из стороны в сторону. Возносила вверх руки, и они колыхались, словно трава. Певец дул на эти зыбкие стебли, и по толпе, как от ветра, струились и бежали разводы.

Кремлёвские бесы, нам больше невмочь.

Вы день превратили в ночь.

Кремлёвские крысы, вам сдохнуть пора.

Вы изгрызли звезду и орла.

Кремлёвские трупы, вам — тлеть и лежать.

Нам — петь, веселиться, рождать.

Певец напрягал голое плечо с татуировкой. Блестел зубами в пышных, как у моржа, усах. Крутился, приседая. Бил кулаком в гитару. Указывал пальцем на Кремль, где лежали отвратительные трупы, которых пора вынести и бросить в осеннюю реку, где пляшут стальные вензели фонарей.

Градобоев наблюдал толпу, её ликование, наивную радость, детскую доверчивость. Вспышки ненависти, переходящие в весёлый гогот и свист. В сумраке мерцали непрерывные искры фотокамер. Улетали в осеннее небо воздушные шары. Над Болотной кружил вертолёт с телекамерой, передавав-

ший изображение митинга в административные центры. На границах площади темнели военные фургоны, грузовики, автобусы с бойцами ОМОНа. И всё это громадное скопище, это чудовищное существо было подвластно Градобоеву. Он сотворил его легким нажатием клавиш, летучим моментальным касанием портативного ноутбука, из которого летели бессловесные призывы, бестелесные приказы. Как порох, они воспламеняли людские души, изнывающие среди тоскливой бессмыслицы выборов, дурных правителей, лживых лукавцев. Градобоев разглядел в этих душах мучительные центры страдания, волокна боли, импульсы протеста и раздражения. Нашёл среди истёртых и замусоленных слов неповторимые, пламенные слова и обратился с ними к народу. Призвал к восстанию. Как загорается на обочинах сухая трава, опалает кусты, перекидывается на деревья, превращаясь в ревущий пожар, так его пламенная проповедь собрала этот протестующий митинг, в котором среди воздушных шариков, забавных плакатиков, шутейных прибауток и песенок таился бунт.

— Иван, иди! Опять твой выход! — произнесла Елена, глядя обожающими глазами. — Ты гений, герой! Ты президент! Люблю тебя! — она прижалась к нему, а потом легонько толкнула вперёд, перекрестила.

Музыкант, задыхаясь, раздувая моржовые усы, проволоч по эстраде гитару. Градобоев ринулся вперёд, навстречу площади, которая, ахнув, приняла его в объятия. Сотрясая стебелёк микрофона, он снова рыхлил толпу, кидал в неё раскалённые булочки, и они шипели, погружались в гущу.

— Чегоданов считает вас трусливым стадом, которое можно запугать, разогнать бичами, приручить жалкой подачкой! Он сунет вам избирательные бюллетени, куда уже заранее внесено его имя! И вами вновь будут править воры, изуверы и негодяи! Но вы не стадо! Вы самые лучшие, умные, трудолюбивые люди России! У вас чистые руки и безупречная совесть! У вас воля к свободе и справедливости! И эта воля превратит в пепел фальшивые бюллетени, воровские счета в зарубежных банках, всю пиратскую власть Чегоданова! Сейчас он наблюдает за нами, сотрясаясь от страха и ненависти! Скажем ему: “Чегоданов, долой!”

Градобоев воздел кулак, рванул вниз, словно вырывал клочок неба. И площадь, стена, раскачиваясь, глухо и беспощадно вторила:

— Долой! Долой!

Над чёрными крышами в меркнушем небе, озарённый, дышал Кремль. Градобоев чувствовал его близость, его пленительную доступность. Кремль манил розовыми зубчатыми стенами, драгоценной белизной соборов, ослепительным золотом. В нём таилась загадочная грозная сила, сокровенный магнетизм княжеских и царских надгробий, расписных палат и блистательных залов. Кремль был вместилищем таинственных гулов, которые катились из века в век в угрюмых руслах истории. Был средоточием власти, чудовищной, непомерной, управлявшей континентом среди трех океанов. Градобоев жадно взирал на Кремль, стремился в него, знал, что войдёт в него и займёт своё место среди великих вождей и правителей. Ненавидел Чегоданова, мелкого и ничтожного, обманом захватившего священную обитель. Предвкушал, как выбьет его из дворца, станет гнать по винтовой лестнице на колокольню Ивана Великого, сбросит на брусчатку Ивановской площади под восторженный рёв толпы.

— Долой! Долой!

Толпа была в его власти, радостно ему подчинялась. Он сотворил её, собрал по крупицам, вдохнул в неё свой жар, наделил пламенной душой. Толпа ждала от него приказа, замороженно внимала рокотам его голоса, обожала его, видела в нём вождя. И мгновенная искуссительная мысль, сладкое безумие, перебой сердца, когда в горле заклокотал, забурился звук, готовый вырваться яростным воплем, грозным приказом — идти на Кремль. И толпа всей своей многотысячной мощью двинется вслед за ним, опрокидывая железные грузовики, втаптывая в асфальт пятнистые тела полицейских. Через Каменный мост, в полукруглую арку, навстречу пулемётам, ребристым БТРа́м, опадая окровавленными клубками, заливая чёрной магмой озарённые дворцовые залы.

Звук пробурлил и умолк. Градобоев отшатнулся от черты, которую кто-то провёл перед ним стеклорезом. Ушёл, качаясь, в глубину эстрады, откуда наблюдали за ним испуганные глаза влюблённой женщины.

— Ты настоящий рыцарь! Настоящий Иван Великий!

Теперь на эстраде танцевала панк-группа “Бешеные мартышки” — три шаловливые плясуньи в разноцветных колготках. Их лица были размалёваны краской, из-под мини-юбок выплёскивались хвосты. Они скакали, делали сальто, гибкие, вёрткие и смешливые.

*Мы безумные мартышки,
У нас бритые подмышки.
Мы проворны и ловки,
У нас бритые лобки.
Чегоданов, Чегоданов,
Подари нам сто бананов.
Получи от нас привет,
Посмотри на свой портрет.*

Танцовщицы задирали мини-юбки, выгибали спины, открывали выпуклые ягодицы, на которых был запечатлён портрет Чегоданова. Толпа свистела, хлопала, поощряла проказниц. А те скакали, ходили колесом — маленькие, гибкие, неутомимые.

Градобоев испытывал торжество. Он был властелин, кудесник, бесстрашный оппозиционер, который сумел разбудить сонные души, оттеснить утомлённых и блеклых вождей оппозиции, нанести удар в самое сердце неповоротливой и ленивой власти. Пресыщенная, безнаказанная власть собиралась в очередной раз праздновать победу над изнурённым и понурым народом. Теперь эта власть ошеломлённо и тупо взирала, словно бык, получивший удар кувалдой. Со своими армиями и полицией, банками и корпорациями, ядовитыми телеканалами власть была бессильна перед лёгким нажатием клавиши, которая включала таинственную музыку, рассыпала незримые позывные, собиравшие на площадь тысячи протестантов. И вот они, молодые и талантливые, весёлые и непреклонные, явились, чтобы услышать своего кумира, показать ненавистным кремлёвским зубцам свои стиснутые кулаки.

Градобоев почувствовал, как могучая и слепая стихия, весёлая и страшная, упоительная и роковая, подхватила его и вынесла к микрофону, на самый обрез эстрады. Площадь взорвалась ликованием, замерцала бесщётными вспышками, заволновалась флагами. Он был любим, он был долгожданным пророком, неподкупным и бесстрашным воителем.

— Настал наш час — час непокорных! Час бесстрашных! Час патриотов! Нам не нужен президент — землеройка, который подгрыз все живые корни страны! Нам не нужен Чегоданов, который, как моль, проел все ткани народной жизни! Нам нужен другой президент!

— Гра-до-бо-ев! Гра-до-бо-ев! — ревела площадь.

Он чувствовал единение с тысячами обожавших его людей. Он чувствовал свою уникальность, неповторимость, своё предназначение, свою грозную и восхитительную миссию, которую возложила на него судьба. Он воздел кулак, обращая лицо к Кремлю:

— Чегоданов, ты слышишь меня? Выходи на бой! Я сорву с тебя твой чёрный пояс, и все увидят, что это корсет от грыжи!

— Гра-до-боев! Гра-до-бо-ев! — грохотала площадь.

— Люди, верьте мне! Я пойду до конца! Поведу вас к победе! Мы соберём наш митинг на Ивановской площади и назовём имя нашего президента!

— Гра-до-бо-ев! Гра-до-бо-ев!

Он испытывал сладость и муку. Сердце стало огромным и любящим. В горле клокотали колокольные звоны. В глазницах копился свет. Он смотрел на тёмное московское небо, под которым сияли соборы Кремля, бежали огни по Каменному мосту, волновалась чёрная площадь. И в небе возникла серебристая точка. Малая лучистая звёздочка. Приближалась, росла. Превращалась в бриллиант, который, как око, взирал на него из небес. Выбрал

его единственного из миллионов людей, устремил на него свои божественные лучи.

Градобоев смотрел на бриллиант, зная, что это знамение, предсказывающее ему ослепительную судьбу.

— Гра-до-бо-ев! Гра-до-боев! — ликовала площадь.

Он покинул эстраду. Окружённый охранниками, протиснулся сквозь толпу репортёров. Уселся в “мерседес”, в тёплый душистый салон, где ждала его любимая женщина. Поцеловал её жадные жаркие губы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Премьер-министр Фёдор Фёдорович Чегоданов, экс-президент и новый кандидат в президенты, решивший после четырехлетнего перерыва снова вернуться в Кремль, находился в своём кабинете в Доме Правительства. Когда-то, в кровавом октябре 93-го, когда танки стреляли по осаждённому Дому Советов, сюда, в кабинет, залетел снаряд и расплющил защитника, превратив его в огромную кровавую кляксу. Это кровавое пятно на стене тщательно соскабливали, закрашивали, покрывали слоем белоснежных обоев. Но вдруг пятно проступало, как тени испепелённых людей на фасадах Хиросимы.

Теперь, окружённый советниками, помощниками, членами избирательного штаба, Чегоданов наблюдал по монитору митинг на Болотной площади. Чёрная, казавшаяся необъятной толпа колыхала знамена, плакаты, неистово и страстно скандировала:

— Гра-до-бо-ев! Гра-до-бо-ев!

Изображение на монитор поступало с вертолёта, и открывалась вся устрашающая грандиозность митинга: переполненная площадь, набитая людьми набережная, окрестные улицы, Каменный мост с мерцающими огнями машин. Другие изображения приходили с телекамер, расставленных в разных местах площади, и тогда были видны молодые весёлые лица, плакаты с карикатурами на Чегоданова, хлесткие надписи: “Вор должен сидеть не в Кремле, а в тюрьме”. “Чегоданов — Магаданов”. “Страна Чегодания”. Телекамера нацеливалась на трибуну, где сильный, подвижный оратор мощно двигал спортивным телом, возносил кулак, выдыхал металлические рокочущие слова, от которых площадь плескалась, ходила ходуном, восторженно редела.

Чегоданов сжал ручки кресла тонкими цепкими пальцами. Наклонил вперёд заостренную, с редкими волосами голову. Стиснул губы трубочкой, как всегда в минуты душевного напряжения. Не мигая выпуклыми голубыми глазами, гипнотизировал монитор, стараясь поймать взгляд бушующего на эстраде оратора. Окружающие члены штаба сравнивали яростного тяжеловесного Градобоева с невысоким, изящным и лёгким Чегодановым, упрямый бычий напор оппозиционера с манерой Чегоданова тушеваться, уходить от прямых столкновений, уступать пространство сопернику, чтобы внезапно, со стороны, нанести ему разящий удар. Сравнивали молодой азарт и бесстрашие оппозиционера, его честолюбивый натиск, огненное красноречие трибуны с вкрадчивой осторожностью Чегоданова, его нелюбовью к публичным выступлениям, которым он предпочитал ироничные высказывания в узком кругу журналистов.

Клокочущий на трибуне оратор вызывал в Чегоданове острую неприязнь, мучительную ревность, чувство опасности, с которой Чегоданов прежде не сталкивался и которую рождала чёрная гигантская толпа, Бог весть, откуда взявшаяся. Казалось, её выдавила из московских домов неведомая сила. Эта чёрная влажная мякоть была добыта из камня, переполняла площадь, как виноград переполняет давящую, и ничем не напоминала прежние тщедушные митинги оппозиции, которые рассеивались малыми силами полиции: все негодующие протестанты помещались в десяток полицейских фургонов. Явление этой громадной толпы было внезапным, её не предвидели, о ней не предупредили спецслужбы, и Чегоданов чувствовал себя обманутым. Чувствовал загадочную реальность, перед которой были бессильны прежние, испы-

танные технологии. Появился противник, обладавший неизвестным оружием, превосходившим все имевшиеся в арсенале средства.

Глава администрации Любашин, невысокий, печальный, в чёрном застёгнутом пиджаке, негромко поговорил по телефону правительственной связи. Отвлёк Чегоданова:

— Фёдор Фёдорович, поступили замеры из городов-миллионников. Результаты не утешительны.

— Какие? — Чегоданов испытал перебой в сердце, готовясь услышать неприятное известие. Любашин, в плотно застёгнутом чёрном пиджаке, с чёрными сросшимися бровями и печальным смуглым лицом напоминал агента из бюро ритуальных услуг. — Каковы результаты? — повторил Чегоданов, и все присутствующие в кабинете оторвались от экранов и прислушались:

— Ваш рейтинг, Фёдор Фёдорович, снизился с тридцати восьми процентов до тридцати шести. Рейтинг Градобоева вырос до шестнадцати процентов. Пока Градобоев, в любом случае, вам не соперник.

— Вы понимаете, что мы идём к катастрофе? — тихо, почти шёпотом произнёс Чегоданов с теми шелестящими интонациями, что напоминали едва уловимый свист бритвы. — Вы обещали мне шестьдесят процентов и победу в первом туре! Если Градобоев начнёт ко мне приближаться, то все эти ручные животные, которые кормятся из моих рук, все эти дрессированные думские оппозиционеры сорвутся с цепей, объединятся и растерзают меня. Где ваши дутые политологи? Ваши фальшивые политтехнологи, которые всё лето гоняли меня по заповедникам и заставляли целовать в животы разных мохнатых зверушек? Вы действительно считаете, что русский народ — это народ-зверовод? А оказалось, что русский народ — это народ-градобой. Сколько людей на площади?

— Пятьдесят тысяч, Фёдор Фёдорович.

На экране толпа опять вскипела чёрными пузырями, скандируя:

— Гра-до-бо-ев! Гра-до-бо-ев!

Все удручённо молчали.

— Надо что-то делать! — нервно воскликнул глава предвыборного штаба режиссёр Купатов. Он был вальжен, лыс, с благородными усами, в клетчатом пиджаке и с шёлковым шарфом на шее. Он был утончённый ценитель дорогих вин, красивых женщин, создатель нескольких кинофильмов, ставших классическими, в которых героизм советских чекистов сменялся воспеванием златоглавой России, погубленной большевиками. Осуждение бандитской либеральной власти сочеталось с хвалебными одами в адрес кремлёвских лидеров. В предвыборный штаб он был приглашён как уважаемая артистическая фигура, способная внести в политический театр яркие нетривиальные краски.

— Что вы предлагаете, Ярослав Аркадьевич? — тихо спросил Чегоданов.

— Ну, я не знаю. Ну, какое-нибудь встречное действо. Ну, может быть, митинг в Петербурге на Сенатской площади, у подножия Медного всадника. Ваше выступление. Чтобы возникла ассоциация с преобразователем России.

— Извините, Ярослав Аркадьевич, — тихо произнёс Чегоданов. — Вы мыслите в системе советских театрализованных представлений. А сейчас не время массовиков-затейников, а эра интернета. Побеждает тот, кто господствует в интернете. Интернет взорвал Северную Африку, а теперь взрывает Россию. Этот разъярённый бык на Болотной — на самом деле изощрённый технолог, господствующий в интернете. Там создаются образы русского Ильи Муромца Градобоева и Соловья-Разбойника Чегоданова.

Режиссёр Купатов обиженно умолк. Отошёл в угол кабинета и закурил трубку, выпуская душистый дым, мрачно сияя лысиной и оскорблённо шевеля усами.

— Разрешите, Фёдор Фёдорович, перейти к интернет-атакам. — Начальник Федеральной службы охраны Божок насмешливо посмотрел на режиссёра Купатова, только и умевшего, что выпускать из себя синий дым. Начальник охраны был высок, почти вдвое выше Чегоданова. У него было

мясистое, словно из сырого теста, лицо, белесые брови и маленькие синие глазки, то злые, то озорные, в зависимости от того, как падал на них свет. — Без интернета и социальных сетей Градобоев — как конь без яиц. Выведем из строя сайты либеральных радиостанций и телеканалов, и пусть они аукануются в пустоте.

— Ты хочешь, Пётр Степанович, чтобы все блогеры мира предали меня анафеме? Чтобы Европарламент начал слушанья о свободе слова в России? Ты полагаешь, это повысит мой рейтинг накануне выборов? — Чегоданов язвительно посмотрел на телохранителя снизу вверх, словно соизмерял крупные габариты его тела с мелкой мыслью. Божок проглотил обиду и, как верующий человек, поискав и не найдя в кабинете иконы, перекрестился на крестовину окна, за которым угасала сырая лимонная заря, высилась чёрно-малиновая гостиница “Украина”, и через мост, над стальной рекой летели без устали воспалённые огни.

— Фёдор Фёдорович, мне кажется, у нас нет оснований беспокоиться за результаты голосования, — степенно заметил председатель центральной избирательной комиссии Погребец, с крупным лбом и металлической бородой, чем-то похожий на старообрядца. — Важно, не кто голосует, а кто считает. Обещая, мы натянем нужный процент, несмотря на веб-камеры, орды наблюдателей и прозрачные урны.

Чегоданов внимательно посмотрел в серые спокойные глаза председателя, стараясь углядеть в них мимолётную искру вероломства. Но взгляд оставался чистым, спокойным и преданным, и Чегоданов с мягкой иронией заметил:

— Вы, Сергей Артамонович, являетесь главным стратегом битвы, которую нам предстоит выиграть. И достойны самого высокого полководческого ордена. Но слишком большой разрыв между истинными и мнимыми цифрами выявляется с помощью современных математических средств. Градобоев объявляет выборы фальшивыми, президента — нелегитимным, а это и есть момент безвластия, к которому ведут все “оранжевые революции”, будь то Сербия, Грузия или Украина.

Погребец промолчал, спокойный, с величественной старообрядческой бородой, хранитель сверхмощного оружия власти, которое, он знал, рано или поздно будет пущено в ход.

— А не проще ли, Фёдор Фёдорович, — вмешался министр внутренних дел Закиров, генерал, чьи погоны с четырьмя звездами напоминали ванночки с уложенными в них морепродуктами. — Не проще ли, не дожидаясь критического момента, ликвидировать подобные митинги. Вверенные мне подразделения разработали соответствующую тактику. Мы, при вашей поддержке, обзавелись современными спецсредствами. Наша агентура успешно работает во всех оппозиционных организациях. Можно спровоцировать беспорядки, что даст нам право применить силу. Все эти разговоры о “софт пауэр” хороши до поры до времени, пока не наступает потребность в “хард пауэр”.

— Отдаю должное, Руслан Ахметович, вашей осведомлённости в политологических категориях. Ваша стажировка в Соединённых Штатах пошла вам впрок. Но вы должны знать, что в “оранжевых революциях” столкновение с полицией или армией — желанный момент, после чего мировые телеагентства показывают бойню в районе Кремля, пробитые головы демонстрантов, несколько убитых мужчин и женщин, и тогда Чегоданов объявляется палачом, от него отворачивается мир, и миллионы восставших идут в Кремль его свергать.

За всем, происходящим в кабинете, чутко наблюдала молодая красивая женщина с чёрными, блестящими, как стекло, волосами. Её глаза вздрагивали радостным блеском, когда Чегоданов осаживал очередного советчика. Ноздри трепетали негодованием, когда звучал очередной несостоятельный совет. Малиновые губы что-то шептали, когда говорил Чегоданов, и казалось, что она подсказывает ему нужные слова. Белые тонкопалые руки, усыпанные перстнями, ласкали одна другую, словно она возбуждала себя этими касаниями. Её звали Клара, она входила в близкий круг Чегоданова, но не имела определённого статуса. Её считали чародейкой, обольстившей Чегоданова своими чарами, влиявшей на принятие важных решений.

Все смотрели на экран, где тонконогие плясуньи скакали по эстраде, пели срамные куплеты, бесстыдно крутили ягодицами с портретом Чегоданова. — Надо отложить выборы, — начальник охраны Божок стал нервно ходить по кабинету, раздражаясь бессовестным зрелищем, на которое был бессилен воздействовать. — Нельзя допускать выборов в условиях падения вашей популярности, Фёдор Фёдорович!

Чегоданов посмотрел на него исподлобья злым волчьим взглядом, от которого телохранитель ссутулился, издал звук, похожий на тихий визг, и стал креститься на оконную раму с чёрно-фиолетовой громадой гостиницы.

Толпа на экране рябила плакатами, флагами, тряпичными чучелами Чегоданова, рисунками, где, трусливо озираясь, Чегоданов тащил на плече куль наворованных денег. Всё это видел Чегоданов, испытывая большое недоумение, мстительную неприязнь к людям, которые ещё недавно обожали его, славил, складывали в его честь верноподданнические песенки, демонстрировали преданность и любовь. Он привык, что ему рукоплескали при появлении на публике. Что во время телемостов ему задавали комплиментарные вопросы. Что женщины писали ему любовные письма. Что ведущие издания мира нарекали его “Человеком года”. Что на выборах он побеждал с заоблачным превосходством. И в сознании народа утвердился его образ спасителя Отечества, победителя в кровавой кавказской войне, укротителя еврейских олигархов. Что же случилось? Когда покачнулось вероломное общественное мнение? Когда народ отказал ему в любви? С какого момента, с какой нелепой пиар-акции он вдруг стал сначала смешным, потом раздражающим, а теперь ненавистным? Быть может, с момента, когда, покидая Кремль после второго президентского срока, он поставил вместо себя мнимого президента Стоцкого? Или во время кризиса, спасая банки-банкроты, насытил деньгами одних, забыв о других, и эти забытые и обиженные начали спонсировать оппозицию, создавать телеканалы, радиостанции и газеты, демонирующие его, Чегоданова?

Сцена на Болотной, озарённая прожекторами, парила над сумеречной площадью. Казалась фантастическим ковчегом, спустившимся из осеннего неба в центр Москвы. Этот ковчег доставил на землю загадочного пришельца, чтобы тот отнял у Чегодаева власть. Мощно и яростно Градобоев возносил кулак, издавал громогласные рокоты, и толпа заколдованно и восторженно вторила пришельцу.

Лицо Градобоева увеличилось во весь экран. Чегоданов видел его сильные широкие скулы, бычий лоб и яростные немигающие глаза. Блестящие белки, чёрные зрачки, которые, как раскалённые спицы, пронзали Чегоданова, и он вдруг испытал ужас, тёмную неодолимую бесконечность, которая открылась в глазах ненавидящего человека. Потрясённый, он отвернулся от монитора.

Послышалось лёгкое похихатывание, щёлканье каблучков. В кабинете появился президент Валентин Лаврентьевич Стоцкий. Его голова с выпуклыми влажными глазами, сытыми щеками и вьющимися приглаженными волосами была слишком велика для маленького изящного тела, и делала всю его фигуру неустойчивой, шаткой. На нём был щегольской костюм, изысканный галстук, носки туфель слегка загибались, и было что-то мальчишеское в его щегольстве и что-то карикатурное в непропорциональном сложении. Он появился внезапно и своим жизнерадостным видом нарушил общую тревогу и подавленность. Приблизился к Чегоданову, небрежно положил руку ему на плечо, насмешливо уставился на экран.

— Птичий базар! Кулики на болоте! А эта птица — покрупнее кулика! — он весело вслушивался в слова Градобоева, который грозил вынести Чегоданова из Кремля.

Чегоданов раздражённо повёл плечом, стряхивая руку Стоцкого. Ему почувствовалось злорадство в словах президента, которому нравилось слушать, как хулят Чегоданова. Весь его легкомысленный вид, повадки плейбоя, сияющие выпуклые глаза казались Чегоданову в этот тревожный, грозный момент оскорбительными. Мир начинал колебаться, власть ускользала, и внезапно появился опасный враг, который собирал вокруг себя всё больше сторонников.

— Им не откажешь в остроумии, — Стоцкий не замечал раздражения Чегоданова. Со смехом рассматривал плакатик, на котором Чегоданов, вооружённый гаечным ключом, завинчивал гайку на лбу несчастного интеллигента.

Всё вскипело в Чегоданове. Весь мучительный клубок сомнений и подозрений зашевелился в душе. Вся мнительность и ожидание вероломства проснулись в нём. Обнажились весь риск и опасность интриги, связанной с выдвижением в президенты Стоцкого, когда у Чегоданова истёк второй президентский срок, а Конституция возбраняла избираться на третий. Тогда, убоявшись западных ненавистников, не желая прослыть узурпатором, он вверил власть своему приближённому, полагаясь на его верность и преданность, веря, что через четыре года тот вернёт ему власть. С того момента, когда Чегоданов отступил на второй план и возглавил правительство, он не ведал покоя. Ждал президентского указа, которым Стоцкий выпшвырнет его из политики. Следил за либералами, которых принимал под своё крыло Стоцкий. Читал донесения агентуры, в которых передавалось содержание тайных переговоров Стоцкого с лидерами Америки и Европы. Всё это теперь вскипело в нём, и страхи, исходящие с Болотной, слились с мучительными страхами ожидания предательства Стоцкого.

Но Стоцкий в своём инфантильном самодовольстве не замечал состояния друга.

— Да, кстати, хотел тебе сообщить. Вчера у меня состоялся телефонный разговор с нашей германской подругой. Она просила пересмотреть некоторые контракты, связанные с нефтью и сталью.

— Как ты сказал? Вчера? — глухо переспросил Чегоданов.

— Ну, да, вчера, — Стоцкий, улыбаясь, смотрел, как над площадью поднимается воздушный шарик с надписью: “Я — Чегоданов”.

— Почему, если разговор состоялся вчера, ты докладываешь мне об этом сегодня?

— Извини, забыл, — удивился Стоцкий. — Были встречи с лидерами думских фракций. Потом глава Ингушетии, правозащитники из “Мемориала”. Вечером пел Элтон Джон, я думал, ты приедешь, и я тебе доложу.

— Ты что, считаешь меня политической пешкой, с которой больше не нужно считаться? — с тихим, свистящим дыханием произнёс Чегоданов, и Стоцкий, уловив этот знакомый свистящий звук, изумлённо взглянул на Чегоданова.

— Фёдор, что ты! Я действительно забыл! Не хотел беспокоить! Повод ничтожный!

— Ты думаешь, ты президент? Думаешь, мир видит в тебе президента? В русскую историю ты войдёшь, как человек, опошливший само понятие власти, её тайну, её священную сущность!

Чегоданов оскорблял Стоцкого, прилюдно унижал, топтал его гордыню, хотел, чтобы тот взорвался, кинулся на него с кулаками. Но лицо Стоцкого становилось смертельно бледным, краснота щёк уходила к подбородку, на шею, утекала вниз за ворот рубахи. И эта безответная робость распяла Чегоданова. Косматый гнев бушевал, танцевал в груди, и, казалось, во рту, из которого излетали оскорбления, пышет огромная напаянная лампа.

Чегоданов хохотал, кричал, топал ногами, надвигался на Стоцкого, и все, кто был в кабинете, отпрянули, забились по углам. Смотрели, как за спиной Чегоданова на белой стене проступает красная клякса. Отпечаток убитого баррикадника, расплющенного выстрелом танка. Чегоданов уставился на ужасный оттиск, испытывал смертельную немощь, опустошённость, словно косматое существо оставило его, унеся все душевные силы. Он был рыбой, из которой вынули внутренности и которая вяло колыхалась в воде.

— Прости, — едва слышно пролепетал, обращаясь к Стоцкому, — Это не я. Это бес в меня вселился.

Все покидали кабинет. Режиссёр Купатов выронил трубку, и она осталась лежать на полу, источая голубой дымок.

— Останься, — сказал Чегоданов Кларе, беря её за руку. Смотрел, как меркнет сочное пятно на стене.

В соседней с кабинетом комнате Чегоданов лежал на диване, а Клара сидела у него в головах и чуткими пальцами водила по его лбу, бровям, переносице, гладила темя, массировала, сдавливала. Словно лепила ему другое лицо, рисовала неведомые знаки и письмена. Чегоданов замер от этих нежных настойчивых прикосновений. Был весь в её власти, отрезался от собственной воли, избавлялся от мучительных раздумий, подозрений и страхов. Эта прелестная восточная женщина с низким бархатным голосом, душистыми волосами, мерцающими полузакрытыми глазами таинственно и неслышно овладела им. Окружила своими предсказаниями, гороскопами, начертаниями звёзд и планет. Своим жемчужным лицом, переливами удлинённых глаз, загадочными стихами, взятыми из неведомых рукописей и пергаментов. Она казалась древней жрицей, хранительницей заповедных знаний, явилась к нему из ночного звёздного неба, из юношеских волшебных мечтаний.

Теперь она гладила его лоб, словно разгребала тяжкие тёмные ворохи недавних огорчений. Так разгребают груды опавшей листвы, отыскивая под ними уцелевший цветок. Так перелистывают полуистлевшие блеклые страницы, внезапно открывая драгоценную буквицу.

И не было чёрной клокочущей площади, ненавидящих насмешливых лиц, яростных глаз Градобоева, нелепой трубки Купатова, жестоких губ телохранителя Божка, предательского лика президента Стоцкого. А была та чудесная опушка и куст чертополоха с пучком сухого соцветия, из которого тёплый ветер вырывал летучие семена. И они, как прозрачные лучистые звёзды с крохотной сердцевинкой, летели по ветру. И он, мальчик, бежал за летучим семечком сквозь заросли жёлтой шижмы, сквозь розовые лесные герани, распутивая бабочек, сбивая с соцветий бронзовых жуков. Желал догнать это семечко, рассмотреть крохотное тёмное ядрышко, в котором, по словам его деревенской бабушки, находился образок Богородицы. Семечко взмыло, вспыхнуло на солнце и кануло, а он остался стоять с ощущением неразгаданной тайны, в предчувствии своей будущей загадочной жизни. Знал, что запомнит это мгновение, сбережёт до последних дней эту восхитительную сладость и боль.

Клара говорила низким бархатным голосом, нараспев, словно читала письмена, начертанные на пергаменте. У Чегоданова туманились глаза, и он погружался в сладкий обморок.

— Тебе нужен верный друг и советчик, который тебе поможет... Верни Бекетова.

— Он не любит меня.

— Он не любит тебя, но никогда не предаст. Он одержим одной идеей — сберечь государство. Он служит тебе и в твоём лице — государству.

— Не знаю, так ли он умен и дееспособен. Он был хорош несколько лет назад, многое ему удавалось. Он мастер аппаратной интриги. Мастер философской риторики. Певец русского мессианства. Но теперь другая реальность. Народ взбесился, бушует на улице. Его не унять хитроумной придворной интригой или поэтической проповедью. Пора готовить войска. Ставить на кремлевских зубцах пулемёты.

— Бекетов обладает таинственным знанием. Поверь мне, я чувствую в человеке присутствие магических сил. Бекетов ощущает время как движение множества потоков, которые текут из прошлого с разной скоростью, разной прозрачностью, как поверхностные или донные струи реки, её воронки, протуберанцы и завихрения. Он играет этими потоками, одни останавливает, другие ускоряет, смешивает, обращает вспять. Он управляет рекой времени. А это и есть высшая политика, недоступная твоим придворным политологам и интриганам. Прошу тебя, верни Бекетова. Тебе не нужно будет приводить в готовность войска. Бекетов усмирит взбесившийся народ, направит реку времени в безопасное русло...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Андрей Алексеевич Бекетов, сорокалетний шатен с чистым лбом и платиновой седinouй на висках, имел блестящие живые глаза, которыми спокойно и доброжелательно смотрел на собеседника. Но вдруг глаза начинали плавиться, как синий лёд на солнце, в них открывалась пугающая глубина, откуда смотрели неземные миры с их ужасной тьмой, отчего собеседник приближался к обмороку. Это длилось мгновение, и опять смотрели живые блестящие глаза, полные ума и внимания. А бывало, что в самый разгар беседы глаза Бекетова загорались таинственным восторгом. Начинали смотреть поверх собеседника, как смотрят на зарю или на далёкий синий лес, над которым встаёт белое дивное облако. Но и это длилось мгновение, после чего Бекетов возвращался к беседе, и только лёгкий румянец говорил о пережитом восторге.

После своей размолвки с Чегодановым, у которого оба президентских срока состоял советником, Бекетов покинул Кремль и исчез из Москвы, не оставив по себе следов и известий, что породило немало слухов. Журналисты жёлтых газет писали, что он женился на английской баронессе и живет в замке в предместье Лондона. Другие утверждали, что видели его на автосалоне в Токио, и он стал консультантом по России в концерне “Мицубиси”. Третьи говорили, что Бекетову было видение, и он постригся в монахи и теперь живёт уединённо в бедной келье на горе Афон.

На самом же деле, разочарованный в политике и в президенте, утомлённый хитросплетениями московских интриг, которые сам же и наплёл, Бекетов уехал в провинцию и поселился в захолустном городке М. Погрузился в чтение русских волшебных сказок, хроник, повествующих о старце Филофее, в житие патриарха Никона, в учение космиста Николая Фёдорова, в историю Сталинградской битвы. Иногда он заглядывал в интернет, наблюдая, как в социальных сетях, подобно огромной опухоли, взбухает протестная волна. Дурная энергия этого протеста, подобно раковым клеткам, разлеталась по сайтам и блогам, поедая неумное и беспомощное государство. Закрывал компьютер, запрещая себе думать о близкой беде.

* * *

...Перед визитом к Чегоданову машина завезла Бекетова на его московскую квартиру, остановилась у тяжеловесного сталинского дома на Тверской. Божок подарил Бекетову полчаса. Бекетов отомкнул дверь, вдохнул тёплый, с застоявшимися запахами воздух квартиры, в котором, казалось, висели застывшие звуки трёхлетней давности. В спальне кровать была застелена пёстрым пледом, на котором сохранились небрежные складки. В кабинете на отцовском столе лежал забытый томик Лермонтова, который он, уезжая, забыл поставить на полку. Африканские маски, голубые афганские вазы, кампучийские бронзовые колокольчики — фетиши и трофеи отца, — всё было в налёте пыли. Фотография матери и отца казалась тусклой, и он ладонью стёр с неё пыль, поцеловал любимые лица. Он поставил на подоконник заветную орхидею и смотрел, как за стеклом мерцает сверкающее перекрестье. Сначала вскипал стремительный скользящий поток Тверской, и казалось, что бесчисленные блестящие рыбины несутся к нерестилищу, трутся сверкающими боками. Поток прерывался, и в открывшуюся пустоту, пересекая Тверскую, мчался другой поток, по Тверскому бульвару, полыхал сквозь деревья бесщёчными огнями. Бекетов любовался этим пульсирующим раскалённым крестом, вспоминая, как отец в детстве ставил его ногами на подоконник, и они вдвоём заворуженно следили за этой огненной стихией.

Он открыл форточку, и в комнату ворвался рокот и гул города, холодный осенний воздух, запах бензина и палой листвы. Этот гул и свежий сквозняк разбудил тени остановившегося в комнатах времени, и они разбежались по углам и исчезли. Бекетов поставил томик Лермонтова на полку, где оставался для него небольшой зазор, и отправился на свиданье с Чегодановым.

Начальник охраны Божок доставил Бекетова в резиденцию Ново-Огарёво. Знакомые каменные ворота, двухэтажное здание с колоннами, с кустами укрытых роз, голые липы, в которых синел предзимний клочок холодного неба, Бекетов испытал мимолётную сладкую боль от этой беззащитной лазури, которую скоро закроют свинцовые тучи долгой русской зимы с её снегами и ночными буранами.

Они встретились с Чегодановым в кабинете на втором этаже, сохранившем убранство поздних советских времен с их чопорной сдержанностью, где рациональность и деловитость напоминали о пуританской этике советских вождей. Чегоданов, в лёгком свитере и рубашке апаш шёл навстречу Бекетову, протянув вперёд руку. И пока он приближался, Бекетов успел заметить, как тот похудел и осунулся, какое растерянное и тревожное выражение появилось в его глазах.

— Ну, спасибо, Андрюша, что откликнулся на моё приглашение. Прости, что прервал твой отдых. — Чегоданов цепко и страстно сжал Бекетову руку, словно боялся, что тот вырвется и оставит его одного. — Мне так нужна твоя помощь.

— Попробовал бы я не откликнуться. Божок был готов надеть на меня наручники и всю дорогу тыкал мне в ребро пистолетом, — сухо усмехнулся Бекетов, отнимая руку, на которой мгновение держались белые отпечатки болонезного рукопожатия. — Он сказал, что велено доставить живым или мёртвым.

— Ну, прости его, он не умеет быть лобезным. Ты приехал, и я так тебе благодарен. — Чегоданов усаживал Бекетова на диван, почти вдавливал в мягкие кожаные подушки.

— Признаться, когда мы расстались, и ты дал понять, что во мне не нуждаешься, я решил, что мы больше никогда не увидимся, — отчуждённо и холодно произнёс Бекетов. — Тебе больше не нужна была моя помощь. Я мешал тебе моими советами. Ты выбрал других советников, другой путь, свернув с дороги, по которой мы шли вместе. Что ж, ты вправе был так поступить. Ты видел страну, её цели и её проблемы иначе, чем я. Ты лидер, ты творец истории, а не я. Я только угадывал твою волю и превращал её в реальную политику. Но потом я перестал угадывать, и ты удалил меня. Так поступил с Патриархом Никоном царь Алексей Михайлович, а ведь Никон был “собенный друг царя”.

— Это была ошибка, Андрей. Я в этом раскаиваюсь. Я был самонадеян, неблагодарен. Мне сопутствовал успех, мне всё удавалось. Мне удалось построить нефтяную империю, и Европа пила из моих ладоней русскую нефть. Я стал “Человеком года”, и мой портрет красовался на обложках самых влиятельных мировых журналов. Передо мной заискивали американцы, и я прекратил одностороннее разоружение России. Я установил баланс между Америкой и Китаем и играл на их противоречиях. Наша внутренняя оппозиция из стальной стала пластилиновой. Самодовольные кавказцы недолго выбрали между бомбовыми ударами и обильными траншами. Я спрашивал судьбу, за что она благоволит ко мне. И объяснял свой успех моими достоинствами. Поэтому я не слушал твоих предостережений. Был насмешлив с тобой, даже груб. Как же я был неправ! Ну, прости меня, Андрей! Ты мой друг, единственный, верный. Ты вернулся, и теперь мы опять будем рядом.

Все это Чегоданов произнёс порывисто, страстно, по лицу его бегали малиновые пятна. Бекетов никогда не видел его таким. Где была его знаменитая язвительная ирония, обескураживающая собеседников? Где было легкомыслие и изящество плейбоя, которым он очаровывал своих противников? Где была беспощадная жёсткость, свинцовая тяжесть голубоватых, чуть выпуклых глаз? Перед Бекетовым сидел растерянный, почти сломленный человек, похожий на слепца, которого окутала внезапная тьма, и он чувствовал близость невидимой бездны.

— Но ведь тебе помогает достойная команда. Глава администрации Любашин обладает недожинным умом. Режиссёр Купатов создаёт талантливый дизайн твоей предвыборной кампании. Погребец контролирует избирательный процесс. Чего ты опасешься?

— Всё это мнимо, мнимо! Я страшно одинок. Все, кого ты перечислил, были хороши, когда общественное море оставалось спокойным. Их прогнозы, их технологии не предполагали откровения, были очевидны. Но теперь, когда разразилась буря, они бесполезны. Их советы примитивны, они выглядят бездарными трусами. Когда власть закачалась, то закачались их клятвы и присяги, многие перебегают к противнику. Агенты сообщили, что между Китаем и Америкой ведутся тайные переговоры о возможной аннексии Сибири и Дальнего Востока. МИД не докладывал мне об этом. Американцы устанавливают на Аляске системы новых вооружений, способных воздействовать на биосферу России, менять климат, возбуждать пожары и засухи, наводнения и ледяные дожди. Где мое министерство обороны и военная разведка? Европейцы создали технологии по изготовлению сланцевого газа, а это бьёт всю мою газовую империю. Война на Кавказе разгорается с новой силой, а у меня почти нет армии. В губерниях возрождается сепаратизм. И, главное, Стоцкий, он выглядел другом, а оказался тайным врагом. Почему власть, вчера ещё такая крепкая, незыблемая, вдруг стала сыпаться, оседать, проваливаться в какую-то яму? Откуда взялась эта Болотная площадь, переполненная моими вчерашними выкормышами, которые сегодня меня ненавидят? Откуда, из какого омуты, всплыла эта гадкая рыба Градобоев? Объясни, что случилось?

Бекетов был поражён этой исповедью. Смертельная тоска была в глазах Чегоданова. Невыносимая боль, словно его укусила змея, и яд лился в крови, причиняя мученье. Бекетов испытывал к нему сострадание, перед которым отступили былые обиды.

— Причина в том, что стал разрушаться кристалл государства, который мы вырастили с тобой из этой липкой медузы, расплывшейся между трёх океанов. Мы заморозили эту гадкую жижу и остановили её растекание. Мы превратили эту отвратительную, доставшуюся от предшественника слизь в твёрдое вещество. В кристалл, который взрастили благодаря нашим технологиям. Мы создали кристаллографию, которая снова превратила Россию в государство.

Бекетов испытал сладостное торжество, вернувшее его в недавнее прошлое. Видел этот драгоценный кристалл с зеркальными гранями и лучистыми вершинами. В сияющих плоскостях гуляли разноцветные переливы, расплывались радуги, отражались багровые зарницы и сполохи. Слово в кристалле клубились волшебные стихии истории, вторгались таинственные энергии мира, звучала космическая музыка. Бекетов вращивал этот кристалл государства в незримой реторте. В ней клокотала магма людских страстей и политических схваток. Террористических актов и военные сражений. Дворцовых интриг и утончённых диверсий. Плавилась обломки прежней страны, осколки прошлых идей, остатки былых репутаций. Как искусный металлург, он управлял этим жгучим кипением, менял температуру, давление, удалял кислоты и шлаки. Видел, как в огненной жиже, среди пузырей и вихрей зарождается кристалл государства. Формируются его таинственная геометрия. Геометрия новой страны.

Бекетов восхищённым остановившимся взглядом созерцал это дивное творение.

— Я предложил тебе технологии, управляющие социальными энергиями. Я чувствовал эти энергетические потоки, льющиеся с разной скоростью, с разной плотностью и прозрачностью. Одни из древних времён прихотливо достигали наших дней. Другие из близкого прошлого продолжали нести обветшалые смыслы. Третьи, зарождаясь на наших глазах, принимали вид непредсказуемых вихрей и взрывов. Я умирал эти взрывы, устраивал ловушки, в которых гасил опасные завихрения. Выбирал те, что способствовали росту кристалла. Уменьшал разрушительную силу других. Меня ненавидели, потому что я укрощал эгоизм политиков и безумство политических партий. Разрушал репутации самонадеянных выскочек, используя для этого подчас аморальные методы. Прослушивал телефонные разговоры. Обнародовал банковские счета. Подкладывал им в постели дорогих проституток, а потом вывешивал фотографии в интернете. Я запускал ложную информацию, кото-

рая побуждала наших противников к необдуманным действиям, после чего они оказывались ослабленными или уничтожались. Я создавал молодёжные организации, которые подавляли уличных экстремистов. Я вносил идеологическую путаницу в ряды коммунистов и националистов. Вёл тонкие игры с еврейской интеллигенцией, отдавая им на откуп газеты и радиостанции, где их ядовитая энергия свёртывалась и выпадала в осадок. И мне удалось ценой невероятных усилий вырастить кристалл молодого русского государства, которое я передал тебе в руки.

— Всё так, всё так, Андриуша! Ты настоящий маэстро, и тебе нет равных! — воскликнул Чегоданов.

— Но ты не воспользовался моим подарком. Этот кристалл предстояло лелеять, вливать в него струи новых энергий, пронизывать пучками лучистого света, вносить в трепещущее поле живой истории. Этот эмбрион государства ещё предстояло выносить, добиться родов, чтобы родившаяся страна увидела свет, задышала, открыла глаза. Ты обладал в народе громадной популярностью. Ты накопил в казне несметные нефтедоллары, которые подарил тебе Ермак Тимофеевич, завоевавший Сибирь. Мы говорили с тобой о развитии, о рывке, который предстоит совершить России. О строительстве заводов и научных центров, звездолётов и джетских больниц. О справедливой стране, о которой мечтал народ, униженный и оскорблённый захватчиками. Мы хотели создать Великую Россию, которую каждый человек считал бы своей. Строил её, как огромный и светлый дом между трёх океанов. Сберегал таинственную евразийскую чашу, куда во все века стекались реки великих империй. Ты мог разбудить дремлющие в народе коды, задавленные нуждой и унынием, и народ, очнувшись, стал бы снова народом-героем, народом — открывателем и подвижником. Ты мог написать великую и грозную книгу, в которой тебе судьба отвела великое место. Мы говорили с тобой об этом в самолёте, когда ты летел на мучительные переговоры в Вашингтон. Говорили в гарнизонной гостинице после твоей душераздирающей встречи с вдовами утонувшего “Курска”. Говорили в келье Тихвинского монастыря, когда ты приложился к чудотворной иконе. Это было время крошечных трудов и ослепительных надежд.

Бекетов видел, как на лице Чегоданова появилась мучительная улыбка, словно мимо него пронесли дивный фонарь, но было не дано насладиться его волшебными отсветами. Фонарь удалялся и меркнул.

— Ты не захотел писать книгу истории. Испугался великой роли. Не начал модернизацию. Израсходовал накопленные для развития деньги. Промотал ресурс исторического времени. Тебя словно подменили. Ты почти перестал работать, а всё время уделял бассейнам, лыжам и безвкусному пиару, который придумывал постаревший, утративший талант режиссёр. Чего стоят твои поездки на канареечном автомобиле или зоологические пристрастия с поцелуями рыб и животных. Кристалл, который требовал ухода и вращения, ты уронил в грязь Болотной площади, и он стал таять, потёк. Вновь превратился в жидкость. Я упрекал тебя, но ты не слышал меня. Я досаждал тебе и решил уехать. Твоя неудача — это и моя неудача. Твоё поражение — и моё поражение. Судьба от тебя отвернулась и повернулась к другому. К кумиру Болотной площади. Его питают бурные потоки истории. Его они возносят на вершину власти. Он станет президентом России. Придворная челядь, которая клялась тебе в верности, чувствует это и перебегает к нему. Таков удел слабеющих вождей. Ты, Фёдор, — слабеющий вождь.

Бекетов увидел, как страшно побледнел Чегоданов. Казалось, на его скулах выступили белые кости. Ноздри гневно дрожали. В выпуклых голубоватых глазах появился красный металлический отсвет, какой бывает в жаровне, полной углей. В нём поднималось свирепое бешенство.

— Ты приехал, чтобы глумиться надо мной? Может быть, ты спюхался с этим уродом Градобоевым? Может быть, ты вошёл в его штаб и используешь свои чёртовы технологии, чтобы валить меня? Ты такой же предатель, как вся остальная мразь, которую я приблизил к себе, и она теперь кусает руки, из которых получала корм!

У Чегоданова начиналась истерика, которая случалась с ним крайне редко. Лишь в тех случаях, когда его воля подвергалась колдовским воздействиям. Тогда он лишался вкрадчивого голоса, самообладания, умения скрывать мысли. Он больше не справлялся с тёмной волной, которую направляли на него специалисты психологических войн, мастера магических атак, имеющих целью парализовать и разрушить противника. Так было однажды, в день его рождения, когда убили известную журналистку, неутомимую в своих обличениях Чегоданова. Это называлось “сакральной жертвой”. У человека в день рождения оживает пуповина, связывающая его с Мирозданием. Он становится беззащитным перед внешним воздействием. Страшный подарок в день именин породил пучок смертоносной энергии, которая вонзилась в Чегоданова. Он корчился от боли, ревел от бессилия. И только явившийся по срочному вызову монах с молитвой вырвал из Чегоданова невидимую стрелу. И пустил её обратно, в сторону незримого лучника.

— Ты явился, чтобы добить меня? — Чегоданов воздел кулаки, и казалось, обрушит их на голову Бекетова.

Бекетов поднялся.

— Я приехал по твоему зову и не мог не сказать того, что я думаю. Теперь я вижу, что мой приезд не имеет смысла. Я уезжаю.

Он шагнул к дверям, но Чегоданов догнал его, схватил за руку:

— Прости меня, Андрей!

Снова сел на диван, видя, как в окно кабинета брызнуло бледное предзимнее солнце. И далёкое, мучительно нежное воспоминание посетило его. Бабушка ведёт его в школу, под ногами — сизая лужа во льду, и сквозь голые липы брызнуло бледное предзимнее солнце.

— Ты прав во всём! Но не время об этом! Нам надо выиграть, не пустить в Кремль это чудовище, порождение спальных районов, чёрных подворотен, озлобленной глупой толпы! Мы победим, и после победы, поверь, я стану другом! Это будет другой Чегоданов, о котором никто не слышал! Ты говорил о преображении, о чуде превращения Савла в Павла! Я стану Павлом, стану угодным Богу! Судьба опять повернётся ко мне лицом! Мы станем творить историю, строить великое государство! Мы укротим ненасытных вампиров, которые сосут из России соки! Я знаю, как вернуть в страну вывезенные воровские деньги! Страшным ударом уничтожу коррупцию! Прикажу построить в Мордовии двадцать лагерей, куда станут свозить воров, будь то министр или олигарх! Отберу у рублёвских жуликов их дворцы, поселю в них беспризорных детей. Россия будет великой! Евразийский союз, который я замышляю, это прообраз будущей Великой России в её традиционных границах! Нам нужно победить! И тогда мы вместе с тобой станем писать историю! Впишем в неё наши имена!

Всё это Чегоданов произнёс захлебываясь, с восторженной синевой в озарённых глазах. Эта была та самая страсть, в которую он увлекал других, обезоруживая своей верой и искренностью. Этой огненной страстью он оплавливал кромки, отделяющие его от собеседника, превращал врагов в друзей, соперников — в надёжных союзников.

— Я не знаю, поймёшь ли ты меня, — медленно произнес Бекетов.

— Пойму, конечно, пойму! Кого же мне ещё понимать!

— Схема, которую я могу предложить, на первый взгляд может показаться нелепой.

— У тебя не может быть нелепой схемы. Все твои схемы блистательны!

— Она сопряжена с риском, быть может, только ускорит катастрофу.

— Ну, хочешь, я тебе дам расписку, что в моей смерти Бекетова прошу не винить, — усмехнулся Чегоданов.

— Ты можешь мне обещать, что, если примешь мою схему, то уже никто не посмеет в неё вмешиваться — все эти твои высоколобые дурни и пошлые оригиналы?

— Всех буду гнать! Ты один хозяин!

Бекетов молчал, словно раздумывал, стоит ли затевать эту непосильную, не предсказуемую по своим результатам работу. Или уже поздно, и всё безнадежно — все технологии бессильны. Тонкие тенёта технологических ухи-

шрений разорваны, и на свободу вырвалась сама история, как свирепая, неподвластная технологиям стихия. В своей уединённой ссылке, читая манускрипты, погружаясь в теории русских космистов, он не мог до конца отрешиться от московских событий, которые, как осенняя буря, стучали в его оконце. Будили ночами, и он вскакивал, хватал лист бумаги и чертил политологические схемы. Рисовал вектор сил, исследовал геометрию русской катастрофы. Старался доказать теорему Русской Победы.

— Боюсь, что моя идея покажется тебе сумасшедшей.

— Я живу среди сумасшедшей реальности.

— Найдутся люди, которые скажут, что я толкаю тебя в яму.

— Я уже в яме.

— Я не уверен, что эта идея является, безусловно, спасительной, и есть вероятность провала.

— И без твоей идеи вероятность провала громадна. Говори.

Зрочки Бекетова перестали трепетать, остановились, странно расширились. Словно он погрузил взор в туманную тьму, где текли струи невидимых вод, скручивались спирали безымянных потоков, реяли отсветы загадочных вспышек. Так смотрят в звёздное небо, ужасаясь и восхищаясь, испытывая сладкое помрачение.

— Перед тобой — бушующая, ненавидящая тебя Болотная. Там — твоя смерть. Там, на площади, — тот, кто желает твоей смерти. Все твои усилия, все ухищрения твоих штабистов направлены на то, чтобы ослабить площадь. Уменьшить её давление, сократить толпу. Для этого ты мешаешь им собираться, увеличиваешь штрафы, обливаешь грязью Градобоева, повышаешь зарплату милиции и ОМОНу. Готовишься жестоко разогнать митингующих. Но при этом популярность Градобоева продолжает расти, а твоя — падает. И тебе не видать победы, даже если твой Погребец установит не двудонные, а трёхдонные урны и завалит эти урны фальшивыми бюллетенями. Надо действовать прямо наоборот.

— Как? — нервно спросил Чегоданов.

— Надо делать всё, чтобы площадь ломилась от народа. Чтобы на ней появлялись всё новые и новые бунтари. Чтобы Градобоев выглядел твоим палачом. Чтобы площадь бурлила, как кастрюля с супом, а в неё вбрасывали всё новые и новые специи и приправы. Лавровый лист в виде коммуниста Мумакина. Перец в виде революционного радикала Лангустова. Корицу в виде светской куртизанки Ягайло. Грецкий орех в виде еврейского активиста Шахеса. Чеснок в виде русского националиста Коростылёва. Надо увеличивать под кастрюлей огонь, чтобы суп вспенился и полился через край. Пусть его гарь почуют в каждом городке и посёлке.

— Зачем этот жуткий борщ? — недоверчиво спросил Чегоданов, — Зачем мне усиливать Болотную и делать из Градобоева моего палача?

— Надо показывать народу чудовищное лицо бунта. Надо пугать людей кровавой пастью новой революции, которая повторяет жуткий распад государства. Февраль семнадцатого, кошмар гражданской бойни, войну всех против всех, лагеря, расстрелы, нищету, бегство лучших русских людей за границу. Надо сравнивать Болотную площадь с перестройкой, Ельциным, Беловежьем. России уготована судьбы СССР, распад, оккупация. Надо сравнивать Градобоева с Керенским и с Горбачёвым. Надо убеждать людей, что ты, каким бы нелюбимым и даже ненавистным ни выглядел, являешься последним защитником государства. Твоё уничтожение является уничтожением государства, после чего Россия превратится в кровавую бездну. Кровью захлебнутся нищий и богат, еврей и русский, якут и чеченец. Только так ты можешь победить Болотную. Усиливая её, сокрушить.

— Но где гарантия, что народ испугается революции? — Чегодаев дрожал от волнения.

— Даже банки не дают гарантий. Тем более, их нет в политике. Риск огромен, но мой план основан на глубинном понимании русского сознания. Кодов, которые дремлют в глубине русского народа. Народ живёт ужасно. Но если народу предстоит выбирать между плохим государством и хаосом, он выберет плохое государство. Выберет тебя.

— Гениально! — воскликнул Чегоданов. Его выпуклые голубоватые глаза восторженно смотрели на Бекетова, как на своего спасителя, которому он вручает свою судьбу. — Что я должен делать? Что мы должны предпринять?

— Наша сегодняшняя встреча и наш план должны сохраняться в тайне. Об операции не должен знать даже твой преданный нукер Божок. Я вернусь в Москву твоим врагом, и буду мстить тебе за опалу, за унижение, которому ты меня подверг. Я войду в доверие к твоему палачу Градобоеву. Пользуясь моими связями, я приведу других оппозиционеров на Болотную площадь. Я найду среди телеведущих такого, кто слышит “телевизионным киллером”. Он обрушит на народ всю страшную правду о грядущей революции и “великом русском хаосе”, которым дышит Болотная. Сам же стану ездить по оборонным заводам, которые являются оплотом государства, где работают люди, всё ещё верящие тебе, ждущие, что ты, наконец, начнёшь долгожданное развитие. Я стану формировать из них гвардию, Семёновский и Преображенский полки, которые в нужный момент выступят на твою защиту.

— Гениально! — повторил Чегоданов, порываясь обнять Бекетова, но удерживая свой порыв.

— Тебе станут доносить на меня. Говорить, что я предатель. Божок, чего доброго, захочет меня ликвидировать. Принести “сакральную жертву”. Удерживай его от этого. Градобоев станет ушиваться успехом, собирая на митинги несчётную толпу. Он вдруг поймёт, в какой западне оказался, но будет поздно.

— Пусть хлбаёт этот суп! Пусть кашляет от перца, задышится от горчицы, чихает от чеснока, икает от корицы, а потом выльет всё это варево себе на голову! Мы победим! Мы начнём новую страницу истории! Мы созовём Семёновских и Преображенских гвардейцев. У нас снова будут самые лучшие в мире самолёты. Самые быстроходные танки. Самые неуязвимые ракеты! Мы покончим с нищетой! Я притащу на Красную площадь олигархов, и они покаются перед народом. Вернут нефтяные поля, алмазные копи, рудники и заводы. Они переведут в Россию свои воровские деньги. Ни одного беспризорного, ни одного сироты, ни одной “слезы ребенка”! Народ нас поймёт! Глубинные коды! Вера в своё государство! Я оправдаю эту веру! Мы построим новую Россию, и она запомнит наши имена!

Чегоданов обнял Бекетова, прижал к груди, и тот слушал, как громко стучит его сердце.

— Ты победишь, — произнёс Бекетов, освобождаясь от крепких объятий, — Россия выиграет шесть необходимых ей лет.

— Да, шесть необходимых лет! — вторил ему Чегоданов.

Глаза Бекетова стали неподвижными, устремились к синим лесам, над которыми вставало белое облако. Ему привиделся отрок, над головой которого золотился волшебный свет.

Выходя из резиденции, Бекетов встретил главного телохранителя. Божок, льстиво улыбаясь, довёл его до машины.

— Счастливого пути, Андрей Алексеевич, — сладко произнёс Божок, но его маленькие глаза на безволосом лице краснели искорками граната.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Бекетов подошёл к окну. В сумерках осеннего неба, далеко, за домами, горели рубиновые звёзды Кремля. Бекетов вглядывался в их туманное свечение, в котором чудилась бессловесная угроза. Он снова своим появлением потревожил их дремотный покой. Орхидея из глиняного горшка тянула длинные остроконечные листья. И Бекетов вдруг обнаружил, что среди листьев появился побег, тонкий стебель с тремя бутонами. Это открытие восхитило его. Мама из своих небесных садов посылала ему чудную весть. Среди чёрной предзимней Москвы готовила ему дар — белые целомудренные цветы, с которыми посылала свою любовь, свою молитву о нём, свою надежду на предстоящую им неизбежную встречу. Бекетов коснулся губами бутонов, словно поцеловал любимое лицо.

Он отыскал в интернете имя некогда известного телеведущего Михаила Немвროзова, блиставшего на экране главного телеканала страны. Яростный и надменный красавец с сочным голосом оперного певца и осанкой героя-любownika, с весёлыми злыми глазами, Немвროзов владел искусством уничтожать репутации, превращать в труху напыщенных и властных вельмож. Бекетов до своей опалы и ссылки пользовался его услугами, оказывал ему протекцию. С его помощью наносил смертельные удары врагам государства в том его виде, в каком оно соответствовало его с Чегодановым замыслу. После вынужденного отъезда Бекетова Чегоданов убрал Немвросова с центрального телевидения, и тот мгновенно погас, провалился в мусорную яму бессмысленных и пошлых передач, которыми изобиловали третьесортные, одинаковые, как цветные обёртки, программы.

Бекетов нашёл Немвросова в убогой студии, свившей уютное гнездо в цехах разорившегося завода. Было тускло, дули зловонные сквозняки, сновали немывтые и нечёсанные ассистенты. Стены были обиты жестью, и все помещение напоминало мятую консервную банку.

Они сидели с Немвросовым за колченогим столом, на котором были рассыпаны замусоленные бумаги, и стояла несвежая кружка с остывшим кофе. Бекетов с горьким недоумением рассматривал лицо Немвросова. Ещё недавно холёное и мужественное, пленявшее женщин, наводившее страх на вельможных чиновников, теперь оно постарело, погасло, было покрыто желтоватой ржавчиной, словно долго лежало в уксусе.

— Да вот, видишь, в какую дыру меня зачихнули. Рекламирую какой-то джем, какую-то воночную патоку. Веду дебильное ток-шоу, где старые тётки рассказывают о первой любви. А что делать, Андрюша? Деньги на хлеб нужны, на бензин нужны, на портки, чтобы срам прикрыть, — он хлопнул себя по засаленным джинсам, из-под которых торчали скомканные носки. — Сколько мы для Чегоданова сделали! Пахали на него, а он тебя загнал в дерьмовое захолустье, а меня засунул в козлиный зад. Не прощу! Отомщу ему по полной...

Немвросов с тоской осматривал обитую жестью студию, где погибал его талант, меркла слава, тускнело и старилось его знаменитое лицо. Он ненавидел и беспомощно сжимал кулаки, понимая, что время его ушло, удача невозвратно промелькнула, и он обречён истлеть в этой грязной дешёвой студии, орать на дурных ассистентов, пить кофе из несвежей кружки, обслуживать ничтожных дельцов.

— Миша, ты великий и несравненный, — Бекетов поймал его затравленный взгляд и вливал в него энергию света. — Ещё ничего не кончилось, а только всё начинается. Я вернулся. Чегоданов призвал меня и умоляет помочь. Он в беде, нуждается в немедленной помощи. И мы поможем ему. Я говорил о тебе. Он возвращает тебя на главный канал. Дает первоклассную студию. Зарплата, какой ты не видел. Персональная машина. Авторская передача в прайм-тайм.

— Ты издеваешься? — Немвросов зло оскалил собачьи зубы, которые раньше белоснежно блестели в его неотразимой улыбке. — Ты пришёл поиздеваться надо мной?

— Мне некогда заниматься пустяками, Миша. Времени в обрез. Я пришёл к тебе, потому что ты лучший, неповторимый, непревзойдённый. Ты сделаешь то, что не по силам другим.

— Ты снова вместе с Чегодановым? Вы помирились? Ты хочешь вернуть меня на экран? У тебя есть проект? — неверие в тёмных зрачках Немвросова сменилось надеждой, от которой зрачки расширились и засияли. — В чём проект?

— Ты снова станешь звездой! Твоё лицо станут обожать в каждом доме. Постовые опять будут отдавать тебе честь. И девушки станут носить майки с твоим лицом, за которым будут дышать их прелестные груди.

— В чём проект? — нетерпеливо перебил Немвросов.

— Ты должен уничтожить Градобоева. Превратить его в пыль. Рассыпать на молекулы. На элементарные частицы, чтобы он улетел в чёрную дыру Вселенной, откуда выпал. Ты понял?

— Как?

— Показывай площадь, показывай толпу! Неистовые лица, орущие рты, вздетые кулаки! Лицо Градобоева, ненавидящее, налитые кровью глаза! Говори, что он зверь, людоед! Ненавидит всё русское, Кремль, соборы, могилу Неизвестного солдата! Он завербован, агент ЦРУ! Получает деньги от Госдепартамента! Предатель, власовец! Ворвётся в Кремль и приведёт за собой американских морских пехотинцев! Ненавидит русское государство, хочет его уничтожить! Сеет хаос, как Керенский в феврале семнадцатого! Как Горбачёв в августе девяносто первого! Его приход к власти означает распад территорий, гражданскую войну! Брат на брата! Расстрельные рвы! Избиение духовенства! Голод! ГУЛаг! Уничтожение заводов! Унижение армии! Показывай его чудовищный лик, чтобы мороз по коже!

Бекетов выпрыскивал в Немвროзова огненные лучи, вливал в него раскалённую плазму и видел, как Немвровозов меняется. Как выпрямляется, наливаются соками тело. Опадает с лица серая ржавчина, и лицо белеет, розовеет, молодеет, обретает прежнее яростное, счастливо-безумное выражение.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Штаб-квартира Ивана Александровича Градобоева располагалась в дорогом особняке среди Зачатьевских переулков. Особняк был арендован на деньги тайного спонсора, который видел в Градобоеве будущего президента. Если выйти на маленький изящный балкон, то можно было увидеть холодный проблеск Москва-реки. Памятник Петру казался огромным чешуйчатым роботом, напичканным электроникой терминатором, который заскрипит, задвигается и начнёт тяжело шлепать, перешагивая крыши домов. Градобоев, пренебрегая указаниями охраны, иногда выходил на этот балкон, вдыхая студёный осенний воздух. Усмехаясь своим честолюбивым мечтаниям, представлял, как в ночь после выборов он выйдет на балкон к своим обожателям, весь переулок будет кипеть восторженной толпой, мерцать бесчисленными вспышками фотокамер, а на реке возникнет корабль, украшенный бриллиантовыми огнями, и расцветут букеты победного салюта.

Но сейчас Иван Александрович, исполненный бодрости и азарта, начал свой день, напомилавший снаряд, который он выпустит по Чегоданову. Так бронбойщик выцеливает в окуляр вражеский танк, готовый всадить в него управляемую ракету.

Он принимал в кабинете своего главного охранника Семёна Семёновича Хуторянина, человека с тихим голосом и осторожными, щупающими глазами. Охранник докладывал Градобоеву оперативную обстановку в городе, делился слухами и обрывками информации, которую добывал из доверительных источников в полиции, в службе безопасности, в администрации президента. Сам Хуторянин, в прошлом работник спецслужб, имел связи в органах, сохранившиеся со времён чеченской войны.

— Я бы просил, Иван Александрович, увеличить мою команду ещё на четыре человека, и желательно подобрать машину и спецпаратуру. Вокруг Чегоданова муссируются разговоры о “сакральной жертве”, которую следует принести во имя победы на выборах. Меня, признаться, это очень тревожит.

— Пусть это вас не тревожит, Семён Семёнович, — Градобоев ясным, чуть насмешливым взглядом осмотрел сутулого Хуторянина, который напоминал черепаху, готовую спрятать под панцирь сухую голову. — Слухи о “сакральной жертве” распространяют маги и звездочёты, взбадривающие унылого Чегоданова. Он сам и есть “сакральная жертва”, которую принесут его подданные, когда увидят, что он проиграл.

— И всё-таки, Иван Александрович, следует усилить меры безопасности. Прошу сообщать мне маршруты ваших передвижений по городу. И счёл бы необходимым при входе в вашу штаб-квартиру установить рамку металлоискателя. К вам многие идут на приём, и кто знает, что у них в портфелях и сумочках.

— И это преждевременно, Семен Семенович, — мягко, чтобы не обидеть усердного телохранителя, произнёс Градобоев. — Вы прекрасно работаете. Я вам благодарен. После нашей победы я предложу вам возглавить Федеральную службу охраны.

Охранника сменил работник аппарата, которому Градобоев поручал деликатные связи с финансовыми кругами и который добывал деньги, питавшие оппозицию. Коломейкин, тоже бывший работник спецслужб, был элегантный, весёлый, завсегдатай фуршетов и корпоративных вечеринок, где он завязывал дружеские отношения с банкирами, директорами корпораций, бизнесменами, которые пострадали от Чегоданова и были готовы спонсировать оппозицию. Деньги в штаб Градобоева поступали в виде бумажных пакетов, туго набитых банкнотами, либо в виде подарков: автомобили, арендованные особняки, зарплата адвокатам, авиационные билеты для многочисленных вояжей.

— Как прошла ваша лондонская поездка? — Градобоев торопился узнать, чем кончились встречи Коломейкина с миллиардерами, которые сбежали из России, опасаясь преследований, и образовали в Лондоне группу влиятельных ненавистников Чегоданова. — Как было прочитано моё письмо?

— Его прочитала вся “великолепная семёрка”, с которой я встречался в отеле “Дорчестер”. А тот, кто носит имя милого русского дерева, принял меня в своем замке в окрестностях Лондона. И я любовался великолепным парком, стриженными газонами и золотогрудыми утками, которые летали над прудами.

— Я посылал вас в Лондон не за утками, — раздражённо перебил Градобоев велеречивого помощника. — Как письмо?

— Ваше обещание, в случае победы, вернуть их всех в Россию вызвало воодушевление. Почти все они изъявили готовность помочь деньгами. Я разрабатываю схемы, по которым деньги могут поступить в Россию, не привлекая внимание спецслужб. Одна из схем — получение траншей через некоммерческие организации.

Отпустив помощника, Градобоев открыл компьютер и сделал вброс в интернет, разместив в своём блоге несколько яростных фраз.

“Воры из “Роснефти” украли очередной миллиард долларов на строительстве восточного нефтепровода, это ваши деньги, люди русские. Жулики псковской таможни построили восемь личных особняков в курортной зоне стоимостью десять миллионов долларов каждый, при этом половина псковичей живёт в вонючих трущобах. Сын саратовского прокурора, гоняя на позолоченном “бентли”, сбил мать с ребёнком, но был освобождён от ответственности. В Красноярском крае сгорели два дома инвалидов вместе с обитателями — так администрация решает проблему ветеранов. В моей штаб-квартире было найдено подслушивающее устройство, похожее на ухо Чегоданова. Неужели он хочет услышать, как я называю его подлецом?”

Эта запись в блоге напоминала едкую каплю, которую Градобоев впрыснул в плоть невидимого моллюска, обитавшего в перламутровой раковине интернета. Капля ужалила, моллюск сжался, по нему побежала судорога. Он сокращался, пульсировал. В нём возникали вздутия, он раздувался, становился громадным. Искрился, сверкал, таинственно вспыхивал, источал радуги. Интернет напоминал ночной океан, в котором колыхалось светящееся чудовище, расплескивая призрачные волны света.

Градобоев чувствовал жизнь чудища, сплошь покрытого миллионами крохотных глаз, безмолвно растворявшихся ртов. Мог управлять его перистальтикой, будить среди ночи, мучить больными уколами. Мог с его помощью поднимать в океане бурю, опрокидывающую жалкие челноки и судёнышки чиновничьих репутаций, рвать дамбы, возводимые кремлёвскими политиками, вздымать цунами, обрушивая удары на кремлёвские стены, за которыми в страхе притаился его враг Чегоданов.

У Градобоева не было танковых колонн и воздушных армий, секретной полиции и отрядов ОМОНа. У него был маленький блог, который был могущественней “ядерного чемоданчика”, мог сокрушить власть, истереть в порошок кремлёвские башни, растворить в едкой кислоте идеологию государства.

Интернет был его партией, его политическим оружием, его стихией, которой он умел управлять, как древние колдуны управляли землетрясениями и потопами, сметая с лица земли непокорные царства.

В кабинет вошла пресс-секретарь Елена Булавина. Он покидал интернет, как покидают ночной океан, выходя на берег из маслянистых светящихся волн.

— Подойди ко мне, — протянул к ней руки. Она подошла, улыбаясь, и он, не вставая, обнял её бёдра, прижался лицом к дышащему животу. Чувствовал её силу, аромат духов, прелесть доступного тела. Она смотрела сверху смеющимися зеленоватыми глазами.

— Сегодня у нас три интервью, и их не нужно откладывать, — сказала Елена.

Первое интервью он давал журналистке из таблоида “Всё вокруг” — многотиражного “жёлтого” издания, которое читают в метро и на кухне и которое развлекает обывателя сплетнями, слухами и скандалами. Журналистка была длинноногая, на высоких каблуках, в короткой юбке. Шары груди сочно выкатывались из тесной блузки. В матовой ложбинке золотился пикантный крестик. Огромные, как у целлулоидной куклы, глаза были окружены пышными накладными ресницами. Надувные губы в маслянистой помаде, казалось, были готовы к поцелуям. Округлые движения бёдер, ярко-красный пластмассовый пояс, волосы, которые она поминутно отбрасывала назад, — всё это делало её похожей на танцовщицу, начинающую свой сладострастный танец у хромированного шеста.

— Вы позволите, господин Градобоев? — она уселась перед ним, забрасывая ногу на ногу, так что открылись кружева её белья. — Мы можем начинать? — она положила на стол маленький диктофон с мерцающей каплей индикатора, приблизила к кнопке палец с красным ногтем. — Итак, мой первый вопрос. Что вы будете делать через час после вашего избрания президентом?

Градобоев жадным взглядом блестящих глаз осмотрел её, будто подобрал, и она закружилась вокруг хромированного шеста, сбрасывая юбку, блузку, кружевной лифчик, оставаясь в хрупких туфельках и тонких бикини, полногрудая, с плотным животом и развеянными волосами.

— Через час после избрания я прикажу арестовать всех жуликов и воров в правительстве, правящей партии и администрации президента. Я устрою судебный процесс века в Мраморном зале Дома Союзов, и каждый подсудимый будет каяться перед народом: “Я, мерзкий ворюга, своровал миллиард долларов. Возвращаю деньги ограбленным мною сиротам. Заслуживаю расстрела”; “Я, гнусный мошенник, похитил два миллиарда долларов. Возвращаю их старикам и немощным. Пусть меня повесят на фонаре”.

Журналистка впитала в себя взгляд Градобоева, как медуза впитывает влагу. Повела плечами. Поправляя крестик, раздвинула вырез блузки.

— Могли бы вы пригласить меня на прогулку под фонарями, где будут висеть вору и мошенники?

— Обещаю погулять с вами по Тверской под оранжевыми фонарями, где будут раскачиваться министры, депутаты и генералы. Мы будем с вами неплохо смотреться.

Журналистка быстрым языком облизала губы, обольщая Градобоева покачиванием красивой ноги, глубоким вдохом, от которого груди почти выкатились из тесного шёлка.

— Наши читатели знают вас как страстного оратора и бесстрашного политика. Но какой вы человек? Например, какие женщины вам нравятся?

Градобоев испытал моментальное слепое влечение и остановился в своём вожделении. Звериным нюхом почувствовал опасность. Так лесной чуткий зверь среди запахов древесной коры, ароматных цветов, пахучих подземных грибов улавливает кисловатый запах железа, угадывает присутствие капкана, слышит дуновение смерти. Осторожно огибает гиблое место. Градобоеву был известен коварный приём ФСБ, когда врагу режима присылалась соблазнительная женщина, увлекавшая неосторожного мужчину в свою спальню. А потом в интернете появлялись картинки, где герой оппозиции предстал в своих бесстыдных забавах. Градобоев угадал в искусительной жур-

налистке посланницу спецслужб, и это открытие развеселило его. Он делал вид, что очарован и оболещён.

— Вы спрашиваете, какие женщины мне нравятся? Длинноногие. С грудью, которую не нужно рассматривать в увеличительное стекло. С волосами, в которых гуляет ветер. И с глазами, ну, такими, какие у вас! — он восхищённо смотрел на неё.

— А какие вы любите блюда? В какие рестораны ходите?

— В районе Чистых прудов есть малоизвестный рестораник вавилонской кухни. В нём подают бифштекс из знаменитого вавилонского зверя, у которого змеиная голова, передние ноги льва, а задние — птички, рыба чешуя и львиная шерсть. Зверя подают с подливкой из лепестков лотоса и почек молодого анчара.

— Боже, какой изысканный вкус! А какой досуг вы предпочитаете?

— Каждый уик-энд я летаю в Лондон по приглашению королевы Англии, и в Букингемском дворце мы играем с ней в покер или музицируем в четыре руки на клавесине, или забавляемся, стреляя друг в друга в темноте из пистолетов, как это заведено в “русской рулетке”.

— О, да вы настоящий аристократ! А каково ваше хобби?

— Я коллекционирую горные хребты, а также фантики от конфет, которыми лакомились в восемнадцатом веке. Ещё я коллекционирую нательные крестики набожных католичек.

Градобоев кивнул на золочёный крестик, удобно расположившийся на одном из великолепных полушарий.

— Что ж, я готова пополнить вашу коллекцию, — журналистка чарующе улыбнулась своими влажными надувными губами. Выключила диктофон. Протянула Градобоеву визитную карточку с крохотной цветной фотографией. — Звоните.

Когда она вышла, Елена усмехнулась:

— Ты сам похож на вавилонского зверя с птичьими ногами и кошачьей головой. Тебе нравятся такие женщины?

— Не ревнуй, — он притянул её за руку. — Смотри!

Градобоев достал ручку и на визитке под смазливой фотографией нарисовал две кости. Выкинул визитку в корзину.

Следом в кабинет был приглашён главный редактор влиятельного либерального издания “Честная газета”. Издание выходило на деньги нескольких банков и фондов, вело искусную антикремлёвскую пропаганду, соединяло все оттенки либеральных воззрений и неявно осуществляло связь российской либеральной политики с зарубежными культурными и политическими центрами. Главный редактор Луцкер был квадратный, без шеи, с жирной грудью, сальными, ниспадающими до плеч волосами. Его мясистое лицо было бурачного цвета, нос в мелких склеротических сосудах, ноздри густо заросли волосами, а борода напоминала сочную котлетку. Он был страстный, самолюбивый, обидчивый. Был награждён французским Орденом Почётного легиона и заседал в Совете по правам человека.

— Простите, опоздал. Завтракал с советником президента Стоцкого. — Луцкер протянул Градобоеву жирную ладонь, неряшливо порылся в карманах, извлекая диктофон. Тяжело рухнул в кресло, издав заросшими ноздрями звук лопнувшей автомобильной крышки. — Ну, начнём.

Градобоев зорко оглядывал визитера с лёгкой неприязнью к его неопрятному виду, демонстрируя любовь и радушие. Он нуждался в таком союзнике, как Луцкер. Выступление в “Честной газете” было престижным, делало его лидером уважаемых оппозиционеров. Говорило о том, что он, трибун и любимец площади, кумир толпы и революционер, получал благословение у старых борцов с режимом — у маститых деятелей культуры, эмигрантов, либерально настроенных банкиров и предпринимателей.

— Позвольте спросить, любезный Иван Александрович, как вы видите политический процесс в России накануне выборов? Как он вам видится с трибуны Болотной площади? И не превратится ли эта трибуна в баррикаду?

— Россия беременна революцией. Болотная площадь — это матка, где созревает эмбрион революции. Я — её акушер, готов принять роды. Крем-

лёвская власть становится всё более фашистской. Чегоданов по своей глубинной сущности фашист, и на его лбу всё отчётливее проступает свастика. Он точит скальпель, чтобы зарезать революцию в чреве. Или, как царь Ирод, заколоть родившегося младенца. В ближайший месяц революционный народ столкнётся с фашистской властью. И это произойдёт сразу же после фальшивых выборов, где у меня украдут победу.

Было видно, что ответ понравился Луцкеру. Его синие глазки ярко забегали на красном мясистом лице.

— Так почему же, скажите на милость, на Болотной площади рядом с вами я не вижу “левых”, националистов, представителей подавляемых меньшинств, мусульманских активистов, звёзд шоу-бизнеса? Почему вы не призовёте их себе на помощь? Ведь все согласны, что вы единственный конкурент Чегоданову.

— Я рад был бы увидеть их рядом с собой. Передаю через вашу замечательную газету, что я готов потесниться на трибуне и предоставить им почётное место. Русская революция, которая начинается, не является “оранжевой”, как утверждает Чегоданов. Она многоцветна — алая, золотая, бирюзовая, белая, изумрудная. Она, как праздничный салют, как цветочная клумба. Революцией руководит не один лидер, а букет лидеров. Давайте соберём этот букет. И либо вместе отпразднуем мою победу на выборах, либо вместе возглавим революцию.

Луцкер покраснел, сочно шевелил губами, шумно дышал и выглядел, как человек, перед которым поставили тарелку вкусной еды. Он её нюхал, глотал, смаковал, впитывал сладкие соусы, поглощал острые приправы. Этой пищей был Градобоев. Его вдыхал и вкушал опытный гастроном, и Градобоев не противился этому поеданию. Луцкер, поглощая кушанье, сам был едой, которую поставили на стол Градобоеву. В политике все, даже соратники, не явно поедает друг друга. И все политическое поле усеяно скелетиками обглоданных неудачников.

— А теперь позвольте спросить. Что всё-таки будет, если Чегоданов, вопреки всем замерам его низкой популярности, благодаря выборным подтасовкам и махинациям, победит? Как вы себя поведёте?

— Призову народ к восстанию. Вот тогда трибуна Болотной площади превратится в баррикаду, — эффектно произнёс Градобоев. Елена, любуясь своим кумиром, кивала, её лицо стало пунцовым от восхищения.

— Но позвольте пофантазировать. Повторяю, это только фантазия, только гипотеза, и не более, — Луцкер закрыл синие глазки, сделал глубокий вдох, отчего его тело расширилось, кожа натянулась, и он стал похож на гриб “дедушкин табак”, который, лопаясь, извергает из себя коричневый дым. — Предположим на минуту...

Градобоев чутко замер, услышав едва различимый толчок, предвещающий главное содержание беседы, объяснявший, почему маститый редактор пожаловал к нему сам, а не прислал корреспондента.

— Предположим, начнётся восстание, и улицы покроют баррикады, и, быть может, упаси Господь, на московских площадях прольётся кровь. Что, если действующий президент Стоцкий объявит выборы недействительными, назначит перевыборы? По Конституции, в этих новых выборах вы не сможете участвовать, и ваше место займёт другой. В том числе и ныне действующий президент Стоцкий. Быть может, вы бы согласились отдать ему свой голоса, свой потенциал, а он, став президентом, приблизил бы вас к себе. Предложил портфель министра или даже назначил премьер-министром. Вы молодой политик с президентским будущим. Вам полезно пройти школу премьера, понять истинные пружины власти.

Это прозвучало неожиданно, но Градобоев не выдал своих чувств даже дрожаньем зрачков. Ему предлагался договор с президентом Стоцким, который, прожив унижительные четыре года под властной дланью Чегоданова, решил предать своего друга, сбросить оскорбительное иго, взять реванш за все унижения. Градобоеву предлагалось стать участником вероломной интриги, решавшей судьбу власти.

— Вы понимаете, это только журналистское предположение, — произнёс Луцкер, выпуская из ноздрей жаркий воздух.

— Политика вступила в такую фазу, что возникает множество вариантов развития. И каждый из них осуществим. Иногда мне кажется, что не мы делаем политику, а она формирует нас. И ей выбирать, каким путём двинется русская история, — ответ был уклончив, и в своей неопределённости содержал предложение ещё раз вернуться к этой гипотезе. Умный и чуткий Луцкер прикрыл и снова раскрыл свои синие глазки. После нескольких незначительных вопросов он выключил диктофон.

— Всё-таки лучше встречаться не на баррикадах, а за стойкой бара, — он выкатился из кабинета, переваливаясь на коротких ногах.

— Ну, как тебе нравится? — Градобоев обратился к Елене, которая что-то быстро писала в блокнот. — Не исключаю, что вскоре у меня состоится тайная встреча с президентом Стоцким. Что ты на это скажешь?

— Я плохой советник, у меня нет политологических прозрений. Я люблю тебя и тонко чувствую, где тебя подстерегает опасность. Рядом с тобой должен находиться человек, который понимает всю огромную машину власти, знает её потаённые пружины и кнопки. Поможет тебе нажать самую нужную кнопку, чтобы машина последовала твоей воле, и не нажать ту, что вызовет взрыв.

— Согласен, дорогая. Я действую наощупь, в потёмках. Но пока что, согласись, безошибочно. Кто у нас следующий?

Следующим был корреспондент “Нью-Йорк таймс” Джеффри Стикс, молодой американец с тонкой шеей и сухими запястьями. Светлые волнистые волосы, нос с горбинкой, маленький розовый рот, свежее девичье лицо, бледные голубые глаза. Тихо смеющиеся и любезные, они вдруг холодели, становились пронзительными и почти жестокими. Ладонь, которую он протянул Градобоеву, была большая, сухая и холодная, клетчатый просторный пиджак источал едва ощутимый запах вкусного табака.

— Благодарю, что согласились меня принять. Я получил от руководства указание взять у вас интервью. Сейчас вы знамениты в России, но после этого интервью вы станете мировой знаменитостью, — он говорил на прекрасном русском языке, лишь иногда останавливаясь и выбирая правильное слово. Он был мягко ироничен, но эта ирония относилась не к собеседнику, а к себе самому.

— Для меня большая честь принимать у себя корреспондента великой газеты, — произнёс Градобоев, стараясь быть столь же ироничным и мягким.

— Похоже, России предстоит горячая зима, если судить по осенней политической температуре, — сказал американец, включая диктофон.

— Ничего удивительного. Мировое потепление климата. У вас на Манхеттене плавятся стекла. Нил кипит. А Греция похожа на раскалённую сковородку.

— И всё-таки этот протестный взрыв в России произошёл очень внезапно. Всё было тихо, спокойно, люди терпели, и, казалось, нет конца этому русскому терпению. И вдруг — взрыв. Что случилось?

— Россия — страна великого терпения и великих взрывов. Народ терпел империю Романовых триста лет и сбросил её в три дня. Советская империя длилась семьдесят лет и казалась вечной, но её сдуло в три дня. Такие уж ветры в России, и такие империи.

— Но господин Чегоданов казался несомненным национальным лидером, и его избрание президентом не вызывало сомнения.

— Всё это в прошлом. Теперь у России другой национальный лидер.

Градобоев слегка рисовался перед Джеффри Стиксом, видя, что тому это нравится, вносит в политическое интервью элемент игры. Маленький розовый рот корреспондента сдержанно улыбался. Голубые глаза смеялись.

— И всё-таки нам, на Западе, не очень понятна цель оппозиции. Её идеология, программа. Чего вы добиваетесь, выводя на площадь десятки тысяч людей? Поражения на выборах Чегоданова? Своей победы? Но ваша программа многим кажется популистской, абстрактно революционной. Ваше

правление может оказаться не лучше Чегоданова. Как говорят в России: “Хрен редьки не слаще”.

— Наша цель — свобода. Недопущение авторитарной власти, предотвращение диктатуры. Мы стремимся создать в России общество европейского типа с независимыми судами и свободным многопартийным парламентом. На этом сходятся все представленные в оппозиции силы. И я выражаю эту общую точку зрения.

Глаза американца потемнели, в зрачках появились блестящие чёрные точки. Губы сжались, превратившись в маленький пунцовый бутончик. Горбинка на носу порозовела, а сам нос стал подвижным и чутким.

— Каким вы видите экономический уклад будущей России в случае, если судьба улыбнётся вам, и вы станете президентом?

— У нас сохранится свободная экономика, избавленная от гнёта чиновников. Мы привержены мировому разделению труда, оставляя за собой традиционные для нас рынки. Мы будем способствовать интеграции нашей экономики с западной развитой экономикой.

Джеффри Стикс, казалось, не довольствуется записью диктофона, а ведёт какую-то свою потаённую запись, отыскивая в словах Градобоева глубинный смысл. Этот смысл он добывал всеми органами чувств: пронзительными мерцающими зрачками, сжатым розовым ртом, превратившимся в присоску; чутким, тонко вдыхающим носом, покрасневшими мочками маленьких ушей; кончиками пальцев, которые он направлял в сторону собеседника, словно ловил исходящее от Градобоева излучение. Градобоев понимал, что его изучают, делают психологический портрет. И этот портрет пополнит досье, которым оснастил себя американец, направляясь на встречу с ним.

— Почему, как вы считаете, в России столь сильны антиамериканские настроения?

— Не сильнее, чем в Европе и остальном мире. Россия оказалась разгромленной в “холодной войне”, и антиамериканизм — это комплекс проигравшего. Чегоданов поддерживает в народе этот комплекс, чтобы создать из Америки “образ врага”. Мы будем всячески этому противодействовать и, не сомневаюсь, мы преодолеем этот комплекс.

— Не кажется ли вам, что Россия вступает в неоправданную гонку вооружений? Слишком большие деньги тратятся на создание бомбардировщиков, подводных лодок и танков. Ускоренно обновляется парк стратегических ракет. С кем собирается воевать Россия?

— Это всё тот же, свойственный Чегоданову имперский синдром. Недавно один из моих друзей-политологов сказал, что если бы Россия вообще отказалась от ядерного оружия, то исчезли бы разделяющие нас с Америкой противоречия и опасения. Мне кажется, над этим тезисом стоит подумать.

Американец был сверхмощной ЭВМ, тщательно замаскированной под обаятельную джентльмена в клетчатом пиджаке. Под этим пиджаком что-то тихо шелестело, мерцало, бежали бесконечные ряды цифр. Образ Градобоева, его слова превращались в электронную кривую, в моментальный импульс. Через коммуникационный спутник попадал в секретную штаб-квартиру, где сверялся с другими импульсами, другими прихотливыми кривыми. И другой джентльмен, в таком же клетчатом пиджаке, с такой же горбинкой носа извлекал из принтера листок с аналитической информацией.

Градобоев чувствовал, что решается его политическая судьба. Невидимый арбитр, долго наблюдавший за ним, теперь выставляет ему оценку. И от этого зависит, подключатся ли к нему незримые мировые силы, возводящие и низвергающие политиков, создающие и разрушающие государства. Или он не выдержит тест, и его сдует, как тополиный пух.

— Как будет развиваться внешняя политика России? Ведь до сего дня Чегоданов балансировал между Востоком и Западом, между Америкой и Китаем. Но, кажется, теперь мир подходит к своей критической черте, когда необходимо сделать выбор.

— Не стану лукавить. Китай является для нас стратегическим противником. Он занёс свою жёлтую длань над Дальним Востоком и Сибирью, и без помощи Запада нам не удержать территорий. Мы готовы сотрудничать

с Америкой в республиках Средней Азии, не станем препятствовать созданию там американских военных баз. И, в случае необходимости, мы готовы рассмотреть вопрос о создании американской военной базы в Приморье.

Джеффри Стикс замер, словно в нём на мгновение остановилось сердце, и невидимый объектив сделал стоп-кадр. Вновь ожил, мило заулыбался, сжал пальцы, убрав внутрь кулака расположенные на их кончиках приборы. Задал ещё несколько незначительных вопросов и выключил диктофон.

— Господин Градобоев, как бы вы отнеслись к тому, чтобы пообедать с нашим послом в Москве господином Кромли?

— Для меня это высокая честь. Однако вы понимаете, как пошатнется моя репутация, если о такой встрече станет известно?

— Мы отдаём себе в этом отчёт. Обед будет проходить в резиденции посла Спасхауса без афиширования.

— Я жду приглашения.

— Считайте, что вы его получили. О времени вас известят, — американец поднялся — высокий, с длинной шеей, с милой улыбкой на маленьких розовых губах.

Когда он вышел, Градобоев шумно повернулся к Елене:

— Ты понимаешь, что это было? Кто он, журналист или психолог ЦРУ?

— Я тебя поздравляю, — взволнованно сказала Елена, — Это рубеж в твоей политической карьере. Тебя приглашают к послу на смотрины.

— Ты помнишь тот знаменитый вояж Горбачёва в Англию, где ему устроила смотрины Тэтчер? И ту поездку Ельцина в Сиэтл, где он прошёл тест на будущего президента России? Похоже, американцы рассматривают меня всерьёз как будущего президента.

— Ты и есть будущий президент.

— Этому американцу я говорил не то, что я думаю, а то, что он должен был услышать.

— Ты мастер дипломатических формулировок.

— Ты согласна, что я знатная птица?

— Ты великолепная знатная птица. Я бы сказала, жар-птица.

Градобоев крутанулся на каблуке, обхватил Елену за талию и поцеловал в голую шею. Интернет бушевал от его послания, как лесной пожар, расплёскивая во все стороны огненные брызги. И там, куда падала капля огня, возникал новый очаг пожара. Красивая развратница на длинных ногах унесла его весёлые шутки в свой многотиражный таблоид, и миллион обывателей уткнётся своими рыбьими глазами в его портрет. Похожий на лесной гриб Луцкер, опасный интриган и лукавый сплетник, передал ему зашифрованное послание от президента Стоцкого. И этот хлыщеватый журналист из “Нью-Йорк таймс” был гонцом могущественного посла, поддержка которого сулила ошеломляющий успех. Первая половина дня прошла превосходно, и можно было теперь пообедать.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Градобоев и Елена обедали в соседней комнате, куда официант принёс из ресторана накрытые крышками блюда. Осетровая уха с ломтями янтарной рыбы была чудесной. Телячий стейк был свеж и едва сочился кровью. Золотистое шабли нежно булькало, проливаясь в бокалы. Елена смотрела, как ест Градобоев. Он делал это, как и всё остальное, — быстро, порывисто. Почти не пережевывал пищу, а глотал её, как сильный голодный зверь. Громко разгрыз хрящ. Жадно отпил вино. Отёр влажные губы салфеткой и отбросил её так, что она упала на пол.

Всё это возбуждало Елену, она восхищалась его неукротимой стихийной силой, которая делала Градобоева президентом бунтующих масс, тоскующих по силе, отваге, мужественной воле. Казалось, Градобоев давит своей мощью на бущущую вокруг него жизнь. Оставляет в ней вмятины, раздвигает, прокладывая в ней коридор. Елена движется вслед за ним по этому коридору среди ревушей по сторонам опасной стихии.

Она как-то в шутку сравнила его с Моисеем, перед которым расступилось Чермное море, и истомлённый, алчущий обетованной земли народ прошёл по сухому дну. И она идёт за ним следом по этому открывшемуся, в ракушках и водорослях, дну с остатками затонувших кораблей. И обетованной целью, которая влечёт их обоих, служит Кремль, его розовое чудо, его мистическое золото, его волшебный магнетизм.

— Я прохожу очень опасный и увлекательный момент, — говорил Градобоев, отпивая вино. — Мировое еврейство, которое следит за процессами в России и участвует в них напрямую, кажется, готово сделать на меня ставку. Моё письмо к опальным банкирам в Лондон имеет самый положительный отклик, и это сулит мне неограниченное финансирование. Либеральные группы в окружении Чегоданова, олигетворяемые президентом Стоцким, готовы со мной сотрудничать, а это удар в спину Чегоданова. И главное — американский посол, этот еврей-русифил, декламирующий по-русски Пушкина, приглашает меня на свидание. Еврейская мировая энергия в очередной раз готова питать русскую революцию. Но она опять ошибётся, — он засмеялся и сделал крупный глоток вина.

Елена с обожанием глядела на Градобоева, который представлялся ей кудесником, сжимавшим драгоценный сосуд. В этот хрустальный сосуд вливались разноцветные напитки, светоносные настои. Смешивались, бурлили. Меняли цвет — от золотого и нежно-лазурного до зловеще-фиолетового и кроваво-красного. Выпадали таинственные осадки, вырастали причудливые кристаллы. И чем кончится эта алхимия — возникнет ли дивный, невиданной красоты самоцвет или случится оглушительный взрыв, который погубит сосуд и алхимика?

— Верю, мой милый, что твоя интуиция позволит тебе разглядеть все опасности. Ты — не марионетка банкиров и послов-русифилов. Ты — национальный лидер, выражающий волю народа.

Ей было сладко произносить эти слова. Сладко знать, что её обожание питает его, необходимо ему. Она освещала его своей страстной женственностью, и он переливался в её лучах. Она создала его образ как воплощение силы, победной энергии и мужественной красоты. И предлагала этот образ другим, приглашая на встречи с ним дружественных журналистов, знакомых писателей и художников, которые, находясь под её обаянием, писали статьи и эссе о восходящей русской звезде.

— В том-то и тонкость, моя дорогая. Есть идеология власти, а есть политехнология. Эта капризная девушка предполагает бесчисленные компромиссы, построенные на лукавстве, обмане, уловках. И суть политики в том, чтобы политехнология не растворила в себе идею. Иначе лидер становится жалкой песчинкой в руках мировых силачей. Ленин использовал еврейскую энергию и взял власть. Но сохранил ли он при этом идею?

Она не понимала его до конца. Не вникала в тайны его страхов, его мгновенных сомнений. Она воспринимала его целостно, как скульптуру, в которой не видны внутренние вкрапления, прожилки, изъяны материала. А только великолепная пластика — плод работы искусного скульптора, которым она сама и была. Она создавала эту совершенную скульптуру, продолжая привносить в неё последние штрихи совершенства.

— Ты знаешь, мой милый, как я стараюсь тебе помочь. Я верю в твою звезду, в твою победу. Весь мой опыт, мою любовь, мою веру я посвящаю тебе. Но рядом с тобой нет человека, который был бы тебе советником во всех политических хитросплетениях. Кто бы знал в совершенстве устройство кремлёвских лабиринтов, нити и струны, связывающие кремлёвскую знать. Кто умел бы играть на этих струнах.

— Но такого человека нет рядом с Чегодановым. Был Бекетов, но самодовольный Чегоданов отправил его в ссылку. И сразу просел, стал совершать ошибку за ошибкой. Кстати, кажется, у тебя с Бекетовым был роман?

— У меня роман только с одним человеком. С тобой. Я открою тебе. Мне приснился вещий сон. Будто ты президент, твой кортеж мчится по московским улицам сквозь Триумфальную арку, и народ кидает тебе цветы. Тыходишь в Кремль, в тронный зал и приносишь присягу на Конституции. А я стою

среди генералов, министров, самых знатных людей, и сердце моё ликует. Ты видишь меня и улыбаешься, и все знают, что ты улыбаешься мне.

— А кому же ещё? Ты первая леди. Ты самая красивая, самая умная, самая знаменитая женщина России.

— Я хочу заказать твой портрет какому-нибудь прославленному художнику. Может быть, Илье Глазунову с его величественной имперской манерой. Пусть нарисует тебя на трибуне под осенним московским небом, перед туманным Кремлём, и над тобой сверкает бриллиант.

Он счастливо, жадно смотрел на неё. Встал и отбросил стул. Она поднялась навстречу. Он сжал её, стал раздевать, путаясь в молнии, обрывая неловко пуговицы. Она стояла перед ним обнажённая, торжествуя, чувствуя свою власть над ним, а он целовал её шею, плечи, грудь, прижимался горячим лицом к животу, бёдрам, коленям. Нетерпеливо и сильно опустил на диван, и она видела, как он стягивает, почти сдирает с себя рубаху, как напрягаются на его плечах сильные мускулы, как блестит золотой нательный крестик.

Он был жаден, неистов, грубо мучил её. Она терпела его насилие, видела близко над собой его трепещущие белки, приоткрытый рот с крепкими мокрыми зубами. И когда невыносимое и сладкое страдание расплавило всю зримую явь, и его безумное лицо превратилось в бестелесную вспышку, из этой вспышки вдруг возникло другое лицо: светлый высокий лоб, платиновая седина на висках, светящиеся тайной глаза.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Елена выполняла наказ Градобоева, который хотел привлечь к себе лантливых художников и поэтов, чтобы те привнесли в протестные манифестации творческую фантазию. Превратили политический митинг в театральное действие. Она направилась в галерею, где проходила вернисаж модного художника Скороходова, мастера авангардной скульптуры. Там должны были появиться живописцы, дизайнеры, арткритики, поэты-нонконформисты — вся московская художественная богема, среди которой у Елены было много приятелей.

Она вела свой изящный автомобиль “опель-вектра” по сырым московским улицам, стиснутая со всех сторон скользящими машинами, красными и белыми вспышками, нервными мерцаниями. Раздражалась видом размытых в дожде фасадов, назойливых реклам, безвкусных вывесок, за которыми вдруг возникал сиротливый ампирный особняк или новомодный дом — скопище нелепых башенок, арок, колонн. И только раскрыв над собой зонтик и перебегая тусклые лужи, она обрадовалась, предвкушая встречу с милыми сердцу знакомцами, с их абсурдистскими фантазиями.

Выставка известного мастера Скороходова называлась “Стань птицей”, о чём извещал плакат с портретом Скороходова, и впрямь похожего на изумлённую, нахохлившуюся птицу: круглые глаза, заострённый нос, гребнем стоящие волосы. Галерея располагалась в помещении бывшего трамвайного депо, и дизайнеры сохранили кирпичную кладку стен, железные балки перекрытий, остатки трамвайных рельсов, врезанных в бетонный пол. Елена, оказавшись в просторном, грубо и хлёстко оформленном зале, испытала радостное волнение, сохранившееся с тех дней, когда она содержала небольшую модную галерею, собиравшую весь бурлящий и экстравагантный авангард. Теперь она бегло и счастливо осматривала экспозицию, переходя от одной фантастической птицы к другой.

— Бог мой, Елена Прекрасная! — приветствовал её чернобородый художник с большим лысым черепом, обнимая и слишком тесно к ней прижимаясь. Его большие холсты с волшебными цветами пользовались успехом на европейских выставках. — Сколько лет, сколько зим! А мы думали, что тебя увёз в иммиграцию Бекетов, и ты открыла галерею на Манхэттене.

— Как видишь, нет, — Елена освободилась из его рыхлых объятий. — Мой удел — русские помойки и свалки.

— Мы не жалуемся, — засмеялся маленький изящный художник с влажными восточными глазами и с серебряным перстнем. Это был мастер поп-арта, чьи работы наполняли музеи мира. — В России всё больше помоек и свалок. У меня есть проект превратить одну из подмосковных свалок в портретную галерею современных политиков. Депутаты из пластиковых бутылок, сенаторы из пищевых отходов, генералы из гигиенических пакетов.

Елена любила это экзотическое, капризное, животворящее племя, являвшее собой дружное сообщество творцов, безобразников, бескорыстных мечтателей, неумолимых выдумщиков, так не похожих на тусклых обывателей или алчных стяжателей, однообразных кликуш и жёлчных ненавистников. Художники, с которыми она водила дружбу, могли быть пьяницами, курильщиками тонких ядов, мелочными в обидах, но никогда — мрачными дельцами, фанатичными исповедниками, жестокими гонителями. Они были терпимы, ироничны, мечтательны, держались тесной стаей, где каждый узнавал другого по переливу пера, птичьему свисту, изысканному полёту, который часто кончался трагическим кувырком под дулом смертоносного ружья.

— Когда ты была с Бекетовым, от тебя была польза, — произнёс художник в азиатской шапочке и неряшливой хламиде с пёстрым пояском. Он провалился инсталляцией на тему террористических взрывов в Москве. — Ты приводила к нам богатых клиентов с Рублёвки. А теперь, когда ты крутишься среди оппозиционеров, кого ты можешь к нам привести? Твой Градобоев любит Шилова и Глазунова, готовых увековечить его неистовый лик.

— Ты не прав. Я раздобуду для вас роскошный заказ. Под него есть деньги, нужны мастера. Через месяц состоится грандиозный митинг оппозиции. Превратите его в перформанс. В вашем распоряжении площадь, толпа, знамена, транспаранты, фаеры, мегафоны, прожектора. Создайте зрелище, как при открытии Олимпиады.

— Легко, — хмыкнул крепыш с русыми кудрями, чьи руки были чёрными от металла, сварки, едких кислот и мастик, — Оденем твоего Градобоева в костюм инопланетянина и спустим его на трибуну с аэростата.

— Лучше в горностаевой мантии, с короной на голове.

— А может, в облачении Ильи Пророка, который вернулся на Землю?

Художники, которых позабавило предложение Елены, стали фантазировать, то ли шутя, то ли серьёзно. Елена смеялась, аплодировала, смотрела на летящий пух. И вдруг среди зрителей, со страхом и неверием, увидела знакомое лицо: высокий лоб, платиновая седина на висках, серые внимательные, устремлённые на неё глаза. Бекетов стоял в толпе, словно явился из бесплотной вспышки, из слепящих лучей, из её грешных побуждений и запретных видений.

Они сидели в маленьком артистическом кафе в дальнем углу галереи, среди тех же кирпичных стен, железных балок, врезанных в пол рельсов.

— Спасибо, что подошла, не убежала, увидев меня, — говорил Бекетов, виновато и робко поднимая на Елену глаза.

— Ты искал меня? Не случайно оказался в галерее?

— Я помню, что ты стараешься не пропускать вернисажи. Помню, что Скорыходов твой приятель.

— Зачем же ты меня искал? — спросила она отчуждённо, испытав внезапную неприязнь, столь сильную, что готова была встать и уйти.

— Мне хотелось увидеть тебя.

— Да что ты говоришь? Захотелось увидеть? Захотелось вдруг повидаться? А когда ты уехал, не попрощавшись со мной, когда ты прислал мне это бесчеловечное письмо, так и не удосужившись объяснить?.. И это после всего, что нас связывало! После всех твоих уверений! И вдруг теперь — повидаться? — Она испытывала жёлчное отчуждение. Её горечь, негодование, оскорблённое самолюбие воскресли, и ей хотелось сделать ему больно, уязвить, сказать что-нибудь оскорбительное и надменное, а потом подняться и уйти.

— Я знаю, что виноват. Но у меня не было сил поступить иначе.

— Ты решил, что у меня избыток сил? И поэтому предоставил мне читать твоё прощальное послание? С твоими обычными виртуозными оборота-

ми речи, которыми ты когда-то меня очаровывал, признавался в возвышенной любви, а теперь отсылал меня от себя, всё так же изысканно и изящно? — Она едко смеялась, видя, как её слова ранят его, и он потерянно и беспомощно старается ей возразить.

— Я потерпел крах. Меня накрыла тьма. Я не хотел брать тебя в мою тьму.

— Но почему ты меня не спросил? Может быть, я бы захотела идти за тобой во тьму? Может быть, тьма с тобой для меня была дороже, чем солнечный свет без тебя? Когда я прочитала твоё письмо, я хотела кинуться за тобою вслед, но не было обратного адреса. Потом я поняла, что ты бросил меня, и почувствовала к тебе ненависть, желала, чтобы моя ненависть настигла тебя, ударила в спину, и ты погиб. Потом я захотела забыть всё, что нас связывало, испепелить наши чудесные дни. Я сожгла письмо, и ветер из окна разнёс пепел по комнате. Потом я ужаснулась, что наше чудесное время, наши путешествия, безумные и счастливые ночи, восхитительные разговоры — всё это пропало бесследно. Я стала ползать по полу, собирала пепел. Плакала над ним, целовала, веря, что молитвой и слезами можно всё воскресить, и ты вернёшься. Но ты не возвращался. И понемногу я смирилась, отодвинула прочь всё, что с тобой было связано. Для меня началась другая жизнь, появился другой человек, которому я верю, которому служу.

Она вдруг заметила, что не желает уходить, хочет остаться, получить от него запоздалое объяснение. Хочет сама объясниться. Что их исчезнувшие, прерванные отношения вовсе не исчезли, а длятся и после того, как он покинул её. И для того, чтобы эти зыбкие длящиеся отношения, наконец, прекратились, чтобы она сбросила с себя бремя этих оборванных отношений и целиком отдалась своей новой судьбе, — для этого необходимо с ним объясниться.

Она видела, как страдает Бекетов, как мучительно сдвигаются его брови, бегают неуверенные глаза. И эта растерянность доставляла ей удовольствие. Он, обычно страстный, готовый проповедовать, убеждать, уверенный в своей правоте, теперь был слаб и растерян. Был слабее её, и она торжествовала.

— Ты права, я виноват. Я оказался никчёмным, ни на что не способным. Не сумел преуспеть в своих государственных проектах и замыслах. Оказался недостойным тебя. Проиграл повсюду. Я пораженец.

Ей вдруг стало жалко его слёзной жалостью, которая, как плеснувшая волна, смыла недавнее торжество. Она пристально, с недоумением и состраданием, рассматривала его близкое лицо, обнаруживала больше металлической седины в волосах, новые тонкие морщинки у глаз и у губ. Его глаза были такими же светлыми и глубокими, но в этой лучистой глубине появились тёмные тени — след неизвестных ей тревог и разочарований. Ей захотелось узнать, как протекали его годы без неё, какие раздумья, словно тёмные камни, погрузились в светлую глубину его глаз.

— Как ты жил эти годы? — спросила она. И он откликнулся на её страдание торопливым признанием. Словно спешил высказаться прежде, чем снова набегит на них туча, и всё, что на мгновение вспыхнуло и засверкало, снова померкнет.

— Ты знаешь, что вся моя жизнь, весь её смысл был в служении государству. Не Чегоданову, не Кремлю, а Государству Российскому, которое в девяностых годах потерпело страшное поражение. Оно должно было погибнуть безвозвратно. И я спасал его, сражался за него на невидимой войне, и приближал, вымалывал, выкрикивал Русскую Победу. Русская Победа — мой символ веры, моя философия, моя религия. Когда я пришёл в Кремль к Чегоданову, работала страшная машина разрушения, уничтожавшая последние остатки “красной империи”. Хрустели её кости, трещали разрываемые сухожилия и мышцы. Гибли гигантские заводы, разрушались великие научные школы, разорялись гнёзда культуры. Я убедил Чегоданова начать крошечную работу по сбережению государства, вдохновил его пророчествами о Русской Победе. Я начал ломать машину разрушения. Исподволь устранял её операторов, извлекал из неё то одну, то другую деталь. Я менял те-

леведущих и редакторов газет. Тонкими операциями сеял рознь среди ненавистников страны. Спасал от гибели истинных государственников, которых шельмовали, травили, отстраняли от дел. Чегоданов был силен, прозорлив, исполнен честолюбия, верил в своё мессианство. Восемь лет — два его президентских срока — прошли в подготовительной работе, когда страна была готова к рывку, к преображению. Были собраны в казне громадные деньги. Была воспитана гвардия, способная совершить рывок. Была теория этого грандиозного рывка. Был план, согласно которому всей стране, всему народу будет послан сигнал о начале наступления, возведена великая цель, прозвучат искренние, идущие от сердца слова. Слова о неизбежной Русской Победе. Дело оставалось за малым. Чегоданов должен был пойти на третий срок президентства. Не пренебречь Конституцией, а сделать несколько лёгких штрихов, едва ощутимых поправок в этой толстенной книге в переплёте из шкуры кенийского козла. Я убеждал Чегоданова, умолял, угрожал, сулил ему политическую и физическую смерть. Всё напрасно! Он испугался, послушал других советников, послушал своих европейских и американских друзей, с которыми встречался в узком кругу властителей мира, веря в их дружбу. Он не пошёл на третий срок, а выпустил вместо себя дрессированную говорящую куклу, Стоцкого, который наполнил Кремль дымом бессмысленных слов, мишурой бесцветных поступков. А Чегоданов устранился от власти. Его словно опоили зельем. Он вдруг увлёкся заморскими странствиями, катаньем на яхтах, строительством дворцов, увлёкся женщинами, лошадьми, экзотическими видами спорта. И словно забыл о стране, которая стала падать и рушиться. Вернулись в Кремль те, кого я удалил; появились на экранах те, кого я отсёк. Они брали реванш за свое поражение и набросились на меня. Чегоданов не захотел меня защищать. Он отдал меня на растерзание врагам, и я после нескольких с ним объяснений, после нескольких бурных ссор ушёл. Убежал в захолустье и скрылся. Признаюсь, скрылся и от тебя, боялся твоего презрения, твоего отчуждения. Ты ведь привыкла видеть меня на коне, вдохновляла меня в моих победных ристалищах, верила в мою звезду. Говорила, что это и твоя звезда. Но эта звезда погасла. Вокруг меня была тьма. И поверь, я не хотел, не мог увести тебя в мою тьму. Не хотел уподобиться скифскому царю, который в свой смертный курган увлекает любимую женщину, любимого коня, любимый кубок и меч...

Елена слушала его горькую исповедь, и не было в ней обиды, а лишь страдание. Тот, кого она когда-то любила, гордый и изощрённый, истинный, а не мнимый повелитель страны, кудесник интриг, волшебник изощрённых уловок, для одних — исчадие ада, для других — обожаемый идол, этот любимый человек был раздавлен, и некому было поцеловать его тихо в глаза, положить невесомо ладонь на его дышащую грудь. Некому было пробежать босиком по холодному полу, распахнуть на окне занавеску, чтобы огромные земные звёзды вдруг всем своим восхитительным блеском хлынули к нему в тёмную спальню. И его лицо на подушке, и бокалы с недопитым вином, и огромное зеркало кажутся дивно серебряными...

— Я уехал в глушь, в крохотный городок. Затворился, как монах в келье. Ни знакомых, ни телевизора, ни интернета. Только старушка-хозяйка и настоятель монастыря отец Филипп. Русская классика, книги, которые в юности не успел прочитать. “Казачи” Толстого, когда герой ложится в мятую траву, где только что лежал лось. “Евгений Онегин” — такое русское, любимое, данное тебе таинственной памятью, не твоей, а твоих прапрадедов. Гусь на красных лапах ступает на сизый лёд замёрзшего пруда и падает. Как это чудесно! Учение Николая Фёдорова о преодолении смерти. Значит, я могу моей молитвенной волей воскресить отца, умершего от ран после Афганского похода. Воскресить деда, погибшего под Сталинградом. Снова встретиться с мамой. И, конечно, я думал о тебе. Порывался звонить, ехать к тебе, просить у тебя прощения. Особенно ночью, когда пурга стучит в оконце, и такая тоска, такое одиночество!.. Но потом я стал заглядывать в интернет, стал включать телевизор. Боже, что творилось в стране! Всё, чего я когда-то добился, — всё пустили по ветру. Деньги, которые страна скопила для рывка и развития, — эти деньги разворовали и бездарно растратили.

Всех осмысленных людей отстранили от управления, и на их место пришли проходимцы и воры. Страну разворовывали, губили остатки государства. Всюду торжествовали мздоимцы и бездари, а эти два самовлюбленных нарцисса, Чегоданов и Стоцкий, позировали перед телекамерами, как конференсье. Изображали государственных деятелей, и от их слов веяло смертью...

Елена следила за дрожанием его бровей, мучительным блеском глаз, страстным и больным движением губ. Вслушивалась то в горестное, то в гневное звучание голоса. Эти звучания были ей так знакомы, так часто заворачивали. Увлекали в восхитительные лучезарные дали его фантазий, в тёмные бездны его роковых предчувствий, в пьянящую сладость его мечтаний. Она пугалась того, что её прошлое возвращается. Прошлое, где он был любим, обожаем, где она была счастлива и так горько обманута, — прошлое возвращается. Она занавесила его чёрным крепом, как занавешивают зеркало в доме умершего, а это прошлое вдруг воскресло. Всё те же серые пушистые брови, и можно было их целовать, чувствуя, как он замирает от её поцелуев. Всё та же серебристая, как песцовый мех, седина была в его волосах, и можно было вдохнуть их любимый запах. Всё та же маленькая родинка темнела на щеке, и можно было нежно её погладить, видя, как он закрыл глаза и улыбается, позволяя ей чертить на своём лице таинственные письмена. Она пугалась воспоминаний, отталкивала их, искала в себе недавнюю обиду, старалась угадать в нём вероломство, лукавый умысел, почти угадывала. Но потом опять слышала его измученный голос, видела страстные искренние глаза. Верила и внимала.

— Я видел, как всё рушится. Как термиты истачивают остатки страны. Как народ погружается в тупое бесчувствие, и его топчут, обируют, глушат, и он бессмысленно мечется среди своих смертей и несчастий. И вновь из глубин русской истории поднимается тьма, слепая жестокость и ненависть, которая готова хлынуть на площади городов, во дворцы миллиардеров, в библиотеки и храмы, и снова, в который уж раз, превратить страну в кровавое месиво. В грохот тачанок, блеск топоров, расстрельные рвы, усеянные трупами речные откосы. Но вдруг среди бессмысленных ненавидящих лиц я увидел лидера. Увидел его грозное и ясное лицо. Его живые, исполненные смысла глаза. Его способность повелевать толпой, укрощать её слепую ненависть. Его волю к власти, которую он готов использовать не во зло, а во благо. Я увидел лидера, способного спасти Россию от Чегоданова, от всего воровского и развратного племени, удержать Россию на последней черте перед пропастью, развернуть её и повести вперёд, к спасению, к воскрешению, к долгожданной Русской Победе. Монахи в своих скитах говорили, что должен явиться истинный русский лидер. Юродивые на папертях возвещали, что явится русский Спаситель с лицом младенца в чугунных веригах. И я понял, что Спаситель явился. Градобоев — тот русский лидер с наивным и верящим лицом младенца и с чугунными веригами власти, которыми его наградил Господь. Я решил вернуться в Москву и служить ему. Несколько раз я видел тебя рядом с ним. Я понял, что вы близки. Я решил тебя отыскать, преодолев мою робость, чувство вины, боясь вызвать в тебе гнев и презрение. Но, поверь, я думаю не о себе, не о моей перед тобой вине. Я убеждён, что смогу быть полезен Градобоеву. Я знаю Кремль, знаю кремлёвских бесов, знаю Чегоданова. Я искущён в интригах и политических комбинациях, в которых слаб Градобоев. Я помогу ему избежать ошибок. Я помогу ему кратчайшим путём, без крови и потрясений, войти в Кремль. Я передам ему мой проект возрождения России. Представь меня ему. Ты будешь знать о каждом моём слове, каждом намерении. Я знаю, ты любишь его. Мы вместе уберём его от опасностей. Поверь мне!

Его лицо было умоляющим и одновременно настойчивым. Волевым и беспомощным. Любимым и ненавистным. Лживым и искренним. Он пришёл к ней не ради неё, не искать её любви, не умолять, не раскаиваться. Он по-прежнему был политик, виртуоз интриг, знаток огромных и страшных часов, которые своими шестернями двигали стрелки русского времени — куранты русской истории. Он сам был частью этих часов. Золотым наконечником стрелки, скользящей по чёрному циферблату. Но разве не это она в нём

любила? Не это изощрённое уменье? Не это изящное и виртуозное искусство управлять загадочной и грозной машиной? Не она ли помогала ему двигать золочёную стрелку, скользящую от одной золочёной цифры к другой? Она любила в нём хрустальные поднебесные звоны, а не глухие скрипы и скрежеты...

— Ты хочешь пойти служить к человеку, который является моим любовником? — усмехнулась Елена, — Это не будет тебе мешать?

— Мне многое будет мешать, — ответил Бекетов, опустив глаза.

В артистическое кафе после вернисажа появились художники, и с ними — главный герой, Скороходов, уже без перьев, в бархатном вальяжном пиджаке, с шёлковым бантом. На его умытом розовом лице круглились птичьи глаза, торчал заострённым клювом нос, и волосы напоминали петушиный гребень. Он было устремился к Елене, но та досадливо повела плечом, и Скороходов не подошёл. Опустился с приятелями за дальний столик и там шумел, что-то радостно вещал, весело поглядывал на Елену. Извлёк из кармана куриное пёрышко, дунул, и оно полетело в сторону Елены.

— Пойдём отсюда, — сказала Елена, вставая.

Они вышли из галереи. Наступил тёмный дождливый вечер, и Москва, недавно туманная, тусклая, с вялыми очертаниями бесформенных зданий, казалась преображённой. Чёрная, зеркальная, блистающая, она брызгала разноцветными каплями. С жёлтыми, прилившими к асфальту листьями, Москва пахла на Елену осенним хладом, запахом сырых бульваров, тем чудесным временем, когда они с Бекетовым, раскрыв просторный зонт, останавливались под деревьями, сквозь которые светили оранжевые фонари, и сладостно целовались в дожде.

— Где твоя машина? — спросила она, опьянев от этих воспоминаний.

— Я без машины.

— Я тебя подвезу.

Она вела машину среди серебряных всплесков и разноцветных радуг на черном асфальте. Москва казалась огромным зеркальным аквариумом, в котором плыли волшебные рыбы, струились цветные водоросли, загорались морские звёзды, переливались перламутровые раковины. Елене чудилось, что они ныряли в чёрные глубины, населённые мерцающими рыбами, пронеслись среди сверкающих косяков. И вдруг взлетали в лучистую высь, где кружили планеты и луны, реяли метеоры, сказочными светилками пронеслись дорожные знаки. Жёлтый кленовый лист прилип к ветровому стеклу, и Елена молила, чтобы его не сдул ветер, а когда он улетел, испытала больной укол в сердце.

Остановилась у его дома на Тверской, у сырого, в грубом граните фасада.

— Я согласна. Познакомлю тебя с Градобоевым. Вот мой новый телефон, — она протянула ему визитную карточку. Дождалась, когда он выйдет из машины и исчезнет среди зонтиков, мокрых плащей, туманных огней.

Бекетов стоял в дожде, не желая уходить в подворотню, из которой дул тяжёлый холодный сквозняк. Задуманная им комбинация удалась, но эту удачу сопровождало гнетущее чувство, будто он совершил что-то непотребное и постыдное. Мимо, опираясь на палку, шёл промокший старик, без шапки, с седыми, тяжко повисшими волосами. К его пальто прицепился зубчатый кленовый лист. И Бекетов подумал, что старик похож на еврея в гетто с жёлтой звездой.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Утром он обнаружил, что стебель орхидеи удлинился, наполнился соками. А один из бутонов посветлел, в его глубине напряглись лепестки — вот-вот раздвинут зелёную оболочку. И тогда раскроется белоснежный цветок. Чудесная мамина улыбка, её прекрасные глаза скажут ему, что она жива, посылает ему из райских садов свою любовь, хранит его в земной жизни своей бессмертной молитвой. Он потянулся к бутону, стал осторожно дышать на него, согревая, наполняя своим обожанием. И ему показалось, бутон слабо дрогнул, в нём шевельнулись потаённые лепестки.

Градобоев принимал Бекетова в своём штабе, в рабочем кабинете, усадив за маленький столик. Сам же оставался в кресле, отгороженный от визитера полем стола. И это, как показалось Елене, было нарочитым подчёркиванием разделявшей их дистанции. Та же подчёркнутая нарочитость была в том, как оба были одеты. Градобоев в белоснежной рубашке без галстука, в вольной артистической блузе, что подчёркивало его свободу от протокольных предубеждений, необязательный, затрапезный характер встречи. Бекетов же был в строгом тёмном пиджаке и галстуке, как и положено чиновнику, явившемуся на приём к начальству. Всё это казалось Елене ненужной театральностью, привнесённой в важную встречу.

— Польщён и, признаться, удивлён вашим визитом, Андрей Алексеевич, — иронично произнёс Градобоев, весело, с плохо скрываемым торжеством — ещё бы! — Сам канцлер, хранитель печати, явился из Кремля в укромный уголок неизвестного оппозиционера! Как прикажете понимать?

— Я уже давно не канцлер, и гербовая печать не в моих руках, Иван Александрович, — казалось, Бекетов не заметил иронии. — Вы, наверное, знаете, что уже три года между Чегодановым и мною нет никаких отношений. У нас случился разрыв, я уехал из Москвы и веду частную жизнь.

— И всё-таки сам этот ваш разрыв с Чегодановым и решение обратиться к его конкуренту — свидетельство стремительного ослабления Чегоданова. Если самые преданные Чегоданову люди покидают его корабль, значит, его корабль дал течь. Появился другой корабль, надёжный и прочный, где можно чувствовать себя в безопасности.

— Я не обижаюсь, Иван Александрович, на ваше сравнение моей персоны с крысой, бегущей с тонущего корабля. Я уже сказал, что покинул Кремль задолго до того, как ваш корабль был спущен на воду. Вы неверно трактуете мотивы моего визита. Я не перебежчик от слабого и проигравшего к сильному и побеждающему. Чегоданов по-прежнему очень силён, он гораздо сильнее вас. А вы гораздо его слабее. Я пришёл, чтобы усилить вас. Сделать вас сильнее, чем Чегоданов, и тем самым устранить Чегоданова и спасти государство.

Всё это Бекетов произнёс спокойно, с ясными глазами, и Елена почувствовала, что первую схватку, предложенную Градобоевым, выиграл Бекетов. Но проигрыш не раздосадовал Градобоева. Напротив, сблизил с гостем. Градобоев пересел из кресла за маленький столик, ближе к Бекетову, дружелюбно ему улыбаясь.

— Я трезвый человек, а не безумный романтик. Я отдаю себе отчёт в моей слабости и в превосходстве надо мной Чегоданова. Против меня — вся государственная машина с танками, телевидением и разведкой. А у меня — всего несколько микрофонов и уязвлённое несправедливостью общество.

— За вами гораздо большее, Иван Александрович. Вы обладаете волей к власти. Через эту волю реализуется историческая воля народа, который все эти годы искал своего лидера, ошибался, и теперь обрёл — в вашем лице. Вы лидер новой исторической эры. Вы космодром, на который может приземлиться космолёт русского будущего. Но он может и не приземлиться, если космодром не сумеет его принять. Он пролетит мимо, в очередной раз оставив над Россией призрачный след несостоявшегося величия. Я пришёл к вам, чтобы, в меру моих сил, помочь построить космодром, куда приземлится звездолёт русского будущего.

Елену посетило сладостное воспоминание. Его слова были завораживающей музыкой, в которую он облакал таинственные смыслы. Эта музыка очаровала её когда-то, сопутствовала их встречам, их путешествиям. Была истоком её любви. Звучала несколько восхитительных лет и — умолкла. Елена испугалась, вспомнив теперь эту волшебную музыку. Она видела, что Градобоева коснулось тайное волшебство, и он, оболыщённый, был готов внимать и верить.

— Вы, Андрей Алексеевич, знаток кремлёвских коридоров. Кто они, эти придворные, окружающие Чегоданова? Насколько они ему преданы? Например, режиссёр Купатов. Почему Чегоданов сделал его главой избирательного штаба?

— Купатов — утомлённый нарцисс. Он имеет влияние в поредевших рядах русской интеллигенции. Он не способен организовать избирательный процесс, зато способен эффективно курить вишнёвую трубку и глубокомысленно молчать, как если бы играл в театре немого мудреца.

— А глава Центризбиркома Погребец?

— Он выдал дочь за водочного олигарха, и сам имеет фармацевтический бизнес. Он готов обеспечить любые подтасовки на выборах, вплоть до пятидесяти процентов. По-видимому, после предстоящих выборов, которые пройдут с громадными нарушениями, его отправят послом в маленькую скандинавскую страну — от греха подальше.

— Что скажете о министре внутренних дел?

— Коррупционирован, имеет бизнес, связанный с золотом. Его младшая дочь замужем за сыном министра финансов. Считался номенклатурой Чегоданова, но осторожно дрейфует в сторону Стоцкого.

— А кто такой главный телохранитель Чегоданова — Божок?

— Умный, хитрый, жестокий. Беззаветно предан Чегоданову. Готов выполнить любые его — самые деликатные, самые грязные — поручения. Собрал компромат на всех приближённых Чегоданова и управляет ими с помощью этого компромата. Имеет долю в нефтяных, угольных, металлургических корпорациях. Покрывает нелегальные казино.

— А каковы истинные отношения Чегоданова с президентом Стоцким?

— Стоцкий ненавидит Чегоданова за множество унижений, которые перенёс. Он мечтал вторично пойти на президентские выборы, но Чегоданов в грубой, унижительной форме прервал эти поползновения. Вокруг Стоцкого формируется либеральная элита, недовольная Чегодановым. Политики, олигархи, группировки в спецслужбах, журналисты, деятели культуры. Они подбивают Стоцкого на столкновение с Чегодановым. Но Стоцкий нерешителен, боится Чегоданова, хотя готов в подходящую минуту его предать. Во время своей поездки в США имел доверительную беседу с американским президентом. Получил поддержку в случае открытого конфликта с Чегодановым.

— Как вы смогли выжить в этом клубке змей?

— Я был ими многократно ужален.

Елена видела, что Градобоев исследует Бекетова. Чуткий и подозрительный, он проверяет не столько его осведомлённость, сколько искренность. Вслушивается в интонации, дрожанье голоса — не зазвучит ли дребезжащий, фальшивый звук? Но Бекетов был лаконичен, спокоен, его характеристики напоминали кусочки смальты, из которых складывался мозаичный портрет власти.

Елена смотрела на двух мужчин, один из которых являл собой её чудесное, лучистое прошлое, а другой — яркое и упоительное настоящее. Ей не приходилось выбирать между ними. Градобоев был любим, она служила ему, её жизнь принадлежала той грозной и стремительной стихии, которая мчала их обоих. Бекетов был воспоминанием о счастье, которое сменилось болью и отторжением. Она не сравнивала их — боялась сравнивать.

— Но почему вы считаете, что России нужен такой лидер, как я? — усмехнулся Градобоев, будто подтрунивал над Бекетовым, слова которого могли показаться лестью. Но глаза его светились честолюбивым любопытством.

— Я читаю в интернете ваш блог. Изучаю тексты ваших интервью и речи на митингах. В них в неявной форме присутствует идеология будущего Государства Российского. Быть может, вам следует поработать над формой, и вы предложите нашему изнурённому, лишённому веры народу государственную философию будущего. Философию Русской Победы. То, на что оказался не способен Чегоданов.

— В чём, смею спросить, суть философии Русской Победы?

— Вы скорбите о разрушении Советского государства, о разгроме советской цивилизации. Говорите о неизбежном, после устранения Чегоданова, возрождении великой России. Вы уповаете на пасхальный смысл русской истории, которая каждый раз воскрешает из пепла сгоревшее государство. Лучезарная Киевско-Новгородская Русь с золотой орантой в Софийском соборе.

Московское царство на семи холмах с храмом Василия Блаженного — образом русского рая. Грандиозная Романовская империя с золотым Исаакием, подобным пылающему солнцу, и солнечным Пушкиным, озарившим русскую жизнь на тысячу лет вперёд. Яростная, как буря, империя Сталина с рубиновой звездой над Кремлём и красным победным знаменем над Рейхстагом. Вы собираете воедино разрозненное русское время и возводите новое русское царство, таинственное и восхитительное, что витает в туманном небе над московской толпой, которую вы зачаровываете своими пророческими видениями.

Елена чувствовала слабость, словно всё начинало плыть и туманиться. Она вслушивалась в музыку слов и понимала, что прошлое не миновало, а лишь дремало, как дремлет стебель под зимним снегом. И стоит пригреть солнцу, он оживает и выпускает свежий зелёный лист. Ей было страшно. Её новая жизнь, которую она тщательно строила, в которой спаслась, обрела прочность, любовь, возвышенную цель, — эта жизнь начинала клониться, теряла стройность. Была готова рухнуть, вновь обрекая её на горе. Волшебная музыка слов, которая однажды пленила её, теперь была музыкой её несчастий. И зная это, она слепо и пьяно шла на эти волшебные звуки, зовущие её в погибель.

— Вы говорите о беззакониях Чегоданова, о бесстыдном воровстве, о рыдающем от горя народе. О несправедливости, которая воцарилась в России. В земле, где во все века мечтали о райском царстве, о божественных заповедях, о великом человеческом братстве. Каждая православная проповедь, каждый русский стих, каждое устремление русских святых и героев было одухотворено мечтой о божественной правде. Правде, которая воцарится в державе между трёх океанов. Православные монастыри среди дивных русских рек и дубрав станут вратами, сквозь которые в Россию устремятся силы небесные, превратят страну в неколебимую Империю Духа.

Елена видела, как глаза Бекетова вдруг расширились, посветлели, словно в них загорелся таинственный свет. Глаза устремились вдаль, будто не было стен кабинета, каменных городских теснин, а открылся чудесный простор с далёкими лесами и синей негасимой зарей. Она знала лучистую силу этого запредельного взгляда, обожала и пугалась его восхищённых зрачков. Градобоев, с порозовевшим лицом, зачарованно слушал. Он был околдован льющимися словами, которые вспыхивали, как солнце на гребнях волн. Ему объясняли его предназначение, сулили великую роль, ставили рядом с великими созидателями и творцами. Указывали путь к заветной цели среди бессмысленно кипящих событий. И этой целью был Кремль — мистический ковчег русской истории, на котором плыли великие цари и святые.

Елена видела, как Бекетов обретает над Градобоевым магическую власть, усыпляет его волю и бдительность. И это пугало её. Это она сквозь все заслоны привела сюда Бекетова и теперь подвергает опасности любимого человека.

— Вы говорите о разбойниках, засевших в Кремле, об отравителях колодцев, которые вливают яды в народную душу. Всё так. Разорили оборонные заводы, разгромили победоносную армию, теперь они выбивают из рук народа духовное оружие. Внушают русскому народу, что он раб, пораженец, раковая опухоль человечества. Но вы возвращаете русским веру в их божественную миссию, в предначертанную русским работу по сотворению на земле Небесного Царствия. Именно эта неповторимая миссия и богоизбранность навлекает на Россию всю мировую тьму, адские силы нашествий, которые стремятся упразднить русский народ с лица земли, погасить божественную, зажжённую среди человечества лампаду.

— Вы убеждаете народ не отчаиваться. Не верить лжепророкам, сулящим России необратимую гибель. Вы призываете русских верить в Чудо, в необъяснимую, недоступную чужим мудрецам и звездочётам истину. Каждый раз воскресает наша любимая Родина, подобно тому, как совершается пасхальное Христово Воскресение. Русское Чудо — это и есть учение о Русской Победе. И вы — проповедник этого дивного учения.

Бекетов умолк. Минуту или две было тихо.

Градобоев взволновано встал и начал расхаживать по комнате, двигая плечами, словно хотел освободиться от невидимых сетей, сбросить накинутые на него тенёта.

— Вы правы, Андрей Алексеевич: мир, в котором мы существуем, запутан и сложен. Я часто действую наобум, ошибаюсь, меня окружают обманщики и невежды. Я не владею наукой политических комбинаций и нуждаюсь в помощниках. Вас привела Елена. Она знает вас лучше, чем я. Она уверяет, что мы должны вместе работать. В чём же ваш план?

Елена почувствовала, как что-то сомкнулось. Так тихо лязгает затвор, поместив в глубину ствола боевой патрон. И теперь надо ждать, когда раздается неизбежный выстрел.

— Сейчас ваша страсть и прозорливость, ваша харизма и популярность работают не в полную силу, — Бекетов опустил свои зачаровывающие глаза. Поднял их, и они утратили свой таинственный свет, стали внимательными и спокойными. — Вы должны изменить ситуацию. Должны победить без выборов. Тогда все фальсификации, все вбросы и подтасовки утратят смысл.

— Но это невозможно, — с досадой произнёс Градобоев. — Как это сделать?

— Если вы соберёте на площади полмиллиона митингующих, то власть падёт без всяких выборов. Чегоданов убежит из Кремля. Он не выдержит ненавидящей воли пятисоттысячной толпы, которая готова идти на Кремль.

— Но он прикажет войскам стрелять. В Кремле есть танки, гранатомёты, крупнокалиберные пулемёты. Ведь Ельцин стрелял по толпе.

— Американцы не позволят Чегоданову стрелять по толпе. Они позволили Ельцину использовать танки, потому что толпа была красно-коричневая. Сегодня толпа, которая вас обожает, иного цвета. Приведите на площадь полмиллиона москвичей, и Чегоданов убежит из Кремля, а вы станете президентом.

— Но как это сделать? — раздражённо воскликнул Градобоев, — Мои социологи утверждают, что мне не собрать более семидесяти тысяч.

— Вы должны привлечь на площадь все протестные силы. Пусть множество негодующих лидеров приведут к вам на площадь своих людей, и вам не хватит пространства Болотной.

— Но разве вы не знаете этих оппозиционных царьков? Чегоданов убедил их не участвовать в нынешних выборах, и мы остались с ним один на один. Но каждый мнит себя лидером нации, будущим президентом, и они не придут под мои знамена.

— Я знаю их всех. Знаю их слабости и пороки. Я готов убедить этих мелких честолюбцев встать под ваши знамена. Я могу воздействовать на лидера коммунистов Мумакина, и все недовольные пенсионеры придут к вам с красными флагами. Могу убедить радикального безумца Лангустова, и все революционеры, все феминистки, все лесбиянки и геи станут требовать отставки Чегоданова. Я знаю, какие струны тронуть в душе еврейского активиста Шахеса, кумира либеральной культуры, и всё мировое еврейство — нобелевские лауреаты, американские конгрессмены, израильские раввины — будет на вашей стороне.

— Вы считаете, это возможно?

— До выборов осталось четыре месяца. От митинга к митингу, от одной протестной акции к другой мы будем наращивать силы. Мы запустим креативные технологии, которые станут будоражить толпу. Мы создадим стратегию, которая к весне сделает вас лидером миллионов. В этом мой план. Я готов работать, если вы его принимаете.

Градобоев нервно перемещался по кабинету. Он пытливо и недоверчиво взглядывал на Бекетова, словно стремился обнаружить его вероломство. Обходил его со спины, будто хотел обрушить на него неожиданный удар. Вдруг подошёл к Елене, обнял её за плечи, положил ей руку на грудь и зорко посмотрел на Бекетова. Елена сжалась, не в силах отстраниться, чувствовала сильную руку Градобоева, больно сминавшую грудь. Бекетов спокойно смотрел на безделушки, украшавшие рабочий стол.

Градобоев отошёл от Елены:

— Я согласен, Андрей Алексеевич. Действуйте. Елена будет нашей посредницей. А ты останься, — обратился он властно к Елене.

Бекетов вышел из особняка. Дышал холодным стальным воздухом, в котором кружились снежинки. Медный истукан в треуголке высился над черной водой. Бекетов испытывал острое злое веселье. Внедрение в стан врага состоялось. Враг был инфицирован. Теперь предстояло следить за развитием эпидемии.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Лидер коммунистов Мумакин не принимал участия в выборах. Он не любил Чегоданова, не желал быть помехой Градобоеву и отнимать у него голоса. Оставался в стороне от схватки, уже двадцать лет терпеливо дожидаясь, когда власть каким-нибудь чудесным образом сама упадёт к нему в руки.

Мумакин принимал Бекетова у себя на подмосковной даче. Строгий охранник провёл его в дом, напоминавший мавританский замок, католический собор и древнерусский терем одновременно. Усадил в гостиной у застеклённой стены, сквозь которую был виден заиндевевый газон, на котором были расставлены белые античные музьи и бронзовые китайские драконы. Среди газона изумрудным овалом сиял бассейн с поблескивающей корочкой льда.

Бекетов осматривал гостиную, в которой царил всё тот же синтетический стиль, говоривший о вкусах хозяина. О тех сложных влияниях, которым он был подвержен. На стене висел огромный портрет самого Мумакина в золотой раме. Фоном служил Кремль, что, по замыслу модного художника, указывало на неизбежный триумф. На столиках были расставлены безделушки — подарки друзей и памятные подношения различных делегаций. Здесь была нефтяная вышка, модели танков и самолётов, бюстики Ленина и Сталина, коврик с бисерным Мавзолеем, статуя Свободы, Эйфелева башня и дорогая, выточенная из агата многорукая фигура Шивы.

Через несколько минут Мумакин появился перед Бекетовым. Розовый, с влажными, причёсанными волосами, с синими глазами навывкат и толстыми улыбающимися губами.

— Физкульт-привет! — бодро салатовал он гостю.

Охранник, он же служитель, внёс серебряный поднос с фарфоровыми чашками чая. Тут же стояла вазочка с мёдом, лежали серебряные ложечки.

— Отведайте, Андрей Алексеевич, чаёк на травках алтайских. Мои ребята — коммунисты — по горам собирали. Полезно, скажу я вам, — Мумакин шумно отхлебнул чай, прикрыв от наслаждения глаза. — Только что вернулся с Алтая. Как хорошо принимали! Залы везде битком. Ко мне подходили местные бизнесмены, силовики. “Достал нас, говорят, Чегоданов. Берите власть, Пётр Сидорович”. — Мумакин прилёбывал чай, прикрыв веки, а сам сквозь белесые ресницы посматривал на Бекетова. — А я им говорю: “Помогайте. Давайте возьмём власть, а то всем будет крышка. И богатым, и бедным, и бизнесменам, и бюджетникам”. Все согласны со мной.

— Вы правы, Пётр Сидорович, стране скоро крышка, — Бекетов незаметно включил диктофон. — Но чтобы взять власть, даже через процедуру выборов, нужна особая технология.

— Согласен, — волевым жестом человека, знающего, как нужно брать власть, Мумакин отставил чашечку. — Мы, коммунисты, знаем, как взять власть. У нас собралась блестящая команда, из которой хоть сейчас набирай министров. У нас есть программа выведения страны из кризиса. У нас есть широкая поддержка народа.

— Но вы всё ещё не в Кремле! Быть может, следует изменить технологии? Поискать иной путь к успеху? — Бекетов чувствовал, что под мягкой резиновой внешностью Мумакина таится стальной сердечник, сквозь добродушную манеру держаться просвечивает жёсткая сущность. Только благодаря этой сущности Мумакину удавалось контролировать партию, ловко устранять конкурентов. Осторожный вопрос Бекетова насторожил Мумакина, не допуская посторонних влияний на партийную жизнь.

— Вы, Андрей Александрович, использовали свои технологии, когда работали с Чегодановым. Тогда от этих технологий трещала страна. — Мумакин продемонстрировал Бекетову свою неприязнь и снова стал мягким и добродушным. — Впрочем, все знают, что вы ушли от Чегоданова. Он и вас допек. Ну, разве можно так издеваться над бедным народом? Строит дворцы, как арабский эмир. Скупает часы по миллиону долларов каждые, будто хочет купить само время. Позор на всю Россию! Что ж, если вы стали патриотом, приходите к нам. Мы вам найдём хорошее место. Нам нужны талантливые осведомлённые люди. Ленин брал на службу царских офицеров и чиновников. Кстати, как вы оцениваете политическую ситуацию?

— Ситуация напоминает варенье, в котором, как две мухи, заилили Градобоев и Чегоданов.

— Подождите, я возьму блокнот.

Мумакин достал из ящика блокнот и авторучку, которую партия использовала в качестве сувенира. На ней была нанесена размашистая роспись “Мумакин”.

— Рейтинг Чегоданова колеблется у отметки тридцать шесть процентов. Протестная площадь дарит Градобоеву шестнадцать процентов. Разрыв сокращается. Но Градобоеву не хватает мощности, чтобы увеличить численность толпы и надавить на Чегоданова. От вас зависит конечный успех Градобоева.

Бекетов говорил, а Мумакин быстро писал. Была известна его манера записывать в блокнот мысли, почерпнутые в беседах.

— Необходимо резко, уже к следующему митингу, увеличить протестную толпу. Создать поле негодования и ненависти к Чегоданову, и его популярность покатится вниз. Он утратит волю к сопротивлению, и его избирательная кампания станет разваливаться. В схватку вступает темперамент, воля, психология. Необходимо сломить волю Чегоданова.

Мумакин писал, наклоня лобастую голову. Казалось, он пишет диктант. Бекетов старался говорить медленней, чтобы тот успевал записывать.

— Чтобы увеличить толпу, необходимо вам, Пётр Сидорович, привести на площадь своих сторонников. Дайте приказ райкомам, чтобы они привели коммунистов, и площадь запылает красными флагами. То же пусть сделают радикалы Лангустова с их чёрными масками и натренированными кулаками. То же — еврейские активисты Шахеса, способные собрать на Болотной всё мировое еврейство. То же — мадам Ягайло, за которой явится на площадь весь безумный шоу-бизнес, все панки, рок-группы, гей-оркестры.

Мумакин перестал писать. Бекетов покушался на его респектабельность. Приверженность традиционным ценностям гарантировала ему популярность среди “красных пенсионеров”, но отталкивала молодёжь и либеральных вольнодумцев.

— Вы хотите, чтобы я встал под одни знамена с Лангустовым и Шахесом? Или с этой, прости Господи, Ягайло?

Диктофон Бекетова неслышно работал, заглатывая в свой крохотный зев все поношения.

— Вы неточно оцениваете отношение к вам Чегоданова, Пётр Сидорович, — сказал Бекетов. — Он готовится устранить вас из политики, как только станет президентом. Он хочет заменить вас на более молодого и реформировать компартию, превратив её в социал-демократическую.

— И что вы мне предлагаете делать? — насмешливо, но с затаённым интересом произнёс Мумакин.

— Если позволите, я вам подскажу. Вам следует встретиться с Градобоевым и договориться о стратегическом союзе. Он пообещает вам, в случае своей победы, назначить вас премьер-министром. Должность премьера — это огромный для вас успех. Успех всей компартии. Народ воспримет ваш союз с энтузиазмом. Опытный матерый политик, связанный с великим советским прошлым, и молодой энергичный патриот — олицетворение будущего. Вы приведёте на следующий митинг своих коммунистов, и площадь будет пламенеть красными флагами, один цвет которых вызовет у Чегоданова ужас. Его популярность резко упадёт, его воля к борьбе будет

подавлена, и он проиграет на выборах. Партия осуществит свою экономическую программу. Страна будет спасена, и вокруг партии объединятся все патриоты, бедные и богатые, православные и мусульмане. Я же с моими скромными возможностями и ограниченными знаниями берусь вам помогать. Стану вашим преданным помощником. И, таким образом, вы впишете себя в русскую историю.

— Мне надо подумать. А вы пока устройте мне встречу с Градобоевым, — после долгого молчания сказал Мумакин.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Штаб-квартира революционного писателя Лангустова помещалась в сумрачном районе у Трех вокзалов. Суровые молодцы в кожаных куртках осмотрели Бекетова и пропустили в подвальное помещение. Оно напоминало бомбоубежище, разрисованное хлесткими граффити: революционные бойцы водружали на баррикадах знамена. Другие бойцы схватились с отрядом ОМОНа: шлемы, щиты и дубинки мешались с кулаками, сжимавшими камни, палки, обрезки арматуры. Тут же сквозь тюремные решетки смотрели аскетические, волевые лица несломленных политических узников.

На бетонном полу среди этих фресок телегруппа расставляла штативы, осветительные приборы, серебристые зонтики и экраны. Стояли камеры на треногах. Сновали операторы, режиссеры. Слышалась французская речь.

Охранник провёл Бекетова через импровизированную съёмочную площадку и ввёл в комнату, где взору Бекетова предстал Лангустов.

Он сидел в старом плетёном кресле, облачённый в махровый халат, из-под которого выглядывали худые голые ноги. Его небольшое коричневое лицо было в сетках морщин, пролежавших сразу в нескольких направлениях, каждое из которых говорило о прихотливых поворотах его судьбы, о страстях и страданиях, запечатлённых в его блистательных книгах. Лицо Лангустова с коллекцией морщин и было собранием его сочинений, библиотекой его странствий, гонений, военных авантюр и революционных затей. Бобрик на его голове был седой, жёсткий и ожесточённый, как те уличные схватки, в которых участвовал его авангардная партия. Полицейские разгоняли дубинками демонстрантов, а лидера тащили волоком в железный автозак, в котором причёска героя обретала свой стальной нахохленный вид. На руках Лангустова переливались серебряные перстни с темно-зелёными изумрудами и агатами. В этих перстнях Бекетову почудилось что-то причудливое и порочное, говорившее о тайных пристрастиях революционера, о потаённой жизни, куда укрывался Лангустов от обожающих глаз единомышленников, от бдительных соглядатаев власти, от назойливых журналистских преследований. Его подбородок украшала острая борода, тщательно скопированная с портрета Троцкого. Это эпатазирующее сходство должно было указывать на близость Лангустова к европейским левым интеллигентам, проповедующим “перманентную революцию”. Но самым удивительным в Лангустове были его глаза. Зелёные, с металлическим оттенком, они напоминали бронзовых жуков, поселившихся в глазницах. Не связанные с его остальным обликом, они обладали магической силой, сочетали Лангустова с волшебными мирами, откуда он черпал творческое вдохновение. Всё это моментальным взором объял Бекетов, поместив экстравагантный образ Лангустова в замысел своей с ним беседы. Так помещают в сафьяновый футляр драгоценную скрипку.

— Признаться, удивлён, — произнёс Лангустов, усаживая Бекетова на шаткий неудобный стул, покачивая на голой ноге стоптанным шлепанцем. — Когда мне сказали, что вы пришли, я подумал, что в моей комнате должен был появиться дракон с чешуйчатым хвостом, перепончатыми крыльями и ядовитым пламенем. На его зубах — остатки растерзанных политических организаций, а в когтях — головы замученных политиков и идеологов. А вы принесли облик заурядного человека.

— Не стоит обманываться, — ответил Бекетов. — Приглядитесь, и вы заметите чешую.

— В моих правилах — не пускать в свой дом врага. Но в вашем случае я сделал исключение. Мне захотелось посмотреть, как выглядит человек, изуродовавший весь идейный и политический ландшафт России. Вы оставили после себя мёртвые овраги и ядовитые болота, где невозможна никакая жизнь. Мне хотелось увидеть того, кто загонял меня и мою партию в капканы и ловушки, как загоняют волков. Именно вы заставили меня и моих людей взяться за оружие. Благодаря вам несколько моих соратников всё ещё томятся в тюрьмах. Благодаря вам я изведал сладость ареста, мёд тюремных пыток и вкус баланды, которой меня потчевали на зоне.

Всё это Лангустов произнёс с дрожанием маленьких красивых губ. Зелёные глаза горели.

— Видите ли, — ответил Бекетов, — я делал всё, чтобы хрупкое государство не превратилось в Гуляй-поле, по которому из конца в конец носятся стрекочущие тачанки и конные армии Будённого.

— Вы тот, кто десять лет сдерживал русскую революцию. Стравливал одних революционеров с другими. Не давал состояться союзам. Разрушал репутации с помощью грязных интернет-провокаций. Вы подкупали одних и запугивали других. Вы продлевали существование этого подлого режима, противного всем законам природы. Это вы не позволяли регистрировать нашу партию. Вы объявили её фашистской. Вы подложили мне в постель проститутку и вывесили в интернете интимные сцены. Это вы распространили слухи о моих гомосексуальных пристрастиях. Вы засылали в наши ряды шпионов, и один из них указал на склад автоматов, после чего арестовали меня и моих товарищей. Вы самый отвратительный и вероломный пособник Чегоданова и войдёте в историю наряду с Малютой Скуратовым, Победоносцевым и Гришкой Распутиным.

Бекетов чувствовал исходящий от Лангустова ток ненависти. Казалось, вот-вот последует взрыв.

— Вы правы, я мешал вам, потому что считал вас наиболее опасным среди всех возмутителей спокойствия. Вы один, со своим радикальным бесстрашием, своими ошеломляющими художественными поступками, своими изумительными книгами могли стать катализатором революции. Остальные были рыхлыми говорунами, тусклыми резонёрами, пошлыми критиканами. Поэтому я мешал вам, как мог.

— Вы хотите, чтобы я благодарил вас за это?

— Но отряхая и уничтожая, я вас берёг. Я сорвал операцию ФСБ, в процессе которой на вас должен был наехать грузовик. Когда у вас изымали автоматы и надевали на вас наручники, вас должны были застрелить при попытке к бегству. Я не позволил этого сделать. Прокуратура требовала для вас шестнадцать лет тюрьмы, но я повлиял на судьбу, и вам дали только четыре, и по моему настоянию через два года выпустили досрочно. Теперь я могу вам сказать об этом.

— Боже мой, я должен этому верить? Чем же я заслужил ваше расположение? — зелёные жуки в глазницах шевелились, словно хотели улететь.

— Своими книгами. Я считаю вас великим писателем. Россия должна гордиться тем, что имеет такого писателя. И парадокс заключается в том, что ваши изумительные книги — плод ваших безумных походов, ваших военных и революционных авантур. То, что в моих глазах делало вас опасным для государства и побуждало меня подавлять вас, воплощенное в романы и повести, восхищало меня и заставляло вам помогать.

— Действительно, парадокс, — произнёс Лангустов, вдруг успокоиваясь, и вместе с ним успокоились бронзовые жуки, раздумав улетать. Электрическая судорога перестала терзать его плоть. Жар ненависти отхлынул.

— Я понял, что ваше творчество есть непрерывный репортаж о своей собственной жизни. Жизнь отстаёт от вашей способности её изображать, и для того, чтобы не иссякали сюжеты, вы форсируете вашу жизнь, бросаетесь в авантюры, которые тут же переводятся в блистательные страницы. Поэтому, быть может, вы должны благодарить меня за свои злоключения. Я являюсь незримым соавтором ваших книг.

— Вы хотите, чтобы я поделился с вами гонораром? — захохотал Лангустов, и его седая борода смешно задрожала. Он уже не выглядел враждебным. Красуясь, любовался серебряными перстнями.

— Зачем вы ко мне пришли? Я знаю, что вы не у дел. Порвали с Чегодановым. Мне неясна причина вашего разрыва.

— Я служил Чегоданову, помогал ему, вдохновлял, устранял врагов, но только для того, чтобы уберечь российское государство от падения. Мне казалось, что Чегоданов способен на рывок, на преобразование, на подвиг. Что он начнёт, наконец, долгожданное русское развитие. Но он ничего не делал. Страна сгнивала, народ вымирал, мы проваливались в пропасть. И я понял, что спасение — в революции. Пусть будет взрыв, пусть будет пролита кровь, пусть последуют неисчислимые несчастья. Но это остановит гниение, выведет на авансцену новых людей, спасёт Россию. Выбирая между гниением и революцией, я выбрал революцию. Но революция — это вы. Вот почему я пришёл к вам.

— Но они украли у меня Революцию! — бурно воскликнул Лангустов, и зелёные жуки вспыхнули злобой бронзой. — Этот тупой буйвол Градобоев обокрал меня и увёл мою возлюбленную, мою ненаглядную, мою неистовую красавицу Революцию. Он обманом овладел народной стихией и умертвил её. Он превратил баррикады в эстрадную сцену, уличные бои — в маскарадные шествия, террористические акты — в жалобы на кремлёвское начальство. Он могильщик революции. Он положил на глаза революции два медных пятака со своим изображением. Ненавижу его!

Эти последние слова Лангустов выкрикнул тонким, сорвавшимся голосом. Его борода гневно трепетала. Морщины бежали в разные стороны, и казалось, вот-вот они разорвут кожу лица. Бекетов видел перед собой человека, снедаемого ревностью, изведённого ненавистью, которая лишила его чуткой бдительности. Делала беззащитным. Он был похож на черепаху, лишённую панциря, на змею, скользнувшую из чешуйчатой кожи.

— Наступает ваше время. Революция выбирает вас. Вы должны прийти на Болотную площадь и встать рядом с Градобоевым.

Лангустов захлебнулся клекотом, задрожал маленьким злым кадыком:

— Вы хотите, чтобы я встал рядом с этим претенциозным самозванцем Градобоевым, вскормленным на деньги ЦРУ? Или вы пригласите меня встать рядом с Мумакиным?

Лангустов хохотал, разбрызгивал блеск перстней, кожаный тапок с его ноги соскочил, и Бекетов увидел, что ногти его покрыты нежно-розовым лаком.

Диктофон на груди Бекетова бесшумно заглатывал этот дребезжащий хохот, визгливую брань, язвительные поношения.

— Я разделяю ваше презрение, — Бекетов направлял луч своей воли в маленький дрожащий кадык Лангустова, туда, где у древних рыцарей находилась просвет между шлемом и нагрудным доспехом. — Площадь, которую ещё и ещё раз станет собирать Градобоев, будет переполняться толпой. Толпа от раза к разу станет приближаться к критической массе, за которой последует революционный взрыв. Но чтобы площадь рванула, нужен взрыватель. Все перечисленные вами герои не годятся для роли взрывателя, поскольку состоят из негорючих материалов. В них нет взрывчатки. Их порох либо сырой, либо вовсе отсутствует. Вы — взрыватель!

Голос Бекетова зазвенел певуче и сладостно. Лангустов замер, превратившись в птицу, которая услышала манящий звук.

— Ваша маленькая яростная партия, как религиозный орден, готова воевать, жертвовать, побеждать. Вы воспитали когорту пассионарных бойцов, способных сдетонировать взрыв невиданной силы. Россия заминирована революцией. В каждом мегаполисе, в каждом городе, городке и селенье притаилась революция, готовая полыхнуть и рвануть. Никто, кроме вас, не может крутануть взрыв-машинку. Никто не решится взорвать фугас революции. Но когда он взорвётся, этой вспышкой озарится планета, содрогнется небоскрёбы, авианосцы и храмы. Посыплются все устои этого мерзкого несправедливого мира. Побегут из своих рублёвских замков тучные упыри. Кинутся вон из своих кабинетов продажные министры и депутаты. Станут улепеты-

вать казнокрады, телевизионные лгуны и агенты полиции. Но их повсюду будет настигать возмездие. Их трупы в сточных канавах будут обгладывать собаки. Пепел от их сгоревших дворцов затмит солнце. И народ, прекрасный и яростный, пройдёт по трупам своих мучителей, распевая революционные песни. Слова этих песен напишете вы, Лангустов. Русская революция будет вашей главной великой книгой, которую переведут на все языки мира!

Морщины Лангустова, казалось, сошли с ума — они метались во всех направлениях, сходились в коричневые жгуты, скручивались в канаты и вновь разлетались, протачивая новые русла. Лангустов выбирал себе новую судьбу, новую прекрасную авантюру. Его творческая энергия вновь обретала тему, находила героя. И этим героем был он сам, пророк и поэт революции.

Внезапно он замер. Зелёные жуки пламенели в его глазах, как раскалённые слитки. Морщины образовали новый узор, в котором угадывались его будущие лишения, нестерпимые муки, невыносимые траты. И будущий великий триумф.

— Я вас услышал, — произнёс Лангустов. — Я пойду на площадь с Градобоевым. Устройте мне с ним ветречу.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Бекетов осознавал всю опасность работы, которую выполнял. Встречи, что он проводил, могли стоить ему жизни. И не только потому, что его могли уличить во лжи, ликвидировать как провокатора и лазутчика. Люди, с которыми он встречался, партии и движения, которыми манипулировал, были подобны электрическим жилам, пропускавшим ток гигантского напряжения. Бекетов обнажал эти жилы, соединял, изменял направление тока, сливал воедино гигантские энергии. Неосторожное движение или неверное соединение контактов, ошибка в клемме или неправильный выбор полюсов — и полыхнёт ослепительная молния, расплавит провода, убьёт незадачливого электрика, разрушит все здание электростанции, породит бесчисленную цепь катастроф и аварий.

Теперь он отправлялся ко Льву Семёновичу Шахесу, еврейскому активисту, директору одного из фондов, живущих на зарубежные средства. Фонд занимался правозащитной деятельностью, выявлял национал-экстремистов, помогал деятелям еврейской культуры, отправлял в Америку и Израиль наиболее талантливых студентов. Шахес, распоряжаясь фондом, был в то же время негласным управляющим множества еврейских сообществ, кружков, литературных и театральных студий, культурных инициатив и телевизионных программ. От него тянулись нити к еврейским банкирам, либеральным министрам, иностранным посольствам. Он перебирал эти нити, как опытный ткач, слетая разноцветный ковёр, куда вылетал политиков, финансистов, художников. Не он изобретал узоры ковра. Он лишь чутко реагировал на бесчисленные сигналы, поступающие к нему, из которых складывалась жизнь разветвленной еврейской среды, активной, нервной и бдительной.

Резиденция Шахеса помещалась в просторном офисе с окнами на Новодевичий монастырь, который казался нежной розово-белой вышивкой с продёрнутой золотой нитью. Бекетов каждый раз, глядя на изысканные кружева наличников, на золотые всплески летящих в небеса куполов, испытывал нежность, умиление, благоговел перед целомудренной женственностью, витавшей над монастырём.

Шахес был маленький, круглый, курносый, с белыми толстыми щёчками, покрытыми светлой щетинкой. Почти не имел шеи. В коротких беспокойных руках вертелась какая-то мятая резинка, похожая на мокрого червяка. Он обладал внешностью, за которую его прозвали “Наф-Наф” — по имени одного из трёх поросят. Когда он нервничал, то начинал так грассировать, что его речь становилась нечленораздельной и напоминала щёлканье скворца.

Он встретил Бекетова радушно, усадив напротив окна с розовым виденьем монастыря. Распорядился принести чай в серебряном подстаканнике. Смотрел вопрошающими глазками, продолжая крутить в руках мятого червяка.

— Рад вас видеть, Андрей Александрович, в моей скромной, но уютной обители. Вы не можете не знать, как я вас уважаю. Вы несколько раз помогли мне в очень шекотливых делах, и поверьте, я не забываю добро, умею быть благодарным.

— Я всегда видел в вас, Лев Семёнович, просвещённого, думающего человека, чья деятельность способствует укреплению гражданского общества. Все ваши инициативы я старался поддерживать и защищал вас от нападок явных и скрытых антисемитов, которых, увы, немало в президентской администрации.

Они обменялись знаками дружелюбия, которые предполагали доверительную и обоюдно полезную беседу. Молчали. Шахес смотрел на Бекетова настороженными глазками.

— Я сожалею, Андрей Александрович, что вы покинули администрацию президента. Не только потому, что в вашем лице я встречал понимание в очень тонких вопросах. Но и потому, что, мне казалось, президент пользовался вашими советами, чтобы удерживать наше беспокойное общество в равновесии, гасить разрушительные инстинкты ненависти и ксенофобии, уберегать страну от погромов, — Шахес благодарно моргнул круглыми, в белых ресницах, глазами, приглашая Бекетова начать разговор, ради которого тот появился в его кабинете.

— Вы заблуждаетесь, Лев Семёнович, относительно Чегоданова. Когда он был президентом, он не сдерживал проявления ксенофобии и антисемитизма, а, напротив, тайно их поощрял. Он, при всей его внешней толерантности, ярый антисемит. Это во многом послужило причиной нашего разрыва. Мне стало отвратительно с ним работать.

— В самом деле? — белые бровки Шахеса высоко взлетели над изумлёнными глазами. Резинка в его пальчиках нервно закрутилась, как дождевой червяк, в который всаживают рыболовный крючок. Бекетову казалось, что это странный нервный отросток — черенок мозга, который реагирует на раздражающие сигналы, участвует загадочным образом в мыслительном процессе Шахеса. — В чём же проявляется юдофобство Фёдора Фёдоровича Чегоданова?

— Вы можете не поверить, но Чегоданов способствует финансированию ультранационалистических, юдофобских организаций. Он воздействовал на суд присяжных, оправдавший безумного полковника, который готов стрелять в еврейских банкиров. Он тайный поклонник Сталина и при мне сожалел, что тот не успел выселить евреев в Биробиджан, и тогда, как он сказал, “воздух в Москве был бы чище”. В узком кругу он называет видных представителей еврейской культуры “жидами”. Он принимал у себя делегацию палестинских террористов “Хамас”, обещая поставить им противотанковые ракеты “Корнет”. Я слышал, как он язвительно отзывался о евреях, которые “сделали гешефт на Холокосте”, и предсказывал, что Германия в скором времени сбросит с себя “еврейское иго”. А однажды, когда я без предупреждения зашёл в его кабинет, он с упоением смотрел фильм Лени Рифеншталь “Триумф воли”, и когда колонны штурмовиков с ночными факелами образовали гигантскую свастику, на лице его блуждала безумная улыбка.

Бекетов чувствовал, как посланный сигнал заставляет трепетать Шахеса.

— Чегоданов — маньяк, который повсюду видит еврейский заговор. Он верит в то, что Россия стала объектом грандиозной геополитической спецоперации под названием “Вторая Хазария”. Суть её в том, что еврейский мир чувствует свою обречённость. Государство Израиль задыхается в арабских тисках и планирует перенести свой центр в Россию, ибо здесь когда-то существовало Хазарское еврейское царство. Чегоданов видит в каждом еврее агента, который способствует реализации этого плана. Они подавляют русскую культуру, вытесняют русских из политики, науки, бизнеса, насаждают дух Хазарского каганата.

— Но это же дичь! Черносотенство! Маниакальная ксенофобия! — резинка в мелькавших пальчиках Шахеса превратилась в маленький вихрь, а сам он покраснел до ушей и начал грассировать. Он перевёл дух и продолжал говорить, стараясь бережно обходиться с согласными. — Но это действи-

тельно паранойя, которая не оставляет русских сто лет. Какой еврейский заговор? Какая Хазария? Евреи влились в русскую жизнь и обогатили её. Еврейские художники, музыканты и поэты, еврейские врачи и учёные. Еврейские физики, которые создали русскую атомную бомбу и сберегли Россию, сберегли, если угодно, русскую государственность, которая бывает к евреям крайне неблагодарна. Мы должны быть вместе. В России столько ресурсов, которыми русские не умеют воспользоваться: нефть, лес, алмазы, пресная вода, даже снег, изумительный русский снег! Русские ресурсы и еврейский ум обеспечат нам процветание!

Шахес моргал круглыми глазками, как обиженный ребёнок, который собирался расплакаться. Бекетов тайно торжествовал. Шахес утратил осторожность, перестал скрываться, как улитка в своём домике. Обнаружил свою беззащитную, пульсирующую мякоть.

— Вы абсолютно правы, Лев Семёнович, — Бекетов выражал благодарность за это откровенное признание, которое совпадало с его, Бекетова, мнением. — Я объяснял Чегоданову: русские и евреи — два мессианских народа, предлагающие человечеству свои символы веры. Идею совершенства. Но человечество отвергает эти символы веры и казнит евреев и русских за их мессианство. Русские и евреи несут неисчислимыя траты, терпят гонения, нашествия, но не в силах отказаться от своего мессианства, вменённого им Богом. Так не настало ли время объединить наши усилия по исправлению рода людского? Наше мессианство и есть наш главный ресурс, а ум, о котором вы говорите, он не еврейский, не русский, а Богов.

Шахес перестал вращать резиновый черенок. Молча смотрел на Бекетова. Обдумывал услышанное, сопоставляя с тем, что он думал, слышал и знал по этому поводу. А Бекетов смотрел на бело-розовое диво монастыря и вдруг вспомнил, как в детстве мама водила его в монастырь. Рассказывала о царевне Софье, стрелецком бунте, и кругом была изумрудная весенняя зелень, золото куполов, старинные надгробья с именами генералов, советников, знаменитых писателей. И мама казалась такой красивой среди весенних цветов и белых налечников...

Это воспоминание было острым, ошеломляющим и вдруг обесценило всё, ради чего он появился в этом кабинете. Лукавил, притворялся, вёл мучительную, не имеющую окончания игру. Отказался от подлинной, искренней жизни, в которой присутствовали нежность к матери, влечение к умершему отцу, молитвенные мысли об усопшей родне, когда вдруг в ночи он начинал молиться о них. И эта молитва переносила его в чудесный край, где все они были живы, любили его, сберегали из своей таинственной дали, ждали к себе, в чудесную обитель.

— Андрей Александрович, — Шахес прервал его воспоминания, вернул из солнечного изумрудного утра в серый холод московской зимы. — Мне кажется, вас что-то тревожит. Вы хотите мне что-то сказать.

— Вы правы, Лев Семёнович, у меня есть серьёзные опасения относительно того, как развивается предвыборная кампания. Кто наполняет Болотную площадь, чтобы поддержать Градобоева? Там непрерывно увеличивается число националистов и “левых”, которые охвачены националистическими настроениями. Если под напором миллионной толпы власть, не дожидаясь выборов, падёт, и Чегоданов сбежит из Кремля, эту власть подхватят нацисты и ультралевые. И последствия будут ужасны: террор, еврейские погромы, война всех против всех. Этот русский хаос никого не пощадит. Это меня ужасает, Лев Семёнович.

— Такой сценарий очень и очень возможен. Союз “левых” и “наци” — это и есть национал-социализм. “Русский фашизм”, в который никто не верил... — резиновый отросток в руках Шахеса бурно вращался, рассылая сигналы бедствия. И эти сигналы принимали в правозащитных организациях, аптеках, творческих союзах, банках, на телеканалах и радиостанциях. Сообщество дельцов и художников, политиков и банкиров возбуждалось, консолидировалось, оборонялось, перешло в атаку, подавляя очаги и центры опасности. Так подавляет артиллерия скрытые огневые точки, давно нанесённые на военную карту. — Что же вы предлагаете, Андрей Александрович?

— Вы должны привести на площадь своих людей. Должны войти в ближайшее окружение Градобоева, чтобы получить от него преференции. Должны возглавить протестное движение. Ваши люди должны стоять на трибуне рядом с Градобоевым и оттеснить от него нацистов. В ваших рядах есть интеллектуалы, есть политехнологи, есть бывшие министры и даже премьер-министр. Вы способны предложить будущему президенту Градобоеву стратегию и тактику, а если случится хаос, способны перехватить власть и оттеснить фашистов. В этом ваша историческая миссия, Лев Семёнович, ваш вклад в русскую историю. Подумайте, Лев Семёнович. Вы знаковая фигура. Вы лично должны появиться на трибуне и встать рядом с Градобоевым.

Щёки Шахеса под белесой щетинкой порозовели. Белые ресницы часто моргали. Курносый нос издал шмыгающий звук, и Шахес всем своим видом подтверждал свое прозвище “Наф-Наф”. Он засмеялся, сотрясая свой круглый животик.

— Вы хотите, чтобы я встал рядом Градобоевым, который публично усомнился в подлинности дневников Анны Франк? Чтобы я встал рядом с Мумакиным, который заявил, что в окружении Ленина было слишком много евреев? Чтобы я оказался рядом с этим гомосексуалистом Лангустовым, чей флаг слишком напоминает флаг Третьего рейха? Чтобы меня, доктора философских наук, почётного профессора Иерусалимского университета, окружал этот сброд?

Шахес смеялся. И этот смех, это странное фырканье курного носа, эти уничижительные слова фиксировал крохотный диктофон на груди у Бекетова. Шахес продолжал смеяться, тряся животиком, но постепенно смех его стал стихать, животик успокоился. И он задумчиво стал смотреть на Бекетова, словно отыскивал в нём какой-то признак, какую-то черту, позволяющую угадать вероломство, тайную интригу, куда Бекетов собирался его затянуть.

— А вы хорошо знаете Градобоева? — спросил Шахес.

— Не очень, — ответил Бекетов.

— Вы знаете, что он стажировался в Йельском университете у профессора Вунда, сына штандартенфюрера СС?

— Не знаю.

— А вы знаете, что его мать, Анна Трефилова, была активисткой печально известного общества охраны памятников, откуда вышла фашистская “Память”?

— Я не изучал его родословную.

— И эта его нынешняя любовница, пресс-секретарь Елена Булавина, посещала монастырь в Боголюбове, где общалась с православным сталинистом отцом Петром! Кстати, Елена Булавина была вам очень близка. Это ваш человек в окружении Градобоева?

Круглые глазки Шахеса ласково вопрошали. Бекетову вдруг стало страшно. Он почувствовал, что прозрачен для Шахеса, который видит его насквозь, разгадал его лукавую затею, играет с ним. Он, Бекетов, вовсе не искусный режиссёр, поместивший Шахеса в свой спектакль, а заурядный актёр в театре Шахеса и выполняет его режиссёрский замысел. Он, Бекетов, ошибся, соединил не те провода, перепутал полюса, и сейчас ударит сокрушительная молния, блеснёт чудовищной силы вспышка, от которой взорвётся монастырь за окном, рухнет бело-розовая колокольня, обуглятся золотые купола.

И он сидел, похолодев от ужаса, ожидая удара. Постепенно успокаивался, чувствуя, как стучит сердце.

Лицо Шахеса стало задумчивым, печальным. Словно его мысль летела по огромным пространствам, где шёл по пустыне народ, ведомый пророком, мудрецы листали пергаменты с древними письменами, еврейские революционеры взрывали царей и сановников, горели печи Бухенвальда, банкиры играли судьбами континентов, и звучал пленительный, как больная скрипка, стих Мандельштама. Мысль Шахеса, пролетев по необозримым пространствам, вернулась в Москву, в кабинет, где сидел Бекетов. Сложилось умозаключение, суть которого оставалась пока неизвестной Бекетову.

— Я вас услышал, Андрей Александрович, — произнёс Шахес. — Я пойду на Болотную площадь. Устройте мне свидание с Градобоевым.

За окном вдруг побелело. Пошёл снег, густой, летучий. Занавесил монастырь, налипал на стекла, хотел влететь в кабинет. Метель играла, в ней возникали просветы, и тогда казалось, что колокольня танцует, купола летают, как золотые шары, монастырь отрывается от земли и мчится в снегопаде, как фантастический ковчег. И в этом ковчеге он, Бекетов, совсем ещё мальчик, и мама, и молодой отец, и бабушка, и погибший под Сталинградом дед, и вся старинная, любимая, незабвенная родня. И стрельцы, и царевна Софья, и царь Пётр в Преображенском мундире, и этот ковчег русской истории несётся из неоглядного прошлого в неоглядное будущее.

Шахес встал, подошёл к окну, открыл его. В кабинет ворвался снежный аромат, прохладная белизна, колокольный звон. Шахес протянул маленькую ручку навстречу летящим снежинкам;

— Русский снег! Настоящий русский снег! Как много в России снега! Степенный, задумчивый, провозжал он Бекетова до дверей.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

...Елена заметила Бекетова. На его волосах блестел тающий снег. На нём было длиннополое пальто с небрежно затянутым поясом. Его лицо казалось худым и усталым, и это худоба и бледность больно тронули Елену. Его глаза тревожно бегали по толпе, и она знала, что он ищет её. Увидел, улыбнулся, махнул рукой. Но этот взмах показался нерешительным и усталым, а глаза, устремленные на неё, были печальны и неуверенны. И это вызвало в ней сострадание.

Они сидели в кафе у окна и глядели, как метёт. Как в косой метели несутся автомобили, мелькают прохожие. Лица под меховыми шапками и платками возникали на мгновение и исчезали, чтобы больше никогда не появиться. Это напоминало мгновенные рождения и смерти.

— Расскажи, как прошли встречи с Градобоевым моих протеже. Ты ведь присутствовала на всех свиданиях, — Бекетов спрашивал вяло, без интереса, глядя на белую метель, словно ждал, когда снег подхватит и его и умчит, прекратив брэнное бытие с земными зыбкими смыслами. Перенесёт в иные миры, где откроются волнующие тайны. — Был ли прок в моих усилиях?

— Ещё какой прок! — Елена знала у Бекетова эти мгновения упадка, когда его кипучая энергия вдруг иссякала. Его неутомимый ищущий ум вдруг увядал, как увядают и иссякают солнечные струи фонтана. Казалось, его жизнь перемещалась из повседневной реальности в иную, где продолжал гореть его дух, светиться вопрошающий разум и где присутствовал кто-то, с кем было важно ему объясниться. В эти минуты Елена теряла его. Это пугало её: с ней оставалась его хладающая оболочка, а душа принадлежала кому-то другому. И это заставляло её страдать. Теперь же, испытав это былое страдание и ревность, Елена испугалась своих неисчезнувших чувств, своей неисчезнувшей к нему нежности. — Ещё какой прок от твоих ухищрений! Во-первых, пришёл Мумакин и просил у Градобоева, когда тот станет президентом, пост премьера. Они много шутили, Мумакин рассказывал, как разводит в деревне пчёл, как собирает грибы.

— Но Мумакин приведёт на митинг своих людей под красными флагами? — спросил Бекетов.

— Обещал, что вся площадь будет в красных флагах. Потом явился Лангустов. Сказал, что вход в Кремль ведёт не через избирательную урну, а через Спасские ворота, которые нужно штурмовать. Сказал, что войну недаром называют “театром военных действий”, и предложил превратить митинг в грандиозный политический театр, где схватка с ОМОНОм — часть драматургии. Градобоев согласился, и Лангустов перед уходом подпрыгнул, ударил ножкой о ножку и, не прощаясь, вышел. Градобоев сказал, что он только что видел Плисецкую...

Потом явился Шахес. Он был похож на улиточку, которая то прячется в раковинку, то высовывает рожки. Он предложит создать координационный

комитет, в который войдут все представители оппозиции. Последовал перечень всех еврейских активистов и правозащитников, так что Градобоев вынужден был спросить, не является ли он, Градобоев, лишним в этом списке. Они поладили, и Шахес обещал выступить на митинге. Так что я тебя поздравляю. Твои усилия не пропали даром.

Бекетов прижал ладони к глазам и некоторое время сидел молча. Елена рассматривала его руки, вспоминая, как их целовала, и тогда между его длинными смуглыми пальцами выглядывал крохотный жёлтый лютик — милый луговой цветочек.

Он отнял от глаз руки и вздохнул:

— Я устал. Устал притворяться. Каждый из этих самонадеянных нарциссов считает, что Россия остро в нём нуждается. Они хотят вскарабкаться на древо власти и угнездиться на вершине. Но само это древо должен кто-нибудь возвращать. Оберегать корни, охранять крону. Иначе оно может засохнуть, и эти честолюбцы окажутся на вершине мёртвого дерева.

— Ты садовод. Возращаешь древо Государства Российского.

Он посмотрел на неё ожившим, благодарным взглядом, и она почувствовала, что он нуждается в ней. Хотела вдохновить его, удержать в его глазах этот мелькнувший свет.

— Ты всегда отличался от чванливых чиновников, от напыщенных депутатов, от кремлёвских камергеров. Ты был служивый человек, но служил не Чегоданову, а государству. Оно для тебя было живым, одухотворенным, как икона, на которую ты молился. Ты исповедовал религию государства, которое было для тебя божеством. Твоя вера увлекала меня. Ты открыл мне множество красот, множество знаний, множество переживаний. Я ими живу по сей день.

Бекетов благодарно улыбался. Но в улыбке его оставалась горечь, словно он сожалел об утраченном времени, когда они были вместе.

— Ты помнишь нашу поездку в Новгород? Ты проводил какое-то совещание, с утра до ночи пропадал с губернатором, а я гуляла по кремлю, любовалась иконами новгородского письма, стояла перед памятником Государства Российского. Я вошла в “Софию”, когда прихожане готовились к причастию и все вместе, вслед за священником, читали “Отче наш”. Я стала читать изумительные слова, которым меня научила бабушка: “Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое”... И вдруг что-то случилось. Этот древний могучий храм, сумрачные голубые и алые фрески, лица, озарённые свечами, и бабушкино любимое лицо, и моя внезапная любовь, и восторг, и вера, соединившая меня с прихожанами, с седобородым батюшкой, с Ангелом в синем хитоне. Чудесная, могучая сила кольхнула храм, и лампы, и золотой иконостас словно ожили, и я вошла в их таинственную глубину, где скакали кони, плыли челны, сражались на озёрном льду воины. Я пережила восхитительное чудо, когда сердце переполнилось небывалым счастьем, верой в бессмертие. Я не сказала тебе об этом чуде. Но после этого стала понимать твои пророчества о непрерывном русском времени, о пасхальном свете русской истории, о райских смыслах, о которых говорится в молитве: “Да придет Царствие Твое, да будет Воля Твоя”...

Елена видела, как светлеют глаза Бекетова, словно умоляют продолжить рассказ. Он нуждался в ней, она утоляла его печали, вдохновляла в минуту усталости и неверия.

— А потом, ты помнишь, мы поехали за Волхов, в зелёные холмы, где стоит божественный храм Спаса Преображения на Нередице. Такого изящества, простоты и гармонии трудно сыскать. Храм казался то нежно-розовым, то прозрачно-голубым, то девственно-белым. Внутри на стенах кое-где сохранились фрески. Мы вошли в этот храм, и мне показалось, что время исчезло: нет ни прошлого, ни будущего, а безвременная вечность, как в раю. Храм был, как чёлн, который взлетает в небо и возвращается на землю. Уносит в небо молитвы, а приносит на землю благодать. Святые, пророки и праведники на фресках казались экипажем этого космического корабля. Мы с тобой совершили путешествие на небеса, в райский Космос, и вернулись

обратно, принеся на Землю Фаворский свет. Тот самый свет, который, как ты говорил, разлит во всей русской истории.

Он кивал, улыбался, протянул к ней руку, желая коснуться её руки. Испугался, отвёл руку, провёл по своему широкому лбу, словно стирал тусклое время, отделявшее их от тех благословенных дней.

— А потом ты захотел показать мне могилу Велемира Хлебникова, златоуста и певца Русского Будущего. Мы поехали в глухую деревушку среди непаханных нив, нищих сёл и разбитых дорог. И на сельском кладбище увидели рухнувшую деревянную церковь, чёрную, сгнившую, без глав, с покосившимся коробом. Ты сказал, что это корабль, на котором Хлебников совершил своё последнее странствие в то будущее, которого нет на Земле, а только на Небе. Мы нашли его могилу среди старых крестов. Могила была под одинокой, очень прямой сосной, стремящейся ввысь. Маленький памятник работы Вячеслава Клыкова напоминал купель, в которой лежал нежный отрок в короне. “Космический мальчик”, — сказал ты. А я сказала: “Маленький принц”. Мне было так больно, так чудесно у могилы волшебника и мечтателя, выкликавшего Русское Будущее, верящего в Русское Чудо. Этим чудом оказался корабль истлевшего корабля, одинокое дерево, крохотный памятник на безвестном кладбище. Ты поцеловал памятник, поцеловал ствол сосны и прочитал стих Хлебникова: “Русь, ты вся — поцелуй на морозе”...

— Да, да, всё это было, — воскликнул Бекетов, — Наши жизни мы проживаем в предчувствии Русского Чуда, в ожидании Русской Победы. Мы умираем, не дождавшись победы, передаем это ожидание сыновьям и внукам, чтобы и они уповали на Чудо. Наше великое чаяние Русской Победы через все поражения, все беды и сокрушения...

Елена видела, как преобразилось его лицо. Она всегда пугалась этих мгновенных преобразений и восхищалась ими. Исчезли тени печали, разгладились горькие складки. Глаза округлились, стали наивными и восторженными, как у ребёнка. Седина стала казаться свечением, окружавшим голову. А голос таинственно зазвенел, заволновался, как у проповедника.

— Наша Русская Победа, наша сокровенная мечта о благодатном царстве! О наших священных пространствах между трёх океанов, которые вновь сойдутся, чтобы никогда не распасться. О симфонии народов, культур, божественных промыслов, которые соединят род людской в цветущую семью, где каждый — творец, герой, духовидец. Где государство, царь или вождь — рачительный и искусный садовник, возвращающий Райский сад. Где нет вражды, насилия, порока, а только восхитительное творчество, лучистая любовь, всеединный порыв, преодолевающий смерть. Смерть человека и реки, цветка и звезды небесной...

У Елены кружилась голова, словно эти слова, тягучие, как мёд, благоуханные, как смола, туманили окружающий мир. И открывалась бесконечная даль, бездонная лазурь, в которой было невозможно дышать, но которая влекла в свою необъятную глубину.

— Мы ведь верим с тобой — Русская Победа грядёт. Верим — появится Русский лидер, который сквозь дым и мрак, сквозь всю непроглядную мглу узрит Звезду Победы. Этот лидер живёт среди нас. Надо взглянуться в его лицо, окружённое дивным свечением. Надо пристально посмотреть ему на грудь, где мерцает бриллиантовая звезда. Лидер Победы живёт среди нас.

— Кто он? — спросила Елена. — Градобоев?

— Не знаю. Может быть, он. А может, отрок из города двух цариц, который идёт сейчас по заснеженной улочке... в оконцах мигают огоньки новогодних ёлок, у него под ногами поскрипывает снег, а над головой — чуть заметное золотое свечение...

Она слушала его с упоением, как прежде. Подпадая под волшебное воздействие его слов, смысл которых исчезал, превращался в блаженство. Она не могла противиться его чарам, любила его, хотела, чтобы речи его не кончались, и они летели в таинственную лазурь, обнявшись. Чтобы благоухали смолой те красивые сосняки, и на губах не таял мёд его поцелуев.

— У Русской Победы есть тайна. Пасхальная тайна русской истории. Тайна в том, что Русская Победа, несмотря на всю тьму и кромешность, не-

взирая на русский мор и несчастья, на пепелища городов и виселицы в деревнях, на танки с крестами под Волоколамском и Истрой, несмотря на обманщиков в Кремле и преступников в судах и церквях, — Русская Победа уже одержана. Она уже сияет из будущего, как чудесный бриллиант. Эта дивная Победа не является плодом наших усилий и подвигов, а наши усилия и подвиги являются плодами этой одержанной Русской Победы. Она, как вселенский магнит, притягивает к себе все линии русской истории. И всё, что мы ни делаем, все наши помыслы, ухищрения, наши неудачи, провалы, наши негодные средства и злые свершения — всё освящено уже случившейся, уже одержанной, уже воссиявшей Русской Победой.

— Ты считаешь, что все деяния, даже злые, даже преступные, совершенные во имя Победы, оправданы?

— Не знаю. Мне кажется, когда Сталин стоял на Мавзолее, принимая парад Победы, и к его ногам падали штандарты разгромленных фашистских дивизий, на его лице не было торжества, а была глубокая тишина. Вся кровь, всё насилие, вся непомерная жестокость были оправданы священной Победой. Это она, лучезарная и священная, потребовала столько жертв и мучений, превратила русский народ в народ-мученик, а значит — в народ-победитель.

Она соглашалась с ним не разумом, а своим любящим сердцем, в котором исчезла обида и попранная гордыня. Она верила, что их разлука была вынужденной и недолгой, и он, покинув её, продолжал служить всё той же ослепительной мечте. Странствовал, сражался, терпел лишения и, наконец, вернулся. И она приняла его, такого знакомого и любимого.

Они вышли из кафе, когда стемнело, и в метели неслись огни, пылали витрины, туманились алые и золотые рекламы. Елена не хотела, чтобы он уходил. Её лицо горело в метели, а в глазах таял снег, и блуждали таинственные видения, навеванные его чарами.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Градобоев набивал в компьютере калиброванный текст:

“Если мы свободны и бесстрашны. Если хохочем в глаза насильникам. Если презираем кремлёвских лгунов и стяжателей. Если чёрная тень Чегоданова не в силах заслонить золотое солнце России. Если благородство сильнее подлости. Если правда прекрасней лжи. Приходите ко мне на митинг в воскресенье на проспект великого Сахарова, в 17 часов, и мы скажем Чегоданову, что ему больше не быть президентом. Что его презирают в городах и ненавидят в деревнях. Что свобода идёт по земле, как весна, и тираны кончают свой век в петле или в кровавой воронке от взрыва. Жду вас, други мои, и мы победим на выборах. Ваш Градобоев”.

Он заряжал этим текстом свой блог, как снайпер вгоняет в ствол пулю, предназначенную для попадания в переносицу. Пуля просверлит лобную кость, взорвётся в мозгу, выдавит огромные синие пузыри глаз, и противник будет долго падать из золочёной логи в переполненный зал театра с красным сафьяном кресел.

Градобоев туманно улыбался, предаваясь сладостному зрелищу. Не торопился нажать на клавишу. Не торопился утопить спусковой крючок. Не торопился метнуть бесшумную молнию в громадный город, переполненный миллионами жизней. Предвкушал вторжение своей воли в людское скопище, которое затрепещет от восторга и ужаса.

Градобоев утопил клавишу. Так взрывается тополиный пух, скопившийся на асфальте, когда к нему поднесут зажжённую спичку. Так разносится на гигантские расстояния электрический ток при первом повороте ротора. Так бесчисленные крупницы железа поворачиваются все в одну сторону, если к ним приблизить магнит. Так тысячи рыб собираются в громадную стаю и несутся в пучине по невидимой силовой линии. Так расширяется эпидемия от одинокого вируса, попавшего в кровь, охватывая континенты. Точно так же, со скоростью мысли, распространялась в социальных сетях весть о ми-

тинге на проспекте Сахарова. Эта весть летела по сайтам газет, по форумам правозащитных организаций, по блогам популярных ньюсмейкеров. Её подхватывали студенческие кружки, служащие корпораций и банков, художники, поэты и музыканты. Её ловили компьютеры спецслужб и администрации президента, иностранные посольства и зарубежные информагентства. Интернет кипел, бушевал, ликовал, проклинал. Миллионы возбужденных людей глотали эту бестелесную сладость, пили горькие яды. Пьянели, отзывались на эту весть своими огненными репликами, стихами, прокламациями.

Бекетов наблюдал, как движутся толпы на митинг. Чёрные потоки текли от ближайших станций метро, людские сгустки катились с окрестных улиц, с площади Трёх вокзалов, куда прибывали переполненные электрички. Над головами клубился пар, от жгучего мороза заслонялись шарфами, поднятыми воротниками. Устье проспекта было перегорожено полицейскими кордонами, стояли рамки металлоискателей, полицейские охлопывали проходивших людей, проверяли сумки, рюкзаки. Кто-то в ответ язвил и смеялся, кто-то мрачно огрызался, другие послушно поднимали руки, поворачивались вокруг оси, проскальзывали в рамки. Всё пространство проспекта, ограниченное призматическими зданиями, застеклёнными фасадами, медленно наполнялось толпой, шевелилось, оглашалось рокотом, шелестом, гулом. На вершинах домов горело малиновое ледяное солнце. Воздух искрился от летучего инея.

Бекетов, кутаясь в шубу, опустив уши меховой шапки, смотрел, как люди, проходя сквозь рамки, начинают разворачивать флаги, прикрепляют к древкам транспаранты. Были государственные трехцветные флаги. Были чёрно-золотые — имперские. Было много красных полотнищ. Вздмались флаги с эмблемами национал-большевиков. Струились экзотические стяги неизвестных организаций. Штандарты всевозможных союзов и объединений. Бекетов, рассматривая флаги, убеждался, что его усилия не пропали даром. Обилие красного говорило о присутствии коммунистов. Чёрные серпы и молоты, неуловимо напоминавшие свастики, свидетельствовали о последователях Лангустова. Пестрота правозащитных эмблем, радужные полотнища гей-сообществ указывали на сторонников Шахеса.

Бекетов торжествовал, волновался, видел, как его усилия, слабые толчки воли управляют лавиной людей. Он двигал массивы общественных настроений, перемешивал их в заданных пропорциях, создавал в замкнутом пространстве проспекта гремучую смесь. Как алхимик, соединял в реторте вещества и растворы, надеясь получить “философский камень” или — чудовищной силы взрыв. В чёрное варево толпы вливались всё новые и новые группы. Бекетов, как повар, готовил фантастическое блюдо из людских страстей, ненависти и обожания. Невидимый, священнодействовал на кухне, где варился *жирный борщ* революции.

Мимо проходил парень, по виду — студент, в капюшоне, с рюкзачком за плечами, с белой тряпичей на воротнике. Весело посмотрел на Бекетова, воздел два пальца, изображая символ победы. Пробежали три девушки, в меховых сапожках, в нарядных шубках, румяные и красивые, засмеялись, помахали бумажными белыми розами. Проковыляла женщина в замызганном камуфляже, с клюкой, в мужской шапке-ушанке, из-под которой истово сверкали глаза ветерана правозащитных митингов. Подскакивая и пританцовывая, пробежал странный человек в облачении средневекового шута: в красной хламиде, красном островерхом колпаке, красных чулках с загнутыми кверху носами. Бекетова поразило его измождённое лицо с сумасшедшими гримасами боли и счастья.

Вдалеке голубела трибуна, окружённая чёрной толпой, разноцветьем транспарантов и флагов. Люди стекались к проспекту, просачивались сквозь рамки, сливались в густое месиво, которое дышало и горбилося.

Митинг рокотал, ухал, гремел, как бубен, сотрясая морозный воздух, призы домов, врытые в землю фундаменты. Площадь пританцовывала, подпрыгивала, колыхала полотнищами. Казалось, огромный шаман бьёт в свой колдовской инструмент, качаются здания трёх вокзалов, взлетает и падает идущая от Каланчёвки электричка.

Градобоев, распахнув ворот шубы, стянув косматую шапку, выдыхал длинные струи пара, из которых летели в толпу огненные слова. Они взрывались, как снаряды, и в местах попадания открывалась полная воплей воронка. Толпа смыкалась, и только яростно крутились водовороты знамён.

— Наша митингующая площадь — это вся Россия! К нам на митинг пришёл весь оскорблённый народ, который принёс Чегоданову чёрную метку! Все нищие старики и старухи, у которых на рубище блестят ордена за труд и за подвиг! Все сироты и беспризорные, которые ночуют на помойках и свалках! Все обманутые в судах и изнасилованные в полиции! Все, кто требует правды и справедливости, а им в лицо суют полицейскую дубинку и фальшивый бюллетень избиркома! Мы говорим Чегоданову: “Ты лжец и насильник! Ты вор и развратник! Уходи, пока цел! Ты хочешь заранее сфабриковать результаты выборов! Но знай: если это случится, через час после того, как твои холуи в Избиркоме объявят твою победу, мы выйдем на улицу и выгоним тебя из Кремля!”

Градобоев был дрессировщиком, полосующим хлыстом непокорного зверя. Площадь редела, крутила красными стягами, словно открывалась чёрная пасть с алым языком. Чудовище рыкало, вставало на задние лапы, готовилось кинуться на дрессировщика и рвать его на куски. Но тот бросал в ревущую пасть комья сырого мяса, и чудище жадно глотало, захлёбывалось, давилось, забывая о дрессировщике.

— Неужели Чегоданову не идут впрок уроки Ливии и Египта? Неужели он не боится, не чувствует, что его ненавидят? Неужели он не видел кадры, на которых народ терзает окровавленное тело Каддафи? За каждый сфабрикованный бюллетень, за каждый украденный голос Чегоданов заплатит страшную цену!

Он чувствовал толпу, как смертельную опасность, которая может его уничтожить. Пил эту опасность, наслаждался безумной игрой, как наслаждается альпинист, повисший над пропастью. Как одиночка-яхтмен, попавший в водоворот океанского смерча. Он дразнил толпу, увлекал её за собой, собирал в сгусток её разрушительные энергии. Он был громовержец, сжимающий в кулаке раскалённые молнии, он был золочёной статуей на носу корабля, рассекавшей грудью свирепые волны.

— Я обещаю вам, братья: мы придём в Кремль! Мы соберёмся в Георгиевском зале, где золотом начертаны имена гвардейских полков! Мы поднимем бокал за русский народ, за Победу! — Градобоев воздел кулак. — Победа! — выдохнул он. — Победа!

Площадь единым дыханьем и рыком вторила:

— Победа! Победа! — и от этого рыка поднялись в зелёное небо тысячи московских ворон, метались, загораясь золотом в лучах последнего солнца.

Мумакин крепко расставил ноги, сжимая в кулаке меховую кепку, и был подобен великому предшественнику на башне броневика. Жадно, тревожно и вместе с тем счастливо и опьяненно смотрел на площадь. Там было множество красных флагов, неслись приветствия его сторонников.

— Мы говорим представителям исполнительной власти: “Проведите честные выборы!” И на смену вам придут те, кто имеет опыт руководства огромной страной. Те, кто строил великие заводы и университеты, выиграл самую страшную в истории войну, вывел человека в Космос! Посмотрите, во что вы превратили Россию! В обломок территории с вымирающим населением, у которого больше нет индустрии, армии и науки! Мы, коммунисты, готовы поддержать Градобоева, войти в правительство. У нас есть команда. Есть опытные экономисты, политики, деятели культуры. Мы готовы немедленно начать восстановление страны!

Ему в ответ кричали: “Ура!” — размахивали полотнищами, пускали вверх розовые и красные шарики. Мумакин упивался: его принимала площадь, видела в нём борца за свободу. Он выдержал испытание, сохранил партию, уберёт её от смертельных ударов. Его компромиссы оборачиваются ослепительным успехом. Власть, которой его пугали, которую у него отнимали, теперь падает ему в руки, как созревшее румяное яблоко.

Мумакин выбросил вперёд кулак с зажатой шапкой, застыл, как бронзовое изваяние. Красные флаги бушевали, как паруса, и с разных концов площади неслось восхищённое: “Союз! Союз!”

Елена в своей негнущей норковой шубке смотрела из-за кулис на площадь. Сгущались сумерки, толпа напоминала мостовую, вымощенную головами. Когда начинался рёв, Елене казалось, что к её телу прижимают раскалённый морозом шкворень, она задыхалась, сердце останавливалось. Она видела Градобоева. Возбуждённый и яростный, он готовился к броску, окутанный паром, в мохнатой шубе, как поднявшийся из берлоги медведь. Видела Бекетова, который в куртке, отороченной мехом, зачарованно смотрел на площадь. Казалось, что-то считал, измерял, как вулканолог у края кратера. Ей было невыносимо. Оба они делали её жизнь ужасной. Оба влекли к себе, и оба отталкивали. Обоим она лгала, и оба не хотели замечать её лжи. Обоим она служила, уверяя себя, что служит великим целям, и ради этих целей, ради пленительной Русской Победы должна терпеть унижения. Но эта ложь обесценивала служение. Ей хотелось убежать с этой трибуны, чтобы не видеть раздвоенного, яростного Градобоева, бледного, шепчущего Бекетова. Скрыться, чтобы избегнуть несчастья. Она не понимала смысла произносимых речей, но когда площадь взрывалась рёвом, ей казалось, что из недр площади вырывается то один, то другой бульжик, бьёт в неё, и её побивают камнями.

Выступал Лангустов, в чёрной кожаной куртке, в фуражке, с бородкой и в миниатюрных очках. Его маленькое морщинистое лицо пребывало в мерцающем пятне света, который направляли на него телегруппы у основания трибуны. Ещё несколько корреспондентов и репортёров направили на него объективы. Он знал о телегруппах, о журналистах из “Либерасион” и “Пари матч” и позировал. То делал энергичный шаг вперёд, салютуя сжатым кулаком. То резко оборачивался в профиль, замирая, позволяя сделать эффектный кадр. То застывал, прижимая руки к бёдрам, как солдат в почётном карауле.

— Вся эта власть, этот ужасный Кремль — всего лишь тухлое яйцо, в котором давно сдох птенец. Не нужно бояться власти! Власть существует, пока существует наш страх. Возьмём в руки ремни с пряжками и велосипедные цепи и пойдём на ОМОН. И он, видя наши волчьи улыбки, наши весёлые звериные глаза, разбежится. Революцию делаем герои. Вы — герои, избранные свободы. “Свобода! — говорю я вам. — Свобода или смерть”. Мы, не боящиеся смерти, делаем историю России. Мы, избранные свободы, пишем великолепную книгу войны. “Свобода или смерть!”

Он дёргал кулаком, словно бил в колокол. Его сторонники, одетые в кожанки, были похожи на чёрных жуков в блестящих хитинах. На красных, с белым кругом знамёнах трепетали чуткие чёрные пауки. Знамёна наклонились в сторону жюдя, и множество восхищённых голосов вторило: “Свобода! Свобода!.. Смерть! Смерть!”

Бекетов, прячась под меховой кашпошон, неотрывно смотрел на площадь, на её конвульсии, на вздутия и впадины, выбросы и всплески энергий. Соизмерял с этими выбросами слова ораторов, их политические воззрения, остроту или затуманенность смыслов. Площадь казалась ему громадной машиной, которую он сконструировал. Могучим реактором, которым управлял: двигал графитовые стержни, замедляя или убыстряя реакцию; контролировал уровни радиации, балансируя у красной отметки; измерял температуру раскалённого пара, силу тока на клеммах генератора. Он использовал топливо людской ненависти и обожания, переводил их в социальную энергию протеста, воздействовал этой энергией на электоральные предпочтения, политические симпатии, будущие результаты выборов. Он проводил эксперимент, последствия которого были до конца не ясны. Он увеличивал мощность реакции, не зная допустимого предела. Управлял множеством факторов, не зная, какой из них — главный: страстная воля Градобоева или осторожное лавирование Мумакина, революционное безумие Лангустова или социальный страх, живущий в сознании людей. Он сознавал, что поступает вероломно и гадко по отношению к Елене, использует её вспыхнувшее чувство. Но это вероломство было оправдано громадным риском, которому он подвергал го-

сударство. Все выступавшие на митинге, все, наполнявшие площадь, и он сам, измеряющий социальную энергию митинга, и Елена с несчастным лицом, и Чегоданов, наблюдавший митинг перед монитором, — все они были топливом громоздкого реактора, толкавшего вперёд русскую историю.

Бекетов видел, как в сумерках мерцает на площади множество вспышек, и ему казалось, что это искрят проложенные в толпе провода.

Выступал Шахес. Маленький, круглый, в колючей шубе, он был похож на смешного ежа, вставшего на задние лапки. Водил по сторонам чутким носиком, словно принюхивался, чем пахнет окутанная дымкой толпа. В его пальчиках трепетал замусоленный червячок.

— Мы собрались здесь, чтобы заявить во всеулышанье: “Соблюдайте права человека! Соблюдайте гражданские права! Нет ксенофобии! Нет неправым судам! Свободу политическим заключённым”!

Шахес прокричал всё это в микрофон и замер, испугавшись собственных слов. Стал пугливо оглядывать площадь, не протискиваются ли к трибуне молодцы из ОМОНа, ни летят ли в его сторону яйца, брошенные нацистами. Червячок в его пальцах испуганно замер. Но площадь одобрительно рокотала, развевались радужные флаги геев, вздымались транспаранты правозащитников. Шахес осмелел:

— Пусть меня услышит кандидат в президенты Чегоданов. Пусть меня услышат лидеры европейских государств. Пусть меня услышит президент Соединенных Штатов: мы, русские, хотим жить в цивилизованной стране. Это наш выбор!

Шахес, при мысли, что его слова слышат сейчас в Кремле, на Капитолийском холме, в Берлине, Париже и Лондоне, так разволновался, что язык его стал отчаянно вращаться. Мысли обгоняли слова, он проглатывал согласные, грассировал. Его речь превратилась в стрёкот, свист, щебет, и в этом птичьим треске можно было с трудом разобрать: “Ходорковский”, “Магнитский”, “Политковская”. А когда он выговорился, иссяк и напоследок вновь обрёл дар человеческой речи, только и смог, что выкрикнуть:

— Господа, мы же люди! — он поднёс к губам своего загадочного червячка, словно собирался его съесть. Раздумал и убежал вглубь трибуны.

И площадь скандировала:

— Люди! Люди!

Выступали представители творческой интеллигенции.

Художник Скороходов выскочил на трибуны в птичьем оперении, в маске Чегоданова. Он подпрыгивал, хлопал себя по бёдрам, изображая полёт, тонко выкрикивал:

— Чегоданов, стань птицей! Улетай туда, где раки зимуют! Счастливого полёта!

Следом слово получил писатель Лупашко. Он вынес на сцену эмалированный таз. Лил в него клейкую жижу. Кидал обрывки газет. Смахивал с тарелки пищевые объедки. Плюнул и крикнул:

— Чегоданов, разве ты президент? — в тазу зашипело, заискрилось, и поднялось мутное облако дыма. Лупашко кланялся, как факир. Площадь в восторге редела.

Завершал митинг Градобоев. В распахнутой шубе, с заиндевельными волосами, он вырвался на край трибуны, подняв вверх сжатый кулак. Словно командир, поднимающий в атаку солдат. Грудь навстречу пулям. Офицерский ТТ в кулаке. Крик, переходящий в певучий, торжествующий вопль:

— На нашей стороне — правда! На нашей стороне — русский народ! На нашей стороне — Господь Бог!

Площадь неистово редела. Он был её кумиром, её божеством. Он повелевал ею. Мог приказать — и она окаменеет. Мог вытянуть перст указующий — и она вся с гулом помчится туда, куда он указал. Мог огненным взглядом, как небесным лучом, ужалить, воспламенить, и она вся превратится в бушующий пожар.

Градобоев жёг её глазами, стремился запалить чёрное варево, страстно желал, умолял, чтобы среди чёрных голов вспыхнул огонь. И вдруг там, где летал его жгучий взгляд, над толпой взлетело узкое пламя: возник человек,

бегущий по головам. На нём было оранжевое облачение и красный колпак шута. На загривке бушевало рыжее пламя. Он беззвучно кричал, гримасничал, поливал себя из пластмассовой бутылки прозрачной жидкостью, которая воспламенялась, и он, как жуткий факел, скакал по головам и кривлялся. Провалился вниз, в толпу, исчез в чёрной гуще, и оттуда, куда он канул, поднимался дым.

Градобоев ужасался и восхищался зрелищем самосожженца, который подтвердил колдовскую мощь его взгляда. И этот взгляд продолжал поджигать. В разных концах площади, из толпы вверх полетели пучки огня, ослепительные струи. Взрывались в высоте разноцветными вспышками, пылающими букетами, словно загорались драгоценные листья, озаряя ликующие лица и замёна. Восторженными кликами славилась площадь салют.

Бекетов видел счастливого, с безумным взором лицо Градобоева. И Елену, её бледное, ужаснувшееся лицо, обращённое к пучкам небесного пламени.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Бекетов прильнул к телевизору, где начиналась программа Михаила Немвროзова “Смута”. Немвровов, статный, с лицом записного красавца, в чёрном костюме и белой манишке с галстуком-бабочкой, был обличительно-страстным.

— Всмотритесь в эти неистовые лица! В эти жестокие жесты! В эти гримасы ненависти и злобы! — на экране возникали Градобоев, воздевший кулак. Мумакин с шапкой в руке, Лангустов с бородкой Троцкого, Шахес, крутивший в руке загадочного червячка. И множество других лиц кричащей толпы. — Они хотят не свободы, а крови! Не справедливости, а насилия! Не прав человека, а виселиц и плах! Снова на Россию надвигается кровавая смута! Вот так это было в феврале семнадцатого года! — На экране побежали кадры хроники с демонстрациями в Петрограде, с Керенским на митинге, с флагами и транспарантами, с солдатами и рабочими. — А чем это кончилось? — Вздымались чёрные взрывы, мчалась свирепая конница, падали главы храма Христа Спасителя, тянулись по дорогам беженцы и погорельцы, наганы стреляли в затылки стоящим на коленях людям. — Вот так это начиналось в августе девяносто первого! — Ликующие демонстранты братались с танкистами у Белого дома, толпа несла по Садовой громадное трёхцветное полотнище, под свист и улюлюканье сволакивали с постаментов памятники. — А чем завершилось? — Страшные развалины Грозного. Чеченцы режут горло контрактникам. Вагоны, оборудованные под морги, полные скрюченных трупов. — А вот как начиналась “арабская весна”, эта “оранжевая революция” в Северной Африке! — Залитая толпой громадная площадь Тахрир. Мечети, полные благоговейно молящихся. — А вот чем завершилась “весна”! — Пылающие развалины Триполи, пикирующие самолёты, изуродованный труп Каддафи, в который неистово продолжают стрелять. — Сегодня на Болотную площадь и проспект Сахарова выходят борцы за права человека, но завтра они будут рубить головы и устраивать публичные казни!

Возникло лицо Градобоева, его окутанный паром рот:

— Неужели он не боится, не чувствует, что его ненавидят? — И влед за этим снова расплющенное, изрытое пулями лицо Каддафи, и автоматные очереди, вонзающие в труп свинец.

Бекетов восхищался артистической работой Немвровова.

— Ай да Мишка, ай да сукин сын! — смеялся Бекетов. Его опасный эксперимент удавался. Чем гуще и громогласней была толпа на площади, тем сильнее было отторжение обывателей, испуганных угрозой “великих потрясений”, которые истребят их утлый быт и погубят их скромный достаток.

— О, Родина-мать! О, Родина-мать! — слёзно воскликнул Немвровов. На экране появилась корова, пятнистая, чёрно-белая, с худыми боками и вислым выменем. Она ошалело бежала, понукаемая погонщиком, который дубиной охаживал её бока. — О, Родина-мать!

Корову загнали в тесный железный бокс. Облили струей воды, которая расплощивалась о её голову блестящей бронхой. Опустили к голове электрод, вонзили в лоб между рогов. Польшнула вепышка. Корова рухнула на железное дно, которое растворилась, и оглушённая туша полетела вниз, на кафельный пол, озарённый лампами. Работники набросили на задние ноги коровы стальную цепь, вздёрули, и корова закачалась, забилась, мотая оглушённой головой. Работник блестящим ножом полоснул её по горлу, и оттуда хлынула чёрно-алая кровь, громко забила в жестяное корыто.

— Родина-мать! Родина-мать! — рыдал Немвровоз. И тут же возникло лицо Градобоева, восхищённое и неистовое.

Работник бензопилой отсёк копыта, обрубки упали на кафельный пол. Ноги дергались белыми костями, и из них хлестала кровь.

Работник ножом вёл разрез по коровьему брюху, а другой с треском свлакивал шкуру, словно снимал тяжёлую шубу. Красная липкая туша качалась на цепи, и в голове жутко сверкали чёрные остановившиеся глаза.

— Родина-мать! Что они делают с тобой, о, Родина-мать! — Лицо Градобоева, иступлённое, с искажённым ртом занимало весь экран.

Ударами тесаков вскрывали чрево. Вываливали красно-лиловые кишки. Громадное, как чёрный булыжник, сердце. Липкую, как моллюск, печень. Работник бензопилой раскраивал тушу надвое, и две половинки раскочивались, розовея рёбрами. Работники, голые по пояс, перепачканные кровью, казались палачами.

— За что они тебя, наша матушка! За что они, изверги, мучают тебя и казнят! — Площадь волновалась толпой. Трибуна казалась эшафотом. На ней Градобоев улыбался в безумном упоении.

— Вглядитесь в это лицо! Не Антихрист ли пришёл на русскую землю? — Возникло лицо Градобоева в счастливой судороге, озарённое огнями.

— Родина, отстоим тебя от захватчиков! Есть кому тебя защитить!

Возник истребитель, замедляющий бег по бетонному полю. Из кабины поднимался Чегоданов в камуфлированном облачении, в стратосферном шлеме.

Шёл лёгкой походкой, и его приветствовал строй солдат.

Немвровоз эффектно простился со зрителями. Бекетов налил бокал шабли и медленно, с наслаждением выпил.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

В Доме Правительства собрался предвыборный штаб Чегоданова, чтобы обсудить последствия митинга на проспекте Сахарова. В кабинете, во главе стола, сидел Чегоданов, внимательный, строгий, в своем любимом темно-синем галстуке, который он надевал в особо торжественных случаях. Начальник штаба режиссёр Купатов, сумрачный и усталый, похожий на львого льва, вертел в руках неизменную трубку с холодным пеплом. Подносил её к седым усам и вдыхал сладостно-горький дух. Глава президентской администрации Любашин с траурным лицом, весь в чёрном, напоминал печального пастора, которого пригласили на исповедь к неизлечимо больному. Министр внутренних дел Закиров, с морскими звёздами на плечах, преданно смотрел на Чегоданова, обнаруживая трепетную готовность выполнять его указания. Глава Центральной избирательной комиссии Погребец, с железной бородой старообрядца, с огромным иконописным лбом, был невозмутим и выражал готовность стоически встретить любые превратности судьбы. Начальник личной охраны Божок, с крепкими плечами и могучей шеей, недружелюбно поглядывал на собравшихся, ревнуя их к Чегоданову. На мясистом безбровом его лице остро поблёскивали синие глазки, то злые, то весёлые. За столом оставались свободные места. Не занимая их, в стороне, в удобном кресле сидел президент Стоцкий. Ему не было места во главе стола, где восседал Чегоданов, но он не желал выглядеть подвластным Чегоданову, подобно остальным членам штаба. Поэтому занял нейтральную позицию, вне иерархии. Так же в стороне сидела Клара, неизменная спутница Чегоданова, с распущен-

ными, чёрно-стеклянными волосами, с глубоким вырезом платья, в котором круглились смуглые груди. Её яркие восточные глаза с обожанием смотрели на Чегоданова и с недоверием и отчуждением — на придворную свиту.

— Я приветствую всех собравшихся и прошу высказать свои соображения относительно последних событий, случившихся в Москве на протестных митингах. — Чегоданов говорил тихо и вкрадчиво, как это водилось за ним, когда дело касалось особенно тревожных событий. — Начнём с вас, Ярослав Аркадьевич, — обратился он к режиссёру Купатову.

— Признаюсь, я ходил на митинг и смотрел, не отрываясь. Это грандиозное действо, в нём было что-то античное: отдельные актёры и сопровождавший их хор. И когда в морозном небе, над тысячной толпой взлетел салют, я, признаюсь, пережил момент катарсиса. Отличная режиссура, отличный состав актёров, отличный театр под открытым небом. — Купатов со значительным видом умолк, полагая, что на подобную оценку не способен никто другой.

— Приятно узнать, что вы получили художественное наслаждение, Ярослав Аркадьевич, — губы Чегоданова побледнели и сложились в трубочку, что выдавало в нём крайнее раздражение. — Значит, у оппозиции есть талантливый режиссёр. А разве у нас нет талантливого режиссёра? Разве вы, Ярослав Аркадьевич, не способны предложить встречную режиссуру? Разве вам нечего нам предложить?

— Ну, отчего же. Я думал об этом. Мы тоже могли бы ответить. Например, народный молебен об изгнании из Москвы Антихриста. По телевизору уже прозвучало, что Градобоев — Антихрист. Так вот, в воскресенье на всех московских церквях звонят колокола, и от церкви к церкви идут крестные ходы с хоругвями и иконами. Они стекаются к проспекту Сахарова, где проходил митинг, и священники кропят заклитое место, изгоняя из Москвы злой дух. Это транслируется на всю Россию, — всё это Купатов произнёс не слишком уверенно. Было видно, что театральное действо не до конца им продумано. Чегоданов язвительно улыбнулся и тихим шелестящим голосом произнёс:

— Спасибо, Ярослав Аркадьевич. Это напоминает “Хованщину”.

Глава администрации Любашин, стараясь угадать тайный замысел Чегоданова, чтобы быть созвучным этому замыслу, произнёс:

— Не пора ли начать спецоперации, Фёдор Фёдорович? Почему бы нам не запустить в интернет фотографию Лангустова, где он играет в постели с хорошеньким белокурый мальчиком? Не думаю, что это понравится нашему консервативному народу. А Шахес, этот вероломный прохвост! Мы расскажем публике, как его благовидный фонд получает деньги американских евреев, и эти деньги идут на подавление русских националистических организаций. Что касается Градобоева, у него есть “ахиллесова пята”, куда можно вонзить острое, — это его любовница Елена Булавина. Ей можно сделать больно, и это заставит Градобоева остановиться, — Любашин произнёс всё это тихо, потупив глаза, в своём чёрном облачении похожий на лютеранского пастора.

Клара гневно блеснула лучистым ненавидящим взглядом. Чегоданов уловил её порыв, гася эту вспышку ненависти.

— Ваши предложения не блещут новизной. Никто не удивится, если у Лангустова в постели найдут козу. У Шахеса еврейские деньги? А вы хотите, чтобы это были юани? Что касается Градобоева, он только и ждёт, чтобы его сделали мучеником. Вместо одной любовницы он найдёт другую. К тому же, с женщинами мы не воюем. У каждого из нас есть женщина, а значит — “ахиллесова пята”. — Чегоданов взглянул на Клару, и та ответила ему благодарным обожающим взглядом. — В наших действиях мы должны соблюдать осторожность. Общество перенасыщено протестными настроениями. Один неверный шаг — и возникнет цепная реакция революции. Нужны нетривиальные системные решения.

— Системное решение есть, Фёдор Фёдорович, — министр внутренних дел Закиров шевельнул плечами — все его звёзды ожили. Казалось, сейчас они начнут падать с плеч и разбегаться по столу. — Спецоперации на Кавказе становятся всё многочисленнее. Война на Кавказе — весомый повод отменить выборы. Мы выиграем эту войну, и вы проведёте парад победы в Ма-

хачкале или в Назрани. После этого вам гарантирована победа на выборах, — звёзды на плечах министра замерли: он ждал ответа на своё системное предложение.

— Вы хотите, чтобы установки залпового огня разрушили и Махачкалу? — со злой иронией произнёс Чегоданов, — Хотите, чтобы все ваххабиты мира примчались на Кавказ из Сирии, Ливии и Ирака? Вы хотите, чтобы Аль-Каида обустроила базы на вещевых рынках Москвы? Занимайтесь лучше охраной общественного порядка во время митингов и демонстраций.

Министр уязвленно молчал, и звёзды на его плечах обиженно хмурились.

— Фёдор Фёдорович, гарантирую, мы проведём выборы на самом высоком уровне. Восемьдесят процентов поддержки я вам гарантирую! Разве когда-нибудь система ГАС “Выборы” нас подводила? Если восемьдесят процентов кажутся вам недостаточными, добьёмся девяноста двух, — председатель Центризбиркома Погребец невозмутимо смотрел чистыми глазами, проводя белой ладонью по стальной бороде.

— Сергей Артамонович, да будет вам известно, в “оранжевых революциях” тема нечестных выборов занимает главное место. Если вы перестараетесь с вашими процентами, то на улицы выйдет вся Москва. Реальные рейтинги не должны распыляться и тонуть в дутых цифрах. Нужно повысить мою популярность до уровня, при котором ваши результаты выборов будут приняты обществом. Я хочу получить от вас, коллеги, предложения, каким образом переломить негативную тенденцию и выиграть выборы, — Чегоданов сложил губы трубочкой, отчего вместо рта образовался сердитый хоботок, и слова излетали с характерным злым шелестом. — Мне нужны творческие идеи. Мы должны выявить изъяны в наших действиях.

Молчавший всё это время личный охранник Божок мерцал синими глазами, которые то смеялись, то превращались в злые красные угольки.

— А я вам скажу, Фёдор Фёдорович, отчего ваша кривая ползёт вниз, можно сказать, падает на бок. Вот вы пригласили обратно Бекетова, доверились ему, дали ему полномочия. Я не стал вас отговаривать, хотя Андрей Алексеевич — человек сложный, ох, сложный! Ведь вы недаром его от себя удалили, мы оба знаем — было за что. А вот теперь взяли обратно. Так вот, мои люди сообщают, что Андрей Алексеевич работает на Градобоева. Тайно встречается с ним, передаёт информацию, даёт ему идеи. Он, по поручению Градобоева, привёл на митинг и Мумакина, и Лангустова, и этого русофоба Шахеса. Вы ему доверяете, раскрываете карты, а он бежит к врагу и выдаёт секреты. Вот кому нужно сделать больно, и кривая сразу полезет вверх. С “кротами” как обращаются? Шкурки снимают. С предателей надо шкурки снимать, — Божок, смеясь синими глазками, показал, как вскрывают пойманному зверьку брюхо и сдирают мягкую шкурку.

президент Стоцкий отстранённо, с рассеянной улыбкой, внимал разговорам. Неожиданно встрепенулся в кресле, несколько раз взмахнул маленькой точёной ручкой, прежде чем заговорил.

— Предательство благодетеля — неотмолимый грех! У Данте в центре ада сидит Вельзевул и страшными гнилыми зубами грызёт предателя! Предателя надо расстреливать, топить, вешать, как собаку. Бекетов предал Фёдора Фёдоровича в самый трудный момент и сбежал. Ты, Фёдор, опрометчиво его вернул. Доверился ему в этот сложный момент, зная, что он предатель. Среди близких тебе людей нет предателей. Мы верны тебе, готовы жертвовать во имя тебя. Я поклялся тебе в верности и держу клятву. Если бы ты знал, сколько мерзавцев в эти годы, что я президент, подбивали меня стать предателям. Говорили: “Одна твоя подпись, и Чегоданов уходит в отставку, и больше никогда, никогда не встанет на твоём пути!” Я их всех отвергал с презрением. Для меня наша дружба священна. Я служил и служу тебе. Если в тебя станут стрелять, я заслоню тебя своей грудью! — Стоцкий сбивался, размахивал точёными ручками. Чегоданов пристально смотрел на него, и казалось, взвешивал на невидимых весах эти признания верности.

— Я бы хотел узнать, сколько людей приходило к Градобоеву на митинг. А также, какой у меня рейтинг на сегодняшний день.

Глава администрации кинулся к телефону и что-то негромко спросил. Повернулся к Чегоданову:

— На Болотной площади было 50 тысяч, а на проспекте Сахарова — 120 тысяч.

Все охнули, Купатов схватился за лысую голову. Министр внутренних дел мучительно сжал кулаки. Божок мерцал красными угольками.

— А рейтинг, рейтинг? — спросил в нетерпении Чегоданов.

— Ваш рейтинг, Федор Федорович, поднялся с тридцати шести до сорока одного процента.

Все изумлённо молчали.

— Так что видите, коллеги, кривая моей популярности стала расти, — засмеялся Чегоданов. — Ещё далеко до победы, но прогресс налицо. Так что “кроту” не надо делать больно. Не надо сдирать с него шкуру!

Чегоданов поднялся и, оставляя членов штаба в недоумении, удалился в комнату отдыха, увлекая за собой Клару.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Градобоев просматривал прокремлёвские сайты, которые демонизировали его, выуживая из его многочисленных интервью и высказываний порочащие признаки. Его обвиняли в подготовке государственного переворота и призывах убить президента. Подозревали в связях с чеченскими террористами, с которыми он якобы встречался на конспиративной квартире. Вскрывали финансовые поступления, которые шли через неправительственные организации. Намекали на еврейское происхождение. Приводились свидетельства проституток, которые рассказывали о его мужских немоцах.

Сайтов было множество, они слипались в клейкую массу. Их содержание травмировало Градобоева, и он находил утешение, читая другие, либеральные сайты, где его превозносили и прочили в президенты России.

Его отвлёл охранник Хуторянин. Он вошёл бесшумно, с манерами осторожного разведчика, которым он и был, работая прежде в органах безопасности.

— Иван Александрович, к вам редактор “Честной газеты” Луцкер. Без предварительного звонка. Утверждает, что срочное дело. Прикажете отказать? Или направить к пресс-секретарю? — Хуторянин бегал глазами по кабинету, словно ощупывал воздух вокруг Градобоева, убеждаясь, что в воздухе отсутствует опасность.

— Пригласите, — Градобоева заинтересовало неурочное явление Луцкера. — Семён Семёнович, не волнуйтесь. Проверено, мин нет, — усмехнулся он, цenia преданную бдительность телохранителя.

Луцкер шумно вошёл, рыхлый, неопрятный, похожий на перезревший гриб, пропитанный водой, изъеденный лесными улитками. Он пугливо оглянулся, отыскивая по углам скрытые камеры и подслушивающие устройства. Приблизил шевелящиеся губы к уху Градобоева и страстно зашептал:

— Это ваш шанс! Немедленно! Мне было не просто! Кругом глаза и уши! Переломный момент в политическом процессе! Я очень рискую!

— Да что случилось? — Градобоев отстранился от Луцкера, спасаясь от волны кислых испарений.

— Валентин Лаврентьевич приглашает! Прямо сейчас! В нужном месте!

— Да кто такой Валентин Лаврентьевич? — не понимал Градобоев.

— Да Боже ж мой! Да Стоцкий Валентин Лаврентьевич, президент!

— Хочет видеть меня?

— Да, да, да! И немедленно! Собирайтесь! Это громадный шанс для всех нас!

Вошёл Хуторянин:

— Всё в порядке, Иван Александрович?

— Я уезжаю, вы со мной, — Градобоев стал одеваться.

Уселся в машину Луцкера, усадив рядом с собой Хуторянина.

— Да зачем вы берёте охрану? — всполошился Луцкер. — Да, Боже ж мой, вас не похищают.

— Со мной всегда находится преданный мне офицер, — ответил Градобоев, поймав благодарный взгляд телохранителя.

В вечерней метели они проплыли в вязком месиве Садового кольца. Скользнули в железные ворота ампириного особняка и оказались в тесном дворе. Здесь их поджидала другая машина, у которой стояли два рослых охранника, одинаково строгих и статных.

— Прощу вас, — произнёс один, открывая перед Градобоевым дверцу.

— Вам лучше остаться, — сказал второй, оттесняя Луцкера и Хуторянина.

— Я не поеду без моего человека, — сказал Градобоев.

Луцкер обиженно отошёл. Машина, где на заднем сидении поместились Градобоев и Хуторянин, мягко покинула двор через другие ворота. Погрузились в вязкий поток, в котором тёрлись друг о друга лакированные автомобили, гневно вспыхивали фары, сыпал мокрый московский снег. Они долго выбирались из этого ртутного варева, пересекли огненную Кольцевую дорогу и понеслись по Дмитровскому шоссе, включив сирену. Градобоев чувствовал этот маршрут, как таинственную линию своей судьбы, совершающей ещё один причудливый поворот.

Съехали с шоссе на лесную дорогу, миновали шлагбаум с будкой. В глубине соснового бора открылся особняк с оранжевыми горящими окнами. Градобоев оказался в тёплой прихожей с коврами и большой китайской вазой с драконами. Градобоеву помогли раздеться. Хуторянин остался в прихожей, а Градобоева провели по коврам в гостиную. Мягко золотились деревянные стены, горел камин, был накрыт стол на две персоны, мерцала под потолком уютная лампа из разноцветных стёкол. Градобоев не успел оглядеться, не успел протянуть к камину руки, как в гостиную быстро вошёл президент Стоцкий.

— Признателен, Иван Александрович, за то, что откликнулись на моё приглашение. Подарили мне время, которое вы бы могли использовать в своей яркой политической деятельности, — они пожали друг другу руки, и Градобоева поразило нервное, цепкое пожатие маленьких острых пальцев. В лице Стоцкого присутствовало одновременно два выражения, наложенных одно на другое: высокомерное достоинство повелителя и заискивающая неуверенность, детская застенчивость, боязнь упрёка. И эта двойственность мешала Градобоеву, внушала опасение. — Давайте поужинаем, Иван Александрович. А заодно дружески поболтаем.

Официант в белом сюртуке с золотыми позументами приносил блюда. Предлагал вина, водку, виски. Стоцкий и Градобоев согласились пить белое шамбли. Стоцкий перехватил у официанта бутылку, наклонил над бокалом Градобоева:

— Вы знаете, когда король Швеции принимал меня в своей резиденции, он собственноручно наливал мне вино, ухаживал за мной. Это было очень мило, как-то по-домашнему, — золотое вино лилось в бокал. — А вот на ранчо президента Буша мы вообще не пили вина. Как известно, Буш-младший когда-то страдал от запоев, и этикет этих камерных приёмов исключал спиртное. Один из сенаторов как-то зло пошутил, что лицо Буша напоминает этикетку от виски. — Стоцкий наполнил бокал Градобоева, уронив на скатерть несколько капель, и принялся наполнять свой бокал. — Зато президент Обама, принимая меня в Кэмп-Дэвиде, решил сделать мне приятное: выпил рюмку русской водки, закусив солёным огурцом. — Стоцкий засмеялся, поднял бокал:

— За нашу встречу, Иван Александрович.

Градобоев чокнулся, сдержанно улыбаясь. Стоцкий вовлекал его в непринуждённую беседу, при этом упоминая сильных мира сего, давал понять Градобоеву, какая честь ему оказана, какая дистанция между ними.

— Наивны эти русологи или, как раньше их называли, советологи. Только что у меня была встреча с членами клуба “Валдай”. Эти господа из Германии, Америки и Франции высказывали своё видение российской политики, её конфликтов и тенденций. Всё, казалось бы, правильно. Но они не понимают, что в центре российской политики лежит не военный, не политический фактор, а психологический. Психологические отношения нескольких

лиц, некоторые из которых вообще не известны политологам. Как раньше, так и теперь, Кремль полон византийских интриг. Отношения двух людей могут перевернуть вверх ногами всю политику. Например, наши с вами отношения.

Появлялся официант с золотыми галунами, меняя блюда. Был великолепен средиземноморский салат с осьминогами. Французский луковый суп с гренками был изысканно пикантен. Телячьи медальоны под сладким соусом таяли во рту. Градобоев чутко вслушивался в интонации Стоцкого, то исполненные превосходства, то дружеские и шуточные, словно оба они были добрыми друзьями. Градобоеву льстила эта неожиданная встреча, говорившая о том, как выросла его политическая роль, какой вес он приобрёл своими митингами, блогами, манифестами и разоблачениями. Но он не позволял себе упиваться честолюбивыми переживаниями. Слушал, как, позванивая, раскручивается пружинка их разговора.

— Должен сделать вам комплимент, Иван Александрович. Вы на редкость искусный политик. Некоторые ваши пассажи вызывают восхищение. Вы политик нового типа, каких не знала Россия. Вы политик эры интернета, и вам удаётся сломить тупую мощь государственных телеканалов. Ваше виртуозное скольжение среди информационных бурь подобно виндсёрфингу. Ваши разоблачения, ваши обличительные воззвания, ваши огненные призы-вы войдут в хрестоматию современной политики. — Стоцкий важно поощрял Градобоева, одобрительно кивал, как ценитель, наблюдающий фигурное катание, знающий толк в рискованных фуэте. И это слегка раздражало и забавляло Градобоева. Ибо сам Стоцкий был политик “византийского толка” и получил свою власть благодаря мучительной закулисной интриге. — Но когда-нибудь время площадей и интернетных флэш-мобов для вас закончится, и наступит период традиционной политики. А в ней совсем иные законы, нежели на площади. И среди этих тихих политических омутов и невидимых волчьих ям вам бы пригодился поводырь и советчик. — Стоцкий лукаво улыбнулся, и его влажные фиолетовые глаза посмотрели на Градобоева с нежностью.

— Я чувствую недостаток политической практики, — потушился Градобоев, чтобы Стоцкий не уловил промелькнувшую в его глазах искру смеха. — Я часто ошибаюсь в людях, в выборе союзников.

— Не скромничайте. Вы обаятельны, у вас поразительный дар убеждать. Вы сумели привлечь на свою сторону таких мнительных эгоцентриков, как Мумакин, Лангустов, Шахес. Кстати, уморительно было видеть, как Лангустов на последнем митинге танцует балет, а Шахес выступает с синагогальной проповедью. Все тривиальны, только вы непредсказуемы, искренни, искромётны! — Он льстил Градобоеву, и тому казалось, что эта лесть чрезмерна: не привлекает, а отпугивает. — Если бы вы знали, господин Градобоев, как вас ненавидит Чегоданов! Как он вас боится! — неожиданно воскликнул Стоцкий. Его щёки задрожали, покрылись алыми пятнами, вилка упала на пол. — Вы для Чегоданова смертельный враг! — Официант бесшумно поднял вилку. Положил на скатерть чистую. Стоцкий сжал маленькие кулачки, его фиолетовые воловьи глаза трепетали ненавистью.

Градобоев был ошеломлён: перед ним раскрыл свои эмоции хитроумный властитель, искушённый в интригах власти, повелевающий армией, тайной полицией, агентами. Он откровенничал с ним, нуждался в нём, мог без него обойтись! От этого жар бросался в лицо. Он нёсся с ледяной горой среди свистящего ветра и солнца, вписываясь в безумный поворот. Сердце замирало от счастья и ужаса. Судьба обретала скорость, способную протолкнуть его сквозь все препятствия. Одолеть угрюмую гравитацию. Вознести к заветной цели, мистической мечте. К недостижимой власти, которая однажды опьянила его и с тех пор была путеводной звездой, волшебным бриллиантом. Тогда, в детстве, стоя босиком на крыльце, он увидел драгоценную росинку, которая своей красотой, сказочными переливами вызвала в нём восхищение, а потом, погаснув, — смертельную тоску и печаль. С тех пор всю жизнь он искал эту волшебную каплю, отравившую его своими небесными переливами. И теперь Градобоеву казалось, что этот бриллиант вот-вот

вспыхнет в бокале вина, среди горящих в камине поленьев, в тёмных, трепещущих безумной страстью глазах президента.

— Как я могу вам помочь?

— Приближаются выборы! Вам на них не победить. Готовится безумная фальсификация! Печатаются фальшивые бюллетени, сбрасываются директивы губернаторам, все спецслужбы, вся пресса, все банкиры и бизнесмены нацелены на победу Чегоданова! Система ГАС “Выборы” — этот электронный напёрсточник — обеспечит победу Чегоданова и ваш проигрыш. Вы должны принять результат или отвергнуть его. Объявить итоги чудовищной подделкой! Вывести на улицы миллион граждан! И тогда я, предположим, — пока только предположим! — отменю итоги выборов. Назначу новые. По закону в этих новых выборах не сможете участвовать ни Чегоданов, ни вы. Я снова выдвигаюсь в президенты. Вы поддержите меня. Став президентом, я делаю вас премьер-министром! Это огромное для вас достижение. На этом посту вы пройдёте политическую школу, возмужаете, вас узнает мировое сообщество. И на следующих выборах у вас не будет конкурентов! Вы — президент!

Всё это Стоцкий выпалил страстно, захлёбываясь. Его щёки дрожали, из глаз выплёлскавался фиолетовый огонь, какой бывает у глубоководных существ, внезапно всплывших на поверхность. Градобоев пугался этой откровенности, которая была для него смертельно опасна. Пугался заговора, куда вовлекали его, как в воронку. Но сквозь фиолетовое свечение в тёмной глубине водоворота мерещилась ему драгоценная бриллиантовая звезда.

Градобоева страшило открывшееся пространство, где господствовали грозные силы, к которым он не прикасался доселе. Это был не интернет с ментальным возгоранием тысяч воспалённых умов, которые гасли столь же быстро, как и зажигались. Это были не митинги с эффектными речами и воздушными шарами над ликующей толпой. Не пресс-конференции и интервью. Не тайное получение денег от анонимных жертвователей. Не мелкие происки спецслужб, взламывающих его сайты и устраивающих слежку. Это были тектонические силы, сотрясавшие век от века континент России, перемещавшие глыбы русской истории, под которыми хлопала кровь и трещали кости. И ему, Градобоеву, предстояло шагнуть на эти плиты, ощутить стопами их страшное трясение, омыться кровью, оглохнуть от хруста костей. Такова была природа русской власти, воля, которая приближала его к этой власти.

— Ваше предложение застало меня врасплох. Я должен подумать.

— Вам нечего думать! Вы станете премьером, и мы проведём реформу, делающую премьера главным человеком в стране, а президента отодвинем на задний план! Мне не нужна абсолютная власть! Решайтесь, я вам помогу. Решайтесь!

Градобоев испытал подобие сладкого обморока. В душе взорвалась ослепительная вспышка счастья, и вся его воля, разум, представления о зле и добре расплылись в этой упоительной вспышке.

— Я должен подумать, — произнёс он слабо, как если бы возвращался в явь после наркотического сна.

Официант принёс вазу с фруктами. Круглились румяные яблоки. Свисали зелёно-золотые и синие грозди винограда. Краснела спелая клубника. Торчали перья над чешуйчатым ананасом.

Пили вино, вкушали фрукты. Стоцкий был бледен. Казался опустошённым. Он не получил от Градобоева желанного ответа, и эта неопределённость сneiderа его. Он медленно потянулся к яблоку, перенося его из вазы на тарелку. Взял нож, намереваясь очистить плод. Внезапно ударил ножом в яблоко. Раз, другой. Яростно воскликнул:

— Ненавижу! Одни унижения! — он наносил по яблоку удары, прокалывал, рассекал.

Градобоев проделал обратный путь от коттеджа в сосновом бору до туманной вечерней Москвы, — чавкающей, жующей мгlistые огни, бетонные фасады, лакированные машины. У аспирного особняка он пересел в свою машину, которая понесла его в штаб.

— Спасибо за верную службу, Семён Семёнович, — сказал Градобоев Хуторянину, выходя из машины. Тот преданно, благодарно кивнул.

Градобоев вернулся к компьютеру, который забыл выключить. Стал снова процеживать прокремлёвские сайты, где его обвиняли в коррупции, в сожительстве с актрисами Художественного театра.

Тем временем в укромном переулке у Песчаных улиц съехались две машины. В одной сидел телохранитель Чегоданова Божок. Из другой в первую пересел телохранитель Градобоева Хуторянин. Передал Божку крохотный диктофон.

— Здесь всё, о чём они говорили. Чёткая запись, — сказал Хуторянин.

— Спасибо, — сказал Божок, пряча диктофон на груди.

— А помнишь, Петя, как под Первомайской ты меня по снегу тащил?

— Такое, Сёма, забыть невозможно.

— Ну, бывай.

Две машины разлетелись, исчезая среди снега, рокота, туманных огней.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Градобоев держал в руках свежий номер “Нью-Йорк таймс”, наслаждаясь особым шелестом просторных страниц, неповторимым запахом, который исходил от серебряно-чёрных полос. Так пахла заморская цивилизация Америки с её небоскрёбами, подводными лодками, причёсками рыжих плясуньи, танцующих в мюзикле на Бродвее.

В газете была помещена статья московского корреспондента Джеффри Стикса, где тот рассказывал и о ходе президентской гонки и о возможном победителе на выборах Градобоеве. Преподносился образ сильного прогрессивного человека, русского патриота, приверженца европейских ценностей, умеренного критика американской политики, который, тем не менее, признаёт главенство Америки в однополярном мире. Статья включала в себя несколько психоаналитических характеристик, таких, как тайное влечение к католическим символам и глубинное соотнесение себя с символами Древнего Вавилона. Эти пикантные домыслы Джеффри Стикс почерпнул из жёлтых газет, которым Градобоев давал интервью, дурачась и фантазируя.

Статья была стратегически важной для Градобоева, делала его фигурой международного уровня, придавала мировую известность. Это была аттестация, пропускавшая его на следующий этаж политической карьеры, говорившая о поддержке его персоны со стороны влиятельных американских кругов.

Градобоев ещё и ещё раз перечитывал статью, торжествовал, подносил к лицу шелестящие страницы. Вдыхал горьковатый запах миндаля, легированной стали и женских волос — запах заморской цивилизации, приславшей ему свою весть.

На столе лежал белоснежный конверт с золотым американским орлом. В конверте находилось сообщение, в котором посол Соединенных Штатов в Москве Марк Кромли имеет честь пригласить господина Градобоева отобедать в резиденции посла в Спасхаусе.

Особняк посла, жёлто-белый, с голубоватыми тенями, среди ослепительного солнца и снега казался барской усадьбой, во дворе которой вот-вот загремят бубенцы, и покажется тройка, запряжённая в санный возок. Золотая солома, аляповатые цветы на возке, пар из лошадиных ноздрей, и на крыльце появляется барин в тяжёлой собольей шубе. Так мимолётно подумал Градобоев, проходя мимо морского пехотинца с фиолетовым толстогубым лицом. Тот оглядел его отчуждённо и холодно, блеснув из-под берета огромными белками.

В прихожей его встретил сухощавый господин с рыжеватой бородкой и зелёными рысьими глазами.

— Майкл Грэм, второй секретарь посольства, — представился он, остро вонзая в Градобоева свой пронзительный взгляд, словно просвечивал его рыжими окулярами приборов. Градобоев с неприязнью подумал, что где-то в соседней комнате на экране отобразился его скелет. — Прошу вас, господин посол сейчас выйдет, — и провёл Градобоева в комнату, где был накрыт стол, и сквозь шторы лился чудесный свет серебряного зимнего солнца.

Посол Марк Кромли появился внезапно, словно вкатился в комнату, — маленький, круглый, лысенький, с пухлыми щёчками, с остатками белесых волос, сквозь которые просвечивал розовый веснушчатый череп. Радостно улыбаясь Градобоеву, он сунул ему маленькую руку с полной ладошкой, которую позволял мять, не отвечая на рукопожатие.

— “Мороз и солнце; день чудесный! // Ещё ты дремлешь, друг прелестный — // Пора, красавица, проснись!..” — он взмахнул рукой, приглашая любоваться солнечным сиянием за окнами. Перенёс этот восторженный взмах в направлении стола с белой скатертью, сверкающим стеклом и фарфором. — Прошу, господин Градобоев. Спасибо, что откликнулись на моё приглашение.

Его русский язык был безукоризнен, чувствовалось лишь лёгкое напряжение в произнесении некоторых слов и радость от того, что это произнесение удавалось.

Они уселись за стол, Градобоев и посол визави, а Майкл Грэм рядом с послом, чуть в стороне.

— “Зима!.. Крестьянин, торжествуя, на дровнях обновляет путь; // Его лошадка, снег почуя, плетётся рысью как-нибудь...” — посол продолжал шеголять знанием русской поэзии. Гостеприимно улыбался. Очаровывал Градобоева непринуждённой манерой, весёлостью, любовью к Пушкину, к России, к зимнему московскому солнцу. Градобоев очаровывался, кивал головой, восхищаясь послом-русифилом. Вдруг почувствовал, что в глубине этого пухлого тела, среди обворожительных улыбок и смеющихся глаз, притаилась крохотная дробинка, чудовищно твёрдая и тяжёлая, несущая в себе сокрушительную силу удара. Это открытие заставило его содрогнуться, и он поспешил унять невольную дрожь. Видел, как исследуют его рыжие глаза Майкла Грэма, улавливая малейшие колебания его чувств.

— Вы прекрасно знаете русскую поэзию, — произнёс Градобоев комплиментарно. — Я слышал, у вас есть работа по русскому “серебряному веку”. Россия для вас — не чужая страна, — произнёс он и спохватился: как бы исследующий его Майкл Грэм не усмотрел в его словах тонкой язвительности, скрытого антиамериканизма, неприязни к послу, орудующему в России, как у себя дома.

— Прошлым летом я совершил путешествие по северным русским озёрам. Я, наконец, увидел Кижи. Незабываемое впечатление! Как будто на острове стоят ракеты и вот-вот взмоют в небо.

— Кое-кто из наших либеральных политиков хотел бы, чтобы у России остались только деревянные ракеты.

— Да, но ведь, кажется, это вы утверждали, что если бы Россия отказалась от своих ядерных ракет, то отношения между нашими странами резко улучшились бы? Как будто вы говорили об этом в своём интервью?

— Нет, — ответил Градобоев, — Я излагал точку зрения некоторых наших либералов, и я эту точку зрения не разделяю.

— Согласен с вами. Россия слишком большая страна, и она должна сама себя защищать, не полагаясь на чужие ракеты. Великие народы должны себя защищать.

Градобоев был доволен собой. Он не перечил послу, но и не подыгрывал ему. Оставался патриотом, самостоятельным политиком, не скрывая своих суждений. Он обнаруживал того униженного низкопоклонства, которыми грешили некоторые мелкотравчатые либералы.

Они обедали. Служитель бесшумно менял тарелки, подливал в бокалы вино. Майкл Грэм молча слушал, наводя на Градобоева свои рыже-зелёные глаза, и тому казалось, что его голову поместили в невидимый томограф, нарезают тонкие пластины мозга и процеживают, просматривают, исследуя все оттенки мыслей.

— А как вы считаете, что заставляет людей выходить на улицы? Ведь это, кажется, вполне обеспеченные люди. Работают в банках, корпорациях. Их нельзя назвать обездоленными, — посол отправлял в рот ломтик бифштекса, самозабвенно его пережёвывая. Казалось, что заданный вопрос интересует его меньше, чем вкус мяса.

— Не хлебом единым жив человек, — ответил Градобоев. — В России выросло поколение, для которого чувство собственного достоинства важнее, чем материальный достаток.

— Да? — посол сделал вид, что изумлён услышанным. Выпил вино, покачивая головой, одобряя то ли ответ, то ли вкус мяса.

Градобоев рассматривал вставные зубы посла, жующие мясо, рыжеватые пигментные пятна на черепе, маленький приплюснутый нос с торчащими волосками. И думал, что за этим добродушным толстячком таятся гигантские силы, управляющие миром с помощью авианосцев, банков и тайных знаний, которые закабалили мир, держат его в наркотическом обмороке. А если мир вдруг начинает просыпаться от ядовитых снотворных, то его посыпают умными бомбами, дырявят сверхточным оружием.

— Вы приобрели популярность своими разоблачениями коррумпированных чиновников, — произнёс посол, поддевая зелёный листик салата. — Каких скандалов следует ожидать накануне выборов?

Посол хрустел сочным листиком, и можно было подумать, что вопрос задан случайно, чтобы только поддержать разговор, и питательный листик важнее ему любых коррупционных скандалов.

— Большие хищения обнаружены в министерстве обороны. Миллиарды рублей. Когда это всплывёт наружу, министр обороны может уйти в отставку.

— В самом деле? — посол перестал жевать, — Но ведь министр обороны — это человек господина Чегоданова. Не ослабит ли этим господин Чегоданов свою команду накануне выборов?

— Министр обороны ушёл от Чегоданова под крыло президента Стоцкого. Вместе они закупили для российского флота французский вертолётоносец, получив при этом большие личные выгоды. Отставка министра обороны произойдёт сразу после президентских выборов, если, конечно, на них победит Чегоданов.

Посол глубокомысленно возвёл к потолку глаза и дожевывал листик салата.

Градобоев вдруг подумал, что за этот листик салата он передал послу конфиденциальную информацию, которая может повредить государству. И тут же оправдал себя тем, что государство давно уже находится в плену у этого благодушного толстячка, управляется им через бесчисленные организации и фонды, денежные гранты и транши, зависимых министров и депутатов. Разгромленное и поверженное, государство выплачивает победителю репарации, которые не оставляют народу средств к существованию. Гибнет и разрушается. Он, Градобоев, мечтая спасти государство, вынужден обращаться за помощью к врагу. Ищет его одобрения и поддержки, завоевывает доверие, усыпляет бдительность. Обманывает рыжие глаза Майкла Грэма, который угадывает сейчас его смятение и готов уличить в неискренности.

— Самое опасное для страны — когда происходит раскол элит, — важно заметил посол. — Тогда может начаться смута. В русской истории смута случалась, когда элиты раскалывались. Бояре и царь Иван Грозный. Последний Император и Государственная Дума. Большевики и Временное правительство. Горбачёв и Ельцин. Я знаю, что отношения между господином Чегодановым и господином Стоцким далеко не идеальны. Здесь таится возможность очередной русской смуты, — посол отложил приборы, отодвинул бокал с вином и прямо, жёстко, с холодным спокойствием посмотрел на Градобоева. — Выборы, в которых вы участвуете, могут спровоцировать очередную русскую смуту. У вас в руках «золотая акция», и то, как вы ею распорядитесь, может решить судьбу России.

Градобоев ощутил слабое сжатие сердца, которое на секунду остановилось. И в этом перебое сердца открылась упоительная, отталкивающая и неудержимо влекущая истина. Та, ради которой он явился на свет, возрастал, проходил искушения, обретал уникальные знания, отдавал себя на волю судьбы, сам выстраивал свою жизнь жёстко и твёрдо. Продвигался к заветной мечте, к прекрасной звезде, именуемой властью. Эта звезда, ослепив его однажды волшебной росинкой, стала звездой путеводной. И теперь, глядя в жестокие, как у кобры, глаза посла, он понимал, что эта звезда вдруг страшно приблизилась. Он влетает в её опаляющий огонь и неизбежно по-

гибнет. И нужно сейчас подняться, кинуть на пол салфетку и мимо негра в берете выбежать на ослепительный снег. Умчаться прочь из Москвы, чтобы скрылись его следы среди необъятных русских снегов, ледяных рек, хмурых боров. Чтобы все забыли о нём, не вспоминали во веки веков, и он сбережёт свою жизнь для любимой женщины, осмысленных тихих трудов, как миллионы других людей. Градобоев сидел, глядя в ледяные глаза посла, сердце громко билось, и не было пути к отступлению. Пламенная звезда приближалась.

— Мы не заинтересованы в русской смуте. Не заинтересованы в распаде России. Мы не заинтересованы в хаосе на шестой части планеты, где стоят атомные станции, ядерные ракеты, изношенные гидросооружения и вредные химические производства. Мы заинтересованы в гармоническом переходе власти от Чегоданова к следующему президенту. Не исключаю, что им можете стать вы. Мы будем вам помогать, — посол Марк Кромли говорил так, словно давал директивы, подлежащие немедленному исполнению. Исполнителем был он, Градобоев, и роль подчинённого исполнителя не тяготила его. Он готов был её принять, чтобы достичь своей высшей цели, — коснуться рукой звезды. А потом, уповая на свой виртуозный разум, на благу судьбу, на таинственные законы русской истории и русской власти, он избавится от изнурительной зависимости, станет суверенным русским президентом.

Второй секретарь посольства Майкл Грэм вглядывался в его лицо. Вскрывал его тайные помыслы, уличал в лукавстве. Градобоев гасил свои тайные замыслы, укутывал их в сумбурные эмоции благодарности и почтения, надеясь обмануть соглядатая.

— Америка не была заинтересована в распаде Советского Союза, — твёрдо и директивно продолжал посол. — Мы лишь хотели, чтобы Советский Союз перестал быть врагом Америки. Горбачёв не сумел справиться с нарастающей русской смутой. Мы готовы помогать вам в той мере, в какой вы станете препятствовать русской смутой. Если вы станете президентом, вы должны взывать к переменам, но к переменам неразрушительным. “Как колокол на башне вечевой // Во дни торжеств и бед народных ...” — эти последние слова посол произнёс весело и взволнованно, бравидуя своим знанием Пушкина. Он снова был добродушным хозяином, милым толстяком, который распадал к дружельюбной беседе. — Майкл Грэм будет иногда встречаться с вами, и вы станете обмениваться с ним своими мнениями. Как друзья. — С этими словами Марк Кромли стал подниматься, протянул Градобоеву свою мягкую безвольную ручку, и Градобоев помял её в своих сильных пальцах.

Майкл Грэм помогал Градобоеву одеться.

— Мне хочется сделать вам подарок, Иван Александрович. В одном своём интервью вы сказали, что любите бифштекс из вавилонского зверя. Пусть эта книга заменит вам книгу о вкусной и здоровой пище. — Майкл Грэм протянул Градобоеву великолепно изданный альбом с английской надписью “Вавилон”. На обложке был изображён загадочный древний дракон. Голова — змеи, передние ноги — льва, задние ноги — птицы, покрыт рыбьей чешуей и звериной гривой. Градобоев, с благодарностью принимая подарок, подумал, что это животное и есть образ Америки. Тотемный зверь господина посла. И тут же, чтобы обмануть ясновидящего Майкла Грэма, произнёс:

— Как хорошо, Майкл, что гербами наших стран являются орлы, а не эти зверюшеры!

Градобоев вернулся в свою резиденцию, возбуждённый, ликующий. Выходя из машины, успел вдохнуть морозный солнечный воздух. Увидел вдалеке переулочек набережную Москва-реки с льющимся блеском машин и памятник, похожий на вавилонского зверя.

Елена встретила его, предлагая рассмотреть список газет и сайтов, желающих получить у него интервью.

— Подожди, — остановил её Градобоев. — Знаешь, чем я отличаюсь от Георгия Победоносца? Святой Георгий вёл бой с обыкновенным змием, знал его повадки и уязвимые места. Я же веду бой с Вавилонским зверем. Он и змея, и лев, и орёл, и рыба, и конь, и единорог. И все они против меня.

И Чегоданов, и Стоцкий, и Мумакин, и Шахес, и посол Марк Кромли. И я их всех одолею! — его переполняла страсть, жаркая сила, не позволявшая обратиться к рутинным делам. Он искал выход этой жгучей нестерпимой страсти. Обнял Елену, притянул к себе, погружая губы в душистые волосы, проникая ладонью под её блузку. Она отшатнулась. Вырвалась из объятий.

— Не надо... Не сейчас... Мне нездоровится...

В глазах её Градобоев увидел промелькнувшее тёмное негодование, отвержение, и это уязвило его.

— Хорошо, — сказал он холодно. — Показывай, кто там ещё меня домогается.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

...Бекетов пристально вematривался в коллекцию отцовских трофеев, улавливал таинственное, исходящее от них излучение.

Это излучение исходило от деревянных, стеклянных и металлических предметов из таинственного мира, куда удалился отец. Это излучение было посланием отца к сыну. Было бестелесной субстанцией, позволявшей приблизиться к отцу, слиться с ним, вернуть на землю. Бекетов неотрывно смотрел на отцовские амулеты, боролся с отцовской смертью, совершая акт воскрешения.

Загудел домофон.

— Это я, — услышал Бекетов голос Елены. — Проезжала мимо. Не удержалась. Можно войти?

Елена отдала ему шубку. Он вдохнул запах меха, в котором ещё удерживался студёный воздух, быстро таяли седые снежинки. Елена прошла в комнаты, зорко, счастливо оглядываясь. Убеждалась в незыблемости знакомых предметов, в сохранности старинного, с зелёным сукном стола, тяжёлого, чёрно-малинового ковра на стене, потолка с лепниной, под которым висел драгоценный, из разноцветных стёкол, фонарь. Глянула в окно, за которым мерцал и вздрагивал город, словно море ударило в гранитный берег.

— Всё, как прежде. Но не хватает женской руки, — засмеялась она, касаясь пальцами запылённых разбросанных книг, забытых повсюду чашек с недопитым чаем. — У Градобоева состоялось несколько важных встреч. Но с кем, я не знаю. Он держит это в секрете. Мне кажется, что он не доверяет мне. Чувствует мой обман.

— В политике все друг друга обманывают, — тускло сказал Бекетов.

— И ты меня обманываешь?

— Я тебя не обманываю.

Взгляд его серых глаз был печальным и отрешённым, словно он видел не её, а нечто другое, туманное, недоступное.

— Так тревожно, так беспокойно, — сказала она, опечаленная. — Кругом что-то копится, тёмное, безымянное, страшное. Оно не имеет названия, но вселяет в людей ненависть, страх, помешательство. Кругом убийства, моры, жестокость. Как будто чудовище вселилось в народ. Что будет? Война? Революция? Опять брат на брата? Опять библиотеки горят, расстреливают в подворотнях? Опять Россия в крови, в надрыве? Градобоев рыцарь, подвижник. Но когда он говорит толпе, толпа превращается в чудовище, в вавилонского зверя, который растерзает город. Мне страшно.

— Градобоев — дрессировщик, который злит и умирляет толпу. Дрессировщик вавилонского зверя.

— Хочешь, бросим всё и уедем? Прочь от этих митингов, тайных и явных угроз. Прочь от шпионов, клеветников и завистников. Скроемся от глаз, которые постоянно выслеживают, подглядывают, желают зла. Мы пережили с тобой разлуку, судьба опять нас свела. Нам никто не нужен. Уедем куда-нибудь в тихий городок, в уютный домик с садиком и цветами. К людям, которые улыбаются при встрече. Скроемся от этой роковой тьмы, которая опять подступила и вот-вот всех накроет.

— Ты же знаешь, что я не могу уехать. Действую, чтобы тьма не накрыла Россию. Хочу успеть завершить своё дело до наступления тьмы. Я должен выиграть у истории ещё шесть лет, удерживать тьму, и тогда Россия спасётся.

— Почему шесть лет?

— Есть предсказание. Через шесть лет появится спаситель России. Он ещё не явлен, но уже среди нас. Через шесть лет он чудесным образом себя обнаружит.

— Откуда ты знаешь?

— Предсказание. Будет явлен в городе двух цариц, где кривые улочки, слепые оконца, часозвоня с курантами, вороньи гнёзда в старинном парке, и старый монах-предсказатель.

— Градобоев — не спаситель России?

— Быть может, он предтеча. Идёт впереди спасителя...

Женщина, которую он обманывал, смотрела на него любящими глазами.

— Я всегда тебе удивлялась и тобой восхищалась. Кругом была непроглядная тьма, а ты разрезал её лучом света. Кругом было безнадёжное поражение, а ты воспевал победу. Ты проповедовал святых, от которых все отказались. Ты вдохновлял тех, кто уже умер духовно. Ты действовал так, будто за тобой армия тебе подобных, но ты был один, абсолютно один. Ты стремился совершить работу, от которой отказался целый народ. Не знаю, что тобой движет. Какой источник света в тебе горит, из какого океана “живой воды” ты пьёшь. Но ты продолжаешь сражаться, когда всё войско разбито, одна его половина полегла, а другая сдалась в плен. Кто тебя ведёт, не даёт упасть?

— Вера в Чудо. В Русское Чудо. В то неизбежное, божественное, неизреченное, что таится в русском народе, ради чего наш народ был создан Господом и выпущен на просторы всемирной истории. Мы должны были множество раз погибнуть, кануть в чёрную пропасть, стать добычей других народов. Но каждый раз восставали из пропасти, ибо народ, погибая, берегал чудотворную золотую икону. И она спасала народ, который шёл за ней крестным ходом. Вся русская история — это крестный ход, которым идём, неся перед собой райскую золотую икону. Она не даёт нам пропасть, выводит из огней и потоков. Ибо нам суждено — не теперь, не завтра, — но построить Райское Царство, создать земной рай, поселить в нём другие народы, преодолеть чудовищное расторжение, одолеть зло и ненависть, сделать мир прозрачным для света. Чудо — не исторический фактор. Чудо действует вопреки истории. Чудо — это прямое вмешательство Бога в земную жизнь. В жизнь русского народа, к которому Господь благоволит, не даёт пропасть, посылает дальше по тернистой дороге в Рай. Чудо — это моментальное преобразование зла в добро, уныния в радость, поражения в победу. Я верю в Чудо, знаю, что оно неизбежно. Как могу, его приближаю.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

...Теперь Бекетов отправлялся с визитом к председателю националистической партии “Русский закон” Валентину Коростылёву, чтобы побудить его пополнить своим националистическим воинством шестые оппозиции, которое предполагалось в конце зимы. Бекетов надел под рубаху миниатюрный диктофон, ещё не понимая до конца, зачем ему пригодится запись предстоящей беседы.

Штаб-квартира партии размещалась в неказистом доме в районе Сокольников. Во дворе несколько партийцев в коротких полушубках с португееми разгребали лопатами снег. У входа стоял дежурный, в фуражке, с бородкой, напоминавший царского офицера. Он не сразу пропустил Бекетова, послал вестового на этаж, и только когда тот принёс разрешение, пригласил Бекетова.

Партийный лидер Валентин Коростылёв принял его в просторном кабинете, где в углу на божнице стояла красно-золотая икона царских мучеников. Над головой Коростылёва красовался деревянный, инкрустированный

серебром и перламутром герб Российской империи. Коростылёв, худощавый, широкий в плечах и узкий в талии, в чёрной рубахе, привстал и, не подавая руки, пригласил Бекетова сесть в кресло. Лицо Коростылёва было бледно, с золотистыми усами и бородкой, и напоминало лицо последнего государя. На этом спокойном лице светились серые внимательные глаза, которые осмотрели Бекетова с холодным отчуждением. Невраждебно, а отстранённо, как постороннего и чужого.

— Мне говорили, господин Бекетов, что вы попали в опалу и были удалены из Кремля. Судьба царедворцев изменчива, а нрав монархов капризен, — в этих словах не было иронии, не было сочувствия, а только изысканный холод и аристократическая вычурность.

— В трудные для государства минуты государь раскаивается в содеянном, вызывает опального вельможу из далёкого поместья, и у русского войска появляется полководец, который гонит Наполеона до Парижа.

— Вы хотите сказать, что французы уже взяли Смоленск? — тонко улыбнулся Коростылёв, которому нравились иносказания.

— В каком-то смысле французы окружили Кремль. Но, поверьте, мой случай ничем не напоминает Кутузова. Я явился из опалы не по зову Чегоданова, а по собственной воле, чтобы, в меру сил, способствовать спасению страны. Победа Чегоданова на выборах — это гибель России.

— Мне странно вас слышать, господин Бекетов. До этого времени всё, что вы делали, способствовало укреплению Чегоданова. Ваше усердие в подавлении русских националистов хорошо известно. Вы сейчас пришли к тому, кого открыто называли “русским фашистом”. К тому, чьих товарищей по партии судили по закону об экстремизме и давали немалые сроки.

— Не стану вам говорить, скольких ваших товарищей я уберёг от ареста. Но вы должны знать, что это я предупредил ваших соратников об обыске в помещении партии, где вы хранили целый арсенал, и вы успели его убрать. Это я убедил известного вам банкира оказывать партии помощь, и он передавал и продолжает передавать вам деньги.

— В самом деле? — Коростылёв приподнял золотистую бровь. — Что же вас побуждало так действовать?

— Я понимал, что в России должна быть партия русских националистов, которая отстаивает интересы самого большого и самого угнетённого народа — русских. Вы знаете не хуже меня, что самым мучительным страданием является сознание того, что гибнет твой народ. Это ни с чем не сравнимо.

— Это так, — произнёс Коростылёв. — Господь придумал для человека множество мучений, но мучение русского, сознающего, что его великий народ гибнет под беспощадным игом, — это страшная мука. Что вас ко мне привело?

— Желание искупить вину. Желание восполнить нанесённые траты. Я до последнего верил, что судьба России — это имперская судьба. А миссия русского народа — созидание империи. Я надеялся, что Чегоданов — имперский правитель, и он поставит перед русскими имперскую задачу. Вернёт русским вековую имперскую работу, в которой русские обретали своё божественное предназначение. Совершали великие деяния, создавали бесценные творения, одерживали невиданные победы. В этих победах крепили, захватывали в поле своей имперской цивилизации другие народы, обеспечивая им цветение. Я обманулся в своих ожиданиях. Чегоданов оказался глух к мессианским идеям. Он оказался властолюбивым стяжателем, в котором так и не родился русский вождь и правитель. Он отдал русский народ в рабство еврейским олигархам и кавказским разбойникам. Отнял у русских их земли, недра, природные богатства, погасил веру, опоил водкой, отсек от культуры, от исторической памяти. Это привело к одичанию, тупой покорности, стремительному вымиранию. Имперская идея, в которую я верил, увы, в правление Чегоданова рухнула. И единственное спасение народа — это национализм. Вы видите перед собой русского националиста, проделавшего мучительный путь эволюции. Я пришёл к вам, как приходит к отцу блудный сын.

Коростылёв был бледен, словно вся кровь отхлынула в сердце, где спеклась в огненный уголь.

— Вы не правы! Империя жива! Буто́н империи не умер, и он раскроет свои пламенные лепестки. Цветок империи расцветет между трёх океанов! Те, кто называет себя русскими националистами и при этом готовы отказаться от Кавказа, татарского Поволжья, от Сибири и Дальнего Востока — это предатели русской идеи! Предатели великой православной Империи! — Коростылёв огненно взглянул на образ и страстно перекрестился. — Русские сбросят иго еврейских банкиров и кавказских разбойников и установят русскую диктатуру! Своей возрождённой волей, своей вспыхнувшей верой, своим единым порывом, воплощённым в вожде, восстановят империю!

На скулах Коростылёва загорелись два маленьких малиновых пятнышка. Золотая борода и усы стали похожи на раскалённый слиток. В серых глазах сверкала яростная стальная жестокость.

— Меч русской диктатуры будет ужасен для всех, кто мучил русский народ. Мы обнародуем все зверские виды насилия, какими были умерщвлены русские новомученики, крестьяне, священники, русские поэты и инженеры. И воспроизведём эти виды казней по отношению к нашим мучителям!

Бекетов чувствовал, как воздух вокруг Коростылёва обретает вид раскалённого вихря. Этот вихрь втягивает в себя все окайненные муки, все лютые глумления, все кровавое прошлое и отвратное настоящее. Превращает эти русские муки в слепую беспощадную ненависть, в ярость возмездия. И он сам, Бекетов, преисполнен этой священной яростью, этой праведной ненавистью.

Бекетов чувствовал, как его захватывает раскалённый вихрь ненависти, скручивает в тугую спираль, которая распрямится со свистом и ударит разящей сталью в ненавистных врагов. И опять запылают дворцы, чёрные толпы хлынут в усадьбы Рублёвки, и откроют свой зев сотни Ганиных ям. Он пережил потрясение: воздух стал красным, словно молекулы воздуха наполнились кровью. Овладел собой.

— Вы правы, но прежде чем установить диктатуру, нужно взять власть. Как вы возьмёте власть?

— У нас есть организация. Есть отделения в регионах. Есть боевое крыло. Есть политики, установившие отношения с родственными партиями в Европе. Есть банки, которые нас финансируют. Наша партия — это структура, готовая превратиться в государственную власть, — по лицу Коростылёва пробежала судорога, словно он передёрнул затвор.

— Но власть не дается даром. Её надо брать. Помимо вас существует много охотников, стремящихся в Кремль. Например, Градобоев. Или Мумкин. Или Лангустов. Или Шахес. Все они метят в Кремль.

Коростылёв зло рассмеялся:

— Вы думаете, в священных кремлевских палатах есть место этому фальшивомонетчику Градобоеву, которого вырастили в колбе ЦРУ и похоронят на Арлингтонском кладбище? Или этому певцу мужеложства Лангустову, которого застали в объятиях большого фиолетового негра на берегу Гудзона? Или этому еврейскому провизору Шахесу, внучатому племяннику начальника КарЛАГа, который обливал на морозе водой русских профессоров и поэтов?

Диктофон сквозь рубаху Бекетова бесшумно глотал ядовитые комочки слов. Бекетова поражала та злая неприязнь, которую испытывали друг к другу лидеры оппозиции.

— Быть может, вы правы относительно расстрельной стенки, но остаётся проблема захвата власти, — Бекетов владел собой, не позволяя вихрям ненависти вовлечь его в разрушительное слепое кружение. Коростылёв, охваченный ненавистью, был открыт для внушения, — Сейчас наступает момент, когда русские патриоты могут взять власть. Идёт вулканическое извержение, и Москву заливают лава. Она подступает к стенам Кремля. Когда накануне выборов на улицы выйдет полмиллиона и пойдёт на Кремль, Чегоданов и этот временщик Стоцкий в панике убегут. Кремль окажется пустым, и его хозяином станет тот, кто первым сядет на трон. Этим первым должны быть вы.

Коростылёв замер, как замирает охотник, услышав сквозь шум леса едва уловимый свист птицы. Он разглядывал Бекетова остро и зорко, угадывая в нём лжеца, провокатора, коварного врага, засланного агента.

— В чём ваше предложение?

— Выводите своих людей на улицу. Включайтесь в общий марш своими колоннами. Увеличивайте общее число демонстрантов, чтобы оно приближалось к миллиону. Толпа пойдёт на Кремль. Перед ней будет двигаться могучая волна ненависти, от которой в ужасе разбегутся войска. Солдаты побросают щиты и каски. Кремлёвский полк станет брататься с народом. А Чегоданов улетит в вертолёте, если ему в хвост не ударит зенитная ракета.

— Вы думаете, войска не начнут стрелять?

— Американцы запретили Чегоданову стрелять в народ, пригрозив ему участью Саддама Хусейна и Каддафи. Он не отдаст приказа стрелять.

— Я это знаю! У него нет воли, потому что воля вождя питается волей народа! Народ отвернулся от Чегоданова, и тот стал пустым и лёгким, как пластиковый пакет. Народ повернулся ко мне, вручил мне свою волю, и я обрёл тяжесть стального метеорита. Я выведу моих соратников на улицу. Мы понесём наше имперское знамя и водрузим его над Кремлём. Мы сшили знамя из чистейшего шёлка и осытили на Афоне! Монахи сказали, что оно взойдёт над священным Кремлём!

Коростылёв позвонил в колокольчик, что стоял на столе. В кабинет вошёл соратник, в чёрной рубашке и чёрных штанах, заправленных в короткие сапоги. Он был в портупее, с такой же золотистой бородкой, что и Коростылёв.

— Достань имперское знамя!

Соратник раскрыл узкую высокую тумбу. Извлёк свёрнутое вокруг древка чёрно-бело-золотое знамя. Коростылёв распахнул окно. В комнату ворвался морозный воздух, шум города. Соратник сунул знамя в окно, стал крутить древко. Огромное шёлковое полотнище заволновалось, заплескалось. Чёрная, белоснежная, золотая волна одна за другой заслоняли окно. Внизу раздавались восторженные возгласы: “Слава России”. Коростылёв пламенно крестился на образ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Чегоданов принял Бекетова всё в той же гостиной с убранством брежневской эпохи, сочетавшей аскетическую строгость и тучную пышность застоя. Чегоданов был в домашней вязаной блузе и рубашке апаш. Лицо его было розовым, редкие белесые волосы ещё не совсем высохли после бассейна, и когда он обнимал Бекетова, тот почувствовал упругость натренированной мускулатуры.

— Как я рад тебя видеть, Андрей. Эта чёртова конспирация лишает меня удовольствия беседовать с тобой. Кругом одни узколобые тупицы или утомительные пустобрёхи. Каждый их совет подобен яме, куда они меня толкают. Иногда мне кажется, что все они работают на Градобоева и желают моего поражения. Но ты мне скажи, мы победим? — в его вопросе была надежда человека, который ведёт опасную, с непредсказуемым итогом игру, — Ты веришь, что мы победим?

— Это вопрос не веры, а математических знаний и магических искусств, которыми управляется толпа. Мы начали рискованную операцию, и, похоже, наш риск оправдывается.

— Да, да, ты прав. На площадях закипает революция, и Градобоев требует моей головы. Но страна отворачивается от него. Страна выбирает меня. Мне каждый день кладут на стол замеры общественных настроений. Чем больше людей в Москве размахивают дурацкими флагами, тем больше у меня сторонников в других городах России. На каждую тысячу Градобоева у меня миллион. Ты, Андрюша, великий маг и волшебник.

— Операция далеко не окончена. Нам нужно обсудить её продолжение.

— Обсудим, конечно, обсудим. Больше не с кем обсуждать. Ты мой друг, мой советник. Тебе одному доверяю. Ты же знаешь, как я одинок. Кругом дураки и изменники. Ждут, когда оступлюсь. Я страшно одинок, Андрей.

Чегоданов жаловался, исповедовался. Казалось, он боится, что Бекетов может уйти, и он снова окажется в одиночестве, среди врагов и предателей.

— Ты, Фёдор, должен окрепнуть духом, — Бекетову было больно видеть Чегоданова в момент его слабости. Он помнил его властным и неколебимым, ироничным и насмешливым, беспощадным и жестоким. Таким его полюбила страна, когда он принимал военный парад в дымящемся Грозном. Когда стоял с потрясенным лицом среди рыдающих вдов после гибели лодки. Брезгливо язвил, комментируя смерть чеченских полевых командиров. Тогда он был властным и дерзким, обещал России стремительный взлёт. Но взлёт не случился. Тяжёлая, с обломанными крыльями, махина страны осталась на взлётном поле, среди ямин и несусветных колдобин. И он, командир корабля, надолго покинул кабину.

— Ты прав! — угадал его мысли Чегоданов. — Меня опоили зельем, околдовали и одурманили... Но ты разбудил меня, Андрей. Я снова увидел Россию. Вспомнил о своём предназначении. Я посетил Патриарха и просил, чтобы он молился обо мне! Чтобы молитвы монахов окружили меня спасительным кольцом, как железным занавесом, сквозь который не проникнут чары злобного мага. Я просил Патриарха, чтобы он привёз в Россию пояс Пресвятой Богородицы, и Дева Мария защитит Россию от мирового зла. Ты часто говоришь о Чуде, которое преобразит Россию. Ты и есть Чудо, Андрюша! Ты преобразил меня! — Чегоданов вскочил, обнял Бекетова, прижался лицом к его плечу и вернулся на место. Бекетов видел, что глаза его блестят от слёз.

Бекетов подождал, когда Чегоданов овладеет собой, и произнёс:

— Теперь мы видим: наш расчёт оказался правильным. Запущенный нами двигатель будет работать. Мы станем добавлять в него топливо, и он увеличит свои обороты.

— Да, да, обороты, — вторил Чегоданов. — Ты великий конструктор. Сконструировал двигатель нашей победы!

— Мы подключим к массовым выступлениям либеральную интеллигенцию с её ядовитой энергией. Пусть она ходит по московским бульварам и читает издевательские стихи, рассказывает ужасы о твоём правлении, показывает оскорбительные карикатуры, где ты изображён в виде животного. Провинция будет видеть их носатые лица, слышать их картавые речи, и возненавидит Москву и Градобоева ещё больше.

— Продажное сучье племя! Не я ли одаривал их премиями, посылал на казённые деньги за границу, создавал им репутацию! Я ходил на их убудочные выставки, где вместо картин — груды мусора и пустых бутылок. Я приглашал их в Кремль, называя “духовными лидерами”. А они в благодарность поливают меня помоями!

— Но теперь наступил второй этап операции, — произнёс Бекетов. — Я еду в провинцию, по заводам, по оборонным предприятиям, в Сибирь, на Урал. Говорю с директорами, с рабочими, объясняю, чем грозит им “оранжевая революция” в Москве. Какой разрухой, каким ужасным повторением окаянных девяностых. Тогда громили конвейеры, лаборатории и научные школы. Рабочим по полгода не выдавали зарплату. Я буду готовить их поход на Москву. Начну собирать ополчение, как во времена Минина и Пожарского. И когда Градобоев соберёт свои двести тысяч, мы выведем три миллиона. И Градобоев убежит. Оранжевое чудовище превратится в рыжего зверька, который забьётся в норку и станет наблюдать испуганными глазами, как маршируют по Москве верные тебе батальоны.

— Поезжай, поезжай! Благословляю тебя! Наделяю тебя особыми полномочиями! Сам звоню полпредам, губернаторам, директорам предприятий! Ты — мой личный посланник!

У Чегоданова восторженно блестели глаза. Он двигался по комнате, делая гибкие повороты, как фехтовальщик, уклоняясь от разящих уколов, нанося внезапные удары. Он был прежним Чегодановым, готовым бороться, сокрушать врагов, побеждать. Был подобен русским царям и вождям, несущим бремя государственной власти. Подобен исповедникам Государства Российского.

Бекетов ликовал, видя, как возродилась воля Чегоданова, воскресла его личность, доселе дремавшая, околдованная чарами. Чегоданов был раскалённый, пылающий, это был слиток, нагретый до температуры плавления. И чтобы он не расплавился, не растёкся обжигающими ручьями, его следовало

поместить в тутоплавкую форму. Отчеканить медаль с его профилем. Превратить в эмблему Государства Российского и в таком виде внести в историю.

— Ты должен верить в своё предназначение. Чувствовать своё мессианство. Осознавать великую миссию, уготованную тебе провидением! — Бекетов зажгёт в своём сердце луч, которым касался лба Чегоданова. Проникал в сердцевину его сознания. Оставлял в глубинах его души огненный отпечаток. — Почему тебя ненавидит Америка? Почему тебя проклинает либеральный Запад? Почему тебя травят российские либералы, возводя на тебя хулу? Тебе выносят смертные приговоры кавказские сепаратисты. За тебя молятся в монастырях и приходах. Тебя славят русские патриоты. За тебя голосуют нищие крестьяне в разорённых селениях. Кто ты такой, Фёдор Чегоданов, живущий среди вспышек обожания и ненависти? Ты — воссоздатель великого Государства Российского. Для этого тебя создал Господь.

Чегоданов жадно внимал. Бекетов внушал, воздействовал, сотворял нового Чегоданова. Вкладывал в него новое сердце, встраивал новый разум, наделял новой волей. Преображённый лидер наделялся чертами великих предшественников, пополнял их блистательную когорту.

— Люби народ и бойся Бога. И будешь непобедим!

Чегоданов молчал, заворожённый. Казалось, он прислушивается, как стучит в нём новое сердце, как дышит его преобразённая плоть, как радостно трепещут его помолодевшие мускулы.

— Я раздавлю оранжевую гадину! Я подпалю шерсть на её оранжевом загривке! Это чудище превратится в оранжевого зверька, и я помещу его в зоопарк, в отдел грызунов! Градобойная машина разобьётся в щепки о Кремлёвскую стену! Они думают, что я сплю, но я проснулся! Я бодрствую, я верю: и победа будет за мной!

Эти слова Чегоданов произнёс с весёлой злостью, с жестокой уверенностью и властной непреклонностью. И Бекетов возликовал. Колокол зазвенел певучим и грозным рокотом. Крылатая машина взмыла, оставляя в небе пылающий след. Преображение Чегоданова состоялось.

— Мы победим на выборах, и навстречу их ядовитому пожару направим свой встречный пал, свой священный огонь. Навстречу их шутовской революции с бубенцами и воздушными шариками мы направим могучую революцию Русского Развития. Мы оживим оборонные заводы и станем строить самые лучшие в мире самолёты и танки, самые совершенные и неуязвимые ракеты. Мы снова наводним Мировой океан нашими кораблями, а ближний и дальний Космос засеём лабораториями и орбитальными группировками. Мы возродим великие научные центры и культурные школы. Построим великолепные города на месте сгнивших посёлков. Всклосим на полях невиданные урожаи. Мы начнём огромную работу, чтобы каждый нашёл в ней своё творческое место, и в этом Общем Деле снова ощутим своё единство и неразсторжимость. Мы обратимся к народам Евразии, тоскующим по былому единству и процветанию, и станем строить наш великолепный братский союз, сочетая пространства, народы, культуры в симфоническое единство. В нашу жизнь, в наше государственное устройство, в наши университеты, гарнизоны и семьи мы привнесём Христовы заповеди, райские смыслы, божественную справедливость, и Россия среди гибнущего, заблудшего мира снова станет светочем и надеждой народов. И это сделаю я, Чегоданов!

Бекетов внимал словам этой тронной речи. Нет, не напрасны были его упования, его великие труды и проповеди. Пробуждение Чегоданова состоялось. Рождение лидера совершилось.

Чегоданов обнял Бекетова на прощанье, и эти объятия показались Бекетову железными. И он подумал, что у России, наконец, появился негнибаемый лидер.

(Окончание следует)

ВАЛЕРИЙ ИВАНОВ

СЛОЖНАЯ ЖИЗНЬ

ЧУЖОЕ ТЕПЛО

За единую каплю родной тишины,
Что мне дали чужие просторы,
Я лишился друзей, и родни, и жены,
И вернул им всю правду, все споры.

Я разлуку в уста целовал, а потом
Был за взгляды косые в ответе.
Но глазам, от которых пахнуло теплом,
Я простил все измены на свете.

Ах, ты, сложная, жизнь...
Нет, слишком проста.
У Любви не прошу всепрощенья:
Сам судил, сам распял,
Сам снял ночью с креста
И горю на огне воскресенья.

ИВАНОВ Валерий Васильевич родился в 1949 году в Киеве в семье военнослужащего. Жил в Германии и во многих городах России. Закончил Литературный институт. Автор стихотворных книг "Журавлиный путь", "Бесценное время", "Я понял деревья", "Родина-дитя". Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

* * *

Я — трезв, но знаю толк в хмельном раю,
И не ищу утечи в Интернете,
А езжу в электричках и пою,
И беспризорные за мною ходят дети.
Такой кураж —
Понищенствовать всласть,
Другим погреть протянутые руки,
И как в судьбу страны, в вагон попасть
И выйти, не заметив знак разлуки,
Там, где медовой плавности волна
И листопада несколько мгновений
Дадут больной душе вкусить сполна
Очарованье Родины осенней.

* * *

Ты жить меня учишь, позоришь, вино.
Но быть или жить? — Безответный вопрос.
Я русский... быть может, и это грешно?
Пятнадцать столетий качусь под откос.
Откуда ты знаешь, что я одиноко?
Да будет отныне известно тебе:
Я в сердце Отчизны ещё не продрог —
Всё так же светло улыбаюсь судьбе.
По матрице снега, помазанник муз,
Иду, не спеша, заблужденья крестя.
Ругается вслед ясновидящий муж,
И горько смеётся родное дитя.
Три женщины в чёрном навстречу идут.
По сердцу мороз от такой красоты.
Не страшно, что путь заблуждения крут, —
Не стать бы однажды счастливым, как ты!

ИГРА С ОГНЁМ

На морозе славяне играют с огнём.
Злато мира сжигается в нём.
Неспроста апельсиново весел костёр —
Он дитя с незапамятных пор.

Снова зимнего солнца крутой поворот,
И — компьютерный век у ворот.
Но, как прежде, славяне играют с огнём —
Алчность мира сжигается в нём.

Чую жар... Мой черёд... Я готов для прыжка.
Пламя свищет, и цель высока.
Но любовь и родня — всё на той стороне,
А на этой нет радости мне.

Кто из времени выйдет на снег и мороз,
Не удержит восторженных слёз.
Эх, как славно славяне играют с огнём —
Слёзы мира сжигаются в нём!

ВЕНОК ВОЛХОВЫ

Ты можешь читать мои мысли
И чувства смотреть, как в кино.
Земля тебя любит за искрость,
Но большего знать не дано.
Подёрнется льдом бесконечность,
И камни вскипят, но я рад:
Однажды взлетевших беспечно
Желанья не кличут назад.
В созвездии "Райская птица"
Хочу я хоть раз побывать,
И если такое случится,
О чём же тогда горевать?
Не знаю, зачем ты надела
Цветковый венок Волховы?
Ты любишь и славить пределы,
А мне не сносить головы.

СЕРГЕЙ МИХЕЕНКОВ

СОЛДАТСКИЙ МАРШАЛ

РОМАН-БИОГРАФИЯ

Глава тридцать первая

ОДЕР И НЕЙСЕ

*“Европа не знала ничего подобного
со времени гибели Римской империи...”*

Потрёпанные в предыдущих боях немецкие дивизии отошли на линию Силезского промышленного бассейна и вновь изготовились к бою. Зачастую это были уже не дивизии, а полки, сведённые в боевые группы и усиленные артиллерией и танками. Ими командовали опытные командиры, и эти боевые группы носили их имена.

Наступление продолжалось. Конев маневрировал танковыми соединениями, и вскоре Силезский промышленный район оказался в полуокружении. Осталось закрыть одно направление, сдвинуть клещи плотнее и зажать стоящие перед авангардами десять-двенадцать дивизий противника, а потом добивать их в котле.

Но война многому научила. Конев помнил, чем закончилось для группы армий “Центр” формирование котлов с последующей их ликвидацией — пришли к Москве без танков и горючего, с огромными потерями в личном составе, оборванные, с растянутыми коммуникациями... Правее полным ходом наступали войска I-го Белорусского фронта. Жуков спешил. Изо всех сил. Выжимал из войск всё, что можно. Впереди была Германия, Берлин. Ещё не было полной определённости, кому, чьим войскам придётся брать “логово”. Если завязнуть здесь, в этом лабиринте промышленных предприятий и городков, где каждое строение превращено в крепость для круговой обороны, то время будет упущено навсегда...

Да, уже началось соровование двух тяжеловесов.

Конев ехал на КП генерала Рыбалко. Через несколько минут предстояло принять окончательное решение: то ли поворачивать бригады 3-й гвардейской танковой армии и запирать ими коридор, то ли всё же вытолкнуть силезскую группировку из укрепрайона и добивать её испытанным методом — на марше.

Окончание. Начало в №№ 5–6 за 2012 год, №5 за 2013 год.

С Павлом Семёновичем Рыбалко у Конева всегда были очень доверительные отношения, постепенно перераставшие в крепкую, здоровую дружбу. Командующий 3-й гвардейской танковой уже ждал его. Развернули карту. Поговорили. Конев сказал о своём решении. Рыбалко поморщился: 3-я гвардейская танковая только что выполнила сложнейший маневр — повернула на юг.

— Ничего, Павел Семёнович, — успокоил его Конев, — вам не привыкать. Ваша армия только что совершила блестящий поворот. Давайте сделаем ещё один доворот. Кстати, у вас целый корпус ещё не развернут, идёт во втором эшелоне. Давайте его сразу и введём на ратиборское направление, а два корпуса застопорим, тем более что связь по радио у вас со всеми корпусами отличная.

Рыбалко ещё раз взглянул на карту и сдержанно согласился:

— Да, это, пожалуй, возможно.

— Связь у вас хорошая, я не ошибаюсь? — снова уточнил Конев. — Со всеми есть связь?

— Да, связь есть со всеми, — подтвердил Рыбалко. — Радио работает безотказно.

— Так передайте тогда сейчас же приказ этим двум корпусам: “Стоп”, — а корпусу второго эшелона: “Вперёд, на Ратибор”.

КП Рыбалко находился на высоте. Видимость на запад отличная. Там, в стороне города Глейвиц, маневрировали наступающие танки. Хорошо просматривалась линия немецкой обороны. Левее видны порядки наступающей пехоты 21-й армии генерала Гусева.

Гусеву предстояло нажимать и нажимать вперёд, чтобы противник понял серьёзность намерений наступающих войск и принял этот участок за основной.

На КП командарма-21 Конев заехал по пути в 3-ю гвардейскую танковую. Приказ генералу Гусеву уже был отдан: атаковать непрерывно и теснить противника в направлении коридора — на юго-запад.

И теперь Конев наблюдал результаты своего приказа. На некоторых участках пехота уже захватила переднюю линию, танки поддержки утюжили окопы и огневые точки немцев. Противник толпами отходил в тыл.

— Посмотрите, Павел Семенович, как ваш сосед выполняет приказ. — И Конев указал в поле.

Рыбалко ничего не ответил. Он стоял у машины и диктовал радисту приказ корпусам.

Конев любил эти мгновения — ландшафт развернувшейся битвы был грандиозным и совершенным в своих очертаниях и ожиданиях. Дальняя пальба. Запах гари. Суэта штабных офицеров, передающих и принимающих донесения. Сейчас кто-нибудь из них подойдёт и доложит о первых результатах атаки.

— Товарищ маршал, из штаба двадцать первой сообщили: первая линия окопов противника занята, передовые батальоны вклинились во вторую... — Капитан, который читает донесение, молод и, должно быть, мечтает командовать одним из тех батальонов, которые сейчас так лихо атакуют предместья Глейвица.

— Вот что, капитан, — выслушав доклад, говорит он, — передайте генералу Гусеву: всех, отличившихся в этой атаке, представить к медалям “За отвагу”, командиров батальонов, рот и взводов — к орденам.

Эх, как хочется этому капитану сейчас быть там! Конев это чувство пережил ещё в гражданскую...

Через час, стоя у обочины дороги, он наблюдал, как шёл танковый корпус. На броне десант. Десантники с гармошками, аккордеонами. Нахватали, славяне, трофеев... Режут лихие частушки:

*Эх, ма! Наша мать —
Горькая Расея.
Научились воевать,
Долбанём злодея!*

Научились, научились ребята воевать. И сами это чувствуют.

Современная война — это расстояния, которые войска и техника должны преодолевать как можно быстрее, стремительно меняя направления. Немцы это продемонстрировали ещё летом 41-го. Теперь они не так мобильны. Техника выбита. Но резервы ещё есть. И неизвестно, где они их введут в бой... Размышляя об этом, Конев думал о Рыбалко. Он восхищался им как танковым командиром, был благодарен ему за надёжность, за то, что Павел Семёнович умел ценить доверие. За то, что там, где он как командующий фронтом не всё предусмотрел, наверняка предусмотрит он. Всего ведь не охватишь.

Через годы, в книге “Сорок пятый” Конев с особой теплотой и благодарностью напишет о своём друге и боевом товарище, талантливом танковом командире Павле Семёновиче Рыбалко.

К 29 января 1945 года Силезский промышленный район был очищен от противника.

Когда солдаты Конева ворвались на территорию промышленной зоны, обнаружили: многие предприятия работают в обычном режиме, выпуская свою продукцию. Они и в последующем продолжили свою работу, переналадив штампы и формы под новые заказы другой армии.

На выходе из силезского укрепрайона, когда войска 17-й армии и армейской группы “Хейнрицы” вытиснулись в оставленном им коридоре, танки Рыбалко и дивизии 60-й армии Курочкина подвергли их истреблению.

А из первых эшелонов, которые ушли к границе Третьего рейха, уже сообщали: 5-я гвардейская армия генерала Жадова, “используя благоприятную обстановку, созданную поворотом армии Рыбалко, захватила плацдармы” за Одером, что правее 4-я танковая армия Лелюшенко тоже форсировала Одер и вышла в район Штейнау. А следующие вести принесли тревогу: 3-я гвардейская армия Гордова и 13-я армия Пухова завязли перед 24-м танковым и 42-м армейскими корпусами противника. На их правый фланг с севера давят резервы 9-й полевой армии. Ещё несколько дней назад эти части противника стояли перед войсками Жукова, а теперь сместились южнее и нависли над правым флангом 1-го Украинского фронта.

Накануне позвонил Верховный. Выслушал его доклад. И вдруг предостерёг:

— Смотрите, немцы не смирились с потерей Силезии и могут её у вас отобрать.

В эти дни Конев постоянно был в войсках. Связь работала бесперебойно. Офицеры штаба постоянно докладывали обстановку. Он тут же отдавал распоряжения. Штаб на колёсах. Как не хватало этого летом 41-го и позже, в 42-м под Ржевом... Он постоянно возвращался в своих мыслях в первые дни и месяцы войны. Восхищался той мощью, маневренностью и мобильностью своих сил, которую постоянно чувствовал под рукой и наблюдал, и сожалел об ошибках, которые допускал в прошлом. С тем же настроением впоследствии он будет диктовать вторую книгу своих мемуаров.

— Свяжитесь со штабом четвёртой танковой, — приказал он.

— Четвёртая танковая на связи, — тут же ответили ему.

— Спросите, где Лелюшенко?

— Лелюшенко на новом КП за Одером.

— Давайте быстро к нему, — приказал он и подумал: какой молодец...

Теснимые наступающими авангардами 1-го Белорусского фронта немецкие войска нажимали на дивизии Гордова. Создавалась опасная ситуация, при которой немцы могли смять порядки 3-й гвардейской и хлынуть в тыл всей группировке, выдвинувшейся к Одеру и опасно растянувшей свои коммуникации. Для того чтобы этого не допустить, он приказал Лелюшенко нанести удар в северо-западном направлении. Танки Лелюшенко наступали по обоим берегам Одера. Положение 3-й гвардейской несколько улучшилось. Но немцы разгадали этот маневр и отвернули севернее. Удар Лелюшенко не достиг намеченной цели. И всё же в районе Лисса 4-й танковой и 3-й гвардейской удалось остановить и окружить противника. В котёл угодило несколько дивизий. Около пятнадцати тысяч было уничтожено и пленено. Остальным удалось вырваться.

Изношенные сапоги и ботинки русских пехотинцев вслед за танками прошли по междуречью Вислы и Одера. Дорога казалась длинной, но оказалась недолгой. К началу февраля тульские гармошки и трофейные аккордеоны играли “барыню” и разливали “саратовские страдания” уже на Одере и на плацдармах за немецкой рекой.

Висло-Одерская операция завершилась.

Вот как её впоследствии прокомментировал бывший начальник штаба 48-го танкового корпуса, а затем 4-й танковой армии генерал фон Меллентин: “Русское наступление развивалось с невиданной силой и стремительностью. Было ясно, что Верховное Главнокомандование полностью овладело техникой организации наступления огромных механизированных армий... Невозможно описать всего, что произошло между Вислой и Одером в первые месяцы 1945 года. Европа не знала ничего подобного со времени гибели Римской империи”.

Немного пафосно. Но исторически довольно точно.

Итогом Висло-Одерской операции для войск маршала Конева стало освобождение Южной Польши, древней польской столицы города Краков, которую, как хрустальную вазу, уже падающую и обречённую уничтожению, войска 1-го Украинского фронта выхватили из рук отступающих частей вермахта и передали полякам. Был очищен от противника весь Силезский промышленный бассейн, и то “золото”, о котором маршалу сказал Верховный, было взято целеньким, без повреждений. Заводы Польши уже работали на нужды освобождённой Польши.

Во время боёв было уничтожено около 150 000 солдат и офицеров противника, 43 000 взято в плен. Захваченные трофеи исчислялись десятками тысяч орудий и миномётов, сотнями танков, самолётов и другой техники.

За Одером были захвачены выгодные плацдармы для предстоящих ударов на дрезденском и берлинском направлениях.

В оперативном отношении дрезденское направление, обеспеченное группировкой левого крыла фронта, было более перспективным. Войска здесь сидели надёжно и вели разведку вперёд. Правая группировка оказалась в более сложном положении. Но перед ней лежал прямой путь на Берлин.

Войска соседа справа тем временем налетели на мощнейшую оборону противника — Померанский вал — и тоже вынуждены были остановиться. Однако до Берлина Жукову оставалось по прямой 60–80 километров.

После войны, деля лавры, маршалы и генералы не раз будут спорить и напрямую, и через своих посредников, военных историков и публицистов, почему не получилось взять Берлин на два месяца раньше.

Маршал Жуков, который прибыл на фронт, непосредственно на берлинское направление для того, чтобы поставить последнюю точку в затянувшейся войне ударом самой сильной группировки через одерские оборонительные линии на Кюстрин и далее на Берлин, в конце января 1945 года докладывал Сталину: “Задача фронта... с утра 1–2 февраля 45 года — продолжать наступление всеми силами фронта с ближайшей задачей с ходу форсировать Одер, а в дальнейшем развивать стремительный удар на Берлин, направляя главные усилия в обход Берлина с северо-востока, севера и северо-запада”.

Но Померанский вал застопорил движение и самого Жукова. Немцы были сильны до самого конца. Группа армий “Висла”, которую возглавил рейхсфюрер СС Гиммлер, используя растянутость 1-го и 2-го Белорусских фронтов и образовавшийся разрыв между их флангами, готовилась нанести удар с выходом на их тылы. Жуков вовремя выставил заслон. Таким образом, резервы были отвлечены от основного направления.

31 января 1945 года Жуков доносил Сталину:

“1. В связи с резким отставанием левого фланга 2-го Белорусского фронта от правого фланга 1-го Белорусского фронта ширина фронта к исходу 31 января достигла 500 км.

Если левый фланг К. К. Рокоссовского будет продолжать стоять на месте, противник, безусловно, предпримет активные действия против растянувшегося правого фланга 1-го Белорусского фронта.

Прошу указать К. К. Рокоссовскому немедленно наступать 70-й армией

в западном направлении, хотя бы на уступе за правым флангом 1-го Белорусского фронта.

2. И. С. Конев просит обязать быстрее выйти на р. Одер”.

Читая этот документ, невольно приходишь к мысли о том, что мышление маршала Жукова было всё-таки шире командующего войсками фронта, даже такого мощного, как 1-й Белорусский. Сидеть бы ему в Генеральном штабе и командовать всеми фронтами. Но кто бы тогда стал Маршалом Победы?

На указание Жукова повернуть войска Рокоссовского и Конев Верховный так и не ответил.

С Померанской группировкой Жуков и Рокоссовский, в конце концов, справились. Перемололи гусеницами своих танковых корпусов и 11-ю армию генерала Грассера, пытавшуюся контратаковать, и группу армий “Висла” рейхсфюрера СС Гиммлера. Но в какой-то момент войска, нацеленные на Берлин, пришлось отвести и развернуть по другим направлениям. К примеру, из-за Одера была отозвана 1-я гвардейская армия генерала Катукова, которая ещё в начале февраля готова была броситься с Кюстринского плацдарма на “логово”. Нет, рано и слишком опасно.

1-й Украинский фронт тоже замешкался. Конев впоследствии признал, что его войска выполнили только часть своей задачи, что “для дальнейшего наступления требовалась пауза”.

Конев: “Мы наступали непрерывно сорок четыре дня (с 12 января по 24 февраля) и прошли с боями от пятисот до семисот километров. В среднем за каждые сутки войска продвигались на шестнадцать километров. За такие итоги краснеть не приходится. Но они не освобождают меня от необходимости объяснить, почему все же Нижне-Силезская операция планировалась нами на одну глубину, а на практике осуществлена на другую, значительно меньшую.

Отбрасывая в сторону ряд менее существенных обстоятельств, я должен назвать здесь три основные причины.

Во-первых, в конце января, планируя эту операцию, мы считали, что наше дальнейшее наступление на запад будет проходить одновременно с продолжающимся наступлением войск 1-го Белорусского и 4-го Украинского фронтов. Однако в действительности получилось иначе.

Как раз в период между утверждением плана нашего наступления и его началом перед 1-м Белорусским фронтом возникла неотложная задача: ликвидировать угрожавшую ему восточно-померанскую группировку немецко-фашистских войск. В связи с этим по указанию Ставки он был вынужден отказаться от дальнейшего наступления на берлинском направлении и после выхода на Одер закрепиться на достигнутых рубежах, одновременно подготавливая удар в Померании.

Осложнилось положение и у нашего левого соседа, 4-го Украинского фронта, нацеленного на Чехословакию. Он столкнулся с упорнейшим сопротивлением противника и почти не продвигался.

Во-вторых, уже в ходе операции нам пришлось убедиться, что в конце января мы недооценили возможностей противника по восстановлению боеспособности своих частей и соединений, разгромленных нами на Висле и Одере. Он делал это гораздо быстрее и решительнее, чем мы могли предполагать.

И наконец, в-третьих, наступление в задуманных первоначально масштабах очень затруднялось громадной растяжкой наших коммуникаций”.

Сравнивая, как говорят профессионалы, показания, приходишь к выводу, что Жуков в этот период войны, конечно же, буквально пылал желанием как можно скорее добраться до Берлина и прихлопнуть там последнюю немецкую группировку.

С запада к “логову” приближались союзники. Политический расклад всё более очевидно становился таким: кто возьмёт Берлин, тому и достанется венец победителя. Но немцы по-прежнему были сильны. Они перебрасывали с Западного фронта новые и новые силы — корпуса, дивизии, отдельные батальоны — и лихорадочно латали дыры, создавали ударные группировки и контратаковали при каждом удобном случае. Любую оплошность наших маршалов и генералов они омывали кровью наших солдат.

В книге “Солдатский долг” командующий войсками 2-го Белорусского фронта маршал К. К. Рокоссовский рассказывает о февральских боях в Померании так: “А положение у нас на левом крыле создавалось тревожное. По мере продвижения войск к северу всё больше оголялся наш левый фланг: ведь наш сосед — 1-й Белорусский фронт — оставался на месте. Противник стал всё чаще наносить удары во фланги и тылы нашим наступающим частям. С опаской мы поглядывали на Ной-Штеттин. Этот город, остававшийся западнее разграничительной линии нашего фронта, был полон гитлеровскими войсками, которые в любой момент могли ринуться на наш открытый фланг. Я сообщил об этом в Ставку. Вскоре меня вызвал к ВЧ Верховный Главнокомандующий. Я доложил ему обстановку на нашем фронте и положение, складывающееся на левом крыле. Сталин спросил:

— Что, Жуков хитрит?

— Не думаю, — ответил я, — чтобы он хитрил, но что его войска не наступают и этим создаётся угроза на обнажённом нашем фланге, я могу подтвердить. Для обеспечения фланга у нас сейчас сил нет, резерв весь исчерпан. Поэтому прошу усилить фронт войсками или обязать 1-й Белорусский быстрее перейти в наступление”.

Как видим, Верховному, чтобы поторопить соседа, звонили все. Кроме Конева. Конев прекрасно видел ситуацию, полностью владел ею и знал, что надо делать сейчас, а что — завтра. Помощи не просил. Сил хватало. К Берлину сломя голову не ломился. Хотя, конечно же, понимал, что лавровый венок у победы, которая уже сияла впереди, всего один.

Но он знал и другое, и постоянно это имел в виду: жизнь у солдата тоже одна...

Не хочу и пытаться идеализировать своего героя. Полководцу такого уровня, каким был Конев, трудно быть, а тем более — слыть человеколюбом. Как и все полевые командиры высокого ранга, он шёл к своей победе по рекам крови и горам убитых своих и чужих солдат. Чтобы победить врага и защитить свою родину, надо посылать солдата в пекло, на смерть.

И всё же в 45-м, когда финал уже был предрешён, маршалы воевали по-разному.

В своей итоговой книге “Сорок пятый”, в главе о боях между Вислой и Одером, маршал написал: “Я стремился хладнокровно взвесить все плюсы и минусы.

Ну, хорошо, мы окружим гитлеровцев в Силезском промышленном бассейне. Их примерно сто тысяч. Половина из них будет уничтожена в боях, а половина взята в плен. Вот, собственно говоря, и все плюсы. Пусть немалые, но все.

А минусы? Замкнув кольцо в результате операции, мы вынуждены будем разрушить весь этот район, нанести огромный ущерб крупнейшему промышленному комплексу, который должен стать достоянием новой Польши.

Кроме того, и наши войска понесут тяжёлые потери, потому что драться здесь — значит штурмовать завод за заводом, рудник за рудником, здание за зданием. Даже если имеешь преимущество в технике, в таких боях за город, где берёшь дом за домом, приходится платить дорогой ценой — жизнью за жизнь.

А между тем людских потерь у нас за четыре года войны и так достаточно. Перспектива же победоносного окончания войны недалека. И всюду, где это возможно, так хочется сохранить людей, дойти с ними, с живыми, до победы”.

В мемуарах, конечно же, можно написать всё, что угодно. И таких мемуаров в нашей литературе предостаточно. Они не прибавили отечественной словесности чести и внесли изрядную путаницу в историографию. Этим же словам хочется верить, потому что они не раз подтверждались делом.

Конев не штурмовал укрепрайоны, такие как Силезский промышленный район, не бросал полки на штурм городов-крепостей, таких как Бреслау (Вроцлав). Бреслау был окружён плотным кольцом и оставлен по его приказу в тылу. Его почти пятидесятитысячный гарнизон дрался до тех пор, пока не пришла весть, что Германия капитулировала. Кварталы Бреслау штур-

мовали специально сформированные и обученные для действия в городских условиях штурмовые сапёрные батальоны, имевшие на вооружении огнемёты, спецтехнику и даже специальную экипировку, в том числе и стальные кирасы, защищавшие тело от осколков и пуль. Точно так же был блокирован и постепенно частично уничтожен, а частично пленён гарнизон городка крепости Глогау.

К середине февраля коневцы вышли на реку Бобёр, заняли несколько крупных населённых пунктов в Нижней Силезии и провинции Бранденбург основными силами 4-й танковой армии.

Справедливости ради необходимо отметить, что сосед слева — 4-й Украинский фронт — в это время был остановлен и вел тяжёлые оборонительные бои. Сосед справа — 1-й Белорусский фронт — левым своим флангом тоже остановился в стыке с войсками Конева по Одеру и перешёл к обороне. Все резервы, имевшиеся на этом участке Восточного фронта, противник перебрасывал, конечно же, туда, где создавалась угрожающее положение. Угрозу прорыва создавали войска Конева, потому что они наступали.

К концу февраля 1945 года войска маршала Конева вышли к реке Нейсе. Правое крыло 1-го Украинского фронта сомкнулось с левым крылом 1-го Белорусского.

Глава тридцать вторая

СЕРДЦЕ КУТУЗОВА

*“При прохождении мимо могилы
и памятника Кутузову отдавать
воинские почести...”*

Во время боёв между Вислой и Одером произошло некое событие, в котором наш герой будет играть одну из главных ролей. Ярко проявится ещё одна черта его характера.

52-я армия генерала Коротеева захватили городок Бунцлау, в котором весной 1813 года во время Заграничного похода Русской армии скончался командующий фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов. Конев хорошо знал историю и приказал офицерам штаба разыскать могилу, где, по преданию, похоронено сердце главнокомандующего Русской армией. Могилу вскоре отыскали. На плите была выбита надпись: “До сих мест дошёл князь Кутузов-Смоленский победоносные российские войска. Но здесь положила смерть предел славным дням его. Он спас Отечество своё. Он открыл путь к избавлению народов. Да будет благословенна память героя”.

Когда Конев осматривал могилу и плиту с надписью, кто-то из офицеров произнёс:

— Пушкин сказал о Кутузове: имя его не только священо для нас, но не должны ли мы ещё радоваться, мы, русские, что оно звучит русским звуком!

Тут же выяснилось, что немцы демонтировали памятник, установленный вскоре после смерти Кутузова. Конев приказал найти его. Чугунный обелиск отыскали, реставрировали и установили на пьедестал.

В тот же день Конев отдал приказ:

“В ознаменование светлой памяти фельдмаршала Кутузова приказываю:

1. Коменданту города Бунцлау учредить почётный караул у памятника фельдмаршалу Кутузову.

2. Всем войсковым частям и отдельным военнослужащим при прохождении мимо памятника фельдмаршалу Кутузову отдавать воинские почести.

3. Приказ прочесть во всех ротах, батареях, эскадронах, эскадрильях, командах”.

Кроме того, по решению Военного совета 1-го Украинского фронта на старом деревенском кладбище по проекту архитектора, капитана Красной Армии

Г. И. Кевхшвили был сооружен кутузовский мемориал. Центром его стал памятник генерал-фельдмаршалу. А вокруг положили погибших героев 45-го — тела 141 офицера, в том числе сорока двух Героев Советского Союза.

В те дни офицерское кладбище близ Тиллендорфа стало местом паломничества местных жителей, частых митингов, салютов, экскурсий воинов Красной Армии и Польской народной армии. 28 апреля 1945 года, в годовщину кончины полководца, у могилы Кутузова почётный караул несли 136 Героев Советского Союза 1-го Украинского фронта. Солдаты установили мраморную доску с надписью:

*“Великому патриоту земли русской
Фельдмаршалу Михаилу Илларионовичу Голенищеву-Кутузову
в день 132-й годовщины его смерти 28 апреля 1945 года.*

*Среди чужих равнин, ведя на подвиг правый
Суровый строй полков своих,
Ты памятник бессмертный русской славы
На сердце собственном воздвиг.
Но не умолкло сердце полководца,
И в грозный час оно зовёт на бой,
Оно живёт и мужественно бьётся
В сынах Отечества, спасенного тобой!
И ныне, проходя по боевому следу
Твоих знамён, пронесшихся в дыму,
Знамена собственной победы
Мы клоним к сердцу твоему!*

*От воинов Красной Армии, 12 февраля 1945 года вступивших в город
Бунцау”.*

Такого эпизода вы не найдёте ни у одного полководца Великой Отечественной войны.

Было в этом жестоком воине и нечто такое, что он получил от своих вятско-вологодских предков и что великий Пушкин назвал *любовью к отеческим гробам*. Нет, не прошли даром, не провалились сквозь сито времён уроки кузнеца Алеши Артамонова из родного Лодейна, наставления учителя земского училища Ильи Михайловича, байки ветерана Шипки Алёши Турки. Родина положила в его душу хороший замес.

После войны Конев снова побывал в этих местах. Приезжал поклониться сердцу главнокомандующего Русской армией Михаилу Илларионовичу Кутузову и своим героям-молодцам. Привозил сюда свою семью.

Глава тридцать третья

БЕРЛИН. ВЕСНА 45-го

“Эта проклятая разграничительная линия не давала нам покоя больше двух месяцев...”

Генерал армии С. М. Штеменко в своих мемуарах писал: “26 января 1945 года Генштаб получил решение командующего 1-м Белорусским фронтом о безостановочном наступлении на Берлин. Днём позже поступило аналогичное решение командующего 1-м Украинским фронтом. Генштаб беспокоила лишь одна деталь: разграничительная линия между фронтами, установленная по рекомендации маршала Жукова, фактически оттирала 1-й Украинский фронт к югу от Берлина, не оставляя ему никакого окна для удара по германской столице. Получалась явная несуразица: с одной стороны, утвердили

решение Конева — правым крылом наступать на Берлин, а с другой — разграничительную линию, которая не позволяла это сделать. Маршал Конев очень разволновался по этому поводу... Эта проклятая разграничительная линия не давала нам покоя больше двух месяцев”.

Штеменко верить можно. Хотя бы потому, что прослужил он свои годы честно, не вилял перед вожжами, но верой и правдой служил одному из них. За что трижды из генерал-полковников понижался в звании до генерал-лейтенанта. Таким образом, имел редкое в Красной Армии звание — трижды генерал армии.

Но мы, кроме мемуаров, заглянем ещё и в документы. Рассмотрим факты.

Драма под названием “Великая Отечественная война” подходила к своему финалу.

Оперативная пауза перед решающим штурмом длилась с конца февраля до середины апреля 1945 года. Она оказалась достаточно продолжительной.

Однако для северного крыла 1-го Украинского фронта эта пауза была относительной. С 15 по 31 марта 1941 года армии правого крыла провели Верхне-Силезскую наступательную операцию. В первый же день войска столкнулись с сильной группировкой противника, которая, как впоследствии выяснилось, готовилась к удару на Бреслау с целью выручить блокированный в крепости пятидесятитысячный гарнизон. В этих боях особенно пострадали корпуса генерала Лелюшенко. Танкисты впервые подверглись атаке немецких фаустников. Как всегда, активно работала противотанковая артиллерия противника. Некоторые бригады потеряли до трети боевых машин.

В районе Опельна армии генералов Гусева и Коровникова при поддержке танков генерала Лелюшенко отрезали от основных сил и блокировали плотным кольцом крупную группировку противника в составе 20-й пехотной и части сил 18-й моторизованной дивизий СС, а также 168-й и 344-й пехотных дивизий, нескольких отдельных полков и батальонов.

На этот раз Конев приказал уничтожить котёл.

“Комбатам, комполкам, комдивам 225, 285, 229 и 120-й дивизий 21-й армии. Окружённый противник пытается прорваться в направлении Штейнау. Враг деморализован, прорывается отдельными группами, без техники. Приказываю.

1. До ночи выходящие группы противника уничтожить, пленить. Всем сержантам и офицерам дерзко и смело атаковать врага. Не опозорить войска 21-й армии, 4-й гвардейской танковой и не выпустить врага из окружения.

2. Приказ довести до всех рядовых, сержантов, офицеров всех родов войск”.

Немцы бросили на выручку окружённых танковую дивизию “Герман Геринг”. На следующий день усилили её 20-й танковой и 45-й пехотной. Все контратаки были отбиты. 21-я армия к исходу дня 20 марта покончила с окружённой группировкой. Около 30 000 человек было убито, 15 000 пленено.

Затем была уничтожена группировка в районе городов Ратибора и Рыбника.

Союзникам немецкие войска в эти дни так яростно не сопротивлялись.

Полутораметровые стены каменных домов, превращённых в крепости, артиллеристы 60-й армии генерала Курочкина пробивали с открытых позиций. В дело были брошены батареи тяжёлого калибра, в том числе и 203-мм гаубицы большой мощности. В проломы шли ударные сапёрные части и пехота.

Немцы перебросили с других направлений и ввели в бой 17-ю и 8-ю танковые дивизии. Это были старые знакомые Конева, с которыми он имел дело ещё во время летних боёв 41-го. И Конев, чувствуя напор, тоже вводил в бой свои резервы. Резервы были. Но их надо было и беречь для решающего штурма.

31 марта с ратиборской и рыбницкой группировками врага было покончено. На этот раз стояла хорошая погода, и авиация, особенно штурмовая, буквально ползала на пузе по переднему краю, уничтожая немецкую бронетехнику, подавляя артиллерию и пулемёты.

Тогда же, 31 марта, наступила действительная пауза.

Продлилась она недолго.

В конце марта 1945 года Конева вызвали в Ставку.

Он уже знал, что Берлин будет брать сосед справа, а его войскам отведена роль щита с юга с дальнейшей задачей выйти к Эльбе и встретить там союзников. Союзники, в особенности англичане, тоже рвались к Берлину. Черчилль вдруг спохватился: “Русские армии, несомненно, захватят всю Австрию и войдут в Вену. Если они захватят также Берлин, то не создается ли у них слишком преувеличенное представление о том, будто они внесли подавляющий вклад в нашу общую победу, и не может ли это привести их к такому умонастроению, которое вызовет серьёзные и весьма значительные трудности в будущем? Поэтому я считаю, что с политической точки зрения нам следует продвигаться в Германии как можно дальше на восток и что в этом случае, если Берлин окажется в пределах нашей досягаемости, мы, несомненно, должны его взять. Это кажется разумным и с военной точки зрения”.

Сталин почувствовал, что союзники при виде близкой добычи не прочь нарушить соглашения, достигнутые в Ялте в феврале 1945 года о разделе Германии. А это означало, что Англия и США уже начали репетировать новый акт — вытеснение Советского Союза, его войск, из освобожденной Европы. Сталин следил за всеми изменениями в настроениях и намерениях союзников очень внимательно.

Коневу приказано было встретить их на южных подступах к Берлину. Встретить — означало остановить на линии соприкосновения.

Но ему хотелось войти в Берлин. Война уже заканчивалась. В штабах это чувствовалось особенно. События четырёх минувших лет уже медленно переплавлялись в историю, незаметно для неискушенного глаза деформируясь и обретая застывшие, канонические формы. Маршал прекрасно понимал, что в краткий её курс войдут три-четыре, быть может, пять, основных, наиболее ярких операций. Столько же имён. Взятие Берлина — это апофеоз. Пик общенародной мечты, выжившей на руинах страданий и надежд. Берлинские бои в памяти народа останутся обязательно. И герой берлинской эпопеи станет народным героем и любимцем. С его именем будет ассоциироваться победа. На его главу будет возложен венец победителя. Все остальные, пусть и не менее достойные, и осыпанные орденами и почестями, будут рядом или вокруг. Около или поблизости.

Конев весьма точен в своих мемуарах. Но, должно быть, память изменяла и ему. В мемуарной книге “Сорок пятый” он пишет: “Первого апреля 1945 года в Москву в Ставку Верховного Главнокомандования были вызваны командующий 1-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза Г. К. Жуков и я”.

Мы ещё вернёмся и к этому фрагменту мемуаров, и к самой встрече в Ставке маршалов и Верховного.

А теперь вчитаемся в мемуары генерала армии Штеменко: “...как только обнаружили первые симптомы поползновений союзников на Берлин, последовал немедленный вызов в Москву Г. К. Жукова и И. С. Конева.

31 марта Генеральный штаб рассмотрел совместно с ними замысел дальнейших действий фронтов. Маршал Конев очень разволновался при этом по поводу разграничительной линии с 1-м Белорусским фронтом, ведь она не давала ему возможности для удара по Берлину. Никто, однако, в Генштабе не смог снять это препятствие.

На следующий день, 1 апреля 1945 года, план Берлинской операции обсуждался в Ставке. Было подробно доложено об обстановке на фронтах, о действиях союзников, их замыслах. Сталин сделал отсюда вывод, что Берлин мы должны взять в кратчайший срок; начинать операцию нужно не позже 16 апреля и всё закончить в течение 12–15 дней. Командующие фронтами с этим согласились и заверили Ставку, что войска будут готовы вовремя”.

Напомню, генерал Штеменко в то время возглавлял оперативное управление Генштаба. Владел полной информацией. Она и легла потом в основу его мемуаров.

Штеменко пишет, что в Генштабе они вместе с двумя маршалами обсуждали берлинскую тему 31 марта.

Значит, всё же 31 марта...

Итак, маршалы вошли в большой кабинет Сталина. За столом под портретами Суворова и Кутузова сидели члены Государственного Комитета Обороны, а также начальник Генерального штаба А. И. Антонов и начальник главного оперативного Управления С. М. Штеменко.

Сталин тут же перешёл к главному. Попросил генерала Штеменко зачитать некую телеграмму, суть которой сводилась к следующему: союзники стягивают на берлинское направление дополнительные силы, создаются группировки, таким образом, план взятия Берлина союзными войсками нужно рассматривать как реальность.

Когда Штеменко дочитал телеграмму, Верховный обратился к маршалам, задал вопрос сразу двоим:

— Так кто же будет брать Берлин, мы или союзники?

Конев в мемуарах пишет: “Так вышло: первому на этот вопрос пришлось отвечать мне, и я ответил:

— Берлин будем брать мы, и возьмём его раньше союзников.

— Вон какой Вы, — слегка усмехнувшись, сказал Сталин и сразу в упор задал мне вопрос по существу: — А как Вы сумеете создать для этого группировку? У Вас главные силы для этого находятся на Вашем южном фланге, и Вам, по-видимому, придётся производить большую перегруппировку.

Я ответил на это:

— Товарищ Сталин, можете быть спокойны: фронт проведёт все необходимые мероприятия, и группировка для наступления на берлинском направлении будет создана нами своевременно.

Вторым отвечал Жуков. Он доложил, что войска готовы взять Берлин. 1-й Белорусский фронт, густо насыщенный войсками и техникой, был к тому времени прямо нацелен на Берлин, и притом с кратчайшего расстояния”.

Верховный выслушал обоих маршалов и остался доволен их докладом и решимостью выполнить приказ. Приготовления союзников всё же продолжали его беспокоить. Он поручил маршалам подготовить прямо здесь, в Москве, в Генштабе, свои планы, согласовать вопросы взаимодействия и доложить ему не позднее, чем через сутки-двое.

Работали Конев и Жуков в отдельных комнатах. Но иногда собирались в кабинете у Антонова или Штеменко, чтобы увязать некоторые принципиальные вопросы.

Штеменко: “Работа Генштаба по планированию завершающих ударов крайне осложнилась категоричным решением Сталина об особой роли 1-го Белорусского фронта. Овладеть столь крупным городом, как Берлин, заблаговременно подготовленным к обороне, одному фронту, даже такому мощному, как 1-й Белорусский, было не под силу. Обстановка настоятельно требовала нацелить на Берлин по крайней мере ещё и 1-й Украинский фронт. Причём, конечно, нужно было как-то избежать малоэффективного лобового удара главными силами”.

2 апреля маршалы вновь были у Верховного. Докладывал Антонов. Потом командующие фронтов. Сталин никаких существенных замечаний не высказал. Он доверял им.

Когда Конев закончил свой доклад, Верховный сказал:

— В связи с тем, что в Прибалтике и в Восточной Пруссии фронты начинают сокращаться, могу вам выделить две армии за счёт прибалтийских фронтов: двадцать восьмую и тридцать первую.

Обе армии были знакомы Коневу по боям 41-го и 42-го годов под Смоленском и Ржевом.

В директивах фронтам берлинского направления было сформулировано: Берлин атакуют войска 1-го Белорусского фронта; армии 1-го Украинского должны тем временем разгромить противника в районе Котбуса и южнее Берлина с выходом к 10-му дню операции на рубежи юго-западнее Берлина, к реке Эльбе. Всё. Вот его роль в районе Берлина.

Конев неожиданно заявил, что войска 1-го Украинского фронта тоже полны решимости штурмовать Берлин. При этом начальник Генштаба ещё раз обратил внимание Верховного на то, что существующая разграничительная линия фактически исключает намерение маршала Конева и участие его войск в штурме Берлина. Конев стоял на своём, доказывая, что при существующей конфигурации фронта и расположении группировок целесообразно “нацелить часть сил 1-го Украинского фронта, особенно танковые армии, на юго-западную окраину Берлина”.

Штеменко: “Сталин пошёл на компромисс: он не отказался полностью от своей идеи, но и не отверг начисто соображений И. С. Конева, поддержанных Генштабом. На карте, отражавшей замысел операции, Верховный молча зачеркнул ту часть разгранлинии, которая отрезала 1-й Украинский фронт от Берлина, довел её до населённого пункта Люббен (в 60 километрах к юго-востоку от столицы) и оборвал.

— Кто первый ворвётся, тот пусть и берёт Берлин,— заявил он нам потом.

Генштаб был доволен таким оборотом дела. Эта проклятая разгранлиния не давала нам покоя более двух месяцев. Не возражал и маршал Конев. Его это тоже устраивало”.

Из-за этой проклятой разгранлинии, которую, как предусматривает устав, перед началом операции не провели чётко и определённо, Жуков уложил тысячи солдат на Зееловских высотах и при штурме в лоб обводов города, а Конев потерял большое количество танков и, конечно же, экипажей, сгоревших на тесных улочках от фаустпатронов и противотанковых орудий, выставленных на прямую наводку. Спешили отличиться. И тот, и другой. Войти в историю. Полководческая мудрость отступила на второй план перед страстью стать первым.

Впрочем, не нам их судить.

Планы планами, а реальный бой, а тем более — сражение такого масштаба, каким было Берлинское, которое порой называют “Битвой за Берлин”, зачастую пишет свой сюжет. Как говорят в народе: “Брань дело кажет”.

Подступы к “логову” изобиловали болотами, каналами, лесами, реками, озёрами. Глубокоэшелонированная оборона, построенная основательно, по всем правилам инженерного дела. Непосредственно перед городом два внешних обвода оборонительных линий. Всё густо занято войсками. Некоторые части и целые дивизии срочно переброшены с Западного фронта. Минные поля. Танковые ловушки. ПТО. Дух солдат и фольксштурма — умереть за Германию, за фюрера в последнем бою, но не пропустить большевиков дальше своих позиций.

При таком построении обороны берлинской группировки противника разумнее выглядел один из резервных планов Генштаба, который предполагал не лобовой штурм города через Зееловские высоты, а охват района Берлина силами двух фронтов с севера (2-й Белорусский), северо-запада (1-й Белорусский), юга и юго-запада (1-й Украинский). Войска фронтов, согласно плану, должны были соединиться в районе Бранденбурга и Потсдама и одновременно отсечь любое “поползновение” к Берлину союзников.

Но лавровый венок у Сталина был один...

Конев, впрочем, ситуация, которая сложилась к началу операции, вполне устраивала. Он смотрел на карту с расположением своих ударных сил и частей второго эшелона и понимал, что возможность войти в Берлин у него есть. И очень даже реальная. Не зря он пестовал и закалял в боях свои танковые армии. Рыбалко и Лелюшенко преодолевали марши, подобные тому, который предстоял им сейчас, не раз.

В ночь на 16 апреля правее боевых порядков Конева небо поднялось, осветилось дальним заревом, и зарево начало дрожать и подниматься всё выше и выше. Позже донеслась канонада. Это начал 1-й Белорусский фронт. Жуков и тут решил опередить всех.

В ту ночь Конев только что вернулся из района Бреслау. Там 6-я армия генерала Глуздовского продолжала удерживать в блокаде крупную группировку противника, не желающего сдаваться.

Переданные из состава 3-го Белорусского фронта 28-я и 31-я армии были ещё на марше. Конев решил начинать, не дожидаясь их подхода.

На передовом НП генерала Пухова было тесновато. Блиндаж был отрыт и тщательно замаскирован на опушке соснового бора. Внизу обрыв. Под обрывом — Нейсе. За рекой — пологий берег. Он хорошо просматривался на многие километры вперёд, вправо и влево. Уже светало, и в стереотрубу было хорошо видно, что происходило на той стороне, у немцев.

Артподготовка проводилась в три этапа, всего 145 минут: 40 минут — прикрытие выхода пехоты к реке; 60 минут — форсирование; 45 минут — обеспечение атаки на том берегу. После того, как противоположный берег Нейсе потонул в чёрном смраде разрывов, передовые батальоны начали форсирование.

Конев хорошо видел, как под прикрытием огня и дымовой завесы на подручных плавсредствах батальоны переправляются на противоположный берег. Через несколько минут сапёрные части уже навели десантные переправы, и по ним пошла пехота. За ними подошли полковые артиллерийские группы и тоже начали переправу. Всё шло строго по графику.

Однако левый берег начал огрызаться. Огневые точки, которые не подавила артиллерия, открыли огонь.

И тут произошло то, что впоследствии описал в своих мемуарах командующий 13-й армией генерал Пухов. Пуля щёлкнула по креплению стереотрубы и с воем ушла в сторону. Пухов признался, что почувствовал себя неважно. Конев же, тоже на мгновение отвлекшись от стереотрубы, сделал вид, что ничего не произошло, и молча продолжал наблюдение.

Чтобы облегчить форсирование Нейсе, обеспечить успех в начале атаки и уменьшить потери, Конев приказал установить дымовую завесу на левом берегу реки.

Конев: “Мастерски это сделали лётчики-штурмовики! Стремительно пройдя на бреющем, они не “пронесли” её, а поставили точно на рубеже Нейсе”.

Дымы поставили на ширине фронта в 390 километров и тем самым отчасти ввели противника в заблуждение по поводу направления главного удара. Утро выдалось тихое, безветренное. Дымы медленно сносило на запад, накрывая немецкие окопы на левом берегу.

Наступали же на 90-километровом отрезке, где сосредоточилась ударная группировка.

С самого начала всё пошло хорошо. Кропотливая подготовка войск, дни и ночи неустанного труда штабов и солдат дали свой результат. Суворовское “Тяжело в ученье — легко в бою” оправдало себя и в этой операции.

Ещё в январе 1945 года к своим обязанностям приступил вернувшийся из госпиталя командующий артиллерией фронта генерал Варенцов. Блестящая организация артиллерийского наступления; точная работа расчётов по огневым точкам противника, которые были разведаны накануне артиллерийской разведкой и нанесены на таблицы стрельбы; контрартиллерийский огонь; способность артподразделений и отдельных расчётов выполнить практически любую профильную задачу в быстро изменяющихся обстоятельствах — всё это результат огромной работы генерала Варенцова. Как бывший артиллерист, Конев высоко ценил своего заместителя по артиллерии и радовался тому, что теперь, в дни решающей битвы, он был рядом.

Чтобы облегчить задачу авангардов 13-й армии, которая должна была выполнить первоначальную задачу берлинского наступления 1-го Украинского фронта — прорвать оборону противника на всю её глубину — по предложению Варенцова при каждом стрелковом полку была создана пушечно-артиллерийская группа (ПАГ). К примеру, 117-му стрелковому полку 333-й дивизии был придан ПАГ, укомплектованный 142 орудиями и миномётами; 4-й гвардейский стрелковый полк 6-й гвардейской стрелковой дивизии — 182 орудия и миномёта. Кроме того, в 13-й армии сформировали сильную армейскую артиллерийскую группу в составе четырёх бригад и двух полков — всего 224 орудия.

Чтобы понять, какое значение имела хорошо поставленная работа артил-

лерии во время Берлинской наступательной операции фронта, приведу один пример.

На второй день наступления, 17 апреля, когда немцы пришли в себя и начали контратаковать, в полосе наступления 3-й гвардейской армии произошло следующее. 21-й гвардейский стрелковый корпус уткнулись в крупный узел сопротивления — город Зерген. Генерал Гордов тут же попросил помощи. Маршал Конев приказал Варенцову немедленно оказать помощь залегшему на подступах к Зергену 21-му гвардейскому корпусу. Тут же на угрожаемый участок было направлено пять бригад из состава 1-й гвардейской артиллерийской дивизии прорыва — 220 орудий и тяжёлых миномётов. Налёт, организованный Варенцовым, длился всего пять минут. Но это был удар такой интенсивности, такой огненный шквал, после которого пехота пошла ко второму рубежу обороны по крошке, по щебню, оставшемуся от зданий, и телам их защитников.

Войскам Конева противостояла 4-я танковая армия и многочисленные отдельные батальоны и отряды фольксштурма. 4-я танковая — старый противник Конева. С ней схватился он летом 43-го на южном участке Орловско-Курской дуги, затем дрался на Украине и в Силезии. И вот наступила последняя битва. В результате первого удара 4-я танковая армия была расчленена на три части. С этого момента они будут обороняться изолированно и постепенно истребляться до полного уничтожения. Часть солдат и офицеров сдалась в плен. В первый же день четыре дивизии, стоявшие в обороне вдоль Нейсе, были буквально стёрты, засыпаны в окопах, разбиты по окрестным лесам и балкам. Уцелевших стогнали в колонны и отправляли в тыл. Эта судьба постигла 342-ю, 545-ю пехотные, 615-ю особого назначения и моторизованную дивизию “Бранденбург”.

На второй день авангарды вышли к Шпрее. К исходу дня батальоны 3-й гвардейской армии на некоторых участках под огнём противника переправились на другой берег и захватили плацдармы.

На третий день битвы немцы, наконец, поняв маневр Конева, — направленный удар на охват Берлина с юга — бросили против него резервы. На второй и третьей линиях обороны наши наступающие части встретили шесть танковых, одну моторизованную и пять пехотных дивизий. Начались контратаки. Противник бросал в бой до шестидесяти танков и пехоты.

Во второй линии схватились во встречном бою танки, пока действовали бригады поддержки пехоты. Главную свою броневую силу — танковые армии Рыбалко и Лелюшенко — Конев пока придерживал во втором эшелоне. Но резервы всё же вводил: под рукой у него были несколько стрелковых и механизированных корпусов. Вот ими комфронта и маневрировал в самые тяжёлые часы сражения.

Вперёд! Вперёд! Нельзя было сбавлять темп наступления. Вперёд!

Он прекрасно чувствовал пульс сражения, чувствовал, как живую, материю битвы. Немцы выдыхаются. Уже слабее их контрудары. Пленные, которых приводили к нему из только что захваченных окопов и подбитых танков, выглядели отчаявшимися. Это были солдаты уже разбитой, побеждённой армии.

Штурмовые полки генерала Красовского рыскали над горящими лесами по передовой и в ближнем тылу противника, разыскивали колонны, в том числе танковые, бросались на них, как соколы на притаившихся лисы, рвали на куски, загоняли в болота и балки, жгли прямо на дорогах в организованных “пробках”. Погода стояла прекрасная. Авиация работала без устали. Истребители отгоняли немецкие “мессершмитты” и “фокке-вульфы”. Немцы к тому времени уже давно потеряли главенство в небе: над районом Берлина царили советские самолёты. Их присутствие над полем боя было постоянным. Самолёты помогали пехоте и танкам. Делали то, что не успевала или не могла сделать артиллерия генерала Варенцова.

17 апреля Конев и генералы Рыбалко и Лелюшенко стояли на высоком берегу Шпрее. Внизу танки 4-й гвардейской армии переправлялись через брод по мелководью. Чуть ниже начали переправу бригады одного из корпусов 3-й гвардейской танковой армии.

Наконец, настал черёд основных сил фронта — танковых армий. Они вводились в прорыв.

— Смелее вперёд, в оперативную глубину, — говорил Конев своим танковым командирам. — Не оглядывайтесь назад. Не ведите с противником боёв за их опорные пункты. Ни в коем случае не берите их в лоб, если обойти нельзя. Маневрируйте, берегите машины, они нам нужны будут для выполнения главной задачи.

Слово “Берлин” или, как тогда говорили в войсках, “логово” никто из них не произнёс ни разу. Но оно буквально гудело в их ушах колоколами.

Неподалёку от переправы в старом замке был оборудован передовой оперативный командный пункт. Работала связь. На столах были разложены карты. Операторы занимались своим привычным делом: полученные донесения тут же превращались в отметки на картах.

Конев приказал связаться с танкистами. Корпуса уже шли на запад от Шпрее и переправ. Пехотные командиры тоже сообщали о благополучном продвижении вперёд. Надо было докладывать Верховному.

ВЧ действовала бесперебойно. Сталин тут же ответил. Коротко доложил: войска наступают, танковые армии переправились через Шпрее и начали отрываться от общевойсковых и выдвигаются в оперативную глубину в северо-западном направлении...

Верховный вдруг прервал:

— А дела у Жукова идут пока трудно. До сих пор прорывает оборону.

Конев: “Сказав это, Сталин замолчал. Я тоже молчал и ждал, что будет дальше. Вдруг Сталин спросил:

— Нельзя ли, перебросив подвижные войска Жукова, пустить их через образовавшийся прорыв на участке вашего фронта на Берлин?”

Выслушав вопрос Сталина, я доложил своё мнение:

— Товарищ Сталин, это займёт много времени и внесёт большое замешательство. Перебрасывать в осуществлённый нами прорыв танковые войска 1-го Белорусского фронта нет необходимости. События у нас развиваются благоприятно, сил достаточно, и мы в состоянии повернуть обе наши танковые армии на Берлин”.

Маршал понял: вот он, его звёздный час! Пропускать через свои порядки ударные силы соседа... Зачем? Мы и сами с усами! Танковые армии свежие. На броне — порядочный запас горючего. Полный боекомплект в “чемоданах”. Так что — вперёд, орлы!

А орлы и впрямь летели вперёд почти без помех. Две общевойсковых армии на грузовиках, бронетранспортёрах, на гужевом транспорте и на броне танков и самоходок поддержки шли следом. Впереди был Берлин.

Верховный спросил, куда Конев думает повернуть свои ударные части? Конев тут же ответил:

— Ориентир — Цоссен. Двадцать километров южнее Берлина.

— Вы по какой карте докладываете?

— По двухсоттысячной.

Последовала пауза — Верховный искал на карте Цоссен. Вскоре ответил:

— Очень хорошо. Я согласен. Поверните танковые армии на Берлин.

Этот диалог я воспроизвёл по мемуарам маршал Конева. Некоторые историки, склонные к проповеди исключительной роли в Берлинской операции маршала Жукова как некой догмы, ставят под сомнение сам факт этого разговора либо его главный смысл. Вообще-то маршал Конев во лжи и неточностях такого рода не замечен. Книгу “Сорок пятый” Жуков прочитал внимательно. Говорят, возмущался. Но чем, неизвестно. Возмущался в кругу семьи. Может, домашние впоследствии не совсем точно передали его эмоциональную реакцию. Во всяком случае, нигде в печати Жуков ни сразу по прочтении, ни потом о мемуарных неточностях Конева не упомянул. В “Воспоминаниях и размышлениях” подтвердил точность памяти своего боевого товарища: “Существуют неверные предствления о том, что 3-я и 4-я гвардейские танковые армии были введены в сражение за Берлин якобы не решением И. В. Сталина, а по инициативе командующего 1-м Украинским фронтом. В целях восстановления истины приведу слова маршала И. С. Конева по этому вопросу,

сказанные им на сборе высшего командного состава центральной группы войск 18 февраля 1946 года, когда всё было ещё так свежо в памяти. “Когда около 24 часов 16 апреля я доложил, что дело наступления идёт успешно, товарищ Сталин дал следующее указание: “У Жукова идёт туго, поверните Рыбалко и Лелюшенко на Целендорф, помните, как договорились в Ставке”.

Поэтому маневр, который совершили Рыбалко и Лелюшенко, является прямым указанием товарища Сталина.

Следовательно, всякие измышления по этому вопросу должны быть исключены из нашей литературы”.

Письменные приказы командующие танковыми армиями получили уже в пути.

“Во исполнение приказа Верховного Главнокомандования приказываю командарму 3 гв. ТА:

1. В течение ночи с 17 на 18.4.45 г<ода> форсировать р. Шпрее и развивать стремительное наступление в общем направлении Фетшау, Гольсен, Барут, Тельтов, южн. Окраина Берлин.

Задача армии в ночь с 20 на 21.4.45 г<ода> ворваться в город Берлин с юга.

2. Командарму 4 гв. ТА в течение ночи с 17 на 18.4.45 г<ода> форсировать р. Шпрее севернее Шпремберг и развивать стремительное наступление в общем направлении Дребкау, Калау, Даме, Лукенвальде.

Задача армии к исходу 20.4.45 г<ода> овладеть районом Беелитц, Тройенбритцен, Лукенвальде.

В ночь с 20 на 21.4.45 г<ода> овладеть Потсдамом и юго-западной частью Берлина.

При повороте армии на Потсдам, район Тройенбритцен обеспечить 5 км. Вести разведку в направлении: Зенфтенберг, Финстервальде, Герцберг.

3. На главном направлении танковым кулаком смелее и решительнее пробиваться вперёд.

Города и крупные населённые пункты обходить и не ввязываться в тяжёлые фронтальные бои.

Требую твёрдо понять, что успех танковых армий зависит от смелого маневра и стремительности в действиях.

Пункт 3 приказа довести до сознания командиров корпусов, бригад”.

В ночь с 17 на 18 апреля танковые армии 1-го Украинского фронта произвели свой “дворот” на Берлин.

Конев: “Я верил в успех этого маневра”.

И успех был. Коневцы едва ли не раньше передовых частей 1-го Белорусского фронта ворвались в Берлин.

Но вначале был марш танковых колонн на север.

Вечером 20 апреля Конев отдал очередной приказ своим танковым командирам: “Войска маршала Жукова в 10 км от восточной окраины Берлина. Приказываю обязательно сегодня ночью ворваться в Берлин первыми.

Исполнение донести.

Конев. Крайнюков”.

Приказ этот на военный не похож ни с какой стороны. Он и не мог быть таковым.

Почти в эти же часы севернее другой маршал писал подобный приказ своим танковым генералам: “2-й гвардейской танковой армии поручается историческая задача: первой ворваться в Берлин и водрузить знамя Победы. Мною Вам поручено исполнение.

Пошлите от каждого корпуса по одной лучшей бригаде в Берлин и поставьте им задачу: не позднее 4 часов утра 21 апреля любой ценой прорваться на окраину Берлина и не медля донести для доклада т. Сталину и объявления в прессе.

Жуков. Телегин”.

Что ж, всё верно, в Берлине маршалы решали уже не военные, а исторические задачи. Но солдатам суждено было умирать и за это. Чьи-то семьи не дождалась сына, брата, мужа, отца...

Кто думал об этом, когда решалась судьба Европы и всего мира? Чья-то маленькая жизнь, растерзанная пулемётной очередью на берлинских камнях... Солдаты лучших бригад перепрыгивали через тела своих товарищей и шли дальше, неся в глубину горящего города зачехленные знамена победы. Судьба же осенит только одно.

У нас есть возможность сравнить оба исторических приказа маршалов. У Конева более строгий, наиболее приближенный к обычному стилю военных документов. У Жукова более пафосный.

И тот, и другой уже тогда, ночью с 20-го на 21-е, когда их танки почти одновременно достигли внешнего Берлинского оборонительного обвода, почувствовали, что сияющая тень Победы легла на их плечи и их наступающие войска.

Но пока ещё и тот, и другой продвигались вперёд с трудом. Жуков лез напролом через Зееловские высоты. Конев вынужден был вести напряжённые бои сразу с тремя группировками немцев. На севере продолжались бои в районе Котбуса. На юге, на дрезденском направлении, противник контраковал, и даже был момент, когда его танки с пехотой вышли на тылы 52-й армии генерала Коротеева и потеснили порядки 2-й армии Войска Польского. Конев тут же направил туда начальника штаба генерала Петрова. Положение вскоре выправили. В центре добивали остатки группировки, пытавшейся удержаться в районе Шпремберга. Бои с центральной группировкой задержали продвижение танковых армий на Берлин почти на сутки. Для 1-го Украинского фронта и лично для Конева эти сутки оказались роковыми.

Всячески подстёгивая генерала Рыбалко, Конев 20 апреля во второй половине дня направляет ему боевое распоряжение: “Опять двигаешься кишкой. Одна бригада дерётся — вся армия стоит. Приказываю: рубеж Барут, Лукенвальде через болото переходить по нескольким маршрутам развёрнутым боевым порядком. Смелее маневр по преодолению рубежа Барут. Исполнение донести”.

Каналы. Взорванные мосты. Противотанковые орудия и одиночные танки в засадах вдоль дорог. Зенитки, поставленные на прямую наводку. Минные поля. Фаустники, бьющие в упор из каждого полуподвального окна. Всё это, конечно же, замедляло движение. Вдобавок ко всему резервы, перебрасываемые противником уже из самого Берлина, тут же бросались в контратаку.

Конев постоянно торопил свои авангарды: смелее маневр! Энергичнее действовать!

22 апреля танки Рыбалко ускорили темп своего продвижения. Выведенный из второго эшелона 9-й механизированный корпус генерала Сухова стремительно вырвался вперёд, перерезал круговую Берлинскую автостраду и на широком фронте вышел к Тельтов-каналу. Это был уже по существу юго-запад Берлина. Попытка с ходу форсировать канал не удалась. Но вскоре корпус усилили 61-й стрелковой дивизией 28-й армии. И утром 24 апреля танки и пехота с боем перелезли через канал, прорвали оборону по его периметру и вклинились в юго-западные кварталы Берлина. 25 апреля генерал Рыбалко докладывал Коневу: “Войска армии, форсировав канал Тельтов, развернулись на фронте 10 км, охватывая Берлин с юго-запада, там, где противник менее всего ожидал наше наступление и менее всего был подготовлен к обороне. Выходом во фланг обороне противника в Штеглиц была решена участь этого района”.

Этим маневром войска Конева блокировали 9-ю армию, которая стремилась прорваться в Берлин и усилить гарнизон. В бой были брошены остальные дивизии 28-й армии генерала Лучинского.

Дивизии 28-й армии были истрепаны боями под Кенигсбергом. В полках едва насчитывалось по батальону активных штыков. Но, как говорят, за одного битого двух небитых дают. Лучинский развернул свои части фронтом на восток, чтобы прикрыть берлинское и цоссенское направления и не пустить 9-ю армию на усиление гарнизона.

23 апреля наступило временное затишье. Войска проводили перегруппировку. Отдыхали после длительного марша. Танковые корпуса и бригады получали пехотный десант, так как двигаться в глубину города по узким улоч-

кам, где за каждым углом, в каждой щели и полуподвале сидел фаустник, было нельзя.

Командиры подсчитывали потери.

С 10 по 20 апреля армии 1-го Украинского фронта, включая 6-ю, которая по-прежнему удерживала периметр вокруг города-крепости Бреслау, составили:

убитыми — 6024 человека;

ранеными — 25 204 человека;

пропавшими без вести — 310 человек;

заболело (с эвакуацией в госпиталь) — 2442 человека;

небоевые потери — 467 человек.

Итого: 34 447 человек.

Потери бронетехники в начальный период Берлинской операции составили: 179 танков и 85 САУ всех типов.

Для сравнения стоит заглянуть в статистические подсчёты потерь 1-го Белорусского фронта. Только одна 8-я гвардейская армия генерала Чуйкова — героя штурма Берлина — потеряла около 13 000 человек убитыми и ранеными. С 16 по 22 апреля потеряно сгоревшими, подбитыми и вышедшими из строя по другим причинам 1 156 танков и САУ.

Дорого маршал Жуков оплатил преодоление Зееловских высот и “позицию Вотан”!

24 апреля 12-я армия генерала Венка, на которого Гитлер, запертый в подземном бункере рейхсканцелярии, возлагал последние надежды, атаковала. Её удар пришёлся на позиции 5-го гвардейского механизированного корпуса генерала Ермакова и 13-й армии. Отчаянные атаки прорывающихся в центр города немцев были отбиты.

В полдень 24 апреля авангарды 4-й гвардейской танковой армии и пехота 28-й армии встретились с частями 8-й гвардейской армии 1-го Белорусского фронта.

Конев вздохнул с облегчением: 9-я армия Буссе полностью блокирована от берлинской группировки, и теперь её оставалось дожать в полной изоляции. Для того, чтобы с окружёнными покончить как можно быстрее, Конев дал поручение генералу Варенцову помочь Лучинскому и Сухову тяжёлой артиллерией. Здесь, на земле заклётого врага, который до самой Москвы разрушил города и выжег деревни его родины, тяжёлых снарядов для артиллерии большой мощности он приказал не жалеть. Но вначале обработать наглухо замкнутый котёл он приказал командиру штурмового авиационного корпуса генералу Рязанову. Рязанова Конев знал давно, ещё по Степному фронту.

Все эти дни Конев находился на КП командующего 13-й армией генерала Пухова.

Генерал Жадов, командир 5-й гвардейской армии, доложил: его корпуса, 34-й и 32-й и танки 4-го гвардейского корпуса Полубоярова достигли Эльбы. Ждут союзников.

Лелюшенко вскоре доложил о том, что 6-й механизированным корпусом форсировал Хавель юго-восточнее Потсдама и соединился с частями 328-й стрелковой дивизии 47-й армии генерала Перхоровича из 1-го Белорусского фронта.

Всё, Берлин охвачен. Оставалось одно — заканчивать войну, и как можно скорее. А для этого необходимо добить берлинскую группировку. Потому что сдаваться немцы не хотят.

В полночь доложил Глуздовский: снова просил разрешения на штурм Бреслау. Его армия была гораздо меньше группировки, окружённой в городе. Правда, у 6-й, к счастью, было достаточно артиллерии. А также некоторое количество танков и самоходок, которыми Глуздовский постоянно маневрировал, создавая видимость, что, в случае попытки прорыва противника за стенами ждёт гибель. Танков немцы боялись. Но ультиматум о сдаче снова отвергли. Атаку, о которой вот уже несколько дней подряд настойчиво запрашивал командарм-6, Конев не разрешил.

Бои на улицах Берлина требовали особой тактики.

Конев: “Жестокая борьба, в которой один штурм сменялся другим, требовала от нас создания специальной боевой организации — штурмовых отрядов. В каждый такой отряд во время боёв за Берлин входило от взвода до роты пехоты, три-четыре танка, две-три самоходки, две-три установки тяжёлой реактивной артиллерии, группа сапёров с мощными подрывными средствами (а они, надо сказать, играли во время боёв в Берлине особенно большую роль) и несколько орудий артиллерии сопровождения для работы прямой наводкой — 85- и 122-миллиметровые пушки, а также 152- и 203-миллиметровые пушки-гаубицы.

Чем дальше, тем всё крепче и органичнее соединяли мы танкистов с пехотой. Танк в условиях городских боёв поставлен в трудное положение. У него ограниченная видимость, особенно на узких улицах, в густонаселённых кварталах. А пехота видит шире, и во многих случаях она выручала танкистов. При всём мужестве, танкисты сами по себе не в состоянии были добиться решительного успеха в уличных боях”.

25 апреля в Берлине шли уличные бои. Они отличались особой жестокостью и особым упорством. Очень часто схватки перерастали в рукопашные. 8-я гвардейская армия Чуйкова прорвалась в юго-восточную часть центра города. 3-я гвардейская Рыбалко штурмовала кварталы Мариендорфа. Усиленные десантом стрелковых дивизий Лучинского, танковые бригады Рыбалко продвигались навстречу 2-й танковой армии генерала Богданова 1-го Белорусского фронта.

В этот и последующие дни встречи войск соседних фронтов происходили часто. Армии, корпуса, дивизии, полки и батальоны фронтов шли бок о бок, иногда перемешивались. Чаще они помогали друг другу, но иногда и лупили по своим.

К сожалению, командующие фронтами и их штабы вовремя не смогли предусмотреть такой вариант действий. Верховный, понимая, что “соревнование” маршалов и их войск может привести к тяжёлым последствиям в финальной битве, принял решение, наконец, определить разграничительную линию:

“Директива Ставки ВГК № 11077 командующим войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов об изменении разграничительной линии 28 апреля 1945 г. 21.20

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает: 1. С 24.00 28.04.1945 г. установить следующую разграничительную линию в Берлине между 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами: до Мариендорфа — прежняя, затем ст. Темпельхоф, Виктор-Луизе плац, ст. Савиньи, далее по железной дороге на ст. Шарлоттенбург, ст. Весткройц, ст. Рулебен (все пункты для 1-го Украинского фронта включительно). 2. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. Сталин
А. Антонов”.

Как жаль было танкистам Рыбалко поворачивать от Тиргартена и сдавать свои позиции частям 1-го Белорусского фронта, когда до Рейхстага оставалось всего ничего — несколько сот метров.

Конев: “Каждый, кто воевал, поймёт, как психологически трудно было Павлу Семёновичу выводить своих танкистов за установленную линию.

И в самом деле: они первыми вошли в прорыв, первыми повернули к Берлину, захватили Цоссен, форсировали Тельтов-канал, с окраин Берлина после жесточайших и кровопролитных боёв прорвались к его центру и вдруг в разгаре последней битвы получили приказ сдать свой участок соседу. Легко ли пережить это?

Конечно, приказ есть приказ, и его, разумеется, необходимо безоговорочно выполнить. Он и был выполнен, но далось это нелегко”.

Спустя многие годы после битвы за Берлин маршал признается: “Войска 1-го Белорусского фронта к этому моменту уже не нуждались ни в чём содействии для выполнения поставленных задач”. Солдат в нём уже уступал

позиции дипломату. Понял: не судьба. И смирился. Побед и орденов ему хватало. Но в его признании — о, как он ценил подтекст! — сквозит: но был момент, когда Жуков очень даже нуждался в содействии соседа слева в выполнении поставленных задач. Детальные исследования Берлинской операции подтверждают: 1-й Белорусский фронт действительно неудачно начал операцию и замешкался на исходных, имел большие потери в живой силе и технике, кратковременная — всего 30 минут — артподготовка обернулась сверхусилиями и сверхпотерями для пехоты и танковых частей. И помощь 1-го Украинского фронта во многом решила исход всего сражения за Берлин.

Когда войска 1-го Белорусского фронта прорвались через Зееловские высоты, миновали линию внешних обводов и начали успешно углубляться в городские кварталы, нужды в помощи не стало. Тут Жуков начал нервничать, забрасывать Ставку телексами с требованием отвести войска соседа слева и *не мешать ему брать Берлин*. Что ж, всё верно, на его месте точно так же поступил бы любой другой маршал. Правда, прибегая к сослагательному наклонению, надо иметь в виду, что на его месте мог быть только тот, кого хотел видеть Маршалом Победы Верховный.

Война превращается в политику очень скоро. А для солдата — незаметно. Он ещё воюет, рискует жизнью, идёт в атаку на последний рубеж, а в спину ему глядят уже другие глаза — того, кто будет отдавать ему приказ...

25 апреля произошло ещё одно событие, которое история тоже поставило в ряд символов Второй мировой, — встреча с союзными войсками на реке Эльбе.

34-й гвардейский корпус генерала Бакланова встретил вышедшие на западный берег американские войска.

Позже состоялась торжественная встреча. Но пока войскам Конева необходимо было покончить с франкфуртско-губенской группировкой противника.

9-я армия генерала Буссе. Двести тысяч солдат и офицеров. Они пытались прорваться и соединиться с 12-й армией Венка. Немцы дрались до последнего. Погибали на ступеньках рейхсканцелярии и Рейхстага. Затем, когда всё уже начало рушиться, оборона рвалась и распадалась, самые упорные решили уйти из осаждённого города, чтобы сдать союзникам или раствориться в западных предместьях Берлина. И снова армии Конева начали испытывать давление немцев. Он выполнил и эту задачу: группировка генерала Вейдлинга так и не вышла из “логова”. Просочиться через боевые порядки наших войск удалось лишь мелким группам и одиночкам. Удача всегда сопутствует самым отчаянным и храбрым.

Бои в Берлине продолжались с той же ожесточенностью ещё несколько дней. Город сокрушали три армии 1-го Белорусского и две 1-го Украинского фронтов.

Глава тридцать четвертая

ПРАГА. ПОСЛЕДНИЕ ЗАЛПЫ

*“Исключительно маневренное
руководство войсками...”*

28 апреля Сталин позвонил Коневу и спросил:

— Как вы думаете, кто будет брать Прагу?

Конева застал этот вопрос врасплох. Но маршал тут же всё понял и ответил:

— Исходя из положения основных группировок и конфигурации фронта, Прагу, товарищ Сталин, видимо, придётся брать войскам Первого Украинского.

Конев чувствовал свои силы, знал, что войска фронта способны выполнить и этот маневр.

Через несколько дней командующий берлинским гарнизоном генерал Вейдлинг, характеризуя действия советских войск, на допросе скажет: “Исключительно маневренное руководство войсками...”

Коневу пришлось маневрировать в эти жаркие дни и ночи берлинского сражения особенно энергично и широко. Такой задачи, с несколькими неизвестными (контрудары со стороны внешнего обвода и изнутри, а также ввод в бой резервных армий), не решал в эти дни, пожалуй, ни один из командующих фронтами. Вначале — успешный прорыв за артиллерийским валом, потом — свёртывание флангов 4-й танковой армии противника, затем — ввод танковых армий, как тогда говорили, “в игольное ушко”, и выход их на оперативный простор с “поворотом” на север, к Берлину, чтобы помочь замешкавшимся перед внешним обводом войскам соседа справа; рассечение немецкой группировки на три части с последующим уничтожением их; охват Берлина с юга и юго-запада и соединение с войсками 1-го Белорусского фронта. Эпопея!

И теперь предстояло схватиться с группировкой генерала Шернера, стоявшей против войск 2-го и 4-го Украинских фронтов.

Штаб фронта под руководством генерала Петрова тут же приступил к разработке пражской операции.

1 мая из штаба 1-го Белорусского фронта пришло известие: Гитлер покончил с собой. В своих мемуарах Конев об этом написал так: “Прошел слух об исчезновении Гитлера и его самоубийстве. До нас эти сведения дошли 1 мая из информации, полученной от 1-го Белорусского фронта”.

“Исчезновение”, а потом “самоубийство”... Есть над чем задуматься.

Далее Конев пишет: “Преемники Гитлера направили для переговоров в войска 1-го Белорусского фронта начальника штаба сухопутных войск генерала Кребса. Все вопросы, связанные с переговорами, прекращением военных действий в Берлине и последующей капитуляцией немецко-фашистских войск, по указанию Ставки решались командующим 1-м Белорусским фронтом Маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым. Командование и штаб 1-го Украинского фронта в проведении и завершении этих переговоров не участвовали, а только получали о них необходимую информацию. Хотя переговоры начались, тем не менее продолжались ожесточенные бои.

В полосе 1-го Украинского фронта армии Рыбалко и Лучинского в течение всего 1 мая очищали от противника районы Вильмерсдорфа и Халензее и заняли за этот день девяносто кварталов. 10-й гвардейский танковый корпус армии Лелюшенко и 350-я дивизия армии Пухова покончили с вражеской группировкой на острове Ванзее. Шесть тысяч неприятельских солдат и офицеров, переправившихся в ночь на 1 мая с острова на материк, были по частям уничтожены или пленены в расположении различных частей армии Лелюшенко”.

И снова в подтексте: мы так храбро сражались, в том числе и в берлинских кварталах, а представителя нашего фронта в штабе Жукова во время переговоров о капитуляции берлинского гарнизона не было, так что свои дальнейшие действия мы должны были согласовывать с той текущей информацией, которая поступала из штаба 1-го Белорусского фронта... И ещё можно прочесть в подтексте мемуаров: штаб Жукова принимал парламентариев и вёл разговоры о капитуляции, а мы в это время дрались, чтобы немецкая сторона в этих переговорах была более стоворчивой и расторопной в своём решении о сложении оружия...

Переговоры не принесли желаемых результатов. Немцы продолжили кровопролитие. Войска фронтов снова двинулись навстречу друг другу. В ночь на 2 мая в районе станции Савиньи танки генерала Рыбалко с пехотой сопровождения 28-й армии генерала Лучинского соединились с частями 2-й гвардейской танковой армии генерала Богданова 1-го Белорусского фронта. Одновременно, в ту же ночь, была проведена мощнейшая артподготовка по позициям немецкой обороны. Генерал Варенцов ввёл в дело орудия большой мощности. Они пробивали полутораметровые стены домов, разрушали всё, что в эту ночь оказалось на пути наших войск, действовавших в Берлине.

И немцы не выдержали. Они ждали атаки. И поспешили предупредить её.

Конев: “2 мая в два часа пятьдесят минут по московскому времени радиостанция 79-й гвардейской дивизии 8-й гвардейской армии 1-го Белорусского фронта приняла радиограмму от немцев на русском языке: “Алло, алло, говорит пятьдесят шестой танковый корпус. Просим прекратить огонь. К 12 часам 50 минутам ночи по берлинскому времени высылаем парламентарёв на Потсдамский мост. Опознавательный знак: белый флаг на фоне красного цвета. Ждём ответа”.

На рассвете началась массовая капитуляция вражеских войск, а в шесть часов утра 2 мая перешёл линию фронта и сдался в плен командующий обороной Берлина генерал Вейдлинг”.

Вот и всё. Берлин взят. Война завершена. Штабы уже писали представления на Золотые Звёзды, на ордена и медали. Не обойдён был наградами и маршал Конев.

Но та разграничительная линия, которую так загадочно, в несколько приёмов, проводил Верховный, нарезая полосу наступления для фронтов, глубоко, до самого сердца, прорезала и судьбы маршалов.

А войска 1-го Украинского фронта, как ту лошадку, которая везёт, ждал ещё один маневр.

Прага.

Пред тем как бросить войска на юг, Конев отправил в Ставку последнее донесение с берлинских позиций: “Войска фронта сегодня, 2 мая 1945 года, после девятидневных уличных боёв, полностью овладели юго-западными и центральными районами города Берлин (в пределах установленной для фронта разграничительной линии) и совместно с войсками Первого Белорусского фронта овладели городом Берлин”.

В этот же день коневцы начали сдавать свои участки войскам 1-го Белорусского фронта и выдвигаться к южным дорогам. Теперь все их дороги лежали в сторону чехословацкой границы.

Войска уже пошли. А у Конева 5 мая 1945 года произошла важная встреча, которая и в его личной судьбе, и в судьбе страны будет иметь некоторые последствия.

Встреча произошла на его командном пункте в сорока километрах северо-восточнее Торгау. Командующий 12-й армейской группой генерал Бредли прибыл в сопровождении офицеров своего штаба и полевых генералов, а также большой свиты репортёров. Такого ни Конев, ни его офицеры ещё не видели. Перед ними развёртывалась картина в стиле Запада.

Конев тоже оказался не в одиночестве. Но лишних людей не было. Командарм-5 генерал Жадов, командир 34-го гвардейского стрелкового корпуса генерал Бакланов, офицеры штаба. Были и корреспонденты центральных и армейских газет. Приехал Константин Симонов. Но компания пишущей и фотографирующей братии с нашей стороны выглядела куда скромнее.

После войны маршал заметит, что “мы с Бредли были не дипломатами, а солдатами...” Быть может, именно поэтому и та встреча близ реки Эльбы, и другая, которая состоится вскоре, в качестве ответного визита, оказались такими тёплыми и почти трогательными.

Разговаривали о последних событиях в Берлине. О дислокации своих войск. Бредли достал свою карту с нанесёнными на неё отметками о положении его главных группировок. Условенная линия выхода войск обеих союзных сторон была соблюдена. Бредли вдруг спросил:

— Как вы намерены брать Прагу? — И, не дожидаясь ответа, и словно поясняя мотив своего вопроса, который собеседнику мог показаться неожиданным, добавил: — Ваши танковые и пехотные части измотаны и, видимо, имеют серьёзные потери. Не следует ли пражскую операцию провести совместно?

— Сил у нас вполне достаточно, — ответил Конев через переводчика. — Необходимости в такой помощи нет. Тем более, вы должны понимать, что любое продвижение американских войск дальше к востоку от ранее обозначенной демаркационной линии может внести только путаницу, вызвать перемешивание войск. А это нежелательно.

— Да, — сказал Бредли, — подчинённые мне войска и впредь будут соблюдать установленную ранее линию соприкосновения.

Они поняли друг друга.

Потом поговорили о чём-то незначительном. И Бредли снова спросил:

— Как вы намерены брать Прагу? Там ведь Шернер.

Конев не собирался обсуждать план пражской операции даже в общих чертах. Понял, что американцам, видимо, тоже хочется войти в Прагу. Ищут лазейку? Конев отшутился. Больше на эту тему не заговаривали.

Начались тосты. Среди прочих слов, Конев выразил соболезнование по поводу кончины американского президента Франклина Рузвельта.

В ответном слове Бредли сказал о мужестве солдат и офицеров 1-го Украинского фронта, примеру которых следуют американские солдаты, офицеры и генералы.

Последующие тосты, а их оказалось много, были переведены в неофициальное русло. А потом вино потекло рекой. Омар Бредли потом вспоминал: “Русские офицеры встретили нас шумно и весело. Русская водка и тосты за победу...”.

После обеда — концерт. Выступал ансамбль песни и пляски 1-го Украинского фронта. Он был создан ещё в 43-м, в Киеве, тогда только что освобождённом, замечательной балериной и балетмейстером Лидией Чернышёвой. Ансамбль исполнил гимн Соединённых Штатов. Американцев это растрогало. Они встали и начали подпевать. Потом был исполнен гимн Советского Союза. Теперь громче пели “славяне”. Публика ликовала, когда артисты пустились на сцене в русский перепляс и украинский гопак. Артисты были в ударе. Концерт получился на славу.

Бредли наклонился к Коневу и сказал:

— Какой великолепный ансамбль! Откуда они здесь, на фронте?

— Все артисты — это наши солдаты, — ответил Конев. — Все они прошли с войсками путь от Днепра до Эльбы.

Состав ансамбля действительно на девяносто процентов состоял из военнослужащих 1-го Украинского фронта. Но Бредли не поверил. Выслушал перевод, усмехнулся, но ничего не сказал.

После концерта Бредли от имени Президента США вручил Коневу орден “Легион Почёта” степени Командующего. Поздравил и обнял. Конев вручил американцу красное знамя — символ дружбы. Бредли подарок принял. Но, видимо, не знал, что с ним делать.

Подарки продолжались.

Бредли подарил Коневу “виллис” с надписью: “Командующему Первой Украинской группы армий от солдат американских войск 12-й группы армий”. Кстати, маршал его сохранит: “виллис” будет долго стоять в гараже на даче. Конев на нём не ездил. Машина стояла, пока не подросла младшая дочь Наташа. Она быстро освоила импортную машину и лихо гоняла на ней по дачному посёлку.

Конев подарил Бредли своего строевого коня. Вот этому подарку американский генерал обрадовался.

Конь был дорог Коневу. Завёл он его ещё в 43-м, на Степном фронте. Выезжал редко: болело колено после давней травмы.

Конев: “Это был красивый, хорошо выезженный донской жеребец. Я подарил его со всей экипировкой...”

Бредли расчувствовался, польщённый таким роскошным подарком, и вручил Коневу карабин “Манлихер”.

С карабином Конев после войны будет частенько выезжать на охоту.

Конев подарил Бредли пистолет, украшенный резьбой.

Во время ответного визита в Висбадене Конев вручил генералу Бредли орден Суворова 1-й степени.

О русском полководце, не знавшем поражений, Александре Васильевиче Суворове американец ничего не слышал. Конев рассказал о Суворове. Упомянул и том, что орден Суворова — высший полководческий орден в Красной Армии. Рассказывая о своём славном соотечественнике, Конев особо остановился на швейцарском походе и итальянской кампании.

После обеда — концерт. На этот раз русский маршал и американский генерал слушали скрипачей. Играли они превосходно. Оба были одеты в форму солдат американской армии. Но маршал, старый солдат, сразу заметил, что форма на них сидит как-то мешковато.

Восхищаясь игрой скрипачей, он спросил:

— Кто они? Так прекрасно играют!

— Ничего особенного, — ответил Бредли и усмехнулся. — Они — простые американские солдаты.

Бредли был убеждён, что вернул своему русскому коллеге его шутку.

О войне и войсках больше не говорили. О Праге тоже.

Конев внимательно присматривался к американцу. Думал: неужели он будет моим врагом на поле боя? В штабах ходили разные разговоры. Вспомнил: американские солдаты очень любили своего генерала и называли его “генерал джи-ай” — “солдатский генерал”. Нечто подобное от своих солдат и офицеров он слышал о себе.

Конев в этой поездке поразило вот что. От Лейпцига до Касселя летели на личном самолёте командующего 12-й армейской группой. Их “СИ-47” сопровождали истребители ВВС США. Две эскадрильи. Хотя для сопровождения достаточно было и одной. Вышколенные пилоты мастерски перестраивались в воздухе, демонстрируя высший класс пилотажа. Когда “СИ-47” приземлился и его пассажиры вышли на газон аэродрома, обе эскадрильи эффектно, на разных высотах, ушли за горизонт.

Говорят, английский премьер Уинстон Черчилль в эти дни настаивал перед американцами на авиационном ударе по передовым частям Красной Армии. Атака должна была состояться именно в этот период, когда советские войска только-только захватили Берлин и готовились к походу на Прагу. Американцы, всё ещё верные заветам Рузвельта, не разделяли агрессивности англичан и старались придерживаться союзнических обязательств.

Но атмосфера уже менялась.

В нынешней прессе нет-нет да и появляются публикации о том, что в начале мая 45-го над линией соприкосновения порой возникали воздушные схватки советских и американских истребителей. Иван Кожедуб сбил двух “мустангов”, когда один из них по ошибке открыл по его машине заградительный огонь. Один из сбитых пилотов выбросился с парашютом. Самолёт другого, к сожалению, взорвался в воздухе, лётчик погиб.

Уже когда вернулись в штаб, водитель обнаружил, что багажник “виллиса” битком набит американскими сигаретами. Это было кстати — Конев много курил. Американские сигареты были, конечно, послабей “Герцеговины флор”, но ничего, годились и они. Большую часть он всё же сразу раздал офицерам и солдатам.

Подарки подарками, а в голове, как старая контузия, гудело: “Прага...”

Тем временем в Чехословакии войска трёх Украинских фронтов зажали в клещи почти полуторамиллионную группировку генерал-фельдмаршала Шернера. Для сравнения: заблокированная и пленённая союзными армиями в Рурском промышленном районе немецкая группировка насчитывала 325 000 человек. О ней принято писать как о масштабной и весьма удачной операции союзнических войск во Второй мировой войне. О Пражской же операции обычно говорят, как о марше армий 1-го Украинского фронта по шоссейным дорогам в сторону столицы Чехословакии...

На некоторых участках глубина обороны противника составляла восемнадцать и более километров.

Для того чтобы с ходу пробить эту стену, Конев создал ударную группировку, в которую вошли три общевойсковых армии и две танковые. Лучшие части.

По пути к Праге разделили немецкую группировку, которая всё ещё сидела в Дрездене и прилегающем районе. Об этом — в следующей главе.

Пражский маневр был выполнен Коневым блестяще.

Но в самой Пражской наступательной операции есть некая тайна, которая открывается очень медленно.

Танки генералов Рыбалко и Лелюшенко неслись к столице Чехословакии, “золотой” Праге, на всех скоростях. Десять танковых корпусов — тысяча шестьсот боевых машин — сотрясали землю, крошили покрытие дорог, сокрушали оборону, которая вставала на пути, оставляя в тылу немецкие гарнизоны, которые находились в стороне от главных дорог. Они были заботой вторых эшелонов.

Кейтель подписал капитуляцию. Произошло это в штабе верховного главнокомандующего экспедиционными силами союзников в Западной Европе генерала армии Эйзенхауэра. Подписав акт о капитуляции Германии, Кейтель направил соответствующий приказ генерал-фельдмаршалу Шернеру в группу армий “Центр”. Но Шернер приказа не выполнил и оружие не сложил.

Бои продолжались. Немцы начали отходить на запад, к союзникам. “Не дай Бог попасть в плен к русским!” — сказал один немецкий генерал. Он выразил чувства всех остальных.

8 мая на рассвете танки 5-го гвардейского механизированного корпуса генерала Ермакова (4-я гвардейская танковая армия) застigli на дороге близ Жатеца колонну немецких машин и бронетехники. С ходу её уничтожили и двинулись дальше. Это был штаб фельдмаршала Шернера. Танкисты этого даже не знали. Только спустя некоторое время выяснилось, что они, в сущности, решили судьбу группировки и исход боёв. Управление окружёнными войсками прекратилось. Сам Шернер, оставшись без штаба, переделся в штатское и ушёл в горы.

9 мая, когда все праздновали Победу, танки Конева подошли к Праге. Там, как ему доложили, всюду бушевало восстание.

Конев, очень осторожный в высказываниях и оценках, однако, зашифровал в подтексте нечто, что нужно читать через особую линзу: “У восставших были свои особенности и противоречия; в нём участвовали различные социальные силы. Восстание усугубило и без того критическое положение немцев в Чехословакии. (...) Весь этот сложный узел был разрублен нашими танкистами, ворвавшимися в три часа утра 9 мая на улицы Праги”.

Толстой однажды сказал: “Ясность — удовольствие ума”. Мемуары маршала Конева ясны и потому хороши. Но, конечно же, всю правду бывший командующий войсками 1-го Украинского фронта написать не мог. Но намеркнул. Все страницы мемуарной книги “Сорок пятый” написаны с солдатской прямотой и ясностью. Но в главе о Пражской наступательной операции целый абзац, касающийся пражского восстания, этой привычной для автора ясности начисто лишён.

Всё дело в том, что до танков Рыбалко и Лелюшенко в Прагу, по просьбе восставших, вошла 1-я дивизия РОА полковника Буняченко. Она вступила в бой с подразделениями СС, которые уже дожимали восставших чехов. Русские батальоны заняли пражские кварталы Зличин, Петршин, Рузыне, а также аэродром, где ими были захвачены несколько самолётов. Шли бои в Страшницах, Панкраце.

6 мая Буняченко ввёл свои полки в Прагу, а уже 7-го числа на заседании Временного чешского правительства, когда стало известно, что к городу приближаются советские войска, настроение восставших резко изменилось. Генералу Буняченко, пришедшему на переговоры с правительством новой Чехословакии, сказали: “Зачем вы пришли в Прагу? Штаб восстания — это не чешский народ... Уходите. Вы для нас такие же враги, как и немцы”.

Дивизия русских коллаборационистов, которых в народе обычно называют более понятным словом — предатели родины, вынуждена была покинуть Прагу. И в город снова начали входить части СС генерала Туссена. Но — ненадолго. Уже 8 мая 1945 года генерал Туссен подписал капитуляцию перед войсками 1-го Украинского фронта.

Прага встречала Красную Армию.

Стояла весна. Вовсю цвела сирень. И букетами свежей сирени восторженные пражане буквально заваливали солдат и офицеров 1-го Украинского фронта.

Чехи, конечно же, праздновали свою победу. В это время они начали массовое изгнание со своих земель судетских и силезских немцев. Всё это со-

провождалось мародёрством, насилием, унижением человеческого достоинства и убийствами. Как всегда, в таких случаях страдают ни в чём не повинные и совершенно незащитные люди. Такова человеческая природа.

Вот строки из политдонесения политотдела 4-й танковой армии начальнику Политуправления 1-го Украинского фронта генерал-майору Яшечкину от 18 мая 1945 года “Об отношении чехословацкого населения к немцам”:
“За время пребывания в Чехословакии бойцы и офицеры наших частей были неоднократно очевидцами того, как местное население свою злобу и ненависть к немцам выражало в самых разнообразных, подчас довольно странных, необычных для нас формах. Всё это объясняется огромной злобой и жаждой мести, которую питает чехословацкий народ к немцам за все совершенные ими преступления. Злоба и ненависть к немцам настолько велики, что нередко нашим офицерам и бойцам приходится сдерживать чехословацкое население от самочинных расправ над гитлеровцами”.

После войны в ФРГ была создана Научная комиссия Федерального Собрания Правительства ФРГ по сбору материалов о геноциде немцев в 1945 и 1946 годах со стороны местного населения Польши, Чехословакии, СССР в так называемых “районах изгнания”. В документах Комиссии среди прочих есть свидетельские показания Вильгельма Миттага, высленного из Судетской области. Миттаг работал вместе с немецкими военнопленными, многие из которых тоже были судетскими немцами. Вот запись его наблюдения за нравами чехов: “Один пленный достал из посеребрённого портсигара сигарету. С дороги это увидел чех, подскочил к военнопленному, отобрал у него портсигар, кулаком несколько раз ударил его по лицу и обругал пленного. Русский часовой заметил это, подошёл с автоматом наперевес к чеху и заставил его вернуть портсигар пленному. Потом он дал чеху пинка ногой и сказал: “Это — немецкий солдат, а ты — скотина!”

“Славяне”, конечно же, не были святыми. И Конев это отлично знал. А потому перед вступлением на немецкие земли 27 января 1945 года издал приказ, повторив приказ Верховного, постушивший в штаб фронта неделей раньше, который назывался “О поведении на территории Германии”. Приказ гласил: “Офицеры и красноармейцы! Мы идём в страну противника. Каждый должен хранить самообладание, каждый должен быть храбрым... Оставшееся население на завоёванных областях, независимо от того, немец ли, чех ли, поляк ли, не должно подвергаться насилию. Виновные будут наказаны по законам военного времени. На завоёванной территории не позволяются половые связи с женским полом. За насилие и изнасилования виновные будут расстреляны”.

Что и говорить, приказ в войска пришёл нерадостный. В ротах и частях его зачитали в дни окончания жестоких боёв в Силезии, когда офицеры уже посматривали в бинокли в сторону немецких городов.

Командующий фронта был человеком конкретным. Знал, что заразу, которая начала разлагать войска, надо выжигать калёным железом. В приказе говорилось, в частности, о том, что в ходе проверки, проведённой в одной из танковых частей, выявлены танки, забитые награбленным барахлом до такой степени, что в них не оставалось места для экипажа.

Настало время стать жестоким. И он стал жестоким. Фронтовики рассказывали, что, когда армии хлынули в Германию, начались повальные грабежи и насилия. Но там, где командиры проявляли строгость и держали “славян” в узде, случаи потери самообладания были единичными и не выходили за пределы обычной статистики. Ходила по фронтам и такая байка, что мол, на I-м Украинском за мародёрство и насилие перед строем расстреляны сразу сорок солдат и офицеров. Однако фронтовая молва, которая приписывала маршалу Коневу особую жестокость по отношению к мародёрам и насильникам, командующего не осуждала. Солдаты ступили на землю народа, армия которого разорила полстраны, пожгла их дома, растерзала детей и стариков, насилвала жён и сестёр. Из человека выскочил зверь. Надо было его загонять обратно.

Поэт и художник Л. Н. Рабичев, бывший офицер-связист 31-й армии, в своей книге “Война всё спешет” рассказал о жутких сценах, очевидцем ко-

торых ему довелось стать во время вхождения армии в Восточную Пруссию. “В апреле месяце, — пишет он, — моя 31-я армия была переброшена на Первый Украинский фронт в Силезию, на Данцигское направление. На второй день по приказу маршала Конева было перед строем расстреляно сорок советских солдат и офицеров, и ни одного случая изнасилования и убийства мирного населения больше в Силезии не было. Почему этого же не сделал генерал армии Черняховский в Восточной Пруссии?”

В Чехословакии прекратить насилие было сложнее. Хозяевами здесь были чехи.

Когда штабной кортеж командующего мчался по шоссе к Праге, навстречу нескончаемой колонной двигались пленные немецкие солдаты и офицеры — то, что ещё несколько часов назад было “армией Шернера”. Вместе с ними, в той же колонне, на тележках везли свой скарб и детей судетские и силезские немцы. Начинался исход ещё одного народа. Горе побеждённым...

Прага была наполнена шумом ликующих толп и запахом сирени.

Конев пережил в эти дни тот восторг, который, как ему казалось, уже пережит им давно, в юности, когда был влюблён и мечтал о личном счастье. Рядом с ним в машине ехала Антонина Васильевна, Тоня. Он был влюблён и знал, что она отвечает ему тем же искренним чувством. Знал он и то, что это не фронтовая любовь, а — навсегда.

Победа... Пражская сирень... Глаза Антонины... Всё это волновало и переполняло душу.

А в мемуарах об этом дне в Праге он написал: “И скажу честно, одним из первых и самых сильных желаний этого дня было желание выспаться, и мысль, что, наконец, это, видимо, будет возможно, если не сегодня, то хотя бы вскоре”.

Назначил коменданта. Отдал распоряжение: кормить людей — на площадях, на улицах, у дорог. Кормить из солдатского котла всех, в том числе пленных.

В один из этих дней ему доложили: захвачен генерал Власов. Никакого интереса к бывшему генералу Красной Армии Конев не проявил. Генерал Петров, когда остались одни, заметил:

— А ведь в сорок первом был героем, защитником Москвы. В газетах печатались его портреты с восторженными заголовками.

Конев ничего не ответил.

С 5 по 9 мая 1945 года во время пражских боёв погибло около 1500 чехов из числа повстанцев. За свою свободу они заплатили дорого. Около 1000 немцев. Около 300 бойцов РОА. И 500 солдат и офицеров из войск маршала Конева. Похоронены они на Ольшанском кладбище.

После войны маршал приезжал сюда не раз. И всегда заходил на Ольшанское кладбище, чтобы поклониться своим чудо-богатырям из ударной пражской группировки.

Глава тридцать пятая

ШЕДЕВРЫ ДРЕЗДЕНСКОЙ ГАЛЕРЕИ И ДРУГИЕ ТРОФЕИ

“Но вы же маршал, а не “Мадонна...”

Дрезден был взят по пути к Праге.

6 мая в 18.10 по московскому времени командующий 5-й гвардейской армией генерал Жадов получил короткий и ясный приказ Конева: “Светлого времени не терять, начать наступление немедленно. Исходное положение для наступления занимать с ходу”.

Дрезден — это, прежде всего, Цвингер. Цвингером в старину именовали пространство между внешней и внутренней крепостными стенами города. Именно там и были построены здания, ставшие знаменитой Дрезденской галереей. В галерее хранились шедевры старых мастеров, гордость Европы.

Всего около 750 полотен. Среди них “Спящая Венера” Джорджоне, “Портрет молодого человека” Дюрера, “Динарий кесаря” Тициана, “Охота на вепря” Рубенса, “Блудный сын в таверне” Рембрандта, “Девушка, читающая письмо у открытого окна” Вермеера. И шедевр шедевров — “Сикстинская мадонна” Рафаэля. Кроме того, в собрании находились уникальные нумизматические коллекции, собрания фарфора, древней скульптуры.

Перед атакой Конев предупредил Жадова, чтобы, по мере приближения к Дрездену, поменьше воли давал артиллеристам, а орудия большой мощности вообще не выводил на огневые.

Дрезден, как известно, основательно пострадал во время массированного налёта авиации союзников в ночь на 14 февраля 1945 года. Тогда две тысячи английских и американских бомбардировщиков практически стёрли с лица земли “город искусств”, Северную Флоренцию, вместе с его жителями. Дрезден считался открытым городом. По международному праву, его не должны были бомбить. Поэтому именно в Дрезден со всей Германии свозили детей. Руины, как вспоминали чудом выжившие, горели ещё пять суток. А смрад десятков тысяч погибших под развалинами стоял до середины лета. Сейчас на Западе об этом принято помалкивать. (Это — к вопросу о том, как любить правду истории у них).

Жадов тут же отдал приказание своим командирам корпусов, генералам Родимцеву и Бакланову, “сделать всё возможное, чтобы уберечь его от новых бессмысленных разрушений”.

По приказу генерала Родимцева в город пошли три парламентаря, три офицера с белым флагом. Несколько раз их обстреляли. Но стреляли для острастки. Одной очередью перебили древко белого флага. Фамилии тех от важных офицеров, которые тоже пошли под пули с желанием не допустить в городе-музее новых разрушений: Собко, Артёмenko, Обуховский. Офицеры вернулись невредимыми, но и переговоров не получилось. Немецкий офицер, встретивший их, сказал, что комендант города Дрезден убыл в неизвестном направлении, и ультиматум не принял. Стало ясно, что капитулировать немцы не хотят.

Не хотят — так не хотят...

Впоследствии генерал Жадов в своих мемуарах напишет: “Артиллерия и миномёты вели огонь только по наблюдаемым целям...” Это было правдой. Приказы Конева в войсках исполнялись точно и беспрекословно, так как командующий умел и спросить, если что-то шло не так.

Старая парковая часть города — Цвингер — была очищена от немцев 8 мая. Жадов тут же доложил Коневу:

— Остатки гарнизона сдаются в плен. Отдельные очаги сопротивления блокируются и уничтожаются без применения артиллерии.

— Что с Дрезденской галереей? — спросил Конев.

Командарм-5 доложил:

— Пока ничего определённого доложить не могу. Район Цвингера разрушен. Немцы страшно напуганы и ничего пока рассказать не могут или не хотят. Есть предположение, что художественные ценности вывезены из города.

— Немедленно организуйте поиск сокровищ Дрезденской галереи, — последовал приказ маршала.

Старую штольню, где хранились полотна Тициана и Веронезе, обнаружили сапёры командира 164-го отдельного батальона майора Перевозчикова. С ними работал капитан Орехов из штаба дивизии. Он знал толк в живописи, разбирался в ней. С Вислы носил в своей полевой сумке путеводитель по Дрездену и его музеям. И вот трофей, подобранный им где-то по пути сюда, пригодился.

В старых штольнях сапёры майора Перевозчикова обнаружили ящики. В ящиках — старинные статуэтки, переложенные брусками взрывчатки, картотека, снова музейные предметы, и снова тол.

Один из участников поисков сокровищ Дрезденской галереи впоследствии вспоминал: “Мы открываем дверь. Прямо против двери — плоский некрашенный ящик, уходящий под самую крышу. Справа у стены тускло блеснуло золото массивной лепной рамы. Это был знаменитый “Автопортрет

с Саскией” Рембрандта. Там же находился другой холст Рембрандта — “Похищение Ганимеда”, “Спящая Венера” Джорджоне, “Святая Инесса” испанского художника Рибера, “Возвращение Дианы с охоты” Рубенса”.

Некоторые картины стояли и лежали навалом. В штольне было сыро, и многие холсты уже напитались влагой. К тому же не работала вентиляция. Ещё бы несколько дней...

Но солдаты и офицеры выполняли приказ командующего. С ними работали специалисты, художники и искусствоведы, двигавшиеся вслед за войсками. Действовал приказ по розыску и возвращению на родину похищенных во время оккупации территории Советского Союза культурных и художественных ценностей.

А вот что писал очевидец о том, как была обнаружена “Мадонна”: “Опустив ящик на пол, мы сняли крышку, войлочные амортизаторы, в которых была зажата картина по периметру. Поднимаем холст. Перед нами босоногая женщина, легко идущая по клубящимся облакам. Это была одна из величайших картин, когда-либо созданных человеком, — “Сикстинская мадонна” Рафаэля”.

У “Мадонны” была выставлена особая охрана. Но вначале солдатам разрешили вдоволь полюбоваться ею. Разговоров об этой картине ходило много. Нашли её не сразу. И всем было интересно, что же это за мадонна такая, что её разыскивает целый батальон и почти взвод офицеров и специалистов из Москвы. Потом картину вместе с рамой опустили в ящик и ящик закрыли.

Искать сокровища Дрезденской галереи прибыли многие специалисты. Среди них реставраторы С. Чураков и М. Володин. Вот что они рассказывали о своей поездке в Дрезден в мае 45-го: “Была весна. Нас поразило, что даже в бетонном царстве посадочных и взлётных полос, в швах плит дерзко зеленела молодая трава, цвели одуванчики. Крутом валялись пустые гильзы патронов. Бетон был усыпан осколками снарядов. Рядом с нами в поле уткнулся носом обгоревший фашистский самолёт. Пахло гарью. К огромной воронке вереницей тянулись немки с ведрами: пришли по воду.

Столица рейха еще горела. Слышались взрывы. Где-то что-то ухало, скрежетало. Но весна брала своё.

Дорога на Дрезден. Горят леса. Автобан разбит. Мосты взорваны. Кругом кладбище техники. Дым ест глаза. И как необычайный контраст — наши девчата-регулирующие с флажками и автоматами. Одни среди просторов полей. Куда-то брели немцы. Порою попадалась обычная телега, на ней флажки французские, бельгийские, голландские. Люди, впряжённые и коляски, везут больных, голодных, раненых. А над всем этим хаосом — радостное весеннее небо, безоблачное, голубое. Май...

Ночью приехали в Дрезден. Дома — как решето. Развалины дворцов, храмов, падают стены. Немедля встал вопрос: где хранить, куда везти дрезденские шедевры? Остановились на Пильнице — летней резиденции саксонских курфюрстов. Этот дворец уцелел чудом. С первого же дня мы познакомились с замечательным человеком — офицером Перевозчиковым, начальником батальона, приданного нам.

Мы начали поиск.

Пирна. Каменоломня. Открытый карьер. Машины долго спускались на дно. Перед нами зияла зловещая чёрная дыра тоннеля. Гулко звучали наши шаги по шпалам железнодорожного пути. Вдали мерцал свет. Мы брели в сумраке. То, что мы увидели в конце тоннеля, не поддаётся описанию. В вагоне сваленные у стен полотна. Поблескивали золотые рамы. Былолюдно. Сразу увидели маршала Конева, генерала армии Петрова. Коневу доложили, что бригада из Москвы прибыла.

— Отлично! — сказал маршал.

Начались долгие дни, недели поисков, работы по спасению шедевров. В заброшенных штольнях, карьерах, бараках, пустых имениях, в сырости, холоде находились беззащитные полотна величайших мастеров живописи, обречённые на гибель.

Где “Сикстинская мадонна”?

...Этот вопрос волновал всех.

И вот наступил день, который не вычеркнешь из памяти. Пильниц. Парадный зал. Зеркала. Обычная дворцовая роскошь. В широкие стеклянные окна видна Эльба. Перед нами трёхметровый деревянный ящик. Осторожно вскрываем тройную раздвижную крышку...

“Сикстинская мадонна”! Величавая, простая, шагнула к нам с холста. Вместе с ней в зал вошла Тишина...

...Творение Рафаэля. После всего хаоса, разрушений, которые прошли перед нами, особенно ярко поражали гармония, красота этого величайшего шедевра мировой живописи.

Это была кульминация наших исканий. Но поиски продолжились. Всё новые и новые шедевры стекались в Пильниц. Наконец, было собрано почти всё. И в то же время стало абсолютно ясно, что картины нуждаются в срочной реставрации и, главное, в музейном хранении. Николай Пономарев был срочно откомандирован в Москву с соответствующим письмом. Вскоре пришло решение, и в конце июля эшелон с шедеврами отбыл в Москву.

Впереди была длительная кропотливая работа. Музей изобразительных искусств гостеприимно раскрыл свои двери. Шедевры были спасены”.

По поводу того, как “Мадонну” отправляли в Москву на реставрацию, существует легенда. В неё можно верить. Она немного комична, но и правдива одновременно.

Вскоре в Дрезден прилетела искусствовед Н. Соколова. Когда начали решать проблему транспортировки в Москву “Сикстинской мадонны” Рафаэля, Наталья Ивановна не на шутку разволновалась. Беспокоилась она, прежде всего, за сохранность шедевра.

— Раз такое дело, — махнул рукой маршал, — я готов предоставить вам свой самолёт.

— Иван Степанович, это же страшно! — всплеснула руками Соколова.

— Почему страшно?

— А вдруг с ним что-нибудь случится?

— Самолёт надёжный. Я сам на нем летаю.

— Ну, Иван Степанович, вы же маршал, а это — “Мадонна”.

Конов рассмеялся. И распорядился отправить “Мадонну” в Москву поездом.

С тех пор на фронте, при всякой сколько-нибудь похожей ситуации, любили шутить: “Но вы же маршал, а не Мадонна...”

Наталья Ивановна Конева рассказала мне, что спустя годы она с отцом ездила в Дрезден: “Отцу очень хотелось увидеть именно эту картину. В подлиннике. Он очень любил “Сикстинскую мадонну”. А знаете, почему? Потому что её лицо напоминало отцу лицо мамы”.

А теперь настало время рассказать другую легенду.

Говорят, однажды под Ржевом после боя на КП батальона первого эшелона принесли документы погибших солдат. Разложили на столе. И в это время в землянку вошёл генерал Конев, в то время командующий войсками Калининского фронта, в сопровождении командира дивизии. Он обратил внимание на ворох красноармейских книжек. Взял одну из них, раскрыл, чтобы прочитать фамилию убитого, и в это время из неё выпал вчетверо сложенный листок. Это была репродукция, вырезанная из какого-то журнала, которую все, в том числе и Конев, вначале приняли за икону. Такое на фронте встречалось часто: среди многочисленных личных вещей погибшего обнаруживалась то небольшая иконка-складень, то нательный крестик, то бумажка с молитвой. “Сикстинская мадонна,” — сказал кто-то из стоявших рядом. Конев не отрывал от репродукции глаз: лицо Марии было поразительно похоже на лицо той, которая теперь часто была с ним рядом.

Когда в 45-м его войска вышли в район Дрездена и атакой овладели городом, он уже знал, что “Сикстинская мадонна” здесь. И потому приказал искать её. Когда “Мадонну” нашли, он тут же приехал посмотреть на картину. И понял, что это — судьба.

С той, которая всю войну была рядом, он так и не расстанется. Но об этом чуть позже.

Когда войска 1-го Украинского фронта перемахнули Одер, Коневу позволил маршал Будённый и сказал, что где-то за Эльбой, по сведениям разведки, находился один из наших крупнейших племенных конезаводов, вывезенный немцами с Северного Кавказа в 1942 году. Фронтальная разведка подтвердила: действительно, в районе Ризы находится крупный конный завод. Конев взглянул на карту: как раз в этом направлении действовал 1-й гвардейский кавалерийский корпус генерала Баранова. Тут же поставил перед кавкорпусом задачу: переправиться через Эльбу и захватить конный завод, пока немцы не приступили к его эвакуации. Кавалеристы Баранова наступали в эти дни как никогда стремительно. Уж кто-кто, а они знали толк в конях. Вскоре генерал Баранов доложил: конный завод захвачен в целости и невредимости. Позже племенных дончаков отправили в эшелонах на родину.

Семён Михайлович Будённый был хорошим организатором. С 1943 года он командовал кавалерией Красной Армии. Тогда же по его ходатайству был воссоздан Московский зоотехнический институт коневодства. А в 1947 году Сталин его сделает одновременно заместителем министра сельского хозяйства СССР по коневодству. Так что для своей отрасли маршал Будённый делал очень много.

В те же майские дни был захвачен город Мейсен и знаменитый завод мейсенского фарфора. Производство более чем с двухсотлетней историей было поистине уникальным. Завод выпускал посуду и фарфоровые фигурки. Эти милые пастухи и пастушки, арлекины и танцовщицы — предмет умиления обывателей — постепенно стали подлинными произведениями искусства и ценились не меньше золотых и серебряных статуэток. Так, к примеру, фигурка “Танцовщица”, изготовленная в 1740 году, на недавно состоявшемся международном аукционе была продана за 120 000 фунтов.

Оборудование завода в 1945 году было демонтировано и вывезено в СССР. Однако вскоре производство снова заработало. В 1960 году, когда предприятие праздновало своё 250-летие, коллекция фарфора была полностью возвращена в ГДР.

Глава тридцать шестая

ПОСЛЕ БИТВ

ПАРАД

“За здоровье русского народа!..”

Маршал вынул из ножен парадную саблю, мельком взглянул на клинок, сиявший даже в этот пасмурный день, и подал команду. За шеренгой генералов, которые чётко, словно вымуштрованные солдаты, повторили его движение, кольхнулся штандарт 1-го Украинского фронта. Щека маршала дрогнула. Он пытался сосредоточиться на главном, о чём сейчас следовало думать. Но память, как киноплёнка, внезапно начавшая обратное движение, мгновенно перенесла его на четыре года назад, в сорок первый, на дороге Витебск—Смоленск, где он, командарм-19, вдвоём с артиллеристом, которого не успел даже спросить, как его зовут, выкатывал противотанковую пушку на открытую позицию для стрельбы прямой наводкой. Танки шли по дороге, и до них оставалось метров сто, не больше...

Оркестр между тем грянул марш. Тысяча ног ударила по мокрой мостовой, не жалея ни подошв, ни камней, отшлифованных столетиями самой истории. А он снова увидел себя не здесь, а на той прокалённой солнцем дороге на Смоленск, куда немцев нельзя пускать ни при каких обстоятельствах, но куда они уже прорвались танковыми авангардами, один из которых сейчас раздавит их пушку.

...Кресты на броне головного танка были видны отчётливо. И он, старый артиллерист, встав к орудию за наводчика, в последний раз выверил

прицел и скомандовал напряжённо и испуганно ожидавшему его приказанию заряжающему: “Огонь!” Заряжающий до последнего не верил, что генерал умеет стрелять из его пушки...

Никто не мог знать, что происходило в его душе. Но маршал, переживая свою войну снова и снова, понимал, что то же, что и он, должно быть, переживают сейчас и его генералы, и офицеры, и солдаты. Вся тысяча, набранная из многих тысяч его победоносного войска, выстроилась сейчас за его спиной ровными стройными корбками. Она сияла знамёнами прославленных полков и соединений, золотом и серебром боевых орденов и медалей.

Снова хлынул дождь и мгновенно перешёл в обвальную ливень. Но уже через минуту-другую так же резко утих. Мундир промок, прилип к телу. Дождевые капли с подбородка падали на орден Победы. Маршал не ощущал того ликования, которого ожидал. Он чувствовал, что им овладевает то состояние полного удовлетворения и покоя, какое его охватывало порой после удачно проведённой операции, когда из штабов армий и корпусов докладывали о том, что его приказ выполнен, противник разбит, рассеян или окружён и захвачено такое-то количество пленных и трофеев, что начато преследование и что к исходу дня дивизии первого эшелона выйдут на рубеж реки такой-то, а в прорыв вводятся танки...

Когда с фашизмом в Европе было покончено, Верховный собрал своих маршалов на Военный совет. Он гордился своими полководцами. Заговорил и о параде Победы. Верховный вдруг предложил командовать парадом ему. Предложение прозвучало неожиданно. Следуя заветам врождённой скромности и тому внутреннему уставу, который выработался в нём с годами и битвами — и не всегда фронтовыми, — маршал отказался, сославшись на то, что давно не ездил верхом, что когда-то имел травму при падении с коня, что он не кавалерист и хотел бы идти по площади во главе войск своего фронта. Верховный по-кавказски вспылил, сказал, что маршал зазнался и что, в таком случае, командование парадом будет поручено другому, не менее талантливому и заслуженному.

Что ж, теперь думал он без сожаления, идти во главе своего фронта не менее почётно. Всю жизнь он был рядом со своими солдатами. Он был с ними в окопах. С ними отступал. С ними наступал.

Когда сводный оркестр грянул “Славься...”, маршал почувствовал, как разом, повинувшись некой, будто с небесных высот прозвучавшей команде, вскинули головы его генералы, офицеры и солдаты. И сам он вдруг показался себе выше ростом, стройнее, а телом завладела та необычная лёгкость, которая всегда охватывала его в бою. Дождь немного утих. Парадный мундир плотно облегал тело. Причудливая, почти метафизическая смесь дождя, как природного потока, струящегося с неба, и звуков военного марша, в котором отчётливо преобладали торжественные, победные звуки и фразы, казалось, слились воедино, и из этого необычного слияния неожиданно родился запах сирени.

Сирень всегда была любимым цветком маршала. С юношеских лет. Девичий запах сирени нахлынул так сильно, что маршал почувствовал волнение, преодолеть которое было почти невозможно. Перед глазами поплыли картины родины, угор над речкой, дворы Людейной... потом другая весна... женщина, которую он безмерно любит... брусчатка старого города и сотни людей вдоль дороги — все с цветами, и все подбегают к его открытой машине и бросают букеты ему... Букеты в полёте рассыпаются, и ворох цветов с лёгким шорохом осыпается на капот машины, на лобовое стекло, на спинки сидений, на плечи водителя и адъютанта... Прага... Май... Да, Прага, казалось, вся в тот день пропахла сиренью. Не только воздух, но и дома, брусчатка, идущие по ней танки его армий.

И вот сводный полк 1-го Украинского фронта проходит мимо трибуны Мавзолея. Маршал вскинул голову и увидел Верховного. Верховный тоже смотрел на него, и маршалу показалось, что в его лице уже не было ни тени того, что омрачило их последнюю встречу. Верховный умел забывать. Но умел и не забывать.

Маршал шёл во главе коробки своего фронта. Ветер колыхал багровое полотнище штандарта. Лучшие солдаты 1-го Украинского фронта шли за его

спиной. Они были все молоды, красивы и счастливы. Вся Красная площадь была переполнена счастьем людей, победивших в долгой и жестокой войне, которая, наконец, закончилась.

Парадный мундир, пошитый специально для этого дня, слегка теснил, но он прекрасно подчёркивал стройную высокую фигуру маршала, его точные движения, и это придавало уверенности, лёгкости, словно в бою, когда все приказы были уже отданы, сигнальные ракеты ушли в небо, пехота смело двигалась за огненным валом артиллерийского наступления, танки, ревя моторами, выходили из районов сосредоточения, а он, уверенный в силе удара, с удовлетворением наблюдал за тем, как правильно и умело действуют его войска.

Маршал знал, что сейчас на него и его генералов, офицеров, старшин, сержантов и рядовых смотрят тысячи глаз. И среди них глаза того, кого он искренне боготворил, кому был безмерно благодарен за всё, чего достиг и что смог сделать для своего Отечества и своих солдат.

Верховный стоял на трибуне Мавзолея среди членов Политбюро, маршалов и генералов. Там, вверху, куда были устремлены взоры многих, кто пришёл в этот день на Красную площадь, было много людей. Но маршал видел только Верховного.

Пройдут годы, Верховного не станет. Вернее, им, Верховным главнокомандующим, станет другой правитель страны. А маршала, как и других маршалов Победы, его боевых товарищей, будут считать “сталинистом”. Едва ли не самым главным среди “сталинистов”.

Было ли это на самом деле так?

Видимо, да.

Из книги Наталии Коневой “Маршал Конев — мой отец”: “Когда я была маленькая, я расспрашивала отца, почему за одним командующим идут 4–5 генералов, а за другими — 10–12. Отец дал мне краткое объяснение: их столько, сколько армий входило в тот или иной фронт, а это, в свою очередь, зависело от масштаба стратегических задач, которые приходилось решать тому или иному фронту. Самыми многочисленными в конце войны были 2-й Белорусский фронт под командованием К. К. Рокоссовского, 1-й Белорусский фронт под командованием Г. К. Жукова и 1-й Украинский фронт. На Параде Победы впереди сводного полка шли Герои Советского Союза со штандартом фронта и знаменами прославленных соединений и частей. Шеренгу героев 1-го Украинского возглавлял трижды Герой Советского Союза Александр Покрышкин, знаменитый на весь мир лётчик и близкий друг моего отца. Во время прохождения полка 1-го Украинского фронта по Красной площади военный оркестр под руководством генерала А. Чернецкого исполнял старинный военный марш, под звуки которого маршировали в своё время в честь победы русского оружия полки царской армии. Традиция не прервалась, и это было сделано вполне осознанно”.

24 мая 1945 года Правительство СССР устроило торжественный приём в честь победителей — командующих войсками и соединениями. К 20.00 в Георгиевский зал Большого Кремлёвского дворца прибыли маршалы и генералы, конструкторы-оружейники, люди, которые внесли значительный вклад в гигантскую работу страны, принесшую Победу. Белый Георгиевский зал был выбран не случайно, он — “один из орденских залов, где воплощена идея памяти о многих поколениях людей, служивших России и отличившихся в сражениях за неё”. Сталин произнёс тост, который поразиł многих: “Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение”.

В. М. Молотов, который управлял сюжетом торжества в роли тамады, произнёс тост за командующих войсками. Первым прозвучало имя маршала Жукова. Вторым — Конева. “За маршала Конева — героя боев на Украине, освободителя Праги, полководца, войска которого вместе с войсками Жукова ворвались в Берлин...” Затем прозвучали имена Рокоссовского, Говорова, Малиновского, Толбухина, Василевского, Баграмяна, Мерецкова, Ерёмченко.

Конев и Жуков. Жуков и Конев. Их всегда называли и называют, ставили и ставят вместе, в один ряд. И этот ряд — их слава и их крест.

А с запада на восток, через Польшу, Чехословакию, Восточную Пруссию, Румынию тем временем шли поезда с победителями. Вчерашние бойцы, миномётчики и артиллеристы, сапёры и танкисты, под трофейные аккордеоны и русские гармошки, с которыми прошли всю войну, пели: “Давно мы дома не были...” Песня была написана поэтом Алексеем Фатьяновым и композитором Василием Соловьёвым-Седым в мае в Берлине. В ней, в первой редакции, непричёсанной, авторской, кстати, были такие слова:

*Зачем им зорьки ранние,
Коль парни на войне
В Германии, в Германии,
В проклятой стороне.*

Последняя строчка, согласно дружественной политике по отношению к германскому народу, была вскоре исправлена: “...в далёкой стороне”.

Что ж, время шло, ветра менялись и требовали не только новых песен, но и редактирования старых.

Глава тридцать седьмая

ВЕНА

Черчилль: “В моих глазах советская угроза уже заменила нацистского врага...”

После торжеств Конев из Москвы сразу же отправился в Вену.

Во время подготовки к параду победы он неоднократно встречался с маршалом Толбухиным, войска которого в это время стояли в Австрии, но уже начали передислокацию в Болгарию и Румынию. Их казармы должны были занять части 1-го Украинского фронта. 10 июня 1945 года, за две недели до парада, Конев получил официальное назначение на должность Главнокомандующего Центральной группой войск и Верховного комиссара по Австрии.

Именно в Австрии в те дни неожиданно возник клубок противоречий новой Европы. Сталину разведка донесла о том, что британский премьер Черчилль агрессивно настроен к СССР и приказал не уничтожать немецкие самолёты, танки и другую военную технику, а складировать её, консервировать. Концлагеря союзников были переполнены немецкими солдатами и офицерами. В них сохранялась воинская дисциплина и порядок. Солдаты были сведены в роты. Черчилль разослал телеграммы Эйзенхауэру и Монтомери с соответствующими указаниями. Свои настроения этого периода он сформулировал так: “В моих глазах советская угроза уже заменила нацистского врага”.

Союзников и, в первую очередь, Черчилля пугали советские дивизии, стоявшие по линии соприкосновения, а в некоторых местах и глубже на запад. Сталин не торопился их отводить.

12 мая. Черчилль — Трумэну:

“1. Я глубоко обеспокоен положением в Европе. Мне стало известно, что половина американских военно-воздушных сил в Европе уже начала переброску на Тихоокеанский театр военных действий. Газеты полны сообщений о крупных перебросках американских армий из Европы.

Согласно прежним решениям, наши армии, по-видимому, также заметно сократятся. Канадская армия наверняка будет отозвана. Французы слабы, и с ними трудно иметь дело. Каждый может понять, что через очень короткий промежуток времени наша вооружённая мощь на континенте исчезнет, не считая умеренных сил, необходимых для сдерживания Германии.

2. А тем временем как насчёт России? Я всегда стремился к дружбе с Россией, но так же, как и у Вас, у меня вызывает глубокую тревогу неправильное истолкование русскими ялтинских решений, их позиция в отношении Польши, их подавляющее влияние на Балканах, исключая Грецию, трудности, чинимые ими в вопросе о Вене, сочетание русской мощи и территорий, находящихся под их контролем или оккупацией, с коммунистическими методами в столь многих других странах, а самое главное — их способность сохранить на фронте в течение длительного времени весьма крупные армии. Каково будет положение через год или два, когда английские и американские армии растают и исчезнут, а французская ещё не будет сформирована в сколько-нибудь крупных масштабах, когда у нас, возможно, будет лишь горстка дивизий, в основном французских, тогда как Россия, возможно, решит сохранить на действительной службе 200–300 дивизий?

3. Железный занавес опускается над их фронтом. Мы не знаем, что делается позади него. Можно почти не сомневаться в том, что весь район восточнее линии Любек, Триест, Корфу будет в скором времени полностью в их руках. К этому нужно добавить простирающийся дальше огромный район, завоёванный американскими армиями между Эйзенахом и Эльбой, который, как я полагаю, будет через несколько недель — когда американцы отступят — оккупирован русскими силами”.

Черчилль чувствовал коварство “дядюшки Джо”, как он называл Сталина. Сталин, в свою очередь, чувствовал коварство Черчилля. Война закончилась. Победители жадно делили трофеи. Стороны смотрели друг на друга через демаркационную линию в бинокли, как ещё вчера смотрели на позиции вермахта и СС.

Тогда же, 12 мая 1945 года, союзниками был утверждён план под кодовым названием “Немыслимое”: атака советских войск по всей тактической линии; 47 американских и английских дивизий, 10 германских, воздушные армады готовы были продолжить войну, имея перед собой уже другого противника. Но план был забракован как неосуществимый. Англичане побоялись начинать эту войну, потому что имели перед собой Красную Армию, которая была значительно сильнее, и, по расчётам их штабов, результаты новой войны могли быть непредсказуемыми.

По всей вероятности, союзники, верстая “Немыслимое”, одновременно испытывали тот же ужас, что и перед высадкой в Нормандии.

Сталину стало ясно, что армии в Европе придётся держать ещё долго. А это означало, что война для советского народа закончилась только на фронтах, тяготы тыла продолжают: войска надо было обеспечивать, содержать.

Правда, рабочий день был сокращён с 11-ти до 8-часового. Отменены обязательные сверхурочные. И ещё: пройдя через фильтрационные лагеря, вернулись из плена 1 миллион 836 552 человек (из 4 миллионов 560 000). Около миллиона из них тут же направлены в армию, 600 000 — на работу в промышленность в составе рабочих батальонов, 233 400 человек — в лагерь НКВД.

Конева направляли в Австрию.

Вена была взята нашими войсками 13 апреля 1945 года. Союзники в боях на территории Австрии не участвовали. Однако подвергли сильной бомбардировке восточную часть города, уничтожив много памятников архитектуры. Согласно договоренностям глав государств-победителей, Вена, как и Берлин, делилась на оккупационные зоны. Их было четыре: советская, американская, английская и французская.

Говорят, когда Кейтель подписывал акт о капитуляции Германии, увидев среди офицеров армий-победительниц французов в парадных мундирах, воскликнул: “Как!? И этим мы проиграли!?”

Итак, Конева направляли в Вену.

Но перед отъездом ему предстояло решить проблему не менее тяжёлую и важную — определить свои дальнейшие взаимоотношения с женой Анной Ефимовной.

Они встретились. Состоялся разговор. И Конев понял окончательно, что никакого будущего в их отношениях нет и быть не может. Решение было

обоюдным. Не было ни вздохов, ни слёз, ни заламывания рук. Анна Ефимовна тоже уже жила своей жизнью.

Когда он уходил, Анна Ефимовна спросила:

— Куда ты теперь?

— В Вену. Сколько пробуду там, не знаю.

Она попросила разрешения приехать к нему. Он согласился. Но тут же уточнил, чтобы приезжала с детьми и что никаких отношений в связи с этим приездом у них быть не может. Она согласилась.

Уже из Вены он прислал ей письмо. Это письмо сохранилось в архиве Анны Ефимовны:

“Здравствуй, Нюра! Каждая встреча с тобой крепко взвинчивает мои нервы и бередит старые раны. Сейчас моя язва начинает понемногу поджигать. Доктора настаивали на том, чтобы отправить меня в Москву, но в связи с улучшением пока воздержусь. Я не возражаю против твоего приезда с ребятами ко мне, но учти моё состояние. Я жду тебя как хорошего друга, но не как жену, тут у нас всё кончено. До конца жизни постараемся не вспоминать старое... Не беспокойся насчёт своей жизни: как она была обеспеченной, так будет обеспеченной и дальше. Будь благодарна.

30 июля 1945 года”.

Конев поехал в Австрию не один. Антонина Васильевна была, как и все эти годы, рядом. Штаб Центральной группы войск находился в Бадене, курортном городе юго-западнее Вены.

Наталья Ивановна Конева рассказывала: “Мама была вместе с отцом в Бадене. Для неё этот период был наполнен ожиданием счастья. Бомбёжки, лишения, вечный страх потерять близкого человека, который был почти всегда в боевых порядках своих войск или на КП в районе боевых действий, — наконец, позади. Всё вокруг казалось праздником, даже сам красивый старинный город с кружевными башенками готического собора. Практически все сослуживцы отца побывали на экскурсиях в Вене. Остался снимок на память: мама в шляпке и плащике по европейской моде на крыше знаменитого собора Св. Стефана. Могла ли она подумать зимой сорок второго, когда впервые увидела отца в запущенной и неуютной избе под Калинином, что в сорок пятом окажется рядом с ним в самом сердце Европы? Она вспоминала, как поразили её австрийские женщины — только что стихли звуки бомбёжек, а они уже принарядились, с аккуратными причёсками, в хороших шляпках, туфельках демонстрировали свою женственность. Так непривычно для наших женщин, прошагавших в сапогах и военной форме дорогами войны. В венских кафе играла музыка, на площадях и улицах люди танцевали польки и вальсы знаменитого Штрауса. Маме очень хотелось приобщиться к этой жизни, в мечтах она видела себя в вечернем платье и с крошечной сумочкой, элегантной и, главное, любимой Тосей, Тонюсей, как он нередко её называл. Ей хотелось протиснуться с ним, таким знаменитым, под руку”.

Работа, которую выполнял Конев в Вене, сильно отличалась от того, к чему он привык за минувшие годы, включая довоенные.

Ему удалось быстро найти общий язык с представителями союзного командования генералами Кларком (США), Макрири (Великобритания) и Бетуром (Франция). Конечно, какое-то время помогали его военные заслуги, мощные дивизии, сосредоточенные в советской оккупационной зоне. Но вскоре появились и дипломатические навыки. Генералы — люди одной касты, даже если они генералы разных армий. Договаривались, находили компромиссы, хорошо понимая, что их положение — дело временное.

Официальные встречи, консультации с Москвой, переговоры, решения спорных вопросов, проблемы с созданием Межсоюзной комендатуры, приглашения на вечера, концерты, торжественные ужины, обмен культурными программами.

Конев даже заказал себе фрак с крахмальной манишкой и галстуком-бабочкой. Пошел фракную пару один из самых лучших венских портных. Когда фрак был готов, он надел его, подошёл к зеркалу, взглянул на себя...

А через полчаса уже ехал на приём в своём привычном маршальском мундире. Тем более что на фрак орден “Победа” не повесишь...

Позвонил Сталин. Конев доложил.

— Есть ли какие просьбы, товарищ Конев? — спросил Сталин.

— Да, товарищ Сталин, просьба вот какая: нельзя ли прислать сюда бригаду артистов, которые бы продемонстрировали своё профессиональное мастерство и поддержали бы своей музыкой освобождённых от оккупации австрийцев?

— Артистов пришлём, — коротко ответил Сталин и положил трубку.

И вскоре в Вене встречали прославленную балерину Галину Уланову, баритона Большого театра Алексея Иванова, пианиста Льва Оборина и других знаменитых артистов. Начались концерты.

Правду сказать, дело было не в поддержке “освобождённых австрийцев”. 700 000 солдат и офицеров — огромный контингент наших войск, самый большой из находящихся в Европе. Почти вдвое больше того, который дислоцировался в Берлине и всей Германии. Жизнь в Австрии, пострадавшей от войны несравнимо меньше соседней Германии, быстро стала налаживаться. Глядя на то, как живут, отдыхают и развлекаются местные буржуа, наши солдаты и офицеры тоже потянулись к “жизненным соблазнам”, при этом, как водится у нас, вели себя не всегда “подобающим образом”. Такие выражения появились вскоре в приказе Конева, который историки назовут приказом “О запрете мародёрства”. Приказ пресекал нелегальную, то есть самовольную конфискацию австрийской собственности: грабежи, торговлю в любой форме на чёрном рынке, а также вводил запрет на посещение народных праздников, ночных заведений, кафе, закусовых, где продавался алкоголь.

Опыт борьбы с пьянством в войсках у Конева был. Монголия, Забайкалье, Дальний Восток. Но тут остановить “славян” было труднее, чем где-либо. Там родные стены помогали, а тут, когда на каждом шагу соблазны... К тому же людей подогревал кураж победителей, а это преодолеть было тяжело.

Неожиданно начала прогрессировать старая болезнь — закровоточила язва. Врачи из группы войск посоветовали срочно лететь в Москву, ложиться на операцию. Но потом кто-то порекомендовал доктора из местных, крупного специалиста, успешно практикующего лечение подобных заболеваний.

Доктору не сказали, кто будет его пациентом, видимо, сомневаясь, что тот согласится лечить Главнокомандующего оккупационными войсками, да ещё русского. Врач увидел в прихожей маршальскую шинель, мгновенно всё понял. Но виду не подал. Изучил историю болезни и сказал:

— Я, господин фельдмаршал, член партии национал-социалистов и работал на Гитлера. Наши специалисты никогда не довели бы своего пациента до такого состояния, будь он даже простым солдатом. У вас плохие врачи!

— Господин доктор, — ответил Конев, — если вы можете помочь, помогите. Я позвал вас не как партийца, а как врача.

Доктор осмотрел Конева и сказал:

— Не вижу необходимости в операции.

— Вы так считаете?

— Да. Вставайте. Поезжайте на рыбалку. На охоту. Куда угодно, только на природу. Подальше от дел. И не думайте о своей болезни.

Позже, действительно позабыв о своей болезни, Конев узнал, что врач, осматривавший его, осуждён Нюрнбергским судом как военный преступник, делавший бесчеловечные медицинские эксперименты на людях в концлагере для военнопленных.

Слухи о болезни главнокомандующего самой крупной группировкой в Европе дошли до Кремля. Сталин на одном из заседаний упрекнул Микояна:

— Анастас, что-то наши полководцы, я слышал, прибалывать стали. Что же ты их не отправишь отдыхать?

Вскоре из Москвы пришло распоряжение: предоставить Главнокомандующему центральной группы войск маршалу Советского Союза Коневу трехмесячный отпуск для лечения.

Тремя месяцами отпуска Конев, конечно же, не воспользовался: “Барство”. Но всё же в Карлсбаде, на знаменитом курорте целебных вод, он побывал.

Маршал поехал в Карлсбад со своей мадонной — Антониной Васильев-ной. Всё у них было уже решено. И они были счастливы.

Дни, проведённые в Карлсбаде, как рассказала дочь маршала Наталия Ивановна со слов её мамы, Антонины Васильевны, были самыми счастливыми в их жизни. Весна, цветение садов. Сказочные виды окрестностей Карлсбада. Хороший уход.

Но сказка прервалась совершенно неожиданно.

Глава тридцать восьмая

КОНЕВ — ЖУКОВ. ВОЙНА ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Сталин: “А вы знаете, что Жуков пытался присвоить себе вашу победу под Корсунь-Шевченковским?”

В среде военных уже давно поговаривали вот на какую тему: война закончилась, дело сделано, Хозяину мы больше не нужны, будет приближать и держать возле себя самых послушных и угодливых, остальных...

И вот звонок из Москвы. Звонил заместитель министра Вооружённых Сил СССР Булганин. Он сообщил, что надо срочно вылететь в Москву на заседание Высшего Военного совета. С Булганиным у Конева отношения всегда были неважными, и даже порой хуже. А потому от этого звонка ничего хорошего он не ждал.

Знал ли Конев повестку дня заседания Высшего Военного совета, неизвестно. Видимо, вскоре узнал. И консультации среди маршалов тоже, как можно предположить, состоялись. Иначе невозможно объяснить их довольно прочный фронт, который они выстроили во время попытки партийных чиновников уничтожить маршала Победы Жукова.

Как известно, 31 мая 1946 года, за несколько часов до начала чрезвычайного заседания, состоялся обыск на даче Жукова. О нём существуют противоречивые сведения. Некоторые биографы маршала Победы говорят о том, что обыск проведён негласно, что вещи не изымались, а лишь фиксировались в списке, который затем был подшит в “Дело Жукова”. Для негласного обыска, как вы понимаете, ордер не выписывался, потому как проводился он не с ведома прокурора, а с ведома, скорее всего, тов. Абакумова “по просьбе” тов. Сталина. Сам же Жуков в своих “Воспоминаниях...” рассказал совершенно другую историю: что обыск не состоялся, что он, Жуков, якобы пригрозил оружием и выпроводил со своей дачи “троих молодцов” и т. д.

Но вернёмся к нашему герою.

Конев срочно вылетел в Москву. 2 июня 1946 года Антонина Васильевна, оставшаяся на курорте одна в тревожном ожидании, получила письмо:

“Тонюсенька, милая! Вчера состоялось решение, и меня назначили вместо Жукова. Хозяин предложил остаться в Москве и приступить к работе. В связи с этим тебе, моя детка, нужно тоже прекратить лечение, все собрать, расплатиться и выехать на машине в Баден. Там, в Бадене, погрузить все ценные вещи в самолёт и самой вылететь в Москву.

В самолёт обязательно возьми мой сейф с документами, чемодан с парадным мундиром, чемодан с гражданскими костюмами и моими кителями, шинель. Много у тебя будет хлопот, но что делать, так нужно. Передай мою благодарность всему медперсоналу, который нас лечил и обслуживал. Я, видимо, в Баден не приеду, а если и прилечу, то заранее тебе позвоню. Ну, моя родная, будь осмотрительна и строга во всём. Соскучился по тебе. Буду ждать тебя с нетерпением.

Целую тебя крепко, твой Ваня”.

А в Москве, между тем, произошло событие, которое вот уже почти семь десятков лет волнует военных историков и толкователей советской политики второй половины 40-х годов прошлого века.

Послевоенная политика страны не предполагала слишком большого влияния военных. Война осталась позади. Сталину уже не так нужны были маршалы и генералы, особенно такие, кто умел на себя брать слишком много ответственности и действовать самостоятельно. Кто почувствовал вкус этой самостоятельности, власти. Более того, он почувствовал опасность, исходившую от них. Особенно опасно вёл себя тот, кого он так возвышал и щедро при этом осыпал наградами — маршал Жуков. Георгий Победоносец, как того иногда называет его окружение. Об этом ему тоже доложили.

Заседание Высшего Военного Совета вёл Министр Вооружённых Сил Союза ССР Генералиссимус Советского Союза И. В. Сталин. Он попросил секретаря Совета генерала Штеменко, в то время начальника Главного Оперативного управления, зачитать материалы допроса Главного маршала авиации Новикова. Новиков был арестован ещё в апреле и всюду давал показания следователям МГБ. О его “признаниях” бывший шеф СМЕРШа, а теперь министр МГБ генерал Абакумов ежедневно докладывал Хозяину.

Когда в докладе Штеменко прозвучали слова не только о бонапартизме Жукова, но и о том, что тот якобы готовил военный заговор, маршалы поняли, что настал и их час. Сегодня — Жуков. Завтра — они.

После генерала Штеменко выступил Сталин. Он сказал, что Жуков присваивает себе все победы Красной Армии, что, выступая в Берлине на пресс-конференции, давая интервью для советской и зарубежной печати, “Жуков неоднократно заявлял, что все главнейшие операции в Великой Отечественной войне успешно проводились благодаря тому, что основные идеи были заложены им”.

Сталин указал пальцем на бывших членов Ставки Верховного Главнокомандования и членов ГКО, представлявших теперь Политбюро и Высший Военный Совет, и сказал:

— Так что, все мы были дураки? Только один товарищ Жуков был умным, гениальным в планировании всех стратегических операций во время Великой Отечественной войны!

Сталин закончил своё выступление этим полуриторическим вопросом, приглашая всех присутствующих, в том числе маршалов, высказаться по поводу Жукова, чтобы “решить, как с ним поступить”.

Все присутствующие понимали, что отвертеться от выступления не удастся. Надо говорить. А говорить — значит, высказать свою позицию.

Вот тут-то и наступил момент истины.

Выступления были разными по духу и смыслу. Некоторые заняли твёрдую позицию и, критикуя и личные человеческие, и деловые качества Жукова, всё же признавали его военные заслуги и верность партии, правительству и лично тов. Сталину.

Коневу выпало выступать первым.

Можно предположить, что какие-то консультации маршалы всё же провели до заседания Совета. Возможно, в этих консультациях участвовали не все. Но договорённость договорённостью, а сказать своё решительное “нет”, когда уже прозвучало столько слов и формулировок о враждебных деяниях и замыслах Жукова, когда обвинения выдвинул сам Хозяин, было, согласитесь, непросто.

В большинстве публикаций об этом заседании говорится о том, что, мол, военные не отдали маршала Победы на растерзание и что якобы при этом главное и решающее спасительное слово произнёс в то время первый заместитель командующего бронетанковыми и механизированными войсками маршал Рыбалко. Верно то, что Павел Семёнович Рыбалко решительно и твёрдо высказался за политическую честность Жукова, за признание многих его военных заслуг. Но тон задавал всё же выступавший первым — маршал Конев. И тут надо быть исторически точным. А что значит на таком собрании молвить первое слово поперёк слова Хозяина, вряд ли нужно пояснять.

Никто пока не опроверг точность переданной Коневым атмосферы, царившей в зале заседаний, и сути сказанного им.

Конев сказал, что характер у Жукова непростой, “неуживчивый, трудный”. Назвал и другие недостатки в работе Жукова, а затем подытожил:

— Но если бы Жуков был человеком непорядочным, он вряд ли стал бы с такой настойчивостью, рискуя жизнью, выполнять приказы Ставки, выезжать на самые опасные участки фронта, ползать на брюхе по передовой, наблюдая за действиями войск, чтобы на месте оценить обстановку и помочь командованию в принятии тех или иных решений. Нечестный человек, тем боле нечестный в политическом отношении, не будет себя так держать!

Сталин вдруг понял, что ситуация ускользает из рук. Но выдержал и ждал конца выступлений, никого не перебивая. И только когда ответное покаянное слово дали молвить Жукову, Сталин перебил его и сказал, указывая пальцем в сторону Конева:

— Товарищ Конев, он присвоил даже авторство и вашей Корсунь-Шевченковской операции!

Сталин, бросая эту реплику, конечно же, понимал, что сам многое отнял у него, чтобы отдать другому, и когда припекло, когда понял, что его расчёт на то, что обнесённые берлинским триумфом маршалы Рокоссовский и Конев оказались выше его надежд, по-кавказски взвился: “Он присвоил!..”

Но Сталин и на этот раз оказался мудрее своей врожденной ярости, он уступил военным. Уступил, хорошо понимая, что именно этой своей уступкой он окончательно пресёк волюницу маршалов, что они теперь у него в кулаке.

Но и маршалы почувствовали свою силу и то, что война не закончилась, и надо держать порох сухим.

Константин Симонов в долгих беседах с маршалом интересовался тем Советом. Осталась запись Симонова — ответ маршала Конева на его вопрос: “...После всех выступлений выступал Сталин. Он опять говорил резко, но уже несколько по-другому. Видимо, поначалу у него был план ареста Жукова после этого Военного совета. Но, почувствовав наше внутреннее, да и не только внутреннее, сопротивление, почувствовав известную солидарность военных по отношению к Жукову и оценке его деятельности, он, видимо, сориентировался и отступил от первоначального намерения. Так мне показалось”.

В защиту Жукова в том же тоне, что и Конев, выступили маршалы Рыбалко, Рокоссовский, генерал армии Хрулёв.

9 июня 1946 года Сталин издал Приказ № 009, которым он, по всей вероятности, хотел принизить авторитет маршала Победы в войсках. В приказе, кроме всего прочего, были и такие слова: “Было установлено далее, что ликвидация корсунь-шевченковской группы немецких войск была спланирована и проведена не маршалом Жуковым, как он заявлял об этом, а маршалом Коневым, а Киев был освобождён не ударом с юга с букринского плацдарма, как предлагал Жуков, а ударом с севера, ибо Ставка считала букринский плацдарм непригодным для такой большой операции.

Было, наконец, установлено, что, признавая заслуги маршала Жукова при взятии Берлина, нельзя отрицать, как это делает маршал Жуков, что без удара с юга войск маршала Конева и удара с севера войск маршала Рокоссовского Берлин не был бы окружён и взят в тот срок, в какой он был взят”.

Маршалов Жукова, Конева и Рокоссовского, действительно наиболее ярких и талантливых полководцев Великой Отечественной и в целом второй мировой войны, часто называют тремя русскими богатырями. Справедливости ради надо заметить, что одним из русских маршалов-богатырей был дьяк. Но суть не в этом. Все трое прославили русское оружие, возвысили дух русского солдата и принесли победу русскому народу, который олицетворял тогда все народы СССР. А ведь и они, былинные богатыри — Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алёша Попович — не всегда ладили друг с другом.

Но хуже у них всё же складывались взаимоотношения с князьями...

В 1947 году, в самый канун 50-летия со дня рождения, из Подосиновца пришло письмо: земляки в Лудейном, в доме деда, Ивана Степановича Конева, решили устроить музей маршала, просили его, так сказать, благословения. Конев ответил землякам тёплым письмом. Послал подарки: семь коробок с книгами для сельской библиотеки. А весной, к посевной, в порядке депутатской помощи, — полностью укомплектованный новенький грузовик.

В устройстве же музея землякам отказал. Тогда он ещё страстно хотел служить, видел впереди перспективы, чувствовал свои силы. А музей на родине... Дошло бы до Сталина. Да и в Политбюро люди разные... "Баретво". Не надо.

Хрущёв тоже столкнёт Конева с Жуковым. И это столкновение будет более жестоким и будет иметь для обоих маршалов очень болезненные последствия.

1957 год. Популярность Жукова вновь возросла. Хрущёв, в своё время спасённый Жуковым от поражения в ходе борьбы за власть с группой Маленкова—Молотова, решил ослабить влияние военных. Ведь в случае нового обострения борьбы за власть они могли принять и не его сторону... Хрущёв, чтобы сокрушить всех маршалов и генералов единым махом, ударил по главному из них — Жукову.

Коневу в этой партийной драчке не повезло больше всех.

После Пленума ЦК КПСС, когда маршалы, включая и Рокоссовского, и Захарова, и Чуйкова, и Ерёменко, и Соколовского, дружно осудили Жукова как "зарвавшегося бонапартиста", на долю Конева выпала "честь" подписать заготовленную в недрах ЦК статью. Называлась она "Сила Советской Армии и Флота — в руководстве партии, в неразрывной связи с народом". В ней говорилось о бонапартизме Жукова, о его ошибках в работе и, в первую очередь, недооценке роли партии в армии.

Конечно, и тогда, и теперь, неважно, кто эту статью писал. Важно — кто подписал. Конев на этот раз уступил. Как это ни парадоксально, но как политик Хрущёв в схожей ситуации оказался посильнее своего предшественника Сталина. Он повёл интригу так, что газета со статьёй против бонапартизма маршала Жукова вышла в газете "Правда" за подписью его вчерашнего заместителя, самого надёжного подчинённого.

Когда текст статьи курьер доставил из ЦК, Конев просидел над ней всю ночь. Правил, согласовывал по телефону. Пытался смягчить. Затягивал сроки сдачи. Хрущёву постоянно докладывали об "авторских муках" Конева. Тот злорадствовал: "Старайся, не старайся — всё равно статья пойдёт за твоей подписью".

Подписанный Коневым вариант привезли Хрущёву. Тот уже нервничал: почему так долго? Прочитал и позвонил Коневу:

— Завтра в "Правде" читай свою статью. И без фокусов. Понял?

Жуков был смертельно обижен. Конев тоже чувствовал вину. Оба понимали, что политики сильнее их. Разделяй и властвуй... Но чувство обиды какое-то время оказалось непреодолимым.

Однажды они встретились на улице. Разговорились. Жуков сказал:

— Иван Степанович, напиши опровержение.

— Георгий Константинович, ты же понимаешь, что это никто не напечатает. Это решение партии, а в нашей стране это закон.

Но есть и другая версия всей этой истории. Некоторые исследователи допускают, что Жуков и Конев действительно готовили переворот в стране. Их поддерживали не только Штеменко и Москаленко, но и многие военные. В том числе в войсковых частях, в округах. Говорят, когда Хрущёв, тогда ещё благоволивший Жукову, благодарный ему за спасение во время кремлёвской интриги, пожаловался, что, дескать, вот бы теперь в МВД порядок навести, да нет подходящего человека. И Жуков неожиданно, с солдатской прямой доложил: "Есть такой человек". — "Кто?" — "Мой заместитель — Конев". Вот тут-то зачесалась у Хрущёва лысина, он понял, что эти двое его спихнут в два счёта... Хрущёв, обладавший чутьём на заговоры и сам искушённый заговорщик, и здесь перехитрил своих действительных и потенциальных противников. И Конев, подписывая статью, в этих обстоятельствах выбирал между жизнью и смертью. В самом буквальном смысле. Он хорошо помнил, как Хрущёв расправился с Берией, Меркуловым, Кобуловым и другими. Он знал, за что в дурдоме сидит генерал Судоплатов. Так что для него решалось: расстреляют или не расстреляют. Как американо-германо-японского шпиона. Дурачком-то, как Судоплатов, он прикидываться не станет. А голову на плаху класть не хотелось.

Но письмо Конева к Жукову всё же, говорят, было. И текст его пока нигде не публиковался. Возможно, он когда-нибудь станет частью истории взаимоотношений этих двух полководцев.

Окончательное же примирение произошло при их жизни. На 70-летию Конева, в квартире на ул. Грановского (ныне Романов пер.), когда поздравить маршала пришли все его боевые товарищи и друзья.

Как вспоминает Наталия Ивановна Конева, в тот вечер у них царил атмосфера военного братства. Жуков одним из первых поздравил Конева с днём рождения. И они обнялись. Все внимательно следили за их движениями, за выражением лиц, за репликами. И все вздохнули с облегчением. Примирение состоялось. Два воина пожалы друг другу руки и по-братски обнялись.

Константин Симонов, тоже сидевший за праздничным столом, написал потом, размышляя о Жукове: “Его приглашение в этот день, в этот дом, его приход туда имели особое значение. Судьба сложилась так, что Жукова и хозяина дома на долгие годы отделили друг от друга обстоятельства, носившие драматический характер для обоих, для каждого по-своему”.

Они выпили. Начали вспоминать свою армейскую юность. Жуков вспомнил, как служили в Белорусском военном округе.

— Однажды, — вспомнил Жуков, — Иван Степанович опоздал на совещание. Вёл его командующий округом Уборевич. Когда комдив Конев вошёл в комнату, где уже сидел и подводил итоги только что прошедших маневров весь командный состав округа, Уборевич кивнул ему и сказал: “Ну, входи, входи, Суворов”.

Глава тридцать девятая

СУД НАД БЕРИЕЙ

“Самое жестокое разочарование в послевоенный период пришло к нему во время суда над Берией...”

Начиналась другая эпоха. После смерти Сталина его ближайшие сподвижники бросились делить наследство. Хрущёв оказался самым энергичным из всех претендентов на осиротевший советский трон. И первым делом он устранил своего главного и самого опасного конкурента — Лаврентия Берия.

10 июля 1953 года газеты опубликовали сообщение: “На днях состоялся Пленум ЦК КПСС, который, заслушав и обсудив доклад Президиума ЦК тов. Маленкова Г. М. о преступных антипартийных действиях Л. П. Берии, направленных на подрыв Советского государства в интересах иностранного капитала и выразившихся в вероломных попытках поставить Министерство внутренних дел СССР над Правительством и Коммунистической партией Советского Союза, принял решение — вывести Л. П. Берия из состава ЦК КПСС и исключить его из рядов Коммунистической партии Советского Союза как врага Коммунистической партии и советского народа”.

В это же время были также арестованы: бывший министр госбезопасности СССР, а к моменту ареста министр Госконтроля СССР В. Н. Меркулов, бывший начальник одного из управлений НКВД, а затем министр внутренних дел Грузинской ССР В. Г. Деканозов, бывший заместитель министра госбезопасности, затем заместитель министра внутренних дел СССР Б. З. Кобулов, бывший нарком внутренних дел Грузинской ССР, к моменту ареста начальник одного из управлений МВД СССР С. А. Гоглидзе, министр внутренних дел Украинской ССР П. Я. Мешик, бывший начальник следственной части по особо важным делам МВД СССР Л. Е. Володимирский.

Как о том повествует официальная версия, все, в том числе и Л. П. Берия, после проведенного следствия и приговора суда были казнены. Председательствовал в Специальном судебном присутствии Верховного Суда СССР по делу Берии маршал Конев.

Давно стало очевидным: не всё в порядке в нашей истории, в том числе и недавней. Вот и так называемое “дело Берии” неожиданно начало расплываться на множество версий.

Конев ни в своих мемуарах, ни в других документах, ни в беседах с близкими и писателями о своей миссии в Верховном Суде даже не упоминает. Наталия Ивановна Конева по поводу этой истории сказала следующее: “Самое жестокое разочарование в послевоенный период пришло к нему во время суда над Берией, где маршал Конев был председателем. Разбирая документы, ему пришлось прочитать множество доносов на себя от людей, которых он считал своими ближайшими соратниками и друзьями...”

Склонен предполагать, что это — правда. Поскольку других, более сильных впечатлений, он испытывать в дни суда над Берией не мог. Ведь Берия, скорее всего, был уже мёртв.

По версии сына Берии Серго, отец был убит при аресте у себя дома на даче ещё 26 июня в полдень.

Сцену ареста во время заседания Президиума Верховного Совета СССР в своих мемуарах описывают лишь двое: Хрущёв и Жуков. Участников же того “ареста” было много. Никто из них впоследствии ничего подобного не вспоминал. Даже тогдашний командующий войсками Московского военного округа генерал Москаленко. А ведь он играл одну из главных ролей, если не главную, в той версии, которую изложили в своих мемуарах Хрущёв и Жуков.

Итак, версий ареста и казни Берии много.

Материалы же следствия (допросы свидетелей и самого Берии, документы, изобличающие преступную деятельность арестованного, свидетельства потерпевших, заключения экспертов и прочее) должны быть собраны в одно дело. Так вот этого дела — “дела Берии” — никто из исследователей пока не видел. Существуют какие-то мифы. Кое-кто даже опубликовал цитаты из этого “дела”. Но все эти публикации не сопровождаются ссылками на номера папок и листов. Липа?

Темны воды нашей истории...

Согласно документам о казни приговорённых Конев в итоговой, так сказать, процедуре участия не принимал.

Вот документ, который можно считать подлинным, так как к “делу Берии” он имеет лишь косвенное отношение:

АКТ

23 декабря 1953 года зам. министра внутренних дел СССР тов. Лунев, зам. Главного военного прокурора т. Китаев в присутствии генерал-полковника тов. Гетмана, генерал-лейтенанта Бакеева и генерал-майора тов. Сопильника привели в исполнение приговор Специального Судебного Присутствия Верховного суда СССР от 23 декабря 1953 года над осуждёнными:

- 1) Кобуловым Богданом Захарьевичем, 1904 года рождения,
- 2) Меркуловым Всеволодом Николаевичем, 1895 года рождения,
- 3) Деканозовым Владимиром Георгиевичем, 1898 года рождения,
- 4) Мешиком Павлом Яковлевичем, 1910 года рождения,
- 5) Владзимирским Львом Емельяновичем, 1902 года рождения,
- 6) Гоглидзе Сергеем Арсентьевичем, 1901 года рождения, к высшей мере наказания — расстрелу.

23 декабря 1953 года в 21 час. 20 минут вышеуказанные осуждённые расстреляны.

Смерть констатировал — врач (ропись)”.

Смотреть на это Конев не пожелал.

Приговор, вынесенный судом Берии, по официальной версии, был приведён в исполнение в тот же день 23 декабря 1953 года в бункере штаба ПВО, где тот содержался после ареста. Некоторые историки утверждают, что в бункере во время расстрела находились “достойные всякого доверия маршал Конев, командующий Московским военным округом генерал Моска-

ленко, первый заместитель командующего войсками ПВО Батицкий, подполковник Юферев, начальник Политуправления Московского военного округа полковник Зуб и ряд других военных...”.

В акте же от 23.12.53. года (о расстреле Берии) ни о Коневе, ни о Юфереве, ни о Зубе, ни о Гетмане, ни о других военных, “достойных всякого доверия”, не упоминается.

“Сего числа в 19 часов 50 минут на основании предписания председателя специального судебного присутствия Верховного Суда СССР от 23 декабря 1953 года № 003 мною, комендантом специального судебного присутствия генерал-полковником Батицким П. Ф. в присутствии Генерального прокурора СССР, действительного государственного советника юстиции Руденко Р. А. и генерала армии Москаленко К. С. приведён в исполнение приговор специального судебного присутствия по отношению к осуждённому к высшей мере наказания — Берии Лаврентию Павловичу”.

Суд над Берией был “процессом века”. Однако до сих пор материалы “дела Берии” не опубликованы. Создаётся впечатление, что кто-то будто намеренно покрывает эту историю тайной, чтобы из её сумерек время от времени вышползали разного рода мистификации наподобие “Дневников Берии” и прочего, что в скором времени, возможно, тоже станет частью нашей истории...

Глава сороковая

МАРШАЛ ПО ОСОБЫМ ПОРУЧЕНИЯМ

*“Войти в Будапешт, захватить
важнейшие объекты...”*

После того как Жуков был отправлен в ссылку в Одессу и возглавил Одесский военный округ, Конев принял от него дела.

В 1950 году его назначили Главным инспектором Советской Армии с сохранением должности заместителя министра Вооружённых сил.

С 1951 по 1955 год командовал войсками Прикарпатского военного округа.

Округ был беспокойный. Время непростое.

В состав округа входили армии, корпуса и дивизии, с которыми Конев шёл с боями по белгородской земле, форсировал Днепр, а потом освобождал Европу. Треть частей были гвардейскими. Часто бывая в войсках, встречал знакомые лица офицеров и солдат. Он вернулся в родную стихию. Это ему нравилось. Хотя формально новое назначение выглядело понижением в должности.

Сталин разбросал своих победителей по округам, чтобы меньше общались друг с другом, чтобы не было соблазнов, чтобы не строили каких-либо иллюзий. Рокоссовский находился в Польше. Жадов сидел в Москве и руководил Военной академией им. М. В. Фрунзе. Рыбалко уже не было в живых. Третий год минул со дня похорон. Только что был расстрелян генерал Гордов, бывший его командарм-3. До 1946 года командовал Приволжским военным округом, уволен в отставку, а через год арестован вместе с генералом Куликом и бывшим своим начальником по службе в округе генералом Рыбальченко. Расстреляны все трое. Формулировка приговора какая-то мутная. Никто из военных не верит в её правдивость, но все боятся. Притихли.

Хозяин ещё в феврале 47-го попросился в отставку с поста министра Вооружённых сил: “Очень перегружен я. Товарищи, прошу не возражать. К тому же и возраст сказывается”. И будто в насмешку над маршалами министром военного ведомства был назначен Булганин. Вскоре ему присвоили маршальское звание. Правда, новые погоны проносил он недолго. У Сталина люди долго на одном месте не засиживались. Особенно если появлялись сомнения в их профессиональной пригодности.

Но Хозяин старел. Из Москвы доходили слухи о придворной возне вокруг стареющего вождя и его преемниках. Вначале называлось имя Берии, потом Маленкова, потом Жданова и снова Маленкова...

А у Конева под рукой был один из самых насыщенных войсками округов. К тому же западные области кишели бандами “бандеровцев”, “мельниковцев” и других, более мелких формирований, люто ненавидевших “проклятых москалей”. На границе с Польшей продолжали действовать отряды Армии Крайовой, а в районах, прилегающих к Венгрии, местное население терроризировали “нилашисты” и “салашисты”.

К середине 1952 года общими усилиями всех спецслужб в результате серии удачно проведённых операций, к которым привлекались войсковые подразделения, с бандами в Западной Украине было покончено. ЦК Компартии Украины 10 ноября 1952 года отчитывался в ЦК ВКП (б): “Продолжавшие антисоветский террор оуновцы и примыкающие к ним группы начинают в массовом порядке сдаваться представителям органов советской власти...”

Осенью 1953 года в округе прошли учения. В ходе учений была осуществлена имитация ядерного взрыва. Задачу для войск поставили необычную: действия в условиях применения противником оружия массового поражения. В подготовке и проведении учений приняли участие заместитель министра обороны СССР маршал Жуков, к тому времени снова призванный в высшие командные структуры Советской Армии, генералы Генштаба, академик И. В. Курчатов, конструктор С. П. Королёв.

Молва приписывала этим учениям дурную славу: дескать, на них испытывали ядерное оружие на людях. В действительности ничего подобного не произошло. Хотя накануне шли консультации министра среднего машиностроения В. А. Малышева с его подчинёнными и специалистами-ядерщиками о возможности сброса серийной бомбы малой мощности РДС-4 с самолёта Ил-28. Но “сброса” не было.

Полковник Генштаба Андрей Жариков, помогавший маршалу Коневу работать над его мемуарами, рассказывал, что однажды спросил Ивана Степановича, бывал ли он на ядерном полигоне? Имелся в виду Тоцкий полигон в Оренбургской степи, где осенью 1954 года взорвали ядерную бомбу, а сорок пять тысяч солдат выгнали на учения. Тот ответил: “Мне там делать нечего, это дело Курчатова и Сахарова. Но запомните: когда-нибудь люди проклянут всех, кто изобретал и испытывал атомное оружие на целине. Там же хлеб! Но им-то что? Берия с Малышевым, ответственные за взрывы, на чистеньких перинах с бабами спали в Москве. А каждый взрыв бомбы — это не только распространение заразы на целине, но и вред всей планете. Вы думаете, почему участились землетрясения, ураганы, наводнения, не говоря уже о том, что люди мрут, как мухи? Я предлагал в своё время: практикуйтесь на макетах, испытывайте конструкцию бомбы при обычном взрывчатом веществе. А когда потребуетесь, в чём я сомневаюсь, можно и атомный заряд заложить... А вы там спектакли на весь мир устраиваете. Страх нагоняете. Кто придумал учение войск с применением атомной бомбы? Без ЧП не обошлось. Вы знаете, что там некоторые генералы и офицеры подзаразились, гражданские люди пострадали? А толк? Уже нет в армии тех солдат, которые принимали участие в учении, и генералов нет. Одни уволены, другие поумирали. Кому же этот опыт нужен? Тогда давайте каждый год проводить такие учения”.

В 1997 году А. Жариков выпустил книгу “Полигон смерти”. Книга имела шумный успех. В нее включён и этот эпизод.

Ещё в 1945 году на Потсдамской конференции американский президент Трумэн в разговоре со Сталиным как бы между прочим заявил о том, что США имеют ядерное оружие. В 1949 году успешное испытание ядерной бомбы произвёл СССР. Паритет снова был достигнут. Но для того, чтобы сдерживать Америку от желания атаковать советские города новым оружием огромной разрушительной силы, Сталин приказал держать в Европе и на западных границах огромный контингент войск. Армии, которые ещё вчера сокрушали последние рубежи немецкой обороны. Пока советские учёные в шарашках и на полигонах создавали первую советскую атомную бомбу, сдерживающим

фактором могли быть только люди, миллионы людей в военной форме и танки, армады танков, запрограммированных горючим и готовых к маршу в любой момент.

В мае—июле 1948 года в нескольких сотнях километров западнее, откуда эти армии три года назад вернулись, Объединённый комитет начальников штабов провел штабную игру под кодовым названием “Пэдрон”. В ходе игры бывшие союзники проанализировали возможный сценарий военного столкновения, а точнее сказать, войны между США и СССР при том, что американская армия атакует советские города с применением того запаса ядерных бомб, который к тому времени был накоплен на складах. Выводы американских военных оказались неутешительными: советские войска в первые же две недели военных действий захватывали Берлин и Вену, почти беспрепятственно выходили к Рейну...

Сталин это тоже знал, и его до поры до времени устраивала гигантская армия, которую надо было кормить, одевать, вооружать. Но после 1949 года, когда появилась бомба не хуже американской, армию можно было значительно сократить. И её сокращали. Вот почему некоторые маршалы командовали военными округами, а генералы, закончившие войну командармами, оказались командирами корпусов и даже дивизий. Некоторые же, такие, как Гордов, и вовсе были уволены в запас.

Поэтому своё назначение на округ Конев вряд ли воспринимал как ссылку. Подобную той, в которую угодил маршал Жуков. Во-первых, Конев не был столь амбициозен, как его бывший сосед справа по штурму Берлина. Во-вторых, он попал в родную стихию, в войска, которые любил. В-третьих, он понимал, что эпоха блестящих побед, боевых наград и стремительных повышений в званиях и чинах миновала.

Штаб округа находился во Львове, который войска Конева совсем недавно брали штурмом. Места знакомые, но сильно изменившиеся с той фронтовой поры.

Конев привёз сюда свою новую семью: жену Антонину Васильевну, с которой официально зарегистрировался. На этот раз — никакого гражданского брака. В том же 47-м родилась дочь. Дочь назвали Наталией.

Вот что вспоминает о львовских годах Наталия Ивановна Конева: “Помню прекрасный особняк в старой части Львова: с эркером, фруктовым садом, цветником; гостиную с пианино и даже кладовую: настоящая, как в каких-то кинофильмах о старой, дореволюционной жизни, с домашними колбасками и окороком на крючке, соленьями и вареньями. Солдат-охранник (тоже примета эпохи) должен был везде сопровождать нас с мамой. Он был человеком творческим: из каких-то катушек и ниток соорудил кукольный театр, всё начинало двигаться, и он на разные голоса рассказывал мне истории — незабываемое впечатление.

Мама старалась воспитывать из меня барышню: водила в студию танцевать, сшила пачку из марли, а в качестве отделки наклеила на неё серебряных бабочек из конфетной фольги. В доме появилась учительница музыки Людмила Францевна, полька по национальности. Память зафиксировала осколки впечатлений: мелодии полонезов и мазурок, которые она наигрывала, милые польские словечки “ пше проше”, “подарунчик” за хорошее поведение. Я уже понимала, что оказалась в лоне какой-то другой культуры. Скажем, на Пасху совсем не по-русски красили яйца, из костёла доносились звуки органа, а девочки из хороших семей носили шляпки и перчатки.

Маме хотелось, чтобы дочка командующего тоже выглядела достойно. В её представлении — это платье-матроска, а сверху — белое пальтишко и берет, которые она собственноручно изготовила. В этой одежде я и появилась с мамой на параде войск Львовского гарнизона.

Папа возвращался домой поздно, когда я уже спала, он работал ночами, как это было принято при Сталине.

Дома они с мамой беседовали за огромным столом. Она всегда ждала его возвращения. Иногда уезжали куда-то вместе. Помню сборы на праздничные приёмы. Отец как военный человек собирался быстро: мундир в орденах, начищенные парадные сапоги, фуражка в руке, а мама, хотя и шустрая по натуре, ещё прихорашивалась и в последнюю минуту спешила подкрасить

губы и подушиться духами “Каменный цветок”, привезёнными папой из Москвы. Коробочка, которая так симпатично раскрывалась, как малахитовый цветок, была моей вожаделенной игрушкой: я уже знала сказку Бажова про малахитовую шкатулку.

Собираясь куда-либо с отцом, мама усаживала меня на диван с вязаными подушками — я и теперь храню их, хотя моя дочь Даша уговаривает их выбросить, — но это мой образ детства во Львове: уютный дом, диван, вязаные подушки и руки вокруг маминой шеи. А ещё один памятный образ — папа в военном мундире, который, приехав со службы, буквально взлетает на второй этаж особняка и бережно берёт на руки, носит, прижав к груди, долго-долго, всю ночь: я тяжело болела корью.

Когда я поправилась, папа сделал мне подарок: маленький медальон в форме сердца, внутри которого два овала для фотографий, а на крышке, как капля крови, крохотный рубин. Теперь там хранятся две фотографии — моих молодых родителей.

Из Львова папа поехал в Москву на похороны Сталина, а вслед за ним засобирались и мы с мамой”.

После смерти Сталина наступила новая эпоха.

В 1955 году Конеv вновь назначили Главкомандующим сухопутными войсками.

В 1955 году в Варшаве главы государств “социалистического лагеря” подписали военный союз “по обеспечению мира и безопасности в Европе”. В союз стран — участниц Варшавского договора — первоначально вошли Албания, Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Румыния, СССР и Чехословакия. Это был ответ военному блоку НАТО на присоединение к нему Западной Германии.

Первым командующим Варшавского военного блока стал маршал Конеv и занимал эту должность до 1960 года. Штаб-квартира находилась в Москве. Одновременно за ним сохранялся пост первого заместителя министра обороны СССР. Министром был Жуков.

В 1956 году, когда в Венгрии вспыхнуло восстание, подавлять его направили Конева.

Это была, пожалуй, первая попытка *оранжевой* революции по сценарию из-за кулис. Новый президент США, бывший главнокомандующий экспедиционного корпуса союзнических войск Дуайт Эйзенхауэр объявил краугольным камнем своей внешней политики “освобождение всех захваченных народов”. На выступлении перед студентами Колумбийского университета Эйзенхауэр заявил: “На Соединённые Штаты Америки возложена миссия руководства миром. Вашему поколению предоставлена замечательная возможность внести свой вклад в то, чтобы это руководство стало моральной, интеллектуальной и материальной моделью на вечные времена”.

Насколько последовательны американцы в выполнении заветов своего 34-го президента, мы видим и теперь.

А тогда в западных штабах операция по захвату власти в Венгрии получила кодовое название “Фокус”. Началась она с информационной атаки: тысячи воздушных шаров понесли в Венгрию миллионы листовок. В листовках — призыв к неповиновению новым властям, “Долой коммунистов!” и так далее. Тот, кто планировал эту операцию и писал тексты листовок, хорошо понимал, что их слова лягут на благодатную почву: Венгрия была самым верным и последовательным союзником фашистской Германии во Второй мировой войне. Венгерские солдаты стреляли в наши войска даже тогда, когда всё уже было кончено и сами немцы сдавались дивизиями. В каждой венгерской семье был погибший на Русском фронте, искалеченный русской пулей, обмороженный в русском поле под Сталинградом. Желających снова пострелять в русских солдат, бросить в распахнутый люк “тридцатьчетвёрки” или БТРа бутылку с горючей смесью было достаточно.

23 октября 1956 года началось. Громилы здания милиции, компартии, спецслужб. Убивали коммунистов и милиционеров. По степени жестокости, с которой *борцы за свободу* лишали жизни своих же соотечественников, а потом измывались над телами, это напоминало Средневековье и немецкие концлагеря.

Западные газеты тотчас вышли с заголовками вроде этого: “С заходом солнца Венгерская Народная Республика перестанет существовать”.

С заходом солнца в Будапешт вошли советские войска. Сразу же произошли столкновения. Были убиты советские военнослужащие. Войска открыли ответный огонь. Город запылал. 29 октября войска, наведя относительный порядок, получили приказ на выход. Но после того как танки покинули Будапешт, вновь начались массовые казни коммунистов. Уход войск создал у путчистов ощущение победы. И они начали тотальную зачистку сторонников советского режима.

И тогда в Венгрию вошёл Особый корпус под командованием маршала Конева. Началась операция “Вихрь”.

Походу корпуса на Будапешт предшествовал Пленум ЦК КПСС, на котором возобладало мнение о радикальном решении венгерской проблемы. 31 октября, давая санкцию на проведение операции “Вихрь”, Хрущёв сказал: “Если мы уйдём из Венгрии, это подбодрит американцев, англичан и французов, империалистов. Они поймут это как нашу слабость и будут наступать. Нас не поймёт наша партия. К Египту тогда прибавим Венгрию. Выбора у нас другого нет”.

Напомню о сложности ситуации: в это время на Ближнем Востоке шла война (Суэцкая, Синайская или, как её ещё называли, вторая арабо-израильская) между Египтом и Израилем. Израиль, в союзе с Англией и Францией, воевал за Суэцкий канал и прилегающие к нему территории с Египтом. Советский Союз поддерживал египетскую армию. Из arsenалов стран Варшавского договора через Чехословакию в Египет переправлялось новейшее вооружение: реактивные истребители МиГ-15бис и МиГ-17Ф, бомбардировщики Ил-28, танки Т-34. События в районе Суэцкого канала развивались с переменным успехом.

4 ноября 1956 года 38-я общевойсковая армия и 8-я механизированная армия, усиленные десантными дивизиями и артиллерийскими частями, поставили точку в венгерских беспорядках (или восстании, кому как угодно).

Это была полномасштабная армейская операция. С точки зрения военной, Конев провел её блестяще. Войска были разделены на три ударных группировки. Всем им были даны указания: войти в Будапешт и сразу же захватить особо важные объекты. И войска вошли, ломая незначительное сопротивление вооружённых путчистов.

Некоторые историки и публицисты склонны причислить маршала к списку душителей свободы. Но если взглянуть в историю пристальней и попытаться понять, что именно так, после воздушных шаров и разноцветных ленточек, начинаются гражданские войны, то можно утверждать обратное: Конев силой Особого корпуса предотвратил гражданскую войну в Венгрии. И она, получив многие свободы, стала, по шутливому, но точному определению одного политика-острослова, “самым весёлым баракком концлагеря”. Не зря в прежние времена самыми дорогими турпутёвками в соцстраны были путёвки именно в Венгрию — оттуда можно было больше привезти.

Советские войска за два захода, если верить некоторым данным, потеряли в 1956 году в Венгрии 669 человек убитыми, 1540 ранеными и 51 пропавшим без вести.

После венгерского похода в Москве состоялась закрытая партконференция, на которой был заслушан отчёт Конева о только что завершённом походе и о его результатах. Конев отчитывался не только как командир Особого корпуса, но и как заместитель министра обороны СССР. Доклад был выдержан в мажорных тонах, что вполне соответствовало действительности. Подразделения проявили высокую дисциплинированность, выдержку, боевую выучку. Конев вновь видел перед собой армию-победительницу. Хотя в экипажах танков, в орудийных расчётах и в батальонах служили уже солдаты 1934–1936 годов рождения.

Доклад был принят более чем сдержанно.

Пока заместитель министра воевал, над министром вновь сгустились тучи. Впереди был Пленум ЦК 1957 года и злополучная статья в “Правде”.

Многое бы Конев отдал за то, чтобы вычистить этот эпизод из своей би-

ографии. Об этом свидетельствуют многие факты, в том числе свидетельства близких. Но — что было, то было...

Глава сорок первая

СТРОИТЕЛЬ БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ

“Ход конём...”

С новым первым секретарём ЦК КПСС Н. С. Хрущёвым у Конева отношения не сложились. Причиной тому могли быть не очень приятные взаимоотношения командующего войсками 1-го Украинского фронта Конева и члена Военного совета фронта генерал-лейтенанта Хрущёва.

Однажды летом 1944 года в разгар Львовско-Сандомирской операции, когда немцы опасно контратаковали, и необходимо было срочно выправлять положение, Никита Сергеевич со свойственной ему энергией попытался взять бразды правления, а точнее — управления войсками в свои руки. На что тут же получил пренебрежительную реплику маршала: “Не мешайте, Никита Сергеевич, сами разберёмся!” Сказано это было вежливо, но жёстко.

Хрущёв запомнил.

После шумной отставки Жукова министром обороны Хрущёв назначил преданного Р. Я. Малиновского.

Хрущёв сокращал армию, увольнял в отставку боевых офицеров, руками своего военного министра расформировывал воинские части. Конева протестовал. Настаивал на том, что нельзя огульно сокращать общевойсковые части, что не всегда и не везде человека с винтовкой может заменить техника и новое вооружение, что грядущие войны не обязательно будут ядерными. Однажды, во время очередного спора по поводу будущего вооружённых сил, Конева твёрдо занял свою позицию и не уступал ни Малиновскому, ни Хрущёву. Согласие же Конева было необходимо: первый заместитель должен был поставить свою подпись под неким важнейшим документом. Маршал подпись ставить не хотел. Кто знает, возможно, он вспомнил историю трёхлетней давности, когда в угоду Хрущёву проявил слабость и поставил подпись под заготовленной статьёй. Видя, что Конева на этот раз не взять, Хрущёв начал нервничать, сыпать угрозами, махать кулаками: “Я тебя поставлю на колени!”

Эту фразу маршал запомнил на всю жизнь. Возможно, именно тогда он понял, что надо уходить.

Но перед окончательным уходом из войск в “райскую группу”, как в министерстве называли Группу генеральных инспекторов, выполнил ещё одно задание партии. А вернее — Хрущёва. Потому что тот, посмотрев по сторонам, вдруг не обнаружил рядом никого, кто мог бы решить берлинскую проблему оперативно и решительно.

Хрущёв все больше и больше окружал себя подхалимами и людьми во всех смыслах удобными. Но когда нужно было выполнить серьёзное и ответственное задание, исполнителя выдёргивал из шеренги непокладистых и непокорных, которых придерживал в сторонке.

Летом 1961 года в Берлине разразился кризис. Послевоенная жизнь налаживалась. В западной оккупационной зоне, которую контролировали американцы, социальные проблемы решались более энергично. И берлинцы потянулись туда. Миграционные процессы стали угрожающими — народ уходил на Запад. К осени 1961 года из ГДР ушли на Запад два миллиона человек. Кроме всего прочего, берлинский сектор стал шпионским гнездом для спецслужб вчерашних союзников, а ныне — противостоящих сторон. Из этого уютного и благоустроенного гнезда, удобно нависающего над долиной, птенцы ГРУ, “штази”, ЦРУ и КГБ свободно разлетались во все стороны — по всей долине. В Берлине заработали западные радиостанции, свободно вещавшие на восточный сектор Германии. Начались эксцессы на пограничных КПП.

Войны, как известно, начинаются после мелких конфликтов. Но когда бензин разлит, достаточно одной спички или щелчка зажигалки. О последней мы ещё поговорим...

А в Берлине произошло следующее. На КПП пограничники ГДР не пропустили группу американских солдат в восточный сектор на экскурсию. Те возмутились, доложили начальству. Дело в том, что восточный и западный секторы были открыты для въезда и выезда представителей армий, контролирующих эти зоны ответственности. Запрет касался только жителей двух Германий. Американцы, возмущённые запретом вопреки существовавшим договоренностям, вывели на Фридрихштрассе десять танков. Через несколько минут десять советских танков рычали моторами, выстраиваясь в затылок друг другу со стороны Восточного Берлина на той же Фридрихштрассе. Их разделяли сто шагов и хлипкая будка КПП с перепутанными часовыми обеих армий. Танки стояли “дуло в дуло”. В “чемоданах” лежал полный боекомплект. Экипажи не покидали боевых машин. Бензин был разлит с обеих сторон...

Москва торжественно отмечала возвращение своего космонавта № 2: Герман Титов только что вернулся из полёта. В Кремле Хрущёв устраивал пышный приём. На торжество пригласили и Конева. И неспроста.

Когда официальная часть приёма преодолена, Хрущёв подошёл к Коневу и заговорил о сложной ситуации, возникшей в Берлине. Начался диалог. Конева понял, что в нём вновь нуждаются. Ещё бы, американскими войсками в Берлине командовал генерал Кларк. Конева с ним было хорошо знаком лично, успешно сотрудничал, находясь в Вене в 46-м. Другого такого маршала или генерала, на сто процентов соответствующего сложившимся обстоятельствам, у Хрущёва не было. Конева же американцы знали по Эльбе, Вене. Конева у них из-под носа выхватил Прагу. Словом, лучшей кандидатуры не найти.

— Нужно сделать ход конём, — каламбурил Хрущёв.

Конева молчал. Ждал.

— Так что, Иван Степанович, собирайтесь, надо лететь в Берлин.

— Когда нужно ехать? — ответил Конева согласием.

— Как можно быстрее. Либо сегодня вечером, либо завтра утром.

Накануне этого разговора состоялась беседа Хрущёва с Первым секретарём СЕПГ и руководителем ГДР Вальтером Ульбрихтом. Ульбрихт рассказал о тяжёлой обстановке, сложившейся в Берлине, сгустил краски, чтобы продвинуть Москву к более радикальным действиям на Западе. Ульбрихт хорошо понимал, что именно теперь, когда атмосфера настолько накалена, можно закрыть своим соотечественникам дорогу на Запад. Затем он сообщил о последних разведданных “штази”: в Бонне готовят восстание в ГДР. Хрущёв испугался. Только этого не хватало. Германия — не Венгрия, а Берлин — не Будапешт...

— Надо прекратить эти переходы, — сказал Хрущёв. — Мы даём вам две недели, чтобы подготовиться в политическом и экономическом плане.

— Есть улицы, одна сторона которых относится к ГДР, а другая уходит в Западный Берлин. Мы замуруем ходы, где можно так, *по-чёрному* перейти, — заверил его Ульбрихт.

Хрущёв кивнул:

— Я вижу, мы правильно понимаем друг друга в этих вопросах.

Решать берлинские вопросы послали старого солдата Конева. Берлин его помнил хорошо, во всех смыслах. Ещё не все дома, продырявленные его 203-мм гаубицами Б-4, были отремонтированы.

Конева по-солдатски ответил: “Есть” — и прямо из Кремля уехал на аэродром. Там его ждал личный самолёт Хрущёва.

Перед отъездом позвонил домой и сказал жене, что срочно вылетает в Германию и что за вещами заедет адъютант.

На следующий день Конева встретился с Главнокомандующим сухопутными войсками США в Европе генералом Кларком. Когда Кларк узнал о приезде Конева в Берлин, понял, что перед этим маршалом продемонстрировать маневры своих танковых частей бессмысленно. Один раз русские под командованием этого маршала Берлин уже брали...

Переговоры увенчались успехом. Танки, выстроившиеся на Фридрихштрассе, сделали разворот на 180 градусов и ушли в ангары.

Но на этом миссия маршала в Берлине не закончилась. В ночь с 12 на 13 августа 1961 года на линии соприкосновения на берлинских улицах и площадях, рассекая их на две половины, появилась сплошная стена — деревянные щиты с колючей проволокой наверху. В пределах города длина стены составляла 32 километра и 500 метров. Так появилась знаменитая Берлинская стена. Вначале она была деревянно-щитовой. Бетонные блоки появились позже.

Чтобы утром жители Западного Берлина и американские солдаты, обнаружив на улицах деревянные-проволочные заграждения, не снесли их, Конева отдал приказ: 20-й армии, дислоцированной в окрестностях Берлина, — полная боевая готовность; на линии соприкосновения от стены и в глубину обороны занять в три эшелона. Первый эшелон составляли пограничники ГДР и боевые дружины рабочих, второй — подразделения национальной армии ГДР, третий — части 20-й армии.

Впоследствии маршал, вспоминая Берлин 61-го, говорил, что обстановка была настолько накалена, что “если бы кто-нибудь случайно пальнул из пушки, могла бы начаться новая война”.

Стену строили добровольцы из боевых рабочих дружин и рабочие из Болгарии.

Конева назначили Главнокомандующим Объединёнными Вооружёнными силами стран-участниц Варшавского договора.

Жил он в служебном особняке в Вюнсдорфе в нескольких километрах от Берлина. Семью к себе не вызывал — опасался. Но потом, когда всё более или менее утихло, к нему приехала жена Антонина Васильевна. Дочь осталась учиться в Москве. Но на зимних каникулах к родителям прилетела и она. Особняк в Вюнсдорфе ожил и наполнился счастьем.

Наталия Ивановна Конева рассказывает:

— Проведённый в Германии год был одним из самых счастливых в семейной жизни родителей. Отец дал мне возможность увидеть и узнать очень многое из того, о чём до этого я читала в книгах, благо в нашей библиотеке их было предостаточно. Начали знакомство с Германией с посещения Дрездена, знаменитой галереи. Кстати сказать, это была единственная совместная поездка с отцом. Он был вечно занят. Но в этот наш к нему проезд ему захотелось ещё раз увидеть шедевры, которые он когда-то спасал. Показать их нам. И вот — дрезденские залы. Картины немецких художников, голландцев. Отец хотел снова увидеть Рафаэля. Похоже, именно поэтому он согласился поехать с нами. В первый раз “Сикстинскую мадонну” он увидел при плохом освещении. Отец долго стоял перед “Мадонной” и сказал: “Какая кротость... И в то же время — какая сила!”

Любопытная деталь. До приезда Конева в Берлин Главнокомандующим был генерал-полковник И. И. Якубовский. В 45-м он воевал у Конева командиром отдельной танковой бригады, полковником, потом заместителем командира танкового корпуса, генерал-майором. Воевал храбро и умело, за что в 44-м получил две Золотых Звезды Героя Советского Союза. Приезд маршала Конева и назначение его Главнокомандующим принял болезненно. Вот что вспоминал бывший военный разведчик и сотрудник советской военной администрации в Берлине полковник Ю. В. Басистов: “В Москве решили усилить представительство нашей группы войск, и на должность главкома был направлен маршал Иван Степанович Конева, видный полководец второй мировой войны, один из маршалов Победы, он был бок о бок с Жуковым. Якубовского оставили в группе войск, его сделали первым замом. Генерал Якубовский был очень строг. Горе тому дежурному по штабу, который утром, встречая его, докладывал бы ему: “Товарищ первый заместитель...”, надо было по-прежнему: “Товарищ главнокомандующий...”

Год пролетел быстро. Бетонная стена в Берлине и окрестностях окрепла... Её опутали колючей проволокой. Кое-где даже устроили контрольно-следовые полосы. Дело было сделано. И Конева отозвали в Москву.

Когда маршал покидал Берлин, генерал Кларк прислал ему личный подарок: настольную зажигалку фирмы “Ронсон” в деревянном корпусе с дарственной надписью. Подарок имел, конечно же, свой подтекст. Во-первых, Конеv был страстным курильщиком. Во-вторых, никто из них не бросил спичку, не чиркнул зажигалкой, хотя бензин был уже разлит...

В Москве его ждала “райская группа”, общественная работа, военно-спортивные игры школьников, походы с молодёжью по местам боевой славы, работа над мемуарами, которую он постоянно откладывал.

Ему было шестьдесят пять. Ещё послужил бы. Но родина больше не призывала.

Глава сорок вторая

МЕМУАРЫ

“Я не писатель, я солдат”.

Наталья Ивановна Конева в интервью еженедельнику “Собеседник” в июне 2006 года сказала: “Однажды Симонов предложил ему написать к 20-летию Победы книгу мемуаров. Сначала отец отказался: “Я не писатель, я солдат”. Но Симонов был настойчив, предложил надиктовать воспоминания, распечатать текст и сделать правку. В итоге Конеv согласился. Мемуары опубликовал “Новый мир” Твардовского, которого он чрезвычайно уважал. Потом мемуары вышли отдельной книгой — “Сорок пятый”. Там были и воспоминания о юности...”

С Александром Трифоновичем Твардовским у Конева завязалась дружба. Когда поэт узнал, что маршал, тогда ещё генерал-лейтенант, воевал на его родной Смоленщине, под Ярцевом и Духовщиной, он проникся к нему огромным уважением. А Конеv любил “Василия Тёркина” Твардовского. С некоторых пор в его кабинете на даче в Архангельском появилась вышитая шёлком копия с картины Непринцева “Отдых после боя”: боец-весельчак на привале в лесу что-то азартно “заливает” своим боевым товарищам, и те в восторге... Твардовский присылал Коневу свои новые книги. В одной из них, в очередном издании “Книги про бойца”, сделал такую надпись: “Прославленному полководцу, национальному герою Родины с признательностью за доброе слово об этой книге”. Наталья Ивановна рассказала, что до сих пор в книге лежит закладка, оставленная отцом. Заложил старый артиллерист страницу, где Василий Тёркин размышлял об артиллерии:

*Не расскажешь, не опишешь,
Что за жизнь, когда в бою
За чужим огнём расслышишь
Артиллерию свою.*

У нас в стране многое делается к датам, к юбилеям. В том числе и хорошее. Конечно, именно к круглой дате — 20-летию Победы — Конеv надиктовал на магнитофон Симонова первую книгу своих мемуаров. И эта книга, конечно же, была посвящена победному периоду Великой Отечественной войны, завершающему — Берлинской операции и тому, что ей предшествовало. Штурм Берлина до сих пор в сознании наших соотечественников является своего рода апофеозом войны. И только потом появились “Записки командующего фронтом”. Но — без 41-го и 42-го.

Однако в 1991 году в новом издании “Записок...” были опубликованы записи, надиктованные Коневым для Гостелерадио в 1972 году. В новое издание они вошли отдельным разделом под названием “В Смоленском сражении”. Они охватывают период с января по сентябрь 1941 года, когда Конеv формировал 19-ю армию и командовал ею под Витебском, Смоленском, Ярцевом и Духовщиной. Вспоминая июль-август 41-го, маршал сказал: “В эти дни наши войска дрались буквально за каждую выгодную позицию”.

Конева любили писатели. Часто бывали у него. Потому что и он любил писателей. Часто, когда случались свободные минуты, засиживался с ними допоздна. Он был благодарен своей родине, своему роду и книгам. Родина вырастила его, вскормила, дала начальное образование. А книги, чтение, общение с мудростью веков, историей воспитывали душу, укрепляли её.

Борис Полевой все четыре года войны день за днём старательно вёл дневники. Записывал все свои поездки на фронт, впечатления, беседы с людьми, рядовыми бойцами и командирами. На основе этих бесед и родилась его послевоенная повесть о маршале Коневе. Хотя композиционно она выстроена так.

В декабре 41-го войска Калининского фронта освобождают родной город писателя Калинин. Полевой едет в командировку, встречается с командующим войсками фронта генерал-полковником Коневым. Предлагает генералу написать о нём книгу. Тот отказывается, откладывает на будущее, “когда Красная Армия Берлин возьмёт”. И вот Берлин пал. Писатель разыскивает своего героя в замке в Южной Саксонии, где разместили его штаб. Теперь он маршал, командующий войсками 1-го Украинского фронта. И — началась беседа. Маршал частично рассказывает о себе. Частично повествование ведётся от автора. В самом начале повести рассказ о том, как писалась корреспонденция об освобождении Калинина. И этот рассказ раскрывает, как мне кажется, тот метод, которым и были созданы те, что сейчас мы называем мемуарами маршала Конева.

Полевой долго не мог попасть к командующему фронту. Генерал был занят. Наконец, член Военного совета фронта корпусной комиссар Д. С. Леонов сказал, что генерал назначил беседу на 4 часа утра. И Полевой, опасаясь, что и эта встреча может не состояться или быть очень короткой, так что он, как корреспондент, прибывший за материалом для свежего номера, снова может остаться ни с чем, предложил, как это часто практиковалось, “сделать предварительную заготовку, проект статьи”.

— Никаких проектов и заготовок, если не хотите, чтобы он выставил Вас вон, — предупредил член Военного совета. — С одним из Ваших коллег, пожелавшим таким образом “облегчить” труд автора, такое уже случилось. От Вас требуется только приготовить бумагу и очинить карандаш — диктовать будет. Он, между прочим, хорошо диктует.

Точно так же Конев диктовал и свои приказы. Конечно, в штабе их обрабатывали. Но основу он надиктовывал сразу.

Отличие мемуаров Конева от мемуаров, к примеру, Рокоссовского в том, что Константин Константинович писал их сам. Что-то затем из черновиков убрал внутренний редактор мемуариста, а что-то — товарищи из других инстанций, где рукопись, прежде чем пойти в печать, визировалась. Но для таких рукописей, где многое остаётся в черновиках и среди купюр цензоров, наступают другие времена, когда утраченное можно восстановить. После Симонова восстанавливать мог бы сам Конев. Но теперь это невозможно.

Правда, Конев оставил богатейший архив. Различные записи, конспекты, письма. Архив бережно хранит дочь маршала. И год за годом кропотливо разбирает его. Кое-что публикует.

Наталья Ивановна рассказала, что в последние годы Конев не выпускал из рук книгу мемуаров Манштейна. “Утерянные победы” читал и перечитывал заново. Слово снова и снова переживал ту войну, операции, в ходе которых пытался загнать фельдмаршала и его танковые дивизии и корпуса в решающую ловушку. Мгновенно определял, где немец не договаривал и почему. В “Сорок пятом” и “Записках...” он время от времени цитирует своего бывшего неприятеля.

Книгу Манштейна “Утерянные победы” у нас в России сейчас издают часто. В год — несколько изданий. Недавно выпустили дорогой фолиант альбомного типа, насыщенный фотографиями, особенно немецкими. А того, кто бил его, от Белгорода и дальше, до Румынии, — ни одного нового издания. Что социализм наиздавал, то и хранится в библиотеках.

Такова степень нашего патриотизма и нашей гражданственности.

“Записки командующего фронтом” написаны всё же комиссаром. Всё в них имеет оттенок партийно-государственного понимания и осознания со-

бытий, о которых идёт речь. Они академичны, а потому порой скучноваты. Понятно, что над ними поработало ещё и Главное политуправление, что, видимо, ещё сильнее, с одной стороны, выхолостило рукопись, а с другой — перегрузило её правильными идеологическими выводами.

Удивительное дело, в “Записках...” Конев очень подробен. Говорят, это раздражало некоторых читателей из его окружения. Даже те, кто воевал рядом с ним, командовал армиями и корпусами, замечали: мол, слишком много места уделено деталям, трудно читать, теряешься в подробностях и мелочах...

Для него на войне не было мелочей. Бой состоял именно из частных. Расстановка сил, стремительный маневр...

Читая “Записки...” и “Сорок пятый”, невольно замечаешь, что главы, посвящённые подготовке к операциям, зачастую более пространные, чем описание собственно операции. Именно так было заведено в его манере воевать: подготовка к операции требовала не меньших усилий, чем её проведение. Этого он требовал и от своего штаба, от командармов и их штабов, от командиров корпусов, дивизий и бригад.

Мемуары Конева написаны хорошо. Особенно “Сорок пятый”. Иногда, явно увлекаясь, автор уходит в теорию. Но можно себе представить, какие картины перед ним развёртывались, когда он надиктовывал, к примеру, такие монологи:

“Прорыв — искусство, а не просто результат арифметических выкладок. Из опыта войны мы знаем немало примеров, как иногда трудно удавался прорыв. Как правило, основным содержанием оперативного прорыва были разгром главных сил противника в тактической зоне и создание условий для ввода в прорыв подвижных сил — танковых армий или вторых эшелонов фронта...”

Когда была закончена работа над второй книгой мемуаров, Конев задумался: как командующий фронтом, он постоянно связывался не только со Ставкой, но и лично со Сталиным, и многие решения и действия его войск были результатом этих совместных консультаций. И он пришёл к выводу, что нужна отдельная глава о Сталине. Ему хотелось подробнее рассказать о Верховном, о непростых взаимоотношениях с ним, о его достоинствах и недостатках, как видел их он, командующий войсками фронта. Посовещался с редактором, с боевыми товарищами генералами Жадовым и Покрышкиным. Пришли к выводу, что публикация такой главы невозможна без согласования в ЦК. Написал записку с просьбой — разрешить. Вскоре из ЦК звонили: “Пока подождите, Иван Степанович. Не время...”

Оно, время полной правды, так и не наступило.

Глава сорок третья

РАЗГОВОРЫ С КОНСТАНТИНОМ СИМОНОВЫМ

“Глазами человека моего поколения...”

Это отдельная история, которая, мне кажется, ещё станет достоянием нашей военной истории и истории литературы советского периода.

С окончанием строительства своего дома в Архангельском в дачном посёлке на берегу речушки Вороний брод, он наконец-то обрёл некое пристанище, где мог, после всех битв и тревог, сесть у окна и просто смотреть в сад, посаженный своими руками. Дом он построил в 1947-м, а в 1962-м, после строительства Берлинской стены, поселился здесь с семьёй уже основательно.

Там же, в окрестностях Архангельского, жили многие маршалы и генералы. Семья Москаленко, Жадовых, Рокоссовских, Говоровых.

В Архангельском с некоторых пор стал часто бывать Константин Симонов. Жил он в доме Жадовых. Константин Михайлович был женат на дочери Алексея Семеновича Жадова Ларисе, с которой познакомился в 1956 го-

ду. Это был его третий брак, последний. Лариса Алексеевна вышла за Симонова вторым браком. Первый муж её, поэт Семён Гудзенко, от которого у неё была дочь, умер.

Симонов стал навещать Конева. В те годы он был увлечён записями фронтовиков.

Из книги Наталии Коневой: “Доверяя Жадову, отец как-то сразу по-особому стал относиться и к Симонову”.

Они ходили на рыбалку, пили чай на веранде. Симонов записывал на диктофон рассказы маршала. Рассказчиком он был великолепным. Память и ясность ума сохранил до последних дней.

Многие из записей впоследствии вошли в книгу Симонова “Глазами человека моего поколения”: взаимоотношения со Сталиным, их встречи и разговоры. Именно из бесед с Коневым Симонов, размышляя на тему “Сталин и война”, напишет: “По отношению к командующим фронтами Сталин был не только руководителем государства, партии, то есть человеком, в этой ипостаси своей находившийся на много ступеней от них, отделённый от них целой иерархией — партийной, государственной. В должности главнокомандующего Сталин был их непосредственным начальником. Это были его прямые подчинённые. И это отражалось на его отношении к ним. Это было временно, на время войны, его собственное ведомство. Его люди, его подчинённые, его самые близкие, непосредственные подчинённые.

В каком-то смысле между ним и этими подчинёнными были посредники в качестве представителя Ставки, или заместителя главнокомандующего, или начальника Генерального штаба, но это в одних случаях было, а в других не было. Во многих случаях было просто: командующий фронтом и над ним — Сталин; Сталин и под ним — командующий фронтом.

Главнокомандование во время войны для него было новым видом деятельности, и успехи в этом новом виде деятельности, так же как и неудачи, были для него особенно чувствительны. И он гордился своими успехами в этом новом для него виде деятельности и гордился успехами своих подчинённых. Прямых подчинённых, людей, с которыми он повседневно имел дело.

Вот, между прочим, секрет того положения, которое по отношению к командующим занимали члены военных советов. Сталин в конфликтах, возникших в этих случаях, чаще становился на сторону командующих. Эти четырнадцать или пятнадцать человек были его непосредственные подчинённые как Верховного главнокомандующего”.

Наталия Ивановна Конева рассказывает, что в те дни Симонов ходил к ним, как на работу. Коневу перед этим кто-то из его боевых друзей подарил диктофон — по тем временам вещь редкую и дорогую. Конев вёл параллельную запись. Теперь эти плёнки хранятся у дочери.

В книгу “Глазами человека моего поколения” “Беседы с маршалом Коневым” вошли отдельной главой.

Иногда маршал с писатель просто рыбачили. Варили уху.

Иногда подолгу разговаривали о какой-нибудь прочитанной книге.

Конев много читал. Всю войну возил по фронтам несколько любимых книг: “Науку побеждать” Суворова, “Войну и мир” Толстого, том Пушкина. “Полтаву” знал наизусть. Любил читать какие-то куски из неё.

Любил писателей. Привечал их у себя в Архангельском. Сюда к нему приезжал Борис Полевой, вологодский поэт Александр Яшин.

Но разговоры с Симоновым были наиболее плодотворными. И прежде всего, по той простой причине, что они не исчезли вместе с носителями тех диалогов. Симонов по-корреспондентски скрупулёзно переносил записанное на плёнку на бумагу, комментировал монологи маршала своими размышлениями и наблюдениями. “Коневский” раздел в книге Симонова “Глазами человека моего поколения” один из самых сильных.

Что влекло Симонова к Коневу? Только ли “богатый военный опыт” маршала? Конечно, и это. Но ведь были у них не только разговоры — рыбалка, уха... В Иване Степановиче Коневе было то человеческое обаяние и колорит сильной личности, которая не потеряла себя даже тогда, когда всё, казалось, прожито и оставлено в прошлом.

Симонов умел видеть человека глубоко. И Конев умел видеть глубоко и быть откровенным, когда от тебя ждут откровения.

Глава сорок четвёртая

СИРЕНЬ МАРШАЛА КОНЕВА

*“И как будто устарели тотчас
оба мы с тобой...”*

Однажды, когда Коневы жили ещё в московской квартире в доме на улице Грановского, Ивану Степановичу в день рождения маршал Рокоссовский преподнёс удивительный подарок, которым всё семейство Коневых потом любовалось каждую весну, — куст белой сирени. Раздался звонок, открыли, а на пороге — высокая фигура Рокоссовского с саженцем в кадке. За окнами зима, мороз, снег искрится, а улыбающийся Рокоссовский стоит в дверях с кустом живой цветущей сирени...

Сирень весной высадили в саду в Архангельском.

Сад в Архангельском — это последнее, после мемуаров, творение маршала Конева.

Сажать сад ему помогал тесть Василий Петрович Петров.

Яблони привезли из Мичуринска, самые лучшие сорта — антоновку, пепин шафранный, штрифель. Сажали со знанием дела и с любовью. А потому яблони заплодоносили очень скоро.

Каждую новую весну он встречал с восторгом и благодарностью. На праздник Победы всегда куда-нибудь уезжал — приглашали. После встреч с боевыми товарищами возвращался в своё цветущее царство, подолгу ходил по саду, рассматривал плодовые деревья, любовался сиренью. Мир, который он сотворил по зову своего крестьянского, мужицкого начала и который теперь цвёл, благоухал и плодоносил, существовал уже сам по себе, и его творец был счастлив чувствовать себя частью этого мира. Французского лётчика и писателя Антуана де Сент-Экзюпери спросили однажды: “Кем бы вы хотели стать, если бы не были писателем?” — “Садовником”, — не задумываясь, ответил он. Так вот, должно быть, и Конев ответил бы так же, когда на склоне лет, уйдя от активной службы, занялся садом и погрузил руки в землю.

Сирень на даче Коневых цвела так, как не цвела, кажется, нигде в округе. Её здесь было множество сортов. И множество расцветок. Белая, нежно-сиреневая с небесно-голубым отливом, сиренево-фиолетовая, бордовая, тёмная, как майские сумерки. Она здесь не цвела, а бушевала. Как когда-то в мае 45-го в только что освобождённой Праге...

Потом возвращался в кабинет, брал с полки недавно присланную главным редактором “Нового мира” книгу, открывал наугад:

*Тёркин, Тёркин, в самом деле,
Час настал, войне отбой.
И как будто устарели
Тотчас оба мы с тобой...*

Что ж, и устарели, и постарели. Как верно, насколько трогательно-глубоко и беспощадно-точно выразил поэт состояние солдата, который уже выбыл из строя и в котором уже не нуждается никто — ни командир, ни Родина.

Как рассказывает дочь, стариком Конев никогда не выглядел. Даже когда тяжело заболел. Одет всегда был опрятно. Даже в сад, собираясь работать, одевался, как на прогулку.

Не потерял и свою врождённую осанку. Правда, немного раздобрел.

У него был прекрасный садовый инструмент, тоже подаренный к 60-летию кем-то из фронтовых товарищей. Ходил, осматривал деревья и кустарники, делал необходимую обрезку, удаляя сухие и больные ветки. Ухаживал за картошкой.

Сад, его запахи и звуки в тишине, должно быть, принесли в уходящую жизнь этого человека то, что он оставил, потерял в погоне за другим, давным-давно, ещё в юности, когда уехал из Никольска, когда сбежал от тяжких комиссарских обязанностей на неведомую гражданскую войну. Сад вернул ему ощущение родины.

Второй праздник в саду, второе торжество наступало осенью, в самом её начале, когда созревали яблоки.

Выбирали ясный, погожий день. Бывают такие дни в середине сентября, на исходе бабьего лета, когда всё пространство заполнено ясным прозрачным светом последнего тепла, когда струятся, взблёскивая, невесомые паутины и хочется верить, что такое состояние будет длиться пусть не вечно, но всё же ещё долго. Конев выносил плащ-палатку, расстилал её на лужайке. Приезжала старшая дочь Майя с мужем Василием и внучкой Аней. Невестка Ирина привозила другую внучку — Лену. Но особенно радовалась этому дню младшая — Наташа. Антонина Васильевна выходила с корзиной. И начинался сбор плодов.

Кто хотя бы раз участвовал в сборе осенних яблок, кто пережил эти сдержанные, но глубокие эмоции от ощущения полноты жизни, наполненной созревшими плодами, тот поймёт радость моих героев.

Яблоки ссылали на офицерскую плащ-палатку. Как вспоминает Наталия Ивановна, “это была мозаика — зелёная, с жёлтым отливом антоновка, ярко-малиновый пепин шафранный, розово-полосатый штрифель...”

День сбора плодов был для Конева и днём сбора семьи, и днём радости от общения с детьми и внучками. Сторонник и ревнитель семейного консерватизма и Домостроя, он любил, когда за большим столом собиралась вся семья. В такие дни на радостях мог позволить себе рюмочку-другую.

Часто в своём кабинете засиживался со старшей дочерью Майей.

Майя с успехом окончила МГУ, переводила польских писателей на русский язык, была великолепным стилистом и специалистом по польской литературе. Конев, страстный книголюб, частенько получал из ЦК книги по закрытому “спецписку”. Каждую очередную связку “запрещённых” книг, как правило, первой перебирала Майя. Но иногда приносила такую же связку книг отцу. Она общалась с людьми из диссидентствующей и полудиссидентствующей среды. 60-е годы — время вольных ветров в советском обществе. Конев, прекрасно понимавший, что происходит в стране и мире, видел, что эти ветра всерьёз захватили старшую дочь. Не всегда и не во всём разделяя её увлечения и взгляды, он всё же относился к этому терпимо.

Майя какое-то время жила с первым мужем в Америке. Вернулась усталая. Первый её брак распался. Во втором браке была счастлива. Её муж Василий Архипов был заместителем Главного конструктора КБ Микояна. Человек увлечённый, талантливый авиаконструктор.

Так получилось, что старшие дети разделились: сын, Гелий, больше тянулся к матери. Майя была привязана к отцу.

Свободомыслие старшей дочери не особенно смущало Конева. При всём консерватизме своих взглядов и позиций он понимал, что в чём-то и она права.

Однажды Майя принесла очередную “связку”: книгу Н. А. Соколова “Убийство царской семьи”, роман “Доктор Живаго” Б. Пастернака, “В круге первом” А. И. Солженицына.

Конев книги прочитал. К их содержанию и позиции авторов отнёсся по-разному. Книга Соколова ему понравилась. К “Доктору Живаго” он отнёсся нейтрально. Стиль романа ему не понравился, а идея показалась неясной, рыхлой и слишком глубоко запрятанной, чтобы зажечь читателя. По этому поводу он процитировал Майе своего любимого Льва Толстого:

— Ясность — удовольствие ума! А здесь этого нет.

“А вот по поводу Солженицына, — вспоминает Наталия Ивановна, — у них с Майей были страшные споры, которые заканчивались на повышенных тонах”.

Надо полагать, что разговор о Солженицыне был не единичным эпизодом интеллектуальных бесед отца и дочери.

Младшая Наташа, в то время школьница-одиннадцатиклассница, старалась не пропустить разговоров отца и старшей сестры о литературе, о прочитанных книгах. Она уже полюбила мир книг и русского языка и мечтала о том, что её будущее будет связано с языком и литературой.

Так и случится. Отец ей желал медицинского поприща. А она ушла в любимую с детства русскую словесность. Надо заметить, что, как это часто происходит в крепких здоровых семьях, на младшую большое влияние оказала старшая сестра.

— Я благодарна сестре за то, — рассказала Наталия Ивановна, — что она помогла мне полюбить поэзию, воспринимаемую тогда моими ровесниками очень остро, поскольку в литературу вошло новое поколение, оценивавшее в поэтической форме свою эпоху, нередко с критической точки зрения. Они делали это талантливо, экспрессивно и публично — на поэтические вечера в Политехническом музее собиралась масса народа. Сестра Майя сумела научить меня радоваться слову, “вкусности” фразы. Ей очень хотелось, чтобы я смогла почувствовать, какой талантливый, не ходульный, не агитпроповский поэт Маяковский, которого мы “проходили” в школе. Был извлечён из папиной библиотеки редкий однотомник Маяковского. Но главной книгой, с которой нам всем удалось познакомиться в иностранном издании, было “Собачьё сердце” Булгакова. Меня, школьницу 11-го класса, книга потрясла. С отцом мы её не обсуждали, мне показалось, что он не хотел делиться со мной возникшими после её прочтения мыслями, но ни спорить, ни возмущаться не стал”.

В это время Конев, конечно, не без участия дочерей, начал собирать новую библиотеку. Первая его библиотека, собранная в 20-е и 30-е годы, осталась в оккупированном Ростове. После войны он пытался наводить справки, но поиски никаких результатов не дали. Библиотека пропала. То ли сгорела, то ли растащили.

Для нового собрания Конев приобретал то, что любил или что хотел прочитать в прежние годы, но не мог по разным причинам. А теперь, наконец, настала пора сбора урожая. Можно было позволить себе несколько часов кряду, а то и день напролёт просидеть за любимой книгой.

В библиотеке было много книг из академической серии “Литературные памятники”. Конев всегда ценил основательность. Часто делал на полях пометки карандашом, словно намеревался к этой мысли ещё вернуться. Выписывал и читал военно-технические и военно-исторические журналы, периоду. В доме всегда были свежие “толстые” литературно-художественные журналы: “Новый мир”, “Иностранная литература”, “Октябрь”. Любил листать “Рыболов-спортсмен”, “Здоровье”, “Огонёк”.

Конечно же, политика, интерес к тому, что происходит в мире, в стране, в Кремле и на Старой площади, не оставляли его. И с некоторых пор Конев пристрастился слушать “голоса”. Наталия Ивановна рассказывает, что “отец включал свой старый ламповый радиоприёмник “Сименс” и слушал новости по “Голосу Америки”, “Радио “Свобода”, “Би-Би-Си”, иногда “Немецкой волне”. “Немецкая волна”, её передачи и стиль Коневу нравились меньше.

Сын Гелий жил своей жизнью. По выходным он тоже приезжал на дачу в Архангельское. Высокий, стройный, своей мужской статью словно повторявший юность отца, он женился на такой же красавице из ансамбля танца Игоря Моисеева Ирине Алексеевне Чагадаевой. Окончил военное училище, стал офицером. Но с сыном была беда — пристрастился к спиртному: друзья, весёлые компании.

Гелий рос весьма одарённым человеком. После школы поступил в Военный институт на факультет иностранных языков, но не окончил его, перевёлся в Военно-дипломатическую академию Министерства обороны СССР. Учился с отличием, в совершенстве овладел английским и готовился к карьере военного атташе за рубежом. Но вскоре последовало указание — детей высокопоставленных чиновников и военных на работу за рубежом не брать. Гелий окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. Служил в ГРУ. Но артистическая натура, унаследованная от матери, выталкивает его из среды, подчинённой строжайшим правилам. Прекрасный музыкант, им-

провизатор, он не раз буквально покорял своей виртуозной игрой на рояле Хачатуряна и Цфасмана. Цфасман приглашал его к себе в джаз-бэнд. Но — не судьба. А тут ещё одна неприятность: дело полковника ГРУ Олега Пеньковского, работавшего на британскую Ми-5 и ЦРУ. А с Пеньковским он был хорошо знаком — учились вместе в Академии, а потом служили в ГРУ. Осталась одна дорога — в войска. Вскоре он уже — командир полка в Печенге под Мурманском. Затем поступил в Академию Генерального штаба. Москва, старые забавы и снова — срыв. Отец, разозлённый его поведением, делает всё, чтобы сына загнали как можно дальше от Москвы. “Барство”. Гелий попадает в Нахичевань на должность заместителя командира стрелковой дивизии. Но пьянство продолжается. Из армии его комиссовали в начале 70-х годов. Вернулся в Москву. Жил на пенсию, подрабатывал в какой-то конторе начальником отдела кадров. Несколько раз женился. Детей больше не было. Продолжал пить. Сестру Майю, которую он очень любил, пережил всего на полгода.

Гелий женился на Ирине Алексеевне Чагадаевой в 1948 году. Развелись они в 1965-м. С разводом связана вот такая история.

Конев не знал о том, что с его сыном случилась “русская болезнь”. Домашние и Анна Ефимовна скрывали от него всё, что было связано с запоями и “барством” Гелия. Правда открылась после того, как начался бракоразводный процесс. Сын приехал на дачу и объявил о разводе с Ириной. Отец вскипел, выгнал Гелия из дому и сказал, чтобы ни в отцовском доме, ни в Москве не появлялся до тех пор, пока он этого не позволит. Так и произошло.

Но отцовское сердце отходчиво. Забота о единственном сыне брала верх. Он даст Гелию ещё один шанс — сын поступит в Академию Генштаба...

Это была трагедия и сына, и отца.

Гелию надо было идти на сцену, а не в казарму.

Жена Гелия, Ирина Алексеевна, урождённая Чагадаева, была из некогда известного и славного дворянского рода. Её отец — князь Алексей Дмитриевич Чагадаев-Саканский — был учредителем Царскосельского Аэро-автомобильного спортивного общества, страстным автомобилистом. Развивал автомобильное дело в России и видел в нём большие перспективы. Участник первой мировой войны. Так же, как и Конев, воевал в тяжёлом артиллерийском дивизионе. Награждён офицерским Георгиевским крестом 4-й степени за бой под Молодечно. После революции, стараясь затеряться, скрыть своё происхождение, перевёз семью из Петербурга в Москву. Будучи прекрасным специалистом-автомехаником, работал в автомобильном хозяйстве ВСНХ, затем на различных должностях на автозаводе им. Сталина. Арестован и расстрелян в 1937 году как “враг народа” на Бутовском полигоне. В 1962 году реабилитирован.

Как рассказывает дочь Гелия и Ирины Елена Гелиевна Конева, “дед это знал, но никогда не говорил об этом”. Только недавно, разбирая архив маршала, они нашли записи Конева о расстреле Алексея Дмитриевича Чагадаева. Сейчас это известная история.

Да, зная то время и те нравы, царившие в обществе, взять в свой дом дочь врага народа — это взвалить на свои плечи тяжёлый и опасный крест. Конев знал историю своей невестки: сирота, после расстрела отца мать прожила недолго, оставив пятерых детей, Ирина — младшая.

Ирина была очень талантлива. Танцевала с раннего детства, потом во Дворце пионеров, в группе своих сверстниц, а затем случилось чудо. Их, всю группу, приняли в хореографическое училище Большого театра по личному распоряжению Сталина. Училище Ирина окончила перед самой войной. Поступила в Государственный Ансамбль народного танца. С ним выступала перед бойцами и в госпиталях на Дальнем Востоке и в Монголии. Получила Сталинскую премию 1-й степени — за концертную деятельность. Стала Заслуженной артисткой РСФСР.

— Дед всегда очень гордился моей мамой, — рассказывает Елена Гелиевна. — Говорил, что она никогда не доставила ему неприятных секунд, а только с честью несёт его фамилию по всему миру. До конца своих дней считал её невесткой, на своём 70-летию поднял за неё тост. Мама сидела ря-

дом с Рокоссовским и его женой. Юлия, жена Рокоссовского, сказала ей: “Ирочка, ведь Вы уже не замужем за Геликом, почему он называет Вас своей невесткой?” Мама ответила: “Значит, в наших с ним отношениях ничего не изменилось, а таким званием, как невестка Конева, я только горжусь”. У них была какая-то особенная приязнь друг к другу. Как-то мы приехали в Москву с дачи... Дед маме позвонил, и они гуляли по бульвару, разговаривали. Дед ей рассказывал про свою жизнь, и, как я понимаю, не про победы на фронте, а о самом личном. Рассказывал очень откровенно, о чём редко говорят, особенно мужчины. Думаю, что, зная суперпорядочность моей матери, он понимал, что об этом никто никогда не узнает, и потому так был откровенен. Разговор, видимо, касался моей бабушки Анны Ефимовны. Ещё до свадьбы мама стала жить у Анны Ефимовны и дала деду обещание её не бросать. С бабушкой мы прожили до 1969 года, хотя характер у бабушки был не сахар. Уехали мы от неё только тогда, когда Майе надо было помогать с дочерью Аней. В 1974 году мама вышла замуж за Игоря Александровича Моисеева — сейчас она его вдова, днями ей будет 87 лет. Она до сих пор работает в Государственном Академическом ансамбле народного танца имени И. А. Моисеева. Теперь она педагог-репетитор.

Дочь Гелия Ивановны и Ирины Алексеевны Елена Гелиевна окончила переводческий факультет Московского государственного педагогического института иностранных языков им. Мориса Тореза. Работала в Гостелерадио, затем — старшим искусствоведом во Всесоюзном художественном комбинате им. Е. Вучетича Министерства культуры СССР. Занималась проведением художественных выставок в Москве. В 90-е годы работала с Ансамблем Моисеева, организовывала гастрели, объехала с коллективом полмира.

Карьера Майи сложилась очень благополучно. Прекрасная переводчица с польского, она открыла русскому читателю многих польских писателей. Работая в издательстве “Иностранная литература”, издавала Теодора Парницкого, Владислава Терлецкого, Яна Пиларжа. Перевела детективы Иоанны Хмелевской. В моей библиотеке есть старая книга — сборник “Современная польская повесть. 70-е годы”. В ней три повести трёх польских писателей: Вацлава Билинского, Юлиана Кавальца, Владислава Терлецкого. Составитель — Майя Конева.

Круг её знакомств и дружеского общения, связанного, конечно же, с литературой, был очень широк: Анна Ахматова, вдова Михаила Булгакова Елена Сергеевна Булгакова, поэты Юрий Левитанский, Булат Окуджава, Давид Самойлов, литературовед Святослав Бэлза, которого мы сейчас больше знаем как телеведущего, писатели Фазиль Искандер, Виктор Ерофеев.

В те годы писательская молодежь одного из направлений в советской литературе, которое жило и творило в атмосфере очарования Западом и его ценностями, часто собиралась в небольшом подмосковном городке Тарусе на Оке, у К. Г. Паустовского. Вскоре именно здесь родился самый, пожалуй, известный литературный сборник XX века — “Тарусские страницы”. Почти все авторы сборника — друзья или хорошие знакомые Майи Коневой. Здесь, в Тарусе, в “диссидентском гнезде”, жили тогда Александр Гинзбург, Иосиф Бродский, Лариса Богораз. Сюда приезжал больной и смертельно уставший от Колымы Варлам Шаламов. Здесь бывала вдова Осипа Мандельштама Надежда Яковлевна Мандельштам и многие, многие...

Как рассказала дочь Майи Ивановны и Василия Анатольевича Архипова Анна Васильевна Конева, родители часто ездили на Оку, в Поленово, гостили у внука художника В. Д. Поленова Фёдора Дмитриевича. Перебирались и в Тарусу. Таруса от Поленова — через реку. В Тарусе останавливались у поэтов Музы Павловой и Владимира Бурича. Муза Павлова писала свои абсурдистские пьесы, которые никто не ставил, и переводила с польского современных поэтов. А Владимир Бурич писал прекрасные верлибры и тоже переводил — с польского и сербского. Переводы печатались в “Иностранной литературе”.

В 1968 году разразился очередной кризис в нашем “социалистическом лагере”, на этот раз — в Чехословакии. В Прагу вошли советские танки. Конев хорошо знал, что это такое, по 56-му году, по Венгрии.

В эти дни он особенно внимательно читал газеты и яростно накручивал ручку своего “Сименса” — слушал то, что передают в эфир “вражеские голоса”. Советские газеты надо было читать между строк, он это умел. К тому времени Коневу уже не присылали информационный бюллетень ТАСС, который курьерской почтой доставлялся ограниченному кругу лиц. Кое-что узнавал из общения с бывшими фронтовиками, кто ещё служил, занимал различные должности в Министерстве обороны СССР и в войсках. Благо, Кирилл Семёнович Москаленко жил по соседству. В то время он был заместителем министра обороны.

Со всего Архангельского, как вспоминает Наталия Ивановна Конева, в гостеприимный дом Москаленко сходилась генеральская молодёжь “крутить кино”. Молодёжь “крутила кино”, а они, старики, запирались в кабинете и под чаёк разговаривали о том, что происходило на Западе, где они двадцать три года назад громили немецких генералов и фельдмаршалов.

Во время очередного приезда на дачу старшей дочери состоялся разговор и с ней. Майя с присущей ей прямоотой назвала ввод войск в Чехословакию агрессией, защищала и оправдывала акцию на Красной площади, где семь человек вышли с плакатом “За вашу и нашу свободу!” и тут же были арестованы милицией и сотрудниками КГБ. Среди арестованных оказалась и Лариса Богораз, с которой у Майи были дружеские отношения. Тот разговор между отцом и дочерью снова окончился “на повышенных тонах”. Но их родственных чувств он не затронул.

Антонина Васильевна в эти родительские беседы не вмешивалась. Она относилась к Майе дружески, тепло. Майя платила ей тем же.

Сразу после войны Конев приехал в Москву с новой женой. Он собрал за семейным столом своих старших детей, представил им Антонину Васильевну и сказал:

— Вот хозяйка, живите вместе с нами, я буду только рад, но уважайте её. Если вас что-то не устраивает — уходите.

Майя осталась жить с отцом. Потом, когда вышла замуж, жила в родительской квартире с мужем.

Дочь Майи Ивановны и Василия Анатольевича Архипова Анна Васильевна окончила Военный институт по специальности “военный переводчик”. До 1992 года служила в Центральной группе войск в Чехословакии. Сейчас — директор турагентства. Живёт, как и все Коневы, в Москве.

Коневу очень хотелось, чтобы кто-то из их, коневского, рода пошёл по военной стезе. С сыном ничего не вышло. И вот из Лудейна прислала письмо сестра Мария: просит хлопотать за её сына Александра и пристроить в Суворовское училище. Сел, задумался. В тот же день, посоветовавшись с домашними, отписал сестре: “Маша, не надо портить парню детство, пусть растёт дома, запомнит родительскую ласку, семейную жизнь с братьями и сестрой. Окончит десятилетку, а там посмотри”.

Посмотрел на вложенную в конверт фотокарточку племянника. И будто его русоволосое и светлоглазое детство оглянулось на него издали. Вспомнилось сиротство. Без отца тяжело, а без матери...

Когда племянник окончил школу, Конев помог ему подготовиться к экзаменам в Академию бронетанковых войск. Александр учился прилежно, с огромным желанием стать офицером. Успешно окончил инженерно-танковый факультет и bravым лейтенантом отправился служить в войска. Прошли годы. Служил и в Афганистане, и Группе советских войск в Германии. В запас вышел в звании генерал-лейтенанта.

Генерал Александр Головкин с благодарностью вспоминает своего дядю:

— Когда я получил лейтенантские погоны и первое назначение, дядя мне сказал вот что: “Ты только начинаешь службу, всё у тебя впереди. Служи добросовестно и честно, никогда не ври, заботься о подчинённых и будь к ним справедлив”.

Наталия Ивановна, младшая дочь Конева, — человек удивительный.

Конев очень хотел, чтобы его младшая дочь была врачом, а она стала филологом. Более тридцати лет Наталия Ивановна преподаёт зарубежную литературу в Московском военном университете. Профессор кафедры языко-

знания и литературы, редкий специалист по творчеству Киплинга. Возглавляет Фонд памяти полководцев Победы. Ведёт большую работу с молодёжью по патриотическому воспитанию. Подготовила к печати несколько книг. Автор прекрасно написанной и великолепно изданной книги “Маршал Конев — мой отец”. Книга Наталии Ивановны — это дочерний поклон и своему отцу, и замечательному полководцу Великой Отечественной войны, и дань уважения и памяти многим маршалам и генералам, которые вместе с И. С. Коневым шли к Победе. Хранительница богатейшего архива отца, который потихоньку разбирает и публикует. Многие ранее неизвестные факты и документы из этого архива, предоставленные автору, растворены и в настоящей книге.

Дочь Наталии Ивановны Дария Бажанова воспитывает троих правнуков маршала: дочь Майю-младшую, Таисию и сына Ивана. Так что в семействе Коневых снова есть Иван!

Наталия Ивановна не только хранительница памяти отца и его архива, она — центр коневского семейства. Семейство Коневых очень дружное. В своё время, после смерти маршала, Антонина Васильевна, благодаря врождённой доброте и благородству своей души, смогла так распорядиться наследством мужа и отца, что все только тесней сплотились вокруг неё. Сейчас эту миссию несёт Наталия Ивановна. Раз в год семейство собирается на Красной площади у могилы отца, деда и прадеда, а потом все идут в маленькое кафе напротив. Пьют кофе с пирогами и вспоминают всех ушедших, делятся семейными новостями.

Глава сорок пятая

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

“Его прощальный взгляд был совершенно ясный...”

Когда маршал был уже неизлечимо болен, но находился дома, ставил на проигрыватель любимую грампластинку Фёдора Ивановича Шаляпина и подолгу слушал. Маршал и прежде любил этот мощный бас, от которого веяло русскими просторами, удалью, родной стариной, непобедимостью России. Шаляпин был для него воплощением “русскости” и в то же время, как заметила Наталия Ивановна Конева, “какого-то надлома, душевного смятения, предопределённого драматическими поворотами нашей истории”.

Умирал он мужественно, зная, что жить ему осталось совсем немного.

У постели его постоянно дежурил кто-нибудь из родных.

Часто его навещал тогдашний Председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин.

Вспоминая последние мгновения жизни отца, Наталия Ивановна рассказывала: “Я хорошо помню момент его прощания со мной. Он знал, что умирает, у него был рак. Так получилось, что я пришла в больницу, когда у него случился приступ, после которого он уже не смог оправиться. У него резко открылось кровотечение. И вот пока прибежала дежурная медсестра, пока его перекладывали на носилки, он всё это время смотрел на меня. Он не сказал ни слова, он хорошо знал, что это наша последняя встреча. Это был просто долгий прощальный взгляд. Его прощальный взгляд был совершенно ясный”.

Это произошло 21 мая 1973 года.

Летом он мечтал поехать в Лудейно, в родные вятско-вологодские края. Видимо, чувствовал, что срок его пребывания на земле иссякает. Потянуло на родину.

Недавно московский агроном-селекционер С. А. Аладин вывел новый сорт сирени и назвал его “Маршал Конев”. Один из первых черенков он подарил семейству Коневых.

ИГОРЬ ЛУКЬЯНОВ

ДЫМКИ ОТЧИЗНЫ

* * *

*Он мне дорог с давних лет,
И его милее нет —
Московских окон негасимый свет.*

Из песни советских времён

Прощай, моя цивилизация,
В которой рос, в которой жил.
Всепобеждающая нация
Без буржуазных воротил.

Прощай. И как твои осколки
Среди вечерней синевы —
Воспетый свет
                                окон московских,
Чужой
                                для нынешней Москвы.

* * *

Век прагматичный наш
Скорее зол, чем ясен:
И чужд ему Челкаш,
И чужд ему Герасим.

ЛУКЬЯНОВ Игорь — автор журнала “Наш современник”. Живёт и работает журналистом в г. Борисоглебске Воронежской области.

Скудеет белый свет.
Наглеют человеки.
Где сердце? Сердца нет.
Осталось в прошлом веке...

ЛЕТО — 2011 ГОД

Дороги сплошь в автомобилях личных,
А вдоль вовсю — вино и шашлыки.
И всё слабее средь дымков шашлычных
Отчизны сиротливые дымки.

Жрёт всё святое потребленья Молох.
Дымки Отчизны накрывает мрак.
И кто их вспомнит — разве что филолог
Да с ним поэт, поскольку он дурак.

* * *

Где русскому не сладить со слезою —
Смешно еврейю. Но я внял судьбой,
Что есть евреи с русской душою
И русские — с жидовскою душой.

ПОЭТ

Был бывший уголовник тих и вежлив.
Поклонник поэтической строки,
Он приносил то часто, то пореже
Своих стихов тетрадные листки.
Перемолов немало лет по зонам,
С есенинской душевностью почти
Писал он без блатного лексикона
О всём, что удалось в себе спасти.
Средь пьяных драк, средь зверских поножовщин
Физических и нравственных калек
Он сохранил святую обнажённость,
Без коей человек — не человек.
Без коей не почувствуешь дорогу,
Как Родину — сквозь русский лунный свет.
Рецидивист. Старик. Поэт Серёга,
Пусть не Есенин — всё равно поэт...

* * *

Хоть впору зажечь в себе циника.
Сорваться и сжать кулаки.
Какая тут, к лешему, лирика —
Цветочки, туманы, лужки...
Какая тут, к чёрту, романтика —
Всё это иль глупость, иль ложь,
Когда за иудины фантики
Идёт бесконечный делёж.
И гибнет страна в озверении.
И вспомнить у нас нету сил,
Что в мир наш придёт бессеребренник,
Который уже приходил...

ПОЭЗИЯ

ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

НИКОЛАЙ КОНОВСКОЙ

В ГОРАХ

Зной полуденный, хлад, и звезда кременистой глуши,
И сплетение крон, и замедленной птицы паренье...
Говорят, по ученью, что вроде и нету души
В этом чающем слова пронзительном Божьем творенье.

Грани блещущих скал в голубом неподвижном дыму.
Дышит вечностью мир, дышит жизнь леденисто-безгрешно...
Словно с близкой душою — скажи мне тогда — почему
С этим каменным сном так легко, и светло, и утешно?

СОН НА ПОКОСЕ

С пронзительным свистом серебряно сбитые росы!
О, пламень холодный! О, тяжесть затёкшей спины!..
Как долгод и сладостен сон на полдневном покосе
Под тенью сквозящую грузно сметённой копны!

Лежишь бездыханно, раскинув тяжёлые руки,
Усталою плотью духовных не ведая пут.
Лишь где-то глубоко возникнут незримые звуки,
И так же неслышно в бездонную вечность уйдут.

г. Москва

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВ

* * *

Белой сиренью окутан,
Домик притихший стоит:
Может быть, в эту минуту
Кто-то в него постучит.

Может быть, скрипнут ступени,
Дверь распахнётся вот-вот —
В белом порыве сирени
Давний хозяин войдёт.

Но за минутой минута
Сходятся кругом в часы.
Окон сияние мутно
В меркнувших звёздах росы.

Белой сиренью окутан,
Домик стоит в полумгле.
Кто он, зачем и откуда
Явлен на этой земле?

Долго ль оглохшею тенью
Будет стоять и стоять?..
И, задыхаясь сиренью,
По-человечески ждать?..

г. Москва

НИКОЛАЙ БАРСКИЙ

НА ВЕРШИНЕ УВАЛА

Щётки пырея, кусты, ковыли,
Тропка, заросшая жёсткой травой,
Шапки холмов в зыбком зное вдали,
Край горизонта с каймой бороною...

К верху увала, овраг миновав,
Я то и дело ходил над затоном
Мимо дышавших прохладой дубрав
И утопал в разнотравье зелёном.

Глянeshь вперёд — будто в рай угодил:
С небом в ладу, с ликованием на воле,
Если бы сзади — не плиты могил,
Если бы слева — не дикое поле,
Не деревенский разор в суходоле.

Светловолосый пшеничный простор,
Злато подсолнухов, рожь голубая —
Не позабытые мной до сих пор
Нивы цветущие волжского края.

Нелюди Русь на измор обрекли,
Нас выживая с родимой земли.
Сдюжим беду. С нами будут навеки
Хлебные волны, кусты, ковыли,
Тропы заветные, сосны и реки.

*г. Мытищи,
Московская обл.*

ГАЛИНА СЛЁЗКИНА

СТАРЫЙ ДОМ

Старый дом на краю села,
Веет вьюга белым-бела.
По колено вётлы в снегу,
Позабыть вовек не смогу.

И не вспыхнет в окошке свет,
Подвесной колыбельки нет...
Будто тысячу лет назад,
В ней “баюкался” младший брат.

И в ромашках луг по весне...
Старый дом — это лишь во сне.
Наяву только маета,
И толпы городской суета.

Город каменный, без души,
Всё, толкаясь, орёт, спешит.
Предала ручья синеву,
И в тебе, нелюбимом, живу.

А во сне не могу понять:
Где же дом? Где вётлы стоят?
Только вьюга метёт опять,
На погосте и мать и брат.

Белгородская обл.

НИКОЛАЙ ОБОЛОНСКИЙ

* * *

Ночью стужа с небес натекла,
Позаполнила ямины густо.
Посинела на поле свекла́.
У реки побурела капуста.

Свет неяркий в домишках зажгли —
Заблестели под лавкой копейки.
Без меня мимо други прошли,
Подпоясав ремнём телогрейки.

Полон дыма рассвет на Руси.
Колокольня от гуда оглохла.
На колодце ведёрко висит,
И ещё на бочках не обсохло.

Изменившись заметно в лице,
На ходу сняв с подставки бадейку,
Показалась вдова на крыльце,
Оголив лебединую шейку.

* * *

Ночью мерещатся яркие сполохи,
След дождевой колеи.
Дикие голуби тщетно в подсолнухи
Прячут печали мои.

Ох, далеко ещё людям до осени,
До травматизма на льду.
Что ж раньше времени отплодоносили
Яблони в райском саду?

Я, помолившийся Божией Матери,
Слышу, идя по селу,
Как за сараем твоим гастарбайтеры
Дёргают бензопилу.

Где пацанва в дождь пускает кораблики,
Песню спивает хохол,
Лет через десять мне вынесешь яблоки,
Выпачкав белый подол.

г. Москва

ВАЛЕНТИН ГОЛУБЕВ

СОН

Не заметил никто, как с далёкой звезды
Луч зелёный послали к Земле небеса.
Век ходить по грибы, далеко ль до беды —
Разрастаясь, пошли в наступленье леса.

Подрывая фундаменты наших домов,
Разрыхляя брусчатку пустых площадей,
Из каких закоулков дремучих миров
Наступают леса, окружая людей.

На фабричном дворе разрослись тополя,
Сквозь деревья не видно цехов корпуса.
Окружая людей, на тебя, на меня,
Как зелёная рать, наступают леса.

И взойдут над планетой зелёные дни,
И в судьбе уцелевших настанут тогда
Только чащи, да пущи, да дебри одни,
Беспросветная будет в их жизни тайга!

...Я проснулся,
А кажется, только прилёт.
Завтра Троицын день. За окошком гроза,
У старинной лампадки чуть жив фитилёк,
И в берёзовых ветках в углу образа.

СЕРГЕЙ ХОМУТОВ

* * *

Такое времечко настало —
Сплошная горечь и досада...
О рае думать не пристало,
Но, как могу,
    бегу от ада.
Уже с отчаяньем, но всё же
Усталой совестью хватаюсь
За то, что ближе и дороже
И от святынь ещё осталось.

КАЛИНА КРАСНАЯ

Десятый класс, апрель, “Калина красная”.
Из кинозала вышел я другим,
И целый год прожил под знаком праздника.
Я был тогда смертельно молодым.

Пуская не для меня цветут акации,
И жизнь прошла, я не скажу — как сон.
Я в ней прощал, и приходилось драться мне,
Унижен я бывал и вознесён.

Но и во тьме без провожатых хаживал,
Потом с трудом на солнце выползал.
Ни у кого поблажек не выпрашивал,
Всегда я помнил старый кинозал:

Пригорок. Храм. Егор Прокудин плачущий,
От боли и прозренья, от стыда.
Такие мы. Пусть знает всякий алчущий —
Не взять нас никому и никогда!

Рудный Алтай

ВЛАДИМИР ЧИСТОПОЛОВ

* * *

Советской властью на пост назначенный,
Он не любил её, как раскулаченный.
Страна огромная. Оплот шатается.
За папу с дедушкой он рассчитается.

В котле страны кипят для вас такие щи,
Не расхлебаете ужо, товарищи.
Запомним накрепко обиды детские,
В бараний рог согнёт вас всех, советские.

Глядя на ближнего глазами добрыми,
О привилегиях сказал он вовремя.
И тонко чувствуя приметы времени,
Для всех простым он стал, не хуже Ленина.

Совсем по-ленински в одежде простенькой
В трамвае ездил он, кажись, по осени.
Но за углом ждала машина личная,
Да, привилегия — но не публичная.

Радел за каждого, словно за брата он:
Чтоб всё по-честному и все богатые...
И так как не было вблизи поленницы —
На БТР полез совсем по-ленински.

И очи гордые. И речи пламенные.
А люди слушали, кричали: “Правильно!”
В волнах политики он плывал выдрю,
Так президентом его и выбрали.

И лишь забрался он по этой лестнице.
Дал волю жуликам и околесице.

г. Йошкар-Ола

ТИМУР ПУЛАТОВ

МЛАДОБУХАРЕЦ ПРОТИВ МЛАДОТРОЦКИСТОВ

5. Съезд младевразийцев

Это был последний съезд писателей, избранных делегатами от единой страны – Советского Союза. Хотя многие из почти 500 делегатов приехали из суверенных республик, они привезли с собой ещё не до конца выветрившийся дух общности, память, ощущение того, что многое значимое было создано, донесено до читателя, переведено на национальные языки, экранизировано, показано на подмостках театров совсем недавно. И писателям, оставшимся на первых порах без издательств, журналов, растерянных перед требованиями новых властей менять идеи, темы, образы, казалось, что словесными заклинаниями можно хотя бы ненадолго вернуться в эпоху, которая ушла безвозвратно. Отсюда и жаркие споры на съезде, обращение к властям не менять привычную литературную среду...

Впрочем, это всё – лишь для историков литературы. Не вдаваясь в подробности, могу рекомендовать им полный стенографический отчёт IX съезда писателей СССР с иллюстрациями, с зарисовками, портретами писателей, с документами, обращениями, изданный “Современным писателем” в 1992 году тиражом в одну тысячу экземпляров и по сей день хранящийся в центральных библиотеках.

Я же пунктирно прочерчу лишь некоторые высказывания делегатов, которые складываются в единую идею – евразийскую. В основном об этом говорили писатели бывшего СССР, делегаты, голоса которых часто в унисон звучали под сводами большого зала Центрального Дома киноактера через дорогу от “Дома Ростовых”. Отмечу попутно, что когда стало известно, что сюда съехались посланцы почти со всего бывшего Советского Союза и что по всем признакам съезд пройдёт без скандалов и дразг, почти все газеты, включая “Спид-инфо”, телевидение, радио, как нам стало известно, по науськиванию Сергея Филатова, президентского администратора, вновь хором выступили против “собрания красно-коричневых”. Проплаченные господами Авеном, Смоленским, Гусинским, они, помимо прочего, позарились на добро, накопленное не одним поколением писателей.

Им подпевали и некоторые писатели, к примеру, Виктор Астафьев, заявивший на “Радио России” 2 июня 1992 года, что он приехал, чтобы присутствовать при похоронах Союза писателей. Так утверждал человек, получив-

ший от Союза писателей все мыслимые и немыслимые награды и почести, недоумевали делегаты. Думаю, это был не закономерный путь патриота и фронтовика, а моральный и психологический сбой.

Одной из самых глубоких и страстных была речь Юрия Бондарева: "... Мы теперь знаем, как и для чего была использована гласность – это была ступень к измене, стратегией которой стала реставрация то ли феодализма, то ли капитализма, отбросившая нашу страну на столетия назад. И наступила пора унижения и бессилия недавно гордой и мощной державы. Поманив демократией и свободой, правящая пресса перестроилась в политиканствующую жестокою машину, она теперь останавливает, закупоривает правду, цинично извращает, умертвляет инакомыслие. Как бы это ни показалось кому-то крамольным, экстремизм так называемой либеральной прессы – путь к тирании, к гражданской войне... Беда той стране, которая приглашает и встречает как героев, как борцов за свободу своих "блудных сынов", покинувших родину в тяжкие для неё дни, отпетых изменников, предлагая им для высокомерных поучительных статей и снисходительных интервью страницы газет и журналов, заглядывая в глаза с подобострастной готовностью упасть на колени в покаянном упоении восторга и умиления. Кто виноват в этом проституировании демократией и свободой?"

Уже многие понимают, что атлантическая оккупация нашей евразийской культуры превращает её в серую студенистую космополитическую топь, бескровную и дряхлую, способную втянуть в себя и задушить всякий живой талант любой национальности, высосать все соки, питающие его..." (см. стенограмму съезда. С. 35–36).

Жаль, что не могу процитировать полностью речь Юрия Васильевича, она была злободневна не только когда произносилась – в июне 92 года, но и во все последующие два десятилетия, и вплоть до наших дней. И будет и далее напоминать о наших болях, потерях; о глумлении над гражданами нашей страны, над их чувствами, верованиями и достоинством со стороны продажных средств массовой информации. Ведь сегодня, как и тогда, не покидают экраны телевизоров, страницы газет и сайты интернета разные гельманы-сванидзе-ерофеевы-парфёновы...

Слова Бондарева о том, что не в евро-атлантическом, а в близком всем нам евразийском духовном пространстве зарождающиеся национальные элиты и "новая литература" способны сохранить свою самобытность, традиции и культурные особенности, были близки и понятны делегатам. Вот краткие цитаты из выступлений (взяты из стенограммы):

Б. Худайназаров (Туркменистан): "Мы приехали сюда, чтобы провести наш очередной IX съезд писателей. Что ждёт наше сообщество, долго ли оно проживёт – это волнует не только меня, но и всех литераторов Туркменистана. Но если нас будет вдохновлять в творчестве евразийская идея, жгучая мысль, зародившаяся в степях Казахстана, на просторах Средней Азии и равнинах России, то я уверен – за нашим сообществом – будущее..."

А. Джакшылыков (Киргизстан): "Хотя мы являемся писателями ныне суверенных республик, тем не менее, мы глубоко осознаём, что мы вечные соседи, наши народы будут жить рядом... Надо постараться не терять Евразию – это наша историческая судьба..."

А. Нурпеисов из Казахстана заметил, что: "...мне – не экономисту, не политику – культурное человеческое пространство Евразии куда важнее, нужнее и необходимее даже нашего священного экономического пространства". С позиций 2012 года можно сказать, что казахский прозаик оказался провидцем: ведь ныне политики заговорили о едином экономическом пространстве Евразии.

Не поздновато ли, господа?! Ведь то, о чём первыми заговорили писатели на своём IX съезде, к чему стремились – к евразийскому духовному пространству, – вами же, политиками, было разорвано и дискредитировано. За прошедшие двадцать лет, переписав историю евразийских народов в угоду своим кланам, улусам, племенам, заменив кириллицу на латиницу, словно вера наших предков – католицизм, лишив своих граждан возможности читать Толстого, Достоевского, Чехова, Шолохова, Леонова (книги которых написаны кириллицей, а также книги по медицине, геофизике, механике, космонавтике), разрезали на маленькие уделы живую ткань Евразии. И через нарезанные границы, многие из которых искусственные, особенно в Средней Азии, обви-

няют друг друга в голодоморе, Холокосте, раскулачивании, сталинизме, застое, фашизме – во всех грехах.

Возможно, при таком жёстком размежевании начала 90-х и удастся создать евразийское экономическое пространство, но без некогда единой духовной среды, без духовной взаимосвязи, без взаимосвязи культур и литератур экономические отношения превратятся в обыкновенный бартер. Нефть и газ в обмен на хлопок и фрукты, белорусский трикотаж и ивановский ситец – в счёт арендной платы за космодром Байконур. Представителям колониального капитализма невыгодно объединение. В России же доля национального капитала ничтожно мала. Здесь больше, чем в Казахстане или Белоруссии, крутятся средства колониального капитала, к коим отношу тех, кто живёт за границами страны, обучает в Лондоне своих отпрысков, которые почти все, за редким исключением, не вернутся в страну, где нажили богатство...

Искренне ратовали за евразийскую духовность, её возрождающую силу Леонид Леонов, приславший приветствие съезду, Валентин Распутин, Расул Гамзатов, Борис Можаев, Михаил Алексеев, Мустай Карим, Пётр Проскурин, Алим Кешоков, Сергей Михалков, Олег Волков...

Мне же, помнится, было приятно слышать Юрия Васильевича Бондарева, предложившего мою кандидатуру первым секретарём вновь созданной организации – Международного Сообщества писательских союзов (МСПС), и особенно его слова о том, что состоялось примирение и что блокада с нашего российского “сектора Газа” снята:

“... Пулатов принимал решения не экстремистские, не придерживался тех крайностей, которые всех нас уже раздражают до предела, а придерживался разумения. Более того, я, например, был с ним в конфликте до определённого времени. Пусть он на меня не обижается и не вспоминает. Я уже забыл, я ему высказывал очень резкие вещи, да, так было. Но потом в течение нескольких месяцев, когда образовался наш оргкомитет, проходило не так уж всё просто, было всё в трениях, в поисках истины, правильных решений. Я пришёл к совершенно для меня бесспорному выводу: Тимур Исхакович Пулатов должен быть сейчас во главе нашего Сообщества. Потому что он обладает теми свежими качествами, которые необходимы нам сейчас...” (стенограмма. С. 88).

Джеймс Джойс в своей исповеди “Портрет художника в юности” говорил, что, среди прочего, успешный литератор должен обладать и двумя другими качествами – молчанием и хитроумием. Во время съезда я убедился, что русские и другие писатели-евразийцы не проявляют ни одного из этих качеств. Хитроумие, добавлю – и двоемыслие, двурушничество – это психологическая и моральная черта писателей западно-либерального толка, знакомых нам младотроцкистов.

Пока мы увлечённо и простодушно шлифовали грани новой объединяющей идеи, младотроцкисты стаей шли за нами по пятам. Штаб-квартирой тех, кто был изгнан из “Дома Ростовых”, стал Литфонд на Усиевича, у Огнева. Оскоцкий и Анфиногенов сочиняли проекты будущих правительственных решений и через Тимура Аркадьевича Гайдара передавали их Егору Гайдару и Юрию Лужкову. Всё по тому же поводу – имущественному.

Первый “привет” съезду поступил аккурат на второй день, нарочным. В пакете от Ю. Лужкова, с которым ознакомил делегатов Сергей Лыкошин. Заготовленное и датированное загодя – 22 мая 1992 года – послание гласило: “Правительство Москвы. Премьер. Распоряжение. О передаче на баланс Управления госконтроля охраны и использования памятников истории и культуры г. Москвы здания Центрального Дома литераторов (строение 1 по ул. Воровского, 50 и дома 53 по ул. Герцена...)”. Главному рейдеру Москвы вовсе было неважно, что ЦДЛ на ул. Герцена не является памятником культуры и построен на средства писателей их Союзом. Здание, которым теперь вовсю распоряжались господа Носков и Алешечкин с прицелом на приватизацию.

А к 4 июня, последнему дню съезда, подоспел и правительственный курьер, офицер фельдъегерской службы с распоряжением Правительства Российской Федерации от 1 июня, составленным в самый канун съезда, о передаче имущества Союза писателей СССР Госкомимуществу, возглавляемому небезызвестным А. Чубайсом. Первый вице-премьер Е. Гайдар отдавал чужое, общеписательское имущество, накопленное тремя поколениями литераторов, на ответственное хранение своему другу! Тот, как известно, не жалуется даже Фёдора Михайловича Достоевского и ничего, кроме физической

ненависти (по его известному выражению), к этому писателю не почувствовал, перечитав его “всего”!

Из всех тех, к кому делегаты съезда обратились с призывом защитить их имущество от грабительской приватизации – Б. Ельцин, А. Руцкой, ген. прокурор В. Степанков, министр юстиции Н. Фёдоров и многие другие, – лишь тогдашний председатель Верховного Совета Р. И. Хасбулатов наложил на наше письмо следующую резолюцию: “Е. Т. Гайдару. Прошу пересмотреть решение: достаточно множество врагов. Писатели всех республик стремятся к реальному единению, чего мы, политики, ещё не в состоянии делать (или сделать). Что Вам даёт это решение? Кто Вас науськивает? Зачем провоцировать общество, интеллигенцию? Вы думаете об этом? Отмените Ваше распоряжение и дайте возможность литераторам спокойно работать. У Вас мало иных проблем? Р. Хасбулатов, 3 июля 1992 г.” (стенограмма. С. 136).

Не пересмотрел Гайдар решение, не отменил распоряжение. Папа из Литфонда не разрешил. Пришлось судиться за отмену распоряжения Гайдара и Лужкова в Высшем арбитражном суде. А в это время пришло предписание из ведомства А. Чубайса сотрудникам МСПС: в недельный срок освободить “Дом Ростовых”. В случае отказа грозились прислать ОМОН.

С. В. Михалков дозволился до вице-президента Александра Руцкого и повёл делегацию писателей к нему на приём.

Бравый генерал, участвовавший в форосском спектакле Горбачёва, слушал наши доводы рассеянно, было видно, что гайдаро-чубайсовская команда сделала из него чиновника, хотя и высокого ранга. Пробежав усталыми, посеребрившими от забот глазами наше обращение о помощи, Руцкой взял его и вышел в соседнюю комнату с узкой дверью за креслом (должно быть, положил его в один из пяти своих знаменитых чемоданов “компромата”, которыми он пугал ельцинских чиновников), а вернувшись, заявил:

– Если придут омоновцы – сразу же звоните мне!

Все оставшиеся дни до разбирательства нашего иска в Высшем арбитражном суде сотрудники заходили во двор с опаской, а на протяжении рабочего дня поглядывали в окна кабинетов в ожидании марширующих мимо памятника Толстому храбрых гайдаровских омоновцев. Не выдержав напряжения, уволилась Клавдия Матвеевна Ковалёва, не побоявшаяся в своё время разоблачить ложь Черниченко. Моё же нервное напряжение причудливым образом перетекало в ностальгию по письменному столу. Но сколько бы ни сидел перед белым листом бумаги, не мог связать даже нескольких слов. Желая напомнить о себе как о прозаике, передал отрывок из начатого ещё в Ташкенте романа “Заложник империи” о Чингисхане в газету “День”.

Когда я поехал в редакцию вычитать гранки, Александр Андреевич Проханов познакомил меня с Раисой Николаевной Любимовой – арбитражным судьёй, к которой попал наш исковый спор с Гайдаром, Чубайсом, Лужковым и компанией. Раиса Николаевна в дополнение к материалам расспрашивала меня об истории захвата группой Евтушенко Союза писателей и о том, как развивались события в писательской организации до IX съезда.

Проханов поставил передо мной микрофон, видимо, желая запечатлеть для истории писательскую борьбу. Я назвал компанию младотроцкистов: Черниченко, Оскоцкого, Нуйкина и иже с ними – “скопищем тли на живом теле культуры”.

В очередном номере “Дня” мои резкие высказывания в адрес оппонентов были выделены особо, но я нисколько не сожалел об этом, вдохновлённый тем, что коллегия судей во главе с Р. Н. Любимовой признала МСПС правопреемником имущества СП СССР, отменив распоряжения правительства и мэрии в отношении Литфонда и ЦДЛ.

Но праздновали победу мы недолго. В. Огнев подал встречный иск в Президиум Арбитражного суда о признании правопреемства МСПС незаконным. Его поддержало правительство Гайдара и Госкомимущество Чубайса.

В сырых, изъеденных грибок коридорах суда мы узнали, что Раису Николаевну Любимову, бросившую вызов “сильным мира сего” – Гайдару–Чубайсу–Лужкову, – уволили по звонку госсекретаря Г. Бурбулиса. Так что “басманное правосудие”, о котором воят в наши дни либеральные газеты, было создано ещё в начале девяностых.

Под давлением приспешников Ельцина Президиум ВАС отменил прежнее решение. Действие Устава МСПС было приостановлено с требованием убрать

из него параграф о правопреемстве, что развязало руки тем, кто желал присвоить себе жалкие крохи из того богатого имущества, каким владел прежний СП СССР. Нам предлагалось созвать внеочередной съезд, чтобы объявить МСПС имущественным банкротом. Кроме того, заблокировали и наш счёт в банке. Пока не был проведён внеочередной съезд МСПС, не было денег не только для зарплаты сотрудникам, но и для покупки чернил и скрепок. Но все сотрудники выходили на работу, продолжая трудиться, в качестве платы получая лишь бесплатный обед.

Так прошёл почти год, до октября 1993-го — из одного заседания суда дела перетекали в другое заседание. К МСПС было подано двенадцать исков — по одному в месяц! — от имущественных до трудовых... Власти различного уровня пользовались ситуацией, чтобы отобрать у писателей последнее имущество и передать своим ненасытным прислужникам — младотроцкистам.

Уже назревал кровавый конфликт между законодательной и исполнительной властью в масштабах всей России...

Беседа в газете “День”, где я обозвал младотроцкистов “скопищем кровососущей тли”, окончательно рассорила меня с Андреем Битовым, с которым мы дружили почти четверть века. После шумного обсуждения моих слов на исполкоме Пена с жалобой на меня в Лондон, в штаб-квартиру г-на Блока, вылетел всё тот же В. Огнев, оставив на хозяйстве в Литфонде папашу Гайдара.

Блок через “Литературную газету” потребовал у меня извинений перед оскорблёнными коллегами-пеновцами. Но в чём, собственно, было извиняться? Тля — мелкое, почти невидимое существо, создание Божье. Радовались бы ещё, что я не назвал их “троцкистозаврами” или “пролеткультюкантропами”... Зуб на меня точили давно, это был лишь повод.

Финалом всему стало моё интервью Ефиму Лямпорту на страницах “Независимой газеты”.

Вопрос: “Вас исключили из международного Пен-клуба. В статье в “Литературной газете” сказано — за антисемитизм. Вы можете прокомментировать это?”

Ответ: “Меня обвинили в расизме. Я тюрк, принадлежу к жёлтой расе. Поскольку XXI век прогнозируется как век господства над миром “жёлтой расы”, то, должно быть, я воплощаю собой “образ врага”. Я писал в Пен-клуб, в Лондон, что мне не за что извиняться... Но когда понял, что доказать невозможно, сам подал заявление о выходе из Пена. Но оказывается, в Пене всё, как в Компартии. Войти можно, но выйти добровольно нельзя: надо обязательно пройти унижительную процедуру исключения: “партбилет на стол!” Признаться, у меня даже полегчало на душе. Я был на конгрессе Пен-клуба в Вене, на заседаниях русского Пена в Москве: элитарный клуб, рассуждения с бокалом шампанского в руке на темы: гениальность и помешательство... как по Ламброзо. А в Вене — по тонко рассчитанному сценарию поддержки писателями агрессивных политиков, как по Троцкому. Не мне судить — гениальность это или помешательство, если члены русского Пен-центра требуют в эти окаянные дни не “милости к падшим”, не мудрости, не умиротворения”.

Вопрос: “Выходит, рассчитывать не на что? Сильным мира сего выгодна такая ситуация?”

Ответ: “Конечно, сильным мира нужны крикуны, нужна идеологическая подкладка. Эти люди кричат: “фашисты, шовинисты!”... Отними у них это, они испарятся, исчезнут, потому что за душой у них пусто”.

Чтобы завершить рассказ о моём недолгом членстве в Пен-клубе, скажу, что в том же году по решению конгресса в Сантьяго-де-Компостела среднеазиатский Пен-центр был распущен. Решили: при создании центрально-азиатского центра тщательно проверять взгляды и предпочтения кандидатов на членство, дабы, в соответствии со статьёй 3 Хартии клуба, исключить проникновение в его ряды “расистов, антисемитов, апологетов жёлтой расы, исламистов, гомофобов”...

Идеологическая проверка новых членов центрально-азиатского Пена продолжалась десять лет. Для этого в Бишкек и Ашхабад прилетал функционер г-на Блока, некто Юкка, финн. И лишь после самой строгой проверки на благонадёжность бишкекский Пен-центр получил членство в клубе.

Во время кровавой резни между узбеками и киргизами в Оше несколько лет назад я ждал, что мои бывшие коллеги по среднеазиатскому Пену пойдут

в народ, дабы остановить погромы и поджоги, насилие над женщинами и детьми, руководствуясь статьёй 17 Хартии клуба о недопустимости межнациональной розни. Не пошли... Говорят, так и не дождался указаний из лондонской штаб-квартиры.

6. Младотроцкисты призывают: “Раздавить гадину”

За теми двенадцатью судебными исками к МСПС, о которых я упоминал, мы не заметили, как приблизились к трагической развязке событий не только для писательской организации, но и для всей страны. Маленьким отражением глобальной беды были страсти в “Доме Ростовых”. О днях, предшествующих октябрьскому перевороту 1993 года, написано немало, в основном теми, кто считал кровавый исход власти Советов неизбежным. Более того, либеральная пресса утверждала, что стрельбой из танковых орудий разбита вдребезги последняя преграда на пути к демократии и процветанию России в семье европейских народов...

Не вдаваясь в многосложные перипетии случившегося государственного переворота, отмечу лишь историческую роль в нём творцов художественного слова из числа всё тех же младотроцкистов.

Но прежде чем Господь лишил их разума, время лишило их читателей. Они ударились во все тяжкие, чтобы как-то свести концы с концами. Кумиры самой читающей публики в мире, свободные теперь от моральных обязательств перед этой публикой, сполна отдались тёмным страстям.

На моих глазах, после растерянности и шока послеавгустовских дней 1991 года, читающий люд превратился в многомиллионную армию “челноков”. Ранее не выглядывавшие за “железный занавес” потомки Афанасия Никитина и Ермака устремились с баулами в разные концы света, удивляя живучестью и предприимчивостью, осваивая неведомые ранее тропы, где до них ступали лишь ноги Евтушенко, Вознесенского, Приставкина, Шатрова, балерины Майи Плисецкой и танцоров ансамбля Моисеева...

И всё же суровая реальность гайдаровских времён требовала своей дани. На Калининском, где я жил в служебной квартире, из дома, заселённого сотрудниками бывшего Министерства металлургии СССР, почти ежедневно выносили трупы пенсионеров, не имевших средств даже на сердечные капли.

Прогуливаясь иногда по набережной Ново-Арбатского моста, где грязная и пахнущая хлоркой вода выплёскивалась к моим ногам, я по плавающей обуви подсчитывал число утопленников. Обувь, отделившаяся от падающего тела, плыла по своим законам – вверх стёртым каблуком.

Выше, у Котельнического моста, где покачивался теплоход “Юрий Гагарин”, переоборудованный под ресторан, до утра слышался смех и визг дамочек, вовлечённых в игры гламура. У дамочек снимали туфельки, наливали в них шампанское и, выпив шипучее, кавалеры пускали их по реке. Туфельки, не вписываясь в закон тяготения, не тонули, а плыли от одного водного ресторана к другому носами кверху, отталкиваясь от обуви утопленников каблуками.

Туфельки, наполненные шампанским, называли “канонеркой славы”. Среди писателей поговаривали, что сие развлечение привёз из какой-то европейской страны Евтушенко.

Как и в любой период жизни, и теперь трагедия разбавлялась фарсом. Личная трагедия пришла и в мою семью. Газета “Коммерсантъ” в номере от 9 октября 1992 года под ёрническим заголовком “Писатели тоже плачут” писала: “Между тем, спор в литературной среде решается и неправовым путём. 22 июля 1992 года, после регистрации МСПС, в день рождения секретаря Тимура Пулатова его старшая дочь упала с пятого этажа из окна своей квартиры в Ташкенте. Жертва лежит в больнице с черепно-мозговой травмой, переломом бедра и позвоночника. Придя в себя, девушка рассказала, что её окликнули с улицы, в этот момент кто-то (возможно, сообщник) проник в квартиру и толкнул её вниз. По мнению сотрудников МСПС, девушка пострадала из-за работы отца...”

В декабре, когда врачи разрешили перевозить дочь поездом, я привёз её в Москву для лечения в клинике Валентина Дикуля, которую она посещала вместе с С. В. Михалковым, страдавшим болями в суставах. Оказалось, что в Ташкенте неправильно сложили ей кости раздробленной ноги. И я сильно

пожалел, что дочь, оказавшись в Москве, как и все москвичи, окунулась в гнетущую атмосферу противостояния властей, что сильно угнетало её психику.

Уходя из дома, я запрещал ей смотреть телевизор, который снова, как и в 1991 году, раскалялся от таких выражений, как “коммунофашисты”, “красно-коричневые”. То, что ранее было опробовано прессой на писателях, теперь относилось и к депутатам Верховного Совета, противостоявшим Ельцину.

Но чем было отвлечься девушке от нестерпимых болей, без знакомых и подруг, встающей с кровати лишь изредка, держась за стены? Лишь вечером я отрывал её от экрана телевизора, где натуральная жизнь стала всё больше переходить в виртуальную благодаря не техническим достижениям, а изворотливости шмулей, выдающих ложь за истину, подающих всё так, чтобы сам чёрт, разбираясь во всём творящемся, обломал себе рожки.

В сентябре, когда мы возвращались с дочерью с коротких пеших прогулок, на экранах опять замелькали нуйкины–черниченки–баклановы, требовавшие от Ельцина разгона и запрета “фашиствующих” депутатов, “стоящих на пути мира, прогресса и демократии”. Какое-то время, не видя их и не слыша, думал: куда подевались эти заморыши? Уж не эмигрировали ли в Америку или в Израиль следом за Рыбаковым, Евтушенко и Дементьевым?.. Нет, оттачивали перья, присваивая врагам эпитеты из словарного наследия Л. Д. Троцкого. И самый момент был, чтобы Александр Руцкой, который вскоре были запрет вместе с Русланом Хасбулатовым и сотнями депутатов в “Доме Советов”, раскрыл свои пять чемоданов с компроматом на ельцинское окружение! Среди бумаг в этих чемоданах и писательское заявление в отношении рейдеров – Гайдара, Чубайса, Лужкова, – но что-то молчит генерал!

В это предоктябрьское лето сам воздух, насыщенный ненавистью и страхом, казалось, давал искру, пробегавшую пламенем по крышам домов. Старожилы говорили, что столько пожаров в Москве не случилось со времён нашествия Наполеона...

В один из вечеров машина, на которой мы ехали в клинику Дикюля, не могла проехать к Останкино из-за полыхающего деревянного дома, на котором сохранилась часть вывески: “Дом пионеров “Гудок”. Картина так поразила мою дочь, что она впала в депрессию, отказалась заниматься с Дикюлем, жалуясь на усталость и не веря в успех лечения.

Дополнительный стресс она пережила, когда в третьем часу ночи раздался телефонный звонок. Думая, что звонит мама из Ташкента, подняла трубку и слушала с ужасом на лице. Выхватив у неё трубку, услышал чей-то незнакомый голос с хохотком: “Горит “Дом Ростовых!”. Выбежал на балкон двадцать первого этажа, откуда просматривалась часть Поварской. Над квадратом Дома – клубы чёрного дыма, разрезаемые всполохами огня...

Ворота “Дома Ростовых” и прилегающая улица были загорожены четырьмя пожарными машинами. Ещё три работали во дворе. Майор, руководивший тушением, запретил приближаться к дому, из окон которого пожарные выбрасывали вниз папки с бумагами, стулья...

Неподалеку живший Валерий Поголяев, оставляющий на ночь в нашем дворе свои “Жигули”, появился с овчаркой. И долго втолковывал майору, кто я.

– С ним будет разговор особый, – махнул рукой в ответ майор.

Сидя на холодном постаменте памятника Толстому, я не мог сосредоточиться. Думалось:

“Всё... Пора возвращаться в Ташкент... Там дочь от обилия солнца, фруктов снова оживёт...”

Поголяев исчез куда-то в полутьму, затем по храпу собаки я понял, что сосед возвращается, чтобы оценить, стоит ли перегонять машину подальше от пламени.

Лишь к утру, когда стало рассветать, пожар потушен, хотя пар вокруг дома стелился ещё пару суток.

– Это поджог? – спросил я майора, вспомнив угрозы тех, кого Салущий выставил за дверь.

– Поджог – событие труднодоказуемое, если на месте преступления не пойманы люди с канистрами бензина, – уклончиво ответил он и сурово добавил:

– Мы обязаны поставить в известность Юрия Михайловича Лужкова, поскольку это памятник в центре города... В таких случаях мэр принимает кру-

тые меры. Даже за лёгкое возгорание были выселены академики из старинного особняка – филиала Академии наук. А скандал между вашим писателем Проскуриным и режиссёром Никитой Михалковым из-за главенства в Фонде культуры? Оба они могут лишиться особняка на Гоголевском бульваре. – Сделав паузу, майор чуть понизил тон:

– Если не хотите скандала, разбирательств и судебного преследования за ненадлежащий противопожарный контроль – вот наш счёт. – И протянул бумагу. – Переведите три миллиона рублей как благотворительную помощь. Помпа плохо качает воду, рукава прохудились, не обновлялись с брежневских времён... А нынче – видите, всё в Москве горит, будто француз у кремлёвских стен...

Валерий Поволяев, глядя на всё со стороны, делился потом своими впечатлениями:

“...Мы с Пулатовым, наблюдая, как трудятся пожарные, завели разговор о легендарном доме. Он вспомнил, что впервые пришёл сюда тридцать лет назад и удивился: такой дом, а ухода за ним нет – колонны обшарпанные, рассыпаются, фасад облезает... Не думал, не гадал в ту пору Пулатов, что приводить этот дом в порядок придётся ему, ещё и пережив ночной пожар. Уже утром, после пожара, он встречал во дворе сникших, растерянных сотрудников. Сникать было от чего – МСПС приказало, похоже, долго жить. Пулатов, как мог, утешал:

– Всё будет хорошо, восстановим. Здание будет ещё краше.

Так и случилось. Хотя выпадали и трудные минуты, когда даже Сергей Михалков, старший из нас, говорил:

– За это может взяться только сумасшедший...

Сергей Владимирович был прав. Но прав был и Тимур Пулатов, не опустивший руки...” (“Парламентская газета”, 23.07.1999).

Легко было сказать пребывающим в унынье сотрудникам: мол, дом наш восстановим, будет он ещё краше. Но на какие шиши?.. Бросили клич о помощи. Союз писателей России выделил на ремонт 50 тысяч рублей; Сергей Владимирович Михалков, воспользовавшись старыми советскими связями в мэрии, “пробил” двести тысяч, а чтобы закрасить следы поджога, требовалось навскидку до 2 миллионов. Ходили с Анатолием Жуковым, отдавшим издательство Арсению Ларионову и перешедшим работать в МСПС, с пустой сумой по арендаторам. С ними сложно. Поначалу улыбочивые люди в малиновых пиджаках переводят фирму в левый флигель “Дома Ростовых” или занимают почти опустевшую Иностранную комиссию, а после месяца дружбы с писателями перестают платить. Консультант по русской литературе Юрий Дудин, наиболее поднаторевший из всех нас в плавании по мутному рынку, на глазок отбирал для нас вроде добросовестных хозяйчиков-благотворителей, нередко конфликтовал с неплательщиками, пока его не нашли убитым на одной из пригородных станций. Расследование смерти не довели до конца, несмотря на наши просьбы: то ли милиция “крышевала” бандитов, то ли бандиты – милицию, словом, срослись в братстве колец...

Так что, пока мы с трудом передвигались по “Дому Ростовых”, отряхивая с одежды следы копоти и золы, “нерукопожатные” (по выражению В. Кожина) писатели-младотроцкисты сочиняли манифесты один жёстче другого, требуя от Ельцина силового разгона Верховного Совета. Отвращение к провокаторам сотрудники пытались разбавить иронией. Мол, нам бы, собирающимся на субботники по расчистке двора, ваши заботы.

7. Развязка. “Русский Нюрнберг” и Завещание несдавшихся...

Пятого октября 1993 года телеканалы начали день с повтора сюжета: выход Хасбулатова и Руцкого в наручниках из тлеющего здания Дома Советов. Следом за автозаком, увозившим “узников Конституции” в Лефортово, на экране, сменяя друг друга, показались лица Приставкина, Астафьева, Нуйкина, Бакланова, академика Лихачёва. Что скажут на сей раз те, от которых разило духом смердяковщины? Почти то же самое, что наш давний знакомый Черниченко, заснятый в окружении случайно встретившихся ему на площади беспечных молодых людей. Один из них трепетно признался бывшему землеуст-

роителю, похожему на землемера, блуждающего вокруг замка из романа Кафки, с каким восторгом наблюдал он с девушкой за обстрелом Дома Советов и принял твёрдое решение стать офицером. По ракурсам, светотеням мне, имевшему опыт, хотя и отрицательный, работы в кино, было видно, что весь этот спектакль под названием “Писатель Черниченко в окружении ельцинской молодёжи” заранее срежиссирован якобы “случайно оказавшимся на площади” телеоператором. Из перекошенного рта наставника молодых слышались выкрики: “Борис Николаевич, раздавите гадину! Это последний шанс дать этим молодым людям свободу!”

Подруга будущего “защитника родины”, натягивая к коленям короткую джинсовую юбочку, призналась репортёру:

— Вау! Было круто! После каждого попадания снаряда в окно я кричала: “Вау!”

Почудилось, что низкий потолок служебной квартиры опустился к макушке головы. Почувствовав нехватку воздуха, бросился к лифту. Как и в прошлые разы, кабина намертво застряла между 16 и 17 этажами. Спускался по тёмной лестнице боком, чтобы пропустить шагающих с частыми остановками вверх соседей.

Я двинулся в сторону Поварской с чувством обречённости: если патруль проверит документы, дело закончится моей высылкой за пределы России — как злостного нелегального гастарбайтера. Ведь по наущению младотроцкистов хозяин Москвы так и не выдал мне ордер на квартиру А. Рыбакова. Недостоин...

Калининский проспект, к счастью, был пуст — ни патрулей, ни прохожих. В тишине были слышны одиночные выстрелы. Из-за близости Москва-реки неутраченный здесь ветер приносил запах гари из обстрелянного дома на Краснопресненской набережной.

Но тишина даже на Поварской оказалась обманчивой. Уже у самых ворот “Дома Ростовых” неожиданно возле моего уха просвистела пуля.

От страха прижался телом к металлической ограде, не сообразив, что становлюсь хорошей мишенью для снайпера, засевшего, как я догадался, на крыше дома, где проживал Михалков. Город был полон слухов, что ельцинистам разогнать толпу, устроившую многодневное стояние вокруг Дома Советов, помогали американские морпехи, охранявшие посольство США, а также некие загадочные бейтаровцы, историю возникновения и деятельности которых в России исследовал Станислав Золотцев. Официально зарегистрированная в Москве как “культурно-просветительская и творческая организация” в 1989 году, “Бейтар” до августа 1991 года старалась не светиться на публике, и всякое упоминание о ней, как и о “Протоколах сионских мудрецов”, считалось либеральными СМИ провокацией и выдумкой фашистов.

“...И, наконец, настал Кровавый Октябрь, — пишет С. Золотцев, — вот тогда-то, в девяносто третьем году, “крепкие ребята” развернулись во всю сионистско-молодёжную силушку, вот тогда-то многие москвичи, вставшие на защиту законного парламента, узнали на своих спинах и головах, что такое “Бейтар”!.. После фактического разгона Комиссии, которая должна была разбирать обстоятельства кровавых событий Октября-93, собранные ею материалы (киносъёмки, видео- и аудиокассеты, свидетельства очевидцев и участников с обеих сторон) наглухо заперты в недрах “компетентных органов”. И, однако, “утечки” информации из этих “недр” происходят. И уже не только оппозиционные органы прессы не раз (хотя и глухо — ещё бы, на “святое” замахиваются!) упоминали о том, что в разгоне митинга на Смоленской площади и в избиении стихийно возникших демонстраций, в погромах и издевательствах над защитниками Верховного Совета после штурма — всюду участвовали “крепкие ребята” в камуфляже зарубежного производства и с шестиконечными знаками, либо в серо-стальных униформах, но на иврите и на английском говорящие... Ряд газет, прежде всего, “Независимая” (не потому ли у неё начались крупные неприятности?), не раз писали о небезызвестном “демороссе” В. Боксере как о “кураторе” боевых действий бейтаровцев той кровавой поры” (С. Золотцев, “Бейтар шагает впереди”, сайт “Пандора”).

К воротам, где я прижался, вздрогнув от выстрела снайпера с крыши дома напротив, уже подошли наши сотрудники, начинавшие утро с похода к зданию Верховного Совета, обнесённого колючей проволокой. Лужков, испробовавший метод энергетической блокады на квартире В. Распутина, теперь

перекрыл воду, электричество, сток канализации тысячам граждан-защитников Конституции, засевшим внутри многоэтажного здания.

Сегодня же наши сотрудники, паломничавшие к Дому Советов и после работы, чтобы постоять в живом кольце защитников непокорных депутатов, стали свидетелями кровавого финала противостояния. Молча проходили мимо, пряча глаза. Маленькая хозяйка канцелярии Нина Юсуфи, казавшаяся сдержанной, пряча эмоции, вытирала слёзы, Людмила Власова из отдела творческих кадров возмущалась позорищу, который наблюдал весь мир по прямой трансляции американского канала CNN.

Во дворе нас нагнал поэт Феликс Чуев, избранный секретарём исполкома вместо ушедшего Бориса Шереметьева. Следом за ехидно улыбавшимся Чуевым, прихрамывая, опираясь на трость, шёл Анатолий Жуков – летописец МСПС со дня воцарения там Евтушенко, с последующим изгнанием его сподвижников.

– Ты так довольно улыбаешься и потираешь руки, будто сбил не одного, а нескольких снайперов? – мрачно пошутил он, обращаясь к Феликсу.

– Всё, как предсказывал Иосиф Виссарионович, – ещё шире заулыбался Чуев, обнажив редкие зубы. – Вячеслав Михайлович Молотов вспоминал, как Сталин сказал, обращаясь к ближнему кругу: после моей смерти вы перекусаете друг друга, как щенки, и в стране наступит смута длиной в сто лет.

После прихода Чуева в МСПС к нашей организации младотроцкисты ко всем сочным определениям прибавили ещё и “сталинистский”. Из-за этого уволился мой помощник Илья Блувштейн, зато поэт Валентин Сорокин порекомендовал на работу своего знакомого по Высшим литературным курсам Глана Онаняна, сразу развившего бурную деятельность по созданию газеты “Литературная Евразия”, рассылаемой по республиканским писательским организациям.

Наши подметили, что гарь от обстрелянного здания Верховного Совета, замешанная на обожжённых трупах, резко отличается от запаха сгоревших папок с бумагами, книгами и портретами советских писателей на стенах, представленных фотолетописцем Союза писателей Николаем Кочневым за сорок лет творчества, вплоть до 1991 года. . . Хотя со времени поджога “Дома Ростовых” прошло достаточно времени, запах гари не выветривался, сколько бы сотрудницы ни устраивали сквозняки, распахнув настежь все окна и двери. Да и гипсовая фигура Афродиты, стоящая уже полтора века в нише на верхних ступеньках второго этажа, превращённая от копоти в гордую мулатку, нуждалась в реставрации, требующей миллионов рублей.

– Интересно, тревожили ли Панкина в ночь поджога привидения? – усмехнулся Жуков, направляясь со мной по тёмному коридору.

Вахтёр Панкин часто жаловался, что по ночам дух Ростовых – бывших владельцев дома – скрипит половицами, что-то бормочет, тяжело вздыхает, проклиная Октябрьскую революцию, экспроприировавшую их добро, – и чаще подобное случается в чердачных помещениях, где на стеллажах собраны папки с личными делами писателей.

– Наверное, привидения, листая писательские дела, не находят ни одного, равного по таланту Льву Николаевичу, оттого и ворчат, – шутливым тоном предположил Чуев.

В ночь пожара неизвестные спаивали вахтёра в скверике во дворе, а когда всё запылилось, Панкин сбежал и наутро лёг в психлечебницу, чтобы избежать наказания.

В кабинете Лариса Александровна стряхивала с бумаг на столе чёрную пыль, просочившуюся за ночь из коридора. Она и передала мне трубку зазвонившего телефона.

– Тимур Исхакович! – послышался в трубке глуховатый женский голос. – С вами говорят из Генеральной прокуратуры. Сегодня к двенадцати часам вы обязаны явиться к следователю Меленкевичу Антону Степановичу, улица Воздвиженка, кабинет тридцать два. . .

Зашёл бодрый, никогда не унывающий Чуев, чтобы сказать, что малярам нужна побелка, а столярам – доски для чердачных перекрытий.

Пока он говорил, мрачные предчувствия и мысли, сменяя друг друга, пронесли в моём сознании после звонка. Я кивнул Феликсу: мол, понимаю, – и машинально написал на бумаге свой ташкентский телефон. Объяснил, что вызывают в прокуратуру:

– Если задержусь надолго, позвони моим домашним, чтобы не беспокоились.

Я так устал за эти два года в Москве, что порой терял ясность мысли, и это отчасти спасало от страха и уныния. Зато Чуев, который всё схватывал с полуслова, объяснил, что к чему.

– Ещё их снайперы не покинули чердаки, а младотроцкисты уже настроили ложный донос... Я с тобой! В качестве общественного защитника...

Трогательная дружеская поддержка вернула мне чувство юмора.

– Если следователь заподозрит, что ты – сталинист, нас могут разделить. Мне – общего режима, тебе – строгого.

Воздвиженка оказалась недалеко от Поварской. Если бы не Чуев, я со своим топографическим идиотизмом кружил был вокруг да около и опоздал бы наверняка.

У самого входа в старинный особняк напротив библиотеки Ленина Феликс конкретизировал своё предположение, усмехаясь:

– Сочинили клеюзу в духе времени. Мол, на чердаке Союза писателей какая-то подозрительная деятельность – прячут оружие, а строители-реставраторы выдалбливают в подвалах бойницы, чтобы отстреливаться... А для прикрытия подожгли собственное здание...

Большое скопление разного люда внутри здания прокуратуры создавало ощущение обречённости, как бы ощущение зачистки поля боя после сражения. По изодранным казацким мундирам, по простецкой одежде мужчин и женщин, по угрюмому молчанию можно было догадаться, что эта разнородная публика ещё вчера стояла насмерть у Дома Советов. Заодно были согнаны несколько цыганок с детьми, бегающими по лестницам мимо сидящих на ступеньках арестованных, а также таджичек-попрошайек, которых я узнал по говору.

Над всеми густо витал запах пота, пороха, крови...

Проходя мимо дверей в поисках кабинета следователя, слышал крики, мат и вопросы: “Откуда автомат? В кого приказали стрелять?” – и фамилии: Руцкой, генерал Макашов...

Следователь Меленкевич оказался худощавым блондином с лицом скорее приятным, чем отталкивающим, что несколько успокоило, особенно после криков других вершителей судеб, выбивающих показания об оружии и “банде Макашова”.

Тесный кабинет, где, кроме Меленкевича, с трудом разместились мы с Чуевым, не только не задавил нас облезлыми, давно не крашенными стенами, а наоборот, создавал странное ощущение простора, – должно быть, домашней обстановкой на столе следователя, где, кроме бумаг, в которые он углубился, лежала краюха чёрного хлеба и недоеденная каша в миске – признак того, что разбор дел идёт круглосуточно, с интенсивностью революционного времени.

Пока Меленкевич вчитывался в бумагу, касающуюся меня, Феликс успел черкнуть несколько слов на книжке “Сто бесед с Молотовым” и положил её с краю стола. Следователь глянул на подарок Чуева и задал вопрос скороговоркой, как бы желая быстрее закончить разбирательство:

– Вы знакомы с товарищами Анфиногеновым, Черниченко, Савельевым, Оскоцким?

Чуев пронзительно глянул на меня, как бы подтверждая свою догадку о клеюзниках, и шепнул:

– Тамбовский волк им товарищ...

Боясь, как бы Чуев не повернул допрос в ироническое русло, я ответил:

– Да, работал с ними какое-то время в Союзе писателей...

Меленкевич осуждающе покачал головой, непонятно, то ли в мой адрес, то ли в адрес написавших донос, и сделал пометку на листе.

– Вы не белорус, Антон Степанович? – вдруг простодушным тоном спросил Чуев – уловил поэтическим слухом оттенки славянского говора...

– Да, – кратко, но сердито ответил следователь, наверное, понимая, что подобную вольность в серьёзном разговоре допускают лишь раскованные творческие натуры. И пока в ворохе бумаг он нашёл нужную и углубился в чтение, Чуев не успокаивался:

– Мы видели – все коридоры, лестничные проёмы забиты задержанными, так что российские следователи не успевают заводить дела. И вас командировали из Минска... Интересно, сколько следователей на помощь Борису Николаевичу прислал третий беловежский зубр Шушкевич?

Меленкевич, дабы прекратить словоизлияния моего общественного защитника, в нетерпении полистал книжку Чуева и обратился ко мне:

– Чем вы занимались, начиная с 21 сентября, после выхода указа Ельцина № 1400 о прекращении деятельности Верховного Совета Российской Федерации?

Вопрос показался слишком общим, и, пока я обдумывал ответ, Чув вновь вмешался:

– Тимур Исхакович был занят похоронами погибшей дочери...

Я машинально сделал защитный жест, запрещая Чуеву смешивать личную трагедию с доносом вышеупомянутых господ.

Меленкевич, кажется, впервые внимательно посмотрел на меня.

– Она погибла у “Белого дома”?

Чтобы снять дальнейшие расспросы на эту тему, я спросил:

– Чем по дням рассказывать? 20 сентября выступил с приветствием от писателей на Конгрессе народов СССР в театре МХАТ... 21 сентября обсуждали в Союзе писателей последствия указа Ельцина...

Следователь, уточняя вопрос, перебил меня:

– Ваш кабинет подключен к правительственной связи?

– Со времён Максима Горького... Но перед штурмом Верховного Совета связь отключили...

Меленкевич подчеркнул карандашом какой-то значимый абзац в доносе:

– Какие у вас отношения с арестованными Хасбулатовым Русланом Имановичем и Руцким Александром Владимировичем?

Чув многозначительно глянул на меня, мол, вон куда притягивают...

– Хасбулатов в споре с Гайдаром по поводу имущества Союза писателей был на нашей стороне. А видел я его впервые весной этого года на встрече в Доме Советов с творческой интеллигенцией. У Руцкого с группой писателей был на приёме всё по тому же имущественному вопросу.

Пока Меленкевич, обдумывая что-то, пытался натянуть ускользающую нить следствия, за его спиной на столике раздался механический визг. Следователь перевернул бобину, на которой записывался наш разговор на большем, дуплетного вида магнитофоне.

– Ваши оппоненты пишут, что Союз писателей был заранее подготовлен как один из запасных штабов мятежников. Что вы на это скажете? – тоном утомлённого следователя, пропускающего через свой кабинет десятки подозреваемых за день, спросил Меленкевич. Хотя чувствовалось, что в отношении нас он в чём-то сомневается...

– Каким образом? – не выдержал и усмехнулся Чув. – К нам тайно возили оружие? Во дворе оборудовали вертолётную площадку? Если это будет доказано, то я готов нести ответственность, поскольку работаю заместителем Пулатова год с лишним...

– Тимур Исхакович, на сегодня всё. Никуда не уезжайте из Москвы. Мы вас ещё пригласим. – Следователь глянул на часы, пряча бумаги в стол. И неожиданно поинтересовался, полистал бегом книжку Чуева: – Интересно, а чью сторону занимает наш классик Василь Быков?

– Судя по заявлениям, и ваш классик, и наш – Виктор Астафьев – на стороне победивших, – отметил холодным тоном Чув, поворачиваясь к двери. – Нет, не милость к падшим он призывал...

Выйдя в коридор, где у дверей следователя уже стоял следующий – парень заводского вида в наручниках, – Чув отметил:

– Следователь – варяг... С такими я сталкивался. Они бывают, как точнее выразиться, понятливее, что ли, ибо служат чужому правосудию...

– А мне кажется, что чужие дадут по максимуму – и уедут, не отвечая за предвзятость или ошибки...

Почему-то в моём сознании вызов следователя из братской Белоруссии увязался с высказыванием Юрия Воронина, зама Хасбулатова на Конгрессе народов СССР, за день до указа Ельцина о роспуске Верховного Совета: суть конфликта с Президентом в том, что депутаты отказываются, несмотря на шантаж и давление, придать законную силу Беловежским соглашениям. А без этого кто есть Кравчук и Шушкевич, подписавшие документ вместе с Ельциным? Поэтому они объединили и правосудие в один мощный карающий кулак.

В прескверном настроении возвращался я на Поварскую, обдумывая различные повороты этого кляузного дела. Но кого интересует нынче законность,

когда главный её страж — Конституционный суд — распущен, а его председателю, Валерию Зорькину, указавшему на неконституционность всех ельцинских указов, начиная с 21 сентября, грозят арестом? И опять по наводке писателей-младотроцкистов, поднявших против Зорькина кампанию в СМИ.

Из-за дополнительно навалившихся проблем стал я раздражительным, а порой и нетерпимым с людьми, в общем-то, не желавшими мне ничего плохого. Обхамил приехавшую к нам в Союз знаменитую лётчицу Марину Попович, утверждавшую, что во время обстрела Дома Советов над Москвой летал НЛО, наблюдая за тем, что совершают земляне. По сей день чувствую вину перед нею... Случались недопонимания и с Сергеем Владимировичем Михалковым, который, впрочем, пытался сгладить трения, понимая моё состояние. Был подчас нетерпим и к сотрудникам, сдержанно сочувствующим моему положению.

Тревога сотрудников была заметной, когда мы с Чуевым вернулись от следователя. “Что там? Как? Не закроют ли МСПС?” Это обсуждалось с тех пор, как апрелевский листок “Литературные новости” незадолго до октябрьского переворота напечатал очередной призыв к Ельцину: не либеральничать, не тянуть, а силой, если потребуется, разогнать “коммунофашистский” Верховный Совет. Думалось, зачем эти в общем-то средней руки писатели, образовавшие себя “совестью нации”, лезут *впереди бабки в пекло*? Разве без их призывов к крови Ельцин, патологически властолюбивый, сам бы не пошёл на весь этот беспредел ради сохранения кресла? Оказывается, общественно-идеологический фон для оправдания безобразий создавал не кто иной, как пресс-секретарь президента Вячеслав Костиков, автор записок о событиях тех лет под двусмысленным названием “Роман с президентом” — с тем президентом, который, судя по телевизионной картинке, топил его или инициировал утопление в водах реки, подобно Степану Разину, утопившему персидскую княжну.

Думается, что и обращение 42-х “нерукопожатных” в “Известиях” от 5 октября 1993 года было инициировано угодливым пресс-секретарём Ельцина, хотя, может быть, он лишь поддержал самостоятельное творчество младотроцкистов и донёс их требования до Президента, который, по признанию Костикова, не любил читать газеты. Он-то, возможно, и уговорил гаранта Конституции принять на даче тех, кто по пунктам изложил сценарий, как растоптать Основной закон, словно клочок бумаги под ногами, получив добро на обнародование обращения под названием “Писатели требуют от правительства решительных действий”.

Куда уж более решительных, если по их призыву совершён государственный переворот и пролито столько крови сограждан!

Вот образец творчества младотроцкистов: “Нет ни желания, ни необходимости комментировать подробно то, что случилось в Москве 3 октября... Фашисты взяли за оружие, пытаясь захватить власть... И “ведьмы”, а вернее — красноречивые оборотни, наглей от безнаказанности... грязно оскорбляли народ, государство, его законных руководителей, сладострастно объясняли, как они будут вешать всех нас... Хватит говорить... Пора научиться действовать. Эти тупые негодяи уважают только силу...” — так начинается обращение 42-х “нерукопожатных” к Ельцину, что по тональности и даже стилистике напомнило мне прочитанную когда-то прокламацию немцев к жителям белорусского села с приказом выявлять в своей среде партизан: “Эти тупые свиньи уважают лишь силу перед тем, как поставить их под виселицей на общее обозрение...”

Странное родство тех и других, словно родившихся от одного духовного отца — Л. Д. Троцкого, заявлявшего: “Война, как и революция, основана на устраниении... Революция... убивает единицы, устрашает тысячи... сламытая их волю...” (“Терроризм и коммунизм”).

К устраниению и сломлению воли граждан подключилась в те дни вся либеральная пресса. “Городу требуется не трубка мира, а ЧК”, — взывала известная газета. И через несколько абзацев: “К чему, пардон, эти формальности буржуазного судопроизводства? Чрезвычайное положение чтит дух, а не букву закона...” (из статьи “Под сень надежную закона”. “Независимая газета”, 16.10.93).

“Требуется ЧК”? Теперь жалеют, что за два года до этого, в революционном ослеплении и экстазе, снесли с постаamenta главный символ Чрезвычайной Комиссии — Феликса Дзержинского.

Для нынешнего времени требуется другой символ, понятный для тех, кто в своей массе пережил Великую Отечественную войну. “Нюрнбергский процесс” — чем не символ возмездия? В истории человечества не было ничего более позорного и страшного после суда Божьего над Содомом и Гоморрой. И вот уже к чему призывали 42 “нерукопожатных”, конкретизировал один из них — Алесь Адамович 14 октября в “Московском комсомольце” в статье “Власть не должна валяться под ногами”. Среди прочего певец белорусских партизан, которых пытались устроить немецкие прокламации, писал: “Нюрнбергский суд впервые в истории утвердил до того не существующую юридическую норму — ответственность за подготовку и развязывание агрессивной войны. Прецедент существует, он теперь может быть использован, может работать на благо человечества. А вот подобной ответственности за развязывание (или попытку развязывания) гражданской войны пока никто не ощущает. Никого за это не судили. Так, может быть, суд над компанией, собранной в Лефортово, окажется именно таким прецедентом: судить их, прежде всего, за это преступление, самое, возможно, опасное в наше время — за попытку спровоцировать, развязать, опираясь на определённые организации и силы, гражданскую войну. Такой статьи нет в наших законах? И у нюрнбергских судей той статьи не было: за подготовку и развязывание агрессивной войны. А вот в результате Нюрнберга защищающая человечество статья появилась. А не мог бы наш суд над мятежниками сделать такой же подарок человечеству — дать пример, прецедент кары за подготовку и провоцирование гражданской войны?”

Демократ и либерал А. Адамович призывал вернуться к средневековому судилищу над ведьмами, когда инквизиторы определяли степень вины не по статьям, которых не было в юридических талмудах, а по цвету глаз, выражению лица, по включенным волосам на головах, по запаху колдовских трав, которые почувствовали те, кто донёс на ведьм...

“14 октября в день публикации статьи мне позвонил Алесь Адамович и попросил показать её Президенту, — вспоминает В. Костиков. — Зная нерасположенность Бориса Николаевича к чтению больших газетных материалов, я рассказал ему о сути предложения и аргументации А. Адамовича. Зачитал ему те абзацы, которые особо отметил сам писатель. Идея привлечения мятежников к суду за попытку развязывания гражданской войны, похоже, привлекла Ельцина. Он мне так и сказал: “Со слуха идея понравилась...” (“Роман с президентом”. С. 46).

Пока младотроцкисты нашёптывали Ельцину о “русском Нюрнберге”, чтобы внедрить эту идею через слух в его сознание, мы с Чуевым обсуждали, кто из писателей пойдёт под суд, если русский Нюрнберг состоится: Ю. Бондарев, В. Распутин, А. Проханов, В. Белов, Леонид Леонов, Ю. Кузнецов, В. Кожинов, И. Шафаревич, П. Проскурин — все 74 писателя, выступивших с обращением к гражданам, одни — со “Словом к народу”, другие — с письмом, опубликованным в “Литературной России” 2 марта 1990 года, получившим название “О русофобии”.

В те дни Феликс Чуев появлялся на работе, нацепив на лацкан пиджака звезду Героя Советского Союза, которой наградила его Сажу Умалатова, создавшая какой-то комитет. Феликс бравировал Звездой в ожидании очередного вызова меня к следователю Меленкевичу, чтобы произвести на него впечатление. И ещё он говорил:

— Если потащат на “русский Нюрнберг” как сталиниста, так пусть с музыкой, — и позвякивал медалью.

Но Ельцину, по наущению младотроцкистов подведшему Россию к трагедии и позору — расстрелу парламента, всё-таки хватило ума не подвергать страну ещё большему позору. Ведь за Россией тогда, наряду с гитлеровской Германией, на веки веков закрепилось бы название “фашистская”. О чём нынче очень сожалеет В. Костиков, утверждая: “...К сожалению, эта идея не получила никакого развития. А ведь её реализация могла бы дать такой же результат, как при денацификации послевоенной Германии”.

Далее тогдашний кремлёвский пресс-секретарь в том же “Романе с президентом” вспоминает: “Мэр Москвы Ю. М. Лужков, пользуясь благоприятным моментом, сделал отчаянную попытку осуществить свою (и не только свою) давнюю идею вынести из кремлёвского Мавзолея мумию Ленина. Был даже приложен проект президентского указа. Не берусь судить, правильно ли поступил Президент, уклонившись от реализации этой идеи или нет...”

С того времени в обществе витают две сакральные идеи, без которых, как утверждается, Россия не освободится от груза прошлого и не пойдёт по пути процветания. Жгучая либеральная идея – вынос Ленина из Мавзолея и предание его земле. Вторая – легитимизация власти, о чём говорили в 2012-м беспокойном году. Ведь власть при любых исходах выборов будет подозреваться в том, что несёт на себе “печать нелегитимности”, если не осудить события 91–93 годов прошлого века, когда власть удержалась только путём государственного переворота. С того времени, включая и выборы Ельцина в 1996 году, власть постоянно под подозрением... В какой форме это будет сделано, чтобы успокоить души невинно убиенных, души миллионов ставших нищими людей, души стариков и детей сирот, отчаявшихся, потерявших веру в справедливость?..

Может быть, это сделает Православная Церковь, чтобы успокоить истерзанную душу России?

“... Ведь если прольётся кровь и погибнут сотни героических защитников демократии в Доме Советов, в том числе и трое православных священников, то их кровь окажется на Вашем белоснежном облачении, окажется на Вас, как на архипастыре миллионов и миллионов православных. Помните, что приказ о развязывании бойни и, следовательно, кровавой гражданской войны могут отдать только двое – Б. Ельцин и Ю. Лужков, которых Вы недавно благословляли в храме Христовом на глазах десятков миллионов телезрителей. Отзовите своё благословение. Пригрозите предать анафеме...” – с таким словом обратились деятели культуры к Патриарху Алексию II 2 октября 1993 года на страницах газеты “Советская Россия” накануне кровавой бойни, когда пролилась первая кровь.

Призыв к главе Церкви, который подписали композитор Георгий Свиридов, кинорежиссёр Сергей Бондарчук, писатель Валентин Распутин, поэт Станислав Куняев, народная артистка Татьяна Доронина, академик Игорь Шафаревич, кинорежиссёр Станислав Говорухин и другие, этот призыв актуален и в наши дни, когда начался очередной всплеск либерального глумления над православной и – равно – мусульманской религиями.

А пронзающий душу текст Завещания, составленный несломленными защитниками Дома Советов, – лишнее напоминание о том, какой ужас может твориться, если придерживаться или ложно принимать принцип, скопированный с установок либеральных западных демократий: “Церковь и государство отделены друг от друга”, – когда цель и средство государства и Церкви одно и то же – человека нельзя разделить на “человека государственного” и “человека религиозного”.

Вот этот текст:

“Братья, когда вы прочтёте эти строки, нас уже не будет в живых. Наши тела, простреленные, догорят в этих стенах. Мы любили Россию. Мы хотели, чтобы на этой земле восстановился, наконец, тот порядок, который определён Богом. Да, умирать страшно. Однако что-то поддерживает нас. Кто-то невидимый говорит: Вы кровью очистите свою душу, и теперь сатана её не достанет. И погибнув, вы будете гораздо сильнее живых. В наши последние минуты мы обращаемся к вам, граждане России. Запомните эти дни. Не отводите взгляда, когда наши обезображенные тела будут, смеясь, демонстрировать по телевидению. Запомните всё... Дом Советов. 04.10.93”.

Обезображенные тела священников по телевидению не показывали, желая поскорее стереть из памяти людей преступления правящего режима. Ксенофобы и наветчики поняли: погибший за веру будет гораздо сильнее живого.

... Кровавый след тянется из того Чёрного Октября 1993 года, от той бойни вплоть до наших дней. И спустя почти два десятилетия я, один из свидетелей тех событий, отвечаю всем невинно убиенным, и в их числе священникам: мы помним эти дни, знаем, откуда пришли все сегодняшние наши беды.

Р. С. 23 февраля 1994 года, после сделки между Государственной Думой и Б. Ельциным о скорейшем забвении кровавого переворота, было обнародовано постановление об амнистии участников событий августа 1991 и октября 1993 годов. На следующий день мне позвонили из Генеральной прокуратуры и сообщили: следствие в отношении меня, якобы пособника Р. Хасбулатова и А. Руцкого, прекращено за отсутствием улик.

АЛЕКСАНДР КАЗИНЦЕВ

ПОЕЗД УБИРАЕТСЯ В ТУПИК

ПОКОЛЕНИЕ ВОЗМУЩЁННЫХ

Одно из необходимых качеств — способность к негодованию и действию, которое является его следствием... Посмотрите вокруг себя, и вы найдёте темы, заслуживающие вашего возмущения.

Стефан Эссель. “Возмутитесь!”

Поколением возмущённых, как правило, называют испанскую молодёжь, вышедшую на площадь Солнца — Пуэрта-дель-Соль в Мадриде 15 мая 2011 года. Протестовали против коррупции, безработицы, сокращения зарплат, урезания бюджета. Демонстрации следовали одна за другой — тысячи, десятки, сотни тысяч человек! На площади появился палаточный городок. Движение получило общенациональную, а затем и мировую известность.

Явление можно рассматривать и более широко: как выражение не только испанского — глобального протеста. Недаром над площадью развевались египетский и греческий флаги. А сами участники движения признавали: “Беспорядки в арабском мире, массовые демонстрации в Греции и лозунг исландского народа “Не будем платить за ваш кризис” оказались очень важным фактором для коллективного воображения и положили начало восстановлению доверия к понятию “Мы”, коллективному политическому субъекту. Принцип “глобализации сопротивления”, возникший более десяти лет назад в альтерглобалистском движении, возродился, но уже в совершенно новом сценарии, отмеченном кризисом” (статья испанских аналитиков Хосе Марии Антенаса и Эстер Вивас в газете “Паис”. Цит. по: sensusnovus.ru/analytics/2011/06/26/8534.html).

В этой ключевой декларации важны сразу несколько моментов. Первый: восстановление доверия к понятию “Мы”, чуть было не утраченному в современном атомизированном обществе. Второй: осознание себя в качестве “коллективного политического субъекта”. Третий: ощущение включённости в глобальный процесс.

Действительно, многое роднит испанских “возмущённых” с арабскими революционерами, с малазийскими “чистыми”, с индийскими сторонниками Анна Хазаре, с итальянским движением “5 звёзд” Беппе Грилло, с греческой

Продолжение. Начало в № 7–11 за 2010 год; № 2, 3, 6, 7, 10 за 2011 год; № 1, 2, 6, 8, 10 за 2012 год; № 2, 4 за 2013 год.

“Сиризой” Алексиса Ципраса, с Пиратскими партиями в Германии и скандинавских странах, с движениями “Оккупай” в Англии и Соединённых Штатах, да и с нашими “несогласными”.

Поколение возмущённых – это движение молодёжи многих стран, столкнувшихся с кризисом. “Молодым приходится сложнее всего, – с волнением говорит участница демонстрации в Мадриде. – Безработица растёт с каждым днём, и они просто не видят своего будущего” (Новости. “Евроњьюс”, 11.03.2013).

Статистические данные Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Евростата показывают: молодёжь стала главной жертвой кризиса. Уровень безработицы в Еврозоне – 12,1%. А среди молодых – 24%. В нескольких странах положение критическое. В Греции не имеют работы 57% молодёжи, в Испании – 55,9%, в Италии – 38,4%, в Португалии – 38,3% (newsru.com/finance/30apr2013/euunemlmntrt.html).

Для того чтобы перевести эти сухие цифры на язык политики, достаточно вспомнить о том, что произошло в арабском мире. В Египте безработица среди молодёжи составляла 30%. И движущей силой революции на Тахрире стали именно молодые.

Опасен не только высокий уровень безработицы. Угрозу представляет её застойный характер: “...Около 30% безработных в возрасте до 25 лет являются таковыми более года”, – подчёркнуто в докладе Еврокомиссии (“Коммерсантъ”, 07.12.2012). Чиновники предлагают обеспечить молодёжь “гарантиями занятости”. “Пакет мер должен помочь правительствам стран-членов ЕС обеспечить занятость молодых людей в реальной экономике; если эти меры не предпринять сейчас, издержки окажутся катастрофическими” (там же).

Но это декларации. На деле повсеместное урезание бюджетных расходов, предписанное той же Еврокомиссией, ведёт к сокращению занятости. Уволить сотрудников, работающих по контракту, непросто. Отыгрываются на молодых: у них нет шансов получить место!

Ситуацию обостряет меняющийся социальный состав “новых безработных”. Если в начале кризиса, по данным Международной организации труда, проблемы с трудоустройством испытывали в основном неквалифицированные работники, то сегодня это прежде всего выпускники вузов.

Обобщённые данные отсутствуют. Вопрос о трудоустройстве людей с высшим образованием даже в специальных исследованиях рассматривается редко. Единственная работа, указанная в интернете, – статья И. Нуньес, И. Лаванос “Безработица среди выпускников вузов в Европе” (журнал “Экономика образования”, № 4, 2010) – устарела. Она написана в начале кризиса, с тех пор положение осложнилось.

Приходится собирать данные по крупницам. В Греции “уровень безработицы среди населения с высшим образованием даже выше, чем среди тех, кто его не получал” (euro-pulse.ru/articles/bol-studentov-horoshih-i-ranyh.html). “Итальянские выпускники вузов не могут трудоустроиться из-за кризиса... Количество безработных с высшим образованием может вырасти через год на 40%” (inright.ru/news/economy/2011_09_02/id_8016).

В Англии, по данным Агентства статистики высшего образования, “почти 28%, получивших дипломы в 2007 году, всё ещё не имеют постоянной работы” (trud.gov.ua/article/145738?anned=145739).

О напряжённости на британском рынке труда можно судить по тому, что работу по специальности не находят выпускники одного из самых престижных университетов мира – Оксфордского. Каждый десятый трудится не по своему профилю. Идут в продавцы, официанты. 6% вообще не находят работу (“Коммерсантъ-ТВ”, 21.02.2012).

Между прочим, в России, где безработица считается низкой, проблема занятости молодёжи с высшим образованием весьма болезненна: “По данным Всеобщей конфедерации профсоюзов (объединяющей профсоюзы стран СНГ), около 38% людей, окончивших вуз, числятся безработными. Только треть из 1,5 миллиона выпускников вузов находят для себя вакантные места по своему профилю”. Не спешите ставить под сомнение эти цифры – они взяты с сайта “Российской газеты” (rg.ru/2013/04/16/trud.html).

Наиболее драматична ситуация в Испании. Страна только что вошла в число лидеров по уровню образования. Заняла четвертое место вслед за Соединёнными Штатами, Великобританией и Канадой. Сегодня Испания имеет самую образованную молодёжь за всю свою историю! В обычных условиях это позволяло бы надеяться на стремительный рывок в развитии.

Кризис превратил победу в поражение. "... С начала кризиса, – утверждает профессор Лабеаги, – безработица в Испании среди всех жителей... увеличилась в 2,5 раза, а среди выпускников вузов – в 2,6 раза... Вынуждены искать работу за пределами страны и выпускники аспирантур". Профессор сокрушается: "Получается, что Испания может потерять лучшее по уровню подготовки поколение" ("Ведомости", 10.07.2012).

Но если высоколобых недосчитались на заводах и в исследовательских центрах, то где-то должен образоваться их избыток! Где же, как не на Пуэрта-дель-Соль и центральных площадях других городов Испании?

Приход в протестное движение массы молодых людей, образованных и умных, с широким кругозором и, что немаловажно, с высокой самооценкой, вызвал тот поразительный всплеск активности, который наблюдается по всему миру. Это не привычные обездоленные – это дети среднего класса. С рождения они привыкли к определённому уровню жизни. Получив высшее образование, они подтвердили своё право занять место в привилегированном социальном кругу. Столкнувшись с отсутствием работы и жизненных перспектив, они – в отличие от классических "исключённых" – не готовы и не желают смириться. Вот почему вокруг зданий парламентов кипят схватки с полицией, а под окнами правительственных дворцов раздаются выстрелы.

Капитализм породил-таки своего могильщика. Не пролетариат – НОВЫЙ СРЕДНИЙ КЛАСС.

В социологии средний класс считается самым устойчивым, опорой режима. Следует только уточнить: при каких условиях он ведёт себя подобным образом. Впрочем, и так ясно: при стабильной и достойной финансовой подпитке. Экономическое благополучие казалось неотъемлемым качеством среднего класса. Однако вступившее в жизнь поколение, по праву рождения и образования готовившееся получить тот же статус, разом лишилось всего!

В отличие от отцов у нового среднего класса нет ни работы, ни сбережений. Данные по Европе мне неизвестны, но вот красноречивая статистика из США. В докладе научно-исследовательской организации Pew Research Center отмечен "глубокий разрыв в финансовом благополучии и размере накоплений молодых и пожилых американцев... Средняя стоимость чистых активов в домохозяйствах, принадлежащих людям старше 65 лет, составляет 170,499 тысячи долларов*. А аналогичный показатель в домохозяйствах американцев моложе 35 лет... 3,662 тысячи долларов" (realty.newsru.com/article/08nov2011/ipoteka).

Американская молодёжь беднее отцов и дедов в 47 раз! Нет оснований полагать, что в Европе дела обстоят по-другому. Но привычки у молодых те же! Запросы те же. Можно представить, какой взрывчатый материал копится в университетских кампусах и кафе, где собираются вчерашние студенты. Самый устойчивый класс становится самым революционным!

Тем более, что среди политиков всегда найдутся люди, готовые помочь реализовать потенциал протеста. Бeppe Грилло – известный сатирик и политик, лидер итальянского движения "5 звёзд", собрав на парламентских выборах 2013 года четверть голосов, провозгласил: "Мы начали войну поколений" (gazeta.ru. 28.02.2013).

И это не пустые слова. Средний возраст избирателей Грилло 31 год. Не старше и депутаты от "5 звёзд". В итальянском парламенте, где заседают геронтократы, они кажутся мальчишками! После того как полторы сотни выдвиженцев Грилло прошли в нижнюю палату и сенат, газета La Repubblica опубликовала статью "Новый итальянский парламент станет самым молодым в истории страны" (27.02.2013).

"Мы молоды, – пишет Грилло в своём блоге. – У нас нет структур и иерархий, начальников, секретарей. Нами никто не командует" (цит. по: pro-

* Основная часть этой суммы – стоимость дома.

file.ru/article/samyi-opasnyi-chelovek-v-evrope-pobeditel-italyanskikh-vyborov-beppe-grillo-75178).

Политическое влияние лидера “5 звёзд” подкрепляется тем, что к его словам готовы прислушиваться сотни тысяч простых итальянцев, которых привлекает весёлая вольница Грилло. Митинг в Риме, завершивший избирательную кампанию “5 звёзд”, собрал 800 тысяч (!) человек (rg.ru/2013/02/23/satirik-anons.html).

Понятно, трудно не только “быть молодым”. Не стану повторять общеизвестное: спад в экономике, урезание бюджетов и пособий. Та же безработица в Еврозоне – 19 миллионов человек. И это далеко не одна молодёжь. В Греции и в Испании более четверти трудоспособного населения не имеет работы – 27,2% и 26,7% (news.ru.com/finance/30apr2013/euunepmlmnrtr.html).

Всё это условия, “предлагаемые обстоятельства”, в которых разворачивается европейская драма. А вот об атмосфере – “на сцене и в зале”, – о социальном самочувствии европейцев сказать необходимо. Тем более, что эта сторона проблемы плохо освещена.

На неё обращают внимание лишь в исключительных случаях – стрельба у дворца Киджи (резиденция правительства) в Риме; исполнение кошунственной песенки “Динь-дон! Ведьма мертва” после известия о смерти Маргарет Тэтчер в Англии.

“Казус Тэтчер” особенно выразителен. В России, население которой “железная леди” советовала сократить то ли до 50, то ли до 15 миллионов, элита погрузилась в приличествующую случаю скорбь: “Госпожа (так!) Тэтчер – это победа в Фолклендской войне 1982 года с Аргентиной, противостояние бунтующим шахтёрам и ирландским террористам, едва не взорвавшим её в Брайтоне в 1984 году. Твёрдость, сила духа и неизменное чувство собственного достоинства. Ну и, конечно, железная воля. Типично британская” (“Коммерсантъ”, 09.04.2013).

Память у “Коммерсанта” цепка и классово избирательна. Какой характерный ряд: бастующие шахтёры и... террористы! Вполне, кстати, в современном российском духе.

Но в самой Британии, как выяснилось, далеко не все испытывали печаль. “Пока власти готовятся проводить Маргарет Тэтчер в последний путь, – сообщали на портале newsru.com – в разных районах Великобритании происходили беспорядки, устроенные недовольными проводимой в своё время экс-премьером политикой” (newru.com/world/09apr2013/thatcher.html). Далее подробности: “В Бристоле шесть сотрудников полиции получили ранения, когда пытались разогнать около 200 человек, отмечавших это событие как радостное”; “Толпа из 300 человек также собралась в Глазго на одной из центральных площадей. Там пили шампанское по поводу смерти Маргарет Тэтчер и запускали воздушные шары”; “В районе Брикстон на юге Лондона собрались ещё около 100 человек, бурно выражавших радость по поводу кончины баронессы”.

Корреспондент отметил: “Именно в Брикстоне в 1981 году полиция разогнала демонстрации недовольных решениями кабинета Тэтчер – отменой дотаций и отказом выдавать бесплатное молоко”.

Сердобольным российским читателям такая мстительность, тоже, конечно, классовая (но с другой – “нашей” – стороны), скорее всего, покажется мелочной и просто дикой. Тридцать с лишком лет прошло с того 81-го! У нас за это время чего только не поотбирали. Бесплатное молоко, подумаешь (а ведь и в СССР была такая льгота). Страну отобрали! И ничего. Ельцин, когда ушёл из Кремля, воспринимался как святочный дедушка. На похороны притащился какой-то бомж, и телевизионщики то и дело выхватывали его из разряженной толпы: “Народ скорбит!”

Право, не знаю – что хуже: английская мстительность или русское “всепрощение”. Точнее, равнодушное беспамятство (помнили бы – не простили: есть вещи, которые прощать нельзя!). При этом у нас любят порассуждать: “Что ж это мы пло-о-хо живём, бедно, а вот на Западе – богато!” Потому и богато, земли: ничего не забывают и не прощают! И умеют своё отстоять.

В апреле на похоронах баронессы обошлось без погромов. Хотя было ещё многотысячное сборище злорадствующих на Трафальгар-сквер. Не расходи-

лись, несмотря на проливной дождь! И демонстративное вставание спиной на пути траурного кортежа.

В августе 2011-го ненависть к богатым выплеснулась из-под спуда. На три дня и три ночи британские мегаполисы оказались во власти погромщиков. Библи витрины, грабили супермаркеты. Жгли автомобили и знаменитые двухэтажные автобусы.

Но не только. Поджигали жилые дома. И проявляя нечеловеческую жестокость, не давали пожарным и машинам “скорой помощи” прийти на помощь жильцам. Тем приходилось прыгать из окон под улюлюканье толпы (здесь и далее события августа 2011-го изложены по материалам сборника “Против”, М., 2012).

Пропаганда (в том числе российская) пыталась представить происходящее как расовый бунт. Волнения и впрямь начались с убийства полицейскими темнокожего гангстера. Но затем они захватили широкие группы населения — и белых студентов, и типичных английских домохозяек. “В том, что произошло, участвовали все”, — заявил представитель полиции.

Пытаясь объяснить случившееся, эксперты рассуждали: “Вы, к примеру, клиент банка Northern Rock (его банкротство положило начало кризису в Британии. — А. К.). Вы читаете ежедневно о зарплатах и бонусах тех, кто этот банк купил, о дорогих свадьбах и о жизни, которая, как вы немедленно понимаете, никогда не будет вашей. Чувство горечи и отчаяния может накапливаться очень долго. Потом для взрыва достаточно малейшего повода”.

Читая это, я вспоминал, как в начале 90-х проходил мимо роскошной московской гостиницы “Метрополь” вместе с молодым корреспондентом одного из телеканалов. Сын известного журналиста, он только что вернулся из долгой заграничной командировки. Тем не менее мой спутник вздохнул и произнёс: “Не смотрите, Александр Иванович, этот праздник жизни не для нас!”

Если вдуматься, именно благополучный, знающий цену вещам человек и мог так сказать. “Московский муравей”, сотрудник какого-нибудь недобитого КБ, убеждённый, что всё у него в жизни “тип-топ”, пройдёт мимо “Метрополя” не повернув головы. Он даже в щёлочку не видел эту прихотливую роскошь обновлённого модерна! Наверное, и кокни с лондонской окраины равнодушно шагают мимо Tiffany’s и Gucci. Но тот, кто прикоснулся к пульсирующему блеску и ной жизни...

Не удивляюсь участию респектабельных лондонских студиозусов в погромах.

Об их размахе можно судить по количеству задержанных — около 3 тысяч. Учтите, в помешанной на законности Англии людей не принято хватать направо и налево. Задерживали, надо думать, наиболее “отличившихся”. Участники наверняка были значительно больше.

Читатели гневно осудят погромщиков. И правильно сделают. Но не спешите с обвинениями в адрес только одной стороны. Состоятельные англичане испытывают такую же ненависть к лондонской улице, как и она к ним. “33% британцев не возражали против применения огнестрельного оружия для подавления бунтов” (“Против”). Да и позднее истеплишмент мечтал о р а с п р а в а х! Некий Джереми Кларксон, ведущий телепрограммы The One Show, заявил, что “расстрелял бы” участников вполне невинной забастовки против пенсионной реформы “на глазах у их семей” (“МК”, 03.12.2011).

В отличие от не в меру патетичных британцев, деловитые немцы без лишнего шума правят свои законы. В минувшем году Конституционный суд ФРГ вынес постановление, позволяющее использовать бундесвер внутри страны и — внимание! — разрешающее войскам “применение оружия” (“Независимая газета”, 20.08.2012). Разрешение обставлено гуманитарными оговорками. Но, как отмечают эксперты, лиха беда начало. “Чрезвычайные ситуации катастрофического масштаба” судом не конкретизируются” (там же).

В горячей Италии выстрелы уже звучат. И это не только обречённый, хотя и кровавый (трое раненых) протест безработного сицилийца перед дворцом Киджи в нынешнем апреле. 16 октября 2011 года в центре Рима стреляли карабинеры. Профессионалы дело знают: 70 демонстрантов получили ранения. “Это война по всем правилам”, — с гневом говорили протестующие (Новости, “Россия-24”, 16.10.2011).

“Посмотрите, до чего дошли... Будто у нас воцарился какой-то диктаторский режим”, – житель Афин возмущается полицейской жестокостью. Другой пронциательно подмечает: “Полицейские меры – неотъемлемая часть драконовских мер экономии”. И добавляет: “А всё это вместе ведёт к гибели демократии. Надо с этим бороться” (Новости, “Евроньос”, 25.03.2012).

Тут уместно напомнить, что для лечения кризиса европейские власти используют меры, “граничащие с садизмом”, – по выражению одного западного автора (“Независимая газета”, 19.11.2012). Зарплаты, пенсии, стипендии подвергаются безжалостному сокращению. Непродуктивность такой “экономии” очевидна. Людям не хватает денег на необходимое – падает спрос – сокращается производство – кризис усугубляется. “Деловая активность (в Европе – А. К.) снижается 15 месяцев подряд” (Business. “Евроньос”, 24.04.2013).

Лауреат Нобелевской премии по экономике Пол Кругман который год пишет об ошибочности сокращения бюджетов. Каждую неделю знаменитый экономист публикует колонку в одном из авторитетнейших изданий мира – The New York Times. Благодаря перепечаткам в “Независимой газете” мы можем следить за его пока безуспешной борьбой.

Приведу несколько цитат: “Перед Великобританией маячит перспектива нового спада (третьего по счёту), а Дэвид Кэмерон стоит на своей политике затягивания поясов”; “...Экономия... не принесла особых улучшений: уровень безработицы по-прежнему стремительно растёт, и в какой-то момент напряжение станет невыносимым. И, думаю, это стоит отметить, что это проблема не только Греции или Испании”; “Сейчас нельзя затягивать пояса, а следует обеспечить стимулирование”*.

Постепенно критика мер жёсткой экономии получила широкое распространение в научной среде. Кругман приводит выразительный пример: в 2010 году 20 экономистов опубликовали письмо в Sunday Times в поддержку правительственных сокращений бюджета. Два года спустя журнал New Statesman опросил часть подписантов. 9 из 10 заявили, что теперь следует не столько бороться с дефицитом бюджета, сколько поддерживать экономический рост, увеличивая госрасходы (“Независимая газета”, 27.08.2012).

Наконец МВФ призвал смягчить требования экономии и сосредоточиться на стимулировании роста (“Независимая газета”, 19.10.2012).

Лидеры Старого Света не слушают экономистов! “Политики просто выкинули базовую макроэкономику в окошко”, – язвительно замечает Кругман (“Независимая газета”, 15.04.2013).

В апреле этого года “случилось страшное”. Вдребезги разлетелся “научный базис” мер жёсткой экономии. Они во многом основывались на работе профессоров Гарварда Кеннета Рогоффа и Кармен Райнхардт “Рост во время долга”, изданной в 2010 году. Изучив экономическую историю 20 ведущих развитых стран, авторы утверждали, что когда госдолг превышает 90% ВВП, происходит резкое замедление экономики. А потому рецепт роста: экономия, экономия и ещё раз экономия.

Однако выяснилось: расчёты профессоров основаны на элементарной ошибке! Её обнаружил... студент. Пытаясь повторить вычисления Рогоффа и Райнхардт, он каждый раз получал другой результат. Студент оказался настырным, попросил у профессоров расчёты. И обнаружил ошибку. Почти стопроцентный долг не мешает экономике расти на вполне приличные 2,2% (newsru.com/finance/18apr2013/student.html).

Всесветный конфуз! Не только ошибочные расчёты, но и всю теорию, а за ней и практику жесточайшей экономии надо выбрасывать на свалку. Нет смысла урезать бюджеты, мучить людей. Но... европейские руководители делают вид, что ничего не произошло.

В чём причина? Читатели Кругмана – газета сопровождает его колонки публикацией читательских писем – делают вывод, что бюджетные меры преследуют не экономические цели. “Некоторые из тех “людей в деловых костюмах”, – подхватывает выражение Кругмана его единомышленник из Уэлса, – определённо знают, что они делают – они ведут классовую борьбу” (“Независимая газета”, 28.11.2011). В схожем ду-

* “Независимая газета”. 25.03.2013; 19.11.2012; 15.04.2013.

хе высказывается другой читатель: “...Их целью является, как оказалось, истребление всех социально значимых программ, особенно тех, что связаны со здравоохранением и образованием. Их не интересуют ни общее процветание, ни увеличение занятости. Их интересует только максимальная приватизация госсектора” (“Независимая газета”, 25.03.2013).

Диалог нобелиата с читателями был бы обречён остаться элитарным междусобойчиком, пусть и вынесенным на страницы авторитетного издания, но их идеи подхватывают бунтующие улицы! И это придаёт идеям действенность.

А может, люди приходят к тому же независимо от учёного. Порочная практика урезания расходов распространена столь широко, что кто угодно может сделать свои выводы.

Как показал опрос, проведённый по заказу газеты Financial Times, большинство европейцев – будь то в Германии, Франции, Италии или Испании, считает жёсткие программы экономии вредными (“Независимая газета”, 06.09.2012).

Люди негодуют. “Каждый день у нас что-то отнимают, – говорит участник первомайской демонстрации в Мадриде. – В конце концов мы вообще лишимся всех прав. Все завоевания последнего сорокалетия разлетятся дымом за какие-нибудь четыре года” (Новости. “Евроньюс”. 01.05.2013).

И впрямь – бюджетные сокращения затрагивают фундаментальные права европейцев. Недавно Конституционный суд Португалии вынужден был вмешаться и запретить урезание пенсий, заложенное в бюджет нынешнего года.

Руководитель Европейской конфедерации профсоюзов Игнасио Фернандес Тахо бьёт тревогу: “Нельзя допустить, чтобы недемократические институты (он имел в виду пресловутую “тройку”, диктующую правительствам сокращение бюджетов. – А. К.) оказывали на европейские дела большее влияние, чем голосование населения стран” (Европа за неделю. “Евроньюс”, 21.04.2013).

Европейская конфедерация профсоюзов, объединяющая 85 организаций из 36 стран, в конце минувшего года провела масштабную акцию – День действий и солидарности. 14 ноября по всей Европе прошли демонстрации и забастовки. В Испании в них приняли участие 150 общественных организаций разного толка, согласившись на время оставить в стороне идеологические разногласия. Во Франции День действий поддержали пять ведущих профсоюзов. Но особой эмоциональностью отличалась манифестация греков на площади Синтагма в центре Афин. Она прошла под лозунгом “Народ, не склоняй головы!” (“Независимая газета”, 14.11.2012).

Греция – главная жертва. Но вот чего – кризиса или европейских рецептов его преодоления?

Не в силах самостоятельно расплатиться с кредиторами, страна выполняет все условия Брюсселя для получения очередного транша. По распоряжению чиновников ЕС зарплаты и пенсии урезали несколько раз. Доходы населения упали на 40% (“Коммерсантъ-ТВ”, 20.06.2012). Два миллиона греков живут в бедности. Когда благотворительные организации бесплатно раздают овощи, выстраиваются огромные очереди. 600 тысяч автомобилистов сняли номера с машин и сдали в налоговую полицию – нечем платить налог, да и бензин дорог (“Независимая газета”, 13.11.2012).

В стране 1,3 миллиона безработных – 27,2% трудоспособного населения. В 2009 году их было всего 9,5%. Пособия получают только 200 тысяч (liva.com.ua/drama-greece.html). Его выдают не более чем на 12 месяцев. А попробуй найди новое место!

В пять раз выросло количество самоубийств (Новости. РБК. 14.02.2012). Это не абстрактные числа. Сегодня трагедия – это кадры в YouTube. Свидетели – вся страна. Весь мир. Крупный мужчина выходит из дверей банка, обливает себя бензином и вспыхивает огненным столпом. Комментарий поясняет: не мог договориться об изменении условий кредита (drugoi.livejournal.com). А это – смерть у стен греческого парламента. Застрелился бывший аптекарь. Оставил записку: не может прожить на урезанную пенсию, призывает греков взяться за оружие (Новости. “Евроньюс”, 07.04.2012).

Жертвы принесены. Самые кровожадные языческие боги, каких вроде и не было в греческом пантеоне, могут быть удовлетворены.

Где вознаграждение?

Вместо обещанного евробюрократами роста экономика падает шестой год подряд! Потери до четверти ВВП. Эксперты поясняют: почти 90% предприятий – мелкие, ориентированы на внутренний спрос. Сокращение зарплат оставило людей без денег. Они не могут позволить себе покупки. Около 200 тысяч фирм закрылись (“Коммерсантъ-ТВ”, 20.06.2012). В теле-репортажах из Афин показывают опущенные железные жалюзи на окнах кафе и магазинов.

В тех же репортажах проталкивают мысль: греки сами виноваты. Нация бездельников, способная только брать кредиты да митинговать. Народ, из последних сил сохраняющий достоинство, выталкивают на всесветное поругание! Омерзительно, что в этом ш о у охотно принимают участие отечественные журналисты. И не только они – почитайте комментарии в интернете. Жирная, потерявшая от безделья совесть Россия (не путать с тощей – коренной!) старается не отстать от “просвещённой Европы” в глумлении над братьями по вере. Ещё и вперёд забегает.

Ну что, сравним, кто как работает. В 2008 году – до того, как в стране начали распоряжаться иностранные кредиторы – ВВП Греции на душу населения составлял 23 900 долл. (данные Евростата). В России с её нефтью и газом – 15 800 долл.

Греки могли без стыда сравнить свои показатели с итальянскими (25 200 долл.) и французскими (26 900). Конечно, им было далеко до Германии (29 100), Австрии (30 900) и Голландии (33 800), но зато они опережали все страны Восточной Европы. Подушевой ВВП Греции составлял 95,3% от среднеевропейского (ru.wikipedia.org/wiki. Статья “Экономика Европейского Союза”).

Греков обвиняют в том, что они много получали. Мол, не наработали! Сравним: средняя зарплата в Греции до кризиса – 730 евро. В Германии – 2,5 тысячи.

Говорят, в стране огромное число госслужащих: плодят бездельников! В Греции чиновники составляют 11,4% от трудоспособного населения. Это 14-й показатель в Евросоюзе. В лидерах самые успешные государства: Швеция – 30%, Дания – 29%, Франция – 21,2% (pravoslavie.ru/smi/154099.html). Статья “Кризис в Греции. Мифы и реальность”.

Ссылка на православный сайт не случайна. Вроде бы какая связь между экономикой и конфессией? Но русские аналитики подчёркивают: “Отношение к Греции как стране “низшего сорта” объясняется её религиозной “инакостью” (Тимаков В. Греция: падчерица Европы – vin.ru/ekonomicheskie-interesy/132703_8742).

Замечу: так же третируют Кипр, Румынию и Болгарию; о Сербии, думаю, и напоминать излишне.

Кризис пришёл в Грецию извне – из Соединённых Штатов. Банки охотно покупали “надёжные” американские ценные бумаги. После краха Lehman Brothers они превратились в фантики! Встала задача спасения банковской системы. Тогда – в 2009 году – Греция и нахватала 80 миллиардов евро – треть своих заимствований (ru.wikipedia.org/wiki. Статья “Мировой финансовый кризис”).

Одновременно с ростом долга осложнилось его обслуживание. Новые кредиты иностранные заёмщики дают неохотно и под большие проценты. Германия “осчастливливает” Грецию финансовой помощью: берёт кредиты под 1,5% (надёжный заёмщик!) и даёт под 3,5% (pravoslavie.ru/smi/154099.html).

Всё это не отменяет такие внутренние причины упадка Греции, как коррупция, уклонение от налогов, теневая экономика. И – отмечу особо – наивная вера неопитов в брюссельскую халяву.

Через это искушение прошли все новички Евросоюза. Сужу по странам Прибалтики, где часто бывал как раз после их вступления в ЕС. Надувая щёки и тараща глаза, чиновники и бизнесмены восклицали: нам дают большие деньги! Именно – дают. Этакий золотой дождь с благодатных европейских небес. О том, что займы придётся отдавать, да ещё с процентами, чиновники не думали.

“Давали” прежде всего на инфраструктуру. Западные менторы повторяли прописи из учебников экономики: каждый евро, вложенный в автомобильные трассы, железные дороги, аэродромы, приносит... И сегодня – посмотрите – те же автобаны у новичков лучше, чем у старожилов ЕС! За что они удостоивались похвал от инспекторов из Брюсселя. Греки, между прочим, едва ли не чаще других.

Но грянул кризис, и по отличным дорогам стало нечего возить! Ответственность за провал еврочиновники переложили на “аборигенов”.

А в качестве лекарства прописали поистине убийственные меры, которые добились греческую экономику. Об этом прямо пишут честные западные политики. В частности, Питер Оборн, опубликовавший в издании The Telegraph статью под выразительным заголовком “Бессердечная жестокость ЕС уничтожает Грецию” (inosmi.ru/europe/20120217/186131009.html).

Оборн обращает внимание на вопиющий непрофессионализм еврочиновников: “...Идиотизм – это важная часть проблем, существующих в Брюсселе. Этим объясняются многие ложные суждения и факты элементарной некомпетентности последних лет” (там же).

Ещё более остро о проблеме пишет Марк Адоманис в статье “Греция и провал западных элит” (“ИноСМИ”, Россия). Анализу ситуации он предпосылает свои юношеские воспоминания: “Когда я был моложе, мне казалось, что люди, у которых есть власть, и которые облечены полномочиями управлять страной, это мудрые и дальновидные люди”. Автор признаётся в разочаровании: “По мере того, как я вырос, одним из самых тревожных озарений для меня стало осознание того, что это не так”. В подтверждение своего суждения Адоманис ссылается на Пола Кругмана: “...Важные люди понятия не имеют, что делают”.

Обращаясь к греческой теме, автор замечает: “...Важные участники этой драмы на самом деле ни черта не знают о том, что творят”. Не без озорства помянув конспирологию (“тайный план, разработанный конкорсиумом иллюминатов, масонов и тамплиеров”), Адаманис с разочарованием заключает: “Никакого плана не было, потому что люди, которые руководят, не подумали о том, чтобы разработать такой план, а даже если бы и подумали, они слишком глупы, чтобы сделать это”.

Приговор, вынесенный Адоманисом, убедителен, ибо подтверждён конкретным анализом. Всё так! Вы думаете, что господа, упоённые своей значимостью, мудрые стратеги или, на худой конец, коварные заговорщики. А они просто самовлюблённые пустышки.

Беда в том, что обыватели страшатся поверить этому. Они готовы глумиться над “ленивыми греками” или изобличать “коварных масонов”, но не смеют осознать, что их собственная судьба вверена людям неумным и некомпетентным, которые за здорово живёшь погубят не только далёких, в сущности, безразличных обывателей греков, но и самих обывателей – вместе с тысячами таких, как они!

Греки посообразительнее наших “умников”. Многие уразумели: хватит выполнять чужие распоряжения. Надо бороться!

И они борются. Выходят на демонстрации; в период, когда обсуждают бюджет, – каждый день. Бастуют. Во всеобщей забастовке 25 сентября 2012 года приняли участие миллионы (“Коммерсантъ-Власть”, № 39, 2012). В нынешнем феврале страна вновь бастовала.

Не чураются и силового воздействия. В июне 2011 года на острове Корфу возмущённая толпа осадила ресторан, где – цитирую – “проходил официальный ужин, который давал греческий парламент в честь Комиссии по миграции и беженцам Совета Европы”. Депутатов и европейских гостей пришлось спешно эвакуировать на катере береговой охраны (newsru.com/world/02jun2011/grec_print.html).

В Салониках пострадала делегация ФРГ – с немцами у греков ещё со времён войны особые счёты. Больше других досталось немецкому консулу (vesti.ru/theme.html?tid=77473).

Случаются и настоящие трагедии. 5 мая 2010-го, когда двухсоттысячная толпа бурлила у здания парламента, анархисты подожгли банк неподалёку. Погромщики не пустили пожарных в горящее здание. Погибли три сотрудника банка (inopressa.ru/article/06may2010/inotheme/greece.html).

Потери несут и протестующие. 18 октября 2012 года во время разгона манифестации в Афинах у одного из участников не выдержало сердце (km.ru/category/tegi/dolgovoi-krizis-v-grecii).

Не раз демонстранты предпринимали попытки штурма парламента и штаб-квартиры правящей партии “Новая демократия”. Во время одной из них партийный офис обстреляли, пулю обнаружили в кабинете премьера Самараса. Впрочем, его самого в здании не было (inosmi.ru/world/20130123/204950566.html).

В минувшем году газеты писали: “Нынешняя зима в Греции по широте размаха протестов может посоревноваться с пресловутой “арабской весной”. На фоне голосования в парламенте недовольные в Афинах подожгли более ста магазинов и полсотни зданий... Беспорядки охватили и другие города страны. В столкновениях протестующих с силами правопорядка пострадали более 70 человек” (“МК”, 14.02.2012).

Под напором несогласных социалисты из ПАСОК, правившие до начала 2012 года, вынесли вопрос урезания бюджета на референдум. “Пусть выскажется народ”, – провозгласил премьер Г. Папандреу. Чего больше было в этом жесте – отчаяния или лукавства, сказать трудно. Политологи предположили, что премьер пытался таким образом надавить на твердых еврочников: не желаете договариваться со мной, придётся говорить с народом. С другой стороны, Папандреу – представитель славной в Греции фамилии. Возможно, он не хотел пятнать честь семьи и вправду решил посоветоваться с соотечественниками.

Показательна реакция европейцев. Казалось бы, что может быть демократичнее референдума. Однако чиновники и банкиры Старого Света разъярились! Саркози срочно провёл совещание французского кабинета и бросился советоваться с Меркель. Лондонские биржевики возопили: “Если будет референдум, то мы можем вполне резонно заключить, что они могут не одобрить меры ужесточения” (newsru.com/finance/01nov2011/grec_print.html).

Папандреу не дали поиграть в демократию. Его буквально вышвырнули из премьерского кресла!

В стране заговорили о революции. “Я не могу принимать участия в том, что приведёт к революции, вызванной бедностью. Что спалит потом всю Европу”, – заявил один из лидеров ПАСОК, когда ему предложили войти в коалиционное правительство с правыми (Новости. “Евроньюс”, 06.02.2012).

Звонкое слово “революция”, как ласточка, перепорхнуло в другие страны. И вот уже итальянский рабочий говорил корреспонденту: “Если они закроют заводы, мы готовы на всё, в том числе на революцию” (Новости. “Евроньюс”, 23.09.2012). **И участница демонстрации в Мадриде задорно провозглашала: “Мы сбросили правительство Франко и с этим правительством поступим так же”** (Новости. “Евроньюс”, 07.10.2012).

Эксперты с опаской следили за развитием событий. Мрачно предрекали: “Европу ждут бунты безработных” (Новости. РБК. 30.04.2012).

Почему эти пророчества не осуществились? Тому множество причин – часть из них мы обсудим в дальнейшем. Пока укажу на одну. Нынешней весной Европейский центральный банк (ЕЦБ) опубликовал данные о финансовом положении жителей континента. На долю среднестатистического грека приходится почти 102 тысячи евро. Итальянцы богаче – 173 тысячи. А среднее состояние жителей Испании – 182 тысячи (newsru.com/finance/10apr2013/cypriot.html).

Большую часть этой суммы составляет стоимость жилища. Кстати, резко уменьшившаяся во время кризиса (данные ЕЦБ относятся к его началу). Да и продать недвижимость сейчас непросто. И всё-таки 100 тысяч евро – хорошие деньги. Что уж говорить о 182 тысячах! Это своеобразный социальный якорь. Он удерживает от резких движений даже во время экономической бури. Когда-нибудь кризис кончится, – рассуждают европейцы, – а дом останется. Мы снова будем богаты.

И всё же в первой половине минувшего года власть имущим по всей Европе пришлось понервничать. Греческий референдум они заблокировали, но запретить проведение выборов не могли. Фракция правящих социалистов распалась прямо на заседаниях парламента – десятки депутатов, нарушая партийную дисциплину, голосовали против людоедских законов. Есть и такой вариант: остаться человеком, несмотря на указания партийных боссов! Большинство ПАСОК таяло на глазах. Досрочные выборы стали неизбежными.

Тогда и заявила о себе “Сириза” – объединение левых платформ и групп – социалистической, еврокоммунистической, троцкистской, маоистской, экологической направленности. Это движение молодо, так же как и его участники и сам лидер. Алексису Ципрасу, возглавляющему “Сиризу”, 38 лет. Внешне он напоминает Алексея Навального. Во многом благодаря его напору, красноречию и эрудиции движение совершило стремительный рывок, переместившись со скромного пятого места, которое занимало до избрания Ципраса председателем, на второе. Многие даже называли молодого политика подлинным победителем на майских – июньских выборах 2012 года (“МК”, 19.06.2012).

Ципрас убеждал: “Нельзя проводить прежнюю политику, не принимая во внимание людей” (там же). Он призывал вести диалог с Евросоюзом на равных – при соблюдении интересов и прав греческого народа. “Условия соглашений с кредиторами не отвечают принципам греческой конституции, нашим законам и элементарным нормам европейского права, – сказал он в интервью “Российской газете”. – Мы наблюдаем кошмарные тенденции: разваливается социальное государство, граждане не получают элементарных услуг в области здравоохранения и образования”. Новая политика, по мнению лидера “Сиризы”, призвана стимулировать экономический рост: “Целью кредитования должно стать именно экономическое развитие страны” (roniosini.ru/?p=566).

Подобно Бeppe Грилло и Яиру Лапиду, Ципрас подчёркивает новизну своего движения, его неучастие в закулисных партийных междоусобицах прошлых лет. “Мы не хотим превратиться в новую элиту вместо старых обанкротившихся структур”, – заявляет он (там же).

Идеологическая разноликость “Сиризы”, некая взвихрённая недооформленность, в другое время ставшие бы крупным недостатком, оказались в тренде современной политики. Они отражают широту поисков нового среднего класса, который не находит своих выразителей среди традиционных партий, отягощённых грузом собственной истории и догматики.

Сам Ципрас типичный представитель среднего класса. Выпускник Афинского национального технического университета, он работал в сфере городского планирования. Правда, в отличие от тех же Грилло и Лапиды, он довольно рано занялся политической деятельностью, ещё в школе вступив в компартию. Но вскоре ушёл, не удовлетворённый старыми идеями и методами работы. И сразу же стал лидером небольшой организации левого толка. Одним махом сумел преодолеть полосу аппаратных интриг, колебаний вместе с генеральным курсом, через которую неминуемо приходится пройти новичку традиционных партий, в результате чего он, как правило, превращается в безликого функционера.

Независимость и решительность характера Ципраса позволили ему пойти на нетривиальный шаг. После того как “Сириза” заняла второе место на парламентских выборах в мае 2012 года, он отказался войти в коалицию с “Новой демократией” и ПАСОК, куда его усиленно затягивали. “Переговоров с адом вести не будем”, – отрезал Ципрас.

Из-за непреклонной позиции молодого лидера пришлось – редчайший случай! – проводить повторные выборы. Ципрас рискнул – и оказался прав. На июньских выборах “Сириза” получила на 10% голосов больше, чем в мае. Всего 2% не хватило для завоевания первого места, которое досталось “Новой демократии”.

Аналитики, в том числе и Пол Кругман, не сомневаются в перспективах “Сиризы” и её вождя. Впереди обострение кризиса. “...Если нынешняя политика полностью провалится, что, кажется, почти предопределено, – пишет Кругман, – в итоге будет дискредитирован весь политический центр в Греции”. Тогда и наступит время “Сиризы” (“Независимая газета”, 25.06.2012).

Схожая ситуация в Италии. С одной стороны – застойный кризис, которому конца не видно. С другой – прорыв на политическую сцену яркой протестной силы.

До февральских выборов (а по факту до нынешнего апреля) в стране правил кабинет Марио Монти. Важная подробность: Монти занял пост не по итогам всенародного голосования, а в результате парламентской интриги.

Предыдущий премьер Сильвио Берлускони вынужден был уйти после того, как депутаты нескольких партий, возмущённые скандалами, в которые то и дело попадал кавальери, сговорились о проведении импичмента. Итальянские и европейские элиты предпочли не обращаться к электорату, а решили дело междусобойчиком. “Стране нужны реформы, а не выборы”, – заявил срочно прибывший в Рим президент Европейского совета Херман Ван Ромпей (infowars.com. 14. 11. 2011).

Необычные обстоятельства прихода во власть, а также любопытные детали послужного списка Монти позволили ряду экспертов заговорить о заговоре мировой закулисы. Дело в том, что Марио Монти является европейским председателем небезызвестной Трёхсторонней комиссии Дэвида Рокфеллера, а также ведущим членом таинственной и могущественной Бильдербергской группы, объединяющей самых богатых людей планеты (“МК”, 15.11.2011). Кроме того, он советник “Голдман Сакс” – банка, имеющего зловещую репутацию.

Если учесть, что одновременно с итальянским премьером руководящие посты в европейских и национальных структурах заняли ещё несколько людей, связанных с тем же банком, то версия заговора получает подтверждение или, во всяком случае, право на жизнь. Американское издание Infowars.com посвятило этой версии статью “Переворот банкиров: “Голдман Сакс” захватывает власть в Европе” (14. 11. 2011).

В одной из глав, где я буду рассматривать многообразные аспекты кризиса – от экономического до цивилизационного, – мы ещё вернёмся к этому сюжету. Здесь, действительно, есть о чём размышлять и чего опасаться. Но поспешу успокоить читателей: нынешняя попытка мировой закулисы расставить своих людей у рычагов управления Европой окончилась ничем. Ещё раз признаю правоту Р. Адоманиса: теперешние “масоны и иллиuminаты” – слишком незначительные личности, они даже приличного заговора осуществить не могут.

Монти правил чуть больше года. Поначалу казалось – твёрдой рукой. Он высокомерно игнорировал массовые акции протеста: первая состоялась в день его утверждения на премьерском посту 17 ноября 2011-го. Его не смущали ни 200-тысячная манифестация, прошедшая в Риме в июне 2012-го, ни череда демонстраций по всей Италии под лозунгом “Нет Монти!”. Их участники обвиняли: “Монти думает только об интересах банков, о прибыли банков. А о простых гражданах он не заботится, они ему не интересны” (Новости. “Евроныус”, 27.10.2012).

Но в один неслучливый для Монти момент он потерял поддержку Берлускони – не смог защитить его от злующих итальянских прокуроров. Чувствуя, что дело идёт к реальному сроку, кавальери решил сыграть на обострение и обрушил правительство. Мастерски разыгранная интрига вернула “ужасного Сильвио” в центр политической жизни и, по крайней мере, отодвинула судебную развязку. А Монти пришлось уйти. Не помогли масонские связи! Он объявил досрочные выборы и проиграл. Занял позорное для премьера четвертое место.

Февральские выборы 2013 года оказались неудачными для всех традиционных партий. Эксперты полагают: это не случай, а тенденция. Она не ограничивается Италией. “В Европе идёт процесс деградации всей партийной системы (разрядка моя. – А. К.), прежде всего это касается основных партий, и социал-демократов, и консерваторов, и либералов”, – утверждает руководитель Центра партийно-политических исследований Института Европы РАН В. Швейцер (gazeta.ru. 28. 02. 2013).

Социологический опрос, проведённый “Европейским социальным исследованием”, подтверждает это мнение. “Общий уровень политического доверия упал в большей части Европы”, – подводят итог социологи. Особенно это заметно в средиземноморских демократиях (“Независимая газета”, 26. 04. 2013). Другой опрос показал: 80% итальянцев и испанцев уверены, что партиям нет дела до их проблем (Перспективы. “Евроныус”, 14. 10. 2011).

В этих условиях на политическую сцену выдвигается так называемая “третья сила”. Аналитики привычно поминают греческую “Сиризу”, партию “Еш атид” Яира Лапида в Израиле. В Италии бенефициаром стало движение Беппе Грилло “5 звёзд”.

Оно возникло в 2009 году на базе интернет-блога Грилло. К этому моменту его посещало более миллиона пользователей. Ещё один миллион читателей у Грилло в Twitter. Фактически “5 звёзд” его авторский проект, личная политическая организация. Что опять-таки сближает итальянца с Алексисом Ципрасом и Яиром Лапидом.

До выборов Грилло не без пренебрежения именовали комиком. Действительно, он комический актёр, выступает в театрах, в 70–80-е годы работал на телевидении, откуда был негласно изгнан за едкие насмешки над руководством страны (wikireality.ru/wiki. Статья “Беппе Грилло”). Но, во-первых, этот комик не просто занимается политикой, он обладает выдающимся политическим темпераментом. Во-вторых, по образованию Грилло – экономист. Притивизировать лидера “5 звёзд” было бы непростительной ошибкой.

Впрочем, после того, как движение получило на выборах 25%, встав практически вровень с Демпартией и “Народом свободы”, буржуазные аналитики склонны, скорее, демонизировать Грилло. Немецкое издание Spiegel online озаглавило посвящённую ему статью “Самый опасный человек в Европе – победитель (так!) итальянских выборов Беппе Грилло”.

Чем же он опасен, по мнению автора? Его именуют “лидером улиц и героем молодёжи”. Заодно – “радикальным моралистом” и “революционером”. В статье нашлось место цитате английского журналиста, сопоставляющего Грилло с Муссолини: “Фашизм Муссолини был чёрным, Грилло – зелёным, но у обоих из них красное сердце”* (profile.ru/article/samyi-opasnyi-chelovek-v-evrope-pobeditel-italyanskikh-viborov-beppe-grillo-75178).

Пугает, а мне не страшно, – можно сказать после таких характеристик. “Красное сердце”, конечно, выразительный образ, но сейчас не начало минувшего века! Мир успел повидать все оттенки красного. Если уж пугать, то следует посмотреть на соседнюю Францию, где Жан-Люк Меланшон, бывший троцкист, а ныне лидер французской компартии, собирает сотни тысяч митинги по всей стране.

Скорее, во фразе, процитированной немецким изданием, упор надо делать на сердце – Грилло пугает (а многих – привлекает!) э м о ц и о н а л ь н о с т ь ю. Непредсказуемостью, несвойственной партийным функционерам. С коммунистами на Западе научились бороться, а затем и сосуществовать (П. Берсани, который вёл Демпартию на выборы, – бывший член ИКП). Грилло – другой. Не коммунист – “лидер улиц и герой молодёжи”. Что в перспективе позволяет бороться не только в парламенте – на улице. А это, как явствует из панической реакции автора статьи, куда опаснее для буржуазии!

В интернете до сих пор вывешено (и переведено на русский) воззвание Грилло, положившее начало движению “5 звёзд”:

Общественное движение – это голос миллионов людей, которые не имеют голоса в телевизионных новостях и на телевидении, но которые станут голосом Италии завтра... Которые не хотят власти для себя. Но которые хотят что-то сделать, чтобы изменить настоящее положение дел (блог “Санкт-Петербург” massmediumblog.com, 06.08.2009).

Грилло называет “5 звёзд” “движением прямой демократии”. Его мечта – вовлечь людей не просто в политику, а в управление государством: “Я хочу, чтобы тот, кто желает лично участвовать в строительстве своего будущего, имел такую возможность. То есть входить в муниципальные советы для принятия решений о своей территории, о качестве окружающей среды, жизни, воздуха и воды. Я хочу жить в стране, где референдум не кладётся в ящик...” (там же).

Оглядитесь, посравнивайте. Это те же пробудившиеся египтяне из интернет-мечтаный Ваэля Гонима. Энергичные, совестливые, ответственные. Сегодня они отстаивают своё представление о демократии на площадях Каира с булыжником и “коктейлем Молотова” в руках. Вот чего, видимо, опасается западный истеблишмент ввиду пришествия Грилло. Но те же ребята, вузовские выпускники, в нормальной ситуации могут отстаивать права своей территориальной общины в муниципалитете или вкалывать волонтерами.

---

* Английский журналист явно имеет в виду то, что Муссолини начинал как социалист.

Сторонники Грилло – молодые блогеры, экологи, представители различных гуманитарных ассоциаций (“Известия”, 26.02.2013). **Убеждён – эти неравнодушные юноши, новый средний класс, и есть то будущее, которое рождается сегодня на потрясённых площадях всего мира.**

Конечно, им многого не хватает. Опыта. Организации: движения Грилло и Ципраса держатся на популярности своих лидеров. С одной стороны, это избавляет от бюрократической рутины – огромный плюс. Но и делает их неустойчивыми, зависящими от “творческой формы”, самочувствия, настроения и даже капризов лидеров (что существенно в случае с артистичным Грилло).

Размыта идейная позиция. За Грилло и Ципрасом кто только не идёт – от экологов до троцкистов. Это избавляет от партийного однообразия, придаёт динамику, драйв совместного поиска истины. Но трудно не согласиться с ведущим левым мыслителем наших дней Славоем Жижекком (который и сам того же роду-племени): “Я был одним из первых, кто признал значимость европейских протестов – в Греции, Испании... Но что они провозглашали? Ничего, только какие-то общечеловеческие требования: люди требуют уважения, безопасности... Но если вы спросите протестантов, чего они хотят – коммунистической национализации или эффективного социал-демократического капитализма, – они будут в замешательстве” (“Коммерсантъ-Weekend”, 19.04.2013).

Жижек достаточно мудр, чтобы не смеяться над молодыми энтузиастами. Он становится рядом с ними, с обезоруживающей честностью признаваясь: “И у меня ответа тоже нет” (там же).

Но это и характерно для кризиса: множество вопросов – при отсутствии ответов! Ответы – результат долгого пути, проб и ошибок. Может быть, сейчас важнее (и честнее!) остро почувствовать не удовлетворённость общепризнанными идеями и нормами. “Век вывихнул сустав”, – сказал, нет, скорее, простонал шекспировский Гамлет. И это болезненное ощущение стало прологом поисков, которые привели к возникновению Нового времени, эпохи Модерна.

Быть может, сегодня, вместо готовых решений, важно вновь почувствовать боль распадающегося на наших глазах уклада?

За движением молодёжного протеста с интересом и сочувствием наблюдают политики, социологи, философы. А кое-кто пытается помочь, вдохновить новое поколение героикой века XX.

Я имею в виду Стефана Эсселя, автора книги “Возмутитесь!”, изданной в 2010 году. 32-страничная брошюра вышла во Франции в скромном провинциальном издательстве тиражом 6 тысяч экземпляров. Но уже несколько месяцев спустя стала культовой.

В одном из многочисленных интервью Эссель сформулировал свою цель: “Я хотел сказать молодым: не сидите сложа руки! Занимайте активную позицию, для того чтобы ситуация вокруг менялась в сторону большей ценности человеческого достоинства. Потому что в конечном счёте – что означает быть мужчиной или женщиной? Это бороться. Это не просто отстаивать свои собственные интересы, а желать, чтобы человечество развивалось. Если не бороться, то наша жизнь скорее всего будет подобием существования животного” (belhelion.org/node/14726).

Кому-то эта декларация может показаться чрезмерно категоричной, а то и наивной. Но за словами Эсселя стоит огромный опыт его жизни, слава борца с нацизмом и, что немаловажно, экономические положения программы Национального совета Сопротивления, провозглашённые в дни освобождения Франции в 1944 году.

Стефан Эссель – личность незаурядная. Книгу “Возмутитесь!” он написал в 93 года. В его биографии – участие в Сопротивлении, заключение в Бухенвальде, смертный приговор, побег. “Всегда у меня было это желание действовать... Мне повезло или не повезло – быть двадцатилетним, когда появился нацизм. Я был его противником и никогда не свернул с этого пути, никогда не давал задний ход... Внутри меня постоянно присутствовала уверенность, что мы можем прогрессировать: если мы не добились этого сразу, если не достигли в тот же час, это придёт со временем” (там же).

После войны Эссель поступает во французский МИД и благодаря случайной случайности оказывается в группе ООН, готовившей текст Всеобщей

декларации прав человека. К слову, беседуя с корреспондентом, Эссель даёт важное разъяснение соотношения прав личных и коллективных – вопроса, который в авторитарных обществах, в том числе и у нас, используется для опасных спекуляций. “Я отвергаю это противоречие, выдвинутое некоторыми людьми, между коллективными и индивидуальными правами. Коллективные права не противопоставляются индивидуальным, как некоторые полагают. Все мы живём в коллективе, все мы живём друг с другом, и цель – чтобы каждый человек был защищён и братство смогло выразиться и позволить таким образом коллективную жизнь” (там же).

Долгие годы Эссель трудился на дипломатическом поприще, позволяя себе резко критиковать французское правительство. В конечном счёте он был отправлен в отставку и занялся публицистикой.

Книжка Эсселя приобрела популярность во многом потому, что освещала сегодняшнюю борьбу молодых идеалами героической эпохи. “Базовым мотивом Сопrotивления было возмущение, – напоминает автор. – Мы, ветераны движений сопротивления и сражавшихся сил Свободной Франции, мы призываем юные поколения возродить и передать будущему наследие Сопrotивления и его идеалов. Мы говорим им: примите эстафету, возмутитесь! Не дайте себя поработать нынешней интернациональной диктатуре финансовых рынков, угрожающей миру и демократии. Мы призываем к настоящему мирному восстанию против несправедливости, против общества денег... Тем, кто будет своими руками создавать XXI век, мы говорим: “Создать (творить) значит сопротивляться. Сопrotивляться значит творить (создавать)” (civil-disput.livejournal.com/161091.html).

Эссель обращает внимание молодых на две главные опасности: растущий разрыв между богатыми и бедными и угрозу глобальной экологии в результате развязанной капитализмом гонки производства и потребления.

“Власть денег, которой Сопrotивление нанесло столь сильный удар, никогда ещё не была так велика, дерзка и эгоистична, – возмущается автор. – Разрыв между богатыми и бедными никогда не был так велик, а погоня за деньгами, конкуренция – настолько поощряемы” (там же).

Русские комментаторы книги к месту напоминают об экономической программе Национального совета Сопrotивления, в котором ведущие места занимали французские коммунисты и социалисты. Вот ключевые положения: “Возвращение народу крупных монополизированных средств производства, являющихся результатом общего труда, источников энергии, запасов недр, страховых компаний и крупных банков”; “Установление подлинной экономической и социальной демократии, влекущее за собой отстранение крупных экономических и финансовых магнатов от управления экономикой”; “Введение права доступа к функциям управления в рамках предприятия для рабочих, обладающих необходимой квалификацией, и участие трудящихся в управлении экономикой”; а также право на труд, выплата достойных пенсий, свобода печати, собраний, демонстраций (там же).

Не правда ли, все требования сохраняют актуальность и в наши дни? Они звучат особенно весомо в нынешнюю эпоху отвержения догм неоллиберализма и поисков новых путей развития.

“...Произошло совпадение во времени, – скромно замечает Эссель. – Моя книжка вышла в октябре, а через несколько месяцев в Тунисе, Египте, Испании и других странах появились протестные движения. Возможно, они воспользовались какими-то из моих рассуждений” (kpravda.com/kniga-francuzskogo-pisatelya-i-diplomata...).

“Совпадение во времени” и, разумеется, читательская (шире – общественная) активность породили сенсацию. Книжка, вышедшая тиражом 6 тысяч экземпляров, была переведена на множество языков, издана более чем в 40 странах. Общий тираж – 4 миллиона экземпляров! В Испании возникло мощное движение “возмущённых”. Впоследствии схожие движения появились в Италии, Бельгии, Латинской Америке, на Тайване, в Австралии и Новой Зеландии (там же).

В связи с успехом работы Эсселя можно вспомнить о другой книге, растущая популярность которой крайне обеспокоила российское руководство и официальную пропаганду. А именно – “От диктатуры к демократии” Джина

Шарпа. В Кремле её рассматривали как пособие по борьбе с авторитарными режимами, “идеологическую диверсию” Запада, направленную на подрыв строя.

О содержании этой вполне невинной книжки я говорил в предыдущих главах (“Наш современник”, № 6, 2012) и даже давал ссылку на сайт, где читатели могли ознакомиться с ней. Теперь же хочу подчеркнуть коренную ошибочность представления наших верхов о том, что общественные настроения определяются некими “генеральными директивами”, к которым они отнесли книгу Шарпа. Такие представления может быть, в какой-то мере и соответствовали действительности до появления интернета. Но сегодня они безнадежно устарели.

“Генеральные директивы” работают только в замкнутом идеологическом пространстве, где источники информации наперечёт. По сути их два: официоз и “вражеские голоса”. Последние время от времени “подбрасывают” установки, противоречащие официальным. Так было в Советском Союзе.

Но в современном мире, где существует интернет, кое-какая независимая пресса и частные издательства, количество источников информации увеличивается в разы! “Генеральные директивы” в таких условиях не работают. Допустим (если уж этого так хотят наши начальники) – книжку Шарпа действительно “подбросили” для разрушения авторитарных режимов. Но тут же появляется брошюра Эсселя, призывающая к “мирному восстанию” против капитализма на Западе.

Они сосуществуют в одном пространстве. Конкурируют. А зачастую и совместно “инструктируют” протестующих. И арабские революционеры, и европейские “возмущённые” пользовались рецептами как Шарпа, так и Эсселя.

Современный мир, где цензура затруднена, предоставляет читателям и всему обществу выбор. Не только источников информации, но и путей развития страны. Те, кто пытается этот выбор ограничить, делают чёрное дело. Даже если субъективно хотят принести пользу своему государству. В случае успеха их планов (сомнительного, но в краткосрочном моменте возможного), они лишают страну и её народ выбора, а значит, и будущего.

Ещё горше, когда читатели сами отказываются от информации, которая могла бы принести пользу. Отказываются не из боязни преследования, а потому что – вспомним А. Пушкина – “ленивы и нелюбопытны”.

Один из наиболее содержательных материалов о книге Стефана Эсселя подготовлен экспертами российской оппозиционной партии “Другая Россия”. Если бы они внимательно читали отечественную политическую литературу, они могли бы заметить книгу, написанную тогда же и о том же, что работа Эсселя.

Может, это и нескромно, я говорю о моей книге “Возвращение масс”, изданной в 2010 году.

– Прославиться захотелось на старости лет! – хмыкнут насмешники. Сейчас все раздражены и готовы отбрить даже того, чьи произведения читают.

Поверьте, амбиции здесь ни при чём. У меня и в мыслях нет мериться славой с личностью действительно легендарной. Но и мой труд, если бы он дошёл до широкого читателя, мог бы работать на ту же цель, что и книжка Эсселя.

Опытнейший правдист Виктор Кожемяко, сделавший имя беседами с А. Зиновьевым, В. Распутиным, В. Кожиновым, писал о “Возвращении масс”: “Книга, которую должен бы прочитать каждый наш соотечественник, поскольку мало какое из нынешних изданий может сравниться с ней по исключительной актуальности темы и добросовестности авторского подхода” (“Правда”, 14.07.2011).

Постоянным читателям журнала нет нужды напоминать о “Возвращении” – работа печаталась в “Нашем современном” главами с 2006-го по 2009 год. Но о сути скажу. Эта книга об энергии и подвижничестве масс, сложивших сценарий безальтернативного развития, который сторонники неоллиберализма навязывали миру.

В беседе с Кожемяко я говорил о начале работы: “Побудительный импульс, заставивший меня взяться за перо, – это чувство унижения, нет, больше – ощущения жизненной катастрофы, которое я (как и многие) испытал

в 90-е годы. Помните – распался Союз, цены взлетели в сотни раз, миллионы людей лишились работы. На политической сцене – отечный Ельцин, малиновые пиджаки братвы, объявленной “эффективными собственниками”, а на улицах – бомжи, нищие, продавцы сигарет и копеечного, вынесенного из квартир скарба. Вы спрашиваете, куда в те времена ушли массы? В грязные подворотни, где эти торговцы прятались от милиции, на рынки, заполненные “челноками”, на кухни, где спивались миллионы, и, увы, на кладбища, собравшие небывалую в мирные годы жатву скорби. Это была катастрофа невиданного масштаба, в известном смысле, конец мира, основанного не только на социалистических – на социальных началах” (там же).

Какое там – “возмутитесь”! Я писал, содрогаясь от негодования.

И от предчувствия перемен. Я верил в человека. В его стойкость, чувство собственного достоинства и справедливости. Я ждал, когда пружина экономического принуждения и прямого насилия, которой давили целые народы, с гудом распрямятся. О первых переменах – выступлениях альтерглобалистов, протестах противников войны в Ираке я писал ещё в книге “Симулякр, или Стекольное царство” (М., 2004).

И наконец точечные акции слились в мощную волну. В беседе с В. Кожемяко я не без пафоса, надеюсь, простительного, вспоминал: “Я ловил первые сигналы поднимающейся бури. Я приветствовал её как свежий воздух, который, в буквальном смысле слова, дал мне свободно дышать – мне и сотням миллионов тех, кто не мог смириться с “концом истории”. Проявления народного протеста и – что никак не менее важно – созидательной инициативы народов я собирал, анализировал, обобщал, выстраивал в стройную концепцию. Получилась книга, насчитывающая почти 700 страниц и состоящая из четырёх разделов: Европа, исламский мир, Латинская Америка, Россия” (там же).

Грех жаловаться, книга имела успех. У специалистов. Она собрала 10 рецензий – в эпоху всеобщего безразличия – великолепный результат! Получила престижную Большую литературную премию как лучшая книга 2010 года.

Но до читателей не дошла! Её даже не удалось выложить в магазинах. Пробовал. Наткнулся на отказ: “Не интересует!”

Только в самом начале, сразу после появления рецензии в “Литгазете” (№ 51, 2010) неизвестный мне книготорговец предложить купить весь тираж. Я отказал, опасаясь, что книгу уничтожат. Сейчас это может вызвать усмешку, но декабрь-2010, когда рецензия появилась в “ЛГ”, выдался “бунташным” – впервые за последнее десятилетие. Рядом с рецензией, напечатанной на первой полосе, красовалась фотография бушующей толпы и репортаж о событиях на Манежной. Книга, которую я начал писать за четыре года до событий, поспела к сроку! Так что мысль о возможном уничтожении тиража в те дни не казалась бредовой. Кстати, когда я предложил продать половину книг, покупатель не согласился. Подавай тираж целиком! Возможно, в своих опасениях я был не так уж далёк от истины.

Ну что же, не захотел отдать огулом, пришлось раздавать книги на выступлениях. Какие-то экземпляры появились на сайтах иностранных продавцов – английском, испанском, каком-то с иероглифами.

Но наш читатель, который мне дороже всего, на которого и была рассчитана книга, её не прочитал!

Проще списать неуспех на “ошибки менеджмента”. И то: какой менеджмент – при отсутствии связей в книготорговле.

Но дело не только в нераспроданности книги. В журнале и на нашем сайте её мог прочесть каждый. Но и здесь “Возвращение” особого отклика не вызвало. Так же, замечу с горечью, как и печатающаяся сегодня книга.

Эту трагедию не услышанности тонко почувствовал рецензент – А. Севастьянов. Замечу, Александр Никитич далеко не во всём согласен со мной. Тем более я благодарен ему за чуткость.

“Сквозь огромный объём фактов и наблюдений, сквозь в высшей степени сочувственный рассказ о героизме масс в вышеуказанных регионах*, помогающий им взять свою судьбу в собственные руки, мы всё время прочитываем обращение Казинцева к нам, русским: ну что же вы, братья, вот ведь живой пример для вас, вот ведь как надо!

---

* Севастьянов имеет в виду главы, посвящённые исламскому миру и Латинской Америке.

В ответ — тишина. Почти мёртвая. Русские массы недвижны” (“Вопросы национализма”, № 10, 2012).

В конце концов, речь не только о книге. Это частная подробность, штрих на общей картине. Массы игнорируют не только книжный текст (предвижу, читатели в утешение скажут: да это же 700 страниц, далеко не каждый одолеет!). Они равнодушны и к хлестким лозунгам оппозиции.

Россия не готова выйти на площадь (если, конечно, не пошлёт по разнарядке начальство). Подтверждение тому — данные соцопросов и слабенький митинг 6 мая этого года. Не помогли призывы поддержать “узников Болотной” и остановить вал запретительного законотворчества.

Ссылки на раздолбайство лидеров ничего не объясняют! Какими бы ни были “вожди протеста” (для С. Удальцова и А. Навального я бы сделал исключение), те ребята, которые сидят уже год и начали получать реальные сроки, они достойны поддержки, хотя бы сострадания? Или — как? А общество отмахнулось: да пошли они!

У нас вроде как принято жалеть “несчастных”. Или то было в прежней — православной — России? Что там говорил Достоевский о русском человеке без православия? Далеко заглядывал Фёдор Михайлович!

А разведающая страна коррупция? Спад производства. Техническое отставание — “навсегда” — от Запада, теперь и от Востока. Разве это не повод выйти из квартир и потребовать от правительства ответа? Тут речь не о морали — нормальном расчёте. Чтобы раздобревший на отборных харчах “карась” не дремал, надо время от времени его беспокоить. Для этого и существует оппозиция. Так заведено повсюду. Или Россия не нуждается в общественной дискуссии, гражданском контроле? Не доросла? Не способна?

Об этом в завершающей главе “Тупика”.

А пока закончим с “Возвращением масс”. Книга не сработала! Остаётся порадоваться, что кпд брошюры Стефана Эсселя оказался не в пример выше. Особенно в Испании.

Почему не во Франции? Хороший вопрос. Он позволяет понять, каким образом книга воздействует на умы. Она захватывает людей тогда, когда те готовы воспринять информацию. И не всякую прочую — именно эту. Ждут её как откровения.

Когда появилась брошюра Эсселя, Франция готовилась к президентским выборам. В ожидании их общество было и так структурировано. Левые поддерживали Франсуа Олланда, который вёл кампанию под лозунгом “Пришло время перемен”. Радикалы слева и справа симпатизировали коммунисту Жан-Люку Меланшону и лидеру Национального фронта Марин Ле Пен. В этих условиях потребность в новой организации, объединившейся под лозунгом “Возмутитесь!”, не было.

А вот в Испании левые провалились! Кризис обрушился на страну во время правления социалиста Хосе Луиса Сапатеро. И весь негатив достался его партии. Но и Мариано Рахоя, лидера правых, люди, оставшиеся без работы, поддерживать не собирались. Они искали “третью силу”. Лозунг, призыв, заветное слово, способное объединить недовольных. Тут-то и пригодилась брошюра Эсселя. Молодёжь вышедшая на улицы, назвала себя — “возмущённые”.

Подобно другим странам Южной Европы, Испания рухнула в кризис. Причём, так же, как и другим (вспомним Грецию), ей в этом “помогли” более сильные и богатые.

40% фондового рынка страны контролировали иностранные инвесторы. Откуда они выводят деньги при первых же признаках опасности? С финансовой периферии. Иностранцы ушли — и фондовый рынок обвалился. За две недели 2008 года акции крупнейших испанских компаний, котирующихся на мадридской бирже, подешевели более чем на 100 млрд евро (17% от их капитализации). “Стремительно сократился приток иностранных инвестиций (прямых и портфельных): с 220,3 млрд евро в 2006 г. до 28,4 млрд в 2008 г., что вызвало недофинансирование вложений в основной капитал и “перебросило” кризис в реальный сектор испанской экономики”, — констатирует П. Яковлев, руководитель Центра иберийских исследований Института Латинской Америки РАН (i-g-t.org/2011/12/30).

Промышленное производство упало на 16%. Сильнее других пострадала строительная отрасль. В 2006 году строители сдали 760 тысяч новых объектов. В 2010-м – в 7 раз меньше (там же).

Положение осложняли два фактора, хорошо знакомые россиянам. Первый – коррупция, ставшая неотъемлемой частью политической и экономической системы. 56% испанцев убеждены, что “самое важное условие для того чтобы разбогатеть, это иметь хорошие связи”. И только 18% считают, что для этого “нужно иметь хорошие идеи” (respektivy.info/oykumena/Europe/dvizhenije_vozmushhen...).

Другой фактор – уровень социального неравенства. Один из самых высоких в Западной Европе. Доходы 10% богатых испанцев в 7,6 раза превышают доходы самых бедных. Конечно, Испании далеко до фантастического разрыва между богачами и бедняками в России – в 16 раз по официальным данным (rbcdayu.ru/politics/562949983535672). Но тут наша страна впереди планеты всей, несмотря на существование “мощных”, как уверяют А. Исаев и М. Шмаков, профсоюзов, а теперь ещё и Объединённого народного фронта, проявляющего неустанную заботу о человеке труда.

Важная подробность – во время кризиса оклады административно-управленческого персонала росли. В то время как зарплаты простых испанцев снизились. При том, что они изначально были небольшими – в два раза меньше, чем в Германии (там же).

На все эти несправедливости и тяготы испанцы ответили так, как и должен реагировать гордый народ – демонстрациями и забастовками.

Начало, как мы помним, положила молодёжь, вышедшая 15 мая 2011 года на Пуэрта-дель-Соль. Вскоре протестные выступления охватили 60 городов. Своего пика движение достигло 19 июля в “День гнева”, который прошёл по всей Испании (“Коммерсантъ”, 20.06.2011).

Осенью того же года “возмущенные” покинули площадь Солнца. Но это не означало конца противостояния. Вот данные за один только день – 19 февраля 2012 года: в Мадриде на улицы вышли 500 тысяч человек, в Барселоне – 450 тысяч, в Валенсии – 150 тысяч. Всего демонстрации прошли в 150 городах (Новости. “Евроњьюс”, 19.02.2012).

“Нас много, – заявил участник одной из демонстраций, – но должно быть ещё больше”. Его поддержал другой манифестант: “Я считаю, что сегодня возмущены должны быть все” (Новости. “Евроњьюс”, 13.05.2012).

Правые, победившие на выборах 2011 года, протесты игнорировали. Тогда возмущение стало приобретать радикальные формы. Во время обсуждения бюджета на 2013 год протестующие взяли в кольцо здание парламента, чтобы не дать собраться депутатам (акция “Оккупай конгресс”). Генсек правящей партии поспешил назвать это “госпереворотом” (Новости. “Евроњьюс”, 25.09.2012).

Шахтёры, бастовавшие минувшим летом, развернули настоящие боевые действия против полиции. В телерепортажах показывали, как они пускают в стражей порядка самодельные ракеты. Правоохранители отвечали гранатами со слезоточивым газом. Ситуация “всё более напоминает гражданскую войну”, – сокрушались наблюдатели (Новости. “Евроњьюс”, 15.06.2012).

Ещё один вид акций “прямого действия”: отказ оплачивать товары в супермаркетах. Протестующие наполняют тележки продуктами и вывозят из магазина, демонстративно не оплатив покупки. Товары тут же раздают неимущим. В акции участвуют даже мэры городов. Так, мэр городка Мариналеда Хуан Мануэль Санчес Гордильо гневно заявил: “Если крадут богачи, это называется: “У нас в разгаре кризис”. А если кто-то крадёт курицу из супермаркета, то сразу становится вором” (“Коммерсантъ”, 16.08.2012).

Интересно, что сказал бы испанский Робин Гуд, как его называют в народе, о нашем отставном министре Сердюкове и его дамах? Скорее всего, он мел бы от подобной наглости.

Участие в протестном движении мэров – представителей власти – не случайно. Кризис затронул социальные слои, совсем недавно считавшиеся благополучными. Осенью минувшего года на манифестации выходили не только студенты, учителя и врачи, но судьи и адвокаты. Представьте себе, митинговали даже полицейские! “Испанию буквально сотрясают массовые протесты против режима экономии”, – отмечают эксперты (“Независимая газета”, 24.09.2012).

Выступления не утихают и в нынешнем году. В конце февраля очередные массовые акции прошли в 80 городах (“Независимая газета”, 25.02.2013).

Хотя эстафета протеста перешла к другим социальным силам, символом сопротивления в Испании по-прежнему остаются “возмущённые”. По-испански – indignados. Я хочу, чтобы русские читатели вслушались в дивную музыку этого слова.

Indignados, ressentiment (готовность к протесту) – это не просто слова. Это смысловые, нравственные, политические опоры, на которых держится жизнь испанского народа. И шире – иберо-латинского мира (о протестном движении в Латинской Америке, остановившем наступление неолиберализма, я писал в книге “Возвращение масс”).

Среди обширной литературы, посвящённой indignados, основательностью выделяется работа профессора МГИМО Сергея Хенкина “Движение возмущённых” в Испании: новая форма социального протеста”. Она будет мне подспорьем в рассказе о чрезвычайно перспективном, на мой взгляд, явлении.

Ссылаясь на данные социологического исследования, проведённого мадридским фондом “Альтернатива”, Хенкин отмечает: большинство участников движения – люди в возрасте от 19 до 30 лет. 67% из них – студенты. Остальные в большинстве выпускники университетов. Это информированные люди, знающие о проблемах, с которыми столкнулось испанское общество. Их взгляды – указывает Хенкин – отличаются определённостью: “Если по Испании в целом 20% избирателей не могут или не хотят определить своё место на шкале идеологической самоидентификации, то среди “возмущённых” эта цифра составляет всего 12%”. Политически они принадлежат к левым (здесь и далее: perspektivy.info /oukumena/Europe/dvizenije_vozmushhen...).

Участники движения обличают всем знакомое зло – коррупцию и неравенство. И обвиняют правительство в урезании социальных расходов.

В отличие от России, где экономические трудности парадоксальным образом порождают требование отказа от демократии (в нынешних условиях диктатура возможна только как господство капитала, а это значит, что проблемы будут решать за счёт простых людей), в Испании “возмущённые” требуют не сворачивания, а совершенствования демократии. Превращения её из декларации в реальность.

В центре экономической и политической жизни, по убеждению indignados, должна быть человеческая личность. “На нас лежит ответственность за переустройство мира, – провозглашают они, – за то, чтобы сделать его лучше для тех, кто идёт за нами”.

Мне особенно дорога эта забота о человеке. Причём не только о его месте в сегодняшней социальной системе, но и в мире будущего. К сожалению, у нас в России на будущее, как говорится, “забили”.

Между тем, именно предельно широко понимаемая ответственность традиционно отличала русское мышление. “Жизнь и мир от меня зависит”, – записывал Ф. Достоевский (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в тридцати томах. Л., 1983, т. 25). Отказ от такого подхода – огромная потеря. Отнюдь не только нравственная. Убеждён: человек будущего – это прежде всего человек ответственный. Иначе ему попросту не выжить среди всех вызовов и угроз.

Ещё одна черта будущего в движении “возмущённых”: отсутствие лидера и иерархии. Тысячи лет творческую активность личности сковывали отношения господства–подчинения. Сначала: господин–раб, затем хозяин–работник, теперь начальник–подчинённый. Чтобы освободить человека, раскрепостить его способности, нужно подчинение заменить со-трудничеством.

Перестроить систему связей. Организовать её не по вертикали, а по горизонтали. Конечно, человек с психологией раба не сможет трудиться без догляда, скажу резче: без палки. Но свободному человеку, сознающему свою ответственность, это по плечу.

Практическая деятельность “возмущённых” подтверждает мой тезис. В кратчайший срок, “с нуля”, они создали инфраструктуру огромного палаточного городка. Подобно своим единомышленникам с Тахрира они наладили коммуникации, организовали снабжение продуктами, обеспечили митингующих медицинской и юридической помощью. У них

появился даже собственный телеканал – SoliTV. Правда, вещал он менее недели, зато количество просмотров составило 10 миллионов (mediascope.ru/node/1019)!

На помощь людям нового склада пришла новая техника. Решающую роль в возникновении движения сыграли социальные сети. “В ходе опросов большинство участников заявили, что примкнули к движению благодаря социальным сетям”, – пишет С. Хенкин.

Новаторскими являются и формы деятельности. Хотя те, кто изучал самоорганизацию масс в Латинской Америке, могут обнаружить здесь влияние аргентинского и венесуэльского опыта. Основными органами движения являются ассамблеи. Их собирают в городских кварталах и муниципалитетах. Только в Мадриде в движение “возмущённых” были вовлечены 80 муниципалитетов и 41 городской квартал. Хенкин свидетельствует: “На площадях, где проводятся ассамблеи, нет старших. Каждый может выступить и изложить свою точку зрения, царят полное равенство, атмосфера доброжелательности и взаимного уважения. Решения принимаются на основе консенсуса”.

Исследователь приводит слова участницы: “Площадь – это пространство протеста и предложений (здесь и далее разрядка моя. – А. К.). Это своего рода гигантская школа, в которой люди различных возрастов учатся не кричать, а слушать, принимать во внимание иные точки зрения и участвовать в работе ассамблей”.

Похожий настрой ощущался в Москве на “Оккупай Абай” в мае прошлого года. Но эти школы понимания были разгромлены полицией.

Настрой нашего общества в целом резко отличается от мадридской идиллии. Говорю – мадридской, потому что не только участники лагеря, но и жители испанской столицы настроены мягче, доброжелательнее, чем россияне. Ушли в прошлое те времена, когда иностранцы отмечали особую душевность и теплоту, присущую русским. Оглянитесь вокруг: ни одной улыбки, преобладает чёрный цвет (светлые одежды появляются только к лету), люди идут, понуриив головы, погружённые в свои заботы.

Естественно, они не хотят (и не умеют!) слушать других. И в быту, и в политике. Типичные ответы на вопросы социологов о деятельности “несогласных”: ничего о них не слышал; не поддерживаю. Положительную оценку дают всего 23% (“МК”, 15.04.2013).

В отличие от нас, испанцы с протестующими солидарны. 73% опрошенных считают “возмущённые” правы. 63% полагают, что протестное движение должно продолжаться, поскольку оно “отражает гнев людей последствиями кризиса, в котором они не виноваты, и разочарование действиями политиков по части защиты и представительства интересов народа”. С наибольшей симпатии к “возмущённым” относится молодёжь и сторонники левых партий.

Почему же, несмотря на широкую поддержку, движение пошло на спад и не принесло видимых результатов?

Об одной из причин я уже упоминал. Нынешнее “обнищание” европейцев – понятие весьма относительное. Конечно, есть сотни тысяч людей, взявших ипотеку и потерявших работу. Им действительно туго. Но остальные “обездоленные” по сравнению с жителями российской провинции – богачи.

Они разозлены урезаниями бюджета, поддерживают “возмущённых”, но сами в их акциях участия не принимают. Что сужает социальную базу протеста. Те же исследования, на которые ссылается С. Хенкин, показывают: только 20% опрошенных хотя бы раз участвовали в манифестациях и лишь 8% принимали участие в работе ассамблей.

На отсутствие результатов повлиял отказ “возмущённых” от оформления своего движения в партию. Прекрасно понимаю молодых идеалистов! Тут бы и начались аппаратные игры, на первый план выдвинулись бы функционеры. Словом, получилось бы второе издание Соцпартии, пусть и более радикальное. Но, отказавшись от партийной организации и от участия в выборах, “возмущённые” сами себя поставили вне повседневного политического процесса. Вылазки, эскапады протестующих, конечно, оказывают влияние на власть имущих. К стати, кое-чего добиться всё-таки удалось: парламент принял закон, ограничивающий право банков выселять заёмщиков за неуплату процентов по ипотеке.

Но это исключение лишь подтверждает правило: законы принимают в парламенте, для того чтобы влиять на его решения, надо иметь в нём представительство.

Оптимальным, на мой взгляд, было бы сочетание широкого движения с небольшой, чётко отлаженной партийной структурой по принципу: древко копья – наконечник. Надеюсь, indignados такую двухзвенную организацию создадут и пойдут на следующие выборы.

Не всегда “возмущённые” оказывались на высоте ими же самими провозглашённых принципов. Да, форма ассамблей – замечательная находка. А принцип всеобщего обсуждения и консенсуса – наиболее справедлив. Но бюрократ пробился – нет, не в лагерь – в сердце идеалистов. И обсуждения превратились в ритуал, по любому, даже незначительному поводу спорили до хрипоты. И... отходили от движения, ибо хотелось работы, а не болтовни.

Непреодолимые препятствия? Да ни в коем случае! По крайней мере, два последних. Просчёты от недостатка опыта. А он приобретается со временем.

Главное – движение сохранило организационную основу и востребовано обществом. Во вторую годовщину его образования многотысячные шествия устремились из разных районов к центру Мадрида. Они слились на площади Пуэрта-дель-Соль, заполнив её до отказа. Манифестации состоялись также в Барселоне, Валенсии, Севилье, Малаге, Бильбао, других городах (aitrus.info/node/2932). “Возмущённые” не исчезли с политической сцены Испании.

Они молоды. У них ещё есть возможность приобрести и эффективно использовать опыт. Доверимся мудрости Стефана Эсселя: “. . . Если мы не добились этого сразу, если не достигли в тот же миг, это придёт со временем”.

(Продолжение следует)

МИХАИЛ ДЕЛЯГИН

директор Института проблем глобализации, д.э.н.

ПАДЕНИЕ В СМУТУ: ОПАСЕНИЯ И НАДЕЖДЫ

Введение

Общественный консенсус

Реформы в России до сих пор идут на основе либерального проекта. Уже к середине 90-х он решил мелкие проблемы, которые мог решить, и полностью исчерпал себя. Продолжая реализовывать доказавший свою безнадежность либеральный проект, руководство России обрекает на уничтожение не только страну, но и себя как элиту.

Никакого современного проекта, решающего игнорируемые или усугубляемые либерализмом и потому всё более значимые проблемы, так и не создано.

Причина – отсутствие во власти заинтересованной силы. Либеральный проект разрабатывался преимущественно Западом как инструмент реализации своих, в том числе и текущих коммерческих интересов (Гайдар, Чубайс и Ясин – просто исполнители). Модернизация же России ни одной влиятельной силе не нужна (в том числе и правящей бюрократии, все силы которой уходят на “освоение” нефтедолларов).

Отсутствие современного проекта делает бессмысленным и укрепление страны: оно создаёт предпосылки для решения насущных задач, в первую очередь, модернизации при отсутствии инструментов и даже представлений о способах решения этих задач, а часто и о самих этих задачах.

Смысл либерального проекта – подчинение страны интересам крупнейшего бизнеса и преобразование её в соответствии с этими интересами.

Так как интересы общества в целом, как минимум, не полностью совпадают с интересами бизнеса, реализация этого проекта быстро начала противоречить им. Так, интересы социальных групп, не связанных с управлением или получением доходов от бизнеса, ущемляются или, в лучшем случае, игнорируются. Поскольку в России наиболее влиятельны экспортёры сырья, для которых оплата труда – не создание рынка сбыта, а издержки в чистом виде, ущемление наёмных работников (то есть большинства) становится чрезмерным, разрушающим общество.

Крупный бизнес обладает качественно большими ресурсами, чем мелкий и средний. В условиях принципиального отрицания либералами творческой роли государства в силу естественной логики конкуренции это разворачивает либеральный проект против мелкого и среднего бизнеса.

По аналогичным причинам – так как глобальный капитал сильнее национального – последовательные либералы приходят к отрицанию и национальных интересов.

Начавшись в качестве общенационального, направленного на достижение свободы и благосостояния за счёт массовой частной инициативы, либеральный проект закономерно выродился в откровенно враждебный обществу проект крупного бизнеса с преобладанием иностранных интересов. Новаторство Путина состоит всего лишь в создании и выводе на авансцену истории силовой олигархии.

Этот проект разрушает общество, вызывает рост внутренней напряженности и враждебность к государству.

Реагируя на парадоксальный при “процветании” рост неблагополучия, государство пытается самоукрепиться. Но оно – лишь выразитель совокупных общественных интересов и может быть успешным лишь в той степени, в которой оно соответствует этим интересам. Попытки укрепления власти, пока они идут в рамках не просто отжившего, но и принципиально враждебного и обществу, и государству (как выразителю интересов этого общества) либерального проекта, будут вести к прямо противоположным результатам.

Чтобы быть успешным, государство должно действовать в соответствии со своей природой: в интересах общества. Сейчас это означает разработку нового, нелиберального национального проекта, направленного на обеспечение интересов всех его слоёв, ущемлённых либералами, – то есть всех, кроме силовой олигархии и транснациональных корпораций.

Порочность либерального проекта заключается в том, что он обеспечивает выживание в глобальной конкуренции не всего общества, но лишь его разрозненных фрагментов (в основном сырьевых), не встречающих конкуренции в мировом хозяйстве и потому вписываемых им в себя автоматически, без их, бенефициаров, усилий. Выживая за счёт уничтожения своего общества, эти бенефициары, топ-менеджеры и владельцы крупнейших сырьевых корпораций, считают себя частью “мирового сообщества”, “человеческой цивилизации”, “Запада”.

Модернизационный проект должен стать ответом остального российского общества, лишённого либералами будущего и приговорённого им к смерти.

Замена либеральному проекту может быть лишь социальной, патриотической и демократической.

Его основа – возврат к целостному видению России как единого субъекта глобальной конкуренции, корпорации особого типа, развивающей не только производство, но и нужный ему человеческий капитал с необходимой тому социальной средой. Основные социальные группы должны рассматриваться как равнозначимые; идея общего развития за счёт подавления некоторых из них должна отвергаться как разрушающая общество.

Настрой модернизационного проекта – “возвращение к здравому смыслу”, излечение России под лозунгом “от реформ к нормальности”.

Цель преобразования общества – его конкурентоспособность при ужесточении глобальной конкуренции. Нужна чёткая “сверхзадача” этого преобразования, определяющая новую позитивную роль России для всего человечества (ибо мы не способны развиваться без “сверхзадачи”). Надо заменить предельно эгоистичный и потому разрушительный американский порядок новым русским порядком, обеспечивающим мирное и свободное развитие различных цивилизаций.

Путь к этому – восстановление и наращивание на качественно новой технологической базе всех компонентов национального капитала: человеческого, технологического, материального, финансового.

Для решения общенациональных задач надо восстановить единство нации. Но образы действия и краткосрочные интересы её основных элементов – бизнеса и населения – различны.

Бизнес стремится к эффективности – к концентрации благ у успешных субъектов экономики и политики. Это стремление оформляется либерализмом.

Население же стремится к справедливости – к равномерному распределению благ. Его идеология – социализм.

Государство обеспечивает гармонизацию этих интересов ради долгосрочного успеха всего общества. Решение обществом различных задач на разных этапах его развития требует различных пропорций между эффективностью и справедливостью, между либерализмом и социализмом. Соответственно сменяются и стоящие у власти политические силы.

Общий принцип гармонизации интересов бизнеса и населения прост. Во внешнем мире государство должно реализовывать интересы бизнеса как

более активного элемента, поддерживая и частично направляя его экспансию. Внутри же общества оно должно поддерживать население – ведь расколотое общество неконкурентоспособно.

Пример ориентации на интересы бизнеса во внешней политике и населения – во внутренней – отношение государств к собственности на нефтяные компании. При добыче на своей территории добывающие компании для удовлетворения интересов населения находятся в государственной собственности (даже в далекой от социализма Норвегии), при добыче на чужой территории для эффективности экспансии – в частной.

Издержки бизнеса окупаются эффективностью государства, дающей стабильность внутри страны и поддерживающей внешнюю экспансию бизнеса, которая с лихвой компенсирует потери от внутренних ограничений.

Изложенное означает возможность успешного развития лишь немногих стран. Ведь внешнюю экспансию – это условие внутренней гармонии общества – не смогут вести все страны: кто-то неминуемо будет её объектом, который (как современная Россия) не только лишён возможности гармонизации интересов бизнеса и населения описанным способом, но и сталкивается с новыми проблемами, порождаемыми внешней экспансией.

Доступный для такой страны способ гармонизации общества – объединение усилий населения и бизнеса против внешней экспансии ради направления ресурсов страны на её развитие, то есть развязывание национально-освободительной экономической “войны”. Конечно, её необходимость не отменяет необходимости внешней экспансии национального бизнеса.

Но для этого власть должна принять и реализовать выработанный нашим обществом политический консенсус.

Более десятилетия назад российский народ стихийно осуществил синтез ценностей, сплавив до того враждебно противостоящие друг другу патриотические, социальные и демократические ценности в единое мировоззрение. Чтобы овладеть историей, овладеть государством, надо всего лишь артикулировать эти ценности, подразумевающие одна другую, выразить их языком сначала пропаганды, а потом политики.

Искренний демократ видит, что презрение к своей стране недостойно свободного человека, делает невозможной демократию и открывает дорогу диктатуре. Свобода же людей делает страну по-настоящему великой. Значит, подлинно демократические ценности неотделимы от патриотизма.

Только благосостояние масс позволяет им пользоваться свободой. Демократия бедных – лишь прелюдия к диктатуре. Значит, подлинно демократические ценности подразумевают и ценности социальные.

Носитель социальных ценностей – поневоле патриот, ибо только сильная страна имеет средства для социального развития, а благосостояние без сильной страны – чужая добыча.

Близки для него и подлинно демократические ценности, ибо именно демократия позволяет гражданам защищать свои интересы. Бесправие масс делает их нищими.

Наконец, патриот разделяет и социальные ценности, ибо благосостояние для всех – именно то, чем всегда будут гордиться и что всегда будут защищать граждане своей страны.

Сегодня лишь внутренне свободные люди могут побеждать в глобальной конкуренции и обеспечивать величие Родины. Поэтому патриот объективно демократичен.

Это наши ценности: они неистребимы.

Поскольку основная часть нашего общества по-прежнему искусственно удерживается в кошмарной бедности, в сложившемся синтезе ценностей естественным образом доминируют ценности социальные. В то же время активная роль интеллигенции и важность связей с развитыми странами поддерживают демократизм, выводя на первый план лозунг свободы наряду с требованием справедливости (во многом этому способствует и латентный характер русского патриотизма). В этом нет ничего плохого, если понимать свободу в русском, а не в западном смысле этого слова.

Не стоит забывать, что вплоть до президентства Картера США считали демократов и борцов за свободу иных стран своими внешними врагами, опираясь на самых отъявленных диктаторов, а не только пропагандистским, но и реальным защитником свободы и демократии в мире был Советский Союз.

Мы должны вернуть себе лозунг свободы, отобрав его у наших идейных противников, как более ста лет назад большевики отобрали у монархистов название газеты “Правда”.

А если вспомнить, что реальную, подлинную свободу даёт только избыток инфраструктуры, только технологии, то мы получим то самое соединение социальных, демократических и патриотических ценностей, которое всё менее робко называют “технологическим социализмом”.

Не будем забывать, что Путин пришёл к власти, а “Единство” обрело популярность не только из-за административного ресурса, но и во многом потому, что в конце 1999-го и самом начале 2000-х годов они нащупали этот синтез и стали его выражать. Ведь национальную идею, пусть и в негативной форме, первым выразил именно Путин. “Мочить в сортире”, “кто нас обидит, три дня не проживёт” — это было и остаётся выражение того, что чувствуем все мы и к чему все мы вместе стремимся.

Другое дело, что стремительно построенный коррупционный строй отказался от этого мироощущения, как от безусловно враждебного себе. И он не смог выразить свою позитивную программу — просто потому, что в целях такого рода невозможно признаваться даже самому себе; где уж заявлять о них открыто!

Именно в этой невозможности назвать цели коррупционной государственности, несовместимой с выживанием нашей Родины, и заключается, насколько можно судить, причина тотальной лжи, которой заливают страну официальная пропаганда и от которой уже давно тошнит всю Россию.

Именно в этом причина того, что политике в нашем современном обществе предстоит стать аналогом гнойной хирургии. Да, всё очень противно, да, нам предстоит работать по уши в грязи и нечистотах — и дай Бог, если только в них, — но организм будет спасён и пойдёт на поправку.

А ключевой элемент, которого надо добиваться, — это исполнение государством своего долга по практической реализации синтеза ценностей, выработанного российским обществом.

Времени для этого остаётся всё меньше.

1. Впереди — срыв в глобальную депрессию

Современные экономические проблемы — лишь частное выражение системного кризиса человечества, которое меняет весь свой облик.

Глубина мирового финансового кризиса недооценивается из-за игнорирования его фундаментальной причины — исчерпанности модели глобального развития, созданной в результате уничтожения Советского Союза. После победы над нами в “холодной войне” Запад эгоистично перекроил мир в интересах своих глобальных корпораций, лишив (для недопущения конкуренции с этими корпорациями) освоенные территории возможности нормального развития.

Но это ограничило сбыт продукции самих развитых стран, создав кризис перепроизводства, — правда, в первую очередь, не традиционной продукции, а преимущественно продукции информационных и управленческих технологий, направленных на изменение человека и управление им: *high-hume'a*, а не *high-tech'a*.

Инстинктивно нащупанное в качестве выхода из этого кризиса стимулирование сбыта кредитованием неразвитого мира вызвало в 1997–1999 годах кризис долгов, бумерангом ударивший по США в 2000–2001 годах.

США вытащили себя (и мировую экономику, стержнем которой они являются) из рецессии двумя стратегиями.

Первая — “накачка” рынка безвозвратных ипотечных кредитов — перестала работать в сентябре 2008 года.

Вторая стратегия поддержки экономики США — “экспорт нестабильности”, подрывающей конкурентов и вынуждающей их капиталы и интеллект бежать в “тихие гавани” Запада. Рост нестабильности оправдывает рост военных расходов в самих США, стимулирующих экономику и технологии (это “военное кейнсианство”, эффективно применявшееся Рейганом). Реализованная в 1999 году в Югославии против еврозоны, эта стратегия исчерпала себя уже в Ираке.

Сегодня Запад пытается не повысить свою конкурентоспособность, но просто запихнуть мир обратно в прошедшие навсегда 90-е и 2000-е годы, когда под прикрытием разговоров о глобализации и гуманитарных интервен-

циях почти везде, даже в Восточной Европе, сложился, по сути дела, новый колониализм.

Это значит, что он утратил стратегическую инициативу, которую пока никому подобрать.

Органическая неспособность США поступиться даже малой частью текущих интересов ради урегулирования своих стратегических проблем, их поистине убийственный эгоизм буквально выталкивает на авансцену мирового развития новых участников — Евросоюз, Китай и, если у нашего руководства хватит интеллекта, Россию — и кладёт конец *Pax Americana*.

Насколько можно понять, интеграция человечества вновь, как в начале XX века, превысила возможности его управляющих систем, и теперь человечество вынуждено уменьшить её глубину, отступив назад и частично восстановив управляемость за счёт примитивизации процессов развития.

С другой стороны, сугубо экономическое содержание современного кризиса — загнивание глобальных монополий. Источников внешней конкуренции на глобальном рынке нет. Технологический прогресс, который может быть другим источником конкуренции, тормозится как этими монополиями (в том числе злоупотреблением правом интеллектуальной собственности), так и отсутствием значимых внеэкономических угроз (без которых открытие новых технологических принципов, в отличие от их последующей коммерциализации, нерентабельно).

Поэтому загнивание глобальных монополий будет нарастать, пока не приведёт к срыву в депрессию. Из-за нехватки спроса единый глобальный рынок распадётся на запутанную систему макрорегионов; снижение масштабов рынков приведёт к утрате ряда технологий и техногенным катастрофам.

Макрорегионы будут вести между собой жёсткую и хаотичную культурную, политическую, хозяйственную и технологическую конкуренцию — как в межвоенный период. Формирование макрорегионов ограничит всевластие и, соответственно, загнивание глобальных монополий: при всей их мощи, доступ в “чужие” макрорегионы будет для них ограничен. Поэтому данный сценарий неприемлем для глобального управляющего класса и ближе всех стоящего к нему руководства США: для них лучше погрузить потенциальные макрорегионы в хаос, чем дать им обособиться от контролируемых глобальными монополиями глобальных рынков.

Тем не менее, равновесие, вероятно, будет временно достигнуто благодаря восстановлению биполярной системы (с противостоянием США и Китая при Евросоюзе, Японии, Индии и, возможно, России в качестве сдерживающих остроту этого противостояния сил) в политике и поливалютной — в экономике (каждая валютная зона будет иметь свою резервную валюту).

Однако фундаментальная проблема современного развития заключается не в эгоизме США, не в нехватке ликвидности, не в кризисе долгов, но в отсутствии источника экономического роста США, а с ними — и всей мировой экономики. Ничто не смягчит кризис перепроизводства продукции глобальных монополий и не создаст новый экономический двигатель взамен разрушившихся. Это означает, что из кризиса мировая экономика выйдет не в восстановление, но в депрессию, длительную и достаточно тяжёлую. Эта депрессия, как и Великая депрессия, начавшаяся в 1929 году, будет порождать войны, — но войны долгое время не будут выходом из неё, так как не будут вести к объединению разделённых макрорегионов (и, тем самым, к снижению уровня монополизма внутри них).

Ситуацию усугубляет распространение и совершенствование компьютеров, являющихся олицетворением формальной логики. Оно уравнивает нас по доступу к ней, — и конкуренция между людьми и коллективами постепенно начинает вестись на основе не логического, но внелогического — творческого и мистического — мышления.

В силу неумения их воспитывать с той лёгкостью, с которой мы воспитываем способность к логическому мышлению, это сделает конкуренцию более биологической и менее социальной, чем мы привыкли считать приемлемым. Это усилит тенденцию к снижению социальной значимости знания и качества специалистов, что грозит техногенными катастрофами из-за их неспособности обслуживать существующую инфраструктуру.

Рост мистического мышления, ужесточение глобальной конкуренции, явление глобального управляющего класса, который, не имея ни избирателей, ни налогоплательщиков, ни акционеров, способных повлиять на их ре-

шения, принципиально свободен от ответственности, будет способствовать дегуманизации общества.

Распространение информационных технологий ведёт к кризису управления, включая кризис традиционной демократии, которая на глазах перестаёт работать.

Исчерпанность либеральной и в целом рыночной парадигмы стала очевидной, начиная с валютного кризиса неразвитых стран 1997–1999 годов. Современная рыночная парадигма подразумевает, что человек живёт ради наживы, а либеральная – что государство должно обслуживать глобальный бизнес, а не свой народ.

Одно из проявлений этой исчерпанности – ликвидация среднего класса.

С одной стороны, если долгов слишком много и увеличивать денежную массу больше нельзя, глобальные монополии начинают сокращать издержки. Это означает сокращение потребления населения, которое потребляет рыночных благ больше, чем производит, – то есть уничтожение среднего класса.

С другой стороны, сверхпроизводительные постиндустриальные технологии делают средний класс лишним.

Глобальные монополии уничтожали его в Африке, Латинской Америке и на постсоциалистическом пространстве. Теперь они уничтожают его в “ядре” капиталистической системы: в США и развитых странах Европы. Обнищание среднего класса развитых стран – пресловутого “золотого миллиарда” – не спасает от кризиса, но переводит этот кризис в постэкономическую и постдемократическую плоскости.

Ведь демократия существует от имени и во имя среднего класса. После его гибели она вырождается в новую диктатуру на основе формирования сознания. Это завершит процесс расчеловечивания, отказа от цивилизации. Мы увидим, как Запад откажется от суверенитета и самосознания личности – этого главного достижения эпохи Просвещения – и вернётся в Средние века, может быть, через бедствия, которые сломают психику общества и индивидуума. Первый шаг к этому уже сделан: декартовское “Я мыслю, значит, я существую” – заменено даже не более комфортной для индивидуума формулой: “Я потребляю”, – а прямо служащей бизнесу и только ему: “Я покупаю, значит, я существую”.

Реклама внушает, что изменение этикетки на вещи повышает её цену в разы. Это значит, что массовый обмен уже стал неэквивалентным. А неэквивалентный обмен – это грабёж. Если грабёж стал нормой, традиционного рынка больше нет. И это естественно: обнищание среднего класса лишает современную экономику спроса. А экономика без спроса есть нерыночная экономика.

С другой стороны, системная утрата собственниками крупных корпораций контроля за их топ-менеджерами, строго говоря, отменяет частную собственность, а с ней – и капитализм в его классическом понимании.

Таким образом, традиционная демократия и рынок уже закончились, просто мы этого ещё не признаём.

Кризис демократии и развитие глобального управляющего класса, осуществляющее внешнее управление по отношению ко всему не входящему в него человечеству, способствует возрождению скрытых, орденовских по своей природе систем управления. Они аккумулируют знания, но скрытое знание в силу его природы умирает, вырождаясь в ритуалы. Поэтому надвигающееся на нас и предвсказуемое частью глобального управляющего класса компьютерное Средневековье будет оставаться компьютерным недолго.

Таким образом, нас ждёт болезненная и глубокая архаизация, сопровождаемая значительными жертвами, – своего рода падение в новые Тёмные века.

Такова вполне очевидная, тривиальная тенденция.

Мы не знаем, удастся ли человечеству избежать катастрофического движения по этому пути, но должны прилагать все силы для решения этой задачи.

Она двуедина: сохранить технологии и продолжить технологический прогресс, несмотря на сужение рынков (и, соответственно, снижение степени разделения труда), и сохранить гуманизм, остановив общую дегуманизацию.

Представляется, что Россия, даже в её сегодняшнем состоянии, является единственной частью человечества, в принципе способной решить эту задачу (и всем здоровым силам человечества стоит помочь ей в этом, потому что “быть способным” – ещё отнюдь не значит свою способность реализовать).

С одной стороны, в рамках советского ВПК был создан колоссальный, во многом сохранённый и даже развитый задел сверхпроизводительных “закрывающих” технологий, отличающихся от традиционных дешевизной, про-

стойкой и эффективностью. Блокируемые монополиями, после их краха в условиях глобальной депрессии они способны сохранять высокую рентабельность даже на узких рынках.

С другой стороны, наша культура принципиально гуманистична – в силу исключительного значения для неё стремления к справедливости. Стремление к справедливости способствует постоянному предпочтению эффективности с точки зрения общества перед эффективностью с точки зрения отдельной личности или фирмы, что является залогом как коллективного выживания, так и сохранения гуманизма.

Российская культура имеет принципиально мессианский характер: её носители не только не живут без сверхзадачи даже в условиях высокого комфорта (это общая особенность человека как биологического вида), но и способны самостоятельно продуцировать эту сверхзадачу как в комфорте, так и на грани гибели.

Это позволяет России всерьёз пытаться искать выход из ловушки, в которой находится современное человечество, на пути своего рода “технологического социализма”, сочетающего гуманизм и развитие технологий в рамках соединяющего людей “общего дела”.

Но для этого необходимо, прежде всего, выстоять под внешним давлением на нашу страну, объективно усиливающимся в результате обострения глобальной конкуренции в ходе кризиса.

2. Усиление внешнего давления на Россию

2. 1. Глобальному бизнесу нужны менеджеры, а не партнёры

Глобализация качественно изменила основное противоречие человеческого развития.

Сегодня новый глобальный класс собственников и управленцев противостоит разделённым государственными границами обществам не только в качестве одновременного владельца и управленца, но и в качестве глобальной, то есть всеобъемлющей структуры.

Этот глобальный господствующий класс не привязан прочно ни к одной стране и не имеет внешних обязательств. В силу самого своего положения “над традиционным миром”, он враждебно противостоит не только экономически и политически слабым обществам, разрушительно осваиваемым им, но и любой национально или культурно, а тем более территориально самоидентифицирующейся общности как таковой, и в первую очередь – традиционной государственности.

Под влиянием формирования этого класса, попадая в его смысловое и силовое поле, государственные управляющие системы перерождаются. Верхи госуправления начинают считать себя частью не своих народов, а глобального управляющего класса. Соответственно они переходят от управления в интересах наций государств, созданных Вестфальским миром, к управлению этими же нациями в интересах конгломерата борющихся друг с другом глобальных сетей, объединяющих представителей финансовых, политических и технологических структур и не связывающих себя с тем или иным государством. Естественно, такое управление осуществляется в пренебрежении к интересам обычных обществ, сложившихся в рамках государств, и за счёт этих интересов (а порой и за счёт их прямого подавления).

Это именно та ситуация, которую мы на протяжении последних двух десятилетий наблюдаем в России.

На наших глазах и при нашем непосредственном участии мир вступает в новую эпоху, основным содержанием которой становится национально-освободительная борьба обществ, разделённых государственными границами и обычаями, против всеразрушающего господства глобального управляющего класса. Это с новой остротой ставит вопрос о солидарности всех национально ориентированных сил, ибо традиционная разница между правыми и левыми, патриотами и интернационалистами, атеистами и верующими теряет значение перед общей перспективой социальной утилизации, разверзающейся у человечества под ногами из-за агрессии “новых кочевников”.

Практически впервые в истории теряют значение противоречия между патриотами разных стран, в том числе и прямо конкурирующих друг с другом. Они оказываются незначительными перед глубиной общих противоречий меж-

ду силами, стремящимися к благу отдельно взятых обществ, и глобального управляющего класса, равно враждебного любой обособленной от него общности людей. В результате появляется объективная возможность создания ещё одного, как ни парадоксально это звучит, патриотического Интернационала, объединённого общим противостоянием глобальному управляющему классу и общим стремлением к сохранению естественного образа жизни и суверенитета своих народов.

Однако пока углубление глобального кризиса, проявляющегося в нехватке спроса, переинвестировании спекулятивных секторов и недоинвестировании инфраструктурных, а главное – в неконтролируемом росте заведомо безвозвратных долгов, объективно требует от всех участников мирового рынка и, в первую очередь, глобального бизнеса сокращения издержек.

В полной мере это касается и отношений глобального бизнеса и современной России, которая представляет собой, по сути дела, сырьевую колонию, добросовестно возвращающую финансовой системе “хозяев” значительную часть средств, уплаченных за её сырьё.

Офшорная аристократия, правящая и формально владеющая нашей страной, хранит за рубежом не только критически значимую часть своих активов, но и свои семьи, не связывая своё будущее с судьбой “этой страны”, населённой “неправильным народом”. Поэтому она полностью контролируется глобальным бизнесом и управляет Россией, в конечном счёте, в его интересах.

Стремление глобального бизнеса к экономии, вынужденное развитием глобального кризиса, как представляется, существенно влияет на его внутрироссийские политические предпочтения.

Президент Путин, демонстрируя стремление к стратегическому сотрудничеству и способность к нему, долгое время был российским партнёром глобального бизнеса, однако соображения экономии требуют замены относительно самостоятельного партнёра простым менеджером, никаких “суверенных” прав не имеющим.

Это означает, что глобальный бизнес будет переходить от стратегии сотрудничества с Россией, реализовавшейся в 2000-е годы, к стратегии внешнего управления ею по образцу “лихих 90-х”.

Во внутренней политике нашей страны это означает ставку на либеральный клан, полностью идентифицирующий свои интересы с глобальным бизнесом и истово верующий в то, что смысл существования государства заключается в служении именно ему, а не собственному народу.

Либеральный клан России практически един в своих официальных и формально “оппозиционных” группах и, насколько можно судить, представляет собой туземную обслугу, а при определённых условиях – “штурмовую пехоту” глобального управляющего класса. Признак этого – свободный приход либеральных оппозиционеров, вроде Н. Белых, на государственную службу и предложение вернуться на неё, сделанное выступавшему на проспекте Сахарова Кудрину.

Делавшаяся некоторое время ставка на Медведева (сейчас, похоже, сменённая ставкой на Кудрина) выглядит как ставка на “своего парня”, какими бы недостатками он ни обладал, в противовес засидевшемуся на своём месте и надоевшему своей недостаточной прозападностью “авторитаристу”.

Впрочем, позиция глобального управляющего класса амбивалентна: придёт к власти “свой парень” и будет делать, что скажут – хорошо. А если он не удержит стабильность, и возврат политики в стиле 90-х окунёт страну в хаос, для глобального управляющего класса тоже нет ничего страшного: в мутной и кровавой воде ловится более крупная рыба.

Так или иначе, переориентация глобального бизнеса с партнёрства с Россией на более экономичное внешнее управление ею грозит не просто заменой Путина на Медведева, Кудрина или кого-либо ещё, а обрушением нашей страны в новые 90-е годы.

2. 2. Давление США: разоружение

С учётом практического исчезновения актуальной “повестки дня” в двусторонних отношениях России и США, крайне болезненного для отечественной правящей тусовки (так как ей необходимо поддерживать постоянные отношения с США хотя бы из соображений престижа), представляется вполне естественным возврат к традиционной теме ядерного разоружения.

Деградация ракетно-ядерного комплекса позволяет российским властям спокойно идти на достижение договоренностей (так как он будет сокращаться всё равно, в силу физического *выбытия* из строя, так пусть уж это будет в соответствии с международными соглашениями!), и накопленный исторический опыт делает переговоры в этой сфере достаточно комфортными для обеих сторон. И российские, и американские чиновники имеют все основания чувствовать себя спокойно: начиная подобные переговоры, они могут с уверенностью рассчитывать на их успешное завершение и, соответственно, на укрепление своих личных позиций во внутриаппаратной конкуренции.

Используя вызванную этим понятную расслабленность и снижение бдительности, американское руководство пытается включить в повестку дня предложения о полной ликвидации тактического ядерного оружия и ядерного оружия средней дальности.

С точки зрения освобождения мира от ядерного оружия этот подход представляется вполне логичным: действительно, для глобального сдерживания достаточно ракетных войск стратегического назначения, а остальное представается пережитком времён “холодной войны”.

Однако этот формальный подход не имеет отношения к российским реалиям.

Дело в том, что наличие значительных объёмов тактических ядерных зарядов (насколько можно судить, Россия до сих пор существенно превосходит США по этому показателю) представляется едва ли не единственным инструментом, который на самом деле способен компенсировать чудовищную слабость обычных вооружённых сил нашей страны, которые нескоро оправятся от последствий “сердюковщины” и разрухи 90-х годов.

Отказ России от тактического ядерного оружия сделает её фактически беспомощной перед возможной обычной агрессией большинства её соседей, в том числе и входящих в состав НАТО.

В частности, без тактического ядерного оружия и ракет средней дальности станет принципиально невозможным сдерживание потенциальной экспансии Китая. Сегодня экспансионистские настроения отвергаются китайским руководством, однако нарастание внутренних противоречий может принципиально изменить ситуацию в течение ближайшего десятилетия.

Между тем, учитывая кардинальное различие между демографическим потенциалом двух стран и невозможность плотного прикрытия границы обычными вооружениями, единственным способом сдерживания потенциальной экспансии представляется сочетание тактического ядерного оружия с ядерным оружием средней дальности и стратегическим ядерным оружием (с надежной защитой всех баз такого оружия в любых регионах России от действий спецназа) при создании у наших стратегических партнёров полной уверенности к нашей непоколебимой готовности его применить в случае агрессии.

С учётом изложенного, тактическое ядерное оружие не менее важно для России, чем стратегическое. Осознание этого привело к отказу российского руководства обсуждать возможность его запрета, однако американское давление продолжается и может ещё привести к разрушительному для нашей страны успеху, как это не раз бывало в прошлом.

2. 3. Давление Европы: “энергетическая безопасность”

Благодаря “сланцевой революции” США стали “зоной дешёвой энергии” вроде советской, и начинают реиндустриализацию своей экономики. Сжиженный природный газ (СПГ), высвободившийся с их рынка, уже создал в Европе избыток предложения, давший потребителям преимущество перед продавцами. Это создало предпосылки для либерализации европейского рынка газа и роста спотовой торговли, *отвязывающей* цену газа от спекулятивных высоких цен нефти.

Сейчас сжиженный природный газ обеспечивает около 20% всего европейского импорта. В 2012 году на основе спотовой торговли устанавливалась цена более 40% всех газовых поставок в Европе. Несмотря на риски для потребителей, спотовая торговля как механизм ценообразования станет (в том числе и по политическим причинам) доминантной в Европе.

В 2015 году в мире начнётся ввод в строй значительных мощностей по производству СПГ (85,2 млрд куб. м, не считая мощности США); в 2016 году сойдут со стапелей супертанкеры, строящиеся в Южной Корее для перевозки на экспорт американского сжиженного сланцевого газа. По-

сле этого “Газпром” ждёт вторая волна сокращения его присутствия в Европе; по ряду оценок, экспортная цена его газа не сможет превышать 300 долл./тыс. куб. м., а затем в течение пяти лет снизится до 250 долл. в ценах 2012 года.

Ведь европейский спрос на газ (из-за кризиса, энергосбережения, альтернативной энергетики и дешевизны угля по сравнению с контрактным газом) будет стагнировать или сокращаться. Существенно, что энергетическая стратегия Евросоюза жёстко направлена против России: “диверсификация (источников поставок. — М. Д.) должна означать новые, не российские источники нефти, газа и электроэнергии”. Доля “Газпрома” в импортируемом Евросоюзом газе снизилась с 44,5% в 2007 году до 24% в 2011 году. Общий экспорт российского газа (без транзита среднеазиатского) в дальнее зарубежье упал со 161,8 млрд куб. м в 2006 году до 117,2 млрд в 2011-м.

Начатое в 2012 году Еврокомиссией антимонопольное расследование против “Газпрома” снизило капитализацию холдинга на 2 млрд долл. Штраф может составить 14 млрд долл.

Еврокомиссия затребовала от правительств и национальных компаний Евросоюза информацию обо всех переговорах с поставщиками из стран вне Евросоюза. Цель — проверка будущих контрактов на соответствие антимонопольному законодательству, которое также может дорабатываться (возможно, для опережающего превращения “нежелательных” контрактов в незаконные).

Русофобия отдельных национальных элит, сегодня обходимая “Газпромом” (как и Россией в целом) при помощи двусторонних отношений, скоро будет влиять на общеевропейские решения.

Президент В. Путин был вынужден прямо назвать Третий энергетический пакет “направленным на выдавливание российских интегрированных компаний” с европейского рынка.

Его непроработанность весьма серьёзно грозит российским компаниям и их партнёрам в Евросоюзе. Ключевая часть Третьего пакета — разделение вертикально-интегрированных компаний. Сейчас только в транспортировке газа “Газпром” имеет в 13 странах Евросоюза 16 крупных совместных предприятий и одну 100-процентную “дочку”. Его контроль над ними, как минимум, снизится.

Третий пакет требует привести транспортные контракты в соответствие с новыми требованиями, которые ещё не сформулированы.

Создаётся возможность срыва поставок из-за отсутствия гарантий доступа к газотранспортным мощностям (пресловутое “контрактное несоответствие”). Контракты на поставку заключаются теперь поставщиком с потребителем, а на транспортировку — с системой транспортировки. Дефицит транспортных мощностей может помешать исполнить обязательства поставщика перед потребителем. Это разрушает надёжность крупного проектного финансирования.

Третий пакет вводит обязательную в Евросоюзе сертификацию управления и владения газотранспортными активами для компаний с иностранным участием. Это создаёт искусственные административные барьеры, в первую очередь, для “Газпрома” и демонстрирует враждебность к России, которая пока не применяет аналогичных мер в отношении европейского бизнеса на своей территории.

Тем не менее, вполне сознательное энергетическое давление Евросоюза на Россию уже наносит нам серьёзный ущерб и может заметно приблизить системный кризис и сделать его более разрушительным.

2. 4. Исламизм: Сирия — Кавказ, далее — везде

В ходе хаотизации Северной Африки в рамках “арабской весны” проявилась прямая и явная военная поддержка Западом радикальных исламистов против законных и признанных режимов Мубарека и — особенно — Каддафи. Это откровенно пугает, если вспомнить массивную (и далеко не только информационно-политическую) поддержку, оказанную Западом исламским террористам в их борьбе против России во время первой и второй чеченских войн.

Раздувание гражданской войны в Сирии показывает: исламские фундаменталисты являются непосредственными исполнителями стратегии Запада, в первую очередь, США, по хаотизации мира для запугивания глобальных

спекулянтов, привлечения их капиталов в американские ценные бумаги и тем самым – для поддержания рушащейся мировой финансовой инфраструктуры.

Поэтому Запад будет поддерживать исламских террористов, хаотизируя всех, кто слаб.

Новая обширная зона нестабильности, – от Туниса до Пакистана, особенно Ливия, – при поддержке Запада легко может стать новой глобальной площадкой для подготовки исламистских боевиков, неким подобием того, чем была Чечня в годы своей фактической независимости после подписания предательского Хасавюртовского мира.

Бить “руку кормящую” боевики побоятся, об Иран и тем более Китай легко обломать зубы, а значит, Россия может занять в списке их целей заметное место. Если учесть состояние отечественных “правоохранительных” органов, приходится констатировать: дестабилизация Большого Ближнего Востока (вкуче с воцарением в Афганистане Талибана и возможным превращением колоссальной таджикской диаспоры в “пятую колонну” Ирана) может аукнуться России новой террористической войной.

И мы уже видим заметный рост террористических проявлений на Северном Кавказе, причём не только в Дагестане и вроде бы “замёрзшей” на несколько лет Чечне.

Учитывая практически повсеместное распространение гастарбайтеров из Средней Азии и их, по сути дела, свободный доступ к большинству населённых пунктов России, появление в криминальных конфликтах на территории России граждан из стран, никогда не входивших в СССР, в частности, из Египта, а также глубокое распространение радикального ислама в нашей стране, можно с высокой степенью вероятности ожидать выхода террористической войны далеко за пределы Северного Кавказа.

И в этом отношении Сирия играет роль передового рубежа российской обороны: после уничтожения исламистами сирийской государственности (как это произошло, например, в Ливии) с высокой степенью вероятности наступит очередь не стран, способных жёстко и эффективно противостоять террору, а глубоко коррумпированной и оттого полностью беспомощной даже перед лицом обычной миграции России.

2. 5. Китай: перспектива вынужденной экспансии

В настоящее время Китай является принципиально не экспансионистской страной, причём не только по субъективным, но и по вполне объективным причинам. Рост благосостояния, увеличение удельного веса среднего класса, ориентация страны на экономические методы достижения могущества и надежды огромного народа делают территориальную экспансию ненужной и даже прямо вредной, способной создать проблемы для главных – хозяйственной и этнической – экспансий.

Однако есть основания опасаться того, что нарастание внутренних проблем Китая способно существенно изменить ситуацию уже в течение ближайшего десятилетия.

Нарастающее превышение численности молодых мужчин над численностью молодых женщин объективно повышает агрессивность общества, – и любое ответственное перед своим народом руководство предпочтёт направить эту агрессивность вовне, а не ждать, пока она, копясь внутри общества, взорвёт его, как взрывается перегретый паровой котёл.

Переход от традиционной многодетной крестьянской семьи к семье с единственным ребёнком фактически разрушил тысячелетнюю китайскую педагогику и вывел в уже взрослую жизнь “поколение маленьких императоров”, часто капризных, взбалмошных, жестоких и, как правило, весьма энергичных. Вдумайтесь: ведь это первое поколение китайцев, которое ест досыта!

Сочетание инфантильности с личной энергетикой и той колоссальной мощью, которую несёт в себе даже современный Китай (и тем более будет нести в себе завтрашний!), представляет собой потенциальную проблему если и не для большинства его соседей, то, во всяком случае, для России.

Ведь Китай в прямом смысле слова задыхается от нехватки ресурсов, причём известная нам энергия занимает по остроте дефицита лишь третье место, заметно уступая воде и почве, которых у России в избытке.

При всём этом следует со всей решительностью подчеркнуть, что Китай объективно является важнейшим стратегическим партнёром России.

Китайское руководство, в свою очередь, чётко сознаёт это, — особенно оказавшись в положении главного стратегического противника США, подвергающегося их комплексному, системному давлению по всем направлениям. Недаром новый руководитель Китая Си Цзиньпин нанёс свой первый официальный визит именно в Россию.

Укрепление дружбы между двумя народами является важнейшей задачей руководства и России, и Китая.

Но дружба возможна лишь между хотя бы приблизительно равноправными партнёрами. Если деградация России продолжится, наша слабость сама по себе станет важнейшей проблемой в двусторонних отношениях и превратит успешное развитие Китая в серьёзную стратегическую проблему.

2. 6. Украина: конец интеграционной маниловщины

Интеграция с Украиной является условием даже не прогресса, а самого существования России, которая по социально-экономическим причинам просто не может успешно развиваться без неё, Белоруссии и Казахстана. Именно по этим причинам, предельно внятно сформулированным ещё Бжезинским, российско-украинская интеграция является совершенно неприемлемой для Запада, которому не нужно восстановление значимого конкурента.

Поэтому Украину и не удалось вовлечь в Таможенный союз в момент его создания. Насколько можно понять, непосредственной причиной этого стало жёсткое противодействие представителей либерального клана, занимающих ключевые посты в российском государстве.

К настоящему времени основными противниками российско-украинской интеграции являются украинские олигархи, чётко осознающие, что, в силу сравнительной незначительности своего бизнеса и некачественности его управления, они не смогут конкурировать с российскими корпорациями и в рамках единого рынка будут либо поглощены, либо разорены ими.

Их антиинтеграционная политика во многом подпитывается абсурдной экономической стратегией “Газпрома”, по сути дела, подменившей государственную политику России. Алчность и приверженность букве подписанных документов при полном игнорировании реальной социально-экономической и политической ситуации привели к тому, что Украине оказалось выгодно закупать газ не напрямую у “Газпрома”, а перекупать газпромовский газ у Германии.

Для немцев это тоже выгодно: не имея (в отличие от Украины) в силу правового государства возможности прямо нарушать договора с “Газпромом”, они были вынуждены платить за определённый объём газа, даже если физически не потребляли его. Теперь излишки газа продаются Украине (насколько можно понять по затуханию истерик о реверсе газопроводов, из магистрального газопровода прямо на территории Украины) с незначительной скидкой, но это всё равно выгодно обеим сторонам.

Справедливости ради следует отметить, что остальные российско-украинские интеграционные проекты, носящие взаимовыгодный характер, также не реализуются, в том числе и из-за противодействия украинских олигархов.

Украинское руководство приобретает всё более клановый характер и, стремясь к личной наживе, отрывается от нужд и интересов народа. Партия регионов, выродившаяся в карикатуру на “Единую Россию”, на предстоящих выборах, скорее всего, потерпит поражение, отдав власть националистам из партии Кличко и серьёзно укрепив позиции нацистов из партии “Свобода”.

Понятно, что после этого речь будет идти уже о превращении Украины в европейскую (в первую очередь, германскую и польскую) колонию, но отнюдь не о её поступательном развитии и модернизации на основе интеграции в Россию.

Таким образом, интеграционный и модернизационный шанс, полученный народами наших стран после политического поражения “оранжевых” на Украине и в ходе создания Таможенного союза, позорно провален.

3. Разложение воровского абсолютизма

3. 1. Коррупция как стержень экономики и политики

Экономисты привыкли описывать нашу экономику как двухсекторную: состоящую из захлёбывающихся в прибылях экспортёров сырья и производителей, работающих на внутренний рынок.

Разница между ними такая же, как между честным милиционером из “Нашей Russia”, живущим на корку хлеба в день, и его утопающим в жиру реальным прототипом. Конкуренцию за все ресурсы – от кадрового до административного – выигрывает искренне не знающий, куда девать деньги, экспортный сектор. Пропасть между ними растёт, работающие на внутренний рынок и игнорируемые государством производства стагнируют, а с присоединением к ВТО и погибают. Выживающие переходят на использование рабского труда бежавших из социального ада, которым стала Средняя Азия, что разрушает этноконфессиональный баланс, лишает россиян приемлемой работы, обеспечивает их форсированную деградацию и усиливает коррупцию и криминализацию общества.

Эта модель, характерная для неразвитых стран Латинской Америки, закреплена в России неустанным трудом либеральных реформаторов всех мастей, но сегодня речь не о них.

Сегодня речь пойдёт о том, что эта модель устарела и служит не столько описанию реальности, сколько отвлечению внимания общества от главного, ключевого вида российского бизнеса – бизнеса на бюджете.

Суть его вроде бы благородна: выполнение госзаказа, реализация потребностей государства, а значит, и предоставляемого им общества.

Увы: когда в начале “тучных” (для некоторых “нулевых”) нефтедоллары превратили бюджетные расходы в едва ли не более надёжный источник денег для бизнеса, чем экспорт сырья, эта благородная суть была обложена монополиями сразу с двух сторон.

Прежде всего, распределявшие госзаказы чиновники осознали свою силу. Идиотичные по своей тотальности конкурсные процедуры стали могучим инструментом организации коррупционных схем, личного обогащения и наработки не только финансового, но и административно-политического капитала.

С другой стороны, бизнес, присосавшийся к госрасходам, ощутил себя в раю: берущий откаты бюрократ не может требовать от него качественной работы, и потому свои обязанности можно выполнять, как Бог на душу положит. Спрашивать-то некому!

Этот симбиоз пухнувших от государственных (то есть наших с вами) денег коррупционеров и обслуживающих их (под прикрытием бюджетной потребности) недобросовестных бизнесменов стал едва ли не основным содержанием деятельности российских властей на всех уровнях – от сиятельного федерального центра до администрации смываемой фольклорными дождями деревни Гадюкино.

Мельком помянутый ещё президентом Медведевым триллион рублей федерального бюджета, уходящий “налево”, – лишь верхушка коррупционно-бюджетного айсберга.

Реальные масштабы “откатов” и “распилов”, насколько можно судить, значительно шире (не говоря уже о внебюджетных фондах – пенсионном, соцзащиты и фонде обязательного медстрахования, а также о региональных и местных бюджетах) и в целом растут.

А “откатно-распильная” экономика не позволяет ограничивать ценовой произвол: даже самый дремучий чиновник видит, что, если “его коммерс” не завысит цены, ему просто нечем будет платить взятку. Это позволяет последнему с гарантированной безнаказанностью завышать цены, удовлетворяя свою алчность в том числе и под предлогом тяжкого коррупционного бремени.

При этом объединённая алчность коррупционеров и обслуживающих их бизнесменов серьёзно влияет на всю политику государства.

Разговоры о “милитаризации” из-за намерения выделить до 20 трлн руб. на перевооружение смехотворны не только из-за жизненной необходимости этого перевооружения. Не менее важно, что в силу секретности *норматив* воровства в военной сфере чуть ли не вдвое выше, чем по бюджету в целом (по оценкам экспертов, 60 и 30% соответственно). Поэтому накачка деньгами закрытых статей представляется не более чем естественным перетоком коррупционных потоков в более эффективные для воровства сферы.

Заинтересованность недобросовестных чиновников в процветании кормящих их “бизнесменов на бюджете” проявляется и в направленности либеральных реформ. Их лозунг последнего десятилетия: “Снять с бизнеса избыточную социальную нагрузку”. С одной стороны, чтобы у связанного с чиновниками бизнеса было больше средств для передачи им, с другой – для создания новых видов бизнеса, обслуживающих бюджет либо контролируемых чиновниками.

Любоедская “монетизация льгот”, вытолкнувшая на улицы два с четвертью миллиона протестующих пенсионеров (которые самой социальной природой вроде бы обречены были быть верной политической опорой режима!), как и другие либеральные реформы, разрушающие социальную сферу, до сих пор служат формированию новых видов бизнеса, паразитирующих на бюджетных деньгах. Другой вариант – создание под прикрытием тех же чиновников новых видов бизнеса, вынимающих из наших карманов деньги за вчера ещё бесплатные (или почти бесплатные) услуги.

Растущий грабёж населения организуется правящей тусовкой не из-за иррациональной ненависти к согражданам, но для насыщения деньгами контролируемого чиновниками бизнеса, кормящегося на бюджетных услугах или на услугах, контролируемых государством (как, например, в сфере ЖКХ).

Когда в центре города Чернь Тульской области федеральная трасса “Крым” – одна из основных дорог страны – превращается в разбитую и размытую дождями грунтовку, “спасибо” надо говорить не только федеральным, региональным или местным вора, но и их верному помощнику и обслуге – “бюджетному бизнесу”.

Когда рост цен и расширение платности (то есть снижение доступности) оказываемых государством услуг (включая жизненно важные здравоохранение и образование) сопровождается катастрофическим снижением их качества, благодарить надо не только либеральных реформаторов, но и “бюджетный бизнес”, который по противоестественному субподряду выполняет сегодня многие важнейшие государственные функции.

Когда полицейская статистика отражает такие новые для России виды преступлений, как изнасилования старух и малолетних детей, надо помнить, что огромная часть молодых мужчин из Средней Азии, не имеющих понятия о нашей культуре (а часто и о языке), отрывается от семей и содержится на положении рабов, прежде всего, именно “бюджетным бизнесом”.

Вопреки досужим разговорам, Россия является мировым лидером по числу бизнесменов: огромная часть размножающихся административным почкованием чиновников на деле являются бизнесменами. И список журнала *Forbes* – жалкая пародия на реальный список российских миллиардеров, ибо желание жить и работать в России не даёт составляющим его журналистам возможности включать в него лиц, занимающих государственные должности.

При этом жизнь “бюджетного бизнеса” не сладка. Любая неосторожность – и бизнесмен может быть легко “сдан” в рамках пресловутой борьбы с коррупционерами (ведущейся, похоже, ради повышения эффективности коррупции) или просто отодвинут от бюджетного корыта. Да и замена чиновника, как правило, ведёт к замене его бизнеса. И это помимо довольно широко распространённых случаев, когда разнежившийся чиновник в знак милости и довольства работой бизнесмена забирает его бизнес себе, под угрозой тюрьмы позволяя тому работать наёмным директором на собственном предприятии.

Понятно, что такая организация огромной части экономики убивает конкуренцию, а с ней и эффективность производства.

Сложившаяся модель процветания “бизнеса на бюджете”, вдобавок ещё часто и принадлежащего соответствующим чиновникам, в принципе исключает всякую возможность экономического развития России и предопределяет её социальную деградацию.

Ужас этой системы – в её устойчивости, так как все влиятельные участники процесса довольны своим положением.

Либеральные фундаменталисты и рядовые коррупционеры заняты перекачкой ресурсов общества в бизнес. Да, бизнес этот принадлежит не абы кому, а зачастую им самим, но с их точки зрения именно в этом и состоит высшая справедливость общественного бытия.

Силовые олигархи, в советскую эпоху привыкшие цинично издеваться над бредом политруков о грядущем коммунизме, раскаялись в своём скепсисе: коммунизм для них наступил, и они в нём живут.

И даже бизнес, низведённый с пьедестала главного фактора развития общества до положения *дойной коровы*, старается не *мычать*, ибо тихую дойную корову обычно не бьют и почти никогда не режут.

Между тем превращение экономики в пищеварительный тракт делает её более самоедской, чем даже позднесоветская экономика, и предопределяет не только экономический, но и политический крах режима в катастрофических для людей и смертельно опасных для общества социальных судорогах.

Коррупцированная бюрократия, являясь не более чем услугой глобального бизнеса, в этом качестве превратила само российское государство в огромную и беспощадную машину уничтожения России и её народа. Она перерабатывает биомассу, по праздникам именуемую “населением”, в миллиардные капиталы, личные океанские яхты с собственными подлодками и ПРО, замки в Швейцарии, Австрии и “Рублёвском федеральном округе”, в куршевельские загулы.

Избежать катастрофы можно технически просто, но это требует кардинального ограничения коррупции, что производит впечатление изменения государственного строя и, как минимум, — лишения правящего и владеющего Россией класса источников его доходов.

Следует сознавать, что коренное оздоровление государства, очищение его от скверны коррупции, — а значит, и от являющейся её носителем правящей тусовки, — является категорическим условием выживания не только России в целом, но и каждой российской семьи.

3. 2. “Матрица” правящего класса закрывает проект “Российская Федерация”?

Энергичные действия государства в последние месяцы вызывают стойкое ощущение нового “национального проекта”: сделать нашу страну окончательно непригодной для проживания нормальных законопослушных людей.

Месть российским сиротам за то, что американцы захотели конфисковать дворцы и активы “оборотней в погонах”, покрываемых правящей тусовкой, вызвал даже лёгкий всплеск патриотизма.

Но большинства россиян эта мера непосредственно не коснулась.

А дальше *понеслась нелёгкая.*

Вторую “зиму Медведева”, которую нас заставили жить по летнему времени, максимально (на 2 часа) отдалённому от природного, россияне перенесли едва ли не тяжелее, чем первую. И тогда, и в этом году примерно 75% опрошенных в Интернете признали, что им стало заметно тяжелее засыпать и просыпаться. Доля не заметивших изменений снизилась с 20 до 18%, а почувствовавших улучшение — подскочила с 5 аж до 7%: стерпится — слюбится.

Тем не менее, вторую зиму подряд три четверти некогда великого народа прожили, заботливо погруженные правящей тусовкой в состояние искусственного стресса.

Не успели москвичи (да и жители некоторых других крупных городов) отойти от пред- и посленовогоднего ада на дорогах, ведущих в аэропорты (пробка в Домодедово благодаря гениальной организации движения в аэропорту и таксистской мафии временами стояла от МКАДа), как московские власти разродились потоком инициатив по дискриминации водителей.

На психику последних, и без того *порванную* многократным взиманием штрафов за одно и то же нарушение (при превышении скорости, например) без реальной возможности их обжаловать, свалились 3 тысячи рублей за неправильную парковку — при том, что часто невозможно припарковать машину правильно.

Прошёл “эксперимент” в центре Москвы со сверхдорогой парковкой — с оплатой при помощи СМС на Кипр (что, разумеется, не имело никакого отношения к коррупции и выводу капиталов!).

Кое-где (например, на Пушкинской площади) возможность платы за парковку не была предусмотрена вообще: похоже, властям было нужно не законопослушное поведение граждан, а исключительно штрафы.

Там, где *паркоматы* всё же установили, они прямо нарушали закон, а предписания налоговиков спокойно и цинично игнорировались.

Оглушающим аккордом борьбы с водителями стало медведевское “нулевое промилле”, заставившее полстраны гадать, сколько же и чего именно употребил премьер Медведев перед выдвиганием столь продуктивной инициативы.

Закон о борьбе с курением производит впечатление терроризма и под благим предлогом превращает в изгоев 43% взрослого населения страны. Ювенальная юстиция, как бы ни критиковал её президент, всё равно используется для изъятия детей из семей под самыми дикими предлогами (например, из-за бедности их родителей).

Прекращение оплаты донорства (повышенной было в середине 2011 года до разумного уровня) “на ровном месте” создало реальную угрозу дефицита крови. Между тем даже вице-мэр Москвы Леонид Печатников признал, что

платное донорство давало Москве примерно половину цельной крови, 94% плазмы крови и почти 100% тромбоцитов.

Резкое повышение обязательных социальных взносов для малого бизнеса (власти решили выгадать 40 млрд руб. — при 6,1 трлн “неиспользуемых остатков”, попусту валяющихся в федеральном бюджете) и перевод его части на полноценный бухгалтерский учёт стало настоящим бедствием для индивидуальных предприятий: за I квартал закрылось более 300 тысяч, и регистрирующие органы по-прежнему забиты заявлениями.

Госдума приняла в первом чтении закон, карающий проживание вне места регистрации штрафом в 2–5 тыс. руб., а допуск человека в квартиру без регистрации — 2–7 тыс. руб. “Предоставление заведомо ложной информации”, в чем виновны и проживающий без регистрации, и тот, у кого он проживает, и тот, у кого он зарегистрирован, становится уголовным преступлением, за которое можно на год лишиться свободы.

Для сравнения: медведевская “либерализация” Уголовного кодекса позволяет за убийство (“причинение тяжких телесных повреждений, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего”) лишать свободы на два месяца. Контрабанда — вне зависимости от размеров — перестала считаться уголовным преступлением, а доля лишаемых свободы взяточников (в подавляющем большинстве “стрелочников”) упала с 25 до 14% от доведенных до суда, но и это вполне официально считается слишком высоким уровнем.

Не забыты и бежавшие от “взбесившихся принтеров”: не получившие статуса постоянно проживающих за рубежом все доходы могут получать только через российские банки. Правило давнее, но с 13 февраля 2013 года штраф за его нарушение составляет от 75 до 100% полученного дохода — при том, что некоторые (работающие в крупных иностранных корпорациях или получающие дотацию студенты) в принципе не могут его выполнить. А главное — эта норма введена практически без оповещения, “без объявления войны”.

Наконец, перед праздником “весны и труда” 1 Мая Госдума приняла во втором, решающем чтении законопроект о запрете заёмного труда, сформулированный таким образом, что этот механизм бесчеловечной эксплуатации, практически запрещающий трудящимся защищать свои права, оказался, по сути дела, легализованным на территории многострадальной России.

Почему же “принтеры” “взбесились”?

Логические объяснения этого часто бескорыстного (что, собственно, и удивляет) беспредела очевидны.

Это безответственность, коррумпированность и безнаказанность правящей тусовки, члены которой в прямом смысле слова “сходят с ума, потому что им нечего больше хотеть”.

Это результаты либеральной реформы образования и общей политики дебилизации, которые разрушают не только народ, но и правящую тусовку.

Это алчность: аппетиты растут быстрее финансовых потоков, коррупционных доходов на всех не хватает (что и вызывает, похоже, “антикоррупционные скандалы”), идёт лихорадочный хаотический поиск *шерсти*, которую с нас ещё можно *состричь*, — и в суете овцу часто бьют просто так, от спешки и раздражения.

И, разумеется, это конкурентная ситуация в “Единой России”: молодые карьеристы и бизнесмены, которые без попадания во власть не смогут развиваться, а то и сохранить, свой бизнес, грызут пожилых бюрократов. Чтобы быть замеченным начальством, нужно выдвинуться с яркой инициативой, которая не коснётся реальных проблем общества (они давно превращены правящей тусовкой в кормушки и именно поэтому не решаются). Стихийный конкурс таких инициатив напоминает Олимпиаду по математике в психушке, но поскольку деградация государства в силу его коррупционного характера едва ли не опережает деградацию общества, победители отбираются порой патологическим способом.

Таким образом, даже безусловно благое дело — развитие внутрипартийной конкуренции (а “Единая Россия” по этому критерию, как ни парадоксально, на голову опережает все остальные партии, являясь наиболее демократической из них) — оборачивается своей противоположностью и наносит обществу колоссальный вред.

Тем не менее объяснение глобального феномена частными факторами не всегда верно. Причина может оказаться более общей, более фундаментальной, чем кажется.

Исходящая деятельность организаций довольно часто сталкиваются с феноменом коллективного сознания: организация как целое рационально преследует цели, понятные стороннему наблюдателю. Но люди внутри неё, включая руководителей, погружённые в повседневные заботы, этих успешно достигаемых ими целей не видят и не сознают.

Феномен коллективного сознания может проявляться и на уровне правящего Россией класса. Его основное занятие, насколько можно судить, — переработка советского наследства в личные богатства, легализуемые в фешенебельных странах. Пресловутая “коррупция” — лишь один из способов, но не цель его деятельности.

Советское наследие (включая высокую культуру и образованность) заканчивается: об этом свидетельствует, в частности, рост катастроф и аварий. Выработанность коррупционно-грабительской модели проявляется и в торможении экономического роста, который уже не достигает минимального уровня, позволяющего удовлетворять аппетиты ключевых групп влияния и тем поддерживать социально-политическую стабильность.

Четверть века национального предательства, начатые ещё партхозноменклатурой Горбачёва, заканчиваются: новые поколения управленцев вот-вот произнесут сакраментальное: “Всё уже украдено до нас!”

Привычный образ жизни исчерпан, продолжение безоглядного разграбления страны превратит нас в Ливию (утешающимся нехваткой отечественной молодёжи для реализации этого сценария стоит оценить реальное количество в России исламской молодёжи, в том числе иностранной), а руководителей — в Каддафи и его окружение.

Им это не нравится, как и нам, но альтернативой может быть только переход от воровства к развитию. Для правящей тусовки такой переход мучителен и, вероятно, невозможен из-за противоестественности и сложности. А зачем напрягаться, когда и так хорошо?

Выходя на развилку между гибелью в системном кризисе, вызванном его же пороками, и перерождением в ответственного создателя, правящий и владеющий Россией класс может продемонстрировать парадоксальную реакцию. Её суть — скачок в кризис с тем, чтобы он был не стихийным, внезапным и потому опасным для правящего класса, а управляемым и прогнозируемым.

С одной стороны, это похоже на реакцию ребёнка, который от досады и лени ломает слишком сложную для него игрушку (точно так же — во многом от беспомощности, а даже не от корысти — “красные директора” разворовывали свои заводы в начале и даже ещё в середине 90-х годов; точно так же, как отмечал С. Кургинян, разрушала позднесоветская партхозноменклатура ставшее слишком сложным для неё советское общество).

С другой стороны, это проявление нормального управленческого инстинкта: неважно, куда ведёт процесс, — им надо управлять как можно дольше. Это позволяет не просто выжить из страны максимум, но и обеспечить свою безопасность, чтобы уйти в фешенебельные страны, пусть и в последний момент, но по своему выбору и с гарантией безопасности.

Разумеется, ни один представитель правящего класса не то что не признается, но, скорее всего, и не осознаёт столь людоедскую и циничную логику своего поведения. Но без принятия подобной гипотезы поведение правящей нами тусовки становится иррациональным.

Впрочем, эта пена, поднятая четвертьвековым национальным предательством, так или иначе уйдет, а мы останемся и будем заново строить нашу страну в аду и хаосе системного кризиса.

О его неумолимом приближении “весомо, грубо, зримо” свидетельствует социально-экономическая статистика.

3. 3. “Взбесившиеся принтеры” задушили экономический рост

Правящая тусовка доигралась в “стабильность”, “поднимание с колен” в виртуозно замалчиваемую позу, сувенирную демократию, наномодернизацию и “борьбу с иностранными агентами”: несмотря на более чем комфортные мировые цены на нефть и иное сырьё, экономика “посыпалась”, не выдержав груза коррупции и некомпетентности. Сладкие стоны о “стабильности”, сменившие горячечный инновационный бред (приведший к потере денег, жизни зимой по летнему времени, запрету “лампочек Ильича”, уголовному делу по “Сколкову” и списанию “Роснано” в убытки шестой части инвестиций — 21,8 млрд руб.), перестали путать даже конченых пропагандистов.

Рост ВВП растаял: с 4,3% во втором квартале 2012 года (все показатели приведены по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, так как методики исключения сезонного фактора вызывают сомнения), 3,0% в третьем и 2,1% в четвертом квартале до 1,6% в январе и 0,1% в феврале этого года. В марте он ускорился до 2,3%, и по итогам первого квартала составил ничтожные 1,1%. Рост ВВП в 2013 году оценивается в 1,7–2,4%: этого заведомо недостаточно для пороговых 5,5%, необходимых для обеспечения социально-политической стабильности.

Промышленный спад углубился с 0,8% в январе до 2,1% в феврале. В марте промышленное производство выросло на 2,6% (и экономисты теряются в догадках о причинах этого), обеспечив выход “в ноль” по итогам первого квартала.

Инвестиционный рост сначала рухнул с 1,1% в январе до 0,3% в феврале, а в марте и вовсе перешёл в спад, составивший 0,8%.

Инфляция к середине апреля почти на треть превысила прошлогоднюю: 2,2 против 1,7%.

Сокращение экспорта, составившее в январе 1,7%, в феврале превысило 11%. В марте ситуация улучшилась (спад по итогам первого квартала составил лишь 4,6%), но положительное сальдо текущих операций всё равно упало более чем в 1,4 раза (с 39,2 до 27,9 млрд долл.), что объясняет неожиданное для многих ослабление рубля.

Чистый отток частного капитала в первом квартале замедлился, уменьшившись по сравнению с прошлогодним уровнем почти на четверть (с 33,6 до 25,8 млрд долл.), но уже многократно превысил официальный годовое прогноз (10 млрд долл.)

Внешний долг нарастает: за первый квартал он подскочил на 52 млрд долл. — больше, чем за весь 2011 год и за половину 2012 (когда он вырос соответственно на 50 и 92 млрд). После увеличения на 8,3%, до 684 млрд долл., он превысил уровень в 30% ВВП, являющийся “порогом безопасности” для подобных (поражённых коррупцией, монополизмом и “эффективным менеджментом”) экономик.

Сокращение грузоперевозок (на 1,8% в первом квартале, в том числе на 5,0% — по железным дорогам) доказывает: ухудшение конъюнктуры устойчиво и “само собой”, без осознанных усилий государства, *не пройдёт и не рассосётся*.

Какими же должны быть эти усилия в ускоряющемся сползании мира к пропасти глобальной депрессии?

Чтобы изменить ход истории, надо бить в корень: уничтожить причину, не отвлекаясь на следствия.

Причина наших бед — порочная мотивация правящей и владеющей Россией тусовки, “офшорной аристократии”, по её гениальному самоопределению, все четверть века национального предательства растаскивающей советское наследство на куски, легализуемые ею в фешенебельных странах в качестве личных богатств.

Продолжение затянувшегося “банкета” означает уничтожение страны. Единственная альтернатива — смена стратегии воровства на стратегию развития.

Под страхом смерти для тех, у кого нет личного самолёта.

И это не только не сложно, но и естественно.

В самом деле: что может быть очевидней комплексной модернизации инфраструктуры? В России, где даже на федеральных трассах возникает порой ощущение, что война ещё не кончилась? Где даже в центре задыхающей от “понтов” и денег Москвы стоят брошенные руины некогда прекрасных зданий?

Что естественнее понимания того, что без кардинального ограничения коррупции и произвола монополий деньги, выделенные на модернизацию инфраструктуры, будут украдены или уйдут в завышение цен? И помогут модернизации Швейцарии, США, Англии, Австрии, Италии и других любимых ворами и жуликами мест? Сомневающимся стоит посмотреть на их “имиджевые” стройки.

Наконец, что может быть проще понимания того, что проводить модернизацию не могут “трудолюбивые соотечественники”: дешевизна рабского труда делает нерентабельной технику даже полувековой давности.

А создание рабочих мест в России требует гарантии её гражданам хотя бы экономического выражения права на жизнь (прожиточного минимума), иначе

человеческий капитал не воспроизводится, а предпринимателям – минимальной, хотя бы уровне Евросоюза, протекционистской защиты экономики.

Лучше, конечно, проводить этот переход заранее, не дожидаясь срыва в кризис и новое Смутное время: тогда он будет мирным.

Но, в конце концов, по-настоящему нужное дело отличается именно тем, что его лучше сделать криво и поздно, чем вообще никак. А специфика государства в том, что оно делает то, за что берётся по-настоящему, как правило, довольно плохо – “на троечку”.

Но зато делает.

4. Почему оздоровление возможно

Несмотря на тяжесть описанной ситуации, автор преисполнен исторического оптимизма и глубокой веры в возможность преобразования России на основе комплексной модернизации экономики и всего общества, пусть даже после новой, мучительной и разрушительной Смуты.

Причины этого носят как внешний, так и внутренний характер.

Прежде всего, глобальный кризис будет неуклонно усугубляться, и ключевым силам современного мира будет просто не до нас. Это предоставит российскому обществу уникальные степени свободы, которых просто никогда не существовало на нашей памяти.

Весьма существенно, что при этом, в отличие от положения Советского Союза в конце его существования, никто в мире по-настоящему не заинтересован в распаде нашей страны. Если Советский Союз, пусть уже и не будучи врагом Запада на самом деле, осознавался именно в качестве главного врага, в результате чего против него до последней минуты его существования велась непримиримая война на уничтожение, то современная Россия является, пусть и в качестве колонии (или, как принято выражаться более изящно, “сырьевого придатка”), частью современного Запада.

Поэтому уничтожение нашей цивилизации для Запада контрпродуктивно, поскольку дестабилизирует его собственную систему, которая и так имеет серьёзные проблемы из-за нарастающей хаотизации мира.

Главное же состоит в том, что незначительность современной России объективно уже вывела её из глобальной “повестки дня”. Не являясь, по крайней мере, значимым врагом, мы не являемся для Запада объектом, который надо разрушить в первую очередь и любой ценой, – и это уже существенно улучшает наше положение по сравнению со временем распада Советского Союза.

Принципиально важным отличием от того времени является и самоощущение нашего общества. В конце 80-х – начале 90-х годов, когда разрушение нашей страны, по сути, уже шло полным ходом, основная часть советского общества даже теоретически не могла представить себе распад страны. Более того: значительная часть общества не могла представить себе этот распад и после того, как он фактически уже произошёл.

В настоящее время Россия, хотя бы формально, сохраняет своё территориальное единство (за исключением, да и то лишь возможно, части Северного Кавказа), однако уже много лет буквально национальным психозом нашего народа является сознание возможности территориального распада.

“Кто предупреждён – тот вооружён”: осознаваемая угроза слабее уже только потому, что она воспринимается как угроза.

Весьма существенно и то, что современное российское общество отнюдь не раздираемо внутренним конфликтом и, несмотря на все усилия господствующей клептократии, не разделено на две сопоставимые и при этом непримиримо противостоящие друг другу части, как было разделено на демократов и сторонников прежней власти позднесоветское общество.

Как было показано выше, в нашей стране уже достаточно давно сложился синтез социальных, патриотических и демократических ценностей, объединяющий подавляющую часть общества. Как только власть окончательно лишится возможности выполнять по отношению к этому большинству свои минимальные функции, российское общество будет вынуждено пробудиться к историческому творчеству.

Внутренняя ценностная однородность, изо всех сил затушевываемая правящей бюрократией, пока успешно действующей по принципу “разделяй

и властью”, обеспечит довольно высокую устойчивость России даже в условиях новой Смуты.

Активно действующей частью общества станут нынешние третий-четвертый уровни государственного и корпоративного управления, обладающие значительными управленческими навыками и собственными финансовыми, человеческими, а часто и политическими ресурсами. Они не успели награть состояний, позволяющих им попытаться уйти на пенсию в фешенебельные страны, и относительно молоды для того, чтобы быть в состоянии вообще уйти на пенсию. Это привязывает их к России значительно надежней патриотизма (хотя значительная их часть является патриотами).

Представители этого нового управленческого строя испытывают колоссальные неудобства из-за того, что вынуждены работать в системе, несовершенство и вредоносность которой они, как правило, достаточно хорошо ощущают (а то и понимают). Будучи по своей природе системными людьми, склонными к порядку и к действиям по устоявшимся правилам, они категорически не приемлют искусственного слома системы (пусть даже в своих корыстных интересах), так как боятся неизбежного в этом случае хаоса.

Однако после естественного падения, саморазрушения сложившейся системы они немедленно займутся созданием новой, соответствующей их представлениям о справедливости и эффективности, и станут, таким образом, ключевым фактором оздоровления России.

Заключение

Хватит быть побеждёнными

Как обычно в эпохи исторических бурь, для нас **приходит время прогресса, приходит время порядка.**

Главная стратегическая задача России – возрождение российской цивилизации на новой, современной основе, возвращение её на лидирующие позиции в мире.

Только так можем мы искупить чудовищный грех уничтожения своими руками своей, пусть и не идеальной, страны – Советского Союза, своего общества и самих себя как народа. Путь искупления – разумный экономический национализм, конструктивный реваншизм, **технологический социализм**, новая индустриализация и созидание инновационного общества.

Нам пора вернуться с гниющей периферии мира на его авансцену.

Решение этой задачи требует политического воплощения воли народа России – естественного носителя социальных, патриотических и демократических ценностей в их неразрывном единстве, то есть, по сути, реализации простого здравого смысла.

Однако всякая созидательная деятельность блокируется почти тотальной коррупцией верхов, ставшей главной угрозой национальной безопасности и самому существованию России.

Главный непосредственный враг нашей Родины – коррупция. Её искоренение является сегодня основной задачей всех здоровых сил российского общества.

Но при смертельной борьбе с ней, как и в последующей борьбе и в глобальной конкуренции, мы не должны забывать о том, что в бурях надвигающегося глобального кризиса **только по-настоящему гуманное общество может быть стойким и жизнеспособным.**

ИВАН ДРОНОВ

РУССКИЕ И КАПИТАЛИЗМ

Накопление капитала и оскудение дворянства

Первое пришествие капитализма в России началось с крестьянской реформы 19 февраля 1861 года. В этот день существовавшее 300 лет крепостное право было, наконец, отменено и открылась эпоха либеральных “Великих реформ” Александра II.

Вопрос о крепостничестве дебатировался в России давно. Ещё в конце XVIII века А. Н. Радищев громко обличил всё безобразие крепостного рабства и призвал к его уничтожению. Радищев, как известно, был пожалован за свою смелость Илимским острогом. Попытка Павла I слегка смягчить господство помещиков над крестьянами (ограничение барщины тремя днями в неделю) стоила ему головы. В царствование Александра I проекты сановников П. Д. Киселёва и А. А. Аракчеева об отмене крепостного права остались под спудом, а дерзкая попытка декабристов осуществить то, на что у победителя Наполеона не хватило духу, закончилась для них виселицами и “каторжными норами”. Работа целого десятка “секретных” комитетов по крестьянскому делу при Николае I также не принесла существенных результатов, хотя наиболее одиозные проявления крепостного права (продажа крестьян без земли, распродажа членов семей поодиночке и пр.) были при этом императоре запрещены. Промедление с отменой крепостного права объяснялось не только сопротивлением дремучих крепостников, которое, конечно, имело место, но, прежде всего, фундаментальным характером этого многовекового института, ликвидация которого неизбежно повлекла бы за собой поистине революционные последствия для государства. С. С. Уваров, министр народного просвещения в правительстве Николая I, ещё в 1847 году говорил, что “вопрос о крепостном праве тесно связан с вопросом о самодержавии и даже единодержавии” (под “единодержавием” понималась территориальная целостность империи) и что оно “не может быть тронуту без всеобщего потрясения”, поскольку “это дерево пустило далеко корень: оно осеняет и Церковь, и Престол”. Уваров предупреждал, что “могут отделиться даже части – Остзейские провинции, самая Польша”¹.

И вот, наконец, Александр II осуществил заветную мечту целых поколений русских интеллигентов и десятков миллионов мужиков. Дело, конечно, не в каких-то выдающихся качествах Александра II, который был личностью вполне заурядной, не имел твёрдых политических взглядов и действовал преимущественно под давлением обстоятельств. Дело в том, что к середине XIX века в стране возникла ситуация, не позволявшая правящей элите затяги-

вать с отменой крепостного права. Во-первых, крепостная система, если можно так выразиться, “морально устарела”. Столетие назад, когда в доброй половине Европы ещё сохранялось крепостное право (в Австрии, Пруссии, Речи Посполитой), когда ещё не были провозглашены Великой Французской революцией “принципы 1789 года”: свобода, равенство и братство, – екатерининская империя могла выглядеть на международной арене более-менее пристойно. Даже в 1830-е годы, когда ещё существовало рабство в английских колониях (отменено в 1833 году) и в США (отменено в 1863 году), А. С. Пушкин мог изыскивать аргументы в защиту крепостных отношений (см. его “Путешествие из Москвы в Петербург”). Однако в конце 1850-х годов владеть рабами в глазах прогрессивного общественного мнения и в Европе, и в России становилось уже безнравственно и предосудительно.

Что касается самих крестьян, то для них крепостное право утратило свою легитимность давным-давно – после “Манифеста о вольности дворянства” 1762 года. Прежде обязательная служба дворян государству в известной мере оправдывала бесплатную работу на барина: каждый нёс государево тягло на своём месте. Однако избавление дворян от любых повинностей делало сохранение крестьянских повинностей противоестественным. Недаром во время пугачёвского восстания (1773–1775) издавались манифесты “о вольности крестьянства”. В этом восстании отчётливо выразилось отношение крестьян к крепостному праву в условиях “дворянской вольности”...

Конечно, на мнение крестьян можно было ответить картечью, тюрьмами и казнями, что царское правительство неоднократно и проделывало. Но игнорировать европейское общественное мнение для русской господствующей элиты, со времён Петра I привыкшей заглядывать в рот западным оракулам, было гораздо труднее. Сам император Александр II, доказывая в марте 1856 года в своей речи перед предводителями московского дворянства неизбежность отмены крепостного права, ссылаясь, прежде всего, на “дух века сего”, то есть на общественное мнение².

Гуманитарные соображения, побуждавшие дворянство поддержать уничтожение крепостного права, получили мощную подпитку и со стороны чисто прагматической. К середине XIX века для дворянства всё более отчётливо выяснялась экономическая неэффективность дарового труда крепостных. До поры до времени помещики довольствовались практически натуральным хозяйством своих имений: их крестьяне кормили себя своими наделами, а оброк или барщина обеспечивали нужды помещика, его семьи и двора в хлебе и других продуктах питания. Дворовые ремесленники удовлетворяли потребности барина в предметах бытового обихода, крепостные музыканты развлекали его и т. д. Столь примитивная система хозяйства уже в начале 1820-х годов возмущала декабриста Н. И. Тургенева своей неэффективностью: “Я подсчитал, – писал он, – что земля в Симбирской губернии, которой владеет моя семья, приносила бы вдвое или даже втрое больше дохода, если бы не было крепостных, которым для их собственных нужд отдана большая её часть; земля же, оставшаяся за помещиком, обрабатывалась ими очень плохо... Сдавая то же количество земли в аренду пришлым крестьянам, мы получили бы, по крайней мере, втрое больше... В таком же положении находится множество других помещиков, знающих, что извлекли бы гораздо больше дохода из своих земель, если бы могли отделаться от населяющих их крепостных”³.

Другие помещики были, разумеется, не глупее Тургенева, но мирились с таким положением, так как прекрасно понимали, что увеличение в несколько раз производства хлеба не принесёт им никакой выгоды из-за отсутствия сбыта. Кому продать излишки хлеба в России, где 95% населения – крестьяне, и сами производят хлеб? Вывоз за границу также ограничен, ибо в первой половине XIX века большинство европейских стран обеспечивали себя продовольствием. Поэтому увеличивать в 2–3 раза производительность крестьянского труда, как предлагал Тургенев, не имело смысла, и степень эксплуатации крестьян была ограничена размерами барского желудка. Положение изменилось лишь в 1840-е годы, когда вслед за Англией происходит промышленный переворот во Франции, Бельгии, Германии... В Западной Европе бурно растёт заводская и фабричная индустрия, происходит стремительная урбанизация, то есть население из сёл и деревень стягивается в города на промышленные предприятия. Соответственно падает производство сельскохозяйственной продукции из-за убыли рабочей силы, и одновременно резко увеличивается

спрос на продовольствие в переполненных новыми жителями городах. Этот спрос мог быть удовлетворён только импортом, и для русского хлеба открылся гигантский рынок сбыта.

У помещиков отныне появляется весомый стимул для интенсификации своего хозяйства, и они начинают остро ощущать, что наличие “рабов” связывает им руки. Известный общественный деятель и крупный помещик Рязанской губернии А. И. Кошелев в 1847 году опубликовал имевшую в обществе громкий резонанс статью “Охота пуще неволи”. Кошелев убедительно доказывал несравнимо большую производительность вольнонаёмного труда (за хорошее жалованье вольный слуга сделает то, с чем едва управляют 3–4 ленивых крепостных) и призывал избавляться в своих имениях от лишних крестьянских ртов, отпуская их на все четыре стороны. Сам он так и поступил, дав в 1849 году вольную 200 своим дворовым. Его примеру последовали и многие другие помещики. Они бы с удовольствием очистили свои владения и от остальных своих крепостных, не обременяя себя заботой об их дальнейшей судьбе, но законы Российской империи, к счастью, запрещали помещикам освобождать крестьян без земли, обязывая обеспечивать отпускаемых на волю пашенных крестьян достаточными для ведения хозяйства наделами. Поэтому освобождение крестьян 19 февраля 1861 года (от начала до конца подготовленное и осуществлённое самими дворянами) можно, в известной мере, рассматривать и как “освобождение” дворян от крестьян.

Но едва ли не важнейшей причиной, подвигнувшей правительство приняться за дело освобождения, было трагическое поражение России в Крымской войне (1853–1856). Анализ причин показал, что превосходство войск англо-французской коалиции на поле боя при огромном численном перевесе русских войск (1,5 млн человек под ружьём против 100-тысячного экспедиционного корпуса) объяснялось несколькими факторами. Во-первых, сказалось наличие у противника парового военного флота против парусного русского. Даже такой великий флотоводец, как П. С. Нахимов, не рискнул вывести свою парусную эскадру на бой против вражеских паровых кораблей, предпочтя затопить её в Севастопольской бухте и перекрыть фарватер. Во-вторых, войска коалиции были вооружены нарезными винтовками (штуцерами), которые обладали намного превосходящими технико-тактическими характеристиками (скорость полёта пули, убойная дальность стрельбы, кучность попаданий) по сравнению с гладкоствольными русскими ружьями (штуцера били на 1000–1200 шагов, а гладкоствольные ружья – на 200–300 шагов). В результате в ходе сражений англо-французские войска могли безнаказанно расстреливать с безопасных дистанций русских, чьи пули просто не долетали до противника.

И, пожалуй, главное: на исходе войны трагически сказалось отсутствие в России сети железных дорог, которые позволили бы маневрировать войсками, оперативно перебрасывая их с одного театра военных действий на другой. Поэтому-то при столь многочисленной армии Россия так и не смогла сосредоточить в Крыму достаточно крупную группировку войск и достичь решающего превосходства над противником. Из-за отсутствия современных путей сообщения возникали серьёзные сложности и с бесперебойным снабжением находящихся в Крыму войск. В месяцы осенней и весенней распутицы доставка на театр военных действий пополнения, боеприпасов и продовольствия становилась почти неразрешимой задачей.

Все эти факторы поражения русской армии в конечном итоге сводились к военно-техническому и индустриальному отставанию России. Страна не владела современными технологиями (паровые машины, нарезное оружие), не производила даже в достатке металла для строительства рельсовых путей. Только немедленное преодоление промышленной отсталости могло сохранить за Россией статус великой державы, способной отстаивать свои национальные интересы и свои территории от посягательств извне.

Опыт осуществления модернизации своей экономики на современный лад Россия могла почерпнуть только у передовых стран Западной Европы, вырвавшихся вперёд в промышленном развитии. Другого опыта тогда просто не было. В западноевропейских странах индустриальное развитие происходило путём так называемого “первоначального накопления” (прежде всего, это относится к Англии – стране классического капитализма). Переход от феодального аграрного хозяйства к промышленному в XVI–XVIII веках здесь происходил через сгон крестьян с земель феодалов и превращение ими пашни

в пастбища для овец (“огораживания”). Овечья шерсть отправлялась на мануфактуры, куда вынуждены были наниматься оказавшиеся “свободными” от земли английские крестьяне, превращавшиеся в рабочих. Производство тканей и вывоз их в другие страны оказались гораздо выгоднее производства хлеба. Мировая торговля английских купцов требовала наращивания текстильного производства, а их огромные барыши (создававшиеся также и за счёт ограбления заморских колоний) давали возможность вкладывать деньги в техническую модернизацию мануфактур. Были изобретены механические прядильные и ткацкие станки, паровая машина (1784). Развитие машиностроения предьявило громадный спрос на металл – появляются крупные сталелитейные заводы. Растущий товарооборот и грузопотоки востребовали более мобильные, чем гужевой и парусный, виды транспорта – и в 1807 году создаётся первый пароход, а в 1829 году – первый паровоз. . .

Ориентируясь на этот опыт, российские реформаторы должны были провести отмену крепостного права таким образом, чтобы, с одной стороны, “освободить” крестьян от земли для перетекания рабочей силы из деревни на фабрики, а с другой – создать слой состоятельных предпринимателей, готовых вкладывать свои капиталы в развитие фабрично-заводской промышленности. Именно такой замысел и просматривается в Положении 19 февраля 1861 года. Большинство оборотистых помещиков, знакомых с азами западноевропейской политэкономии и трезво понимавших свой личный интерес, уже задолго до реформы заявляло правительству: “Конечно, покупать и продавать людей есть чудовищность. Возьмите, освободите их; мы будем нанимать их для работ. Но оставьте нам нашу землю, которую мы купили; она есть предмет всегда и везде подлежащий купле”⁷⁴. Такие помещики были ярыми сторонниками безземельного освобождения крестьян, предполагавшего массовую пролетаризацию последних и шоковый переход от полунатуральной к денежной (капиталистической) системе хозяйства. В угоду этому настроению правительство в своей первой декларации о предстоящей реформе – Высочайшем рескрипте виленскому генерал-губернатору В. И. Назимову от 20 ноября 1857 года – постаралось подчеркнуть, что “помещикам сохраняется право собственности на всю землю”⁷⁵.

Но вариант освобождения крестьян без земли наиболее здравомыслящие люди в правительстве Александра II справедливо сочли излишне людоедским и крайне опасным для самих помещиков. Как резонно отметил председатель Редакционных комиссий при Главном комитете по подготовке крестьянской реформы Я. И. Ростовцев, сторонники безземельного освобождения “желают дать крестьянам свободу птиц, а на это нельзя согласиться”⁷⁶. Царское правительство вполне основательно боялось возбудить бурю крестьянского возмущения и ожидало кровавого и беспощадного бунта в случае “птичьего” освобождения.

В период подготовки реформы члены славянофильского кружка выступили самыми горячими сторонниками освобождения крестьян с землёй, передачи в их владение всей земли, которой они фактически пользовались до реформы (но не менее 2,5 десятины на душу), и сохранения общинной организации крестьянства и общинной собственности на землю. Они развернули пропагандистскую кампанию в пользу своих взглядов в печати и в обществе, приняли самое активное участие в выработке предварительных проектов реформы сначала в губернских дворянских комитетах, а затем – в Редакционных комиссиях, где подвизались в качестве членов-экспертов Ю. Ф. Самарин и князь В. А. Черкасский. Не остался в стороне от баталий вокруг крестьянской реформы и А. С. Хомяков. По воспоминаниям А. И. Кошелева, “Хомякова особенно оскорбляли предположения комиссий, клонившие к уничтожению или потрясению крестьянского общинного землевладения, к введению, в виде общего правила, приговоров сельских сходов по большинству голосов и к установлению страшной регламентации по крестьянскому самоуправлению. К. С. Аксаков был до того взбешён предположениями редакционных комиссий, что написал против их проектов свои возражения в виде писем, которые и напечатал за границею”⁷⁷. В этих письмах К. С. Аксаков выразил общее мнение славянофилов о природе крестьянского мира, каковую не смеет искажать административное вмешательство извне: “Народный мир и в существе и в существовании своём совершенно свободен, и вне всяких определений. Собирается когда хочет, где хочет, как хочет, рассуждает, о чём хочет”⁷⁸.

Славянофилы вступили в тесный контакт с А. И. Герценом, издававшим свой “Колокол” в лондонской эмиграции, чтобы вести согласованную агитацию в пользу крестьянско-общинных интересов⁹. Основоположник народнического “русского социализма” оказал решительную поддержку славянофилам в их борьбе против “птичьего” освобождения крестьян по английскому образцу. В письме к И. С. Аксакову Герцен объяснял свою позицию так: “Мы представляем разное, но родственное с ними (славянофилами. — И. Д.) направление, а с западниками — разное и враждебное”¹⁰.

“Колокол” Герцена в конце 1850-х — начале 1860-х годов как единственное бесцензурное издание пользовался бешеной популярностью у русской читающей публики, им зачитывались министры и вельможи, великие князья и сам император Александр II. Содействие Герцена, несомненно, усилило позиции славянофилов в Редакционных комиссиях. В окончательном законопроекте о выходе крестьян из крепостной зависимости удалось закрепить в качестве основополагающих принципов реформы освобождение с землёю и сохранение общинного землепользования. Согласно Положению 19 февраля 1861 года, крестьяне действительно получили личную свободу и земельный надел в собственности. Однако в остальном условия освобождения оказались крайне тяжелы для помещичьих крестьян. Земельные наделы, предоставленные им, были очень малы и недостаточны для ведения полноценного хозяйства (крестьяне получили 28% земли, помещики — 72%¹¹). К тому же эти наделы предоставлялись не бесплатно, а за выкуп в качестве возмещения помещикам за утрату их собственности. Поскольку почти никто из крестьян не имел денег для единовременной уплаты выкупа, государство выдало из казны дворянам выкупные суммы, оформив их как государственный кредит крестьянам, который те обязаны были выплачивать в течение 49 лет из расчёта 6% годовых. Эта операция оказалась крайне разорительной для крестьян: рыночная стоимость полученной ими земли в ценах 1858 года составляла 544 млн руб., однако правительство оценило выкупную сумму в 867 млн руб., то есть в 1,5 раза выше. Фактически же к 1906 году, когда под натиском революции выкупные платежи были отменены, крестьяне уплатили около 2 млрд руб., то есть почти в 4 раза больше рыночной стоимости земли.

Постепенное разорение крестьян входило в замысел реформаторов: потерявшим надел предстояло отправиться в город, чтобы отдать свою свободную рабочую силу на развитие фабрично-заводской промышленности. А в городе их должны были ждать получившие все выгоды от освобождения помещики с выкупным капиталом на руках, который им надлежало вложить через коммерческие банки в промышленный оборот как обещающий наибольшую прибыль.

Однако эта схема создания капиталистической промышленности сразу за буксовала в России. Помещики, получив в качестве выкупа “шальные деньги”, не стремились вкладывать их в бизнес, а предпочитали растрачивать на непроизводительное потребление (проматывать на зарубежных курортах, в карты, в рулетку и т. д., многочисленные примеры чего можно найти в произведениях И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого). Русское барство, избалованное жизнью на всём готовом, просто не обладало соответствующей предпринимательской психологией. Кроме того, помещики не получили всю теоретически причитающуюся им выкупную сумму за свою землю. Значительная часть не получила вообще ничего, так как из выкупных денег была вычтена уже имевшаяся к тому времени изрядная задолженность дворянства государственным кредитным учреждениям. Другим была выдана деньгами только небольшая часть выкупа, а остальное — выкупными свидетельствами, то есть ценными бумагами, дававшими ежегодный доход (5%) и подлежавшими постепенному погашению (через каждые 5 лет в течение 49 лет начиная с 1867 года). Многие помещики для получения оборотных средств вынуждены были продавать свои выкупные свидетельства биржевым спекулянтам до срока их погашения и теряли на этом от 1/3 до 2/3 их стоимости.

Разница между 2 млрд рублей, вырученными государством по выкупным крестьянским платежам, и фактически полученной помещиками суммой в 250 млн рублей либо прямо попадала к финансово-посредническим структурам (биржевикам, банкирам, всевозможным концессионерам и комиссионерам), либо — через посредство государственного бюджета, кредитовавшего и субсидировавшего создание капиталистической индустрии и транспорта, — оказывалась у них же¹². Таким образом, выкупная операция способствовала вспуханию капиталистического финансового и индустриального сектора в эко-

номике России и пропорциональному удушению традиционных поземельных сословий – крестьянства и помещного дворянства.

“В конечном итоге, – пишет дворянский идеолог князь Васильчиков, – у помещиков осталось около 90 миллионов десятин земли, и, следовательно, для организации хозяйства на этих землях на новых, капиталистических началах, для приобретения инвентаря и оплаты наёмного труда, у помещиков от выкупной операции осталось не более 3 рублей на десятину. В этом (а не в каком-либо ином) факте – недостаточности основного и оборотного капиталов, с которыми дворянам пришлось после эмансипации организовывать свои хозяйства – и кроется главнейшая и преобладающая причина последующих оскудений, разорений, задолженности и, наконец, постепенной ликвидации дворянского землевладения”¹³.

Итак, большинству помещиков катастрофически не хватало средств не только на модернизацию своих хозяйств, но даже и на то, чтобы хоть как-то свести концы с концами, не говоря уже о вложении излишков капитала в развитие городской промышленности.

Русское купечество, способное, по идее, заполнить вакантное место промышленной буржуазии, было, за исключением отдельных семей, не столь богато, как принято думать (при нищем населении, жившем к тому же в условиях практически натурального хозяйства, торговому сословию затруднительно было разбогатеть), и не обладало теми огромными капиталами, которые могли бы поднять на пустом месте современную крупную индустрию. А имеющиеся накопления купцы также склонны были тратить либо на поражающие широтой размаха кутежи, либо на постройку церквей и богаделен во искупление грехов.

Таким образом, государство вынуждено было, хотя бы на первых порах, взять на себя роль капиталиста и предпринимателя. Как уже отмечалось, Крымская война обнаружила, что страна испытывает острую нужду в сети железных дорог – важнейшего элемента стратегического развёртывания армий и условия экономического роста. Поэтому в первую очередь и приступили к строительству системы транспортных артерий, способной связать народное хозяйство страны в единое целое. За рубежом это весьма выгодное дело брала на себя буржуазия, в России же в 1860–1870-х годах из-за недостатка частных капиталов железные дороги могли строиться только посредством выдачи казённых субсидий, безвозвратных ссуд и даже гарантий доходности (если дорога не приносила определённой прибыли, государство доплачивало частным предпринимателям соответствующую премию).

Происходило это обычно таким образом: правительство объявляло о концессии на постройку железной дороги, допустим, Харьков – Ростов-на-Дону. После этого, а часто и заранее (получив инсайдерскую информацию из кругов, близких к “телу”), оперативно создавалась акционерная компания из русских или иностранных предпринимателей. Эта компания либо снаряжала чемоданы денег в нужные кабинеты или будуары, либо просто включала нужных людей из правительственных или придворных кругов в число своих акционеров (никаких ограничений на совмещение бизнеса и государственной службы при Александре II не существовало). Подкупленные таким образом сановники обеспечивали выдачу концессии правильной компании. Наиболее эффективным посредником для аферистов была любовница Александра II княжна Е. М. Долгорукая. Торг с нею начинался с 1,5 млн руб. (сумма колоссальная), но зато она имела сильное влияние на императора, и её слово могло решить судьбу махинации. За предоставление концессии на постройку Закавказской железной дороги С. С. Поляков заплатил рекордную взятку в 7 млн руб., из которых 3,5 млн руб. предназначались княжне Долгорукой, а ещё 3,5 млн руб. – кавказскому наместнику, брату императора Александра II великому князю Михаилу Николаевичу¹⁴. Дешевле обходился другой брат Александра II – великий князь Николай Николаевич: он удовлетворялся взяткой в 200 тысяч руб. Однако неумный и жадный великий князь не пользовался большим доверием венценосца и его лоббистский потенциал был ограничен. Запредельный цинизм и тотальная продажность, царившие в верхах в эпоху железнодорожного грюндерства 1870-х годов, поражали своим размахом даже видавших виды современников¹⁵.

После получения концессии компания выпускала и размещала на бирже акции под постройку будущей дороги, доходность по которым гарантировало государство, поэтому раскупались они, как горячие пирожки. А после этого

можно было ничего не делать год-два, получая гарантированные дивиденды от государства. Когда же сверху начинали выражать недоумение: а где, собственно, дорога? — можно было долго объяснять, как трудно вести “цивилизованный бизнес в такой нецивилизованной стране”, находя полное понимание у правительственных лиц, особенно у тех, кто входил в число акционеров. Заканчивался этот обмен мнениями тем, что государство выдавало компании крупную субсидию, лишь бы строительство, наконец, началось. Оно и начиналось. Разумеется, закупался самый дешёвый стройматериал. Разница между действительной стоимостью дороги и выданной субсидией попадала в карманы “эффективных менеджеров”. Не трудно догадаться, что крушения поездов, иногда с сотнями человеческих жертв¹⁶, были на этих дорогах не редкостью и что эти дороги нуждались в почти перманентном ремонте, на который государство снова и снова выдавало частным компаниям безвозвратные ссуды, от которых сильнее и сильнее набухали карманы железнодорожных аферистов. Так возникали в России миллионеры и мультимиллионеры, так зарождался в России класс капиталистов.

Каким образом они хозяйничали, даёт представление отрывок из воспоминаний Б. Н. Чичерина, где он пишет о Курско-Харьковско-Азовской железной дороге, “которой начальные буквы К. Х. А. Ж. Д. самими служащими в ней толковались так: Каннибальская, Хамская, Адская, Жидовская Дорога. Она принадлежала известному Самуилу Соломоновичу Полякову, еврею, вышедшему из ничтожества и в несколько лет составившему себе огромное состояние на построении железных дорог. Тут весь расчёт предпринимателя состоял в том, чтобы строить как можно дешевле, сохранив за собою как можно больше денег. Та же цель преследовалась и при эксплуатации. Это была одна из тех дорог, в отношении к которым акционерам выгодно, чтобы они находились в дурном состоянии. Правительство, во всяком случае, платило пять процентов с капитала; больше этого трудно было получить даже при хорошем управлении...”¹⁷.

“Этот щедушный с виду сын Израиля, — писал о Полякове другой современник, — для получения концессии Азовской дороги обещал земству 300 тысяч и построить рельсовый завод, но ни завода не построил, ни земству денег не дал... Для постройки дорог Поляков валил, понятно, мёрзлую землю, клал дурные маломерные шпалы, подвижной состав заказывал пресловутому Струсбергу. С бумагами своих дорог он творил такие же чудеса: закладывал их за границу в банках и, под будущие доходы, выпускал другие бумаги. Всё это благополучно сходило ему с рук, потому что Поляков помнил твёрдо заповедь, что надобно уважать начальство. Этим уважением он достиг того, что и его стали уважать и возводить в высокие чины...”¹⁸.

Упомянутый Генри-Бетель Струсберг (1823–1884) также является характерным персонажем из эпохи первоначального накопления в России. Этот прусско-подданный уже потренировался в Германии, Австро-Венгрии и Румынии на железнодорожных аферах, которые осуществлялись по той же стандартной схеме, что и в России, правда, без государственных гарантий, поэтому обласканными оставались только акционеры. Посредством взяток чиновникам Струсберг добивался предоставления концессии на постройку железной дороги, выпускал акции, завлекал покупателей, с помощью журналистов организовывая рекламную шумиху, сулившую золотые горы пайщикам, получал миллионы, потом закладывал те же акции в банке, получал ещё миллионы и делал всем ручкой, переезжая в следующую страну. Добравшись до России, он прокрутил ту же самую операцию, получив под заклад акций несуществующей железной дороги 7 млн руб. в Московском коммерческом ссудном банке. Откровенно мошенническая операция прошла как по маслу, поскольку Струсбергу удалось подкупить ряд руководителей банка. Деньги Струсберг, естественно, не вернул, что и привело в 1875 году к краху банка. Крах Московского ссудного спровоцировал панику, вкладчики бросились снимать деньги в других коммерческих банках, в которых дела велись схожим манером. Только срочные субсидии банкам из государственного бюджета в размере 14 млн руб. позволили тогда избежать всеобщего обрушения кредитной системы. Состоялся громкий судебный процесс, но жулики отделались смехотворными наказаниями (Струсберг, например, как иностранный подданный был выслан из страны).

На суде Струсберг вёл себя вызывающе и цинично, рассуждал о “великих идеях”, которые якобы вдохновляли его деятельность. Газета “Новое время”

(11 октября 1876) писала о допросе Струсберга в суде: “Беспристрастность и холодность историка скоро надоедают Струсбергу: забывши историю, он начинает петь гимн собственной своей особе: “Я, мол, не простой смертный, а служитель *высших идей!* Можно ли судить меня и мои операции по масштабу лавочников, привыкших торговать кожами и салом!”. На другой день газета приводила ответ Струсберга на вопрос об обстоятельствах дела: “Моя память способна хранить только великие мысли, а вы меня спрашиваете о пустяках”. Струсберг, по-видимому, искренне считал себя не ординарным прохвостом, а выдающейся персоной, делающей историю; в своей автобиографии он уверял читателей, что “чувствует потребность и сознаёт в себе способность совершить нечто великое, долженствующее жить в потомстве”. Разъясняя суть своей всемирно-исторической миссии, он писал: “По совести могу заявить, что я серьёзно стремился к тому, чтобы создать такую практическую комбинацию, в которой счастливо и гармонически действовали бы вместе капитал, фабрикант и рабочий... только эта мысль лежала в основании моих промышленных созданий”¹⁹.

Гротескная, но и зловещая фигура Струсберга привлекла внимание Ф. М. Достоевского. В откровениях Струсберга писатель увидел идею торжествующего “мамона”, ту самую “жидовскую идею, охватывающую весь мир, вместо “неудавшегося” христианства”, которая на его глазах засасывала и Россию. Под впечатлением процесса Струсберга Достоевский писал роман “Подросток” (1876), в котором “русские мальчики” проходили через искушение “ротшильдовской идеей” – идеей “паучьей” власти жрецов золотого идола над человеческим стадом, алчущим причаститься новой “благодати” от Мамона и Ваала...

С тех давних пор всевозможные биржевые и банковские прохиндеи не утратили привычки философствовать, драпировать свои жалкие стяжательские рефлексы разными “великими идеями”, возводить свою убогую жизнь паразитов и кровососов на пьедестал духовных лидеров, открывающих человечеству новые горизонты. Из числа таковых упомянем Жака Аттали, возглавлявшего в начале 1990-х годов Европейский банк реконструкции и развития, который выступил одним из глашатаев новой эры мондиализма в своей книге “Линии горизонта” (1990; в русском переводе – “На пороге нового тысячелетия”, М., 1993). Аттали пророчествовал о “дивном новом мире” глобального капиталистического “человека”, о превращении человечества в мировых кочевников без семьи, без родины и национального лица. На одном полюсе этого мира устроятся “богатые номады”, которые “смогут принимать участие в освоении либеральной рыночной культуры, руководствуясь при этом своим политическим или экономическим выбором, они будут странствовать по планете в поисках путей использования свободного времени, покупать информацию, приобретать за деньги острые ощущения и такие товары, которые только они могут себе позволить, хотя и будут испытывать тягу к человеческому участию, тоску по уютной домашней обстановке и сообществу людей – тем ценностям, которые прекратили своё существование, так как их функции устарели”. Такова будет участь “золотого миллиарда” успешных и приспособленных.

Другой полюс “человека”, по мнению Аттали, будет облеплен “мирадами бедных кочевников – этих хватающихся за соломинки в планетарном масштабе людей, которые бегут прочь от испытывающей нужду периферии, где по-прежнему будет жить большая часть населения Земли. Эти обнищавшие пираты будут курсировать по планете в поисках пропитания и крова над головой, их желания станут ещё острее и навязчивее благодаря созерцанию роскошных и соблазнительных картин безудержного потребления, которые они увидят на экранах телевизоров в спутниковых телепередачах из Парижа, Лос-Анджелеса или Токио. В тщетной попытке перейти от замедленного к ускоренному миру им придёт вести жизнь живых мертвецов”.

Провозвестником “великих идей”, несомненно, ощущает себя и знаменитый финансист Джордж Сорос, потративший немало денег на пропаганду прелестей “открытого общества”. Свободу личности в “открытом обществе” Сорос понимает как возможность для любого индивида произвольного выбора и смены идентичности, возникающей на базе частной собственности и рыночной конкуренции. “В мире, где каждому действию предшествует процедура выбора, – поучал Сорос советских людей в 1991 году, – экономическое поведение характеризует все сферы деятельности... Это распространяет принци-

пы рыночного механизма на такие удалённые сферы, как искусство, политика, общественная жизнь, секс и религия... В таком обществе друзья, соседи, мужья и жёны станут если не взаимозаменяемыми, то, по крайней мере, легко заменяемыми на практически равноценные альтернативы; они будут выбираться на основе конкуренции...²⁰. Нетрудно понять, что “личность” в таком её понимании распадается на множество масок и личин, меняемых в зависимости от текущей конъюнктуры, превращаясь в такую же фиктивную и спекулятивную величину, как и соросовские капиталы. К сожалению, этой людоедской химерой соблазнилась огромная масса советских людей: Струсберг взял символический реванш над Достоевским. Остаётся надеяться, что не навсегда...

Как и в наши времена, тогдашние философствующие барышники были не прочь сколотить капитал не только за счёт государственного бюджета и простотиль, хранящих деньги в сберегательной кассе, но и за счёт приватизации самых лакомых кусков государственной собственности. Из таковых особенно лакомым была Николаевская железная дорога, соединявшая Москву и Санкт-Петербург и бывшая на тот момент первой по доходности в Европе. Идея приватизации дороги была выдвинута в 1868 году министром финансов М. Х. Рейтерном (занимал пост в 1862–1878 годах). Идея эта казалась, как минимум, странной, но Рейтерн был ярким приверженцем открытой, “либеральной” экономики и “свободного рынка” и ожидал всевозможных чудес от раскрепощённой частной инициативы²¹, поэтому и предлагал передать дорогу в частную собственность. Основным претендентом на приобретение дороги выступало Главное общество российских железных дорог, созданное крупнейшими банкирами и финансистами Парижа, Лондона и Петербурга ещё в 1857 году. Среди учредителей числились варшавский банкир С. А. Френкель, лондонский банкир Фома Беринг, амстердамский банкир Гоппе, французские финансисты Г. Гёттингер и Исаак Перейра, представлявший интересы парижского банка “Креди мобилъе” и берлинского банкирского дома “Мендельсон и К^о”. Во главе этого банкирского интернационала встал самый богатый тогда в России банкир А. Л. Штиглиц. В состав руководства входили и некоторые высокопоставленные российские сановники, с помощью которых осуществлялось проталкивание выгодных сделок в высших бюрократических сферах. Безудержная самореклама, закулисная интрига, подкуп нужных лиц поначалу принесли успех, однако очень скоро стало ясно, что широкообещательные обещания Главного общества за несколько лет покрыть Россию сетью железных дорог, не затратив ни копейки казённых средств, оказались наглым обманом. Из четырёх проектированных линий не было закончено ни одной, и правительство само вынуждено было выдавать ссуды на завершение строительства этих стратегически необходимых путей сообщения. Наскучив созидательной и производительной деятельностью, акционеры решили сосредоточиться на коммерческой эксплуатации уже построенных казной железных дорог.

Тогда-то липкие взоры гешефтмахеров обратились к Николаевской дороге. При этом вознамерившееся заполучить названную дорогу Главное общество было в тот момент на грани банкротства (к 1868 году оно задолжало 135 миллионов, причём из них государству – 92 миллиона²²). Приобретение Николаевской железной дороги, таким образом, становилось для Общества единственным шансом на спасение от неминуемого краха. И наоборот: со стороны правительства уступка дороги финансово несостоятельной компании могла быть только глупостью или преступлением. Вся операция выглядела на редкость бесстыдным жульничеством, но Главному обществу удалось заручиться поддержкой министра финансов Рейтерна, имевшего большое влияние на царя, что и предопределило исход дела. Вместо денег за оплату Николаевской дороги Главное общество выпустило облигации под гарантию государства, которыми с государством же и расплатилось!

Согласно поэтичному выражению некоего премудрого политэконома, одно прикосновение частного собственника способно превратить бесплодную скалу в цветущий сад. Увы, в случае с Николаевской железной дорогой эта краеугольная истина почему-то не сработала. Вчера ещё высокодоходная и процветающая государственная компания, попав в руки частных собственников (да не в какие-нибудь там русские немытые руки, а в высококультурные европейские банкирские руки!), сразу как-то поухля и перестала приносить прибыль. И вновь российскому государству пришлось доплачивать из

своего бюджета, собранного от мужицких слёз, гарантированную доходность по акциям всем парижским, берлинским, лондонским и амстердамским банковским упрямам и выдавать бесконечные ссуды на поддержание дороги в работоспособном состоянии. Когда в царствование Александра III правительство, наконец, решило выкупить Николаевскую дорогу в казну, долг Главного общества перед российским государством составлял 170,5 млн руб.

Щедрое покровительство государства в отношении железнодорожных компаний, на которые проливался поистине золотой дождь из казны, осуществлялось за счёт сельскохозяйственных производителей (помещиков и крестьян), для которых ни о каких ссудах и премиях, ни даже о дешёвом кредите и помину не было: на их долю выпадало только усиление налогового гнёта. Как пронзительно заметил Фридрих Энгельс, анализируя эту политику царского правительства, “первой победой русской буржуазии были железнодорожные концессии, по которым акционерам доставались все будущие прибыли, а государству — все будущие убытки”²³. Приватизация прибылей и национализация убытков до сих пор остаются любимым способом капиталистического накопления и фабрикация нуворишей.

Железные дороги в России не только послужили инструментом радикального перераспределения национального богатства, но и, образно выражаясь, проложили пути для вторжения в страну иностранного капитала и подчинения её народного хозяйства интересам международной финансовой олигархии. Дело в том, что государство в эпоху “великих” либеральных реформ оказалось в крайне стеснённой ситуации и не имело свободных средств даже для признаваемого приоритетным финансирования железнодорожного строительства. За 30 пореформенных лет — с 1862-го по 1892 год — в государственном бюджете Российской империи только один раз доходы превысили расходы — в 1889 году, когда профицит составил 4,4 млн руб. Все остальные годы бюджет сводился с дефицитом, иногда огромным. В 1877 году дефицит составил 570 млн руб., в 1878-м — 450 млн руб., но это хотя бы были годы войны с Турцией, потребовавшей чрезвычайных расходов. К сожалению, и в мирные годы бюджетные дефициты были недопустимо велики: например, в 1864 году — 90 млн руб., в 1870-м — 83 млн руб., в 1880-м — 141 млн руб., в 1891-м — 189 млн руб. Всего же за тридцать пореформенных лет совокупный дефицит государственного бюджета выразился астрономической цифрой в 3,3 млрд руб. Чтобы понять масштаб этой цифры, укажем, что доходы российского бюджета в 1892 году составили 976 млн руб.²⁴.

С таким дырявым хозяйством покрывать хронические дефициты и финансировать железнодорожное строительство государство могло только за счёт внешних заимствований. К 1880 году общие капиталовложения в сооружение железных дорог в России достигли 1,8 млрд руб., из них 1,4 млрд руб. (или 80%) составляли казённые средства. К 1900 году капиталовложения в железнодорожную сеть насчитывали уже 4,72 млрд руб. Из них на долю внешних займов приходилось 3,2 млрд руб. (или 67% всех железнодорожных капиталов с ежегодным платежом процентов по ним в 187,3 млн руб.). Всего за 40 лет (1861–1900) только сумма прибылей, выплаченных государством иностранным держателям российских железнодорожных займов, составила упомянутую цифру в 6,5 млрд рублей²⁵.

По мнению Карла Маркса, высказанному им в письме к русскому экономисту Н. Ф. Даниельсону (10 апреля 1879), железные дороги вообще “дали такой толчок концентрации капитала, которого раньше никто не предвидел, и в то же время ускорили и в громадной степени расширили космополитическую деятельность ссудного капитала, благодаря чему весь мир оказался опутанным сетью финансового мошенничества и взаимной задолженности — этой капиталистической формой международного братства”. Особенно в странах так называемого “второго эшелона” капитализма, то есть импортированного и искусственно насаждаемого капитализма, “железные дороги стали новым источником невыносимой государственной задолженности и ограбления народных масс”. И хотя “железные дороги дали, конечно, громадный толчок развитию внешней торговли, но в странах, вывозящих главным образом сырьё, эта торговля усилила нищету народных масс; и притом не только потому, что бремя новой задолженности, взятое на себя правительством из-за железных дорог, увеличило давление налогового прессы на народные массы, но ещё и потому, что с того момента, как всякий продукт местного производ-

ства получил возможность превращаться в космополитическое золото, многие товары, *бывшие ранее дешёвыми* из-за отсутствия широкого сбыта, как, например, фрукты, вино, рыба, дичь и т. п., стали *дорогими* и были, таким образом, изъяты из потребления народа". "Все эти перемены, — заключал Маркс, — оказались действительно очень выгодными для крупных земельных собственников, ростовщиков, купцов, железнодорожных компаний, банкиров и т. д., но очень плачевными для действительных производителей"²⁶.

Стянувшие страну в тугой узел стальные нити накрепко привязали её к мировой капиталистической системе. Весело попыхивая дымом и стуча английской машиной, запрятанной в железную утробу, сотни паровозов потянули составы с русским хлебом к западной границе, к черноморским и балтийским портам. А в обратном направлении в российские города и веси потекли по железнодорожным артериям дешёвый ширпотреб, новые моды, соблазнительные идеи и жгучие желания, удовлетворить которые можно было только деньгами, деньгами, деньгами...

Именно железная дорога открывала широкий путь в самые укромные уголки России "греховоднику-капиталу" (выражение писателя-народника Г. И. Успенского). Причём эту разоряющую и развращающую народ роль чугунки одинаково негативно оценивали русские люди противоположных общественно-политических взглядов. Ещё в конце 1850-х годов, когда в России только начиналось масштабное железнодорожное строительство и апологеты капиталистической цивилизации захлёбывались от восторга, предвкушая "светлое будущее" индустриальной эры и чуть не запевая "Наш паровоз, вперёд лети!", славянофил К. С. Аксаков скептически отмечал, что едва ли нравственный прогресс человечества выиграет, если буржуазная пошлость, жажда наживы и штампованный товар будет распространяться по Земле в 10 раз быстрее²⁷.

Глеба Успенского приводил в настоящий ужас "железный червяк", буравящий свой путь сквозь леса, поля и реки, превращающий девственную природу в лунный пейзаж, в поруганное и обесчещенное пространство индустриального города, угледобывающих копей, нефтяных промыслов²⁸. Такие же разрушения производила железная дорога и в социальном пространстве. Там, где проползал "железный червяк", умирали местные кустарные промыслы, не выдерживающие конкуренции с фабричной продукцией. Вместо домотканых льняных и холстяных рубах крестьяне стали одеваться в покупную "мануфактуру". То, что раньше изготовлялось своими руками в условиях натурального хозяйства, теперь приходилось приобретать за наличные, которые как-то надо было доставать. Нужда в деньгах загоняла крестьянина в кабалу банку и ростовщику, вышвыривала из деревни на фабрику и завод. Самодостаточное крестьянское хозяйство превращалось в зависимое от рынка, от курса рубля и франка, от мировой конъюнктуры хлебных цен. Судьба рязанского мужика — его жизнь и смерть — стала решаться на биржах Лондона и Берлина...

Благодаря неисчислимым народным жертвам и ярму, наложенному и на будущие поколения, которым предстояло расплачиваться за взятые кредиты, удалось за два пореформенных десятилетия (1861–1881) увеличить протяжённость сети железных дорог в России с 1,6 тыс. вёрст до 23,1 тыс. вёрст. Однако, несмотря на такой гигантский рывок в железнодорожном строительстве (рост почти в 15 раз!), тяжёлая промышленность развивалась крайне медленно (выплавка чугуна увеличилась за это время всего лишь на 40% — с 20,5 до 28,7 млн пудов). Причину застоя следует искать в приверженности русского правительства либеральному принципу "свободы торговли", требовавшей максимального снижения таможенных пошлин. Оказалось, что английские машины и металлические изделия гораздо дешевле отечественных, даже рельсы из Англии с доставкой в Петербург обходились в 3 раза дешевле производимых в России. Поэтому железнодорожные подрядчики предпочитали не строить сталелитейных заводов и прокатных станков в России, а закупать готовую продукцию за границей. В 1860–1870-х годах импортные рельсы в среднем составляли 80% потребления в России, а в иные годы этот показатель достигал 95%. Отечественный капитал вкладывался по преимуществу в лёгкую промышленность, прежде всего в текстильную, где и оборот быстрее, и прибыли выше. Поэтому русский капитализм современники образно называли "ситцевым". Но с ещё большим основанием его можно было бы на-

звать “железнодорожным”. По количеству частных инвестиций, вложенных в русскую экономику в 1860–1870-х годах, железнодорожное дело было вне конкуренции – 66% всех акционерных капиталов, составлявших всего свыше 1 млрд руб. Ещё 15% составляли вложения в банковскую и кредитно-финансовую сферу, 12% приходилось на предприятия лёгкой и пищевой промышленности, и только 2,4% – на горно-металлургическую промышленность²⁹. Поэтому потребление машин, металла и каменного угля в России в 1860–1870-х годах покрывалось на 2/3 импортом из стран Западной Европы. Согласно подсчётам историка А. М. Соловьёвой, только “в 1870-х годах общая стоимость импортированной в Россию продукции тяжёлой индустрии капиталистического Запада составила гигантскую для того времени сумму – более 1 млрд руб. серебром”³⁰.

Перемена экономической политики русского правительства на рубеже 1880–1890-х годов от фритредерства к протекционизму, а также выкуп большинства железных дорог в казну (к концу XIX века национализировано было около 2/3 железнодорожной сети), благоприятно сказалась на росте промышленного производства. Запретительные пошлины на ввоз иностранной продукции тяжёлой промышленности (чугуна, стали, паровозов, рельсов и пр.) позволили стремительно увеличить их производство внутри страны. По темпам роста промышленного производства Россия в 1890-е годы занимала первое место в мире, в некоторых отраслях ежегодный прирост составлял фантастические 20–30%. Ещё более ускорилось строительство железных дорог (в 1900 году их протяжённость достигла 53,2 тыс. вёрст, в 1917-м – 81,1 тыс. вёрст). Но индустриализация 1890-х мало изменила макроэкономическую модель российской модернизации. При нищете населения, исключавшей значительные внутренние накопления, для создания металлургических и машиностроительных предприятий, постройки железных дорог (в частности, Транссибирской магистрали) по-прежнему приходилось широко привлекать иностранные частные инвестиции и прямые займы правительства у зарубежных банкиров. Притоку иностранных инвестиций способствовало и введение в 1897 году золотого стандарта рубля – это гарантировало сохранность вложений и конвертирование прибылей нерезидентов. Смысл золотого стандарта рубля прост: бумажные ассигнации отныне свободно и неограниченно могли размениваться на золотые червонцы по твердому курсу. Рубль стал составной частью мировой финансовой системы, его стало легко употреблять в международных расчётах и вывозить из страны. Если раньше бумажные рубли можно было обменять на франки только с потерей в стоимости до 50%, то золотой червонец обменивался “альпари” (по номиналу): червонец специально чеканили по размеру и весу равным золотой 20-франковой монете. Это-то и способствовало привлечению иностранных инвестиций (ведь инвесторов в первую очередь интересовал вывоз прибылей в звонкой монете, а не в русских “фантиках”).

Задумка сработала: только за пятилетие (1895–1900) частные иностранные вложения в России выросли более чем в 3 раза – с 280 млн руб. до 911 млн руб., а к 1916 году они составляли 2 млрд 243 млн руб. В результате к 1914 году иностранным собственникам принадлежало 43% всех акционерных капиталов в России, а в некоторых важнейших для экономики отраслях они занимали господствующее положение. Иностранцы владели 4/5 цветной металлургии, 60% машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности, им принадлежало свыше половины активов в химической, электротехнической, нефтедобывающей отраслях, а также 2/3 добычи донецкого угля, 44% всех акционерных капиталов в коммерческих банках принадлежало иностранным собственникам³¹. Благодаря бурно развивавшимся в начале XX века процессам создания синдикатов и других монополистических объединений, под прямым или косвенным контролем иностранного капитала оказалась практически вся русская промышленность, в том числе и военная.

Конечно, крупные денежные вложения позволяли стремительно расширять промышленное строительство. Новые предприятия давали работу сотням тысяч переселившихся в города крестьян. Однако сама структура русской пореформенной экономики, сам вариант капиталистической индустриализации, избранный правительством после 1861 года, обрекал Россию на роль дойной коровы международного капитала. Львиная доля прибылей в промышленности и кредитной сфере доставалась ему и вывозилась из страны. Например,

в 1913 году перевод за границу прибылей иностранными агентами в России составил 150 млн руб., 221 млн руб. был выплачен по государственным займам, 34 млн руб. – по частным займам, ещё 292 млн руб. утекли из страны вместе с “русскими путешественниками” (дореволюционные представители капиталистической элиты тоже предпочитали отдыхать, учиться и лечиться за границей, что влекло за собой постоянную огромную утечку капитала). Всего, таким образом, в 1913 году вывоз капитала из России достиг 697 млн золотых руб., а поскольку сальдо торгового баланса дало избыток в 146,1 млн руб., то чистая утечка капитала составила 550,9 млн руб. По пятилетиям дефицит платёжного баланса России (то есть превышение вывоза капитала над притоком) выглядит следующим образом: в 1894–1898 годах – 802 млн руб.; 1899–1903 годах – 894 млн руб.; 1904–1908 годах – 778 млн руб.; 1909–1913 годах – 1296 млн руб. Соответственно за 20 лет иностранный капитал извлёк из России 3 млрд 770 млн золотых рублей чистой прибыли.

Понятно, что для покрытия этого гигантского дефицита, для поддержания размена рубля на золото, бурным потоком утекавшее за рубеж, государству приходилось снова и снова прибегать к внешним заимствованиям, следствием чего был непрекращающийся рост государственного долга. В 1901 году долг Российской империи достиг 6,4 млрд руб., в 1914 году – 12 млрд руб., из которых больше половины приходилось на zahraniчные заимствования. По тяжести ежегодных платежей Россия занимала 1-е место в мире (в 1913 году её прямая дань международному капиталу составила свыше 400 млн руб.)³². Таким образом, российская модель капиталистического рынка оказалась весьма убыточной и по критериям самой рыночной рациональности вполне бессмысленной.

Разумеется, основная тяжесть выплат по государственному долгу ложилась на аграрный сектор, прежде всего, на крестьянство – наиболее массового плательщика казённых налогов. Протекционистская система также налагала разорительную дань на аграриев (включая помещиков), так как после введения в 1891 году запретительных пошлин на ввоз дешёвых иностранных изделий покупка любой железки отечественного производства обходилась сельским хозяевам в 2–3 раза дороже. Эти “ножницы цен” служили ещё одним способом капиталистического накопления и, наряду с железнодорожным спрутом, являлись дополнительным мощным насосом по перекачке средств из деревни в индустриальный сектор, в форсированное развитие капиталистической финансовой и транспортной инфраструктуры. Даже сам усердный насаждитель протекционизма министр финансов С. Ю. Витте (занимал пост в 1892–1903 годах) вынужден был признать в своём всеподданнейшем секретном докладе (февраль 1899): “За пуд чугуна англичанин платит 26 коп., американец – 32 коп., а русский – до 90 коп. Благодаря пошлине русский житель платит за многое, что он покупает, значительно дороже, чем иностранный. Вследствие этого... возрастает стоимость жизни и богатого, и бедного человека, напрягается до крайности платёжная способность населения, во многих случаях прямо сокращается потребление. Не может не видеть министр финансов, что эти приплаты из-за пошлин особо тяжёлым бременем падают на оскудевшие бюджеты землевладельцев и крестьян-земледельцев... Эти приплаты суть тяжёлые жертвы, которые платит весь народ, но не от избытка, а от нужды”. Однако Витте не собирался менять политику: “Великие задачи требуют и великих жертв, – с пафосом внушал он Николаю II. – Новая промышленность не может вырасти в короткий срок. Поэтому и покровительственные пошлины должны продержаться десятки лет для того, чтобы успеть привести к положительному результату”³³.

Но никаких “десятков лет” у системы Витте уже не было. Не прошло и года после его доклада, как в России разразился тяжелейший экономический кризис 1900–1903 годов. Кризис был прямым и неизбежным следствием виттевской системы насаждения капитализма во что бы то ни стало, невзирая на жертвы, не считаясь с потерями в живой силе... Современники – вменяемые экономисты (даже либеральные) и просто здравомыслящие люди – многократно указывали Витте, что маниакальное культивирование капиталистической промышленности за счёт разорения поземельных сословий (которые, по идее, должны были бы выступать главными покупателями отечественных фабрикатов) и непоследовательно, и бесперспективно, а главное – плохо кончится. Но эти предостережения не были услышаны Витте, и он упрямо гнул свою линию.

К чему же привела система Витте русскую экономику? «С начала восьмидесятых до начала девяностых годов создание новых капиталов шло довольно равномерно и медленно. В среднем возникало ежегодно новых промышленных предприятий, паевых и акционерных, на сумму 37,5 миллиона». Именно такова была ёмкость русского внутреннего рынка, очень узкого вследствие нищеты большинства населения. Но «с 1893 года капиталисты стали усиленно помещать деньги в предприятия», к чему их подстёгивала политика протекционизма и мегапроект, щедро профинансированный правительством за занятые у международного капитала средства, по строительству Транссибирской магистрали. Правительство Витте «принялось усиленно поощрять приток капиталов к промышленности. В результате в следующие шесть лет (1895–1900) цифра ежегодного прироста капиталов сразу поднялась до 322 миллионов. Русских капиталов не могло бы хватить для такого быстрого роста, и за 1893–1903 годы из 1554 миллионов, вложенных в промышленность, до 900 миллионов принадлежало иностранцам. Быстрый рост промышленности не соответствовал действительному росту благосостояния населения. Увеличение производства не оправдывалось ростом спроса и потребления и кое-как держалось на казённых заказах и субсидиях (преимущественно по железнодорожному строительству). Безнаказанно такое мнимое процветание капитализма пройти не могло: немедленно же обнаружился признаки промышленного кризиса, который и разразился в 1899 году. Миллиард ценностей, котировавшихся на бирже, сразу упал до 611 миллионов, то есть капиталисты потеряли 2/5 своего капитала. Правительство пыталось поддержать биржу и промышленные предприятия. Оно затратило на эту поддержку до 170 миллионов рублей. Но это только затянуло кризис на целых четыре года и помешало сразу переоценить предприятия по их действительной, а не дутой доходности... После краха новых предприятий возникает ежегодно всего на 40 миллионов, то есть почти на столько же, как и до феерического расцвета промышленности в 90-х годах.»³⁴. Всё вернулось на круги своя, только вот за 10 лет «феерического расцвета» государственный долг России вырос ещё на 2 млрд золотых рублей³⁵.

Этот пузырь мнимого процветания должен был лопнуть, и он лопнул. Так же, как лопаются все надуваемые капиталом финансовые пузыри в наши дни. Издержки «праздника живота» 1890-х годов, естественно, легли на плечи народа, однако биржевой крах 1899 года смыл в канализацию и многих отечественных капиталистов.

В 1903 году Витте убрали с поста министра финансов, но это уже не могло спасти Россию от революционных потрясений 1905–1907 годов.

Накачиванием финансово-посреднической сферы за счёт непосредственных товаропроизводителей (особенно аграриев), делавшим господство капитала необратимым, занимались все предшественники Витте во главе финансового ведомства. Исчерпывающее резюме этой политики дал в письме к Марксу Н. Ф. Даниельсон (14 июля 1879): «Все усилия частных лиц и государства направлены на развитие обращения, а не организацию производства, или, иными словами, все усилия направлены на обогащение посредников между производителями и потребителями, на развитие всех средств, содействующих концентрации капитала; и мы видим, что если производитель в начале 60-х годов получал на свою долю 50% продуктов, то в настоящее время его доля... уменьшилась в четыре раза; но кроме того, он экономически связан не с землёй, как до 1861 года, а с кулаком»³⁶. Кулак – в виде банка и купона, железнодорожного и таможенного тарифа, перекупщика и ростовщика – облепил кровососущим роem сельскохозяйственного производителя (помещика и мужика), лишая их всё большей доли дохода от земледелия.

Наиболее уязвимым в этой ситуации оказалось помещичье хозяйство. Ориентированное на производство товарного хлеба, оно всецело зависело от рыночной конъюнктуры, которая, в свою очередь, определялась, во-первых, банковскими или ростовщическими кредитами, во-вторых, железнодорожными тарифами, в-третьих, состоянием цен на мировом рынке, в-четвёртых, денежной политикой государства.

Рассмотрим, как эти четыре фактора сказывались на судьбе помещичьего землевладения в России.

К исходу первого двадцатилетия после реформы 1861 года современники констатировали, что «наши землевладельцы в настоящее время почти исклю-

чительно работают на содержание огромной сети кредита, ими же самими созданной на свои и берлинские капиталы, и что они отдали себя в кабалу, которая под изящными формами оказывается несравненно более жёсткою, чем в большинстве случаев было для крестьян крепостное право". Капиталистическое хозяйство, жаловались помещики, "создало нам обстоятельства, среди которых кредит широко раскинул паутину, где мы, запутавшись, как муха, трепещем и жужжим в ожидании смертельных объятий паука"³⁷. К 1914 году больше половины всех имений (51,6%) было заложено в кредитных учреждениях, а совокупная задолженность частного землевладения достигала цифры в 2 млрд руб. с уплатой ежегодной дани банкам свыше 200 млн руб.³⁸.

Причиной попадания массы помещиков в долговую кабалу служили несколько обстоятельств. Во-первых, легкомыслие многих помещиков, обусловленное непривычкой действовать в условиях рыночных механизмов, непониманием принципов их функционирования. Поэтому соблазн получить крупную сумму на руки под залог именина часто легко брал верх над предусмотрительностью и осторожностью. Во-вторых, существовала объективная необходимость в заимствовании средств для обеспечения производственного процесса: наём рабочей силы, закупки инвентаря, рабочего скота и посевного материала, оплату хранения и транспортировки урожая и пр. Взяв ссуду у банка или ростовщика-кулака, помещик, как правило, мог потом, в лучшем случае, только выплачивать проценты. Любой неурожай (не редкость в России) грозил помещицкому хозяйству крахом.

Ритм жизни традиционного деревенского хозяйства определяется природными циклами, капризами погоды, имеющими вероятностный характер; ритм капиталистического хозяйства не терпит никакой приблизительности, он выверен с математической точностью сроками платежей по векселям и банковским кредитам. И эта несовместимость жизненных ритмов двух типов хозяйства порождает порой драматические коллизии, с исключительной художественной силой изображённые, например, в произведениях Г. И. Успенского. И хотя Успенский писал, прежде всего, о крестьянском хозяйстве, его наблюдения в равной степени применимы и к участи помещика: "Завися от "срока", от "числа" и длинной бумаги, кулачишко должен ставить в ту же зависимость и всё то деревенское, что зависит только "от Бога" и от погоды, от тучи, от дождя, от засухи и т. д. "Строк" взносить в "банку", положим, истекает 15 июля, и кулачишко вылезает из всех кишок вытянуть из должников должное, пунктуально следуя банковской правде, тогда как деревенская правда говорит так же категорически и неопровержимо, что платить долг, когда хлеб в поле и когда ещё ждут дождей, — совершенная нелепость и ерунда, точь-в-точь такая же, как если бы кто потребовал на самом деле, чтобы курочка бычка родила или поросёночек яичко снёс. "Как Божья воля", "как Господь поможет" вступили в борьбу с векселем и "сроком"..."³⁹. Конфликт между "правдой векселя", правдой банка и "правдой земли" точно так же угнетал и помещика, о чём неоднократно писалось на страницах консервативной прессы.

Другим бичом помещицкого хозяйства стали железные дороги. До 1881 года практически все они принадлежали частным компаниям (хотя фактически были построены на государственные средства). Железнодорожные тарифы за провоз грузов каждая компания устанавливала, как ей вздумается, в основном они были непомерно дороги, так как, напомним, государство гарантировало этим компаниям получение прибыли не менее 5%, даже если бы по этим дорогам никто не ездил и ничего не возил. Поэтому гипотетическая прибыль помещиков, главных поставщиков товарного хлеба на внутренний и внешний рынок, оказывалась в карманах у железнодорожников. После выкупа в казну важнейших линий в 1880–1890-х годах положение мало изменилось. В 1889 году была введена государственная монополия на железнодорожные тарифы. Отныне правительственная тарифная политика предоставляла серьёзные скидки, часто ниже себестоимости, на транспортировку промышленных грузов (руды, металла, угля, нефти), а стоимость перевозки сельскохозяйственных продуктов стала дифференцированной — исчислялась обратно пропорционально дальности расстояния. Вот как вспоминал один из хозяев-помещиков о последствиях подобной тарифной политики для доходности именина: "Схема дифференциальных тарифов заключалась в том, что чем расстояние больше, тем стоимость провоза по нём дешевле... При известных условиях

за пуд груза, перевозимого к балтийским и черноморским портам из ближайших мест, взималось дороже, чем из дальнейших. Весь русский населённый центр оказался, таким образом, отодвинутым от рынков сбыта, а ненаселённые окраины — придвинутыми. И отсюда — первый удар по индивидуальному хозяйству. Я был помещиком Рязанской губернии и хозяйничал на землях средней стоимости в 200 руб. десятина. Стоимость рабочих рук и процент на капитал делали мне себестоимость ржи — 80 коп., овса — 1 руб., пшеницы — 1 руб. 20 коп. Мой приятель хозяйничал на Оренбургских степях, купленных от 40 коп. до 3 руб. за десятину и, при машинном труде и огромных запашках, пуд ржи обходился ему в 30 коп., овса — в 50 коп., пшеницы — в 70 коп. И этот груз перевозился к портам дешевле, чем мой. А потому, когда в портах цена на рожь устанавливалась в 60 коп., на овёс — в 80 коп., а на пшеницу — в 1 руб., то он хорошо зарабатывал, а я в лоск разорился. Вот что случилось с земледельческой Россией по введению виттевских дифференциальных тарифов⁴⁰.

Такая тарифная политика правительства, очевидно, была подчинена двум задачам: 1) перекачке средств из сельского хозяйства в промышленно-капиталистический сектор, которому предоставлялись всевозможные льготы; 2) принуждению аграриев к увеличению вывоза сельскохозяйственной продукции и сырья за рубеж и вовлечению в экспортную лихорадку даже самых отдалённых от западных границ империи регионов. Задача всемерного наращивания экспорта хлеба была поставлена ещё при Александре II министром финансов М. Х. Рейтерном, который во всеподданнейшем докладе 1866 года писал: “Увеличенный посредством железных дорог, вывоз за границу представляется... единственно возможным исходом для расстроенного нашего денежного обращения и, следовательно, для кредита государственного и финансов вообще⁴¹”.

Действительно, покрыть все гигантские дефициты в государственном бюджете, в платёжном балансе страны, образовывавшиеся вследствие сознательного насаждения правительством капиталистической системы хозяйства, было немислимо иным способом, нежели наращиванием экспорта сельскохозяйственной продукции, не считаясь ни с возможностями, ни с потребностями населения. Печально знаменитый лозунг министра финансов И. А. Вышнеградского (занимал этот пост в 1887–1892 годах): “Сами недоедим, а вывезем”, — весьма красноречиво выражал суть политики капитализации России (разумеется, недоедать приходилось не Вышнеградскому, сколотившему многомиллионное состояние на железнодорожных аферах в 1870–1880-х годах⁴²).

Если до отмены крепостного права и массового строительства железных дорог на экспорт отправлялось около 1% всего сбора хлебов в России (а всё остальное съедали внутри страны), то в 1875–1879 годах экспорт хлеба составил уже 14,3%, в 1895–1899-х этот показатель вырос до 15,7%. А поскольку чистый сбор зерновых на душу населения в пореформенное время не только не возрос, но и неуклонно снижался, то и среднее потребление пищевых продуктов снижалось ещё быстрее⁴³. “По головам голодавшего русского центра, — вспоминал современник, — неслись к Риге, Либаве, к Одессе поезда с сибирским маслом, яйцами, птицей, мясом, а великоросс, провожая их, только облизывался в заботе — куда и как выпустить курёнка? Русским сахаром откармливала Англия своих свиней, на вывоз сахара в Персию, Турцию, на Балканы давались вывозные премии, а великоросс пил чай вприглядку. В Берлине в дни привоза русского мороженого мяса и птицы немцы обжирались ими до отвала; а великоросс ел мясо лишь по двенадцатым праздникам...⁴⁴”.

Точно так же, как мимо голодных великороссов пролетали на Запад поезда с хлебом, благодаря железнодорожной тарифной политике правительства⁴⁵ “пролетали” на всех парах мимо прибыли и даже простой рентабельности помещики-землевладельцы Центральной России. Н. Ф. Даниельсон справедливо назвал железные дороги “дренажными трубами, уносящими из государственного организма пищу и почву⁴⁶”, высасывающими из него хлеб, жизненную силу настоящих и будущих поколений.

Подобная картина, в общем, не представляла ничего специфически российского: так же орудовал капитал и во всех других странах. Например, в романе Джека Лондона “Железная пята” есть эпизод, где один средней руки бизнесмен жалуется революционеру-марксисту Эрнесту Эвергарду: “Желез-

нодорожная компания знает мои дела лучше, чем я сам. От неё ничего не укроется: ни мои эксплуатационные расходы, ни условия контрактов... у них теснейшая связь с моими контрагентами. Посудите сами: едва только мне удаётся получить большой заказ на выгодных условиях, как Железнодорожная компания непременно повышает тарифы на мой груз; они не входят ни в какие объяснения, а просто слизывают у меня всю прибыль⁴⁷. В ответ Эрнест объясняет ему, что крупный капитал, тресты рано или поздно разорят всех мелких и средних самостоятельных хозяев и превратят их или в своих наёмных рабов, или в вечных данников, у которых “слизывают всю прибыль”. Поэтому единственно разумный выбор таких хозяев состоит в присоединении к пролетариату в борьбе против капитализма. Перед примерно таким же выбором в России в конце XIX – начале XX века стояли и многие дворяне-землевладельцы, разоряемые банками и железнодорожными компаниями.

Ещё одним жестоким кровопусканием обернулся для русских помещиков мировой аграрный кризис 1870–1890-х годов, когда цены на зерно на мировых рынках упали в 2 раза. Причиной кризиса явилась “транспортная революция” – ажиотажное строительство железных дорог, которые позволили резко нарастить экспорт хлеба из России. Если за пятилетку 1860–1864 годов из России вывозилось в среднем около 9 тысяч четвертей хлеба, то в 1893–1897 годах – 523 тысячи четвертей, или в 58 (!) раз больше⁴⁸. С другой стороны, развитие трансокеанского пароходного сообщения привело к массовому ввозу зерна и муки в Европу из США, Аргентины, Австралии и Канады, что и повлекло обрушение цен. Русским же аграриям пришлось ещё туже затянуть пояса. Известный народнический экономист В. П. Воронцов, анализируя первые признаки изменения мировой аграрной конъюнктуры вследствие зерновой интервенции США, ещё в 1880 году предсказывал: “Помещичьи хозяйства давно уже переживают кризис, который они вынести не в силах и который ведёт их к гибели. Погибель эта ускорится тем направлением, какое принимает международная хлебная торговля; нашему вывозу зерна, как видно, предстоит близкий капут, такой же последует и помещичьему хозяйству⁴⁹”.

И, наконец, заключительным, нокаутирующим ударом явилось для класса помещиков введение в России в 1897 году стараниями министра финансов С. Ю. Витте денежной системы золотого монометаллизма. Убийственные последствия золотого стандарта для поземельного дворянства доходчиво объяснял в своей всеподданнейшей записке Николаю II (16 ноября 1898) Сергей Фёдорович Шарапов (1849–1911), один из наиболее ярких дворянских идеологов и заклятых врагов экономической системы Витте: “Ошибка денежной реформы заключалась в признании золота единственным устойчивым металлом и в принятии золотой валюты в основание нашей денежной системы... До 1893 года Россия имела две валюты: золотую, на которую были исчислены её международные обязательства и в которой взимались таможенные пошлины, и обесцененную бумажную, на которую совершались все внутренние сделки и расчёты. Уровень этой валюты был гарантирован законом о чеканке серебра для носителей на основании нашей старой монетной единицы – серебряного рубля в 4 зол[отника] 21 долю чистого металла. Пока действовал этот закон, кредитный рубль не мог подняться выше своего металлического основания и все внутренние цены не могли упасть ниже серебряных цен. Только это обстоятельство и защищало русское земледелие от кризиса, охватившего Европу и Америку начиная с 1873 года, то есть с года демонетизации серебра Германией (там был введён золотой стандарт. – И. Д.). Русские продукты вывоза ценились дёшево на международном рынке в золоте, но выручаемая за них плата в серебре была для русских хозяев вполне достаточна. А так как наши бумажные деньги стояли ниже своего серебряного паритета, то наше земледелие имело ещё и премию даже против серебряных стран⁵⁰”.

Таким образом, политика золотого стандарта и “сильного рубля” (при слабой, преимущественно сырьевой экономике России) стала “египетской казнью” для экспортёров-аграрников. Если раньше они ещё как-то проскакивали в зазор между твёрдой международной золотой валютой и местной девальвированной, то отныне мышеловка захлопнулась, и последние доходы русских помещиков “слизнули” интернациональные держатели золотых активов (банки Ротшильдов и пр.).

Нет ничего удивительного в том, что в течение всего пореформенного времени, вплоть до революции 1917 года, наблюдалось повсеместное “оску-

дение”, а потом разорение поместного дворянства и исход его из деревни. Из 87 млн десятин, полученных помещиками при разделе реформы 1861 года, к 1914 году у них осталось только 41 млн десятин (или 47%). Среди частных собственников земли дворяне к 1914 году составляли уже меньше половины, да и само сословие перестало быть преимущественно поземельным (если в 1862 году дворян, владевших имениями, насчитывалось более 80%, то в 1912 году таких было только 36–37%)⁵¹. Утрата веками насиженных родовых гнёзд и переход их в руки новых “хозяев жизни” – капиталистов, промышленников и предпринимателей – крайне болезненно переживались членами благородного сословия. Многие из тех идеологов дворянского консерватизма, которые наиболее решительно выступали с критикой капитализма, сами пережили трагедию вынужденной продажи родового имения. Так, Константин Николаевич Леонтьев (1831–1891), несмотря на героические усилия, так и не смог расплатиться с ипотечным банком за кредит и должен был в 1882 году продать любимое родительское имение Кудиново разбогатевшему крестьянину, который первым делом разобрал прежний барский дом и продал его “на своз”⁵². Это событие навсегда осталось для Леонтьева незаживающей раной на сердце. В 1870 году была продана знаменитая усадьба Абрамцево, принадлежавшая семейству Аксаковых, старинному дворянскому роду, олицетворявшему собой все традиционные устои патриархального помещичьего быта и непродажной дворянской чести. Из семейства Аксаковых неслучайно вышли крупнейшие представители славянофильства – первой антикапиталистической идеологии в России. Покупателем Абрамцева стал Савва Иванович Мамонтов (1841–1918), тоже знаковая фигура, но уже для новой, буржуазной эпохи в истории страны. Крупный железнодорожный воротила, заводчик и, как было обычно в те времена, аферист, Мамонтов, в конце концов, запутался в разных полузаконных и совсем незаконных махинациях и почти дочиста прогорел (вследствие биржевого краха 1899 года), но хотя бы оказался достаточно культурен, чтобы сохранить нетронутым дом Аксаковых.

Вытеснение дворянской элиты с господствующих экономических и политических позиций в стране, а потом и из собственных жилищ не было стихийным процессом, но явилось следствием целенаправленной политики капитализации России, проводимой С. Ю. Витте. Один из умных и наблюдательных бюрократов начала XX века В. И. Гурко вспоминал: “Витте был сыном своего века – горячим поклонником капиталистического строя и капитализма вообще”, “но этот капитализм, или, вернее, его возрастание он видел в торговле, в промышленности обрабатывающей и добывающей, но отнюдь не в сельском хозяйстве”. Вследствие этого Витте “не любил и даже презирал” дворян-помещиков “именно за их бедность, за неумение (обусловленное, однако, обстоятельствами, находящимися вне их влияния) наживать богатство, накапливать капиталы”. Зато “дельцов финансового мира, зарабатывающих миллионы, промышленников, удваивающих в несколько лет своё состояние, он уважал и к их ходам относился с предупредительностью”⁵³.

По-видимому, у Витте была горячая убежденность, сродни религиозной, в безальтернативности капиталистического пути для России, невозможности иного способа индустриализации и модернизации, приобщения России к передовым достижениям буржуазной цивилизации Запада. В ноябре 1897 года на одном из заседаний Совещения по делам дворянства Витте выступил с программной речью, наиболее откровенно выразившей его видение будущего России, в котором уже не было места помещичьему дворянству: “В настоящее время, – говорил Витте, – богатство даётся не землёю, а банковским делом, промышленностью, обрабатывающим производством и т. п. Народились новые богачи, и дворянство оскудело, не потому что оно утратило привилегии, а оттого что по сравнению с классом промышленным значение его утратилось, что оно не выдержало конкуренции. Крупные промышленные богатства Запада затмили дворянство”. С наступлением эры капитализма судьба поземельной аристократии предрешена. “В России теперь происходит то же, что случилось в своё время на Западе: она переходит к капиталистическому строю. . . Россия должна перейти на него. Это мировой непреложный закон”. Поэтому, был уверен Витте, “от землевладения первенствующее значение перейдёт сначала к промышленности, после – к торговле, к банковскому делу и, наконец, к так называемой *haute banque* (сверхбанку, транснациональной финансовой олигархии. – И. Д.)”. Неодолимая мощь этой финансо-

вой олигархии свернёт шею дворянству и, предсказывал Витте, “не пройдёт 50 лет, как выступит у нас на первый план другой богатый класс, подобный тому, который вершит судьбы Франции, — буржуазия. А дворянство окончательно оскудеет”⁵⁴.

Однако процесс замещения дворянства буржуазией в качестве класса-гегемона пошёл в России значительно быстрее, чем даже предполагал Витте. Согласно статистическим подсчётам за 1909–1910 годов, из совокупного дохода российских подданных, получавших ежегодный чистый доход свыше 1000 рублей, на долю землевладельцев приходилось всего 15,6%. Буржуазные же элементы (владельцы торгово-промышленных предприятий, собственники городских недвижимых имуществ, владельцы денежных капиталов, а также высокооплачиваемые представители “свободных” профессий — артисты, профессора, адвокаты и пр.) получали 84,2% этих доходов⁵⁵.

Столь же неотвратимо, как и в имущественной иерархии, поместное дворянство теряло свои господствующие позиции в государственном аппарате и армии. За период с 1853-го по 1917 год количество землевладельцев сократилось среди членов Государственного совета с 92,7% до 48,2%; среди министров и главноруководящих — с 94,4% до 33,3%; среди товарищей министров, начальников главных управлений и директоров департаментов — с 63,6% до 24,8%; среди сенаторов — с 72,7% до 35,5%⁵⁶. В общей численности чиновничества процент помещиков на 1897 год составлял всего 16%⁵⁷. В армии же по состоянию на 1903 год 80,8% генералитета не владело никакой земельной собственностью⁵⁸.

Громкие титулы и аристократические фамилии тоже не должны вводить в заблуждение. В конце XIX — начале XX веков многие богатые латифундисты из числа титулованной знати уже превратились во владельцев “заводов, газет, пароходов”, в крупных акционеров коммерческих банков, кровно связанных своими деловыми интересами с отечественным и интернациональным капиталом. Так, например, семейство графов Строгановых являлось в конце XIX века держателем крупного пакета акций самого большого в России акционерного Петербургского Международного коммерческого банка (ПМКБ), главой которого был прусско-подданный Адольф (Арон) Ротштейн. ПМКБ поддерживал тесные отношения с финансовой империей Ротшильдов, банкирскими домами Мендельсона, Блейхрөдера, 30% акций банка принадлежало германским капиталистам. Ротштейн и его банк были доверенными контрагентами С. Ю. Витте по привлечению иностранных инвестиций в развитие русской промышленности, по размещению русских железнодорожных займов на европейских финансовых рынках и проведению других транзакций, которые в совокупности превращали ПМКБ в один из важнейших элементов гигантской “дренажной системы”, выкачивавшей из России миллиарды золотых рублей⁵⁹. Во все эти операции оказались вовлечены и представители русской титулованной знати, а, как сказал Спаситель, “где сокровище ваше, там будет и сердце ваше” (Мф. 6, 21).

В руководстве учреждённого в 1911 году Русско-Английского банка подбралась наиболее “звёздная” компания, символизировавшая единство аристократов и плутократов. В правлении банка вместе заседали правнук императрицы Екатерины II граф А. А. Бобринский (сенатор, председатель Совета объединённых дворянских обществ и член Государственного совета); князь А. Д. Голицын; князь Н. П. Урусов (бывший полтавский губернатор, екатеринославский губернский предводитель дворянства, член Государственного совета); князь Н. Б. Щербатов (бывший полтавский губернский предводитель дворянства), а также известный грюндер из евреев, миллионер-сахарозаводчик М. А. Варшавский; еврей, присяжный поверенный Г. Г. Шклявер и несколько английских и французских финансовых дельцов⁶⁰. Многочисленные факты такого рода отражают процесс буржуазного перерождения элиты русского дворянства, сопровождавшийся соответствующим переворотом в мировидении и самосознании.

А с другой стороны, состав русского “благородного” сословия стали пополнять “иерусалимские дворяне”. Друг Витте, “пруссак по рождению и еврей по национальности”, Ротштейн был награждён орденом Святого Владимира 4-й степени, дававшим право на потомственное дворянство. Ротштейн обратился в дворянское собрание Смоленской губернии, где у него были большие земельные владения, с прошением вписать его имя в золотую книгу смоленско-

го дворянства. Губернское дворянское собрание с возмущением отвергло притязания иудея, однако по указу Сената, утверждённому царём, смоленскому дворянству было предписано всё же удовлетворить прошение банкира⁶¹. Целая грибница потомков и родственников гешефтмахера Самуила Соломоновича Полякова подобным же образом сумела пролезть в состав дворянства Орловской губернии⁶².

Князь Михаил Михайлович Щербатов ещё в конце XVIII века подмечал признаки “оподления” благородного сословия вследствие проникновения в его ряды буржуазных элементов и нравов: “Они в сословие дворянское принесли ту подлость, то пронырство, то корыстолюбие, с коим родились, в коём воспитаны, в коём упражнялись и коим до чинов офицерских забвением нравственных должностей добивались; да и самое старое дворянство сим заразили”⁶³. На рубеже XIX–XX веков эта прискорбная тенденция скачкообразно усилилась. “Его Величество Капитал” приобрел себе в России всё больше верноподданных. Военный министр А. Н. Куропаткин имел все основания жаловаться во всеподданнейшем докладе Николаю II в марте 1900 года, что, благодаря политике С. Ю. Витте, скоро возникнет настоятельная необходимость менять вековую военную доктрину России, вооружённым силам которой отныне “придётся сражаться не за Веру, Царя и Отечество, а в значительной степени за интересы крупных промышленных королей: сахарных, ситцевых, железнодорожных, мануфактурных и пр.”⁶⁴.

Буржуазно-либеральная партийная пресса после революции 1905–1907 годов всё решительнее призывала окончательно устранить дворянство с общественно-политической арены: “Дворянину и буржуа нельзя уже стало вместе оставаться на плечах народа: одному из них приходится уходить”. Поэтому одной из главных задач “всех прогрессивных групп русского общества” является борьба с “аграриями и аграрной идеологией”⁶⁵.

Действительно, в пореформенной России, начиная с 1861 года, чем дальше, тем всё меньше оставалось почвы (в прямом и переносном смысле) под ногами у помещного дворянства. Методично выгрызавший эту почву международный Капитал ребром ставил перед русским дворянством гамлетовский вопрос: быть или не быть? И закономерно, что именно в среде консервативного дворянства вызрела мощная антикапиталистическая идеология, возникли яркие антибуржуазные мыслители, пытавшиеся дать самобытный русский ответ на смертельный вызов западного капитализма.

(Продолжение следует)

¹ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. 9. СПб, 1895. С. 306–308.

² Ляшенко Л. М. Царь-освободитель. Жизнь и деяния Александра II. М., 1994. С. 59.

³ Тургенев Н. И. Россия и русские. М., 2001. С. 261–262.

⁴ Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Т. 2. СПб, 1888. С. 468–469.

⁵ Конец крепостничества в России (документы, письма, мемуары, статьи). М., 1994. С. 86.

⁶ Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России 1856–1861. М., 1984. С. 153.

⁷ Записки А. И. Кошелева (1812–1883 годы). М., 2002. С. 83–84.

⁸ Аксаков К. С. Замечания на новое административное устройство крестьян в России. Лейпциг, 1861. С. 62.

⁹ См.: Дудзинская Е. А. Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983. С. 135–150.

¹⁰ А. И. Герцен – И. С. Аксакову, 31 января 1860. // Герцен А. И. Сочинения. Т. 9. М., 1958. С. 458.

¹¹ См.: Беккер Сеймур. Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М., 2004. С. 47.

¹² Согласно другим подсчётам, помещики получили от выкупной операции 525 млн руб. (см.: Беккер Сеймур. Указ. соч. С. 72). Но это не отменяет того факта, что из 2 млрд руб. крестьянского выкупа львиная доля досталась отнюдь не помещикам, а через государственный бюджет была потрачена на создание ка-

- питалистической инфраструктуры, прежде всего, кредитно-финансовой и транспортной.
- ¹³ Князь Борис Васильчиков. Воспоминания. М., 2003. С. 111–112.
- ¹⁴ См.: Лаверычев В. Я. Крупная буржуазия в пореформенной России (1861–1900). М., 1974. С. 55–56.
- ¹⁵ Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы. 1848–1896. Л., 1929. С. 306–314; Записки А. И. Кошелева (1812–1883 годы). С. 129–130; Милютин Д. А. Воспоминания. 1868–1873. М., 2006. С. 164–165.
- ¹⁶ В 1875 году на Одесской железной дороге при крушении поезда погибло 200 солдат-новобранцев. Свыше 200 человек унесла катастрофа около станции Кукуево в 1882 году. В 1888 году при крушении царского поезда у станции Борки едва не погибла вся семья Александра III.
- ¹⁷ Чичерин Б. Н. Воспоминания. Земство и Московская дума. М., 1934. С. 89.
- ¹⁸ См.: Скальковский К. А. Наши государственные и общественные деятели. СПб, 1890. С. 266. С. С. Поляков имел чин тайного советника (“ваше превосходительство”), хотя ни дня не служил на государственной службе.
- ¹⁹ Цит. по: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 24. Л., 1982. С. 489 (Примечания).
- ²⁰ Сорос Джордж. Советская система: на пути к открытому обществу. М., 1991. С. 90–92.
- ²¹ Характеристику М. Х. Рейтерна см.: Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981. С. 72.
- ²² См. подробнее: Погребинский А. П. Строительство железных дорог в пореформенной России и финансовая политика царизма (60–90-е годы XIX в.) // Исторические записки. Т. 47. М., 1954. С. 151.
- ²³ К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967. С. 123.
- ²⁴ Статистические данные приведены по кн.: Русский рубль. Два века истории. XIX–XX вв. М., 1994. С. 74, 78, 85, 92, 103.
- ²⁵ Цифровые данные приведены по кн.: Соловьёва А. М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975. С. 117, 290, 294–295.
- ²⁶ К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. С. 379–381.
- ²⁷ Аксаков К. С. О современном человеке // Эстетика и литературная критика. М., 1995. С. 418–419.
- ²⁸ См. его очерки “Письма с дороги” (1886) // Успенский Г. И. Собрание сочинений. Т. 7. М., 1957.
- ²⁹ Соловьёва А. М. Указ. соч. С. 123–124, 135.
- ³⁰ Соловьёва А. М. Промышленная революция в России в XIX в. М., 1990. С. 192.
- ³¹ См.: Яковлев А. Ф. Экономические кризисы в России. М., 1955. С. 240–242.
- ³² См.: Русский рубль. Два века истории. XIX–XX вв. С. 155, 162–163; Хромов П. А. Экономическое развитие России в XIX–XX веках. 1800–1917. М., 1950. С. 375.
- ³³ Секретный доклад С. Ю. Витте Николаю II о принципах последовательной торгово-промышленной политики России (февраль 1899 г.) // Судьбы России. СПб, 2007. С. 347–348.
- ³⁴ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1918. С. 130–131.
- ³⁵ Согласно признанию самого С. Ю. Витте (см.: Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 501).
- ³⁶ К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. С. 387.
- ³⁷ Задолженность частного землевладения // Отечественные записки. 1880. № 2. С. 160.
- ³⁸ См.: Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX века). М., 1969. С. 319–321.
- ³⁹ Успенский Г. И. Собрание сочинений. Т. 5. М., 1956. С. 448.
- ⁴⁰ Колышко И. И. Великий распад: Воспоминания. СПб, 2009. С. 116.
- ⁴¹ Секретная записка М. Х. Рейтерна Александру II “О мерах по улучшению финансового и экономического положения государства” от 16 сентября 1866 г. // Судьбы России. С. 165.
- ⁴² И. А. Вышнеградский (1831–1895) начинал карьеру как профессор математики и талантливый изобретатель, успешно внедрявший инновационные технологии в промышленное производство, в том числе военное. В 1875 году он был назна-

чен директором петербургского Технологического института. Но страсть к стяжательству увлекла его в сферу железнодорожного предпринимательства. Став подручным одного из крупнейших железнодорожных королей той эпохи варшавского банкира И. С. Блюха, Вышнеградский занял руководящие места в правлении нескольких железнодорожных акционерных компаний, быстро обогатился. Но ещё успешнее пошли дела у Вышнеградского, когда он оказался во главе финансового ведомства, за 5 лет плодотворной деятельности на этом посту личное состояние министра выросло с 2 до 25 млн руб. “Казна на то и создана, чтобы воровать у ней”, – наставительно говорил он своим подчинённым (см.: Степанов В. Л. Иван Алексеевич Вышнеградский // Отечественная история. 1993. № 4. С. 99–115).

⁴³ См.: Егiazарова Н. А. Аграрный кризис в России конца XIX века в России. М., 1959. С. 56, 178–179.

⁴⁴ Колышко И. И. Указ. соч. С. 117.

⁴⁵ Такое положение сложилось вследствие установления правительством в 1896 году так называемого “Челябинского перелома”, то есть фактически запретительных пошлин на провоз сельскохозяйственной продукции из Зауралья и Сибири в центральные губернии России. Зато в экспортные порты доставлять сибирские грузы можно было по самым льготным и выгодным тарифам.

⁴⁶ Даниельсон Н. Ф. – Марксу, 5 февраля 1879 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. С. 370.

⁴⁷ Лондон Джек. Железная пята // Он же. Сочинения. Т. 5. М., 1955. С. 95.

⁴⁸ Егiazарова Н. А. Указ. соч. С. 180–181.

⁴⁹ Воронцов В. П. Судьбы капитализма в России // Он же. Экономика и капитализм. М., 2008. С. 216.

⁵⁰ “Перед нами неизбежное государственное банкротство”. Записка С. Ф. Шарпова о финансовом кризисе в России // Источник. 1996. № 5. С. 9.

⁵¹ См.: Беккер Сеймур. Указ. соч. С. 46–47.

⁵² См.: Пророки византизма: Переписка К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова (1875–1891). СПб, 2012. С. 198.

⁵³ Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 57–59.

⁵⁴ Цит. по: Соловьёв Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973. С. 291–293.

⁵⁵ Статистические данные приведены по кн.: Дубровский С. М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975. С. 128–129.

⁵⁶ Дубенцов Б. Б., Куликов С. В. Социальная эволюция высшей царской бюрократии во второй половине XIX – начале XX в. (Итоги и аспекты изучения) // Проблемы социально-экономической политической истории России XIX–XX века. СПб, 1999. С. 74–80.

⁵⁷ См.: Миронов Б. Н. Социальная история России (XVIII – начало XX вв.). Т. 2. СПб, 2003. С. 200.

⁵⁸ См.: Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. 1881–1903. М., 1973. С. 208.

⁵⁹ См.: Лебедев С. К. С.-Петербургский Международный коммерческий банк во второй половине XIX века: европейские и русские связи. М., 2003. С. 33–59, 69–91.

⁶⁰ Боханов А. Н. Крупная буржуазия России (конец XIX в. – 1914 г.). М., 1992. С. 174.

⁶¹ См.: Дьяконова И. А. Из конфиденциальной переписки А. Ю. Ротштейна // Исторические записки. Т. 115. М., 1987. С. 222.

⁶² См.: Объединённое дворянство: Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. Т. 2. Кн. 2. 1911–1912. М., 2001. С. 114.

⁶³ Цит. по: Федосов И. А. Из истории русской общественной мысли XVIII столетия. М. М. Щербатов. М., 1967. С. 79–80.

⁶⁴ Цит. по: Ананьич Б. В. Россия и международный капитал. 1897–1914. Л., 1970. С. 26.

⁶⁵ Цит. по: Шелохаев В. В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907–1914. М., 1991. С. 39.

Известная российская писательница Лариса Николаевна Васильева, дочь одного из создателей легендарного танка Т-34 Николая Кучеренко и основательница “Музея истории танка Т-34” в подмосковном городе Лобня, в соавторстве с ведущим специалистом по истории отечественного танкостроения Игорем Желтовым к 70-летию грандиозного танкового сражения под Прохоровкой на Курской дуге написали и издали в Белгороде, в издательстве “Константа” двухтомник “В прицеле Прохоровка”. Книга эта вызывает самый пристальный интерес историков и всех читателей, кто неравнодушен к теме нашей Победы на “Огненной дуге”. Большое достоинство этого труда — в подробной документальности описываемых событий, большом фактическом материале по истории нашей военной техники, собранном авторами. К 70-летию славной победы советского народа в великом сражении под Курском и Белгородом, определившем во многом исход всей Второй мировой войны, мы публикуем главу из этой книги, посвящённую описанию советского и немецкого танкового потенциала.

ЛАРИСА ВАСИЛЬЕВА, ИГОРЬ ЖЕЛТОВ

ПРОТИВОСТОЯНИЕ БРОНИ И СНАРЯДА

Готовясь к операции “Цитадель”, немецкое верховное командование во главе с Гитлером основную ставку делало на новейшие образцы бронетанкового вооружения.

После вероломного нападения на СССР вооруженные силы Германии уже в июне 1941 года были ошеломлены появлением на полях сражений новых советских танков Т-34. “Эти танки, — отмечал член комиссии, изучавшей “тридцатьчетвёрку” под Москвой в ноябре 1941 года, немецкий инженер фирмы MAN Вернер Освальд, — явно превосходили немецкие танки своей прекрасно удавшейся формой, толстой бронёй, отличной пушкой и своим надёжным техническим исполнением. Русские не только сконструировали и разработали этот Т-34 в условиях образцовой секретности, но и сумели изготовить машины в довольно большом количестве! И то же самое касается их великолепной противотанковой 76,2-мм пушки, по сравнению с которой наша противотанковая 37-мм пушка была просто детской игрушкой. Полностью провалилась тогда германская агентурная сеть, и просто невиданным образом германское руководство недооценило русских!”

Перед немецкой промышленностью была поставлена задача: в кратчайшие сроки создать танки, превосходящие советские, в первую очередь, по вооружению и броневой защите. К весне 1942 года фирмами “Порше” и “Хеншель” были изготовлены опытные образцы нового тяжёлого танка, получившего наименование “тигр” (Т-VI). По результатам испытаний, проведённых в мае 1942 года, фирма “Хеншель” получила заказ на серийное изготовление танка. В конце августа 1942 года 4 танка прибыли на станцию Мга под Ленинградом, где эпизодически участвовали в боевых действиях. В середине января 1943 года при прорыве блокады Ленинграда в районе Рабочего посёлка № 5 войсками Волховского фронта был захвачен немецкий тяжёлый

танк “тигр” (Т-VI). Танк, имевший заводской номер 250004, и находившаяся в нём техническая документация были тщательно изучены.

Для борьбы с новейшим немецким танком был предпринят целый комплекс мер. В целях усиления противотанковой обороны на заседании ГКО 15 апреля 1943 года было принято постановление № 3187сс. Согласно постановлению, в апреле 1943 года Народному комиссариату вооружения поручалось изготовить 250 штук 45-мм противотанковых пушек “М-42” вместо 45-мм противотанковых пушек образца 1937 года. В мае число выпускаемых модернизированных противотанковых пушек должно было составить 300 единиц, в июне – 400, июле – 600.

Одновременно с развёртыванием производства модернизированной “сорокопятки” постановлением ГКО предусматривалась организация производства на заводе № 92 противотанковых пушек ЗИС-2 и танковых пушек ЗИС-4 калибра 57 мм. Эти пушки конструкции В. Г. Грабина были разработаны ещё до начала войны, но серийно не выпускались ввиду отсутствия в первом периоде войны у противника тяжёлых танков, для борьбы с которыми они и создавались. В апреле завод должен был изготовить 50 пушек данного калибра, в мае – 150, в июне – 250, июле – 350.

Согласно данному постановлению, Народный комиссариат боеприпасов был обязан поставить на производство 57- и 76-мм бронебойные подкалиберные снаряды. Для 57-мм пушек ЗИС-2 и ЗИС-4 в мае требовалось выпустить 3000 штук, в июне – 10 000, в июле – 10 000. Для 76-мм дивизионной пушки ЗИС-3 программа выпуска была значительно больше: в мае – 15 000, в июне – 30 000 и июле – 35 000 артиллерийских выстрелов.

Проверку стойкости брони тяжёлого танка “тигр” и определение дистанции действительного огня по нему из различных артиллерийских систем было решено провести на Научно-испытательном бронетанковом (НИБТ) полигоне. На полигоне предстояло провести стрельбу из 88-мм пушки танка Т-VI по броневым корпусам танков Т-34 и КВ-1.

С 25 по 30 апреля 1943 года на НИБТ полигоне были проведены испытания обстрелом захваченного под Ленинградом “тигра”. В испытаниях участвовали практически все средства, которые можно было использовать для борьбы с новым танком противника. В заключении по результатам испытаний было отмечено: “Средствами борьбы с немецким тяжёлым танком Т-VI являются:

1) По лобовой части – зенитная 85-мм пушка на дистанциях до 1000 метров;

2) по бортам, корме, башне – зенитная 85-мм пушка на дистанциях до 1500 метров, противотанковая и танковая пушка ЗИС-2, английские 57-мм противотанковая и танковая пушки на дистанциях до 1000 метров, американская 75-мм танковая пушка М-3 на дистанциях до 650 метров, противотанковая 45-мм пушка образца 1942 года на дистанциях до 350 метров;

3) по крыше – противотанковая граната направленного действия КБ-30, авиационная 37-мм пушка;

4) по ходовой части – бронебойные и осколочно-фугасные снаряды всех пушек калибра 57 мм и выше на дистанциях 1000–1500 метров, противогусеничная мина ТМД-Б”.

Данные результаты 4 мая 1943 года член Военного совета бронетанковых и механизированных войск генерал-лейтенант танковых войск Красной Армии Бирюков и генерал-лейтенант танковых войск Коробков направили Народному Комиссару Обороны Маршалу Советского Союза И. В. Сталину. Кроме того, в докладе были изложены и результаты стрельбы из немецкой 88-мм пушки по броневым корпусам и башням танков Т-34 и КВ-1: “Установленная на танке Т-VI 88-мм танковая пушка пробивает бронебойным снарядом лобовую броню наших танков с дистанции 1500 метров”.

Для обеспечения танковых и механизированных соединений средствами борьбы с тяжёлыми танками Т-VI Бирюков и Коробков обратились к Верховному Главнокомандующему с просьбой: “Обязать Наркомтанкопром (т. Зальцмана) устанавливать на танках Т-34 пушки 57-мм калибра (ЗИС-4) из расчёта 2-3 танка с пушкой 57-мм на каждые десять танков. Одновременно обязать Наркомат боеприпасов и ГАУ КА в кратчайший срок наладить производство 57-мм снарядов осколочно-фугасного действия... Изготовить до 1-го июня с/г на основе СУ-152 образец самоходной установки, вооружённой 122-мм пушкой образца 1931 г<ода>, и в дальнейшем выпускать такие самоходные установки наравне с СУ-152. Дать задание тов. Грабину срочно изгото-

товить для танка “ИС” образец мощной танковой пушки калибра 100 мм, способной пробивать броню 120–130 мм с дистанции 2000 метров... Установить 85-мм пушку на танке “ИС”.

На следующий день, 5 мая 1943 года, было принято Постановление ГКО № 3289сс “Об усилении артиллерийского вооружения танков и самоходных установок”. На основании данного постановления на заводах НКТП были развёрнуты работы по установке 85-мм пушек в тяжёлые танки ИС и KB-1с, а также созданию САУ СУ-85 на базе САУ СУ-122. В связи с тем, что в кратчайшие сроки выполнить объём работ, предусмотренных данным постановлением, практически было очень сложно, в качестве временной меры было решено в состав танкового и механизированного корпуса ввести отдельный истребительно-противотанковый артиллерийский дивизион. 18 мая 1943 года было принято Постановление ГКО № 3392сс “О формировании тридцати отдельных истребительных противотанковых артиллерийских дивизионов для танковых и механизированных корпусов”. Постановлением предусматривалось изготовить к 5 июня на заводах НКТП 120 броневых щитов к 85-мм зенитным пушкам, предназначенным для формирующихся истребительных противотанковых артиллерийских дивизионов. До принятия на вооружение САУ СУ-85 эти зенитные пушки являлись эффективным средством борьбы с тяжёлыми танками противника, особенно во время битвы под Курском.

Всего к началу проведения операции “Цитадель” немецкому командованию для групп армий “Центр” и “Юг” удалось сосредоточить 147 тяжёлых танков “тигр”. Группа армий “Юг” к началу операции дополнительно была усилена ещё двумя сотнями новейших тяжёлых танков “пантера”. Этот танк, так же как и танк “тигр”, являлся ответом на советский танк Т-34. Но в отличие от “тигра”, боевая масса которого достигала 56 тонн, масса “пантеры” не превышала 45 тонн. При проектировании “пантеры” максимально использовались геометрические формы корпуса и башни танка Т-34. Первые два опытных образца танка были изготовлены осенью 1942 года. Одновременно с испытаниями опытных образцов четыре машиностроительные фирмы (MAN, Daimler-Benz, MNH, Henschel) подготавливали оборудование для серийного выпуска нового тяжёлого танка на своих заводах. В общей сложности они должны были к 1 мая 1943 года произвести 262 боевые машины. Однако из-за высокой сложности технологического процесса и необходимости устранения в ходе производства значительного числа конструктивных недостатков к указанному сроку все фирмы смогли изготовить только 174 танка “пантера”.

3 мая 1943 года в Мюнхене на совещании, посвящённом предстоящей операции “Цитадель”, генерал-инспектор бронетанковых войск Г. Гудериан указал, что “. . . у танка “пантера”, на который начальник генерального штаба сухопутных войск возлагал большие надежды, обнаружено много недостатков, свойственных каждой новой конструкции, и что трудно надеяться на их устранение до начала наступления”. Озабоченность “отца” танковых войск Германии по поводу “детских болезней” новой машины была “услышана” рейхсминистром вооружения и боеприпасов А. Шпеером. Он на совещании заверил Гитлера в том, что к началу летней кампании “болезни роста” будут устранены и новые танки в требуемом количестве будут готовы. Однако спланированная Шпеером на май 1943 года программа по выпуску 250 танков “пантера” так и не была выполнена. В мае четырём фирмам удалось собрать 194 танка. В июне производство сократилось до 132 машин. В вышедшем в Германии в 1957 году справочнике “Танки. 1943–1957” Ф. Зенгер-унд-Эттерлин так оценил “пантеру”: “Танк V обладал удачной формой броневой защиты, удовлетворительной подвижностью и высокой огневой мощью благодаря длинноствольной пушке с большой начальной скоростью снаряда”. Действительно, 75-мм пушка “пантеры” обеспечивала бронебойному снаряду массой 4,68 кг начальную скорость в 1000 м/с. Такие высокие баллистические параметры позволяли надёжно поражать лобовые детали корпуса и башни танка Т-34, начиная с дистанции 800 м. Пробить 76-мм бронебойным снарядом лобовую броню “пантеры” нашей “тридцатьчетверке” не удавалось даже с дистанции 200 м. Однако вследствие резкой дифференциации толщин броневых плит (лобовые листы корпуса имели толщину 85 мм, а бортовые – 45 мм) советские танкисты, атакуя “пантеры” с флангов, уверенно поражали танки врага начиная с дистанции 1300 м. Учитывая такую особенность новой тяжёлой машины, Гудериан рекомендовал: “При атаке “пантер” особое внимание уделять прикрытию их флангов. Эту задачу следует решать привлечением других ро-

дов войск, участвующих в бою... “Пантеры” должны стараться действовать так, чтобы под огонь противника попадала только их лобовая часть, неуязвимая для снарядов”.

Тяжёлым танкам “тигр” и “пантера” в операции “Цитадель” предстояло сыграть роль стальных таранов для пробивания брешей в советской обороне, обеспечивая тем самым быстрый выход мобильным соединениям на оперативный простор.

Для развития тактического успеха в большей степени подходили средние танки. Для стремительного окружения советских войск в районе Курского выступа немцы привлекли 919 танков Т-III и 949 танков Т-IV различных модификаций. Основным оружием большинства танков Т-III была 50-мм пушка (KwK38 L/42 или KwK39 L/60), и только 172 танка были оснащены 75-мм короткоствольными орудиями (KwK37 L/24). Орудиями данного типа были оснащены и 54 танка Т-IV. Все остальные танки Т-IV в качестве основного оружия имели 75-мм длинноствольную танковую пушку (KwK40 L/48). Эта пушка была самой мощной из устанавливавшихся на немецких танках среднего класса. На дистанциях 700 и менее метров бронебойный снаряд, выпущенный из этой пушки, пробивал лобовую броню танка Т-34. Поскольку броневая защита германских танков Т-III и Т-IV уступала броневой защите советского танка, то 76-мм длинноствольная пушка (Ф-34) обеспечивала пробивание лобовых частей обоих танков на дистанции свыше километра.

Средний немецкий танк Т-IVG имел следующие характеристики: боевая масса – 23,5 т; экипаж – 5 чел; основное оружие – 75-мм пушка; мощность двигателя – 300 л. с.; максимальная скорость – 40 км/ч. Попытка повысить уровень защиты своих танков, немцы в 1942 году стали устанавливать на наиболее поражаемые детали корпуса дополнительные 30-мм броневые плиты. Начиная с апреля 1943 года, на танках Т-IV лобовые детали корпуса стали изготавливаться из цельных броневых листов толщиной 80 мм. Применённые технические решения привели к повышению боевой массы танков, снижению их проходимости и ненамного улучшили их защищённость – “тридцатьчетверка” продолжала уверенно бороться с этими танками даже на дистанции свыше 900 метров.

При подготовке к операции “Цитадель” для защиты боковых проекций средних танков Т-III, Т-IV и самоходных артиллерийских установок на их базе от огня 14,5-мм советских противотанковых ружей с апреля 1943 года на них стали устанавливать дополнительные экраны вдоль корпуса и по периметру башни. “Экраны, – поясняет Гудериан, – представляли собой броневые щиты, которые устанавливались на некотором расстоянии от основной брони корпуса танков Т-III, Т-IV и самоходных орудий для защиты от русских противотанковых ружей и сведения на нет их эффективности. Сравнительно тонкие вертикальные броневые листы бортов корпусов названных типов танков не выдерживали огня русских противотанковых ружей. Это новшество оправдало себя”.

В отличие от немецких средних танков, на советских серийных танках данного класса – танках Т-34 – при подготовке к битве под Курском дополнительные мероприятия по усилению броневой защиты не проводились. Опыт боевого применения и анализ поражаемости танков Т-34 показали, что до весны 1943 года основным средством борьбы с нашими танками являлись танковые и противотанковые пушки противника калибра не более 50 мм. Из всех подбитых танков Т-34 около 70% были поражены снарядами указанного калибра. Причём более половины поражений приходилось на бортовые части корпуса и башни танка. Около 17% танков Т-34 были выведены из строя 75-мм бронебойными снарядами и около 11% танков – 88-мм бронебойными снарядами. Количество зафиксированных поражений кумулятивными снарядами не превышало 2%.

Проведённые в ноябре 1942 года испытания показали, что “броневая защита танка Т-34 от огня немецких 50-мм бронебойных снарядов на дистанции свыше 500 м вполне удовлетворительна”. Если учесть, что экипаж танка Т-34 из своей пушки мог эффективно поражать противотанковые расчёты противника с дистанции 1500 м, а танки – с 900 м, то к концу 1942 года уровень защищённости и огневая мощь по-прежнему обеспечивали выполнение возлагавшихся на танк Т-34 задач.

Принимая во внимание эти объективные данные, руководство Наркомата обороны и Наркомата танковой промышленности не предпринимало радикальных мер к усилению броневой защиты танка Т-34, так как это приводило

к повышению боевой массы машины и, как следствие, к снижению её подвижности. Повышение защищённости среднего танка осуществлялось путем создания модернизированных вариантов танка Т-34. Работы в этом направлении велись в конструкторском бюро завода № 183 с осени 1940 года.

Результаты полигонных и войсковых испытаний двух опытных образцов танков Т-34 и трёх машин установочной серии уже к ноябрю 1940 года выявили большое число недостатков, присущих любой новой конструкции. Опыт войсковых учений, данные разведки о начале работ в Германии над тяжёлыми танками требовали внесения дополнительных улучшений конструкции осваиваемого промышленностью и войсками нового танка. Решение возникающих проблем осуществлялось путём малой и большой модернизации танка Т-34. Первый путь позволял, не останавливая выпуска так необходимых Красной Армии танков среднего типа, устранять конструкционные и производственные недостатки, кардинально не меняя облика танка Т-34. Выпуск танков данной модификации предусматривалось осуществлять на харьковском заводе № 183 до осени 1941 года, а на Сталинградском тракторном заводе — до 1 января 1941 года. Большая модернизация танка Т-34 включала увеличение толщины брони башни и переднего лобового листа корпуса с 45 до 60 мм; расширение опоры башни с 1470 до 1600 мм для улучшения условий деятельности командира и заряжающего; установку командирской башенки с круговым обзором для обеспечения лучшей обзорности и замену пружинной системы подрессоривания на более прогрессивную — торсионную. В четвёртом квартале 1941 года согласно постановлению правительства от 5 мая 1941 года завод № 183 был обязан перейти на выпуск танков Т-34М вместо танков Т-34 и до конца года изготовить 500 танков данной модификации. Однако вероломное нападение нацистской Германии и её сателлитов на СССР помешало завершить создание данной модификации танка.

Крайне тяжёлая обстановка, сложившаяся летом и осенью 1941 года, потребовала резкого увеличения выпуска танков, включая Т-34. Усилия конструкторского бюро КБ-520 головного завода по танку Т-34 — завода № 183 — были направлены не на дальнейшую модернизацию танка, а на ликвидацию в кратчайшие сроки ещё остававшихся у серийно выпускавшихся машин недостатков. Кроме того, часть и без того немногочисленного коллектива КБ-520 с началом войны была задействована для подготовки чертёжно-конструкторской документации и оказания помощи при организации производства танка Т-34 на заводе № 112 в городе Горьком (ныне Нижний Новгород). Одновременно с этим до момента начала эвакуации в конструкцию и технологический процесс изготовления танка Т-34 заводом № 183 был внесён ряд улучшений. Прежде всего, была повышена бронестойкость бортовых вертикальных листов корпуса, картеров бортовых передач и передней части днища танка. Защита и обзорность механика-водителя были улучшены за счёт установки крышки люка новой конструкции. Улучшение защищённости кормовой части корпуса было достигнуто за счёт спрямления нижнего броневоего листа. Диски для опорных катков стали штамповать из 10-мм вместо 8-мм стали. Ряд улучшений был внедрён в конструкцию главного фрикциона, коробки передач, бортовых редукторов. Был увеличен на 160 литров объём внутренних топливных баков. Большое число изменений и мероприятий конструкционного и технологического характера было проведено также с целью снижения трудоёмкости изготовления машины, сведения к минимуму применения дефицитных материалов и унификации деталей. Выбранное направление деятельности было положено в основу работы КБ-520 и на новом месте — в Нижнем Тагиле, куда из Харькова был эвакуирован завод № 183. В ноябре 1941 года в предельно сжатые сроки под руководством главного конструктора завода № 183 А. А. Морозова была спроектирована более просторная для экипажа и технологичная для производства башня с двумя люками вместо одного. При организации серийного производства на новом месте в целях снижения трудоёмкости производства и перевода изготовления большинства деталей со штамповки на литьё, в конструкцию танка Т-34 было внесено значительное число изменений. К маю 1942 года на 21% была сокращена по количеству и по типоразмерам номенклатура нормалей (крепежных изделий). На ряде деталей была максимально возможно уменьшена поверхность мест, подлежащих механической обработке, с одновременным пересмотром степени чистоты обработки поверхностей. Было сокращено число деталей, требовавших термической обработки, различных видов антикоррозийных и декоративных покрытий или специальной обработки поверхностей.

И, наконец, ряд деталей, для которых требовались дефицитные материалы, был переведён на изготовление из материалов-заменителей. К началу массового выпуска танков Т-34 заводом № 183 в Нижнем Тагиле в чертежи деталей боевой машины были внесены изменения по 770 наименованиям. Без замены другими деталями на танке было отменено 1265 наименований (или 5641 деталь), изготавливаемых заводом, и 206 наименований покупных изделий. По бронедеталям корпуса танка трудоёмкость по механической обработке была снижена с 260 до 80 нормочасов.

Эта значительная по объёму работа была проведена в короткие сроки большим коллективом конструкторов КБ-520, начальником которого был Н. А. Кучеренко, а его заместителем – А. В. Колесников. Руководителями конструкторских групп в то время были: корпусной – Б. А. Черняк, башенной – А. А. Малоштанов, силовой установки – А. Я. Митник, трансмиссии – Я. И. Баран, ходовой части – В. Г. Матюхин, электрооборудования – В. Я. Курасов, боеукладки и укладки ЗИП – А. С. Бондаренко.

В результате танк Т-34 без потерь его боевых и технических качеств получился по конструкции более технологичным, а в силу этого стал проще и дешевле в изготовлении.

Весной 1942 года, когда основная работа по организации производства танка Т-34 переместилась из КБ непосредственно в цеха, в конструкторском бюро КБ-520 по инициативе главного конструктора завода № 183 А. А. Морозова была проведена работа по модернизации машины. При проектировании были использованы материалы по созданию танка Т-34М, привезённые из Харькова, но с учётом особенностей новой производственной базы. 5 июня А. А. Морозов на заседании Государственного Комитета Обороны представил проект и деревянный макет танка Т-34М. «Новые танки, – сказал Сталин, – делать пока не будем. Не будем отвлекать конструкторов от задачи улучшать и модернизировать выпускаемые танки. Конечно, конструкторам хочется делать новые машины, каждый конструктор ищет славы. Но надо обождать. К новым машинам вернёмся месяца через полтора-два, когда конструкторы закончат работу по улучшению существующих танков». Последняя часть фразы Сталина касалась улучшения обзорности из танка Т-34 и разработки для этого танка пятиступенчатой коробки передач. Справедливости ради отметим, что если конструкция новой коробки передач была в скором времени разработана и запущена в серийное производство на ЧКЗ и УЗТМ, то разработка командирской башенки, удовлетворявшей предъявляемым требованиям, затянулась на год. Только во второй половине июля 1943 года на заводе № 183 стали выпускать танки Т-34 с командирской башенкой. Что касается работы по модернизированному танку, то в октябре 1942 года КБ-520 окончательно завершило проектирование машины, получившей заводское обозначение Т-43. К концу года был изготовлен опытный образец. За счёт более плотной компоновки узлов и агрегатов и применения торсионной подвески конструкторам удалось при незначительном повышении боевой массы по отношению к танку Т-34 существенно повысить его защищённость. Толщина лобовых броневых листов вместо 45 мм стала составлять 75 мм. Существенным недостатком этого танка был малый диаметр опоры башни – он остался таким же, как и у серийного танка Т-34. По требованию Главного бронетанкового управления Красной Армии в конструкцию танка Т-43 был внесён ряд изменений, и к концу мая 1943 года были изготовлены ещё два опытных образца.

Второй вариант среднего танка Т-43: боевая масса – 34,1 т; экипаж – 4 чел.; основное оружие – 76,2-мм пушка; мощность дизеля – 500 л. с.; максимальная скорость – 48 км/ч. Диаметр опоры башни был увеличен до 1600 мм, толщина лобовой части литой башни стала составлять 90 мм. Увеличение размеров боевого отделения позволило разместить в башне ещё одного члена экипажа – наводчика, освободив тем самым командира танка от возложенной на него в танке Т-34 дополнительной обязанности. В мае-июне 1943 года танки прошли заводские испытания, а в августе – полигонные. Удачная конструкция башни танка была использована при проведении работ по усилению вооружения танка Т-34, особенно по результатам боёв под Курском. В сентябре – октябре 1943 года на заводе № 183 был изготовлен опытный образец танка Т-34 с 85-мм пушкой Д-5Т-85, установленной в башне, которая ранее была разработана для танка Т-43. По результатам полигонных испытаний будет принято решение о серийном производстве танков Т-34-85, начиная с января 1944 года.

Средний танк Т-34-85: боевая масса – 32 т; экипаж – 5 чел.; основное оружие – 85-мм пушка; мощность дизеля – 500 л. с.; максимальная скорость – 55 км/ч. Установленная в “тридцатьчетверке” 85-мм пушка позволяла поражать лобовую броню немецких тяжёлых танков “пантера” и “тигр” на дистанции до 700 м. Но такую возможность наши танки Т-34 получают только в 1944 году, а летом 1943 года, как уже отмечалось раньше, для борьбы с тяжёлыми машинами врага танкам Т-34 с 76-мм пушкой приходилось атаковать их с флангов или вести огонь по бортам из засад. Аналогичным способом летом 1943 года приходилось действовать и экипажам тяжёлых танков КВ-1С, основным оружием которых являлась такая же 76-мм танковая пушка, что была установлена в Т-34.

Тяжёлый танк КВ-1С (С – скоростной) являлся дальнейшим развитием танка КВ-1 и отличался от него уменьшенной толщиной бортовых листов и листов днища корпуса, литой башней изменённой формы, а также размещением членов экипажа в башне и установкой более совершенной трансмиссии конструкции Н. Ф. Шашмурина.

Характеристики тяжёлого танка КВ-1С: боевая масса – 42,5 т; экипаж – 5 чел.; основное оружие – 76,2-мм пушка; мощность дизеля – 600 л. с.; максимальная скорость – 43 км/ч. Танк КВ-1С был разработан летом 1942 года на ЧКЗ конструкторским бюро СКБ-2 под руководством Н. Л. Духова. Общее руководство по созданию танка осуществлял Ж. Я. Котин. Уменьшение с 47,5 т до 42,5 т боевой массы танка с точки зрения броневой защиты было вынужденным шагом назад. Для снижения боевой массы танка на 5 т пришлось отказаться от дополнительных накладных 25-мм броневых листов и уменьшить с 75 мм до 60 мм толщину бортовых и нижних носового и кормового броневых листов корпуса. Максимальная скорость облегчённого танка с более совершенной трансмиссией возросла с 35 до 43 км/ч. Танк КВ-1С был принят на вооружение РККА 20 августа 1942 года и серийно выпускался на ЧКЗ до сентября 1943 года. Всего на 1 июля 1943 года в действующей армии имелось 691 исправный танк КВ и 253 танка требовали проведения среднего или капитального ремонта. Что касается Воронежского фронта, то к началу битвы под Курском в его составе имелось 43 исправных танка КВ и ещё 6 требовали ремонта. Вторая половина имевшихся в составе фронта тяжёлых танков состояла из танков “Черчилль”, полученных СССР от Великобритании. Все тяжёлые танки организационно входили в состав тяжёлых танковых полков прорыва. Каждый полк, согласно штату, имел 21 танк.

В составе танковых бригад, танковых и механизированных корпусов тяжёлые танки штатом не предусматривались. Большую часть танкового парка этих соединений составляли средние танки Т-34, которых в составе Воронежского фронта на 1 июля 1943 года имелось 1150 единиц. Причём только 14 танков требовали ремонта. От 20 до 40 процентов в бригадах и корпусах приходилось на лёгкие танки Т-70. В составе фронта на 1 июля имелся 361 исправный танк и 12 танков находились в ремонте.

Лёгкий танк Т-70 был разработан в КБ Горьковского автозавода под руководством главного конструктора Н. А. Астрова в конце 1941 года и в январе 1942 года был принят на вооружение РККА. Серийное производство танка продолжалось до конца 1943 года. Основным оружием танка являлась 45-мм танковая пушка. Бронейбойно-подкалиберным оружием можно было с дистанции 350 м поражать цели, защищённые броней толщиной до 50 мм. Толщина лобового листа, располагавшегося под углом 60 градусов к вертикали, составляла 35 мм. К середине 1943 года по уровню защищённости и огневой мощи данный танк перестал отвечать предъявляемым требованиям, в связи с чем постановлением ГКО от 28 августа 1943 года его производство с 1 октября 1943 года должно было быть прекращено. Горьковский же автозавод полностью переходил на выпуск самоходных установок СУ-76М, созданных на базе танка Т-70.

Завершая технический обзор советских и германских танковых сил, противостоящих друг другу к лету 1943 года, заметим, что за немецкими танками стояли мощные европейские корпорации, вставшие на службу Третьему рейху для захвата неохватного мира нетронутых богатств, всегда маневрировавших всех завоевателей с Запада.

За советскими же танками стояло Отечество. То наше русское Отечество, что в страданиях и потерях черпало силы для грядущей Победы. Для возрождения из пепла, как и бывало всегда.

ВЛАДИСЛАВ ШАПОВАЛОВ

ОЧАРОВАННЫЙ РОДНОЙ ЗЕМЛЁЙ

1. Пасечник

Если выбрать одно из этих определений и приложить его к пасечнику Тихону Васильевичу Лукину, то можно сказать: он – чаровник, очарователь пчелиных сердец. Когда я впервые встретил этого человека, он, глянув на меня через прищур умудрённых глаз, неожиданно сказал:

– Прочитал я вашу поэму в прозе “Медвяный звон” и подумал о том, что русский дух, о котором писал ещё Пушкин, распределён по нашей земле неравномерно – он сосредоточен на лоскутках пасек.

Можно понять профессиональное радение мастера по улейному делу и добавить лишь то, что аура русского духа сгущена вокруг каждого создателя родного края. Одарённая ветвь славянских народов озарила мир величайшими умами, как в области культуры, так и в сфере науки и великих изобретений. Их имена золотыми буквами вписаны в скрижали достояния человечества. Но в нашей национальной скарбнице южно-приграничного округа земли русской не счесть неведомых имён, самоотверженно отдавших все свои силы на благо нашей общезительности. У них уже разворот плеча, но та же высота национального духа, та же гордость за свою славную Родину. Та же общая, неуёмная боль за её неустроенность. Я бы назвал их Подвижниками Отечества.

Как-то рано по весне Вера Петровна – жена пасечника Тихона Васильевича Лукина – вышла вскопать грядку, да лопата что-то начала чиркать по железу... Нагнулась – подняла стреляную гильзу... И так второй поклон, третий, а как дошла до края огорода, собрала подол пустых чиркалок...

Историческая, легендарная земля!

Здесь в огненный зной лета 1943 года шли в атаку правым флангом Прохоровского поля танки Воронежского фронта под командованием выдающегося полководца Николая Фёдоровича Ватутина.

ШАПОВАЛОВ Владислав Мефодьевич родился в 1925 году на Белгородчине. Семнадцатилетним, в 1943 году, ушел на фронт. Тяжело ранен в бою. Награждён орденом Отечественной войны I степени, медалью “За отвагу” и др. В конце войны ему было присвоено офицерское звание — младший лейтенант. Окончил Днепропетровский государственный университет и тридцать лет учительствовал, был директором школы. За плечами автора более двадцати книг прозы. Член Союза писателей России, лауреат Всероссийской литературной премии “Прохоровское поле”. Живёт в Белгороде.

А летом начала пропалывать посев — опять собрала подол. Так из года в год накопилась горькая горушка человеческой беды, и её усердный супружник для интересу сосчитал их: аж под две тысячи!

Заглянул как-то в поднимающееся хозяйство Евгений Степанович Савченко, белгородский губернатор, и посоветовал зловещую находку отправить в музей, а усадьбу взял себе на замету приметливым глазом.

Отвезли — и участок освободился от войны, а земля вернула исконное плодородие. В Прохоровском мемориальном комплексе появился фамильный экспонат пасечника.

Два патрона — вражий и наш — острём пуль, уцеленных друг в друга, начинённых не порохом, а землей, замешанной на крови Танкового поля, Тихон Васильевич передал мне в качестве страшного сувенира на полированной подножке с увесистым осколком в смирительной, на вечность, рубашке из чёрного лака. Чтоб напоминал мои окопные тяготы...

А всё началось более двадцати лет назад. Пятнадцать советских соток не отвечали задуманному Лукиным, и в 1991 году, когда появилась возможность получить землю в собственность, ему достались по наследству от родителей два пая земли и один — от дядюшки Дениса. А по выходе закона о фермерстве Тихон Васильевич в расцвете сил в свои сорок лет выписался из городских удобств — газовой плиты, горячей воды, тёплого клозета, — взяв свою семью с двумя несовершеннолетними детьми и посадил роем в палатки на скосе пустынного лога, рядом с хутором Засечным. И когда губернатор объявил программу “Родовые усадьбы”, благодаря которой земля закреплялась навечно, без права продажи, а с передачей по наследству, зарегистрировал своё имение под названием “Журавка” и таким образом вошёл в первую волну фермеров.

Вспоминает его дочь Надюша:

— Это место, куда привёз нас отец (ей было тогда 14 лет), показалось нам жутковатым. Американские клёны внутри хат, меж остатками стен, полузасыпанные ямы погребов, заросшие бурьяном пустыри...

Когда-то здесь процветал большой хутор на 58 дворов с 312 насельниками. Жили ладно, одной семьёй. Громадой выходили по очереди друг другу вальковать глинобитные хаты под соломенную стреху, вместе справляли праздники, сообща трудились, никто не отлынивал — зазорно было не выйти в поле.

— В первую весну, — продолжает Надюша, — мы всей семьёй торопились вырубить загущенный кустарник, пока не зацвёл. Отец считал грехом рубить живые цветы. Одичалый малинник, загрубелый тёрн царапал руки, мёрзлы ноги. Невольно приходила мысль: “Куда ты завёз нас, отец?..” И всё же наша четвёрка (мама и старше меня на два года брат Володя) упорно пробивала себе путь в будущее. Отец (это слово в семье священо!) усердствовал топором, наша тройка сносила хворост. Костёр горел несколько недель...

На пасеку Тихон Васильевич привёз десяток ульев, которые перешли ему по наследству: дед и отец занимались пчеловодством. Рядом поставил три палатки: две — для семьи и одну — под завоз цемента на постройку дома. Спали в палатках, сосновые шишки стучали ночами о брезент. Со временем прикупили себе небольшой, заросший бурьяном прирезок. В общем, на круг вышло под четырнадцать гектаров лучших в мире чернозёмов.

— Место для пасеки подарила природа. Рядом лес и лог. Глубокий и крутой. Ближний склон частит соснами, противоположный — вековыми дубами. Лог имел ещё и стратегическое значение: пчеле гораздо легче преодолевать большие расстояния по прямой. А когда по логу шатунёт сквознячок — всё оживает шевелением: цветущие травы, листья груш и яблонь, тонкие веточки берёз. Волшебно шумит хвоя сосен, на солнечной стороне благоухает душица, прячется меж листьев соблазнительная малина. Пахнет мятой. А спустишься ниже, где всегда прохладно и бормочет ручеёк, — отдаёт грибами. Невольно улыбнёшься рыжим шляпкам олят, озорно выглядывающим из крапивы. За яром берёзовая роща с подберёзовиками и свинушками. А ещё дальше — озерцо, куда внуки ходят удить карасиков.

Сначала определили приоритеты: на первом месте должна стоять пасека и доход от неё. На втором — стройка. На третьем — полеводство и животноводство, как подспорье и гарантия на случай слабого медосбора или гибели пчелосемей, что и случилось в 1992 году.

За дело взялись горячо: выходных дней и отпусков с тех пор по сей день у Лукиных не стало. В работе была задействована вся семья, исповедующая древний христианский принцип староверов: в труде нет греха.

В первое лето успелось немного. Расчистили место под ульи, за две недели вырыли котлован под омшаник, приспособив тракторок с навесным ковшом для вывоза грунта, начали отливать керамзитовые блоки для дома. Бетономешалку сделали из бочки, вращали вручную, пока не провели электричество.

По натуре Тихон Васильевич природный умелец. Навыки взял по родовому корню. Осовременил их, работая по молодости преподавателем труда в школе. Он сохранил бондарный инструмент отца, прикупил новый. Оборудовал столярную мастерскую, где нашёлся уголок и для инструментов по металлу, и для электросварочного аппарата.

Когда Тихон Васильевич работает, возле него можно лечить нервы. Движения рук скупые, но верные. Мастерит неторопко, а дело вроде само живо подаётся. Пчела не любит суеты.

– Чтобы работать на земле, – говорит пасечник, – надо овладеть многими специальностями.

Когда подросток пятый, самый младший внук Петя и прилип к дедушке помощником, бывало, каждое утро спрашивал:

– Деда, а кто мы сегодня?

– Сегодня мы каменщики.

В следующий раз они были сварщиками, затем штукатурами, малярами. . . Тихон Васильевич говорит:

– В том, что дети и внуки нас радуют, есть заслуга пасеки. Оказалось, что она не только даёт прибыль, она и воспитывает. Одно дело, когда родители приучают детей к труду, следуя инструкциям органов образования, а другое – если труд становится жизненной необходимостью. Мы бы не смогли справиться со всеми работами без помощи детей и внуков. Они это понимают и с удовольствием помогают. Бывало трёхлетний Петя ложится днём спать лишь при условии, если ему пообещают, что без него работать на пасеку не пойдут.

Однажды заезжий корреспондент спросил у Пети:

– Когда же ты пошёл на пасеку?

Тот ответил:

– Когда смог поднять дымарь.

А дымарь на пасеке – первейшее из дел. Руки пасечника заняты рамкой, вот внучок и подпустит сизую струйку, смиряя пчелу. Стамеску подаст или обоюдоострый нож для среза трутневых крышечек. А подросток – и рамконошу притащит. Этот Петя в свои 10 лет самостоятельно снял в лесу рой, улетевший за два километра. Попросил: “Можно, чтоб он был мой?” На передней стенке улья, выше летка, появилось родовое имя внука, начертанное рукой деда.

Крестьянская семья – не просто семья, как в городе. Это трудовой коллектив, где каждому определено своё место и где каждый знает своё дело. А для детей – и маленький университет, где сызмала они обучаются сельским профессиям и ежедневно сдают экзамен. Такое семейное образование я бы назвал трудовым коллективом. Особенность уклада жизни Лукиных состоит ещё и в том, что в нём нет начальства. Ими никто не командует. Каждый сам по себе знает своё дело и всё вместе, как целое. А когда в семейный рой вошли зятья и подросли внуки, то и вовсе полегчало. Тихон Васильевич не ограничивает волю детей и внуков. Они должны иметь свои интересы. Пусть едут учиться.

– У них должен быть свой интерес. Захотят вернуться на землю – пожалуйста. Каждый волен сознательно выбрать свой путь.

Конечно же, семья испытала небывалые лишения и трудности: три года жили без электричества, семь лет без газа, девять лет воду возили из хутора цистерной, пока не пробурили скважину. Без дороги, без магазина, без школы и поликлиники. . .

Ох, и помытарствовал же он, бедняга, по бюрократическим загородам, пока оформил землю в собственность. Плодородна земля наша на чиновников! Чем их больше, тем больше неразберихи, ибо каждый хочет показать себя на своём месте, что ест хлеб не зазря, а в поте лица. Естественно, протягивая руку. . . Так и законы: чем больше законов, тем больше сумбура. От зако-

нов легче не становится. Больше законов – тяжелее жить. А Государственная Дума штампует их конвейерно пачками – ввек не перелистаешь. Государство гнобит, мужик хитрит – да всё одно под спудом пыхтит.

А тут ещё налоговики показывают своё фискальное рвение – штрафы за штрафами. Лесничество – себе тянет: чего клетки с кролями поставил под сосной!.. И опять же – по карману! Сейчас всё через рупь: где ступь – там и рупь! Нам, советской властью воспитанным, в диковину были такие чудеса... Порою хозяйство находилось на грани развала...

И все эти невероятные трудности надо было преодолеть, обуздать нервы, маясь бессонными ночами, перебирая в голове исстрадавшиеся думки.

И всё это своим горбом – Тихон Васильевич из принципа не брал кредиты (нечего кормить нахлебников!), ничего ни у кого не занимал, чтобы не впасть в кабалу, что давало ему уверенность в себе и самостоятельность. Заёмные деньги – это петля на шее, постепенно затягивающаяся.

Наконец-то бюрократические мышцы на лицах чиновников размякли, и Тихон Васильевич Лукин получил на руки вожделенную бумагу на землю с горбовым знаком.

2. “...под небом Африки моей вздыхать о сумрачной России...”

В семидесятых-восьмидесятых годах прошлого столетия Тихону Васильевичу представилась возможность получить второе высшее образование на отделении французского языка при Московском педагогическом институте. По окончании учёбы тридцатидвухлетнего специалиста отсылают в Африку, где в лицее города Батна, что в Алжире, он преподавал математику и физику на французском языке.

– Почему на французском? – пояснил мне Лукин. – Потому что Алжир был колонией Франции более ста лет.

По северу Африки, вдоль побережья Средиземного моря, протянулся Атласский горный хребет. Горы здесь не очень высокие – два-два с половиной километра. Ширина хребта – двести-триста километров. Вечных снегов здесь нет. Даже на самых высоких вершинах к концу мая снег сходит и только в ноябре вновь появляется.

Местность эта заселена довольно плотно. На полторакилометровой высоте и даже выше стоят города с населением до миллиона человек. Батна – один из таких городов. Он расположен к востоку от столицы, недалеко от границы с Тунисом. В нём живёт 600 тысяч арабов, кабилов, берберов. Это региональный центр с университетом, военной академией, десятком крупных техникумов, лицеев. Лицей – промежуточное звено между средней школой и университетом.

Семья Лукиных поселили в квартире из трёх комнат на третьем этаже многоквартирного дома. Вскоро Тихон Васильевич обзавёлся хорошим знакомым со второго этажа – Ибрагимом Бузианом, верующим мусульманином. У Ибрагима с женой Ясминой было трое детей: Бесем, Хейдем и девочка Айя. Свободное время проводили за шахматной доской. Ибрагим Бузиан преподавал английский язык в том же лицее. Он оказался высокообразованным человеком. В Англии преподавал французский язык, а во Франции – английский. Разговаривал ещё на четырёх языках и на трёх местных алжирских говорах. За свою жизнь Ибрагим побывал во многих европейских странах и стал убеждённым сторонником социального государства, осуждая систему западного капитализма. На этой почве они и сошлись взглядами.

Однажды Ибрагим предложил своему напарнику по шахматам съездить на его родину. По условиям контракта Тихон Васильевич не имел права совершать подобные вояжи, тем более взяв семью. Но приглашение было столь искренним, а соблазн столь заманчив, что Лукин рискнул. И вот они впятером, с детьми, едут на юг, в горы, машиной Ибрагима “Рено” последнего выпуска.

Поскольку Тихон Васильевич родился и вырос на равнине, горы произвели на него ошеломляющее впечатление. Узкий серпантин дороги виляет меж голых скал. Местами дорогу обступают могучие атласские кедры. Их кроны схожи с нашими голубыми елями. В расщелинах пламенеют жёлтыми пятнами цветущие мимозы. В небольших прогалинах рассыпчато, рудыми крапинками, выделяются на изумрудной зелени коровёнки дробной породы, с ни-

ми — горец с большой, выше головы, клюкой, загнутой полукольцом на конце. И над всем этим заморским дивом, чуждым нашему глазу, в поднебесье ослепительно сияют на горной хребтине пласты африканского снега.

— Ибрагим посмотрел на часы и остановил машину. Взял свёрнутый в дудочку небольшой коврик, отошёл на обочину. Расстелил на камне коврик. Стал на колени, помолился лбом к земле. Мы сидели в машине. Затем он свернул коврик, вернулся в машину какой-то посветлевший лицом.

За перевалом он снова остановил машину. Выйдя на обочину, позвал нас.

Мы подошли к рампе обрыва, и перед нами в глубоком провале открылся кратер, окаймлённый скалами. По долу межгорья полыхали красными черепичными крышами игрушечные домики.

Дорога круто спускалась дугой вниз.

Селение, куда мы приехали, не было похоже ни на аул, ни на село в нашем понимании. Вдоль улицы стояли добротные, в два-три этажа, коттеджи, украшенные витиеватыми балкончиками, мезонинами, небольшими колоннами под навесом у входа. Не было ни убого покосившихся изб, ни привычных нашему глазу ветхих сараев, как в русских деревнях. Я не удержался и спросил: “А как оказалось, что у вас все дома новые?” Ибрагим коротко ответил: “Старые французы взорвали”. И рассказал, как они более ста лет вели освободительную войну с европейскими колонизаторами: “Наши места партизанские, и чтобы зимой моджахедам (по-арабски — патриотам) негде было укрыться, французы уничтожили все горные аулы: девять тысяч...”

Слушая воспоминания Лукина, я думал: “Вот на чём жирела паразитическая, вскормленная вооружённым захватом колониальных рабов Европа! А мы восхищаемся — тротуары моют порошком!”

— Ибрагим помнил, как их семью выгнали на улицу, и видел, как дом родителей взлетел на воздух. Семью из шести человек приютили чужие люди на окраине города Батны.

Как-то Тихон Васильевич рассказывал мне, что города и селения в Алжире — чистые, ухоженные, постройки — европейского типа. Даже Москва той поры, когда он учился, по сравнению с алжирскими городами выглядела грязной, замусоренной бумажками из-под мороженого и окурками, в то время как из репродукторов на улицах звучала песня: “Дорогая моя столица, // Золотая моя Москва”...

— Ибрагим сказал: “Когда мы изгнали французов и евреев, семьи вернулись на свои прежние места, в горы, мы зажили свободно и независимо, а все ресурсы пошли на восстановление разрушенной врагами страны. И мы построили эти города! Но свобода нам далась неимоверно дорого: полтора миллиона убитых и более двух миллионов брошенных в тюрьмы и лагеря. Для десяти миллионов алжирцев это страшная цена...”

На обратном пути притихли даже дети — восьмилетний Володя и шестилетняя Надюша. Дети чутко ловят настрой родителей. И Тихон Васильевич уже не любовался красотами Атласских гор, а задумался. После того как Ибрагим напросился на ответный визит, Лукина взяла оторопь: “Что я покажу алжирцу в своём хуторе?.. Глиняную подслеповатую хатушку родителей семь на четыре метра из глинобитных стен под соломенной стрехой об одном глазу на кухне, где в печь вмазан осколок зеркала, и двумя — в спальне, где стоит железная кровать, окрашенная зелёным. Да расписанная скринька — ещё материно приданое?..”

3. “Долюшка русская, долюшка женская...”

...Ещё за месяц до вступления немцев советско-партийное начальство сбежало из Прохоровки. А в начале сентября 1941 года явились незванные гости и в Засечное. Но долго не задержались, ушли на Воронеж. И только через семнадцать месяцев, в феврале 1943 года, вернулись наши.

Перед отступлением немцы погнали хуторян в тыл, на запад.

Мать Тихона Васильевича — Мария Фёдоровна — взяла меньшего Васю на руки, а чуть старшей Лариске строго приказала крепко держаться ручонкой за подол. Девочка вязла в наметанных ветрами сугробах до пояса. Мороз рвал кожу на щеках. А мать всё чаще кричала встречу замети, секущей лицо:

– Не отрывайся! Держись крепче!

Гнали невольников невесть куда...

Полыни за горемычный свой век наглоталась Мария Фёдоровна вдосталь, больше чем надо. Беда за беду зацепится – цепку не разорвать. Почти весь век умывалась слезою. Но поняла, что все мерзости жизни не оплачешь. И когда после войны вернулся с фронта домой израненный муж Василий, она родила и вывела в люди ещё двух славных сынов – героя нашего повествования Тихона и младшего на два года Фёдора.

В пору огненной стужи знойного лета того же 1943 года хутор Засечное высмалили начисто: из 58 хат осталось всего два остова глинобитных стен. Не сгорела единственная халупа родителей Лукина. Снаряд ударил в печь, разметав стреху по двору – солома не успела загореться.

Не так давно Тихон Васильевич хоронил односельчанина. Подслушал бабий разговор:

“Ну, что, девки, – обратилась к старухам Федора, – теперича на одну чугуницу больше стало...”

Газа нет. Крана с горячей водой – и в помине. Отлива тоже – помои снеси от мух подале. Колодец – на выгоне, дрова – в лесу. Чтоб три раза помыть посуду – дров наколи, печь истопи, воду вскипяти.

“Теперича, Манька, миски не будешь мыть. Прямо из чугунка снедать будешь. Я как своего схоронила, так и постелю туда-сюда раскидывать не стала. Кровать с тех пор стоит прибранная, а сама на топчанчике у печи, на старых фуфайках”.

“Да ты, Федора, – возразила ей уж совсем сгорбленная Анфиска, – чугуница тоже не больно старая. А я ведь с той войны...”

Война вымела мужиков с хутора почти дочиста: на 58 дворов осталось 36 “чугунниц”. И ещё до сих пор жёны и матери не оплакали мужей и сыновей. Видимо, на свете нет матери без горя...

Когда Тихон Васильевич рассказывал мне о “чугунницах”, я вспомнил “самовары”.

Как-то сразу после войны довелось мне проезжать мимо глухого, в глубинке, села, где, подальше от людских глаз, располагался строго засекреченный спецгоспиталь. В нём лежали инвалиды войны без рук и без ног. Обрубки войны. А иные ещё и слепые, отказавшиеся после войны ехать домой. Вместо них послали похоронки. Называли таких раненых “самоварами”. За ними ухаживали специально подготовленные медсёстры.

Бедняги не могли даже покончить с собой...

4. Русский вопрос

Сначала большевики заложили под государствообразующий народ Российской Империи политическую мину, лишив русских своего национального статуса ещё в 1918 году, когда при Наркомате по делам национальностей был создан 21 отдел по защите интересов и прав нацменьшинств – литовцев, евреев, мусульман... всех, кроме русских. Нынешние наши старатели оказались хорошими преемниками подлянки, заложенной ещё заезжими из-за рубежа инородными революционерками.

В 1923 году русский народ подкосили экономически на уровне высшей власти в резолюции XII съезда РКП(б): “Ряд республик и народов, не прошедших или почти не прошедших капитализма, не имеющих или почти не имеющих своего пролетариата, отстающих ввиду этого в хозяйственном и культурном отношениях, не в состоянии полностью использовать права и возможности, предоставляемые им национальным равноправием, не в состоянии подняться на высшую ступень развития и догнать, таким образом, ушедшие вперёд национальности без действительной и длительной помощи извне... Преодолеть это неравенство в короткий срок... невозможно... Но преодолеть его нужно обязательно. И преодолеть его можно лишь путём действительной и длительной помощи русского пролетариата отсталым народам Союза в деле их хозяйственного и культурного преуспевания”.

Выдающаяся исследовательница “русского вопроса”, доктор юридических наук, основоположник нового научного направления – социальной демографии – Галина Ильинична Литвинова (1931–1992) писала: “Чтобы решить эту

задачу, в остальные национальные регионы перевозились из индустриальных областей РСФСР, Украины и Белоруссии целые фабрики и заводы, направлялись квалифицированные рабочие, учителя, врачи, учёные. Но основная помощь была со стороны русского народа, который сам находился в тяжелейшем положении”.

С подачи заезжего из Америки Лейбы Троцкого, во время коллективизации в двадцатых-тридцатых годах прошлого столетия большевики ликвидировали как класс самую трудоспособную часть крестьянства, разорив сельское хозяйство. Они сумели так глубоко загнать в подкорку слово “кулак”, что я до сих пор, когда слышу это слово, испытываю неприязненное отношение к этим людям. А ведь это была сельская элита! Лучшие хозяева...

Не пожалела русские области и Великая Отечественная. Сразу после войны приехал в СССР лауреат Нобелевской премии, американский писатель Джон Стайнбек. Что же он увидел на русских землях?.. “Представьте себе территорию Соединённых Штатов, полностью разрушенную от Нью-Йорка до Канзаса... Каждый камень и кирпич... надо поднять и перенести вручную, поскольку нет бульдозеров”.

Побывал наш любознательный гость и в Грузии: “Место, где родился Сталин, оставлено так, как и выглядело раньше, только закрыто огромным шатром для защиты от непогоды. Верх этого шатра создан из цветного стекла”. “Батуми – очень приятный тропический город пляжей и гостиниц... город парков, затемнённых деревьями улиц...”

“Рабочие живут в новых, чистых и приятных жилых домах. У каждой семьи – своя квартира, а работающие женщины могут устроить детей в детские ясли”.

Так было в Грузии. А русские в то время были загнаны в землянки. Кого следовало обустроить в первую очередь?!

Сельскохозяйственные налоги в славянских республиках с 1945 года были в несколько раз выше, чем на национальных окраинах СССР, не понесших разрушений в годы войны. Всю – до цыплёнка! – живность обложили у нас непомерной податью, чего не было в азиатских и кавказских республиках.

Когда на Руси вырубали подчистую плодовые сады, где было обложено каждое дерево, а крестьянину нечем было расплатиться, в южных республиках закладывались виноградники и мандариновые рощи.

Русская деревня выживала в нужде и нищете, работая за “палочки”, отмечаемые бригадиром в тетрадке, а за поднятый колосок на скошенном поле отправляли в тюрьму.

Закупочные цены в Центральной России на сельхозпродукты были в разы ниже, чем на Кавказе и в Средней Азии, а среднемесячные доходы колхозников у нас были в девять раз ниже, чем там.

После войны национальные республики были газифицированы на 90%, а РСФСР только – на 3–7% (впрочем, наши нынешние демоправители газифицировали почти всю Западную Европу, часть Америки и Азии, просто “забив” газифицировать свою страну).

Наконец, в силу перечисленных – далеко не всех! – “экспериментов”, поставленных на русском народе, на улицах наших деревень и хуторов пошли чередоваться живые и мёртвые подворья – могло ли в таких условиях обустраиваться русское село?..

5. Земля нашла хозяина

Не спеша, размеренно, изо дня в день, без выходных и отпусков, без науги, а в удовольствие, с возрождаемым, но вечным чувством собственного дела Лукин своей рукой вложил каждый кирпичик в четырёхэтажный особняк с двухскатной крышей, который очерчивал ночами ещё в Алжире. Выставил под кроны растущего сада полторы сотни улыбчивых разноцветьем ульев и стал из года в год обживать. Провёл электричество, а со временем – и газ. Пробурил скважину для воды. Купил ещё один трактор – помощнее, для полевых работ. Устроил пчелиный музей с дуплянками под соломенной стрехой, смастерил смотровой улей с одной стеклянной стенкой. Парково обустроил усадьбу. Проложил, обсадив вместе с женой цветами, аллеи. Вырубил из причудливых коряг персонажей русских сказок, рассадил их по

травам и за кустами, чтобы они загадочно выглядывали из-за листвы. Но главное – вещей камень.

По местному преданию, здесь проходил с дружиною князь Игорь. Остановился у вещего камня. Спросил мальчика, пасшего овец: “Что этот камень означает?” Пастушок ответил: “Направо пойдёшь – в Правороть попадёшь (в древности стояла в селе с таким названием “правая рать” – значит, справедливая), налево пойдёшь – родничок найдёшь; прямо пойдёшь – сечу встретишь”. Князь Игорь пошёл прямо.

Этот камень весом в пятнадцать пудов Тихон Васильевич всё-таки разыскал в логу под ветошью палой хвои. Очистил от вековых наслоений и с помощью выволоч и погрузил на тракторную тележку. Установил при въезде в усадьбу. А надпись высек по-своему: “Направо пойдёшь – мёд найдёшь, налево пойдёшь – с медовухой уйдёшь, прямо пойдёшь – в лес попадёшь”.

Первым делом экскурсанты фотографируются у вещего камня под вековыми дубами.

Губернатор, видя неудержимый душевный порыв на благое дело, распорядился подтянуть к усадьбе полоску дороги, заасфальтировать пятак для стоянки экскурсионных автобусов. И родовая усадьба “Журавка” начала уверенно входить в число наилучших в округе хозяйств, став участником областной программы “Семейные фермы Белогорья” и объектом туристического маршрута, куда приезжают не только за натуральным, экологически чистым, собранным из цветов разнотравья, произрастающего на лучших в мире чернозёмах, мёдом, но и умиротворить свою душу мерным звоном пчелиных крылышек.

– На пасеку надо идти с чувством радости, очистив плоть от нечисти, а душу – от скверны, – говорит Лукин.

Тихон Васильевич выносит из подсобки парусиновые шезлонги и брезентовые раскладушки, прилаживает их меж ульями.

Нет ничего живительней, чем вдохнуть, очистив лёгкие, целебный настой медоносов, обогащённых фитонцидами, которые убивают золотворные микробы. Умилить душу убаюкивающим звоном. Такую процедуру в полусонном блаженстве или с книжкой в руках, а то и в сладкой дреме на раскладушке паче не называют природной пчёлотерапией. По профилактике наша медицина ещё не поднялась на этот уровень. Есть понятие “медовый месяц”. У Лукина – медовая неделя, понятие оздоровительное.

Когда идёт отъём благодатного нектара во время взятка, и пчелы, мерцая крылышками, осушивают в сотах принесённый дар, воздух на точке густеет исцелительным бальзамом. Пчела, усиленно занятая медосбором, никогда не тронет тебя на раскладушке или на шезлонге. Жало пчелы – твоя ошибка. Одна лёгочница из Санкт-Петербурга вместо курортов ежегодно приезжает в пчелиную поликлинику на открытом воздухе. А родственница Лукина из Москвы после воздуха на улицах столицы приезжает больной, а уезжает – здоровой. Кроме их отзывов в “Гостевой книге” маячат записи на французском, немецком, английском...

Палитра продукции “Журавка” ширится с каждым годом. Начали торговать лечебным прополисом, маточным молочком. Позже – рассылкой четырёхрамных пакетов с породистой маткой и пчёлами для закладки новых пасек на Руси. Вера Петровна по специальности цветовод. В усадьбу едут за черенками, саженцами декоративных растений, семенами цветов. А священники загодя заказывают воск. Церковный воск имеет символическое значение. Искусственный стеарин – химикалий – греховен в церкви. На восковой свече вокруг пёрышка пламени образуется воздушная аура, она святочно возносится по храму до куполов.

Литургист Симеон, архиепископ Солунский, определил значение восковой свечи ещё в XV веке: “Чистый воск означает чистоту и нескверность людей, его приносящих. Мягкость и податливость воска показывают нашу готовность к послушанию Богу, а горение свечи символизирует обожение человека, его превращение в новую тварь и очищение огнём Божественной любви”.

Но главное – мёд. Мёд благодатной “Журавки” – это не только биохимическое вещество, взращённое на лучших в мире чернозёмах, полных священной кровью русичей при защите Отечества от вражьего навала. Это, прежде всего, духовная субстанция, если он сотворён с душой.

Мёд несёт в себе и определённый заряд информации. Накапайте в тарелку жидкого, не засахаренного мёда, чтобы получился кружок величиной с мо-

нету. Налейте чистой воды, немного, с тем чтобы она покрыла дно тарелки. Теперь круговыми движениями тарелки растворите мёд. Если мёд натуральный, без подмеса, он покажет – откуда родом: на ваших глазах медленно проявятся сотовые шестиугольнички.

Надюша говорит:

– Мои родители живут настолько правильно, что иной жизни представить нельзя.

Тихон Васильевич добавляет:

– У меня лучшего не будет.

Там, где более двадцати лет назад дикий сорняк глушил пустыри, где торчали остовы глинобитных стен с проросшими посреди кухонь и светлиц американскими клёнами, где зияли провалы осыпавшихся погребов, архитектурно вознеслось современное строение, вырос фруктовый сад, оживлённый ульями.

Земля нашла хозяина, а хозяин – свою землю.

Как-то проводя в районе выездное заседание правительства области, Евгений Степанович Савченко завёз в “Журавку” полный состав управленцев и показал, как следует вести частно-семейное дело.

6. Танковое поле – кровавое поле...

К лету 1943 года от Курска выгнулся огромным пузырьём в немецкую оборону пролом, потеснив врага более чем на сто километров. Это была самая неприятная болячка на глазу у вермахта, которую он решил срезать. Немцы называли выступ “Курским балконом”, а военная операция получила кодовый шифр “Цитадель”. У нас выступ назывался “Курской дугой”.

Планировалось врагом ударить у основания выступа с юга, от Белгорода, и севера – от Орла, пленив до 700 тысяч человек в “котле”, сократив линию фронта на 200 километров, и освободить 30 своих дивизий, уплотнив тем самым ряды войск. Далее – прорвать линию советской обороны и выйти на стратегический простор для дальнейшего наступления. На северном фланге группой армии “Центр” командовал Гюнтер фон Клюге, на южном фланге группой армий “Юг” – выдающийся полководец, фельдмаршал Эрих фон Манштейн.

Это тот Манштейн, который за первые пять дней войны с 22 июня 1941 года мастерски вбил танковые клинья на глубину до двухсот километров в нашу территорию, оставив позади несколько миллионов деморализованных окруженцев и тем самым показав нашим конармейским маршалам новый вид ведения современных войн. Такой успех воодушевил и берлинских главарей. Начальник Генерального штаба Сухопутных войск Германии генерал Гальдер записал 3 июля 1941 года в свой дневник: “. . . кампания против России выиграна в течение 14 дней”, что говорит об абсолютной слепоте самоуверенных, зарвавшихся головорезов.

Безоглядный успех бравадно вёл непобедимого триумфатора по истерзанной и пылающей земле, шматуя на ходу стальными траками всё живое, и он уже предвкушал смак близкой победы.

Но на третьем году войны фельдмаршал Манштейн был уже иным. После Сталинградской битвы он как опытный военный стратег увидел, что война проиграна. Держал себя открыто, надеясь погибнуть в бою, как должно солдату. Судьба хранила его.

Знал он, что и операция “Цитадель” не что иное, как очередная авантюра “дилетанта” (так он называл фюрера), хотя и настаивал на её проведении. Властолюбивый и злопамятный фюрер не давал фельдмаршалу роздыху, отчего с Гитлером у Манштейна случались *нестыковки*. Споры иногда доводили Адольфа до иступления.

Не особенно надеясь на успех, Манштейн ещё в мае 1943 года вместе с опытным командующим 4-й танковой армией Германом Готом предусмотрел второй вариант сражения под Курском: перемолоть советские резервы, с тем чтобы не попасть в окружение при отходе за Днепр, где они надеялись укрепиться основательно. Такую директиву Гитлер не подписывал.

К тому времени вправили мозги и ОКВ (Верховному главнокомандованию вооружённых сил фашистской Германии), где курс блицкрига – “молниеносной войны” – бесповоротно сменился “стратегической обороной”. Гитлер ещё

рассчитывал нанести Красной Армии чувствительное поражение, идя ва-банк, чтобы улучшить соотношение сил и, в конечном счёте, добиться ничьей, принудив Сталина заключить сепаративный мир.

Смутно было в головах и у рядовых 1-й дивизии СС “Лейбштандарт Адольф Гитлер”, которая вела наступление в сторону Прохоровки.

Вот что писал в своём письме солдат первого отделения 2-го мотопехотного полка Курт Пфёч 5 июля 1943 года: “... Ты действительно видишь ещё какой-то смысл в происходящем? Действительно ли ты прочно убеждён в том, что всё это необходимо? Всё! С меня хватит! Нет сил продолжать эту дерьмовую войну! Я больше не могу! “Хватит!” – кричали нервы. “Хватит!” – кричало сердце. “Хватит!” – пронеслось в мыслях”.

В направлении Прохоровки была задействована элитная дивизия германской военщины СС “Лейбштандарт Адольф Гитлер” – откормленные здоровяки с чёрной нарукавной ленточкой, на которой было вышито сереброе имя Адольфа Гитлера. У каждого на счету по 10–15 советских танков. У некоторых на груди – серебряный знак с цифрой “25”. Все члены экипажа могли самостоятельно вести танк. У нас водитель вышел из строя – танк омертвел... А с нашей стороны во время сражения под Прохоровкой, как пишут военные историки, “абсолютное большинство механиков-водителей советских танков были не обстреляны. Они не имели достаточного опыта вождения машин днём – о ночи же и говорить было нечего”. Мальчишки шли на смерть...

Мне вспомнилось, как нашу роту противотанковых ружей долго не вводили в передовые траншеи, а держали в прифронтовой полосе. Мы занимались изучением материальной части вооружения, с закрытыми глазами заряжали и разряжали автомат на случай, если понадобится вести бой ночью. Ходили на учебные стрельбы. Нас изматывали марш-бросками по 15–20 километров с полной выкладкой в 30 килограммов на плечах. Но главное – обкатка танками.

Я сидел в траншее и выглядывал, когда же покажутся грозные машины. Конечно, психологически мы были подготовлены – всё же учёба, танки свои. Тем более люки водителей открыты и видны их лица. Вот один заметил меня и улыбнулся. Повернул танк. Я упал на дно траншеи, притаился. А когда гусеницы прогрохотали лязгами траков по голове, быстро вскочил и бросил прошлогоднюю корзинку подсолнуха на сетку мотора, изображая бросок гранаты. Всё так. Но это был уже 1944 год, и стояли мы на Западной Украине.

...Взломав две наши оборонительные полосы, немцы продвинулись на 35 километров и подошли вплотную к Прохоровке, заняв горловину между рекой Псёл и лесным урочищем. Согласно разведанным Манштейн знал, что из глубокого тыла двигается колонна советских танков длиной более 18 километров. Это была наша лучшая Пятая гвардейская танковая армия под командованием генерала Ротмистрова. Она предназначалась для наступления до Днепра после прорыва немецкой обороны на Курской дуге другими частями. Её-то и ждал Манштейн. Он приказал остановиться и занять оборону. Это было самое удобное место для расстрела железных машин. Свои танки немцы закопали в землю по башню для кругового обстрела, если кто прорвётся.

Утром 12 июля 1943 года наша пехота попыталась взять господствующую высоту 252,2, где теперь стоит памятник “Звонница” и где удобно было развернуть в боевые порядки танки Ротмистрова для наступления. Немцы открыли небывало плотный огонь по площадям. Два пехотных полка полегли... Затем пустили танки. 150 единиц. При дальности прямой наводки “тигров” до полутора километров, при качественной цейсовской оптике наведения, наши потери были значительными.

Тихон Васильевич рассказывал, что его родной дядюшка Денис, сидя в погребу, слышал уже немецкую речь. Подобрались к тыну, а воротца одолеть не смогли. Попятились назад. Когда грохот пальбы отдалился на запад, Денис вылез из погреба и насчитал на своём огороде 26 трупов. Вперемежку. Зарывали вкуче, без разбора. При июльской жаре тела подгнили – вонь удушно забивала дыхание, заходить приходилось от ветра. Сверху пригнали трактор и могильные бугры сравняли. Без лишних забот. Зловещие метки войны ещё долгие годы пестрели оспинами жирной зелени...

Говорят, что братскую могилу погибших воинов следует продлить на три километра к западу от Звонницы до посёлка Комсомолец. В прохоровском храме Петра и Павла, возведённом в память о павших на танковом поле, вы-

сечены на мраморных досках имена 7 тысяч воинов. Это лишь выявленные по документам, которые собирали после боёв мешками. Опять же люди уточняют, что погибших было больше – до 10 тысяч... Война считает нолями. На Прохоровском поле наступление считали не километрами, а трупами.

Но и потери фашистов были такие, что Гитлер принял решение прекратить операцию “Цитадель”. Прохоровское поле протрезвило и одну, и другую сторону.

Меня всегда занимала противная сторона. Не воспоминания и дневники немецких генералов, которые обычно бахвально привирают, а взгляд на события рядового солдата. Говорят, сверху виднее. Не всегда. А вот снизу – трезвее.

Так они шли на нас:

“Темп марша был необычайно высоким. Всё выглядело так, как будто надо было выиграть гонки... Мы не знали, где проходит финишная прямая этих гонок. Если бы нам сказали, что она где-то в районе Прохоровки, вряд ли кто-нибудь из нас придал бы этому значение. Это название поначалу ничего не говорило нам. Пока ничего! Чем Прохоровка станет для нас через сорок восемь часов, у нас пока не было никакого представления. Пока никакого! А пока можно съесть кусочек шоколада и просто осматривать окрестности. И спеть “Марш дивизии “Лейбштандарт””.

“Русские позиции представляли собой кучи земли, лабиринт ходов сообщений, пулемётных точек, блиндажей и позиций противотанковых пушек. Всё это было перепаханно бомбами и снарядами. Воронка была на воронке. И всюду – убитые. Русские – группами и отдельно – убитые”.

“Куда ни глянь, лежали убитые русские гвардейцы. На позициях они как будто спали. Среди них попадались разорванные на части, раздавленные в ходах сообщения. Кто выжил после атаки с воздуха, попал под прорвавшиеся танки, был расстрелян, раздавлен и вмят в грязь”.

А когда они полезли отсюда, то увидели себя:

“Вокруг лежали убитые немцы.

– Пошли дальше, – Курт подхватил берлинца под руку. – Нечего тут смотреть. Здесь кто-то из 3-го батальона. Нам снова повезло.

Он обошёл кучу человеческих тел, споткнулся о каску и выругался. Вокруг лежали коробки с пулемётными лентами, винтовки, автоматы и кругом – мёртвые: разорванные на куски, изрешечённые, раздавленные танковыми гусеницами. Стоял отвратительный смрад. Запах прилипал к языку и плотно обволакивал нёбо”.

“Курт понял: **иван** почти прорвал противотанковый рубеж, сейчас он снесёт его и двинет дальше! Курт решил сползти назад”.

“Когда Курт выглянул из-за края балки, то испугался. Жирный чёрный дым, фонтаны земли, стреляющие и горящие танки. Его глаза прижмуривались от ярких вспышек, сверкающих сквозь дым и пыль. Русские! Т-34! Как они близко! Они просто прорвались. Чтобы не успели подбить “Тигры”, проехали дальше! Ни на что не обращая внимание! Как самоубийцы!”

“Один “Тигр” повесил хобот. В его левом борту зияла дыра. Башню охватили языки пламени, словно факелы. Т-34 на полном газу неслись к “Тиграм” спереди слева. Первые “Тигры” дёрнули гусеницами и повернули. Один задымился, но продолжал ещё стрелять. **Иваны** мчались на полном ходу, чтобы не дать “Тиграм” воспользоваться преимуществом в дальности стрельбы и бронировании. Они мчались решительно, упрямо, отчаянно. Каждый попавший снаряд на сравнительно малом расстоянии проходил сквозь стальные стены, словно гвоздь через фанеру”.

“Танковое сражение под Прохоровкой бушевало целый день. И вечер был таким же, как день, а ночь – такой же, как вечер. Горящие танки освещали местность призрачным колеблющимся светом. Остовы танков стояли близко друг от друга, в некоторых местах – кучами, так же как погибшие гвардейцы и гранадёры”.

Автор этих записок – Курт Пфёч, 1924 года рождения. Доброволец 1-й дивизии СС “Лейбштандарт Адольф Гитлер”, с осени 1942 года – на Восточном фронте

те. Тяжело ранен в бою под Прохоровкой, списан как нестроевой. Из 12 солдат 1-го отделения 2-го мотопехотного полка десять погибли на фронте.

Стиснутая до пределов Огненная дуга с неимоверной силой разогнулась и сокрушительно саданула двумя концами – северным и южным – по берлинскому бункеру, где спешно начали создавать при ставке Третьего рейха сверхсекретный отдел по срочному “…поиску возможностей сепаратного замирения с противником не только на Западе, но даже на Востоке”.

… У Поминальной Звонницы, как всегда, делегация. Автобусы с украинскими номерами в сторонке, а процессия, среди которой и ветераны войны, медленным шагом, с венками в руках, направилась к ступенькам святыни. И хотя бывшие воины с медальными кольчужками на груди к нам спинами, их сразу отличишь, уже согнутых. Вообще основная поза в наступлении – это вид согнутого бегущего солдата. В молодости согнуло и в старости согнуло. . .

Название хутора Засечное, где находится Звонница, говорит о его принадлежности к Белгородской засечной черте. “Преданья старины глубокой” доносят нам, что где-то в районе Звонницы стояла сторожевая вышка засечных насельников.

А появились они здесь в XVII столетии, когда “боярские дети” начали переселяться из Тульского края на южное порубежье для надзора границ от жестоких набегов неверных басурман. “Боярских детей” вписывали в “Таможенную книгу”, наделяли участками. Но землю они не обрабатывали, а несли службу и получали царское жалование. Землю сдавали в аренду. Династия Лукиных скоро отметит четырёхсотлетие.

Глядя на Звонницу, я подумал, что Прохоровское поле – это засечная черта, о которую свернули себе шею *западные басурманы XX века*.

7. Засечная черта

… Мы ехали к усадьбе Тихона Васильевича. Обочь дороги с двух сторон стройными рядами выстроилась ровень машины диковинная для наших мест поросль. Немного позже я узнал от Веры Петровны, что это декоративное растение, завезённое из Африки, называется клещевина. Там клещевина считается технической культурой, из её плодов вырабатывают касторовое масло. В наших краях это заморское чудо не вызревает, и в первые заморозки большие разлапые листья на длинных черенках свисают вялыми тряпочками. Но заморозки были ещё на подходе, и клещевина вызывающе красовалась на фоне осенней густоты разноцветья.

Неподалёку, прямо на окраине лога, поросшего урёмным дубняком, показался добротный особняк в четыре этажа с венецианскими окнами. Полыхала крыша из металлической черепицы красного цвета. Тихон Васильевич говорил, что любит окна, чтобы в них было три четверти неба. В глазах просветлело.

– Ничего себе хоромина! – удивился вёзший нас есаул.

– Такую он чертил в Алжире.

Тихон Васильевич выскочил из “хоромины” и, разведя руки, готовый своим славянским добросердечьем объять весь мир, пошёл медведем навстречу, схватив меня в охапку. Послышался медовый аромат с оттенком прополиса. Как он радуется человеку!

На нём плотно сидел приношенный по крепкому, ещё в силе, телу полосатый свитер, из-под которого у подбородка виднелся вывернутый наружу воротник светлой рубахи.

Слева, за дорогой, на краю поля, стояла иномарка и трактор “Беларусь”. Странно, что техника хранилась на отшибе, а не во дворе.

– А никто не тронет, – уловил мой взгляд Тихон Васильевич. – Сначала хотел усадьбу обнести забором. Потом подумал: зачем? Городиться не от кого. Соседей нет.

– Мне без огорожи как-то непривычно, не чувствуешь края.

– Скрывать нечего. Ворованного у меня нет.

Усадьба встретила нас улыбками цветов. Ещё не померкла герань, кустились мохнатые розы, тянулась кверху этажными венцами шарлаховая сальвия. Я засмотрелся на хризантемы – философские цветы, с глубокими запахами осени.

– Тут хорошо поработал мастер аранжировки цветников, – заметил я.
Клумбы действительно были скомпонованы фигурным чертежом и обмилваны женской рукой.

– Кто любит цветы, тот не может быть плохим человеком, – ответил мне комплиментом на комплимент Лукин.

А я подумал о том, что с возрастом число друзей сокращается, а качество их повышается. И мне с ним как-то уютно, легко. Его неумная энергия подпитывает мою хилость.

Только обогнули дом – как под ноги свалилась белка с раздутыми щеками. Но это оказались не щёки, а спаренные на плодоножке два ореха.

– Проказница.

Белка, мелькнув жёлтым пламенем пышного хвоста, проворно скрылась в чащобе.

– По два ореха сразу берёт. Отойдём – вернётся.

Тихон Васильевич достал пустой ореховый шарик с круглым, в копейку, окошком в скорлупе.

– Вот аккуратно так выедает.

Мы спустились вниз, где на склоне лога, в прогалинах межстволья лесной рощицы, проглядывали весёлым разноцветьем ульи. Ульи стояли рядами, уступом в лог на высоких колышках.

Солнце скрывалось где-то за хмарью, и пчела сидела. Лишь у забитого краника поилки самые отчаянные устроили толчею. Тихон Васильевич, обломив травяной пруттик, отогнал, опаживая свободной рукой, пчёл и прочистил краник. Вода зачастила капелью на крылышки и, прорвав запруду толчеи, пошла наклоном по извивам ровика, выдолбленного на доске. Пчёлы, отряхнув крылышки, покинули бесполезный краник и выстроились по изломам русла в ряд, пульсируя поднятым кверху брюшком.

– Дикий кабан забрёл. Сдвинул дальний улей. Чесался об угол. Я не стал поправлять: скоро завозить в омшаник. Порой забредает на пасеку и семейка с поросятами. Намедни мой меньший внучек Петя гонял трактором по выгону клыкастого борова. Я заснял на плёнку. . .

– На пасеку я выхожу, как на праздник. Моё правило, – говорил тем временем Тихон Васильевич, – не гноби себя неудачами. Живи положительными эмоциями. Работа – это моё духовное состояние. Сердце поёт, если ладится дело.

Я представил пасечника без розгиба над ульем в синем халате с подвязками у кистей, в брилевой сетке.

Это состояние услады я помню, когда в молодости занимался пчелю. Несколько часов пробудешь на пасеке, вечером лёг, закрыл глаза, а в них сотовые ячейки. Какое удовольствие!

– Когда я склоняюсь над ульем, то нахожусь в какой-то светло-солнечной, как медовый сот, ауре.

– И всё же мир зыбок, – напомнил я.

Тихон Васильевич замедлил шаг. Но тут же, будто прорвав какую-то препопу, круто повернул к омшанику.

– “Помирать собирайся, а жито сей”, – говорили наши деды. – Я не понимаю мужиков, которые целый день оттирают углы. Живут от кабана до кабана, от самогонной закваски до закваски.

– И всё же, сколько ни гнули нашего мужика, у него хватало сил на разгиб.

Подошла, переняв нас, Вера Петровна. Подала руку – щепотку женского тепла. Выглядела она величественно, а держала себя просто. Красивая женщина – мне вызов. По молодости я заносчиво отводил взгляд. В старости растарашился во все глаза. Вера Петровна смутилась, ушла в беседку, оплетённую снаружи узорной сеткой дикого винограда. Подумал: мне пора уже под ноги смотреть, а не на красивых женщин. Но при чём тут я? Природа виновата. Впрочем, натуральных лиц не стало. Природно-национальный лик русских красавиц перерисован западной косметикой в корпоративно-рыночную подделку. В красовух.

Вера Петровна ушла, а её скупая улыбка осталась в глазах.

– Пойдём дальше? – напомнил нам Тихон Васильевич.

Молча мы стронулись с места.

Мы спустились в омшаник по откосному въезду для трактора. Часто на экране показывают винные погреба с огромными бочками в два яруса. Я предста-

вил, как в пору долгого заснежья в этом просторном полуподвале покоятся в два яруса на дощатом помосте не бочки, а драгоценные посудины с живым нутром.

— Когда свозим ульи на зиму, время рассчитываем по минутам.

Тихон Васильевич завёл для показа небольшой, красного цвета мини-тракторок без кабины, который стоял наготове у ворот. Рядом находился вместительный прицеп для ульев и самодельный, вроде бульдозерного, ковшик. Тихон Васильевич накиннул крюк на самоделку. Дробно стуча мотором, тракторок поднял и опрокинул ковшик. Я дал знак — глуши тархтелку. Тихон Васильевич повернул ключ зажигания.

— Мы таким способом вывозили глину, когда рыли омшаник.

Тихон Васильевич переступил с ноги на ногу, а я глянул на него как-то со стороны и подумал, что и его одолевает уже неудержимая седина...

— А теперь святая святых, — таинственно произнёс пасечник.

За омшаником скрытно тайлся невысокий лабазик с плотно пригнутой по лутке — от пчёл — дверью. Тихон Васильевич отодвинул засов, ступил в глубину притенённого склада. Пучок света выхватил оскал молочных фляг. Сорокалитровые посудины стояли в два яруса блестящими ракетами из нержавеющей стали. Густой медовый дух забил дыхание.

— В этом году не хватало тары, ходили по хутору, собирали. Вышло двести фляг. Сорокалитровых.

— А по весу?

— Намедни губернатор созвал, как говаривали в старину, передовиков производства...

У меня мелькнула мысль, что о советском времени говорят уже, как мои родители вспоминали царские времена...

— Идёт Савченко — за ним, как обычно, волочитсЯ свита. Увидел меня, поздоровался: “Ну, как, пчельник, собрал десять тонн!” Дома я всё думал: откуда он знает? Наткнулся глазами на журнал “Пчеловодство” — вспомнил. Заметку в редакцию посылал. Я иногда делюсь опытом. В прошлом году отмечали юбилей тысячной фляги.

Мысли мои неспокойно разворошились. Боже ж ты мой, на что способен русский клин — более половины плодородных земель планеты, если всего неполных четырнадцать гектаров за одно лето дали десять тысяч килограмм бесценного здоровья!

— Если появляется в собственности земля, то меняется и психология человека, — продолжал тем временем Тихон Васильевич. — Мои дети уже выросли сознанием в свою землю. У них за неё болит сердце. И общество, прежде всего, должно быть воспитано в духе уважения к праву на собственность. В частности, на землю. Я должен быть уверен, что посадил дерево для своего внука и увеличиваю состояние своего рода. Счастье — это видеть своих детей и внуков счастливыми. Но этого пока мы не видим... И от руководства страны мы ничего не требуем, кроме соблюдения законов и уважения к нашему труду.

— Слушай, пасечник, пчеловод, улейник, пчельник, земец, пчеляк, бортник, пчелинец, как тут у вас: не передавивши пчёл, меда не отведать?

Тихон Васильевич сгустил брови:

— Это в старину. Пчелу обижать нельзя. Если ты к насекомому с уважением, оно к тебе добром. Это святое существо. Не зря сказано, что пчела произошла из слезы Христа, распятого на кресте.

— А вот она, пчела, понимает, что ты, охмутив её дымом, обираешь её?

— Пчелу мы не обираем. Оставляем, сколько ей надо.

Вера Петровна выставила на стол графин с медовухой, и все улыбнулись. Медовухи я ещё не пробовал.

После медовухи беседа пошла живее, но сошла с колеи. По образованию есаул — селекционер, он живо нашёл общий язык с Тихоном Васильевичем, и они, нагнав за столом скуоту, зашли в научные дебри. Вера Петровна почувствовала себя неловко. Заняла нас цветами.

С утра в тени дубравы ещё не сошла с клумб свежесть, и роса окропила цветы блёстками. Но к полудню хмарь лениво отошла, и лучик солнца, пробив яблоневою вязь ветвей, лизнул пустую тарелку. Над пасекой стоял привычный, как мерное звучание тонкой скрипичной струны, извечно трудовой медвяный звон.

Обочь дома на дороге прошелестел, ярко мелькнув жёлто-предупредительной окраской, школьный автобус и ладно припарковался на асфальтовой

стоянке. Из открытой двери, давясь, точно выстреливая по одному, начала выскакивать детвора. Писклявый щебет потеснил пчелиный звон.

Когда я смотрю на детей, мне видятся за их спинками ангельские крылышки. Когда в семье рождается мурлыкающее дитя, появляется неведомое ранее чувство любви к лепечущему существу. Когда появляются внуки, это лучезарное чувство удваивается. Разве бывает человек счастливее, оцелованный ребёнком, да ещё внуком! Всё остальное меркнет перед святыней потомства.

Я оглянулся вокруг: всё благоухает. Божья благодать. Цветы, пчёлы, дети — красота жизни!..

Но почему дети кричат, надрывая глотку?

Тихон Васильевич, извинившись, заторопился встречать гостей, а Вера Петровна собралась готовить, как стало теперь модно говорить чужими словами, фуршет. Медовый, разумеется. Нам пришлось уступить место.

— О, сколько их?! — удивился есаул.

— Бывает за день до ста человек, если с детьми считать взрослых экскурсантов, — ответила на ходу Вера Петровна. — Возьмите в беседке лукошко, ножи на столе. Там подоспели опята. Один срезал, три смотрят на тебя, вытянув шейки. А пятеро выглядывают из-за спины: когда же ты обернёшься?

Тем временем, ожидая, пока пройдёт экскурсия и Лукин отчитает свою лекцию о пчёлах, мы спустились в лесистый лог, куда вела тропинка, продавленная в траве.

Лес ещё дремал. Он встретил нас немотой и стерильной свежестью воздуха. Меж деревьев уже исчез весенне-летний промельк птиц, и кое-где осел на землю светлыми плешинами у приствольев жёлтый лист. Но в чащобе ещё густились тени. Стручки опять, буйно теснясь, обвязали колоды и пеньки сказочными боровичками в каштановых шляпках. А в самом низу, если спуститься на донышко лога, по-детски лепечет говором предков кристальный ручей. Вышли на поляну — лесное окошко, и есаул ахнул: по травяной зелени будто кто густо рассыпал печенье.

Уезжать не хотелось. И я представил то блаженство, когда в зимнее заснежье осядет с неба на усадьбу немая темень беспросветной ночи. Представил, как в сказочном тереме, отрешившись от всего мира, одни на весь замкнутый лес будут умиротворённо покоиться в абсолютной тишине две породнённые жизнью души, выковавшие усилием воли своё счастье собственными руками. И только предельное воображение сможет представить совсем рядом, под плотным покровом заносов, усмирённо-замедленный ритм тысячи тысяч пчелиных сердец. . .

Когда мы вернулись на пчельню, мелкой ситцей просыпалась моросейка дождя, и липучая от мёда детвора в невероятном возбуждении с диким визгом ринулась к двери автобуса.

Тем временем Вера Петровна поставила самовар с краснеющими на поду углями.

Тихон Васильевич читал по памяти отрывок из моей поэмы в прозе “Медвяный звон”:

— “Червь точит лист. Червя берёт птица. Птицу выслеживает зверь”...

Мурлычет, закипая, самовар. Томится под матрёшкой заварной чайничек.

— “Пчела не трогает листа. Не подтачивает корни. Цветок не трогает. Она оставляет природу живой. Берёт то, что ни на что больше не идёт. И, беря себе пищу у полевых цветов, не уничтожает жизнь, а плодит её!”

Вера Петровна осторожно, чтоб не стукнуть, расставила чашки.

Разнесла розетки с мёдом.

— “Природа создала чудо: любовь и цветы. Нектар — это любовь цветов. В нём скрыта молодость жизни. И пчела берёт любовь цветов и несёт человеку!”

Когда мы отехали, высоко в чистом небе вознеслась в заоблачных далях огромной дугой радуга, сходная семицветьем с огнями салюта.

Мы вышли из машины. Одним концом радуга-дуга оперлась, найдя земную твердь, где-то у Звонницы, на Танковом поле, другим — у Засечной, на пасеке, соединив, казалось бы, несовместимые поля. И хотя это была иная дуга, нежели та, что распрямилась в давнем лихолетье чёрными огнями разрывов, она свела Третье поле с Четвёртым.

Беда наша — от короткой памяти. Если человек держит в голове Куликово поле, Бородинское и Прохоровское поле, он держит и поле, на котором стоит. Теперь у каждого своё поле. Четвёртое. Это твоя Засечная черта.

ВИКТОР ГУМИНСКИЙ

ПУШКИН: СМЕРТЬ И СЛАВА

Традиция, к которой примыкает пушкинское стихотворение “Я памятник себе воздвиг...”, так глубоко уходит в историю мировой культуры и за долгие века своего существования накопила столь необъятный запас идей, образов, ассоциаций, что исследователь, пытающийся взглянуть на неё *ab ovo*, заведомо обрекает себя на поверхностный (или избирательный, если формулировать более корректно) подход. Однако такого рода попытки необходимы и даже неизбежны, ведь очевидно, что диалог с традицией в её полном объёме явно входил в намерения поэта, и именно через него Пушкин стремился осуществить свой замысел.

В этой традиции пушкинистика выделила “горацианско-державинскую идею бессмертия поэзии” (М. П. Алексеев), но, разумеется, одной идеей, пусть и столь масштабной, она не исчерпывается. Так же, как не сводима она и к историко-литературной схеме, предложенной в известной монографии М. П. Алексеева: римские метрические эпитафии (Энний и др.) – “Памятник” Горация и т. д.¹ Традиционный смысл, если можно так выразиться, пушкинского стихотворения: “Я заслужил посмертную славу, потому что сделал в своей жизни то-то и то-то”, – конечно же, опирается на представления более древние и развивает идеи более общие. Скажем, на понятие о “доброй славе”, которым руководствуется в выборе своей судьбы гомеровский Ахилл, когда говорит о себе в IX песни “Илиады”:

*Если останусь я здесь, перед градом троянским сражаться, —
Нет возвращения мне, но слава моя не погибнет.
Если же в дом возвращусь я, в любезную землю родную,
Слава моя погибнет, но будет мой век долголетен,
И меня не безвременно Смерть роковая постигнет.*

(Илиада, пер. Н. Гнедича, IX, 412–416)

Следует отметить, что самое понятие “славы” входит в ряд устойчивых поэтических формул: “нетленная слава”, “слава героев” и т. п., однотипных по лексической организации, происхождению и употреблению, по крайней мере, в нескольких индоевропейских традициях и составляющих основу индоевропейского поэтического языка².

Понятия “славы”, “славы героев”, “воинской славы” и т. п. изменялись во времени, порой весьма существенно. Так, с приходом христианства прославление воина стало определяться не столько его земным (профессиональным) подвигом, сколько его подвигом во имя Христа, “славой во Христе”. Но “колебания” между славой “земной”, “мирской” и славой “небесной” бы-

вали весьма заметными, так же как и их “смешение”. Особенно выразителен здесь, конечно, пример с вмч. Георгием.

Согласно византийской агиографической традиции, Георгий с юности пребывал на военной службе, отличился в ряде сражений, стал крупным военачальником, но при Диоклетиановых гонениях на христиан (IV в.), которые, в первую очередь, коснулись армии, претерпел особо тяжелые страдания за Христа и мученическую казнь. Причисленный к лику великомучеников, он стал одним из самых почитаемых святых в христианском мире (и даже в исламских странах – в качестве одной из главных некоранических фигур).

Древнейшие из известных изображений Георгия относятся к VI в., и на них уже представлены два иконографических типа. В соответствии с первым (например, энкаустическая икона VI в. из монастыря вмч. Екатерины на Синае), Георгий изображается именно как мученик: с 4-конечным крестом в правой руке, облаченным в длинную хламиду, поверх которой надет плащ, украшенный крупным орнаментом. Атрибуты “воинской славы” здесь отсутствуют. Однако они (воинские доспехи, копье в правой поднятой руке и меч в ножнах у пояса) представлены на фронтальном, в рост, изображении Георгия (VI в.) на столпе Северной церкви в Бауите (Египет)³.

Встречаются и случаи, так сказать, “прямого” столкновения двух иконографических типов, той и другой славы. В Киевском музее русского искусства экспонируется икона кон. XV – нач. XVI в. “Чудо о змии”, на которой изображён редкий для иконографии Георгия атрибут – воинский шлем, падающий с головы святого. На шитой пелене с тем же иконографическим сюжетом (нач. XVI в.) из Коневецкого монастыря на Ладожском озере (Государственный Русский музей) шлем заменён небесным мученическим венцом.

Отметим, что это, пожалуй, самое известное чудо великомученика, легшее в основу знаменитого иконографического сюжета, в греческой традиции считается единственным прижизненным, однако в славянской и других относится к числу посмертных, как и все остальные чудеса святого. Древнейшее известное изображение Георгия, поражающего копьём змея, встречается в росписях храма св. Варвары в Соганлы (Каппадокия) и относится к началу XI в. Вмч. Георгий издревле именуется Победоносцем в значении победитель в духовной брани, и лишь впоследствии этот эпитет был переосмыслен в связи с победой Георгия над змеем. Добавим, что, начиная с Византии (с IV в.), а затем и на Руси (с XI в.) вмч. Георгий почитался, прежде всего, как небесный покровитель воинов. Так или иначе, но, вероятно, следует согласиться с мнением современного исследователя: “Трансформация образа христианского мученика в образ Победоносца непосредственно выражает изменение отношения христианства к военному делу. Семантика победы меняется в направлении “мирской славы”, так как небесная слава уже выражается не в смиренном терпении страстей, а в прямой победе над злом”⁴.

Этот вывод в целом подтверждается и изменениями в иконографии первых по времени канонизированных русских святых – князей-страстотерпцев Бориса и Глеба. О прижизненных воинских подвигах братьев ничего неизвестно, однако хорошо известно, что смерть настигла Бориса тогда, когда во главе отцовской дружины он возвращался после неудачного похода на печенегов. Дружинники предложили князю поддержку в борьбе за власть, однако тот отказался, не желая “взнять руки на брата своего старейшаго”, иначе говоря, отринул даже возможность вооружённого сопротивления. В случае с юным Глебом, как известно, подобный вопрос даже не вставал.

Одно из древнейших изображений братьев-страстотерпцев в монументальном искусстве – резной белокаменный образ в аркатурном фризе северного фасада Дмитриевского собора во Владимире (90-е годы XII в.). Здесь они представлены в рост, с мученическими крестами, но без мечей. В правом – восточном – прясле южного фасада по сторонам окна они изображены уже в виде всадников со всеми воинскими атрибутами. В дальнейшем преобладающим иконографическим типом изображения Бориса и Глеба станет воинский, хотя, конечно, иногда встречается и мученический. Например, в клеймах житийной иконы конца XIV в. из Борисоглебской церкви в Коломне (Государственная Третьяковская галерея) имеется редкая сцена увенчания Бориса и Глеба мученическими венцами, а на пластине “Киликийского креста” из Спасо-Прилуцкого монастыря (Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник; конец XV в.) Борис

и Глеб поднимают мученический крест. К тому же братья-страстотерпцы, первые русские “непротивленцы”, (Г. П. Федотов) становятся небесными защитниками Русской земли и помощниками русским князьям, а затем и царям (“сродникам” Бориса и Глеба) в различных битвах: в Невской, на Чудском озере, Куликовской и т. д., вплоть до взятия Казани и Динабурга, по свидетельству царя Алексея Михайловича⁵. Словом, “небесное” и “земное”, “мирское” в посмертной славе святых воинов находятся в сложном (часто обусловленном вполне конкретными историческими причинами) взаимодействии, но их неразрывная связь очевидна. Так же, как неразрывна связь между духовным (церковным) и земным (воинским) значением слов *подвиг*, *битва*, *брань* и т. д.

И хотя на требование византийского императора Никифора II Фоки (X в.), чтобы убитые на войне были причислены к сонму мучеников и в этом качестве чтимы и прославляемы, архиереи ответили отказом⁶, смерть воина на поле битвы остаётся в одном ряду с жертвенной смертью мученика. Ведь по слову Спасителя, “болши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя” (Ин 15, 13).

В этом контексте совершенно иначе начинают звучать пушкинские строки, посвящённые прощанию с воинами, отправляющимися на Отечественную войну 1812 года, иногда вызывавшие недоумение у критиков: почему “умирать”, а не “побеждать”?:

*Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались
Завидуя тому, кто умирать
Шёл мимо нас...*

Лучшим реальным комментарием к этим строкам могут служить позднейшие воспоминания лицеиста И. И. Пущина, который писал о том, что “мы провожали все гвардейские полки, потому что они проходили мимо самого Лицея, — мы всегда были тут, при их появлении; выходили даже во время классов, напутствовали воинов сердечною молитвою, обнимались с родными и знакомыми — усатые гренадеры из рядов благославляли нас крестом”⁷. Свой комментарий оставил и К. Я. Грот: “Завидуя тому, кто умирать / Шёл мимо нас...” — не риторическая фигура, а точное описание психологических переживаний лицеистов. Героическая смерть, переходящая в историческое бессмертие, не казалась страшной — она была прекрасна”⁸.

Мученические, жертвенные страницы русской истории имели для поэта большое значение и во многом определяли, по его мнению, “особое предназначение” нашей страны. Об этом можно судить хотя бы по знаменитому ответу Пушкина на первое “Философическое письмо” П. Я. Чаадаева. Здесь, в частности, говорится о том, что “необъятные пространства” России “поглотили монгольское нашествие” и “нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех”⁹. Это неотправленное письмо Пушкин датировал 19 октября 1836 года — днём лицейской годовщины. На празднике в её честь поэт и читал стихотворение “Была пора: наш праздник молодой...”

Однако вернёмся от славы героев к славе поэтов. Оказывается, что и в более узком, литературном в почти профессиональном смысле, эта традиция много древнее, чем предполагал М. П. Алексеев. Ещё в 1935 году Э. Х. Гардинер опубликовал так называемое “Прославление писцов” из папируса “Честер Битти-IV”, в котором, по словам В. Коростовцева¹⁰, “мы слышим... мотив “нерукотворного памятника”, прозвучавший на берегах Нила в конце II тысячелетия до новой эры”. Вот этот текст в переводе И. Кацнельсона:

*Мудрые писцы
Вреён преемников самих богов,
Предрекавшие будущее,
Их имена сохраняются навеки.
Они ушли, завершив своё время,
Позабыты все их близкие.*

*Они не строили себе пирамид из меди
И надгробий из бронзы,
Не оставили после себя наследников,
Детей, сохранивших их имена.
Но они оставили своё наследство в писаниях,
В поучениях, сделанных ими.*

.....
*Стань писцом, заключи это в твоём сердце,
Чтобы твоё имя стало таким же.
Книга лучше расписного надгробья
И прочной стены.
Написанное в книге возводит дома и пирамиды в сердцах тех,
Кто повторяет имена писцов,
Чтобы на устах была истина.
Человек угасает, тело его становится прахом,
Все близкие его исчезают с земли,
Но писания заставляют вспоминать его
Устами тех, кто передаёт это в уста других.
Книга нужнее построенного дома,
Лучше гробниц на Западе,
Лучше роскошного дворца,
Лучше памятника в храме. . .*

Этот, безусловно, древнейший на сегодняшний день гимн письменной культуре, по справедливому замечанию И. Кацнельсона, “во многих отношениях ближе к знаменитой оде Горация, чем к пушкинскому “Памятнику”¹¹. К тому же никто из современных исследователей не берётся отрицать возможность знакомства Горация с этим текстом — уж очень много общего у него с “Памятником”, хотя никто, сколько нам известно, и не осмеливается утверждать это категорически.

Корнелий Тацит заключил своё “Жизнеописание Юлия Агриколы” следующими словами: “Всё, что мы любили в Агриколе, чем восхищались в нём, остаётся и останется в душах людей, в вечном круговращении времени, в славе его деяний; многих выдающихся мужей древности поглотило забвение, как если бы они были бесславными и безвестными; но Агрикола, чей образ обрисован и запечатлён для потомства, пребудет всегда живым”¹².

Русский вариант подобного прославления письменности, как известно, предложил И. А. Бунин в начале “Жизни Арсеньева”: “Вещи и дела аще не написании бывают, тмою покрываются и гробу беспамятства предаются, написании же яко одушевлени. . .” Как недавно установлено, бунинская стилизация основана на поморских рукописных текстах Ивана Филиппова (нач. XVIII в.).

Разумеется, эта традиция, насчитывающая три с лишним тысячелетия, не сводится к приведённым примерам¹³. Здесь важно подчеркнуть её общий положительный пафос преодоления времени, причём самым действенным орудием преодоления объявляется письменность (> литература > поэзия). С самого же начала определяется и особый характер именно этой традиции, отличающей её от других, “более материальных” (пирамид и т. д.): речь идёт о чём-то гораздо более духовном, воплощаемом в слове (“написанное. . . возводит. . . в сердцах”, “написании же яко одушевлени”).

Отсюда с неизбежностью следовал вывод об особой ценности литературного, поэтического творчества сравнительно с другими видами деятельности: поэтические подвиги выше военных и т. п., так как только благодаря поэзии потомки сохранили память о подвигах ахейцев под стенами Трои (см. выше пример с Ахиллом). Или, говоря языком Горация-Ломоносова:

*Герои были до Атрида,
Но древность скрыла их от нас,
Что дел их не оставил вида
Бессмертный стихотворца глас.*

Следует, вероятно, добавить, что эта традиция также наглядно фиксирует общий ход мирового развития и ведёт нас к осознанию риторической при-

роды литературного творчества вообще (вплоть до самого рубежа XVIII–XIX вв.), когда между человеком и миром необходимо стояло слово, прочность которого, по выражению современного филолога, “испокон века строила мосты над всемирно-историческими катастрофами”. Не имея здесь возможности входить в суть проблемы, ограничимся отсылкой к обширной литературе вопроса (прежде всего, к работам Э. Р. Курциуса, в отечественном литературоведении – С. С. Аверинцева и, особенно, А. В. Михайлова).

Но весь тот утверждающий пафос, о котором мы только что говорили в связи с “горацианско-державинской идеей бессмертия поэзии”, не касается, если можно так выразиться, нравственно-содержательной стороны дела, в принципе безразличен по отношению к нему. К тому же сомнения в нравственности поэзии также возникли достаточно рано. Платон, как известно, изгнал поэтов из своего идеального государства, так как поэзия “пробуждает, питает и укрепляет худшую сторону души”, по словам Сократа из десятой книги диалога “Государство”¹⁴. Руссо, в свою очередь, прямо связывал падение нравов с развитием наук и искусства. “Наши души развращались по мере того, как совершенствовались науки и искусства”¹⁵ (ограничимся только этими двумя общеизвестными примерами).

Державин решает проблему как будто вполне кардинально. “Формула заслуг” найдена ещё в стихотворении “На выздоровление Мецената” (1787): “Не умирает добродетель – / Бессмертна музами она”. Эта же мысль варьируется и в произведениях 1790-х годов: “Несправедливые дороги / В храм вечной славы не ведут” (“На коварство французского возмущения в честь князя Пожарского”, 1789, 1790); “Живёт в преданьях добродетель” (“Памятник герою”, 1791); “Но славы и любви содетель / Тебе твоя лишь добродетель” (“На умеренность”, 1792). Поэт воздаёт героям по их делам, распоряжается их посмертной судьбой от лица вечности. “Заслуги в гробе созревают, / Герои в вечности сияют” (Мой истукан, 1794). Замечателен его наивный испуг перед возможностью ошибки в столь ответственном деле: “Та мысль всех казней мне страшней: / Представить в вечности злодея” (там же). Не без простодушного злорадства поэт расправляется и со своими недругами: “Врагов моих червь кости сглохнет, / А я пийт – и не умру” (“На смерть графини Румянцевой”, 1788). Откровенно антируссоистки настроен “сонм небесных дев”, поющих хвалу “Любителю художеств” (1791):

*Науки смертных просвещают,
Питают, облегчают труд;
Художества их украшают
И к вечной славе их ведут.*

Только слава вечна, только она одна может противостоять скоротечности бытия: “Всё, всё сокрыл мрак вечной ночи, / Осталась слава лишь одна” (“На кончину графа Орлова”, 1796). К концу жизни у Державина постепенно нарастает сомнение в способности любых земных деяний и чувств преодолеть время. Образ утонувшего путника приводит к пессимистическому обобщению (“Потопление”, 1796):

*Се вид жизни скоротечной!
Сколь надежда нам не льсти,
Все потонем в бездне вечной,
Дружба и любовь, прости!*

Кстати сказать, известный “Пловец” (1812) Жуковского с его верой в “тайного кормщика” – Провидение, которое никогда не оставляет пловца, даже когда тот распростился с надеждой, – явный ответ на это стихотворение Державина. Но сам Державин приходит к убеждению в тщетности человеческих попыток преодолеть время. Мы имеем в виду последнее произведение автора “Памятника”, названное при его публикации в “Сыне Отечества” (1816, № 30) неоконченным стихотворением “На тленность”, из которого поэт успел написать только “первый куплет”. В нём как раз речь идёт, в духе известного стиха Екклезиаста (1,2), об относительности перед лицом вечности любой славы, в том числе и поэтической:

*Река времён в своём стремленье
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остаётся
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрётся
И общей не уйдёт судьбы.*

Однако как бы внутри этой магистральной линии общего разочарования Державина в ценности земных усилий можно выделить особый сюжет, напрямую связанный с его “Памятником”. Собственную посмертную славу Державин ставит в зависимость от выбора героев, прославляемых его поэзией. Обращаясь к Фелице в “Видении мурзы” (1784), он заявляет: “Превознесу тебя, прославлю; / Тобой бессмертен буду сам”. Та же героиня должна “вознести с собой” в “храм славы” “скудельный образ” поэта (“Мой истукан”, 1794). Эта установка перейдёт в “Памятник” (1795), соединившись с “добродетелью” (см. выше) в первой части общей “формулы поэтических заслуг”:

*Что первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить...*

“Формула заслуг” в державинском “Памятнике” неоднократно разбиралась в литературоведении, и едва ли имеет смысл её касаться ещё раз: все исследователи, от Н. Г. Чернышевского до С. С. Аверинцева, указывали, что, в отличие от Горация, русский поэт подчёркивает общественное значение своей поэзии: “истину царям с улыбкой говорить” — и что эту традицию продолжил Пушкин. С другой стороны, в полном соответствии с традицией “Памятника” Горация, русский поэт как бы выносит здесь за скобки вопрос о личном бессмертии. Но любопытно, что этот вопрос был уже ко времени создания “Памятника” представлен в его поэзии и именно в связи с тем, что принято называть “горацианской идеей бессмертия поэзии”.

Речь идёт о последней строфе стихотворения “Ласточка” (1792, 1794).

*Душа моя! Гостья ты мира:
Не ты ли перната сия? —
Воспой же бессмертие, лира!
Восстану, восстану и я, —
Восстану, — и в бездне эфира
Увижу ль тебя я, Пленира?*

Этот образ “пернатой” души получит, как известно, своё развитие в знаменитом “Лебеде” (1804). “От тленна мира” отделяется поэт “с душой бессмертной и пенем”, и именно двойственность его человеческо-поэтической “природы”, прежде всего, позволяет ему определить себя “в двояком образе нетленным”. Конечно, в оде Горация “К Меценату” (кн. 2, 20), подражанием которой является “Лебедь”, также говорится о “двуликости певца” (пер. Г. Ф. Церетели), но здесь, в соответствии с учением метемпсихоза, подразумевается, в первую очередь, перерождение человека-певца в лебедя-певца. У Державина социальный момент по сравнению с Горацием усилен и развёрнут. “Незнатная” человеческая природа возвышается в поэте тем, что он “любимец муз”, и поэтому даже сама смерть отдаст ему предпочтение перед вельможами. В отличие от них, он не останется заключённым в гробнице, не рассыплется в прах среди звёзд, а “будто некая цевница”, станет “раздаваться в голосах” с небес. Лебединая песня, обращённая к Богу, и станет, по существу, причиной посмертной славы поэта среди земных народов. Причём, если в “Памятнике” этот круг ограничивается славянами, то здесь о поэте “со временем” узнают и их соседи (“гунны, скифы, чудь”). Стихотворение завершается призывом к друзьям отказаться от “пышного, славного погребенья”, к хору муз — не петь, а к супруге — не выть над “мнимым мертвецом”.

Можно предположить, что державинский “Лебедь” учитывает ту концепцию бессмертия поэзии, которая была развёрнута в программном стихотворении Карамзина “Поэзия” (1787). В нём ценность поэзии исторически обосновыва-

ется чувством и первым поэтом провозглашается Адам, который (выделено Карамзиным), “чувствуя себя... почувствовал и Бога”, после чего излил свои ощущения в “гимне нежном”. “Идея божественного происхождения поэзии восходит к мистическим воззрениям московских масонов”, — полагал Ю. М. Лотман¹⁶, правда, не уточняя, чьим конкретно и к каким именно.

Строго говоря, Карамзин не настаивает на божественном происхождении поэзии: создал её человек, но этот “царь мира”, “любвию рождённый”, почувствовал “причину бытия” и воспел Бога. Таков, по Карамзину, источник “поэзии святой”. Не менее определённо говорится и о сроках существования поэзии:

*Доколе мир стоит, доколе человеки
Жить будут на земле, доколе дщерь небес,
Поэзия, для душ чистейших благом будет*¹⁷.

Как мы видим, у Карамзина сняты все ограничения, налагаемые на посмертную славу поэта в “Памятниках” у Горация: “...буду я славиться / До тех пор, пока жрец с девой безмолвною / Выходит по ступеням в храм Капитолия...” (пер. А. П. Семенова-Тянь-Шанского) или у Державина: “Доколь славянов род вселенна будет чтить”... Собственно, эти ограничения можно назвать государственно-национальными, и касаются они не только времени, но и пространства, причём топонимы у обоих поэтов выстроены, по остроумному замечанию одного из пушкинистов, по гидрографическому принципу¹⁸.

Но Карамзин идёт дальше и в последней строфе своего стихотворения говорит уже не о значении посмертной славы поэта (как Гораций и Державин), а о посмертной судьбе самого поэта, перенося разговор в область инобытия — вечности, где поэт узрит “всё лицом к лицу”. Оказывается, и здесь поэт продолжит свою поэтическую деятельность:

*Когда ж умру, засну и снова пробужусь, —
Тогда, в восторгах погружаясь
И вечно, вечно наслаждаясь,
Я буду гимны петь Творцу...*

Таким образом, “горацианско-державинская идея бессмертия поэзии” получает у Карамзина столь абсолютное воплощение, что по сравнению с этой “вечностью” любая другая (посмертная слава у Горация и Державина) приобретает относительный характер. Переводя разговор в плоскость личного бессмертия, Карамзин просто оставляет этот вопрос земной жизни человечества и больше им не интересуется. Посмертная слава поэта как бы растворяется в общем земном бессмертии поэзии, а сам он вечно поёт гимны Творцу¹⁹.

Но обратимся к пушкинскому стихотворению “Я памятник себе воздвиг...”, точнее, к тем его строкам, в которых поэт излагает условие своей посмертной славы:

*И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.*

Здесь как будто всё ясно, во всяком случае, среди многочисленных истолкователей пушкинского стихотворения эти строки споров, насколько нам известно, никогда не вызвали. Сомнения, подобные предсмертным державинским, Пушкину вроде бы не свойственны. Он как будто открыто возвращается к утверждающей “горацианско-державинской идее бессмертия поэзии” и даже усиливает, абсолютизирует её вслед за Карамзиным. Разве что, в отличие от Карамзина, но в полном согласии с горацианско-державинской традицией “Памятников”, в стихотворении, посвящённом поэзии и посмертной судьбе поэта, он уклоняется от решения вопроса о личном бессмертии. Но и это вполне объяснимо: ведь писал же Пушкин ещё в лицейские годы, что “бессмертию души” предпочёл бы “бессмертие своих творений” (“В альбом Илличевскому”, 1817).

Именно так интерпретирует эти строки, например, В. С. Непомнящий. “Жив будет хоть один пиит”, — значит, пока существует человечество, ибо когда не останется поэтов, тогда и человек перестанет быть человеком²⁰. Сле-

довательно, всё получается, прямо по оптимистическому сценарию Карамзина: "... доколе мир стоит". Но ведь у Пушкина всё гораздо конкретнее и уже только поэтому — иначе. К тому же пушкинисты (М. П. Алексеев) давно обратили внимание на то, что образ "пиита" в пушкинском "Памятнике" ведёт своё происхождение от героя "Городка" (1815):

*Не весь я предан тленью;
С моей, быть может, тенью
Полуночной порой
Сын Феба молодой,
Мой правнук просвещенный,
Беседовать придёт
И, мною вдохновенный,
На лире вздохнёт.*

Очень характерно, что Пушкин даже сохранил в "Памятнике" ночную обстановку сценки из "Городка", хотя, конечно, распространил её до пределов всего "подлунного мира". Кстати, эпитет "подлунный" принадлежит словарю Карамзина (повесть "Сьерра-Моррена") и с его легкой руки стал весьма модным в предромантической России, что являлось, по мнению Петера Бранга, показателем "растущего интереса к ночным сторонам бытия" (до этого распространённым выражением было "подсолнечный свет")²¹. Но такой конкретный образ правнука-поэта, вдохновлённого творчеством прадеда, заставляет несколько по-иному взглянуть и на образ "пиита" из "Памятника", и на ситуацию, связанную с этим образом.

К тому же, как мы помним, условия посмертной славы поэта и у Горация, и у Державина, при всей их вроде бы декларативности, несли в себе и некий ограничительный смысл, означали некий земной предел (ставший особенно заметным на фоне карамзинской "вечности" — личного бессмертия поэта). Но тогда строка "жив будет хоть один пиит" теряет традиционно приписываемый ей в рамках "горацианско-державинской идеи бессмертия поэзии" "солнечный", жизнеутверждающий пафос и приобретает почти противоположный "ночной" смысл. Выходит, что Пушкин мог предположить наступление времени, когда в "подлунном мире" останется живым только один пиит? Говоря другими словами, персонифицируя условие своей посмертной славы сравнительно с Горацием и Державиным (те оперировали более общими и исторически более устойчивыми понятиями: государство, народ), Пушкин как бы устанавливает зависимость своей посмертной славы от судьбы этого последнего поэта.

Но тогда при истолковании этой строки вполне закономерным будет обращение к образу главного героя стихотворения Е. А. Боратынского "Последний поэт", впервые опубликованного в "Московском наблюдателе" за 1835 год (ч. 1, № 1)²². В нём поэт как бы экстраполирует ситуацию из платоновского "Государства" на конкретный исторический момент (освобождение Греции от османского ига в 1830 году).

*Для ликующей свободы
Вновь Эллада ожила...*

Однако свобода не принесла Греции возрождения поэзии:

*Но не слышны лиры звуки
В первобытном рае муз!*

Объяснения очевидны. Человечество вступило в железный век (эту тему, к слову сказать, начал развивать в стихотворении "К лире" в 1794 году и Державин, пеняя "человекам" на стремление "к золоту, к серебру" в ущерб "красотам доброгласья") и неуклонно движется по пути прогресса с его идеалами "насушного и полезного". Расцвет наук и торговли бесспорен, но в этом мире неизбежно угасает поэзия, так как "не о ней хлопочут поколения, / Промышленным заботам преданы".

Тавтологический оборот "свет просвещения" подчеркивает трагическую парадоксальность ситуации, ведь именно он, разгоняя "тьму невежества", приводит к исчезновению "ребяческих снов поэзии". Дотоле общие пути цивилиза-

ции и художественного творчества разошлись: “дни незнания” были гораздо благоприятней для поэзии (А. И. Журавлёва в своё время убедительно показала полемичность стихотворения Боратынского по отношению к “Элевзинскому празднику” Шиллера-Жуковского, прославляющему цивилизаторские успехи человечества)²³. Даже “сострадательное” небо с его “отрадными откровениями” отвернулось от “нежданного сына последних сил природы” – поэта, пришедшего на землю и воспеваящего “любовь и красоту”. “Поклонники Урании холодной” отвечают поэту “суровым смехом”. Подобно Сафо, “питомец Аполлона” погребает в непокорном, оставшемся свободным море “свои мечты, свой бесполезный дар”. Последний поэт погибает, но из мира, лишённого поэзии, уходят все истинные радости жизни, и человек “с тоскующей душой” остаётся один на один с “безжизненным скелетом” цивилизации (иное прочтение “Последнего поэта” предлагал в своей книге о Боратынском Е. Н. Лебедев)²⁴. Так что Белинский был по-своему прав, когда сурово раскритиковал “Последнего поэта” да и весь сборник Боратынского “Сумерки”, куда вошло это стихотворение, за “несоответствие современному мировоззрению”²⁵.

Пушкин безусловно не был чужд подобной тревоги за судьбы поэзии да и всего человечества перед лицом научно-технического прогресса (так же как и другие русские поэты-современники, например, Фёдор Глинка с его “Двумя дорогами”). Ограничимся одним и опять-таки самым общеизвестным примером. Речь идёт о XXXIII строфе седьмой главы “Евгения Онегина”: “Когда благому просвещенью / Отдвинем более границ. . .”, – в которой М. П. Алексеев видел “вдохновенный гимн грядущему русскому техническому прогрессу” и считал, что “ироническая концовка строфы: “И заведёт крещёный мир / На каждой станции трактир” – несколько не ослабляет пафоса высказанных здесь чаяний”²⁶. С этим, конечно, едва ли можно согласиться, ведь перед нами типичная “point-концовка”, по несколько странному, макароническому и тавтологическому определению Ю. В. Манна²⁷, или пуант (от фр. *pointe* – острое, острый конец), согласно традиционной стиховедческой терминологии²⁸. Но как бы то ни было, имеется в виду “резкая концовка в строфе или стихотворении, содержащая остроумное выражение, афористическую мысль или неожиданный вывод” (А. Квятковский), или “такой перелом тона, лексический и смысловой сдвиг, что всё предыдущее. . . ставится под вопрос” (Ю. Манн). С помощью весьма популярного в европейской (прежде всего, французской) поэзии стилистического приёма Пушкин действительно ставит под вопрос утверждающий пафос всей строфы. Ответ на этот вопрос явно подразумевается: “Что будет в итоге всех технических достижений? Если единственным результатом прогресса станет только “заведение” на каждой станции трактира, то нужен ли такой прогресс человечеству?” Очевидно, что и напоминание о “крещёном мире” появилось в конце строфы не случайно. Цели этого мира, если он продолжает хранить свои христианские ценности, по Пушкину, никак не могут быть сведены к одной материальной сытости, доволству, комфорту – “трактирам”. Характеристику подобной цивилизации Пушкин позже дал в “Джоне Теннере”: “Всё благородное, бескорыстное, всё возвышающее душу человеческую, подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к комфорту (comfort)”. Кстати, сразу же отметим, что построение этой строфы с завершающим пуантом Пушкин сохранил и в стихотворении “Я памятник себе воздвиг. . .”

Но в пушкинском ближайшем окружении 1830-х годов был достаточно распространён и другой (если угодно, с прямо противоположным знаком) взгляд на судьбы искусства, литературы, поэзии в будущем. Автором таких футурологических прогнозов был, в частности, В. Ф. Одоевский, предполагавший в относительно близком времени “изобретение книги, в которой посредством машины изменяются буквы в несколько книг”, “машины для романов и для отечественной драмы” или “приискание математической формулы для того, чтобы в огромной книге нападать именно на ту страницу, которая нужна”, словом, возникновение современных компьютерных технологий.

Один из его прогнозов касается нравственной эволюции человека (в её оптимистическом варианте) и судьбы одного из драматических жанров. “Увеличившееся чувство любви к человечеству достигает до того, что люди не могут видеть трагедий и удивляются, как мы могли любоваться видом нравственных нещастий точно так же, как мы не можем постигнуть удовольствия древних смотреть на гладиаторов”²⁹. Конфликт нравственности и литературы,

на который указывали ещё Платон и Руссо, как мы видим, разрешается в пользу “добродетели”. И, разумеется, этот конфликт относится не только к жанру трагедии. Ср. у Андрея Платонова: “Образа семьянина, художественно равноценного Дон-Жуану, не существует в мировой литературе. Однако же образ семьянина более присущ и известен человечеству, чем образ Дон-Жуана”³⁰. Таков ещё один возможный путь “умирания искусства”, появления на земле “последнего поэта”, который мог учитывать в своём стихотворении Пушкин. Мы намеренно оставляем в стороне концепции “умирания искусства” в западноевропейской философской традиции XVIII – первой трети XIX вв., например, того же Гегеля, хотя, конечно, Пушкин мог знать о них.

Таким образом, скрытая парадоксальность “горацианско-державинской идеи бессмертия поэзии”, когда поэт заявляет, что, с одной стороны, его творческие заслуги выше пирамид (символа государственных заслуг), а с другой – ставит свою посмертную славу в прямую зависимость от судьбы того же государства (Гораций) или народа (Державин), как будто снимается Пушкиным. Однако, абсолютизируя значение поэзии в жизни человечества и, соответственно, собственной роли и посмертной славы, поэт явно оставляет место и для сомнения в бессмертии поэзии, в её вечной необходимости людям.

Отсюда, как нам кажется, во многом открывается путь к пониманию последней строфы стихотворения “Я памятник себе воздвиг...”, долгие годы смущающей исследователей своей откровенной противопоставленностью пафосу предшествующих четырех строф (если традиционно понимать их только в таком самоутверждающем, “нескромном” смысле)³¹.

Конечно, основания для более глубокого понимания как этой строфы, так и всего пушкинского стихотворения даст и его развёрнутый сопоставительный анализ с другими стихотворениями “каменноостровского цикла”. Не вдаваясь сейчас в полемику по поводу последовательности цикла и его общего состава (разные точки зрения, как известно, высказывали М. П. Алексеев³², Н. В. Измайлов³³ и др.), заметим лишь, что присоединяемся здесь к мнению В. П. Старка, С. А. Фомичева³⁴ и др. исследователей, полагающих, что завершать этот цикл “в качестве финала, апофеоза” должно было стихотворение “Я памятник себе воздвиг нерукотворный...” Разделяя также мысль В. П. Старка о том, что сквозной сюжет каменноостровского цикла связан с пушкинским осмыслением событий Страстной недели Великого поста³⁵, мы считаем именно стихотворение “Я памятник себе воздвиг нерукотворный...” пушкинским произведением на тему “Воскресения”. И именно взгляд с самой высокой точки зрения на значение поэзии и посмертную поэтическую славу и определил глубинный смысл этого произведения, в том числе и пушкинское отношение к “горацианско-державинской идее бессмертия поэзии”³⁶.

Приведём несколько параллелей к последней строфе пушкинского стихотворения, мимо которых в целом прошла пушкинистика и которые, на наш взгляд, позволяют взглянуть на неё именно с этой точки зрения.

В “Достопамятных сказаниях о подвижничестве святых и блаженных отцов”, в разделе “Об Авве Макарии Египетском” (23) рассказывается следующее: “Брат пришёл к Авве Макарию Египетскому и говорит ему: “Авва! Дай мне наставление, как спастись!” Старец сказал ему: “Пойди на кладбище и ругай мёртвых”. Брат пошёл, ругал их и бросал на них камни. Возвратясь, он сказал о том старцу. Старец спрашивает его: “Ничего они не говорили тебе?” – “Ничего”, – отвечал он. Старец ещё сказал ему: “Завтра походи опять и хвали их”. Брат пошёл и хвалил мёртвых, говоря: “Апостолы, святые, праведные!” Потом пришёл к старцу и сказал: “Я восхвалил их”. Старец спросил: “Ничего не отвечали они тебе?” Брат сказал: “Ничего”. Старец говорит ему: “Видишь, сколько ты ни поносил их, они ничего не отвечали тебе, и сколько ни хвалил их, ничего не сказали тебе. Так и ты, если хочешь спастись, – будь мёртв: подобно мёртвым, не думай ни об обидах от людей, ни о славе людской; и можешь спастись”³⁷.

Пушкинские строки о равнодушном приятии “хвалы и клеветы” из последней строфы “Памятника” говорят о том же³⁸. Но и суждение Аввы Макария – парафраза слов из послания Апостола Павла к колоссянам (3,3): “Умросте бо, и живот ваш окрочен есть со Христом в Бозе”. Но эти же слова возвращают нас и к образам пушкинского “Пророка”: “Как труп, в пустыне я лежал”... За смертью в “Пророке” следует воскресение к осуществлению высшей миссии поэта:

“Исполнишь волею моей и, обходя моря и земли, глаголом жги сердца людей”. В этом смысле прав В. С. Непомнящий, указывавший, что “Памятник” – отчёт по отношению к “Пророку”. Но смерть в “Памятнике” – это и надежда на Воскресение, по словам Апостола Павла из того же послания к колоссянам (3, 4): “Егда (же) Христос явится, живот ваш, тогда и вы с ним явитесь в славе”.

Об этом же, в сущности, говорится и в церковной службе, сопровождающей человека в последний путь: в “Последовании мертвенном мирских чело- век”. Пушкин, безусловно, хорошо знал чин отпевания: судьба постоянно напоминала ему о нём: совсем недавно, 13 апреля 1836 года он похоронил мать – Н. О. Пушкину – в Святогорском монастыре и в связи с этим находился в трауре. Напомним, что в беловом автографе стихотворения “Я памятник себе воздвиг...” поэт проставил дату: “1836 авг. 21...”.

Последование погребения включает в себя целый ряд произведений прп. Иоанна Дамаскина (VIII в.). Один из величайших Отцов Восточной церкви, авторитетнейший богослов, “глашатай истины”, автор “Источника знания” и “Точного изложения православной веры”, был, как известно, и великим церковным поэтом, “песнописцем”, создавшим литургические гимны, вошедшие в богослужение, в том числе в Пасхальный и Рождественский каноны, в чин отпевания (стихиры самогласны и тропари) и др.

В литературе не раз отмечался особый по сравнению с католическим “Реквиемом” с его доминирующей темой Страшного Суда характер православной панихиды. “Каждая строфа, начинаясь из глубины плача (плача сострадания, а не ужаса, как в “Реквиеме”), совершает в конце резкий поворот, неожиданный скачок к прославлению”³⁹. Попытаемся проследить этот путь от земной славы к славе небесной.

Тема бренности земной славы заявлена уже в первой стихире Иоанна мниха: “Кая житейская сладость пребывает печали непричастна; кая ли слава стоит на земле непреложна; вся сени немощнейша, вся соний прелестнейша: едином мгновением, и вся сия смерть приемлет”⁴⁰. Действительно, никакое житейское удовольствие не бывает без печали, и никакая земная слава не вечна. Это всего лишь зыбкая тень и прелестная сонная греза: в одно мгновение смерть поглотит их.

Своё развитие тема суетности славы получает и в третьей стихире: “Вся суета человеческая елика не пребывает по смерти: не пребывает богатство, ни сшествует слава: пришедший бо смерти, сия вся потребишася...”⁴¹. Собственно, здесь речь идёт о славе “вообще”, безотносительно, так сказать, к её конкретному содержанию (славе героев, поэтов и т. д.), к тому же смысл употребления этого слова очевиден: слава остаётся на земле, за порогом смерти, попросту говоря, на тот свет ни богатства, ни славы не возьмёшь. Ведь “не по славе судити имать, ниже по глаголании обличит” (Ис. 11, 3).

Эта же мысль подчёркивается и в восьмой стихире: “Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть, и вижу во гробех лежащую, по образу Божию созданную нашу красоту, безобразну, безславу, не имеющую вида...”⁴². В том упокоении, к которому постоянно призывает погребальная служба (“Со святыми упокой...”), ни земная красота, ни посмертная слава не нужна. А вечная память, провозглашаемая живыми умершим, означает, прежде всего, поминовение их из рода в род, из поколения в поколение, когда души их, согласно прокимну, “во благих водворятся”. Дабы они не оказались с теми, “ихже несть памяти, и погибоша яко не сущи, и быша яко не бывшие...” (Сир. 44, 8). Но, как справедливо замечает исследователь, “быть живым по существу и значит: славить (и это касается не только человека, но “всякого дыхания”, т. е. всего живого)”⁴³. А “жизнь будущего века” подразумевает вечное прославление и память, но уже совсем в ином измерении. “Не умру, но жив буду и повем дела Господня” (Пс. 117, 17); “Жива будет душа моя, и восхвалит Тя” (Пс 118, 185) и т. п. Ср. также с тем, что писал Святой Григорий Палама о творческой способности человека (см. ниже).

“О праведный Боже, “Памятник” заканчивается цитатой из альбома Онегина...” – воскликнул Л. В. Пумпянский, совершив своё открытие⁴⁴. И было чему изумиться: ведь одна из записей “Альбома Онегина”, не вошедшего в печатный текст романа, сообщала:

*В Коране много мыслей здравых,
Вот, например: пред каждым сном*

*Молись, беги путей лукавых,
Чти Бога и не спорь с глупцом.*

При очевидной близости этой строфы и последних строк “Памятника” (об их смысле Л. В. Пумпянский писал: “А в отдалённом будущем неизвестные, но провидимые судьбы бессмертия – чрез смирение покорившейся Музы”) остаётся всё-таки некоторое недоумение. Оно вызвано, прежде всего, тем, что “Альбом Онегина”, вероятно, мистифицирует источник “мысли здравой”. В переводе Корана М. Веревкина, которым (так же как и французским переводом М. Савари)⁴⁵ поэт, как известно, пользовался в работе над “Подражаниями Корану”, о подобном содержании вечерней молитвы мусульманина ничего не говорится. Правда, общее настроение этой молитвы (как и “Памятника”) вполне созвучно, скажем, такому указанию: “Твори, яже повелено тебе есть, повелевай пристойное человеку, удаляйся от невежд...”⁴⁶. Хотя, конечно, при всей близости значения слов “глупец” и “невежда”, они означают несколько разные понятия. Гораздо определённое связь пушкинского “глупца” с христианской традицией.

С последней строкой “Памятника” уже сопоставляли окончание “Слова Даниила Заточника” XII века: “Скажу немного ещё. Не запрещай глупому глупость его, да сам не уподобишься ему”⁴⁷. Но ведь и сам Даниил цитирует здесь Книгу притчей Соломоновых (26, 4): “Не отвечай глупому по глупости его, чтобы и тебе не сделаться подобным ему”. И в том, и в другом случае на месте современного “глупец” в церковнославянском тексте стоит слово “безумный”. Героя этой загадочной строки, по нашему мнению, можно узнать во “втором” шаржированном автопортрете поэта в виде скульптурного бюста в лавровом венке (“...не требуя венца”) с подписью “*il gran' Padre A. P.*” – Великий Отец А/лександр/ П/ушкин/ (по каталогу Р. Г. Жуйковой № 95)⁴⁸.

Подведём в упрощённой форме некоторые предварительные итоги. В соответствии с авторитетнейшей традицией мировой поэзии, Пушкин излагает “формулу” своих заслуг перед человечеством в первых четырех строфах стихотворения “Я памятник себе воздвиг...”. Это изложение идёт в напряженном диалоге, в частности, с “горацианско-державинской идеей бессмертия поэзии”. В ходе диалога выясняется, что слава поэта, конечно, его переживёт, но и она не вечна. Всё зависит, прежде всего, от существования на земле поэтической традиции. При этом сомнения высказываются как бы исподволь, незаметно, на периферии самоутверждающего (“нескромного”) пафоса первых четырёх строф. Но столь же недолговечна (точнее, долга, но не вечна) и народная любовь к поэту, определяемая “добродетельным” содержанием (“чувствами добрыми” и т. д.) его поэзии. Словом, поэзия неизбежно должна умереть, хотя за ней и стоит многовековая история борьбы человека со временем, “горацианско-державинская идея бессмертия поэзии”.

Только тогда языческая Муза может быть равнодушна к любым “обидам от людей” и “славе людской” (“хвале и клевете”). Поэт (“Я”), пусть и справедливо увенчанный славой при жизни и в потомстве, но полагающий свои “заслуги” непреходящими – “безумен”, “глуп” перед лицом вечности. Впрочем, “поэзия, прости Господи, должна быть глуповата” (из письма П. А. Вяземскому от второй половины (не позднее 24) мая 1826 года). Спорить с этим убеждением поэта тоже глупо, да и как Музе спорить с поэтом (“уподобляться ему”), ведь все дела человеческие смертны, а ей остаётся только смириться с “вельнем Божиим”.

Но именно в смерти заключено чаяние воскресения, вера в него. Знаменитый призыв Гёте: “*Stirb und Werde*” – “Умри и возродись!” – из стихотворения “*Selige Sehnsucht*” – “Блаженное томление” (1814), – вошедшего в “Западно-восточный диван”, уже применило к поэту евангельское “Я есмь Воскресенье и Жизнь; верующий в Меня, если и умрёт, оживёт” (Ин. 11, 25) и “Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю не умрёт, то останется одно; а если умрёт, то принесёт много плода” (Ин. 12, 24). Всё это может произойти за пределами “видимого” стихотворного текста, в “жизни будущего века” – только там будет определена подлинная “формула поэтических заслуг”. Такова, на наш взгляд, возможная интерпретация последней строфы стихотворения и всего стихотворения “Я памятник себе воздвиг...” в целом.

Для большей ясности здесь, вероятно, возможна следующая аналогия.

К египетскому надгробному портрету или, иначе говоря, фэйюмскому заупокойному портрету (расцвет — I—III вв.) иногда, по причине их явного сходства⁴⁹, возводят происхождение православной иконы. “Но, — как справедливо писал Л. А. Успенский, — надгробный портрет не выходит за пределы земной жизни. Подобно тому, как мумия сохраняет тело человека, он сохраняет его земной облик таким, каким он был, так, как если бы он продолжал жить, как бы сохраняя в веках его земную жизнь. В иконе же лик человека преобразуется, и это его преобразование открывает нам иной мир, полнота которого несравнима с земной жизнью падшего мира. Если египетский надгробный портрет пытается бесконечно продлить эту земную жизнь, то икона её просвещает”⁵⁰. На этом же пути: от “заупокойного” автопортрета (памятника), за которым проступает автошарж, к иконе, за которой встаёт иной мир, — и находится стихотворение “Я памятник себе воздвиг нерукотворный...”.

Гоголь как-то заметил: “Наши писатели... заключали в себе черты какой-то высшей природы. В минуты сознания своего они сами оставили свои душевные портреты, которые отозвались бы самохвальством, если бы их жизнь не была тому подкрепленьем”⁵¹.

¹ См.: Алексеев М. П. Стихотворение Пушкина “Я памятник себе воздвиг...”. Л., 1967.

² См. об этом: *Schmitt R. Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit. Wiesbaden, 1967.*

³ В исторической литературе по-прежнему широко представлена точка зрения, согласно которой “самые ранние известные изображения (вмч. Георгия. — В. Г.) относятся к VI веку и представляют святого в образе мученика” (Вилинбахов Г., Вилинбахова Т. Святой Георгий Победоносец. СПб, 1995. С. 11). Следует учесть, что ранние изображения вмч. Георгия с трудом поддаются идентификации, особенно, когда не сохранилась надпись с именем святого, как в случае с изображением воина на столпе Северной церкви в Бауите. Поэтому даже в новейшей работе Катерины Фукара, посвящённой образам “святых воинов в монументальной живописи Кипра XI—XVI вв. (автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата искусствоведения. М., 2011. С. 10), утверждается: “Первоначально воины (в том числе и вмч. Георгий. — В. Г.) представляются в виде мучеников... Изображения военных доспехов, оружия в руках появляются во времена македонской династии (856–1056)”. Ср.: Жарикова Т. А. Георгий, вмч. Иконография // Православная энциклопедия. Т. X. М., 2005. С. 681–682 (на с. 691–692 приведена обширная, но не исчерпывающая библиография на эту тему).

⁴ Фукара Катерина. Образы святых воинов в монументальной живописи Кипра XI—XVI вв. С. 10.

⁵ См. статью о Борисе и Глебе в Православной энциклопедии (Т. VI. М., 2003. С. 44–60).

⁶ При этом они сослались на правило Святого Василия Великого, рекомендовавшего воина, совершившего убийство на войне, на три года удержать “от приобщения токмо Святых Таин”. Впрочем, по замечанию современного богослова, это единственный в истории церкви случай обращения к этому правилу. См.: Цыпин Владислав прот. Военная служба // Православная энциклопедия. Т. IX. М., М., 2005. С. 149–153.

⁷ Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1988. С. 41.

⁸ Грот К. Я. Пушкинский Лицей. СПб, 1998. С. 14. Ср. с умозаключением С. Т. Аксакова, навеянным событиями Крымской войны: “Вера русского человека тиха и спокойна; он может за неё умирать, а не побеждать. Это страшная разница”. См.: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. 3. М., 1892. С. 161.

⁹ Пушкин. Письма последних лет. 1834–1837. Л., 1969. С. 155 (перевод с фр.). Ср. с тем, что А. Ф. Лосев писал в повести “Жизнь”: “Наша философия должна быть философией Родины и Жертвы, а не какой-то отвлечённой, головной и никому не нужной “теорией познания” или “учением о бытии или материи” // Лосев А. Ф. Жизнь. Повести. Рассказы. Письма. СПб, 1993. С. 42.

- ¹⁰ История всемирной литературы, М., 1983, Т. 1. С. 78.
- ¹¹ Лирика Древнего Египта. М., 1965. С. 56.
- ¹² Тацит Корнелий. Соч. в 2-х тт. Т. 1, Л., 1969. С. 353.
- ¹³ См. об этом: Небольсин С. А. Традиция “Памятника” между Древним и Дальним Востоком // Небольсин С. А. Пушкин и европейская традиция. М., 1999. Ср. с тем, что пишет о славе, “представляемой окончательной реализацией жизни”, О. А. Седакова: “Распорядителями этой славы в языческом мире назначены поэты, от их “священной” песни зависит, словами Гёльдерлина, “чему остаться” (ср. древние ирландские легенды на эту тему)”. Седакова О. А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004. С. 279.
- ¹⁴ Вообще, как нам кажется, этот диалог стóит того, чтобы перечитать его ещё раз в связи с пушкинским “Памятником”. Напомним: Сократ развивает здесь мысль о том, что поэзия имеет дело с видимостями, подражаниями, а не с подлинниками (сущностями, идеями), “стоит на третьем месте от царя и от истины” (т. е. от демиурга). Поэтические “вещи втрое отстоят от подлинного бытия и легко выполнимы для того, кто не знает истины, ведь тут творят призраки, а не подлинно сущее”. И чуть дальше Сократ прямо переходит к теме будущего пушкинского стихотворения: если бы поэт “поистине был сведущ в том, чему подражает, тогда, думаю я, все его усилия были направлены на созидание, а не подражание. Он постарался бы оставить по себе в качестве памятника много прекрасных произведений и скорее предпочёл бы, чтобы ему воспевали хвалу, чем самому прославлять других”. В “Государстве” немало и других переключек с пушкинским стихотворением (См.: Платон. Собр. соч. в 4-х тт. М., 1994. Т. 3. С. 389–420).
- ¹⁵ Руссо Ж.-Ж. Избранные сочинения в 3-х тт. М., 1961. Т. 1. С. 47.
- ¹⁶ Лотман Ю. М. Поэзия Карамзина // Карамзин Н. М. Полное собрание стихотворений. М. – Л., 1966. С. 24.
- ¹⁷ Ср. у К. Н. Батюшкова (1821):
*Жуковский, время всё поглотит,
 Тебя, меня и славы дым,
 Но то, что в сердце мы храним,
 В реке забвенья не потопит!
 Нет смерти сердцу, нет её!
 Доколь оно для блага дышит!..*
- ¹⁸ См.: Алексеев М. П. Стихотворение Пушкина “Я памятник себе воздвиг...”. С. 78.
- ¹⁹ При этом, конечно, следует учитывать и то, что эпиграф к своему стихотворению Карамзин взял из “Мессиады” Клопштока, где даётся описание именно вечной небесной музыки, в которой участвуют и “песни божественных арфистов”. См. об этом: Михайлов А. В. Николай Михайлович Карамзин в общении с Гоме-ром и Клопштоком // Михайлов А. В. Обратный перевод. 2000. С. 278–285.
- ²⁰ Непомнящий В. С. Поэзия и судьба. Статьи и заметки о Пушкине. М., 1983. С. 25.
- ²¹ Peter Brang. Studien zu Theorie und Praxis der russischen Erzählung. 1770–1811. Wiesbaden. 1960. S. 165. Ср.: Алексеев М. П. Стихотворение Пушкина “Я памятник себе воздвиг...” С. 228.
- ²² Впервые “Последний поэт” Е. А. Боратынского сопоставлялся с образом “пиита” из стихотворения Пушкина “Я памятник себе воздвиг...” в моём послесловии “О русской фантастике” в кн.: “Взгляд сквозь столетия. Русская фантастика XVIII и первой половины XIX века”. М., 1977. С. 332.
- ²³ См.: Журавлёва А. И. “Последний поэт” Боратынского // Проблемы теории и истории литературы. М., 1971. С. 132–142. Боратынский, понятно, остаётся в русле руссоистской традиции, правда, осложнённой шеллингианскими идеями. Ср. со словами Сократа у Платона: “...искони наблюдался какой-то разлад между философией и поэзией” (Платон. Собр. соч. в 4-х тт. М., 1994. Т. 3. С. 405. В одной из своих последних работ А. И. Журавлёва несколько смещает акценты, рассматривая “Последнего поэта” Е. А. Боратынского в “авторском контексте” сборника “Сумерки”. При этом, по мнению исследовательницы, выявляется уже “не социально-исторический и тем более не политический, а экзистенциальный смысл” стихотворения. См.: Журавлёва А. И. Лермонтов в русской литературе. Проблемы поэтики. М., 2002. С. 52–53.
- ²⁴ См.: Евгений Лебедев. Тризна. Книга о Е. А. Боратынском. М., 1985. С. 138–140.
- ²⁵ См.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч. в XIII-ти тт. М., 1953–1959.

- Т. VI. С. 463–488.
- ²⁶ Алексеев М. П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л., 1972. С. 118.
- ²⁷ Манн Ю. В. Поэтика русского романтизма. М., 1976. С. 341.
- ²⁸ См., напр.: Квятковский А. Поэтический словарь. М., 1966. С. 228.
- ²⁹ Одоевский В. Ф. 4338-й год. Фантастический роман. М., 1926. С. 59.
- ³⁰ Андрей Платонов. Размышления читателя. М., 1980. С. 155. См. об этом: Гуминский В. М. О смысле любви у Гоголя (церковная и литературные традиции в “Старосветских помещиках”) // Рождественские чтения-99. Христианство и культура. М., 1999. С. 58–71.
- ³¹ См. об этом: Белый А. А. Разговор о “Памятнике” // Московский пушкинист. VII. М., 2000. С. 118–124.
- ³² Алексеев М. П.. Стихотворение Пушкина “Я памятник себе воздвиг...”. С. 122–127.
- ³³ Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л., 1975. С. 244–269.
- ³⁴ Фомичёв С. А. Поэзия Пушкина. Творческая эволюция. Л., 1986. С. 273–280.
- ³⁵ Старк В. П. Стихотворение “Отцы пустынники и жены непорочны...” и цикл Пушкина 1836 г <ода>. // Пушкин. Исследования и материалы. М., X. л., 1982. С. 202–203.
- ³⁶ О значении для других пушкинских произведений православного календаря см.: Краваль Л. А. Пушкин и Святы; Кошелёв В. А. Евангельский календарь пушкинского “Онегина”; Моисеева Н. И. Время Пушкин исчислял по православному календарю; Лебедева Э. С. Пушкин и даты церковного календаря // Духовный труженик. А. С. Пушкин в контексте русской культуры. СПб, 1999. С. 53–81.
- ³⁷ Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. Свято-Троицкая Сергиева лавра. 1993. С. 107–108. Об истории этого памятника, входившего в состав Азбучно-Иерусалимского патерика (древнеславянского перевода алфавитно-анонимного собрания “Изречения Святых старцев”, сложившегося к IX в.), см.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI – первая половина XIV вв. Л., 1987. С. 299–302.
- ³⁸ Впервые на этот святоотеческий сюжет в связи с пушкинской строкой о “хвале и клевете” обратил внимание ещё В. С. Соловьёв в своей статье “Судьба Пушкина” (1897). Правда, он достаточно вольно, по памяти, пересказал историю о “совершенстве покойников”, разукрасив её “от себя” многочисленными живописными подробностями. К тому же философ неточно указал первоисточник самой истории (“кажется, в Лимонарии св. Софрония, патриарха Иерусалимского”), чем сбил с толку своих комментаторов. См., например: Соловьёв В. С. Философия искусства и литературная критика. М., 1991. С. 666 (комментарий А. А. Носова). Ср.: Розанов В. В. О Пушкине. М., 2000. С. 367 (комментарий В. Г. Сукача).
- ³⁹ Седакова О. А. Вечная память. Литургическое богословие смерти // Седакова О. А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004. С. 289.
- ⁴⁰ Цит. в упрощенной орфографии по изд.: Требник. СПб, 2009. С. 254 (Самогласны, глас I).
- ⁴¹ Там же. С. 255 (Самогласны, глас III).
- ⁴² Там же. С. 258 (Самогласны, глас VIII).
- ⁴³ Седакова О. А. Вечная память... С. 289.
- ⁴⁴ Пумпянский Л. В. Об оде А. Пушкина “Памятник” // Пумпянский Л. В. Классическая традиция. Собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000. С. 209. Без ссылки на Л. В. Пумпянского об этом же упоминают Ю. М. Лотман в своих комментариях к “Евгению Онегину”, Харис Исхаков в исследовании “Пушкин и религия” (М., 1998. С. 132) и др.
- ⁴⁵ См.: Кашталёва К. “Подражания Корану” Пушкина и их первоисточник // Записки коллегии востоковедов. 1930. Т. V; Фомичёв С. А. “Подражания Корану”. Генезис, архитектоника и композиция цикла // Временник пушкинской комиссии. 1978. Л., 1971.
- ⁴⁶ Книга Аль-Коран аравлянина Магомета... СПб, 1790. С. 143 (“глава ПРЕИСПОДНЯЯ, писанная в Мекке во ста шести стихах”).
- ⁴⁷ См.: Палиевский П. В. Русские классики. М., 1987. С. 90.

⁴⁸ Жуикова Р. Г. Портретные рисунки Пушкина. Каталог атрибуций. СПб, 1996. С. 67. Ср.: Алексеев М. П. Стихотворение Пушкина “Я памятник себе воздвиг...” С. 132–136. Ср. также И. В. Гёте. Западно-восточный диван:

*Хоть самохвальство – грех немалый,
Творя добро, кто не был грешен в том?
Да, он нескромен, он хвастун, пожалуй,
Но доброе останется добром.*

*Глупцы! Не отравляйте радость
Того, кто мнит, что он мудрец.
Он глуп, как вы, но пусть узнает сладость
Пустой хвалы пустых сердец.
(пер. В. Левика)*

⁴⁹ Как известно, древнейшие (VI–VII вв.) из известных икон (“Христос Вседержитель”, “Богородица с Младенцем на престоле со святыми Феодором и Георгием”, “Апостол Пётр” из монастыря вмч. Екатерины на Синае, “Санта Мария ин Трастевере” из Рима и др.) выполнены в той же энкаустической технике, что и фаянсовые портреты.

⁵⁰ Успенский Л. А. Богословие иконы Православной Церкви. Переславль-М., 1997. С. 85.

⁵¹ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Т. VIII. М. – Л., 1952. С. 259.

НАТАЛЬЯ БЛУДИЛИНА

“ВСЕ НЕИЗРЕЧЕННЫЕ МИРЫ ГОВОРЯТ ВО МНЕ...”

Космос русского духа в метафизической поэзии Э. В. Балашова

*И смертный может видеть за время своё,
Простор ему боги кажут...*

Ф. Гёльдерлин. “Руссо”

Великий философ XX века Мартин Хайдеггер во введении к своей книге “Что такое метафизика” поэтически-философски вопрошал: “... в какой почве находят свою опору корни древа философии? Из какой основы получают эти корни и через них всё древо питательные соки и силы? Какой стихией оплетены потаённые в основе и почве, несущие и питающие корни дерева? В чём покоится и чем движется метафизика? Что есть метафизика, глядя в её основания? Что вообще такое метафизика в своей основе?”¹

В своих философских трудах Хайдеггер не раз обращался для подтверждения своих высоких умозаключений к поэзии Ф. Гёльдерлина, Р. М. Рильке, Ш. Георге, ибо он был убеждён и утверждал, что подлинная трансценденция является в поэзии избранных певцов (для него это указанные выше), призванных “петь в скудный наш век”, “время мира”, определённого “зиянием бога”, ибо для него, философа, “поэты – те из смертных, что... чуют след ушедших богов, идут по их следу и так прокладывают остальным смертным путь к обращению”².

Правомочно “вопрошание” немецкого философа о почве и корнях “древа философии” соотнести с метафизической поэзией нашего современного поэта-любомудра Э. В. Балашова³, на просторах которой дано глубинное понимание космоса русского духа, его почва, корни и древо. Представим высокий диалог немецкой философии и русской поэзии в едином духовном пространстве и времени, хотя линейно будет звучать переключка голосов из века XX в XXI век.

Обратимся к основе. Философия есть грамматика истинной поэзии, метафизика – корень древа философии, значит, она лежит и в основании поэзии.

По Хайдеггеру, метафизика мыслит сущее как сущее, в поле её зрения стоит сущее как таковое. Метафизическое представление обязано этим зрением свету бытия⁴.

Поэтический взор Балашова тоже обращён к сущему, и его поэтическое зрение открывает свет бытия:

*Свободный ветер света
Из солнечной страны.
В широком шуме ветра
Зелёный шум весны.*

*Трава, деревья, люди,
Надежды и мечты —
И всё о том: что будет?
И всё о том: кто ты?*

*“Кто ты?” — ликуют ветки.
“Кто ты?” — поют цветы.
В широком шуме ветра:
“Кто ты? Кто ты? Кто ты?”⁵*

В своём самопознании “поэт – вопрошающий вечность ребёнок”, его явление на свет “занесено солнечным пером”, он является в мир и как проводник высших энергий природы, и как её “космическая мысль”, вечный логос истины бытия:

*Все произнесённые слова
Всё ещё звучат.
Шелестит былинная трава.
Дом скрипит у врат.
Светят первобытные костры
В пролетевшей тьме.
Все неизречённые миры
Говорят во мне.*

*Вот и я на свет произнесён
Матерью-Отцом.
В книгу Бытия был занесён
Солнечным пером.
А когда настал молчанья срок,
Одолел я тлен
И пронёсся тенью между строк
Книги перемен.*

*Все неизречённые миры
Говорят во мне.
Светят первобытные костры
В пролетевшей тьме.
Шелестит былинная трава.
Дом скрипит у врат.
Все произнесённые слова
Всё ещё звучат⁶.*

Метафизика, по слову Канта в “Критике чистого разума”, принадлежит к природе человека, и то же утверждает русский поэт Балашов: “Человек не царь природы, а проводник высших её энергий, её космическая мысль, её вдохновитель и всё же её неотъемлемая часть. Одухотворяя природу и одухотворяясь свыше, общаясь к неведомым и невидимым вдохновителям, совершенствуется человек”⁷.

Хайдеггер писал, что “свет, то есть то, что воспринимается этой мыслью как свет, сам уже не входит в поле зрения этой мысли, ибо она представляет сущее постоянно и исключительно в аспекте сущего”⁸. В этом же “аспекте” парит и метафизическая мысль поэта, “соперничая” с философией: “Ты ловишь мысль, и мысль твоё вниманье ловит, // Поймавший мысль, ты мысли этой пленник”⁹. Он также вопрошает и об аспекте сущего, и о создателе света:

*Кто увёл цветы из сада?
Кто им распахнул калитку?
Ты ль, невидимо смотрящий?*

*Кто увёл зверей из леса?
Кто им отворил тропинку?
Ты ль, безмолвно говорящий?*

*Кто увёл людей из ночи?
Кто вручил сердцам их очи?
Ты ли, свет руководящий?*

“Кто?”¹⁰

Этот таинственный “создатель света” в других стихах Балашова является читателю достаточно прояснённым, ибо он и даёт подлинную зоркость в постижении истины бытия поэтическому зрению, обозреваемому сущее:

*Кто учил деревья к свету вырастать?
Как умеют травы к небесам тянуться?
Мощь нашёл подсолнух
за солнцем не устать.
Неужели нам от тьмы не отвернуться?*

*Жертвенная чаша ищет новых уст.
Мир припал к реке, текущей в сон былого.
Не иссяк источник, но любовью пуст
Человек, уставший на пороге Слова.*

*Кто готов свои отринуть имена?
“Прочь! — вопят. — В огне мы
не отыщем броду!”
В каждом сердце — крест,
и все мы — пламенá,
Божью напоившие природу.
“Пламенá”¹¹*

Как только не брались истолковывать сущее в истории философии: как дух (спиритуализм), как материю (материализм), как становление и жизнь (экзистенциализм), как волю и представление (Шопенгауэр), как субстанцию, как субъект и т. д. Поэт подлинно чувствует сущее и передаёт в стихах как энергию (“пламенá”), как вечное возвращение одного и того же. Всякий раз сущее как сущее является в его поэзии в свете подлинности бытия: “Надо мною небо, // Полное огня” (“Нелепо”¹²); вопреки внешним brutальным “личинам” (“Боже, как нелепо: // Травля и грызня!”¹³) и поверхности жизни, и грешного, ибо земного, человека:

*Мерцает свет на каждом дне,
На каждом часе состраданья.
Барахтаюсь на самом дне
Великой чаши мирозданья.
...
Я сплю. В агонии. В огне.
И Божья кровь болит во мне
И мучит жаждой покаянья.
“Мерцающий свет”¹⁴*

Повсюду, когда метафизика представляет сущее, утверждал Хайдеггер, бытие уже высветилось: “Бытие в некоей непотаённости пришло. Принесит ли бытие, как оно с собой приносит такую непотаённость, открывает ли, как Оно открывает себя в метафизике и в качестве метафизики, остаётся скрытым. Бытие в своём высвечивающем существе, то есть в своей истине, не проду-

мывается”.¹⁵ Но метафизическая поэзия Балашова в своих ответах на этот вопрос о “сущем как таковом” отважно говорит из “незамеченной” философией открытости бытия:

*Прийти на эту землю.
Закутаться во тьму.
...
Но к часу тьму отринуть,
И в мысль, и в чувство впасть,
...
Явиться, удивиться,
Как свет узревший, крот:
Куда-то чувство длиться,
Куда-то мысль течёт!*

*И на стезях искусства
Понять, что даль и высь —
Одно Господне чувство,
Одна Господня мысль!
“Господня мысль”¹⁶*

Эту открытую поэтом истину бытия можно называть подлинной почвой, на которой держится поэтическая метафизика как корень дерева философии (грамматики поэзии), от которого она питается. Вспомним слова Хайдеггера: “Дерево философии вырастает из корневой почвы метафизики”.¹⁷

Поэтическая метафизика Балашова всегда в своей основе остаётся “при сущем”, и как “корень дерева”, она посылает все соки и силы в ствол и ветви его поэзии, где в образах “исследуется” сущее как сущее, в форме стихов она “обращается” разными ликами многосложного, но единого в своей сути бытия. Так её “корень” разветвляется в основе и в почве, чтобы “дерево” ради своего роста могло из него подняться и тем самым как бы его оставить. Эта поэтическая “непотаённость” бытия, до которой должен дорасти “философствующий” разум, гениально проста для “сердечного” ока поэта, болеющего за мир:

*Всё просто. Бог во всём.
Не магия чудес —
А сотканным трудом
Невиданный венец.*

*Минуя чёрный ход
Над сном могильных плит,
Пусть разум доращёт,
Пусть сердце доболит
До огненных высот,
До пламенных молитв.*

*Среди крошечных гроз
Сверкает: “Аз воздам!”
Всё просто. И Христос
Мыл ноги рыбакам.
“Аз воздам”¹⁸.*

Вот и нашлась искомая нами подлинная стихия — “основа и почва”, — в которой живет “корень дерева” — поэтическая метафизика, которая является как землетрясение, гром грозы, пылающая лава или другие ипостаси стихии бытия:

*Во мне земля трясётся.
Гроза во мне гремит.
Мой дух вельнем Солнца
Возносится в зенит.*

*В страдании великом
И в радостном огне
Господь, сверкая ликом,
Во мне идёт ко мне.*

*По радуге экстаза,
По непокою туч
Всевидающего часа
Во мне гуляет луч.*

*Пылит во мне дорога
Пылающей золой.
И сердце видит Бога,
Кипящего Землёй.*

*Серебряная лава
Казнить меня течёт.
Божественная слава
Мой ослепляет рот.
“Слава”¹⁹*

В этих стихах явлен космос русского духа, его сущностные начала: почва, корни, дерево. Стихия “почвы” тоже не есть стихия без того, чтобы её не оплетал и “корень”: “Господь, сверкая ликом, // Во мне идёт ко мне”. Но и тогда, когда “корень” по-своему отдаётся стихии “почвы”, он всё равно ещё принадлежит “дереву”: “И сердце видит Бога, // Кипящего землёй”. Он растрчивает её стихию и сам себя на это последнее: “Серебряная лава // Казнить меня течёт”. Его существом было лишь прорасти навстречу этой стихии и в ней расширяться: “Мой дух велением солнца // Возносится в зенит”.

Встаёт другой важный вопрос: с возрастом “дерево” в состоянии ли так вобрать в себя “корневую почву”, чтобы она как нечто “древесное” исчезла в нём? Хайдеггер отвечает: “... никогда не в состоянии... Скорее наоборот, корни вплоть до мельчайших волокон теряются в почве. Почва есть основа для корня; в ней он забывает себя и пользу дерева”²⁰. Послушаем, что скажет русский поэт, который понимает “возрастание дерева” как путь во времени и бытии: “Настоящее — не итог, а виток спирали, возвращение к началу, сделавшему шаг к себе навстречу, не оглядка на минувшее, а движение по ступеням, когда пройденное не остаётся брошенным позади, а берётся с собой. Это и есть твоё имущество, есть ты, всякий раз иной, себя себе открывающий, обретающий себя в пути... Все пути ведут к единой вершине, к единому непроизносимому Слову. Но слово в нас разобцено, разделено нашими мнениями и сомнениями, от которых мы не спешим избавиться и которые боимся потерять. А что внутри, то и снаружи”²¹. От непришествия или неявления истины бытия (Бога) в сознании людей почва корня сущего “тонет”, а дерево порублено:

*И сказали: нету Бога.
Развернулись — вкривь и вкось.
От порога до порока —
Вся дорога на авось.
А с небес призрело око:
Не начать ли всё с азов?
Нет ли ищущего Бога
Средь порубленных лесов?
Средь затопленных водами
Небом вскормленных лугов?
Средь запуганных ворами
Прокажённых городов?
Вон один — бредёт по лесу,
По беспомощным водам,
По калёному железу,*

*По кладбищам-городам.
Он несёт в своей деснице
Книгу — Истины залог, —
Отворённой на странице:
“Азъ есмь Сын” и “Азъ есмь Бог”.
“Один”²²*

Один из знаменитых парадоксов Хайдеггера является читателю, когда в разворачивании вопроса об истине бытия говорится: “Метафизика остаётся Первым философии. Первого мысли она не достигает. Метафизика в мысли об истине бытия преодолена. Претензия метафизики овладеть ведущим отношением к “бытию” и законодательно определить всякое отношение к сущему как таковому рушится. <...> отношение бытия к человеку из самого существа этого отношения явило свет, который приведёт человека к принадлежности бытию. ... Между тем от метафизики на протяжении её истории от Анаксимандра до Ницше истина бытия остаётся скрытой. Почему метафизика не думает о ней?”²³.

Далее философ утверждает, что метафизика — “двояко-единым образом истина сущего в его всеобщем и в его высшем”, поэтому по своему существу одновременно онтология в более тесном смысле и теология: “Это онто-теологическое существо собственно философии... основано на том способе, каким для неё выходит к открытости сущее... теологический характер онтологии... сущее как сущее вышло из потаённости...”²⁴ Немецкий гений мысли, остановленный в её беге иррациональной тайной жизни, вопрошает: “Что всё-таки загадочнее: то, что сущее есть, или то, что бытие есть? Или и через осмысление этого мы тоже ещё не достигаем близости к загадке, какою стало событие бытия сущего?”,²⁵ с самоиронией ранее вспоминает первое послание апостола Павла к Коринфянам: “Бог не заставил стать глупостью мудрость мира?” (1 Кор. 1, 20).

Мысль сердца русского поэта Балашова об истине бытия русского космоса “образно” вскапывает землю у сохнущего метафизического основания “корня” философии и разрыхляет почву её “корню” и “древу”, дабы оросить и оплодотворить его живыми соками жизни (без них и при “зиянии Бога” “древу” теории философии засыхает и опрокидывается в Ничто), чтобы поэтическое “дерево” мысли о сущем вечно зеленело, “омываемое сияньем”, в новых рожденьях:

*Господи, вот она — эта планета!
Ты ей небесную дверь отворил.
Ты на Голгофе улыбкою света
Толпы распявших Тебя усмирил.*

*Неутихающим ветром страданья
Все безглагольные земли объял.
И обещаьем второго свиданья
“Мертвым во гробе живот даровал”.*

*И на просторы российского полдня
Вновь путеводная вышла звезда —
Непреходящая слава Господня,
Незаходящее имя Христа.*

“Имя Христа”²⁶

Диалог “сумрачного немецкого гения” и русского жаждущего духа в истории русской культуры всегда был значим, и уже третье столетие он длится во времени и бытии, его причудливые пути в вечном поиске ведут к одной горней высоте единого неизреченного Слова:

*Светом залита дорога.
Всюду свет, и свет, и свет.
— Господи, Ты где?
...Далёко,
Где ни тьмы, ни света нет!²⁷*

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Хайдеггер М. Введение к кн. “Что такое метафизика” // Время и бытие: статьи и выступления. М., Республика, 1993. С. 27.
- ² Хайдеггер М. Петь – для чего? // Рильке Р. М. Прикосновение: Сонеты к Орфею: Из поздних стихотворений. М., Текст, 2003. С. 181–182.
- ³ Балашов Эдуард Владимирович, родился 25 июня 1938 года, известный русский поэт, профессор Литературного института им. А. М. Горького. Автор многих поэтических книг: Око: Миниатюры. М., Советский писатель, 1992. 320 с.; Ноша. М., ИНФРА-М, 1996. 224 с.; Пловец. М., МГО СП России, 1997. 159 с.; Цветы сновидений. М., 2006; Алатырь. М., Молодая гвардия, 2011. Лауреат многих литературных премий.
- ⁴ Хайдеггер М. Введение к кн. “Что такое метафизика” // Время и бытие: статьи и выступления. М., Республика, 1993. (Далее: Указ. соч.) С. 27.
- ⁵ Балашов Э. В. Алатырь. М., Молодая гвардия, 2011. (Далее: Указ. соч.) С. 12.
- ⁶ Балашов Э. В. Указ. соч. С. 6, 11.
- ⁷ Там же. С. 6.
- ⁸ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 27.
- ⁹ Балашов Э. В. Указ. соч. С. 6.
- ¹⁰ Там же. С. 44.
- ¹¹ Там же. С. 46.
- ¹² Там же. С. 94.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. С. 98.
- ¹⁵ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 27.
- ¹⁶ Балашов Э. В. Указ. соч. С. 51.
- ¹⁷ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 27.
- ¹⁸ Балашов Э. В. Указ. соч. С. 87.
- ¹⁹ Там же. С. 86.
- ²⁰ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 28
- ²¹ Балашов Э. В. Указ. соч. С. 5.
- ²² Там же. С. 84.
- ²³ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 28, 29.
- ²⁴ Там же. С. 34, 36.
- ²⁵ Там же. С. 84.
- ²⁶ Балашов Э. В. Указ. соч. С. 91.
- ²⁷ Там же. С. 92.

ИЛЬЯ КОЛОДЯЖНЫЙ

“И ВНЯЛ Я НЕБА СОДРОГАНЬЕ...”

Второе рождение великой книги

В столичном издательстве “Согласие” вышел в свет уникальный памятник древнерусской литературы “Палея Толковая”, впервые переведённый на современный русский язык. Этому событию была посвящена международная научная конференция “Палея Толковая” в контексте древнерусской культуры XI–XVII вв.” Собравшиеся в Литинституте ведущие филологи-древники из разных стран обсудили – впервые в таком представительном составе – место и значение “Палеи” в русской словесности.

Большая Древнерусская Энциклопедия

Это кажется невероятным, но это действительно так: “Палея Толковая” впервые была переведена на современный русский язык только в XXI веке (первое издание “Палеи” – увы, практически не замеченное нашей прессой! – вышло в издательстве “Согласие” в 2002 году тиражом 1000 экземпляров и сразу стало библиографической редкостью, а нынешнее – уточнённое и исправленное – тиражом 205 экземпляров). “Палею” мы не найдём даже в таких полных собраниях древнерусской словесности, как 12-томные “Памятники литературы Древней Руси” (1978–1994) и 20-томная “Библиотека литературы Древней Руси” (выходит с 1997 года). Такое странное упущение обычно объяснялось так: мол, “Палея Толковая” слишком большая по объёму, и к тому же она, скорей всего, является переводным памятником. Но даже если согласиться с этими аргументами (хотя объём “Палеи” не так уж и велик – около 200 страниц, а её принадлежность к русской мысли разделялась большинством исследователей уже в начале XX века), почему тогда нельзя было опубликовать “Палею” хотя бы в извлечениях, как это делалось с другими объёмными переводными произведениями (например, практически весь 2-й том “Библиотеки литературы Древней Руси” состоит из подобной литературы).

В этом забвении древнейшего творения отечественной литературы можно усмотреть некую загадку и даже тайну. Отчасти это, несомненно, так. Однако многое становится ясным, если вспомнить, что другое выдающееся произведение, также относящееся к раннему периоду древнерусской литературы, – “Слово о Законе и Благодати” митрополита Илариона – обрело широкое признание только каких-нибудь 20–30 лет назад. То же следует сказать и о “Провсвителе” Иосифа Волоцкого, и о некоторых других памятниках русской средневековой литературы. Конечно, мы теперь, слава Богу, не можем ска-

зять, что “старинной словесности у нас не существует. За нами тёмная степь — на ней возвышается единственный памятник: *Песнь о полку Игореве*”, — как это сказал в 1830 году Пушкин. “Тёмная степь” ныне обильно заселена десятками прекрасных литературных памятников. И всё-таки ещё многое для нас пребывает во тьме. И дело не в том, что какие-то произведения до сих пор нам не известны (все наиболее значительные открытия сделаны в XIX веке), а в том, что эти произведения, давно известные узкому кругу специалистов, по тем или иным причинам не попали в поле нашего внимания. И далеко не случайно “Палея Толковая” именно сегодня становится достоянием современных (пусть пока и немногих!) людей. Значит, в этом есть необходимость, значит, мы, наконец, “доросли” и до “Книги бытия небеси и земли” (другое наименование “Палеи”). И здесь, к слову, нельзя не отметить чуткости издательства “Согласие”, уловившего в обществе потребность в этой книге.

“Палея Толковая” (от греч. “палейос” — древний, ветхий) является изложением Ветхого Завета, сопровождаемым пространными толкованиями и комментариями богословско-философского характера. При этом Ветхий Завет противопоставляется Новому Завету в пользу последнего. Отсюда антииудейская направленность “Палеи”, выражаемая в форме обличений “жидовина”.

Ещё до революции, когда “Палея” начала серьезно изучаться, филолог Александр Михайлов писал, что “если кто захотел бы по одному только памятнику познакомиться с мирозерцанием древних русских и с приблизительным запасом сведений, какими они располагали, то стоит этому читателю рекомендовать “Палею Толковую”, и она удовлетворит его и в том, и в другом отношении”. И действительно, в “Палее” можно найти “информацию” из самых разных областей знания: от анатомии человека до астрономии и космологии. Таким образом, “Палея” была первой русской энциклопедией и в каком-то смысле явилась предтечей российских энциклопедий Нового времени (начиная с энциклопедии Брокгауза и Ефрона), со свойственным им универсализмом, широтой и размахом мысли.

“Палея” датируется XI–XII веками. Сохранилось более 15 списков “Палеи”, самый старший из них — коломенский — 1406 года. Он и послужил основой для нынешнего перевода. Любопытно, что современный тираж (1205 экземпляров) “Палеи” почти совпадает с древним рукописным “тиражом”. Исходя из общепринятого расчёта, согласно которому до нашего времени дошел 1% от всех древнерусских книг, тираж “Палеи” в Древней Руси составлял примерно 1500 экземпляров.

История издания

О том, как родилась идея издать “Палею”, директор издательства “Согласие” Вацлав Михальский вспоминает так: “Однажды в конце 90-х годов я позвонил Кожинуву и спросил его:

— Вадим Валерианович, есть в России хотя бы одна неизданная Великая книга?

Он помолчал, наверное, затянулся табачным дымом (курил невероятно много) и потом ответил:

— Да, есть. “Палея Толковая”.

А дальше случилось, как в сказке. Едва я положил трубку, переговорив с Кожиновым, раздался звонок из Петербурга — это звонил по своим делам Дмитрий Сергеевич Лихачёв. И я тут же спросил его:

— Дмитрий Сергеевич, а есть в России хотя бы одна неизданная Великая книга?

— Да, есть, — ответил Лихачёв, — “Палея Толковая”.

И Лихачёв, и Кожинов приняли вполне конкретное участие в работе над подготовкой “Палеи Толковой”, ожидавшей своего издания восемьсот (!) лет”.

Кожинов написал вступительное слово, Александр Камчатнов перевёл “Палею” на современный русский язык, Владимир Мильков и игумен Тихон (Сергей Полянский) сделали обширные комментарии (всего их 1 111), которые по объёму едва ли не превосходят древнерусский текст и чтение которых само по себе увлекательно. Стоит отметить, что издание рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви.

Так явилась на свет “Палея Толковая” во всём своём достоинстве и славе, которых она давно заслуживала. Уже одни только её внушительные размеры и не менее внушительный вес, вполне сопоставимые со средневековыми фолиантами, не могут не настраивать читателя на вдумчивое несуетное чтение.

“Как иней падает на траву без грома...”

До сих пор, на мой взгляд, очень мало говорилось о художественных достоинствах “Палеи”. Здесь, конечно, не место подробно разбирать этот вопрос, и я приведу только два примера, свидетельствующие о несомненной поэтичности, красоте и силе языка “Палеи”: “Как иней падает на траву без грома и молний, тихо и невидимо, и только на земле становится видимым, так и воплощение Сына Божия: не так, как сошёл на гору Синай в громах и молнии Тот, Кто страшен на Престоле в Небесах, но по милосердию к роду человеческому тихо и невидимо Он воплощается в чреве Девы, являя [Себя] при помощи Слова” и “Подобно тому, как кто-то отлил бы золотой слиток и потом раздробил его на монеты, так и всемогущий Художник разделил первый дивный единый свет на Солнце, Луну и звёзды. <...> Те два светила и звёзды Господь сотворил вне небес и потом приложил их к горней тверди, подобно тому как кто-нибудь из земных художников, создав какой-либо образ, потом прибавляет его к стене”.

В некоторых случаях эта красота слога при переводе на современный русский язык теряется. Например, фраза “земля убо, рече, украшена и упестрена бысть” переведена как “земля была разнообразно украшена”. Конечно, слово “упестрена” в современном лексиконе отсутствует, но, право же, жаль, что оно – такое яркое и свежее и, между прочим, не нуждающееся в переводе, – не вошло в современный текст.

“И вот я спрошу тебя, жидовин...”

Уже говорилось, что “Палея” имеет ярко выраженную антииудаистскую направленность, вследствие чего книгу иногда называют так: “Палея Толковая на иудея”.

“Палея” прямо-таки “упестрена” обращениями (чаще всего, весьма нелицеприятными) к оппоненту-“жидовину”: “И вот я спрошу тебя, жидовин...”, “Да понимаешь ли ты, окаянный жидовин...”, “Смотри же, жестокосердный жидовин...”, “Слышал ли ты, Христов супостат...”, “Пойми, жидовин...”, “Скажи же мне, жидовин...”

Полна “Палея” также вразумлений и увещеваний: “Послушай, однако, что сказал Господь Моисею...”, “Подумай как следует о том...”, “Внижки как следует в то...”, “Смотри и разумей...”, “Обрати слух ко всей земле...”, “Внимай своим умом...”, “А ты, жидовин, почему не веруешь...”, “Опомнись, окаянный, наконец...”, “Окаянный жидовин, преисполненный безумия, отчего ты не хочешь понять...”

Иногда автор “Палеи” не может сдержать своего недоумения: “Просто удивительно, как иудеи противятся божественной истине и, будучи побеждёнными, не стыдятся!”, “Ты же, жидовин, отчего смущаешься и почему бунтуешь, и отчего не познал истины?”

Впрочем, автор не оставляет надежды на исправление и спасение души своего оппонента: “Тебе от Творца [уготована] слава, по слову божественного Павла, которая выше души и разума человеческого. Зачем же ты своею волей лишаешься её? Отторгни же своё сердце от злого наущения”.

Всё это богатство и многообразие риторических оборотов может показаться современному читателю чем-то искусственным, всецело условным, если, конечно, воспринимать “Палею” как отвлечённый религиозный трактат, не связанный с древнерусской историей. Однако если предположить, что “Палея” является непосредственным откликом на длившееся почти двести лет жестокое противостояние Руси и Хазарского каганата, принявшего в VIII веке иудаизм, всё встаёт на свои места. И тогда страстность, пафос, непримиримость полемики, которая определяет форму и содержание “Палеи”, покажутся нам уместными и необходимыми.

Время, место, автор

К сожалению, ни автор, ни время и место создания “Палеи” не известны. На сегодняшний день можно с уверенностью говорить лишь о том, что “Палея” не является переводом с греческого или болгарского (как думали многие филологи в XIX веке), а принадлежит к оригинальным творениям русской мысли (хотя основу “Палеи” составляет компиляция из разных греческих и болгарских источников). Кроме того, большую пищу для размышлений даёт наличие общих мест в “Палее” и “Повести временных лет”; одни исследователи считают, что летопись восходит к “Палее”, другие же – что наоборот. Впрочем, наиболее убедительной представляется точка зрения, согласно которой “Палея” и летопись имели один общий источник.

Но, пожалуй, ближе всего по духу, по напряжённости мысли, по остроте полемики “Палея” стоит к “Слову о Законе и Благодати” (1038) митрополита Илариона, которое, что любопытно, получило своё высшее признание лишь в последние 20–30 лет (такое признание “Палеи” ещё впереди!). Конечно, было бы большим соблазном объявить автором “Палеи” Илариона. В самом деле, автор “Палеи” предстаёт перед читателем не учёным сухарём, не книжным червём, прилежно и педантично занимающимся компиляцией, а живым, с мощным бойцовским темпераментом полемистом-оратором, любимой стихией которого является спор, диспут. Не таков ли образ самого Илариона? Можно представить, как сей прославленный “муж благ, книжен и постник” на склоне лет, лишившись после смерти Ярослава Мудрого митрополичьей кафедры, пишет в монастырской келье (а по одному из преданий Иларион окончил свои дни монахом Киево-Печерского монастыря) свой последний вдохновенный труд... Это, разумеется, только догадка, и фантастическая догадка. Гораздо более вероятным и основательным является предположение, согласно которому автор “Палеи” принадлежал к кругу Илариона или к кругу его учеников. Отсюда можно определить и время создания “Палеи”; это был золотой век Софии (мудрости), который начался при Ярославе Мудром и завершился по кончине его внука Владимира Мономаха (при котором была написана “Повесть временных лет”). Следующая эпоха, связанная с постепенным культурным угасанием Киева и утратой им политической роли, едва ли способствовала бы появлению этого цельного творения, дышащего спокойным сознанием силы, страстным утверждением истины и духовной зрелостью.

Зачем сегодня читать “Палею”?

“Ныне настало время, когда это творение может и должно стать достоянием каждого мыслящего человека...”

В. Кожин

Ответ вроде бы напрашивается сам собой: чтобы быть культурным человеком, чтобы знать, что читали наши предки. Но этот ответ подразумевает, что “Палея” интересна нам как некий литературный “памятник”, содержание которого, однако, безнадежно устарело. При таком взгляде на “Палею” мы лишаем себя очень многого. Прежде всего – возможности приобщиться к давно утраченному нами целостному взгляду на мир. Когда мы читаем “Палею”, нас не может не поражать бесконечное удивление её автора Мирозданием, благодарное приятие и радостное славление мира, созданного Богом. И вот, попытавшись посмотреть вокруг себя глазами нашего далёкого предка, мы вдруг начинаем видеть, как беден и уныл окружающий нас техномир, созданный человеческими руками, и как чреват он стремительным вырождением.

Этот целостный взгляд, конечно, невозможен без веры, явленной нам на страницах “Палеи” во всей своей первородной свежести, силе и чистоте. И может быть, поэтому именно сегодня, когда явственно обозначились последние пределы рационального сознания, а вместе с ними и пределы научно-технического развития (поставленного теперь на службу потребительства и комфорта), когда все предрассудки и суеверия Средневековья меркнут перед главным предрассудком современности: верой в прогресс, – именно сегодня мы ощущаем (пускай ещё неосознанно) глубокую потребность в древ-

нерусской культуре, позволяющей нам прикоснуться к своим живительным истокам.

Одним словом, “Палея Толковая” – это не только древнерусская энциклопедия, с точки зрения современной науки давно устаревшая и поэтому имеющая сегодня сугубо исторический интерес, но и прекрасное творение, воплотившее духовный мир человека Древней Руси; то есть “Палея” относится к явлениям того же ряда, что и, к примеру, Софийский собор или, скажем, древний знаменный распев, звучавший в его стенах.

В. Кожин писал, что те, кто не пожалеют времени на чтение “Палеи”, “будут щедро вознаграждены: перед ними явятся и

*...неба содроганье,
И горний ангелов полёт...”*

Лихачёв и Кожин: встреча post mortem

Издание “Палеи Толковой” посвящено памяти Д. Лихачёва и В. Кожина. И это не случайно. Известно, что при жизни, начиная с конца 70-х годов, Лихачёв и Кожин перестали общаться друг с другом. В интервью газете “Трибуна” (1998, 10 апреля) Кожин так объяснял причину их расхождения: “С Дмитрием Сергеевичем Лихачёвым в 60–70-е годы мы были в очень дружеских отношениях, а потом постепенно разошлись, и как раз из-за отношения к России. <...> Его начала заботить мысль: как бы не возродился русский национализм. Но пусть он докажет, когда это он господствовал. Не было такого времени”. Не принимал Кожин в Лихачёве и абсолютизацию интеллигентского самосознания, которое закономерно вело к западничеству.

Единственное, что объединяло их после разрыва отношений, – это древнерусская литература. Общеизвестен огромный вклад в дело изучения и пропаганды древнерусской словесности, сделанный Лихачёвым. Гораздо менее известна деятельность в этой сфере Кожина. Между тем, с его именем связано утверждение в современном общественном сознании высшей ценности творчества митрополита Илариона, преподобных Иосифа Волоцкого и Нила Сорского. Много сделал Кожин и для окончательного признания того, что русский богатырский эпос был в целом создан к началу XI века и, следовательно, являлся начальной стадией истории отечественного искусства слова (то есть былины предшествовали письменному “Слову о Законе и Благодати”).

И вот, в полном соответствии с названием издательства “Согласие”, данная книга вновь соединила и как бы примирила этих двух замечательных деятелей русской культуры.

ЮРИЙ БУРОВ

ОН ЛЮБИЛ РОССИЮ...

Разговор с поэтом Николаем Палькиным, недавно ушедшим из жизни

– Николай Егорович! Более 70 лет назад, в октябре 1941-го в газете “Большевик” города Балашова напечатано было первое стихотворение Коли Палькина. За минувшие с той поры десятилетия поэтом Палькиным изданы десятки книг, написано более ста песен. В чем секрет завидного творческого долголетия?

*— Природа. Женщина. Россия.
Три образа, как три коня,
Без понуканья и насилья
Через года несут меня.*

Родину, как и мать, нельзя не любить. И любовь эта жива, пока жив человек. Это чувство и заставляет душу работать без усталы, не давая ей покоя.

Да и как же молчать, если стонет Отечество! Самый сегодня больной вопрос: “Что с нами происходит?” Он на устах и в сознании каждого честного человека. С тех пор, как произошла эта... некоторые говорят “реформа”, “модернизация”, “перестройка”... Терминов множество, но все они абстрактны и ничего не объясняют, а наоборот – лишь задуривают головы. А произошла катастрофа. То, что задумывали в отношении России Бжезинский и его единовверцы, ныне почти полностью реализовано.

Силы, которым не нужна мудрая, счастливая и самостоятельная православная Россия, были всегда. Но сегодня они особенно наглы и мощны. К тому же на службе у них изощрённые наёмники – так называемые средства массовой информации. И результат налицо: человек в нашей стране перестаёт быть человеком – что может быть ужаснее этого!

У моего опалённого войной поколения редкая, скорее, трагическая судьба: мы пришли в жизнь на развалинах одной политической системы, а завершаем свой земной путь на развалинах другой. Какой бы долгой ни была моя жизнь, на надгробье будут две даты и тире между ними. Вот в этом-то тире и уместится вся моя жизнь. Грустно, конечно... А отсюда мучительный вопрос: кто же они, люди моего поколения – побеждённые или победители? Ответ однозначен: уже никто и никогда не отнимет у них славы победителей!

– Чем же и как, в таком случае, объяснить стремительный развал страны?

– В немалой, полагаю, степени призрачностью прежних идеалов, навязанных нам. Ведь ещё недавно все потрясения и катавасии нам пытались объяснить законами классовой борьбы, которые придумали основоположники

марксизма-ленинизма. Но чем тогда объяснить бесклассовые трагедии Ольстера, Чечни? Или такая загадка. Папа Римский и Патриарх Кирилл оба считают себя христианами, но никак не могут найти общего языка и объявить миру, что мы не враги, а братья. Видимо, в толковании законов бытия мы упустили из виду такие понятия, как биология, кровь, традиции вековые, многое другое, без чего стабильность невозможна? Вопрос мучительный и не даёт мне покоя.

*Боже, до чего же мы наивны!
До сих пор не можем разгадать,
Почему мы огненные ливни
Приняли за Божью благодать.*

*Мир дерзнув в два счета перестроить,
Да ещё по выкройке чужой,
Умудрились разум свой поссорить
Со своей славянской душой.*

*И всё то, что с яростью бесовской
Возвели в намереньях благих,
Наподобье башни вавилонской
Рухнуло в один единый миг.*

*Созерцаем жалкие обломки
Той идеи, что лежит в гробу...
Что на это скажут нам потомки?
И к какому пригвоздят столбу?*

Вот что мы сделали с собой и со своей страной!

Причём сделали, можно сказать, добровольно, без принуждения. Может быть, потому, что легко поддавались соблазнам? Взять Хрущёва, который на весь мир пообещал построить коммунизм к точно назначенному сроку. Сказка? Конечно! Но ведь миллионы верили в неё. Да и как не верить, если у каждого была гарантия будущего. Люди знали: их труд, знания, умение востребованы государством. И оплачиваются им. Доступными образованием, жильём и т. п. Не всегда, правда, справедливо. Мои, например, гонорары были мизерными. Да и врачи, рабочие, музыканты получали далеко не полной мерой. Но сегодня-то гораздо хуже: так называемому государству нет теперь никакого дела ни до рабочего, ни до поэта, ни до старика, ни до ребёнка.

Финал горький, но, пожалуй, закономерный. Поколения, выросшие после войны, были ублажены относительным материальным благополучием, уверенностью в дне завтрашнем и потеряли чувство самозащиты. А возможно, и не имели его с самого рождения. Оно, по большому счёту, и не требовалось: от появления на свет до проводов в последний путь о человеке заботилось государство.

А вот у поколения победителей иная закваска. Потому, что оно было поставлено перед необходимостью тяжелейших испытаний и вышло из них с честью, проявив в годы войны поистине потрясающую силу русского духа. Немало для этого сделал мудрый Сталин, обратившись к народу как к братьям и сестрам. Он напомнил о святых для каждого русского именах Пожарского, Донского, Невского, Суворова, Кутузова. Он нашел ключ, открывший сердце и душу народа к беспрецедентному подвигу. И народ поднялся! Может быть, даже не столько за советскую власть, сколько за Россию, за Отечество. И вот особенность. На митингах, в манифестациях за свои права куда больше людей, опалённых и закалённых войной, чем молодёжи.

Налицо и другое. Пресса, особенно телевидение, буквально затапывает героическое прошлое русского народа, всеми силами старается стереть его, превратить в ничто. Причины такой активности хорошо понятны: любовь к Отечеству, преклонение перед героической историей собственной страны всегда страшили и страшат наших врагов. И поэтому патриотические чувства надо поскорее вытравить. А ещё лучше — русскую нацию уничтожить, свести на нет, поскольку она своим оптимизмом, верой в православие, всем укла-

дом жизни, традициями никогда не давала спокойно жить ни Европе, ни даже Азии.

– Новоявленные “русские” тоже не стоят в стороне от этой ударной “работы”...

– Да ведь это одна компания! К тому же выродки были и будут всегда. К счастью, среди “новых” русских не так и много людей с настоящими, а не покупными русскими фамилиями. И всех их выдаёт бездуховность. Они даже гордятся, что ничего не читают, не поют русских песен. И, в отличие от настоящих русских, невероятно скупы на добрые дела. По пальцам можно пересчитать олигархов, которые помогли бы проявиться истинному таланту в музыке, литературе, науке. А вот на политику они денег не жалеют. Но и тут изъян: поддерживают щедро тех, кто не укрепляет державу, а разрушает её.

О всеядности, неразборчивости, потрясающей безграмотности новорусских в народе родилось немало метких анекдотов. Не удержался от своей оценки и я.

Я — старый русский, старый русский.

Я той ещё породы, той!

Мои идеи и закуски

Попахивают стариной.

Я верю в Бога, как не верить:

Скорбит о святости душа.

Да, я из тех: мне дайте стерлядь.

А вам — и жвачка хороша.

И такую вот жвачку, в которой нет и признака духовности, навязывают народу. И бездуховность, а то и откровенный сатанизм, порнография разъедают нацию, как сильнейшая кислота. К тому же душа народа зажата страхом. Перед неизвестностью, непредсказуемостью завтрашнего дня, беззащитностью перед беспределом, за детей, внуков, правнуков...

Короче говоря, кинули нас, целую страну, из огня да в полымя. И народ снова ошарашен: СПИД, чума, язва сибирская!.. Но куда страшнее этих напастей нынешняя непутёвая власть, её неистребимость. А сколько от неё поначалу было посулов райской жизни! Увы! перестроилась, как говорится, из кулька в рогожу.

Неясен миг зари российской,

Не видно добрых перемен:

Не слаще редьки большевистской

Демократический ваш хрен.

И всё же мы должны выстоять. Отдельной от страны судьбы нам Богом не дано: что будет с Россией, то будет и с нами. Не упадём мы — выстоит и Россия.

– Вот это-то и вопрос вопросов: как выстоять?

– Ну, на него даже сам Жириновский вряд ли ответит. А если серьёзно, страну не возродить, не разбудив душу народа. И для этого не обязательно каждому становиться поэтом. Любой труд возвышает человека, наполняет его чувством творчества. И всякое дело надобно вершить не только ради выживания, а чтобы полной мерой насладиться своим умением, мастерством, прилежностью, осознать собственную значимость, неповторимость, исключительность.

И, конечно же, всегда помнить о личной ответственности перед будущим. Надо стараться жить так, чтобы не оставить потомкам ни косоногой табуретки, ни корявых стихов. Возьмём Маяковского: “Отечество славлю, которое есть, // Но трижды — которое будет”. Это что же — он трижды славил нынешнее окаянное время? Вряд ли, конечно. Я вот перечитываю иногда, что писал прежде, и диву даюсь: сколько наивного, даже нелепого, случайного, что я старался искренне “отразить”. Короче, повдумчивее надо бы...

Думаю, во многом нам мешает раздвоение личности. Вспоминаю, как в школе при словах вожатой: “В борьбе за дело Ленина-Сталина будьте готовы!” — вскидывал руку к голове и отвечал: “Всегда готов!” А придя домой, ви-

дел, как матушка стоит на коленях перед иконой, и становился рядом. Да и как можно предать маму! Не изжита подобная раздвоенность и сейчас. Явление, однако, очень опасное, разрушительное для цельности, единства нации.

Нередко перечитываю “Карюху” Михаила Алексеева. Будь моя воля, рекомендовал бы эту книгу для обязательного чтения в школах: она является безотказным целителем нравственности.

К сожалению, нынешняя литература оказалась как бы на ничейной полосе. Нет ярких стихов, прозы. Возможно, ошибаюсь, поскольку плохо слежу за столичными изданиями (выписывать их карман не позволяет), но явления, яркого пламени не заметил. А по пророку тоскую. Такой, который в Лицее изумил Державина, вряд ли появится. Но пусть хотя бы Лермонтов! И он будет, не может не появиться. И произнесёт слова, которые выразят душу народа и разбудят страну.

– Ну, а сегодня-то как жить, Николай Егорович? Где искать родники духовного исцеления?

– Мне кажется, неспроста промыслом Божиим на свет появляется оптимистов больше, чем пессимистов. Мне родители и природа подарили способность преодолевать уныние. Да и по Библии оно считается немалым грехом. Я оптимист. Поэтому, возможно, мой любимый герой – Василий Тёркин. Вспомните: “Есть одна политбеседа: никогда не унывать!” Надежда на лучшее многих спасала в войну, да и сейчас оберегает от отчаяния миллионы.

*У меня в кармане — ни шиша.
Всё равно поёт моя душа.
А о чём поёт моя душа?
Что в кармане нету ни шиша.*

Ну, а без юмора если, есть два безотказных снадобья для преодоления горести-печали. Это встречи со старыми друзьями и с хорошими, лучше, конечно, русскими песнями. Я этими средствами никогда не пренебрегаю.

– Выходит, встречи с друзьями и песнями помогают писать... новые песни? У вас их более ста. Интересно, как из ничего рождаются слова, повторяя которые затем или слушая, человек испытывает восторг и счастье. Ну, например: “У моей России очи голубые, очи голубые, русая коса”...

– Объяснить ничего не могу. Признаюсь лишь, что лучшие мои стихи я не сочинял. Я их просто записал под неведомую мне диктовку. Верьте или не верьте, но это так. Конечно, горжусь, что песней “У моей России очи голубые” хор имени Пятницкого открывал каждый свой концерт.

Но не обходится и без грусти. Дело в том, что большинство моих композиторов-соавторов (если не все) ныне уже на небесах. Со смертью всегда трудно, невозможно смириться. Но чем больше я познаю жизнь, тем сильнее ощущение, что судьбы наши расписаны на небесах. Конечно, любую трагедию можно попытаться объяснить неосторожностью, торопливостью, стечением обстоятельств, глупостью, наконец. Но, похоже, что и рок – не выдумка. Взять Григория Пономаренко. В день своего рождения, на Рождество, ехал в гараж, чтобы взять из подвала для гостей соленья, варенье... На дороге всего две машины и – лоб в лоб! И нет больше Пономаренко. Также и Геннадий Заволокин. Мы с ним подружились, написали несколько песен, задумывали новые. И опять же – глухая полуночная дорога, на которой всего две машины...

Давно подмечено: смерть всегда выбирает лучших. Как только запоёт во весь голос на русской берёзе соловей, так на него и охота: Есенин, Рубцов, Шукшин!.. Нередко и мне задают вопросы: “Россия, Россия! Что ты носишься со своей немойтой Россией! Других слов, что ли, мало?” Невдомёк им, что не могу молчать о своей матери-родине. Им не нравится даже упоминание России. Да, она всегда была наособицу. Чем отличалась от всех остальных? Многим. И даже давно подмеченной малостью: в голодной России быстрее накормят, чем в сытой Европе. Вот это-то таинство – как бельмо на глазу! Поэтому им хочется безнаказанно вытирать о Россию ноги.

– Мы же договорились, что уныние – грех.

– А я и не унываю. Искренне считаю, что прожил счастливую жизнь, хотя многое и не удалось, не сделал, как хотелось. Но и это не беда.

*Отдавшись той иль этой страсти,
Живя надеждой с юных лет,
Всю жизнь мы гонимся за счастьем,
Хотя и знаем: счастья нет.*

*Но мчатся, мчатся наши кони
И манит, манит колея.
А может, в призрачной погоне
И есть премудрость бытия?*

– Благодарю, дорогой Николай Егорович, за откровенный разговор. Здоровья, новых стихов и новых песен!

* * *

Пока материал готовился к печати, Николая Егоровича не стало. До своего 86-летия он не дожил меньше месяца.

Хоронили поэта на так называемой почетной аллее городского кладбища. Нелепая, прямо сказать, для внимательного глаза открылась картина! Вот лежит бывший заслуженный строитель, неподалёку – любимый горожанами учитель, наискось – народный артист, здесь же и многие другие достойные уважения соиздатели. Но тут же немало и обелисков, на коих красуются явно бандитские физиономии: их хозяева попали в “почётные” покойники в результате крутых разборок за власть паханов и деньги. Неподалёку и могила недавно убитого прокурора области. . . Всё на погосте, как и в повседневной жизни ограбленной и измученной страны: не сразу разберёшься, где власть криминальная, а где – законная, чем отличается одна от другой, либо ныне обе они – не разлей вода? . .

В одну из встреч Н. Е. Палькин передал мне сложенный лист бумаги с наказом прочесть, когда его не станет. Оказалось, это было его стихотворное завещание. На поминках я выполнил волю покойного.

ЗАВЕЩАНИЕ

*Когда фамилию мою
Прочтёте вы на чёрной ленте,
Считайте, я уже в раю,
И надо мною слёз не лейте.
Один исход, в конце концов.
И вы над гробом через силу
Не говорите лишних слов,
Скажите: “Он любил Россию!”*

*Я жадно жил, я жить спешил,
Не отвергал житейских правил.
Но славой я не дорожил,
Зато родную землю славил.
Я делал то, что делать мог,
Что делать было мне под силу.
Не говорите лишних слов,
Скажите: “Он любил Россию!”*

*Звезда любви меня вела
Наперекор лихим напастям.
Я никому не делал зла,
И это было высшим счастьем.
При виде траурных венков
Не поддавайтесь вы бессилью.
Не говорите лишних слов,
Скажите: “Он любил Россию!”*

*Когда, судьбу не торопя,
За стол пройдёте поминальный,
Не огорчайте вы себя
Тяжёлой думою печальной.
Включите лучше “Соловьёв”*,
Пусть ликуют во всю силу.
Не говорите лишних слов,
Скажите: “Он любил Россию!”*

декабрь 2005 г<ода>

---

* Имеется в виду песня на стихи автора “Соловьи России”.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

о Всероссийском литературном конкурсе короткого рассказа имени В. М. Шукшина “Светлые души”

Прошло уже четыре десятилетия после трагического ухода из жизни выдающегося русского писателя, режиссёра и киноактёра Василия Макаровича Шукшина. Его повести, рассказы и кинофильмы оказались настоящей духовной поддержкой для всей многонациональной России, живительным источником добра и света, мерилom нравственного существования. Жизнь и творчество писателя были тесно связаны с Вологодской землёй. Здесь до сих пор живут его друзья. На Вологодчине вспыхнула всемирно известная “Калина красная”. В память о выдающемся писателе и человеке по инициативе вологодских писателей с 1998 года проводится ежегодный литературный конкурс короткого рассказа имени В. М. Шукшина “Светлые души”.

Организаторы конкурса Коммунистическая партия Российской Федерации, Союз писателей России, Вологодская писательская организация объявляют о продолжении Всероссийского литературного короткого рассказа имени В. М. Шукшина “Светлые души”.

Само название конкурса определяет тему. Приветствуются рассказы, которые смогут увлекать и радовать читателя живой образностью и хорошим языком, сердечной теплотой и правдивостью мысли и чувства. Именно этими достоинствами всегда отличалась шукшинская проза.

УСЛОВИЯ КОНКУРСА

На конкурс принимаются рассказы, написанные как профессиональными, так и начинающими писателями. Рассматриваются только ранее не опубликованные материалы. Конкурсная комиссия рассказы не рецензирует, в переписку с авторами не вступает и рукописи не возвращает. Рукописи принимаются в распечатанном виде с приложением на диске CD (до 27 тысяч знаков, включая пробелы, 14-й размер шрифта) до 01 ноября 2013 года.

Итоги конкурса подводятся в декабре 2013 года.

Рукописи присылаются по адресу: 160000, Вологодская область, г. Вологда, ул. Герцена, 36, с пометной “На конкурс “Светлые души”.

Победителям конкурса определены пять премий по 20 тыс. руб. каждая.

Лучшие рассказы будут представлены в журнале “ЛАД вологодский”.

По итогам конкурса из лучших рассказов участников Всероссийского конкурса “Светлые души” будет подготовлен к печати сборник прозы. Победители конкурса награждаются специальными дипломами.

Конкурсную комиссию возглавляет лауреат Государственной премии РСФСР Станислав Юрьевич Куняев.